СОФЬЯ ПРОКОФЬЕВА

Повелитель волшебных ключей

СКАЗКИ

#эксмодетство

Повелитель волшебных ключей

Софья Леонидовна Прокофьева

Аннотация
Софья Прокофьева. Повелитель волшебных ключей. Сказки
Ученик волшебника
Глава I. Старый Волшебник Секрет Тайнович. И главное:. чудесный подарок на прощание
Глава II. Ужасное положение, в которое попал Вася Вертушинкин. И главное:. нарисованный кот
Глава III. Волшебник Алеша. И главное:. таинственный термос
Глава IV. Вася Вертушинкин приходит к волшебнику Алеше. И главное:. снова – нарисованный кот
Глава V. Необыкновенное превращение входной двери. И главное:. самый-самый-самый великий волшебник
Глава VI. Чудесное настроение Владимира Владимировича. И главное:. мы знакомимся с новыми обитателями зоопарка
Глава VII. Что случилось с могущественным джинном. И главное:. удивительное превраще-

ние волшебника Алеши

Глава VIII. Знакомство с рыжей Муркой. И главное:. все могло бы быть иначе, не опоздай волшебник Алеша на пять минут

Глава IX. История простуженного джинна. И главное:. волшебник Алеша решает, что ничего особенного не произошло

Глава X. Мы узнаем, где надо выбрасывать котов. И главное:. великий позор Васи Вертушинкина

Глава XI. Разноцветные мыши. И главное:. милиционер Анатолий Иванович больше не улыбается

Глава XII. Владимир Владимирович падает в обморок. И главное:. волшебник Алеша спешит на помощь

Глава XIII. Разговор на скамейке в парке. И главное:. Вася Вертушинкин удивляется, как это он раньше обо всем не догадался

Глава XIV. Владимир Владимирович получает ужасное известие. И главное:. волшебник Алеша в первый раз в жизни не знает, что ему делать

Глава XV. Одной собакой в городе становится меньше. И главное:. невероятное сообщение по радио

Глава XVI. Томительное ожидание на лестнице.

И главное:. Вася Вертушинкин тоже отправляется на поиски опаснейшего преступника
Глава XVII. Превращение в мышь фанерного ящика. И главное:. погоня продолжается
Глава XVIII. Снова о разноцветных мышах. И главное:. одним котом в городе становится меньше
Глава XIX. Свидание, чуть не закончившееся трагедией. И главное:. Владимир Владимирович убеждается: волшебник – это все-таки замечательная профессия
Остров капитанов
Глава I. Кораблик из соснового полешка. И главное:. удивительное знакомство
Глава II. Карта океана Сказки. И главное:. Черный остров
Глава III. Нарисованная Ласточка. И главное:. волшебный мел
Глава IV. Что лучше, джинн или такси?. И главное:. «Он непременно станет капитаном»
Глава V. Таверна «Золотая рыбка». И главное:. рассказ дрессированной Сардинки
Глава VI. Появление одноглазой гадалки. И главное:. «Мечта» отправляется в плавание
Глава VII. Юг и север. И главное:. встреча с Медвежонком, который увлекался географией

Глава VIII. Жевательная резинка. И главное:. два океана
Глава IX. Снова волшебник Алеша. И главное:. на острове Капитанов должен быть маяк
Глава X. Чашечка кофе для бодрости. И главное:. Джина Улыбнисьхотьразок
Глава XI. Сеньор Мафиозо Бандитто. И главное:. кораблик маленького Луиджи
Глава XII. История Корабельной Крысы. И главное:. пираты хозяйничают на «Мечте»
Глава XIII. Пираты празднуют победу. И главное:. корабельное привидение, или Заколдованная курица
Глава XIV. Пираты покидают «Мечту». И главное:. у Белки появляются настоящие друзья
Глава XV. Юный капитан Томми. И главное:. пираты на острове Капитанов
Глава XVI. Корабль-призрак. И главное:. чем же кончилась вся эта удивительная история Девочка по имени Глазастик
Глава I. Разговор с котом Васькой. И главное:. Вася Вертушинкин рисует сказочный город
Глава II. Улыбка кота Васьки. И главное:. таинственный незнакомец
Глава III. Джинн в голубом термосе. И главное:. волшебник Алеша отправляется в сказку

Глава IV. Король Краподин Первый. И главное:. золотые поющие колокольчики
Глава V. Кот Васька боится улететь. И главное:. девочка по имени Глазастик
Глава VI. Обманутые надежды. И главное:. волшебник Алеша отправляется во дворец
Глава VII. Наоборот Первый и Наоборот Второй. И главное:. голубой термос
Глава VIII. Мышь в золотой короне. И главное:. дверь-загадка
Глава IX. Старый Пегаш. И главное:. маленький Вихрик
Глава X. История одного «нет!». И главное:. снова термос волшебника Алеши
Глава XI. Неоконченный разговор. И главное:. таинственный сундук
Глава XII. Что рассказали восемь мышек. И главное:. неожиданная помощь
Глава XIII. Рыжий Нос снова видит мышь в золотой короне. И главное:. золотой локон
Глава XIV. Джинн и его новый повелитель. И главное:. волшебник Алеша чуть было не остается без улыбки
Глава XV. Побегушка. И главное:. бездомный джинн
Глава XVI. Снова мышь в золотой короне. И глав-

ное:. волшебник Алеша не может улыбнуться
Глава XVII. Король узнает множество печальных новостей. И главное:. волшебный эликсир мрака
Глава XVIII. Королева мышей падает в обморок. И главное:. Глазастик принимает решение
Глава XIX. Дверь-загадка. И главное:. замок, который не может открыть Трот
Глава XX. Королева Ветреница. И главное:. ветер уносит Глазастика
Глава XXI. Вихрик улетает из дворца. И главное:. король приходит к выводу, что все складывается очень удачно
Глава XXII. Королева Ветреница ловит Глазастика. И главное:. золотые колокольчики
Глава XXIII. Музыка на площади. И главное:. заветный кусочек мела
Астрель и хранитель леса
Глава I. Домик, нарисованный на асфальте. И главное:. загадочное письмо
Глава II. Сказочный город. И главное:. мост Зевнивовесьрот
Глава III. Заклинание Ренгиста Беспамятного. И главное:. Астрель, принцесса Сумерки
Глава IV. Кот Васька жалуется на жизнь. И главное:. волшебник Алеша все-таки оказывается

на другом берегу реки
Глава V. Астрель возвращается в замок. И главное:. следы на снегу
Глава VI. Неудавшаяся охота. И главное:. странный прохожий
Глава VII. Голос Дождирены Повелительницы Дождя. И главное:. что было спрятано в шкатулке, окованной медью
Глава VIII. Игран Толстый. И главное:. удивительное превращение Каргора
Глава IX. Ребята приходят на помощь. И главное:. кинжал с надписью на рукояти
Глава X. Последнее заклинание Ренгиста Беспамятного. И главное:. неожиданная встреча
Глава XI. Суд над братьями-рыбаками. И главное:. король сам скрепляет приговор печатью
Глава XII. Гвен дает поручение птичке Чересчур. И главное:. волшебник Алеша узнает о голубой искре
Глава XIII. Птичка Чересчур прилетает во дворец. И главное:. Каргор узнает, для кого Гвен построил новую башню
Глава XIV. Чудесная лестница. И главное:. Астрель на опушке Оленьего леса
Глава XV. Дом Гвена. И главное:. заклятие, наложенное на топор

Глава XVI. Тайна башни Каргора. И главное:. похищение голубой искры
Глава XVII. Страшное заклинание Каргора. И главное:. Астрель узнает тайну
Глава XVIII. Шкатулка с голосом Скиппа. И главное:. Каргор обнаруживает пропажу
Глава XIX. Приключения в тумане. И главное:. тайна голубой искры
Глава XX. Схватка в болотной низине. И главное:. неожиданная находка волшебника Алеши
Глава XXI. Тетушка Черепаха. И главное:. кот Васька не может развязать заколдованный узел
Глава XXII. Птицы отправляются на поиски. И главное:. как освободить Гвена?
Глава XXIII. Снова кинжал Врядли. И главное:. Смерч Себенабеду и неожиданное избавление
Глава XXIV. Гвен теряет надежду. И главное:. огненные змеи выползают из камина
Глава XXV. Дождь показывает дорогу. И главное:. дикая яблоня, исчезающая в сумерках
Глава XXVI. Слуги-тени. И главное:. снова волшебная веревка
Глава XXVII. Король отправляется на охоту. И главное:. необыкновенное происшествие на опушке Оленьего леса
Глава XXVIII. Освобожденный город. И главное:.

дверь, нарисованная цветными мелками

Аннотация

«Волшебник Алеша… Но постойте, постойте, друзья мои, ведь вы ничего не знаете! Вы даже, наверно, не знаете, кто такой волшебник Алеша? Ну, тогда просто необходимо вам о нем рассказать как можно скорее.

Жил волшебник Алеша в обычном доме, в самой обыкновенной квартире. Только на балконе у него круглый год цвели белые лилии, не боясь самых лютых морозов. Из-под снега выглядывали доверчивые маргаритки и удивленные анютины глазки. А если нажать на дверной звонок, то выскакивал вертлявый воробей, кланялся и весело приглашал: «Заходите, не стесняйтесь! Ну что вы стоите? Волшебник Алеша дома. Чик-чирик!»

Конечно, необычную профессию выбрал себе волшебник Алеша, можно сказать – редкую. Мало у нас в городе волшебников. Давайте посчитаем: волшебник Алеша, потом еще его старый учитель Секрет Тайнович – вот, пожалуй, и все.

Секрет Тайнович был совсем старенький,

седой, сгорбленный. Он вечно зябко кутался в мохнатый клетчатый плед и целый день дремал в глубоком кресле. Жаловался, что никак не может как следует выспаться. Все заботы, хлопоты, суета…»

Софья Прокофьева
Повелитель волшебных ключей
Сказки

СОФЬЯ ПРОКОФЬЕВА

Повелитель волшебных ключей

СКАЗКИ

ЭКСМО
Москва
2009

Ученик волшебника

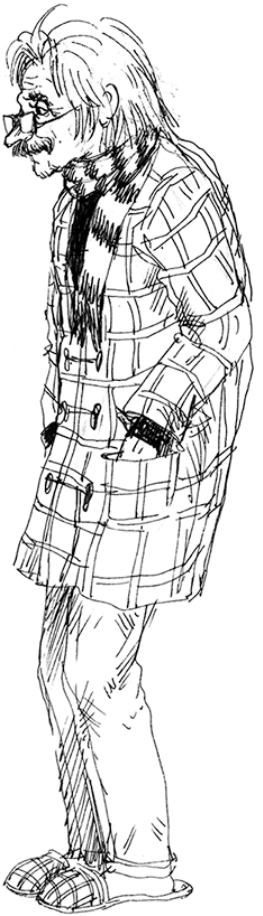
Глава I
Старый Волшебник Секрет Тайнович. И главное: чудесный подарок на прощание

Волшебник Алеша… Но постойте, постойте, друзья мои, ведь вы ничего не знаете! Вы даже, наверно, не знаете, кто такой волшебник Алеша? Ну, тогда просто необходимо вам о нем рассказать как можно скорее.

Жил волшебник Алеша в обычном доме, в самой обыкновенной квартире. Только на балконе у него круглый год цвели белые лилии, не боясь самых лютых морозов. Из-под снега выглядывали доверчивые маргаритки и удивленные анютины глазки. А если нажать на дверной звонок, то выскакивал вертлявый воробей, кланялся и весело приглашал: «Заходите, не стесняйтесь! Ну что вы стоите? Волшебник Алеша дома. Чик-чирик!»

Конечно, необычную профессию выбрал себе волшебник Алеша, можно сказать — редкую. Мало у нас в городе волшебников. Давайте посчитаем: волшебник Алеша, потом еще его старый учитель Секрет Тайнович — вот, пожалуй, и все.

Секрет Тайнович был совсем старенький, седой, сгорбленный. Он вечно зябко кутался в мохнатый клетчатый плед и целый день дремал в глубоком кресле. Жаловался, что никак не может как следует выспаться. Все заботы, хлопоты, суета…



И вот наконец случилось то, чего волшебник Алеша уже давно опасался.

— Послушай, Алеша, мой дружок, — сказал Секрет Тайнович. — Отправлюсь-ка я в сказку. И не куда-нибудь, а к Спящей Красавице. Вот уж где я отосплюсь на славу!

— Но простите, дорогой учитель, — с волнением возразил волшебник Алеша. — Насколько мне известно, принц уже давно поцеловал Спящую Красавицу и она проснулась. Боюсь, там во дворце сейчас такая суматоха! Свадьба и все прочее…

— Э, милый мой, — хитро прищурился Секрет Тайнович. — Ты даже не представляешь себе, сколько на свете Спящих Красавиц. Я отыскал принцессу — чудо как мила! Спит себе, моя радость, крепким сном. Тем более что ее принц свернул не на ту тропинку и заблудился в лесной чаще. Так что я успею отличнейшим образом выспаться, пока он ее отыщет и поцелует.

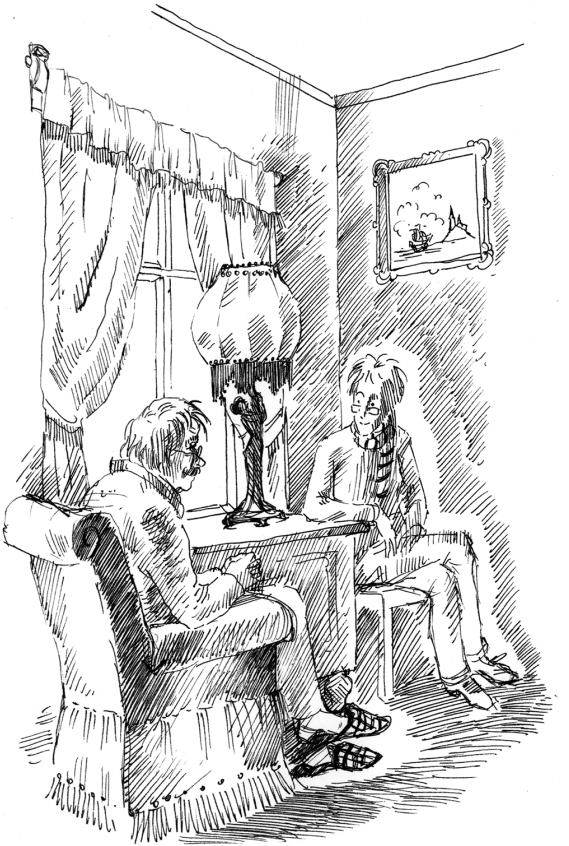
Волшебник Алеша с печалью посмотрел на Секрета Тайновича. Расстаться с любимым учителем…

— Ты же знаешь, все волшебники когда-нибудь уходят в сказку. Тут уж ничего не поделаешь, — стараясь казаться веселым и беспечным, сказал Секрет Тайнович. — Ну-ну-ну, не будем гру-

стить! Тем более что я оставлю тебе в наследство свою Волшебную Энциклопедию. Уж я-то знаю, как давно ты о ней мечтаешь. Ведь там собраны все заклинания, заговоры, колдовские рецепты с древнейших времен. Чего там только нет!

— Большое спасибо… — уныло протянул волшебник Алеша. — Ценнейшая вещь, конечно. Но, может, вы еще передумаете, отложите, куда спешить?

— Думаешь, мне было легко на это решиться? — нахмурился Секрет Тайнович, но тут же ласково улыбнулся. — Я все обдумал, и довольно об этом. Вот еще что. Возьми-ка ты себе моего джинна!



— Джинна? — Волшебник Алеша с сомнением поглядел на старинный медный кувшин, стоявший на полке, весь позеленевший от времени.

— Ну да, джинна. Понимаешь, совсем я забросил его, беднягу. Так, открою иногда кувшин, чтобы проверить. Но вот подкинуть ему какую-нибудь подходящую работенку, послать за тридевять земель — это нет. Стар я стал, Алеша, надо смотреть правде в глаза. Ты уж позаботься о моем джинне. Прости, дружок, что я тебя так затрудняю.

Из древнего кувшина послышались скорбные вздохи, стенания и всхлипывания.

— О мой новый повелитель, не отрекайся от меня! — глухо донесся звероподобный голос. — Клянусь, ты не найдешь слуги столь верного и преданного!

— Ладно уж, — со вздохом кивнул головой волшебник Алеша.

— Ну, спасибо, милый Алеша, — обрадовался Секрет Тайнович. — Порадовал меня, старика. Теперь я спокоен за джинна. Только должен тебя предупредить: характер у него хуже некуда. Вечно ноет, ворчит, жалуется на жизнь. Впрочем, сам увидишь…

И вот наконец настал печальный день разлуки. Секрет Тайнович приехал с утра пораньше

к волшебнику Алеше. Из его сумки торчал уголок пухлой подушки, а под мышкой он держал клетчатый теплый плед.

— Что ж, давай попрощаемся, мой дружок. Пора! — Видно было, что Секрету Тайновичу это тоже нелегко. — Ну-ну-ну, пожалуйста, не вешай нос! Ах да, самое главное, а я чуть не забыл. Хочу тебе кое-что подарить на память. По правде говоря, это самое ценное, чем я только владею. Поверь, ты скоро сам в этом убедишься!

— Спасибо, конечно, я очень благодарен. — Ничто не могло утешить волшебника Алешу. — Но, может быть, все-таки…

— Слушай, ты мне надоел. — Секрет Тайнович строго погрозил пальцем, сделал вид, что рассердился. — Не выводи меня из терпения. Вот лучше посмотри!

Секрет Тайнович достал из кармана старенькую железную коробочку из-под чая. Бережно открыл ее и вытряхнул на ладонь небольшой кусок мела.

— Видишь? — с гордостью спросил он. — А? Что скажешь?

— Ну, мел. Ничего особенного, — рассеянно протянул волшебник Алеша. Мысли его были заняты совсем другим. «Неужели я вижу моего

дорогого учителя в последний раз?» — Вот о чем думал он в это время.

— Мел?! Ты подумал, что это обыкновенный

мел? Вот уж не ждал от тебя такое услышать! — возмутился Секрет Тайнович. Глаза его сверкнули. — Это вершина чародейства и колдовства! Знай же, тот, кто владеет этим кусочком мела, уже не просто волшебник. Он — Повелитель Волшебных Ключей!

— Это как? — вскинул на него глаза волшебник Алеша. — Повелитель чего?..

— Волшебных Ключей! Какой ты, однако, бестолковый! — Голос Секрета Тайновича неожиданно стал молодым и звучным. — Тебе достаточно нарисовать этим мелом ключ на любой двери. Потом открыть дверь — и ты… ты окажешься в сказке, в какой только пожелаешь! Понял?..

Друзья мои, конечно, это были очень грустные минуты, когда волшебник Алеша прощался со своим любимым учителем.

Секрет Тайнович взял мел и нарисовал на балконной двери большой ключ старинной формы с узорными завитушками. Не будем скрывать, его рука при этом чуть-чуть дрожала.

Потом он осторожно уложил мел в коробочку и торжественно вручил ее волшебнику Алеше.

— Береги мел, слышишь? — сказал он дрогнувшим голосом. — Последний кусочек на свете, нигде не сыщешь больше, так что береги его.

Волшебник Алеша только кивнул головой, говорить он не мог, чувствовал, сейчас не выдержит и разрыдается как малое дитя.

Секрет Тайнович крепко-крепко обнял своего ученика, затем махнул рукой и пробормотал:

— Долгие проводы — лишние слезы…

Подхватив свою подушку и плед, он решительно распахнул дверь балкона. Он сделал шаг вперед и, казалось, на миг повис в воздухе.

Еще какое-то время волшебник Алеша видел его спину, длинные седые волосы, клетчатый плед… И вдруг Секрет Тайнович пропал из глаз.

Волшебник Алеша, потрясенный, стоял и смотрел. Ну да, вот доверчивые маргаритки и удивленные анютины глазки. Голубое небо, пятиэтажный дом напротив. Но Секрет Тайнович исчез, пропал, можно сказать — растворился в пустоте…

Волшебнику Алеше послышался затихающий, словно гаснущий голос Секрета Тайновича:

— Спящая Красавица… Милая моя девочка… Как же сладко ты спишь…

Волшебник Алеша тихо-тихо закрыл балконную дверь. Ладонью медленно стер нарисованный мелом старинный ключ с завитушками.

— Значит, так… — прошептал он. — Значит, отныне я не просто волшебник. Вот как все уди-

вительно получилось. Отныне я Повелитель Волшебных Ключей!

Глава II
Ужасное положение, в которое попал Вася Вертушинкин. И главное: нарисованный кот

В этот день Вася Вертушинкин был с самого утра в отвратительном настроении. Можно даже сказать — он был в отчаянии.

Да, он нахвастал. Ну и что? С вами, что ли, никогда такого не случалось? Не поверю. Ну ни за что не поверю!

Но вся беда в том, что Вася Вертушинкин был хвастун-неудачник. Вот ведь бывают же такие невезучие люди! Стоило ему только хоть немного прихвастнуть, как его хвастовство тут же выходило наружу. Прямо хоть рта не открывай!

А как не хвастать, скажите на милость, если Катька глядит на тебя при этом такими огромными, доверчивыми глазами и глаза ее начинают как-то изнутри, из самой глубины сиять?

Вот вчера вечером… Ну как было удержаться?

Сидя на гладких, старых, отполированных ребячьими штанами бревнах, Вася Вертушинкин нахвастал ребятам…

Да ничего особенного он даже не нахвастал. Просто сказал, что он самый-самый-самый… Ну, словом, что он может войти в клетку к любому дикому зверю. И этот хищник его даже нисколько не растерзает, а, наоборот, будет до смерти рад, что Вася Вертушинкин его навестил, заглянул в гости. Такой уж у него, у Васи Вертушинкина, дар: мирно, можно даже сказать — дружески, общаться со всякими хищниками.

Дар этот природный, полученный через папу от дедов и прадедов.

Еще его прабабушка по маминой линии, отличница по всем предметам, имела привычку учить уроки в клетке с ягуарами, чтобы ее не отвлекали всякими там посторонними разговорами.

Видали бы вы, как сияли глаза у Катьки, когда он это рассказывал!

— Вот заливает, между прочим, — сказал Сашка по прозвищу Сашка Междупрочим. Но сказал он это как-то неуверенно, и глаза у Катьки не перестали сиять.

А сегодня… Нет, вот не везет так не везет! Все как назло, словно нарочно. Судите сами: в газете заметка, что в их городе открывается зоопарк.

Жили себе, жили без зоопарка и горя не знали. И вдруг как снег на голову — зоопарк. И даже написано: уже благополучно прибыли лев, две пантеры, слон и крокодил.

Нет, вы лучше скажите, как он теперь во двор выйдет? А? Что? Сами видите, вам и сказать

нечего.

Оставалось одно. Можно сказать, последняя надежда. Пойти к волшебнику.

Волшебник дядя Алеша жил как раз напротив в новом доме на самом верхнем этаже, и похоже на то, что больше всего на свете любил детские рисунки. Во всяком случае, ребята, которые бывали у него дома, рассказывали, что все стены в его комнате с пола до потолка завешаны детскими рисунками.

А Вася здорово рисовал. Просто здорово.

— Да ведь я самый-самый-самый… — пробормотал Вася и махнул рукой. Не до того сейчас.

Вася Вертушинкин быстро перерыл все свои рисунки.

Вот этот, пожалуй, самый удачный.

Кот.

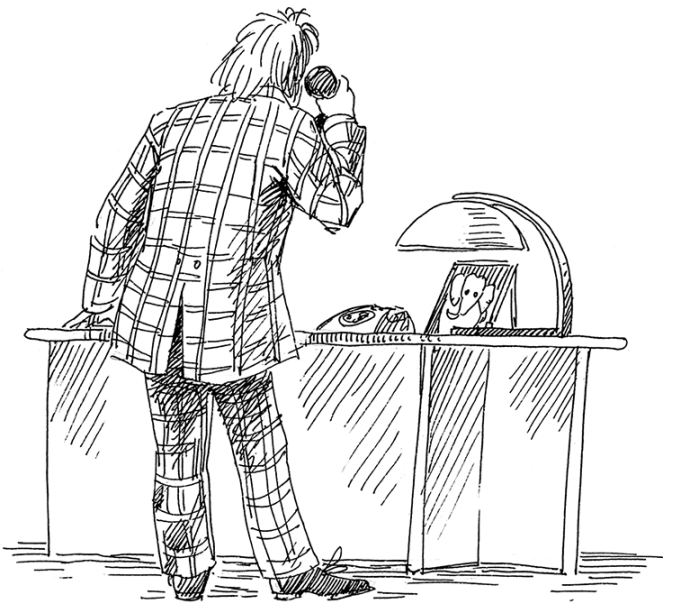
Отличный котище. Хвост трубой, глаза зеленые, лукавые, а сам полосатый.

Только вот беда: одно ухо он нарисовал больше другого, наполовину стер резинкой, не докончил, да так и бросил. Может, рисовать надоело, а может, ребята со двора позвали. И вот еще: одна полоска на спине смазана. Он тогда воду из стакана пролил прямо на рисунок.

Ну да сейчас не до того. Нет у него времени, чтобы всякие уши дорисовывать и полоски подправлять. И так сойдет.

Вася Вертушинкин схватил рисунок и бегом бросился вниз по лестнице.

Глава III
Волшебник Алеша. И главное: таинственный термос



Но не только Вася Вертушинкин был в этот день в плохом настроении.

Да-да, взрослые тоже иногда огорчаются. В их жизни, как это ни странно, тоже бывают всякие сложности, неприятности и непредвиденные осложнения. Хотя, по-моему, большинство ребят считают, что у взрослых всегда все в порядке. На то они и взрослые.

А случилось вот что. Волшебник Алеша накануне вечером позвонил по телефону своему другу, директору зоопарка Владимиру Владимировичу. Он хотел, как обычно, поговорить с ним, расспросить, что новенького.

Разговор, однако, получился самый огорчительный, можно даже сказать — обидный.

— Завтра, завтра. В крайнем случае послезавтра, — сняв трубку, счастливым, усталым голосом сказал Владимир Владимирович. Он даже не спросил, кто с ним разговаривает.

— Ты о чем, Володя? — удивился Алексей Секретович.

— А, это ты, Алешка! — радостно воскликнул Владимир Владимирович. — Все колдуешь, ворожишь, гадаешь на кофейной гуще? Волшебством-баловством занимаешься? Не спорю, не спорю,

ты, конечно, Повелитель Волшебных Ключей! И все-таки не надоело тебе? А у меня, брат, радость. Зоопарк открывается. Завтра. В крайнем случае послезавтра. Как давно я об этом мечтал, ты же знаешь!

Волшебник Алеша промолчал.

— А какие звери! — восторженно продолжал Владимир Владимирович, не обращая внимания на затянувшееся молчание своего друга. — Не мыши какие-нибудь. Ты ведь знаешь: мыши с детства терпеть не могут меня. То есть я хочу сказать, я с детства терпеть не могу мышей, просто не переношу их. Ах, если бы ты только увидал моего слона! Уверяю тебя, ты бы просто умер от восторга! Только что из Африки, прямо-таки еще тепленький… А крокодил! Зеленый, как огурчик… А лев! Что за грива! Чудо, роскошь! Что-то в ней такое буйное, дикое, первозданное. Именно о такой работе я мечтал, о настоящей, живой в полном смысле этого слова! Понимаешь?

Волшебник Алеша ничего не ответил. Он молча положил трубку на рычаг, так осторожно, словно она была стеклянной.

Его друг Владимир Владимирович всегда слегка подсмеивался над его профессией. Но так от-

кровенно, так грубо… Как он мог?.. Неужели он не чувствовал: каждое его слово ранит волшебника Алешу, вонзается в него, как острейший кинжал?

Волшебник Алеша долго сидел в кресле ссутулившись, уставившись в одну точку. Настольная лампа мягко освещала детские рисунки на стене. Елки, похожие на зеленые юбочки. Девочку с тремя голубыми глазами.

«С джинном, что ли, поболтать? Может, хоть немного на душе легче станет, — подумал волшебник Алеша. — Тоже вот, подкинул мне сокровище Секрет Тайнович. Что мне с ним делать? Чем его развлечь?»

Уже прошел месяц, как волшебник Алеша забрал джинна к себе. За это время несчастный джинн весь извертелся в кувшине от скуки и безделья. Локтями и коленками протер до дыр ветхий от древности медный кувшин. Надо было подыскать ему какой-нибудь новый сосуд.

— О я несчастный, бездомный! — всхлипывал и причитал капризный джинн. — Тебе, конечно, все равно. А каково мне, горемыке, остаться без родного кувшина!

Но выход нашелся неожиданно легко. Джинна просто очаровал голубой термос, стоявший

на кухне у волшебника Алеши.

— Уж до того гладенький! — умилился джинн, в первый раз забравшись в термос. — А пробочка! Клянусь вечностью, никогда еще меня так крепко не закрывали.

На том и порешили. Волшебник Алеша начертал на голубом термосе волшебные знаки, чтобы взбалмошный джинн не мог выбраться наружу когда ему вздумается. Жизнь понемногу наладилась, и скоро джинн привязался к волшебнику Алеше всем сердцем.

Итак, волшебник Алеша достал с полки голубой термос. Смахнул с него пыль рукавом, вздохнул и негромко проговорил заклинание:

Джинн, яви свою мне верность
И покинь сейчас же термос!..

Он отвинтил пластмассовую крышку, вытащил пробку…

Послышался нарастающий гул, свист и грохот, словно электричка на полной скорости вылетела из туннеля.

Разбрасывая колючие хвостатые искры, из горлышка термоса вырвалась тонкая струйка дыма. Разрастаясь, она поднялась до потолка, сгустилась, темнея, и превратилась в огромного

джинна в полосатой чалме.

Настольная лампа испуганно мигнула и погасла. Померк светлый экран телевизора.

Комната погрузилась в темноту. Но джинна без труда можно было разглядеть и в кромешной тьме. Глаза его жгли и светились, как раскаленные угли. Казалось, стены комнаты раздвинулись, а потолок выгнулся дугой под напором его тяжелой головы и грузных, узловатых плеч.

— Что прикажешь, о повелитель? — громоподобно вопросил джинн.

В буфете тонкими птичьими голосами заговорили рюмки на высоких ножках.

— Опять из-за тебя пробки вылетели, электричество погасло! — с досадой пробормотал волшебник Алеша. — Ну что ты, честное слово, не можешь нормально появиться из термоса?

Джинн виновато склонил могучую голову, и полосатая чалма съехала ему на нос.

Волшебник Алеша принес из кухни табурет и, негромко ворча, что с джиннами лучше не связываться, такой уж это беспокойный народ, принялся чинить пробки.

На этот раз джинн сразу почувствовал, что волшебник Алеша чем-то смущен и опечален.

— Ты грустен, мой повелитель? — робко спросил джинн, стараясь сдержать раскаты могучего голоса.

Волшебник Алеша, пригорюнившись, уселся в кресло.

— Понимаешь, все мои друзья считают, что волшебство — это баловство, не более того. Даже милиционер Толя и мой самый близкий друг директор зоопарка…

Джинн резко выпрямился. Ухом задел хрустальную люстру. Заскрипели и зазвенели пыльные подвески.

— Позволь, о повелитель, я низвергну в бездну и милиционера Толю, и даже директора зоопар-

ка! — взревел джинн.

Но волшебник Алеша только безнадежно покачал головой:

— Что ты! Это же прекрасные люди. Они вправе иметь свое мнение. Да я и сам, что уж тут скрывать, последнее время нет-нет да и подумаю: уж не бросить ли мне волшебство и не заняться ли чем-нибудь?..

Волшебник Алеша не договорил.

Огромный джинн с грохотом упал на колени. Куски ветхого дубового паркета брызнули из-под его колен во все стороны.

— Опомнись, о повелитель! — заголосил джинн. Слезы, похожие на огненные груши, закапали из его глаз, оставляя на полу обугленные, дымящиеся по краям дыры. — Если не будет волшебников, то зачахнут и умрут все сказки. Они уснут и больше никогда не проснутся. А обо мне ты подумал? Нет, тебе все равно! Стоит ли беспокоиться, тратить драгоценное время?.. Пошел вон, дряхлый, никому не нужный джинн… Прощай, мой милый гладенький термос, где я мечтал провести столько уютных тысячелетий!..

— Да не переживай ты раньше времени, — с досадой сказал волшебник Алеша. — Я ведь еще ничего не решил.

Джинн жалобно всхлипнул и вытер нос кулаком.

— Позволь мне вернуться в мой родной термос, где мне осталось нежиться так недолго… — простонал он. — Я хочу в тишине отдаться своей горькой печали, излить в стенаниях жгучую скорбь…

— Ну уж, так сразу «жгучая скорбь», «стенания»! — недовольно поморщился волшебник Алеша. — Какие вы, джинны, право, нежные. Уж слова вам не скажи!.. Впрочем, если хочешь назад в термос, изволь!..

Волшебник Алеша, думая о чем-то своем, проговорил:

Джинн, яви свою мне верность
И вернись обратно в термос!..

Джинн сначала одной ногой осторожно ступил в термос, потом второй. Сложив над головой руки, он начал медленно втягиваться в узкое горлышко. Очертания его затуманились. Потом он сделался прозрачным, зыбким, словно жидкое стекло. Сквозь него стала видна дверь, ведущая на кухню. И наконец, тонкой струйкой дыма он исчез в термосе.

— Крышку закрой, в спину дует… Ты, конечно,

хочешь, чтобы я простудился, как в прошлый раз?.. — послышался из термоса слабый, плачущий голос и сдавленный кашель.

Волшебник Алеша завинтил крышку. Стоны, всхлипывания и кашель затихли.

«Конечно, нервы, — невесело подумал волшебник Алеша. — Тоже ведь живое существо, что

ни говори. А я его еще огорчил: сказал, что хочу бросить свое древнее ремесло. Поневоле разнервничаешься… Как вы считаете? О, несомненно!..»

У волшебника Алеши была привычка самого себя спрашивать: «Как вы считаете?» — и самому себе отвечать: «О, несомненно!»

Волшебник Алеша потушил настольную лампу и распахнул окно, чтоб выветрился запах дыма и паленого паркета.

Светила полная голубая луна. Прохладные лучи легли на стену. Наверно, луна тоже любила детские рисунки.

Елки, похожие на зеленые юбочки, засеребрились и задрожали в голубом лунном свете.

А нарисованная девочка, казалось, посмотрела на волшебника Алешу с упреком всеми своими тремя большими немигающими глазами.

Глава IV
Вася Вертушинкин приходит к волшебнику Алеше. И главное: снова – нарисованный кот

Утреннее солнце, яркое и настойчивое, разбудило волшебника Алешу.

Вполне возможно, солнце в это утро решило, что оно вовсе не солнце, а будильник.

Только не подумайте, что оно научилось звонить. Конечно нет. Но его лучи согрели лоб и ухо волшебнику Алеше, а потом принялись щекотать его закрытые глаза.

К тому же солнце подучило воробьев звонко и бесцеремонно обсуждать свои дела прямо под его окном. А знаете, сколько у птиц дел, особенно по утрам?

— Бабочки кончаются! Бабочки кончаются!

— Что вы говорите? Неужели?

— Чему тут удивляться? Осень на носу. Ловите бабочек, последних бабочек! Хоть будет что вспомнить зимой.

— Прощайте, жуки и мухи! Чик-чирик! Прелесть!

— Обойдетесь крошками. Что поделаешь? Жизнь есть жизнь.

— Во дворе кто-то просыпал пшено, вы не слышали?

— Опять все достанется голубям. Нахалы! А как толкаются!..

ВАСЯ

Очень милые разговоры. И все-таки, все-таки на душе у волшебника Алеши было как-то смутно и нерадостно.

Волшебник Алеша налил себе стакан крепкого чая. Поморщился. Ну так и есть: сахарница пуста, ни кусочка сахара.

Бежать в магазин не хотелось, а волшебник Алеша, как нарочно, любил очень крепкий и очень сладкий чай.

Конечно, он мог бы сказать пару слов джинну, и сахарница до краев наполнилась бы сахаром, но…

Ведь стоит только выпустить джинна из термоса, как тут же начнутся упреки, жалобы, стенания. Пойдет в ход все: и «жгучая скорбь», и «горькая печаль». Нет уж, спасибо, премного благодарен…

Волшебник Алеша съел яичницу, выпил стакан несладкого чая и налил себе еще стакан.

— Нет, к джинну можно прибегать только в самых крайних случаях. Как вы считаете? О, несомненно! — сам себе сказал волшебник Алеша.

И в этот миг раздался звонок в дверь.

Звонок был слабый, прерывистый. Какой-то нерешительный.

«Так, так. Кто-то очень волнуется и не очень в себе уверен», — подумал волшебник Алеша.

Волшебник Алеша открыл дверь. За дверью стоял мальчик и двумя руками держал перед собой большой рисунок в рамочке.

Я думаю, вы догадываетесь, кто это был. Да, совершенно верно, вы не ошиблись. Это был Вася Вертушинкин.

— Дяденька волшебник, здравствуйте. Меня зовут Вася. А это кот Васька. Это я для вас. Сам нарисовал. И рамку сам сделал, — быстро выпалил Вася Вертушинкин и замолчал, задохнувшись, не зная, что еще сказать.

Волшебник Алеша взял рисунок.

— Ну и симпатяга! — невольно восхитился волшебник Алеша. — Настоящий кот. Прямо как живой!

Он усадил Васю Вертушинкина на табурет, а сам, подумав немного, повесил рисунок на стену, около девочки с тремя голубыми глазами.

— Ну совсем как живой, — еще раз пробормотал он и повернулся к Васе Вертушинкину.

По его лицу волшебник Алеша сразу догадался, что тот пришел не просто так, а по делу, и не просто по делу, а по какому-то очень важному делу.

— Ну! — ласково сказал волшебник Алеша. —

Ну, соберись с духом и выкладывай, что там у тебя.

Но Вася Вертушинкин никак не мог заговорить. Как будто все слова сразу вместе подступили к горлу и, перепутавшись, застряли там, мешая друг другу.

В старинном тусклом зеркале, висевшем напротив него на стене, Вася Вертушинкин увидел мальчишку, который, сжавшись, сидел на табурете, ухватившись обеими руками за сиденье, а ногами зацепившись за ножки табурета. Оттопыренные уши мальчишки ярко полыхали, прямо-таки светились в полутемной комнате.

Вася Вертушинкин наконец проглотил лишние, мешавшие ему слова и с трудом заговорил:

— Дяденька волшебник! Просто я самый-самый самый несчастный человек на всем белом све… В общем, мне до зарезу надо войти в клетки к хищникам. И чтобы они меня не искуса… и не растерза… ну, вы сами понимаете.

— Зачем в клетки к хищникам? — очень удивился волшебник Алеша.

— Надо, ну очень надо, очень. — Вася Вертушинкин изо всех сил стиснул руками табурет, как будто прося табурет заступиться за него, помочь ему уговорить волшебника Алешу. — А то

все ребята меня презирать будут. Понимаете, все друзья будут надо мной смеяться!..

Тут Вася почувствовал, что его уши стали такими горячими — того гляди, подпалят ему волосы. Он опустил голову и поэтому не заметил, с каким пониманием и сочувствием посмотрел на него волшебник Алеша и как задумчиво он кивнул головой.

— Два грустных человека — это уже слишком большая концентрация грусти… — прошептал волшебник Алеша.

Он рассеянно провел рукой по лбу, как бы отгоняя какие-то невеселые мысли.

— Что ж, надо тебе помочь, — сказал волшебник Алеша. — Да, придется, видно, подыскать какие-то крепкие заклинания. Очень надежные. Все-таки хищники. В общем, я тут пороюсь в своих книгах, а ты забеги ко мне попозже, ну так примерно что-нибудь через часок…

И вдруг волшебник Алеша добавил что-то совсем непонятное. Впрочем, он сказал это так тихо, что Вася толком даже не расслышал.

— Пусть будет одним грустным человеком меньше…

Вася Вертушинкин вдруг почувствовал, что от радости он стал легким и круглым и может

прыгать, как мяч, а возможно, даже летать.

— Спасибо, дяденька волшебник! — закричал Вася Вертушинкин и скрылся за дверью.

— Войти в клетки к хищникам… Это не так-то просто, — пробормотал волшебник Алеша. Он не удержался и снова посмотрел на кота Ваську.

Тут он опять покачал головой, невольно подумав: «Этакий плутишка! Может, и впрямь оживить его?..»

— Хм!.. — с некоторым недоумением протянул волшебник Алеша.

Волшебство, конечно, волшебством, но ему показалось, что нарисованный кот и без всякого волшебства весь напрягся, напружинился, изогнул спину подковой в усилии пошевелиться. Ему даже послышалось сдавленное, еле слышное мяуканье.

— Ну, уж если ты сам так хочешь… — Волшебник Алеша всегда считал, что детские рисунки, если хорошенько вдуматься, — это нарисованные сказки. А если так, то волшебный мел может помочь коту Ваське выйти из сказки. Почему бы не попробовать? Дело, конечно, необычное, но, пожалуй, стоит рискнуть.

Волшебник Алеша достал заветную коробочку из-под чая. Осторожно вытряхнул на ладонь

кусок мела. На вид обыкновенный мел, а ведь на самом деле…

Волшебник Алеша подошел к нарисованному коту.

«Да, я волнуюсь, но чему удивляться? Ведь в первый раз… Где же лучше нарисовать сказочный ключ? А что, если здесь, сбоку на деревянной раме?»

И волшебник Алеша принялся тщательно рисовать на раме старинный ключ с узорными завитушками.

Ему показалось, что глаза кота Васьки вспыхнули изумрудным огнем и что он нетерпеливо следит за каждым его движением.

«Вижу, вижу, ты прямо готов выскочить из сказки! Нет, тут нельзя торопиться. Надо сначала найти подходящее заклинание, чтобы тебя оживить. Ведь ты пока всего-навсего нарисованный кот. А как блестят глаза, ишь, не терпится тебе!» — усмехнулся про себя волшебник Алеша.

Он открыл книжный шкаф и благоговейно снял с полки том Волшебной Энциклопедии. Осторожно начал листать пожелтевшие от времени хрупкие страницы.

— М-м… Это не то, не то… Вот что мне надо!

И волшебник Алеша громко прочел:

Не робей и не смущайся,
Превращайся, превращайся
От усов и до хвоста
В настоящего кота!

И в тот же миг, сорвавшись со стены, на пол тяжело шлепнулся большой полосатый кот.

Правда, он был немного плоским. К тому же, не будем скрывать, кончика правого уха у него не хватало. Более того, одна полоска на спине была какой-то расплывчатой, размытой. Но все же это был живой, теплый, настоящий кот.

Вам, конечно, известно, что коты, кошки и даже котята всегда падают на все четыре лапы. Но наш кот Васька от неожиданности, а может быть, от полной неопытности плюхнулся на пол как-то нескладно: не то спиной, не то боком.

— Мяу!.. — с обидой взвыл кот Васька.

На стене над ним еще покачивалась на веревочке пустая рамка с листом чистой белой бумаги.

— Какой же я, право! — досадуя на себя, воскликнул волшебник Алеша. — Надо было успеть подбежать и подхватить тебя. Да уж ладно, ладно, не прикидывайся, пожалуйста, что ты разбился и покалечился. Так, стукнулся чуть-чуть, и все.

К тому же ты умеешь разговаривать.

— Умею! — радостно откликнулся кот Васька и забегал по комнате, с интересом обнюхивая ножки кресел, табуретки у стола. — Я самый-самый-самый-самый замечательный кот на всем белом све… — послышался его голос из-под письменного стола.

— Где? Где? — строго спросил волшебник Алеша.

— На нашем дворе, — скромно закончил кот Васька и одним прыжком очутился на столе волшебника. — Миленький, пушистенький волшебник, мне у вас так нравится, так нравится… Возьмите меня к себе в ученики, — сладким голосом пропел он.

Кот Васька громко замурлыкал и принялся тереться мордой о плечо волшебника Алеши, умильно и льстиво заглядывая ему в глаза.

«Вот единственное существо, которое хочет стать моим учеником. — Волшебник Алеша с горечью усмехнулся. — Впрочем, это даже забавно».

— Что ж… Может быть… Пожалуй… — рассеянно сказал волшебник Алеша. — Но чтобы стать моим учеником, ты должен очень многое изучить, прочесть все эти книги… Это тебе

не мышь поймать. Вот так-то… А сейчас мне надо что-нибудь подыскать для нашего Васи Вертушинкина…

И волшебник Алеша принялся бережно перелистывать старинные страницы Волшебной Энциклопедии, на которых время оставило пожелтевшие отпечатки своих пальцев.

Кот Васька ловко вывернулся из-под его руки и тоже принялся лапой быстро переворачивать страницы, помогая себе еще при этом носом.

— Мяу! Сколько тут заклинаний! — в восторге пропищал кот Васька. — Да я их все мигом!..

Волшебник Алеша подхватил кота Ваську под живот и спустил на пол.

— А ты, я вижу, порядочный нахал, — сердито сказал он. — Не смей трогать без разрешения волшебные книги! Ох, смотри, доиграешься ты у меня: отправлю назад в рамочку!

От этой ужасной угрозы вся шерсть на спине кота Васьки встала дыбом, и он тут же стрельнул под табурет.

ВАСЯ

Волшебник Алеша углубился в чтение старинной книги, негромко приговаривая при этом:

— Так, так… Нет, пожалуй, это не подойдет… А вот это? «Новейший способ изучения языка птиц и зверей». Отличнейшая вещь. Как вы считаете? О, несомненно!.. Но, пожалуй, не совсем то, что надо в данном случае мальчику Васе. Хм!.. Что же нам делать? Что нам делать? — повторил волшебник Алеша, в рассеянности постукивая карандашиком себя по губам.

Переливчато зазвонил телефон. Волшебник Алеша вздрогнул, неохотно оторвался от книги, снял трубку:

— Волшебник слушает. Здравствуйте. Очень приятно. Что? Да, да. Сколько лет вашей дочке?.. Пять лет? Прелестный возраст! Что? Что вы говорите? Боится засыпать? Снятся страшные сны? Немедленно выезжаю. Буду у вас минут через пятнадцать-двадцать. Я расскажу вашей дочке волшебную сказку и ручаюсь — ей будут сниться только чудесные, веселые сны.

Волшебник Алеша осторожно закрыл старинную книгу. Положил руку на потемневший кожаный переплет.

— Ну, Васька, смотри не вздумай без меня открывать эти книги, — строго сказал волшебник

Алеша. — Беда будет! Даже близко не подходи и не гляди на них, слышишь? Да, вот еще что. Не смей трогать вон тот голубой термос. Не послушаешься, пеняй на себя, отправлю назад в рамочку! Видишь волшебный ключ? Станешь опять нарисованным котом!

Кот Васька закатил глаза и оскорбленно замяукал, всем своим видом показывая, что он самый-самый-самый какой только может быть прилежный и послушный ученик на всем белом свете.

— Уж сразу в рамочку!.. — с обидой проворчал кот Васька. — Что вы, честное слово, какие вещи говорите. Такое услышишь — ночь спать не будешь. Да не волнуйтесь вы. Все будет мур-мур!

С порога волшебник Алеша оглянулся.

— Тут без меня может один мальчик зайти. Впрочем, ты его отлично знаешь. Так вот, скажи ему, чтобы подождал.

Волшебник Алеша надел свой просторный плащ на плотной шелковой подкладке, которая приятно поскрипывала при каждом его движении.

Дверь за ним захлопнулась.

Глава V
Необыкновенное превращение входной двери. И главное: самый-самый-самый великий волшебник

Итак, кот Васька остался один.

Он прошелся по комнате, с удовольствием ощущая, какие у него мягкие и гибкие лапы.

Оглядел себя через плечо и остался очень доволен. Особенно ему понравился собственный хвост. Право, до чего же мил! Сколько в нем наивности и обаяния, в этом хвосте!

«Нет, правда, гораздо приятнее быть ожившим котом, чем просто нарисованным. Висеть на стенке, вот скучища! — подумал он. — Конечно, кто этого сам не испытал, тому не понять».

Кот Васька лапой приоткрыл дверцу буфета. Он даже сам не знал, для чего он это сделал. Просто лапа сама потянула дверцу, и все, а глаза быстро обежали все полки.

Ага! Какая-то банка. Написано: «Сгущенное молоко».

Кот Васька не имел ни малейшего представления, что такое сгущенное молоко. Но слово «молоко» почему-то звучало так заманчиво, так сладостно.

Кот Васька не утерпел и лизнул языком белую, тугую, немного засахарившуюся пленку. Ничего не скажешь, отличная вещь! Прямо-таки самая подходящая еда для только что ожившего кота.

Густое молоко облепило усы. Кот Васька с удовольствием дочиста вылизал банку.

Вы только подумайте, ведь он поел первый раз в жизни! Если к тому же учесть, что Вася Вертушинкин нарисовал его еще в прошлом году, то…

После сгущенного молока коту Ваське неудержимо захотелось облизываться, мыть лапой за ухом, подремать на солнышке и пофилософствовать. Мысли приходили на ум все такие сладкие, длинные и тягучие.

«Конечно, кто спорит, волшебник Алеша прекрасный, великодушный человек. К тому же Повелитель Волшебных Ключей. И оживил он его удачно, ничего не скажешь. Но все-таки Вася Вертушинкин — вот это, скажу вам, личность! Конечно, и на солнце есть пятна. Вот и Вася Вертушинкин, когда рисовал его, кота Ваську, кончик уха стер резинкой, а не дорисовал. И вот теперь изволь живи, кот Васька, с незаконченным ухом! Но это все мелочи, мелочи… Главное, что Вася Вертушинкин его нарисовал. Ведь если бы он его не нарисовал, то, скажите на милость, кого бы стал оживлять волшебник Алеша? А? Это даже малому котенку ясно, что ни один волшебник не может оживить кота, который не нарисован, иначе говоря, кота, которого нет и не существует. Так какой же из этого всего напрашивается вывод? А такой, что всем-всем на свете он, кот

Васька, обязан своему пушистому Васе Вертушинкину! Логично? Логично!»

Кот Васька решил немного подремать, но глаза никак не хотели закрываться. Просто не слушались его, и все. Они упрямо смотрели все время на Волшебную Энциклопедию.

Кот Васька наконец не выдержал и прыгнул на стол. Он сел спиной к волшебным книгам, но голова его как-то сама собой повернулась, и он опять стал смотреть на темные и пропыленные старинные переплеты.

«Ну вот я подошел поближе, и никакой беды не случилось, — сам себе сказал кот Васька. — Ровно никакой. А может, потрогать волшебную книгу? Нет, ни за что!.. Ну хотя бы ту, которая сверху. Разве уж одним коготком только…»

Кот Васька осторожно тронул волшебную книгу и тут же отдернул лапу.

«Ну вот, я ее потрогал, и опять ничего не случилось. Ровно ничего. А может, открыть ее? Ну нет! Ни за что! Или разве уж открыть, а потом сразу и закрыть?..»

Кот Васька весь взъерошился, напружинился, готовясь тут же соскочить со стола при малейшей опасности.

Дрожащей лапой открыл волшебную книгу.

Не дыша, перевернул одну страницу, другую и вдруг увидел нечто такое, что заставило его чуткие уши встать домиками, а зеленые глаза разгореться еще ярче.

На странице волшебной книги… нет, вы просто не поверите, кот Васька увидел нарисованную мышь. Причем вовсе не волшебную, а самую обычную, маленькую, серую, с потрясающим длинным голым хвостом.

Под рисунком было написано: «Заклинание пятьсот тридцать второе. Как превратить в мышь любое неживое вещество и любое живое существо».

— Вот это да! — тихонько ахнул кот Васька. Ему даже стало жарко. — Мяу, как интересно!

Кот Васька медленно прочел, водя лапой по строчкам:

Великан или малыш,
Ты бежишь или стоишь,
Говоришь или молчишь,
Превращайся сразу в мышь!

Голова у кота Васьки закружилась.

На один миг ему показалось, что все вещи вокруг стали мышами. Шкаф с книгами, кресло. Даже стакан с чаем превратился в мышь, из которой торчала чайная ложечка.

— Да это же самое главное волшебство на свете! — задыхаясь от волнения, прошептал кот Васька. — А волшебник Алеша еще говорит: «Надо все изучить. Все книги прочесть». Нет уж, извините. Мне это теперь ни к чему. Ой! Что же это получается? Выходит, значит, оказывается, раньше я был обыкновенный нарисованный кот, а теперь я самый-самый-самый что ни на есть главный волшебник на свете! Логично? Логично. Ну, уж теперь будьте спокойны, все у нас будет мур-мур!

Кот Васька резко захлопнул старинную книгу. Душное облако пыли окутало его, едко щекоча чуткий нос.

О, если б он только что не съел полбанки сгущенного молока, даже вылизав досуха звонкое донышко, если бы не эта сытая тяжесть в животе, он бы превратил в мышей все-все, что он только видит.

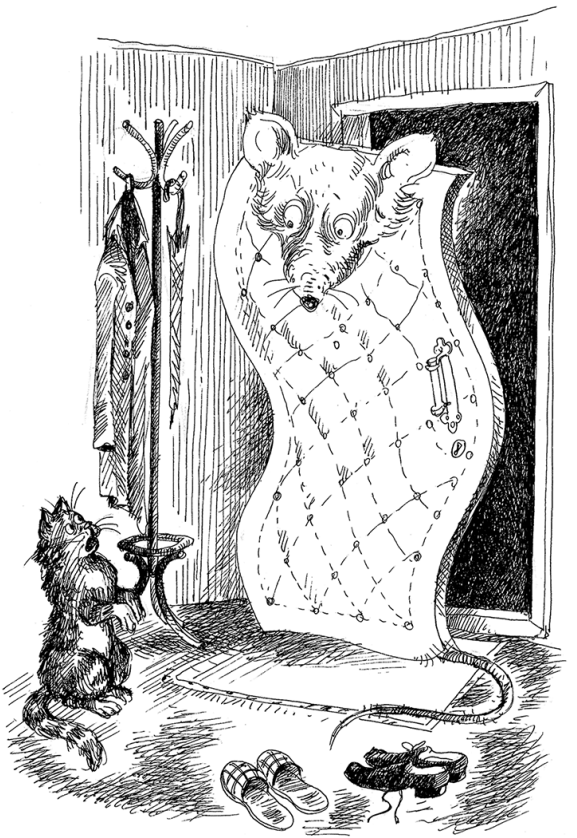
Раздался громкий звонок в дверь. Но кот Васька так разволновался, что ничего не слышал.

Звонок повторился.

Кот Васька замер, прислушиваясь и принюхиваясь, шевеля усами.

Он чувствовал знакомый запах, единственный, неповторимый, самый дорогой для него на свете.

Кто-то нетерпеливо переступал с ноги на ногу там, за дверью.



Да это же он! Сам Вася Вертушинкин, пушистый Вертушинкин звонит в дверь. Какое счастье вновь увидеть его! Своего создателя, своего художника!

И вдруг кот Васька подпрыгнул, наверное, на целых полметра взлетев над полом.

Вовсе незачем ему дожидаться волшебника Алешу, и даже хорошо, просто замечательно, что его нет дома. Потому что теперь он не какой-то там кот Васька, а Великий Волшебник, вооруженный самым главным заклинанием. И он сам поможет бесценному Васе.

Вася Вертушинкин позвонил в третий раз. Звонок был длинный, печальный, даже какой-то безнадежный. Так звонят в последний раз, перед тем как повернуться и уйти.

— Сейчас! Сейчас! — завопил кот Васька и со всех ног понесся в переднюю.

Но как открыть дверь? Эту дрянную дверь, которая осмелилась встать между ним и его пушистым Васей! До замка ему не дотянуться, да, пожалуй, и сил кошачьих не хватит его повернуть.

Нет, да что же это он, честное слово? Растерялся, словно малый котенок. Все же просто, как кипяченое молоко.

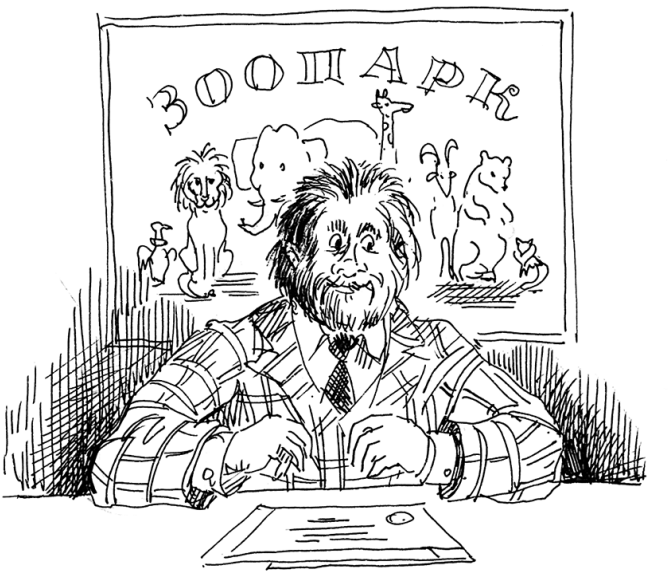
Кот Васька лихорадочно зашептал:

Великан или малыш!
Ты стоишь или висишь,
Ты молчишь или скрипишь,
Превращайся сразу в мышь!

Произнося эти слова, кот Васька в глубине души еще все-таки не был до конца уверен, что волшебство его послушается. Поэтому он так и остался стоять на задних лапах, взъерошенный, растерянный, потрясенный, прямо перед Васей Вертушинкиным в тот момент, когда дверь бесшумно исчезла, словно провалилась куда-то. А вместо нее по полу суетливо забегал юркий серый мышонок с умопомрачительным тонким хвостом.

Мышонок, как-то по-деревянному стуча лапками, благополучно исчез под шкафом, а Вася Вертушинкин, стоявший прислонившись к двери, от неожиданности пошатнулся и чуть было не упал на кота Ваську.

Глава VI
Чудесное настроение Владимира Владимировича. И главное: мы знакомимся с новыми обитателями зоопарка



Директор зоопарка сидел у себя в кабинете и с детским удовольствием посматривал на новый стол и новые белые телефоны.

Он и сам чувствовал себя каким-то новеньким и помолодевшим. Еще бы! Сколько волнений, томительного ожидания, и вот наконец завтра…

Телефоны заливались соловьиными трелями, почти не умолкая.

Звонили из детских садов, школ и даже с меховой фабрики. Не будем скрывать, последний звонок почему-то произвел на Владимира Владимировича самое неприятное впечатление. Он, конечно, отлично понимал, что работники меховой фабрики придут совершенно бескорыстно смотреть его зверей. И все же, что за спешка? Могли бы и повременить.

Владимир Владимирович то и дело снимал телефонную трубку и счастливым, взволнованным голосом говорил:

— Завтра. Завтра. В крайнем случае послезавтра.

Владимир Владимирович облокотился о стол и подпер щеку ладонью. И собственный локоть, и щека, и ладонь — все казалось ему каким-то новеньким.

Но все-таки, все-таки что-то с самого утра мучи-

ло, томило Владимира Владимировича, изнутри подтачивая долгожданную радость.

— Ах да, — наконец догадался директор зоопарка. — Кажется, меня огорчил мой друг Алеша, то есть, вернее, я огорчил его, когда он вчера вечером позвонил мне. Возможно, я был с ним чересчур резок, прямолинеен. Радость слишком захлестнула меня. Признаться, я был несколько бестактен. Но ведь, как ни суди, я прав. Сказать по совести: ну что он выбрал себе за профессию? И наш друг милиционер Толик такого же мнения. Помню, когда мы учились в школе, Алешка был первым учеником в классе по физике и математике. Как он блистал на олимпиадах! Он мог стать зоологом, биологом, физиологом. А выбрал себе что-то совершенно непонятное, нечто такое, чему, собственно, даже и не подберешь названия. В наш век покорения космоса — и вдруг какие-то гадания, превращения, заклинания… Утверждает, что без сказок человечество не могло бы существовать. Абсурд! Нелепость! Нет, конечно, я был прав, но вместе с тем я был не вправе его огорчать…

На столе, словно подпрыгнув, весело зазвонил новенький телефон.

— Завтра, завтра. В крайнем случае после-

завтра, — уже по привычке сказал Владимир Владимирович.

— Ну ты даешь, Володька! — громко рассмеялся кто-то на другом конце провода. — Даже не спрашиваешь, кто тебе звонит.

Но Владимир Владимирович уже догадался, с кем он разговаривает. Невозможно было не узнать этот бодрый голос, этот жизнерадостный смех. Да, это был его друг, милиционер Анатолий Иванович.

— Толик, милый, как ты кстати, — взмолился директор зоопарка. — Ты, конечно, скажешь, что я сумасшедший. Но я тебя очень прошу, пойдем еще раз сходим посмотрим, все ли там у меня благополучно. Безусловно, я могу сходить и один, но твой опытный взгляд…

— Да что ты, Володька! — снова рассмеялся Анатолий Иванович. — Ну что ты, честное слово! На вверенной мне территории зоопарка все в порядке, иначе и быть не может. Флажки развешены, дорожки подметены, звери на месте.

— Я тебя как друга… — жалобно попросил директор зоопарка. — Понимаешь, когда чего-нибудь так долго ждешь, с таким нетерпением, что только не лезет в голову… Все боюсь, и главное, сам не знаю чего. Вдруг что-нибудь случится,

даже не знаю что… Лучше давай лишний раз…

Между тем в клетках зоопарка тоже царило волнение и нетерпеливое ожидание.

Звери ни минуты не могли усидеть спокойно и все, как один, жаловались, что время тянется удивительно медленно.

Больше всех волновался слон Галилей.

Вы, наверно, спросите, почему его так звали?

Не правда ли, не совсем обычное имя для слона? Слон — и вдруг Галилей.

Но все дело в том, что, еще будучи слоненком, обыкновенным лопоухим слоненком, он первым среди слонов твердо и уверенно заявил: «Да! Земля круглая, да к тому же еще и вертится».

Собственно, поэтому его мама-слониха, у которой было простое деревенское имя Толстушка, и назвала его Галилеем.

Слон Галилей был восторженный добряк. Он постоянно всем восхищался, всему радовался и вообще смотрел на жизнь светло и доверчиво.

— Неужели я завтра увижу милых посетителей зоопарка и милые посетители увидят меня? — с волнением повторял слон Галилей, и не будем скрывать, он твердил это не переставая с самого раннего утра, как только проснулся.

— Как мне действуют на нервы эти восторжен-

ные слоны! — проворчал сквозь зубы мрачный крокодил, по самые глаза лежавший в воде.

— …в покое! — властно и коротко сказал лев.

Это значило: «Оставь его в покое». Лев полагал, что ему, царю зверей, вовсе нет необходимости говорить целыми фразами, достаточно сказать последнее слово. И все звери должны, просто обязаны понять, что он имел в виду.

— Неужели завтра я увижу милых детей, а милые дети увидят меня? — продолжал взволнованно лепетать слон.

Крокодил раздраженно проскрежетал под водой зубами.

— …и тоже без конца, — внушительно прорычал лев.

Это значило: «Мы уже слышали сегодня это много раз. Все это достаточно однообразно, и незачем повторять одно и то же без конца».

В это время в конце аллеи показались директор зоопарка и милиционер Анатолий Иванович.

Владимир Владимирович придирчиво оглядывался по сторонам, в который раз трогал пальцем скамейки, проверяя, просохла ли на них краска.

Он долго смотрел на крокодила.

Крокодил под водой казался зыбким и словно сложенным из отдельных зеленых кусочков.

Крокодил в ответ тоже мрачно и пристально уставился ему в глаза, будто они играли в игру, кто кого переглядит. Наконец оба разом моргнули и несколько смущенно отвели глаза в сторону. Владимир Владимирович даже слегка покраснел, чего, впрочем, не скажешь про крокодила.

— Толик, дружище, скажи мне, только честно, положа руку на сердце… — с тревогой прошептал Владимир Владимирович. — Найди в себе мужество сказать правду. Не кажется ли тебе, что наш любимый крокодил сегодня какой-то… недостаточно зеленый? А?

Крокодил презрительно и оскорбленно фыркнул под водой.

— Как свежий огурчик, — с улыбкой хлопнул своего друга по плечу Анатолий Иванович. — Да не впадай ты в панику, Володька!

Владимир Владимирович еще раз обошел весь зоопарк.

Посмотрел на веселую возню обезьян.

Подобрал сухой пожелтевший дубовый лист, упавший на дорожку, сунул его в карман нового пиджака.

Постоял возле клетки с пантерами. Прижался щекой, потом лбом к большому висячему замку, чтобы хоть немного охладить пылающее лицо.

— Ф-фу!.. Кажется, все в порядке, — с облегчением сказал он. — Флажки подметены, дорожки развешены… Прости. Ты понимаешь, что я хотел сказать. Звери на месте.

— А куда они денутся, твои звери?.. — беспечно рассмеялся милиционер Анатолий Иванович. Он вообще был очень веселым и смешливым человеком, что, как ни странно, исключительно помогало в его суровой, полной тревог работе.

Глава VII
Что случилось с могущественным джинном.
И главное:

удивительное превращение волшебника Алеши

Когда дверь внезапно исчезла — не то провалилась сквозь пол, не то растворилась в воздухе, —

Вася Вертушинкин от неожиданности чуть было не упал на большого полосатого кота, оказавшегося как раз за исчезнувшей дверью.

На какого-то там мышонка Вася, естественно, в этот момент не обратил ни малейшего внимания.

Чтобы не отдавить коту лапу или хвост, Вася Вертушинкин невольно сделал большой шаг, переступил через кота и очутился в передней.

— Вася, дорогой, пушистенький Вася, до чего же я рад тебя видеть! — послышался позади него растроганный, дрожащий от волнения голос.

Вася Вертушинкин стремительно обернулся. Да, эти слова произнес полосатый кот. Сомневаться не приходилось. Ведь в передней, кроме этого кота, никого не было.

Вася, конечно, удивился. Но все-таки не очень. Он и ожидал все время чего-то такого, невероятного. И может быть, это совершенно обычное дело, так сказать в порядке вещей, что двери в квартире у волшебника сами собой исчезают, а коты разговаривают.

Вася огляделся по сторонам.

— А где, вы не знаете, где дядя Алеша? — немного заикаясь, спросил он.

— Дядя Алеша?.. — Глаза у кота беспокойно

забегали.

— Дядя Алеша? Гм!.. Ах да, конечно! Да ведь такое дело, видишь ли… Как тебе объяснить? Вообще-то все очень просто, как молоко. Так вот. Понимаешь… Дело в том, что он как раз и есть я. То есть я хочу сказать: я как раз и есть он. То есть мы вместе и есть как раз одно. Ну, в общем, волшебник Алеша — это я!

— Вы?! — Вот тут Вася Вертушинкин действительно по-настоящему удивился.

— А что такого? Пхи! — небрежно сказал кот. Но по всему было видно, что ему неприятно и это Васино удивление, и это его восклицание. — Ничего особенного. А в кота я просто так превратился, ну, для разнообразия жизни. Мы, великие волшебники, между прочим, если хочешь знать, каждый день кого-нибудь в кого-нибудь превращаем или сами превращаемся. Такая уж у нас работенка. Да.

Кот с важным видом махнул хвостом, пошел из передней. С порога он обернулся и поманил лапкой Васю за собой.

Вася, чувствуя, что ноги у него какие-то мягкие, ватные, вошел в комнату. Почти без сил плюхнулся на табурет, на котором он уже сидел сегодня утром.

Кот преспокойно расположился в кресле за столом, лапы сложил на сером животе.

— Не веришь? — как-то печально, с упреком протянул кот, глядя на Васю.

— Не знаю… — замялся Вася Вертушинкин.

Ну с чего бы это волшебнику Алеше и вдруг в кота превращаться? Зачем? Несолидно как-то. Ну, в дракона, во что-нибудь такое огнедышащее… А то…

Друзья мои, если бы Вася Вертушинкин не был бы так удивлен и растерян, вполне возможно, он обратил бы внимание на пустую рамочку, чуть криво висящую на гвозде. Он увидел бы нарисованный старинный ключ и, главное, чистый лист бумаги. Тогда, вероятно, он о многом бы сразу догадался.

Но, к сожалению, Вася Вертушинкин не обратил на все это внимания, так что и говорить не о чем.

— Значит, так… — вздохнул кот, поудобнее устраиваясь в кресле. — Обидно, конечно. Если бы это был не ты, а кто-нибудь другой, кто осмелился бы… — Тут глаза кота стали нестерпимо зелеными. — Ну что ж, я тебе докажу свое могущество. Придется. Достань-ка с полки вон ту голубую штуковину, я что-то подзабыл, как она

называется…

И кот лапой указал на термос с белой пластмассовой крышкой.

Вася встал на цыпочки и достал с полки голубой термос. Сбоку на термосе были начертаны какие-то непонятные не то буквы, не то знаки.

— Давай, давай, открывай эту кастрюльку! — негромко сказал кот, а сам весь почему-то съежился, прямо-таки втиснулся в угол кресла.

Вася Вертушинкин отвинтил белую крышку, вытянул пробку… и тут произошло нечто совершенно невероятное.

Из горлышка термоса посыпались колючие искры. Раздался нарастающий грохот, повалил жаркий, душный дым.

Васю словно бы воздушной волной отбросило в дальний угол комнаты. Кот мигом взлетел на спинку кресла и стал похож на пушистый шипящий шар.

Дым из термоса повалил еще сильнее и, достигнув потолка, постепенно сгустился, превратившись в огромного джинна в полосатой чалме, с кудлатой бородой и волосами.

— Что прикажешь, о повелитель? — прогремел джинн, но, приглядевшись к коту, с шипением распластавшемуся на спинке кресла, взревел от негодования: — Какой же ты «о повелитель»?! Ты же всего-навсего…

Но кот уже успел прийти в себя.

— Минуточку, минуточку, — с необыкновенным самообладанием воскликнул он, — подождите, пожалуйста! Заклинание пятьсот тридцать второе. Как оно там? Неужели запамятовал? А, вспомнил!

И кот быстро затараторил:

Великан или малыш,
Ты стоишь или летишь,
Ты молчишь или гремишь,
Превращайся сразу в мышь!

И в ту же секунду джинн исчез, будто его и не

бывало. По полу испуганными кругами забегала серая мышь с полосатой чалмой между маленькими круглыми ушами.

Тут с котом произошла мгновенная перемена. Глаза его жестко блеснули. Он выпустил когти и коршуном перелетел через стол.

Но мышь, проявив отчаянную резвость, скользнула под этажерку. Потом хвостатым шариком

покатилась под шкаф. Метнулась вправо, влево и, чуть было не угодив в коварные когти кота, ловко нырнула назад в термос.

В пылу охоты кот подскочил к термосу и сунул туда лапу, стараясь нашарить на дне ускользнувшую добычу.

Но, видимо, эта мышь все-таки была не совсем обычной мышью, потому что кот вдруг с отчаянным воплем выдернул лапу и принялся ее лизать. Запахло паленой шерстью.

— Ну, что стоишь? Заткни его пробкой скорей! Да потуже! — торопливо прикрикнул на Васю кот. Он бурно дышал, бока его вздымались. — Ну что, убедился? Проверочку захотел устроить? Ха-ха!..

— Да… — только и мог вымолвить Вася Вертушинкин. Что уж тут. Дело ясное. Такое по плечу только настоящему волшебнику. Последние сомнения рассеялись.

Вася Вертушинкин не без робости, как-то боком приблизился к термосу, держа пробку в вытянутой руке. Раз!.. Он быстро заткнул термос и поспешно завинтил крышку.

Потом осторожно взял термос, невольно про себя удивившись: «Совсем легкий… Такой большущий джинн, а как будто ничего не ве-

сит...» — и скорей поставил термос обратно на полку.

— Вот теперь мы заживем, — с удовлетворением сказал кот. — Увидишь, теперь все у нас будет мур-мур! Ты просто не представляешь, как мне хочется тебе помочь. Ты меня нарисо... В общем, я для тебя все сделаю! Все!

— Дядя волш... — начал было Вася Вертушин-

кин и остановился. Было как-то странно звать волшебника «дядя», когда он превратился в кота.

Кот тут же понял причину его замешательства:

— Зови меня просто Вась… Гм… ну, просто Алеша, — снисходительно предложил он. — И можешь мне «ты» говорить по-свойски. Нечего церемонии разводить. Я люблю, чтоб все было просто, по-товарищески. Хочешь, за ухом меня почеши, мне это только приятно будет.

Почесать волшебника Алешу за ухом?!

Вася Вертушинкин мучительно покраснел.

Никогда в жизни он не попадал в такое нелепое положение. Это было настолько странно, невозможно…

Вот вам, например, приходилось хоть раз в жизни чесать за ухом кого-нибудь из ваших взрослых знакомых? Ну, там друзей папы и мамы… Да что тут спрашивать, я и так знаю, что нет!

Но кот, то есть волшебник Алеша, уже вытянул шею, наклонил голову и заранее с блаженным видом зажмурил глаза.

Вася Вертушинкин, с трудом согнув палец, словно он был деревянный, осторожно почесал волшебника Алешу за ухом, и тот трескуче и громко замурлыкал.

Ох, хоть бы уж не мурлыкал!

— Дяденька волшебник… — не выдержал Вася Вертушинкин. Он все равно решил звать его так, хотя на месте волшебника Алеши он бы ни за что не стал превращаться в какого-то кота.

— Читаю твои мысли. — Кот приоткрыл пронзительные лукавые глаза. — Ты сегодня же войдешь в клетки к хищникам, и они, клянусь акварельными красками, покорные, как божьи коровки, будут лизать следы твоих ног. Все. Меньше слов. Мы сейчас же отправляемся в зоопарк. И все будет у нас мур-мур!

У Васи Вертушинкина словно камень с души свалился. Ну и пусть волшебник Алеша в кота превратился. Ему виднее. Может, опыт какой-нибудь или волшебная научная работа. Главное, он обещал помочь и поможет.

Кот, а за ним Вася Вертушинкин вышли из квартиры.

Им даже дверь не пришлось открывать, поскольку она, как вы, наверно, помните, таинственно и бесследно исчезла.

Вася оглянулся. С лестницы хорошо были видны передняя и дальше комната дяди Алеши, его письменный стол, кресло, детские рисунки на стене и даже стакан с крепким остывшим

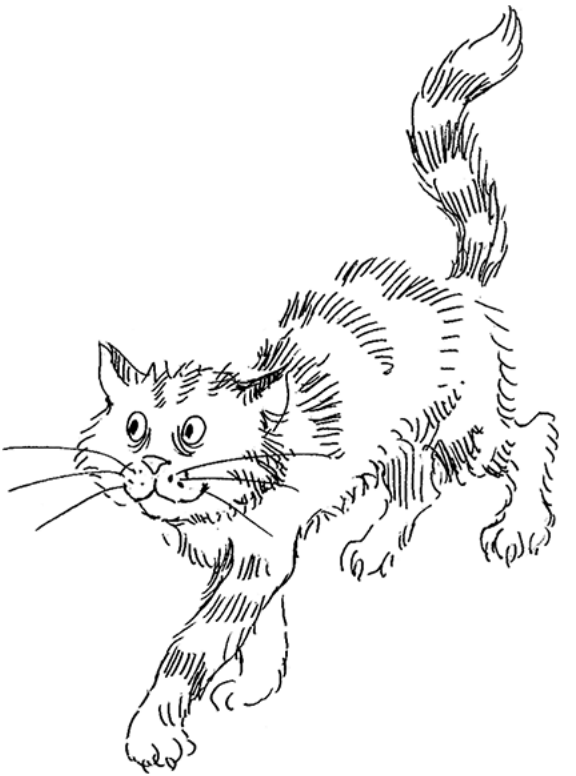
чаем. Этот стакан чаю и ложечка, сиротливо торчащая из него, почему-то заставили Васю Вертушинкина остановиться.

— Мы так и пойдем, дяденька волшебник? — неуверенно спросил Вася. — А… дверь?

— Какая дверь? Ах, дверь… — Кот небрежно махнул лапой. — Хорошенькое дело! Не буду же я за ней гоняться по всей квартире! За кого, собственно, ты меня принимаешь? К тому же она, кажется, под шкаф забежала. А может быть, уже давно какую-нибудь нору себе нашла… Ну, что же ты стоишь? Пошли!

Глава VIII
Знакомство с рыжей Муркой. И главное:

все могло бы быть иначе, не опоздай волшебник Алеша на пять минут



Итак, Вася Вертушинкин и кот Васька вышли на залитый солнцем, пахнущий теплым размякшим асфальтом двор. Ах, двор! Даже само слово было для кота Васьки какое-то совсем особенное, манящее, вольное.

Да, на этом дворе он будет жить, резвиться. А по вечерам смирненько лежать, свернувшись клубком, рядом со своим пушистым Васей на сваленных за сараем старых, гладких, словно отлакированных, бревнах.

Особенно понравилась коту Ваське железная витая решетка вокруг двора. Отличная решетка! Любой кот пролезет сквозь нее легко, пролетит, можно сказать, как птичка. А вот собаке ни за что не пролезть!

Впрочем, извините, какие собаки? О чем вы говорите, что вы имеете в виду?

Кот Васька не выдержал и самодовольно усмехнулся в усы.

С собаками покончено. И не только здесь, а повсюду, где только ступала кошачья лапа. Это решено. Нет больше собачьего племени. Мыши они серенькие, и больше никто.

Конечно, собаки еще не знают об этом. Но ничего, скоро узнают. Пусть себе потявкают напоследок. Сейчас не до них.

Вдруг кот Васька остановился. Прямо-таки замер на трех лапах, так и не успев поставить на землю четвертую.

Он увидел на старых, седых от времени бревнах рыжую кошку Мурку.

Где, где найти кошачьи слова, чтобы описать ее?

Это было что-то неземное, воздушное. Кот Васька даже подумал, что такие кошки могут жить только на облаках. Потому что сама она была похожа на маленькое пушистое облачко, освещенное солнцем. Лучи солнца, казалось, пронизывали ее насквозь, ветер раздувал золотистый хвост.

Кошка Мурка плавно, как балерина, соскочила с бревен и исчезла.

— Минутку, я сейчас, — шепнул Васе кот Васька и перелетел через груду бревен. Робко и неуверенно подошел он к пушистой красавице.

Кошка Мурка жеманно сощурила глаза и сделала вид, что ее ничто не интересует, кроме жука с жесткой спинкой, который в это время торопливо подбирался к бревнам. Этот жук был старый городской житель, привыкший к асфальту, к кирпичам. И все-таки он решил остаток своей жизни провести где-нибудь на природе, хотя бы под ста-

рыми бревнами, в тиши и уединении.

Кошка Мурка равнодушно и властно положила лапу на блестящую жесткую спинку жука, притиснула его к земле.

— Может, вместе мышей половим? — любезно предложил ей кот Васька. — Меня, между прочим, кот Васька зовут.

Ну почему, почему пушистый Вертушинкин не пририсовал ему еще шляпу с перьями, раз уж сел рисовать? Ну что ему стоило?

С какой отчаянной лихостью он сейчас сорвал бы с головы шляпу и, грациозно поклонившись, провел перьями по земле, прямо по тени кошки Мурки, по самой прекрасной тени с двумя треугольными ушками.

— Какие тут мыши, смеетесь, незнакомец? Машины, гаражи, бензин, — басом сказала кошка Мурка.

Голос у нее оказался неожиданно хриплым и низким.

— Сливки сегодня выпила прямо из холодильника… — объяснила кошка Мурка. — Простыла, наверно…

Она с деланым равнодушием зевнула и снова

посмотрела на жука, который старательно царапал асфальт всеми своими шестью лапками в напрасном усилии освободиться.

— Дела, знаете ли, заели, — торопливо сказал кот Васька, — но я с ними быстренько справлюсь, и все будет мур-мур. В три часа буду здесь. Отличная пушистая мысль, вы не находите? Вам удобно в три?

— Посмотрим… Может быть… не знаю… — Мурка сощурила сверкающие глаза.

— Клянусь акварельными красками, которыми меня… в общем, это не важно, не важно… — заторопился кот Васька. — Но я обещаю, что весь двор вокруг вас будет усыпан, просто покрыт мышами, и все они будут у ваших ног.

Уверяю вас, кошки тоже могут иногда открыть рот от изумления. Только это бывает так редко, в таких исключительных случаях, что до сих пор никому из людей не посчастливилось это наблюдать.

Но сейчас кошка Мурка не только открыла рот, но даже выпустила жука с жесткими крыльями, придавленного лапой. Жук благополучно добрался до бревен и нашел там удобную щель, весьма разумно, даже мудро рассуждая, насколько лучше надежная крыша над головой, чем кошачья

лапа.

Тем временем по другую сторону бревен тоже произошли не менее важные события.

Вася Вертушинкин увидел Катю.

А Катя в свою очередь увидела Вертушинкина и поспешила к нему через двор, так быстро крутя прыгалки, что вокруг нее в воздухе появился прозрачный невесомый круг.

Меньше всего Вася Вертушинкин сейчас хотел встретиться с Катей.

И вовсе не потому, что он к ней плохо относился. Совсем нет. Вовсе нет.

Он даже простил ей, что она круглая отличница. Давно уж простил, махнул рукой на это. Вот если мальчишка круглый отличник, так даже непонятно, о чем с ним разговаривать. А если девчонка — как-нибудь можно и потерпеть. Что с них возьмешь, с девчонок-то?

Но сейчас Вася Вертушинкин вовсе не обрадовался Кате. И все потому, что сейчас он был не один, а с волшебником Алешей.

А главное, дядя Алеша зачем-то превратился в кота. От этого все так запуталось, и было уже совсем непонятно, что же теперь делать?

Ну, например, объяснить Кате или нет, что на самом деле это вовсе не кот, а волшебник Але-

ша? Ведь все-таки дядя Алеша взрослый человек и нельзя же с ним обращаться как с обычным котом. Он же может обидеться, если его, допустим, кто-нибудь возьмет и дернет за хвост, даже в шутку. Обязательно обидится. Непременно обидится.

А с другой стороны, дядя Алеша, может быть, вовсе и не хочет, чтобы его тайна была раскрыта, пусть, дескать, думают, это простой кот. Ну как тут быть?

— А, Вертушинкин! — весело и беспечно сказала Катя.

— А, Вертушинкин! — насмешливо, даже ехидно, как показалось Васе, сказал Сашка Междупрочим, появляясь из-за Кати. — А между прочим, зоопарк-то открывается завтра!

— Между прочим, я это знаю, — зло сказал Вася Вертушинкин.

— Вот что, ребята, не махнуть ли нам сейчас прямо туда? — с улыбочкой предложил Сашка Междупрочим. — Чего откладывать? Ты в какую-нибудь клеточку войдешь, ну там ко льву или к пантерам. Ну, в общем, по собственному желанию. А мы поглядим.

— Так нас же туда не пустят, — с надеждой сказал Вася Вертушинкин.

— Не пустят, — кивнула головой Катя.

— А я, между прочим, знаю, где в заборе одна доска еле держится. Там гвоздь расшатался, — безжалостно сказал Сашка. — Очень даже легко пролезть.

Катя посмотрела на Васю Вертушинкина с сочувствием, со страхом, с доверием и еще… чего только не выражали ее глаза! Нет, пожалуй, не будь она круглая отличница, девчонки лучше ее не сыщешь на всем белом свете.

— Пошли! — сурово сказал Вася Вертушинкин.

— Мяу! — негромко окликнул его кто-то.

Вася Вертушинкин невольно втянул голову в плечи. Так и есть. В двух шагах от него на бревнах стоял кот, или, как его назвать точнее, волшебник Алеша, превратившийся в кота.

Волшебник Алеша соскочил с бревен и принялся тереться о ноги Васи Вертушинкина, при этом еще и мурлыча, так спокойненько, по-домашнему.

Вася Вертушинкин поспешно подхватил волшебника Алешу на руки.

— Ты с котом пойдешь? — вытаращил глаза Сашка Междупрочим.

— А тебе какое дело? — огрызнулся Вася Вертушинкин. — Тебя не спросил.

— Бедный! У него ушко больное, — с жалостью сказала Катя.

Друзья мои, конечно, нисколько не сомневаюсь, любой из вас не раз в своей жизни держал на руках кота. Не раз, и не два, и даже не десять раз, а гораздо больше.

И держать кота, как вы знаете, можно по-разному. Можно, например, подхватить его под живот, можно перевернуть кверху лапками, поддерживая при этом под спину. А можно просто-напросто ухватить за шиворот, чего обычно терпеть не могут все представители кошачьего племени от мала до велика.

Но скажите на милость, как прикажете держать кота, если вы отлично знаете, что это вовсе не кот, а настоящий волшебник? Что? Молчите?

В том-то и дело, что этого никто не знает.

Вася Вертушинкин, с одной стороны, боялся уронить волшебника Алешу, а вместе с тем боялся прижать его к себе чересчур крепко, чтобы как-нибудь случайно не сделать ему больно.

Поэтому, пока он дошел до угла, руки у него прямо-таки онемели от напряжения.

И вот, друзья мои, как это нередко случается в жизни, только успели ребята завернуть за угол, как в конце переулка показался волшебник Алеша.

Он шел не спеша, негромко насвистывая детскую колыбельную песенку.

Тугая шелковая подкладка его плаща приятно поскрипывала при каждом движении.

Если бы волшебник Алеша шел чуть быстрее или если бы у него по дороге не развязался шнурок на правом ботинке, а шнурок, как нарочно, был скользкий, шелковый и никак не хотел завязываться, то Вася Вертушинкин и волшебник Алеша непременно бы столкнулись в воротах нос к носу.

Да, теперь вы сами видите, что от этих маленьких «если» зависит в жизни очень многое!

Глава IX
История простуженного джинна. И главное: волшебник Алеша решает, что ничего особенного не произошло

Волшебник Алеша поднялся по лестнице и увидел, что дверь в его квартиру исчезла.

Не то чтобы приоткрыта или распахнута настежь, а ее просто-напросто не имеется.

Волшебник Алеша вбежал в комнату. Так и есть! Кота Васьки тоже нигде не видно. Удрал, разбойник, скрылся!

Но что же он успел натворить?

Волшебник Алеша в первую очередь очень внимательно оглядел старинные книги.

Он сразу же увидел на пыльной обложке круглые отпечатки кошачьих лап.

Значит, так. Значит, все-таки не послушался его кот Васька. Сунул-таки свой любопытный нос в Волшебную Энциклопедию. Но какое же заклинание он там разыскал?

Ничего не поделаешь, придется спросить об этом у всесильного и всеведущего джинна. Или, чтоб не тянуть волынку, приказать джинну немедленно доставить сюда этого нарисованного плута и обманщика, где бы он сейчас ни находился.

Волшебник Алеша уже положил ладонь на круглую крышку голубого термоса, но вздохнул и тяжело опустился в кресло. Облокотился о стол, обе пятерни запустил себе в волосы.

Нет, к услугам джинна можно прибегать лишь в крайних, исключительных случаях. Только выпусти его на волю, опять начнутся слезы, стенания, попреки.

Волшебник Алеша прислушался. Ему показалось, что джинн там, в глубине термоса, совсем тихо, еле слышно кашляет.

«Ну да. Остаточные явления бронхита, — подумал волшебник Алеша. — Поставить ему, что ли, еще разок на ночь горчичники? Нет, пожалуй, лучше не надо…»

Ах, волшебник Алеша, волшебник Алеша! Спутать шорох мышиного хвоста с кашлем простуженного джинна… Какая роковая ошибка!

Дело в том, что неделю назад у волшебника Алеши испортился холодильник.

Волшебник Алеша не придумал ничего лучшего, как послать своего джинна за льдом на Северный полюс.

Джинн, никогда не видавший таких бескрайних просторов, покрытых нетронутым снегом и голубыми льдами, пришел в великое изумление.

Он вступил в долгий и, надо сказать, совершенно бесплодный спор с белыми медведями. Все пытался им доказать, насколько лучше раска-

ленные пустыни, чем вечные, нетающие льды. Предлагал перенести в мгновение ока всех белых медведей в пустыню, чтобы они убедились в этом собственными глазами.

Медведи слушали его рассказы о жарких краях недоверчиво и равнодушно. Не верили ему, насмешливо пожимали косматыми плечами, некоторые даже смеялись.

От этих споров джинн разгорячился и даже вспотел, хотя и сидел на большущем айсберге.

Льда он принес столько, что завалил всю кухню, но, конечно, простудился.

Всю ночь джинн чихал так, что волшебник Алеша боялся, как бы хрупкий термос не разлетелся на куски.

Делать нечего, пришлось вызвать врача из поликлиники. Врачом оказалась молоденькая милая девушка с такими румяными щеками, как будто на улице стоял сорокаградусный мороз.

— Меня зовут Наталья Александровна, — строго сказала она. — Но можете звать меня Наташа, — добавила она еще строже.

Волшебник Алеша, слегка заикаясь от смущения, предупредил Наташу, что пациент несколько необычный… Не надо особенно удивляться… Ну,

словом, извините — джинн.

И все-таки она побледнела. Глаза ее стали такими огромными, что бедный волшебник Алеша почувствовал себя вконец виноватым.

Узнав, что за последние две тысячи лет джинн ничем не болел, она вздрогнула и невольно схватила волшебника Алешу за руку. И все же Наташа мужественно вскарабкалась на табуретку и строгим голосом попросила джинна дышать поглубже.

Джинн, надо признаться, вел себя просто отвратительно. Ворчал, капризничал, ныл. Заявил, что у него болит поясница и он не может разогнуться, что стетоскоп слишком холодный…

Наташа посоветовала не выходить на улицу, пить аспирин и поставить на ночь горчичники.

Нет, кто не ставил джинну горчичники, тому этого не понять!

Джинн душераздирающе стонал, охал, утверждал, что горчичники жгут его несчастное тело, как раскаленное железо.

— Я все понял, — наконец, рыдая, проговорил он. — Ты решил бросить волшебство и стать врачом с румяными щеками. Но сначала хочешь уморить меня. Конечно, я тебе в тягость, я связал тебе руки. Лучший способ избавиться от старого,

никому не нужного джинна — это сжечь его горчичниками, чтоб от него осталась только жалкая горстка пепла!

— Нет, с джинном лучше не связываться. Как вы считаете? О, несомненно! — в который раз сам себе сказал волшебник Алеша.

Что касается кота Васьки, то, пожалуй, волноваться особенно нечего. Скорее всего ему надоело сидеть одному взаперти в пустой квартире и он решил прогуляться. Это вполне соответствует его кошачьей натуре.

А поскольку ему мешала дверь, то он и подыскал какое-нибудь подходящее заклинание, чтобы от нее избавиться.

Кстати, нечего далеко ходить. Вот, пожалуйста, на странице триста тридцать третьей чудесное заклинание, как превратить дверь снова в дерево, которым она была когда-то.

И скорее всего, да-да, скорее всего это именно так, и его дверь, зеленая и веселая, шелестит всеми листиками под ветром где-нибудь у себя на родной опушке или в чаще леса. А знакомые птицы и белки спрашивают, где это дерево так долго пропадало.

Дерево рассказывает им удивительные истории про холодную каменную лестницу, лифт и электрический звонок.

Белки слушают, часто вздрагивая, чутко поглядывая по сторонам, а деревья кругом стоят, погруженные в свое таинственное зеленое молчание.

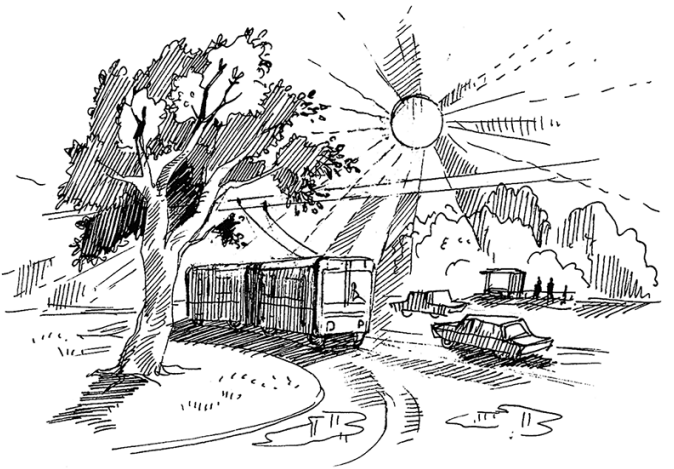
Ну а кот Васька никуда не денется. Никто его во дворе не обидит. Нагуляется вволю и вернется.

Все это показалось волшебнику Алеше вполне убедительным. Он успокоился, завесил дверь старым клетчатым пледом и пошел на кухню

кипятить чай.

Но тут он вспомнил, что по дороге домой опять забыл купить сахар, досадливо поморщился и махнул рукой. Не будем скрывать, волшебник Алеша, как многие ученые, музыканты и поэты, был очень рассеянным человеком.

Глава X
Мы узнаем, где надо выбрасывать котов. И главное: великий позор Васи Вертушинкина



До зоопарка было всего четыре остановки на троллейбусе. Но пока Вася Вертушинкин проехал эти четыре остановки, он думал, что у него

все волосы поседеют. Он даже несколько раз поглядел в зеркальное стекло троллейбуса — остался ли у него хоть один коричневый волосок на голове.

Пассажиры в троллейбусе, словно они котов никогда в жизни не видели, все, как один, принялись разглядывать волшебника Алешу. Со всех сторон к нему тянулись руки. Одни старались погладить его по спинке, другие почесать за ухом или хотя бы потрогать.

Вася Вертушинкин, как мог, загородил волшебника Алешу, растопырив локти, словно курица-наседка крылья.

— Вот такие коты, простые, не пушистые, — самые умные, — солидно заметил молодой человек с усиками.

— И смотрите, как сидит. В окошко смотрит так разумно, словно человек! — подхватила девушка с длинными волосами, похожая на русалку.

«А как ему глядеть прикажете? — сердито подумал Вася Вертушинкин. — И чего только привязались? Вдруг ему надоест всю эту ерунду слушать, и он…»

Но пассажиры не успокаивались:

— У нашего соседа точь-в-точь такая кошка. Это твоя кошка, мальчик?

— Сколько этому коту лет?

— На вид нестарый еще.

— Как его зовут? Барсик, наверно. Барсик! Барсик! Ишь ты, и ухом не ведет. Значит, не Барсик.

— Не трогайте его. Видите? Ушко больное, — серьезно сказала Катя. Она протянула руку, загораживая волшебника Алешу.

Катька — вот это настоящий человек. Ничего не знает, а все-все понимает.

Но больше всех волновалась острая старушка с колючими локтями. На голове у нее была пушистая серая шапочка, связанная, как показалось Васе Вертушинкину, из толстой паутины. Голос у старушки был тоже острый и пронзительный.

— Если ты его выкинуть хочешь, мальчик, то я научу тебя, где его выкидывать. Около моего дома ты не выкидывай — я его все равно не подберу. И не проси. Нет, нет, нет. Потому что я этих всяких кошек терпеть не могу. А ты его выкинь возле дома моей сестры Тонечки. Тонечка — она кошек просто обожает. Вот увидишь, она его подберет и будет воспитывать. Я тебе и адрес дам, где его воспитывать. То есть где его выкидывать. То есть где моя сестра Тонечка живет… Нет, никогда в жизни не видала таких бестолковых мальчишек. Это для кота будет просто счастье,

если ты его там выкинешь!

Старушка, очень волнуясь и то и дело поправляя свою шапочку из густой паутины, что-то быстро нацарапала острым карандашиком на клочке бумаги.

И сколько Вася Вертушинкин ни пробовал втолковать ей, что он вовсе не собирается выкидывать этого кота, старушка все равно сунула ему в руку бумажку с адресом.

Но вот за стеклом замелькали яркие лаковые афиши зоопарка. Оскаленная морда льва. Длинная пасть крокодила, похожая на футляр для какого-то диковинного музыкального инструмента.

Вася Вертушинкин вылез из троллейбуса и с облегчением перевел дух. Доехали-таки!.. Ох, руки заняты, даже пот со лба не вытрешь.

Все двинулись вдоль забора зоопарка вслед за Сашкой Междупрочим.

Он шел медленно, внимательно оглядывая каждую доску, каждый гвоздь.

Сердце у Васи Вертушинкина так и замирало. Конечно, он полностью доверял волшебнику Алеше, ничуть не сомневался. Не будет же взрослый человек, да еще волшебник, его обманывать? Ну зачем? И все-таки…

Наконец Сашка разыскал знакомую доску, всю захватанную ребячьими руками. Доска и вправду болталась на одном гвозде. Сашка отвел ее в сторону, и Вася Вертушинкин неловко, стараясь не придавить волшебника Алешу, не прищемить ему хвост, пролез в щель.

Они одиноко пошли по пустынным дорожкам.

Из клеток на них с молчаливым интересом смотрели разные зайчики-кролики. Настроив чуткие уши, их провожали глазами лисицы с красивыми черно-бурыми хвостами.

— Сюда, сюда, — сказал Сашка Междупрочим.

Он посторонился, пропуская вперед Васю Вертушинкина.

И Вася Вертушинкин очутился прямо перед клеткой льва.

Это произошло как-то сразу, вдруг, и Вася Вертушинкин даже не успел подготовиться к этому, собраться с духом. Он почувствовал только кислую слабость в коленках, а по спине сверху вниз пробежали ледяные мурашки, будто кто-то провел по спине пачкой с мороженым.

Лев был большой и золотистый. Положив тяжелую голову на вытянутые лапы, он привалился боком к решетке, и железные прутья вдавились в его гладкое, сильное тело.

Две черные бархатные пантеры повернули головы и посмотрели на Васю Вертушинкина холодными желтыми глазами. А на песке бесшумно и гибко зашевелились еще две черные пантеры — это были их тени.

Тут взволнованно затрубил слон, вскинув хобот. Маленькие его глазки в складках сморщенной кожи смотрели на детей растроганно, с умильным восторгом.

В ответ неодобрительно забулькал крокодил, по самые глаза лежавший в воде.

Катя как-то странно поглядела на Васю Вертушинкина не то с сочувствием, не то с укором — и вдруг сказала:

— Ну все, пошли назад. Я уже поверила.

— А я, между прочим, нет! — усмехнулся Сашка.

Вася Вертушинкин незаметно скосил глаза на волшебника Алешу, который как-то странно притих у него на руках, тесно прижавшись к его груди. Да нет, наверно, просто задумался. Мало ли у волшебника забот?

— Дядя Алеш… — Вася Вертушинкин слегка тряхнул кота.

Волшебник Алеша вздрогнул. Жесткие его усы пощекотали ухо Васи Вертушинкина.

— Ладно, — прошептал он, — сейчас я с ними потолкую. То есть поколдую…

Вася Вертушинкин осторожно опустил кота на землю. Кот лениво, барственно зевнул, вытянул сначала передние лапы, потом задние. Вид у него был такой, как будто ему все безразлично, никуда он не торопится, и вообще мир устроен так, что нечего особенно суетиться и беспокоиться.

Но Васе Вертушинкину почему-то почудилось, что волшебник Алеша волнуется и даже нарочно хочет оттянуть время и поэтому так долго, старательно зевает и потягивается.

Волшебник Алеша медленно пошел по дорожке.

У Васи Вертушинкина невольно сжалось сердце. Волшебник Алеша казался таким крошечным, таким хрупким по сравнению с огромными хищниками. Вася Вертушинкин почти со страхом следил, как он идет прямо к опасным клеткам и его легкие лапы даже не оставляют следов на свежепосыпанном, еще не утоптанном песке.

«А может быть, он сейчас в кого-нибудь ка-ак превратится… — с отчаянной надеждой подумал Вася Вертушинкин. — В кого-нибудь такого, что и представить себе нельзя…»

Но нет, волшебник Алеша по-прежнему оставался котом, и было похоже, вовсе не собирался ни в кого превращаться.

Он осторожно, как-то боком подобрался к львиной клетке. Что-то жалобно, словно извиняясь, мяукнул.

Лев повернул свою тяжелую голову, с холодным недоумением посмотрел на маленького взъерошенного кота.

Но волшебник Алеша не стал задерживаться возле его клетки. Он тут же бегом бросился к пантерам. Торопливо пропищал что-то тонким голоском. Затем метнулся к слону, потом к крокодилу. И, сделав такой круг, со всех ног помчался назад, к Васе Вертушинкину.

Кот вскарабкался по нему, как по дереву, пустив в ход когти, и Вася Вертушинкин почувствовал, что он весь дрожит до кончиков лап, к которым прилип мокрый песок.

— Теперь все будет у нас мур-мур! — жарко прошептал он. — Я им сказал, что ты самый-самый-самый замечательный посетитель зоопарка…

— Ну зачем вы так, дяденька волшебник, — засмущался Вася Вертушинкин, косясь на Сашку Междупрочим, который от любопытства так вытянул шею, что еще немного — и мог распрощаться с головой.

— Я им сказал, что ты сейчас войдешь к ним в клетки, — уже чуть спокойней добавил волшебник Алеша. — Ну, они, конечно, «милости просим», «добро пожаловать», «заходите, не стесняйтесь, мы дома» и всякое такое. До смерти

рады…

Вася Вертушинкин с сомнением посмотрел на зверей. Может, они и вправду рады, только виду не показывают. Кто их разберет…

Вася Вертушинкин невольно покрепче прижал к себе волшебника Алешу и решительно двинулся прямо к железным клеткам.

Послышалось настороженное и угрожающее рычание.

— Не пускают… — упавшим голосом сказал Вася Вертушинкин и остановился.

— Это они так, для виду! — Волшебник Алеша ободряюще похлопал холодной лапкой Васю по шее.

Вася Вертушинкин, спиной чувствуя Катин взгляд, зажмурился и шагнул к львиной клетке.

Жаркое тяжелое рычание ударило ему в лицо. Что-то взвилось в воздух, прыгнуло, сотрясая решетки.

Лев припал головой к передним лапам, грива его вздыбилась круглым воротником, дрожа и колеблясь.

Гневно и обиженно топал ногами огромный слон. Вода прямо-таки кипела вокруг пасти крокодила. Гибко и яростно прыгали в клетках бархатные пантеры.

Вася Вертушинкин невольно отшатнулся назад, попятился и налетел на Сашку Междупрочим.

— Ха-ха-ха! — самодовольно рассмеялся Сашка. — Так я и знал… Нахвастал! А еще говорил — бабушка-прабабушка!..

— А ты вообще… А ты вообще!.. — вдруг отчаянно напустилась на Сашку Катя. — Не человек, а не знаю что… «Междупрочим» какое-то…

Она повернулась и пошла по дорожке, так ничего и не сказав Васе, даже не поглядев на него, не оглянувшись.

Сашка присвистнул, сунул руки в карманы и, победно расправив плечи, зашагал вслед за Катей.

Вот как все получилось! Хуже и не придумаешь.

Катя шла опустив голову. Даже спина у нее была какой-то обиженной и несчастной. Острые лопатки сложенными крылышками проступили сквозь школьную форму. Бант на затылке, всегда такой бодрый и свежий, как-то поник, словно завял.

Глава XI
Разноцветные мыши.
И главное:

**милиционер Анатолий Иванович боль-
ше не улыбается**

Вася Вертушинкин оглянулся на волшебника Алешу.

Волшебник Алеша сидел на песчаной дорожке и как ни в чем не бывало, словно ничего и не случилось, лизал свою заднюю лапу.

Это показалось Васе Вертушинкину таким обидным, даже оскорбительным, что слезы невольно выступили у него на глаза.

— Подвели вы меня, дяденька волшебник, — дрожащим голосом, не выдержав, проговорил Вася Вертушинкин. — Да. А я-то думал…

— Ладно… — примирительно протянул волшебник Алеша. — Брось, не переживай. Подумаешь!

Легко сказать — не переживай. Да он, может, теперь и домой не вернется, а волшебник Алеша говорит — не переживай!

— Если бы я знал, дяденька волшебник, что так будет, — с трудом сдерживаясь, чтоб не разреветься, проговорил Вася Вертушинкин, — я бы тогда лучше совсем к вам не пришел…

— То есть как?! — вскинулся вдруг волшебник Алеша. Безмятежное спокойствие и хладнокровие вмиг оставили его. — Так что же это выходит-оказывается-получается? Ты бы меня никогда не подарил, и никто бы меня тогда не ожи… Э-э… В общем, не важно, не важно, — за-

тараторил волшебник Алеша и, увидев, что Вася Вертушинкин уже повернулся, собираясь уйти, испуганно крикнул: — Постой! Постой! Ты куда?

— А чего мне тут делать?.. Все… — безнадежно прошептал Вася Вертушинкин.

— Вася! Вася! Пушистенький мой! — отчаянно закричал волшебник Алеша. — Погоди! Если так… Да я их сейчас… Да они у меня… Ты только не уходи…

И полосатый кот решительно направился к клеткам.

— Р-р-р! — послышалось из клеток, лишь только он приблизился.

— А ну сейчас же извинитесь перед моим Вертушинкиным! — угрожающе прошипел волшебник Алеша. — Слышите?

Оскорбленный вой, рычание и алчное щелканье зубов были ему ответом.

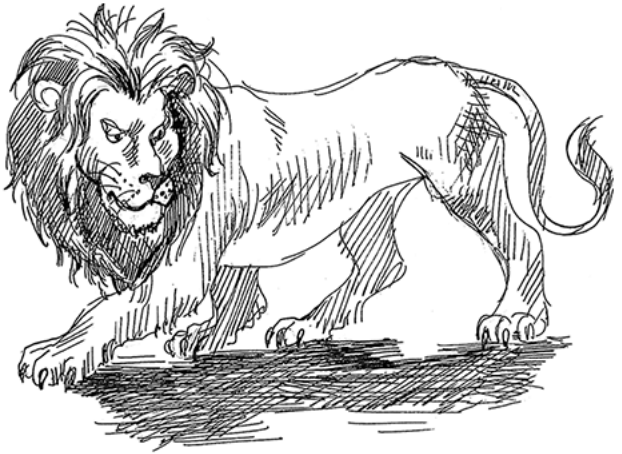
— Значит, нет?

— Р-р-р!..

— В последний раз говорю! Нет?!

— Р-р-р! Ряу! У-а-ряу! Р-р-р!

— Ах, вы еще «р-р-р»! Ну, тогда пеняйте на себя. Как говорится, кому молочко, а кому пустое блюдечко. Заколдую всех сразу!



Волшебник Алеша встал на задние лапы. Клянусь, в этот миг в нем было нечто грозное, даже величественное!

Волнуясь, срывающимся голосом он прокричал:

Великан или малыш,
Ты стоишь или лежишь,
Ты рычишь или визжишь,
Превращайся сразу в мышь!

Все произошло в мгновение ока. Захлебнув-

шись, смолкли оглушительное рычание и протестующий вой.

Стало пустынно и тихо.

Звери исчезли.

Сонная осенняя бабочка, мерцая потертыми крылышками, влетела в клетку льва и беззаботно закружилась в пустоте.

Да, друзья мои, звери исчезли!

И только тут Вася Вертушинкин увидел, что в клетках мечутся, испуганно, бестолково и путано, маленькие хвостатые мыши! Обыкновенные мыши. Если только не считать, что все они были разноцветными.

В клетке льва бегала юркая желтая мышь.

В клетке, где мгновение назад скакали бархатные пантеры, перепрыгивали друг через друга две черные, как сажа, мышки, такие черные, будто только что вылезли из печного дымохода.

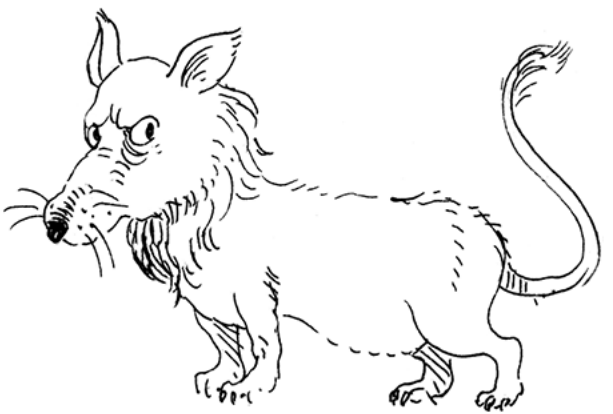
А там, где только что плавал крокодил, захлебываясь, выбиралась из воды мокрая ярко-зеленая мышь. И даже хвост у нее был зеленый, как травинка.

— Ну что?! — весь дрожа от азарта и возбуждения, крикнул кот. — Теперь входи к ним в клетки и ничего не бойся! Я за все отвечаю! Гарантию даю!

— Да… — только и мог проговорить потрясенный Вася Вертушинкин.

— Постой! — воскликнул кот. — Сейчас я за ребятами сгоняю. Мигом. За твоим совсем не пушистым Сашкой. И за той девочкой, которая, пожалуй, все же немного пушистая. Пусть они увидят, как ты бесстрашно входишь в клетки к хищникам!

— Н-не надо… — с тоской выдавил из себя Вася Вертушинкин.



Он уже все понял. Да, волшебник Алеша помог ему. Но как? Как он помог? Войти в клетки

к мышам… Разве это вернет ему доверчивый и восхищенный свет Катькиных глаз? А интересно, что он скажет Сашке Междупрочим и всем ребятам?..

Что касается волшебника Алеши, то по всему было видно, что он просто счастлив. Он закрутился на месте, превратившись в пушистый зеленоглазый вихрь, в веселой погоне за собственным хвостом.

— Что, притихли? Теперь не порычите! — послышался его торжествующий голос.

— Нет, дяденька волшебник, — тихо сказал Вася Вертушинкин. Он вдруг в первый раз в жизни почувствовал себя усталым, таким усталым. — Я понимаю… Спасибо, конечно. Только, знаете, вы лучше их обратно превратите… ну, в хищников…

Вихрь внезапно замедлил свое вращение, и перед Васей Вертушинкиным снова возник полосатый кот, обиженный, возмущенный.

— А я-то от души старался… Ха-ха-ха!.. — Кот с горечью рассмеялся. Потом бросил презрительный, уничтожающий взгляд на мышей в клетках. — Превратить их опять в хищников? Что ж, пожалуйста, изволь. Это для меня пара пушистых пустяков. Впрочем, нет. Не могу. Этого я

не умею, — добавил он тут же, без всякой паузы.

— Как не умеете? — растерялся Вася Вертушинкин.

Кот холодно и надменно оглядел его.

— Видите ли, мой юный друг… хотя я думал, надеялся, что наши отношения сложатся несколько иначе, будут глубже, что ли, теплее, сердечнее… Но оставим эту тему, хотя, возможно, она и надрывает мне сердце, но это не важно… Что же касается обратного превращения, то я немного подзабыл как раз это заклинание. Мне надо заглянуть в мои волшебные книги.

— О!.. — разочарованно протянул Вася Вертушинкин и как будто с этим «О!» выдохнул из себя последнюю радость, которая только в нем была. — Тогда давайте я вас домой отнесу… отвезу…

— Сам дойду, — раздраженно огрызнулся кот.

Вася Вертушинкин и волшебник Алеша молча пошли по пустынной дорожке. А лисицы, зайцы кролики и олени с кроткими пугливыми глазами провожали их молчаливыми тревожными взглядами.

Первым, как это ни странно, пришел в себя старый ворчун крокодил.

Он тонко и пронзительно чихнул, потому что вода попала ему в нос. С отвращением оглядел свои тощие дрожащие лапы и мокрый зеленый хвост.

В львиной клетке оскорбленно пискнула золотисто-желтая мышь.

Да, что ни говорите, льву было тяжелее всех. Все-таки царь зверей — не кто-нибудь! — и вдруг превратиться в такое ничтожное, жалкое создание.

— Какая потеря веса! — горестно пожаловался

слон Галилей. — Так похудеть в одно мгновение.

— Что же теперь делать? — хором воскликнули две черные мышки, которые еще так недавно были пантерами.

Все звери глубоко задумались.

Надо было что-то предпринять, что-то придумать. Не сидеть же сложа лапы. Не оставаться же до конца своих дней жалкими мышами!

В наступившей тишине были слышны только угнетенные вздохи Галилея:

— О, я несчастнейший из слонов на этой круглой и к тому же вращающейся вокруг своей оси планете! Неужели милые посетители зоопарка так и не увидят меня, а я никогда не увижу милых посетителей зоопарка?

— Как мне действуют на нервы эти сентиментальные мыши! — раздраженно проворчала зеленая мышь.

— …к директору зоопарка… друг, — решительно пропищала желтая мышь.

Да, лев, даже превратившись в какую-то мышь, сохранил свои царственные замашки и по-прежнему не считал нужным договаривать фразу до конца.

«Надо скорее, немедленно, не теряя ни одной минуты, отправиться к директору зоопарка. Он нам поможет, потому что он наш друг» — вот что хотел сказать лев, и, уверяю вас, все звери его отлично поняли.

Итак, вопрос был решен.

Разноцветные мыши легко покинули клетки, без труда проскользнули между прутьями решеток.

Вслед за желтой мышью они направились прямо к выходу из зоопарка, украшенному флажками и цветными лампочками, которые уже приготовились радостно загореться, как только стемнеет, и из ярких огоньков сложить гостеприимные слова: «Добро пожаловать».

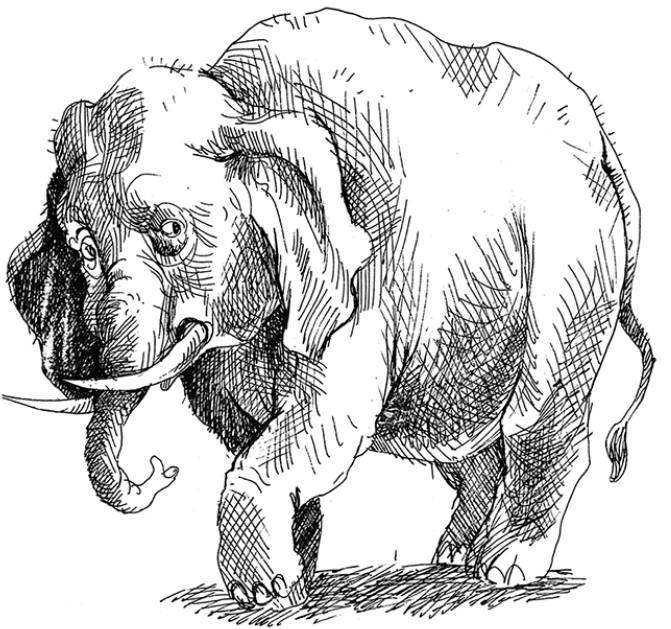
Когда мыши уже перебирались через клумбу, алевшую жесткими осенними астрами, в ворота зоопарка вошел милиционер Анатолий Иванович.

Мыши не обратили на него ни малейшего внимания, а милиционер Анатолий Иванович в свою очередь тоже их не заметил. Правда, ему показалось несколько странным, что в такой безветренный день головки астр на клумбе ни с того ни с сего раскачиваются, с бумажным шорохом задевая друг друга.

Но, погруженный в свои мысли, он спокойно прошел мимо.

«Ну что я, право, — рассуждал он. — Это все Володька — заразил меня своим беспокойством. Стыдно сказать, какими-то предчувствиями. При моей профессии быть суеверным! Смех, да и только! Да и что может случиться? Побег? Невозможно. Да и зачем им убегать? Кража? Абсурд. Значит, все в порядке, все хорошо и благопо-

лучно...»



Обезьяны встретили Анатолия Ивановича

тревожными криками. Все, сколько их было, попрыгали с веток, с трапеций, облепили решетку, повисли на ней, выразительно гримасничая, протягивая к нему старческие руки с розовыми ладошками. Что-то хором заговорили, невразумительно, сбивчиво, словно хотели предупредить о чем-то.

— Тоже ведь человекоподобные, — с уважением сказал Анатолий Иванович и рассмеялся. — Пойду на Галилея взгляну. Такой симпатяга, добряк, умница. Пожалуй, чересчур доверчивый, восторженный, но в этом тоже есть своя прелесть.

Анатолий Иванович обогнул клетки с обезьянами, спокойно свернул на широкую аллею, скользнул взглядом по знакомым клеткам и вдруг остановился как громом пораженный…

Клетки были пусты.

Звери исчезли.

Не было ни серой сморщенной глыбы Галилея, ни золотистого льва. Бесследно пропал ворчливый крокодил. Солнечно и пусто было в клетке пантер.

Милиционер Анатолий Иванович опытным взглядом моментально оглядел замки и железные двери клеток.

Нет, таинственный преступник не оставил ни-

каких следов. Замки были не тронуты, решетки нигде не подпилены, не погнуты.

«Украли зоопарк, — холодея, подумал Анатолий Иванович, — причем самым таинственным образом. Преступник скрылся вместе со всеми зверями. Это же кража века!»

На этот раз милиционер Анатолий Иванович не рассмеялся.

Глава XII
Владимир Владимирович падает в обморок.
И главное:

волшебник Алеша спешит на помощь

Директор зоопарка Владимир Владимирович ходил у себя в кабинете из угла в угол. Нет, он просто не мог усидеть на месте. Ему хотелось прыгать, танцевать, ну, в крайнем случае по-

мальчишески перекувыркнуться через голову.

Он подошел к портретам зверей, висящим на стене, не выдержал, встал на цыпочки и поцеловал фотографию льва.

Но ему тут же стало совестно, он даже слегка покраснел.

— Право, что за ребячество, — пробормотал он и протер стекло рукавом, так аккуратно и старательно, как будто хотел сказать самому себе, что он только для этого подошел к портрету и встал на цыпочки.

Он заставил себя сесть в кресло.

«Уж скорее бы наступило завтра, — почти с тоской подумал он. — Можно подумать, что время остановилось и этому двадцать четвертому сентября так и не будет конца… Хуже того, мне кажется, время идет назад и вместо двадцать пятого наступит двадцать третье. Впрочем, какие глупости…»

Дверь позади него была полуоткрыта. Поэтому он почти ничего не услышал, так, может быть, только скользящий шорох и мелкий частый перестук крошечных лапок.

И все же Владимир Владимирович стремительно обернулся. Он обернулся, да так и застыл, судорожно вцепившись побелевшими пальцами

в ручки кресла.

Он увидел на пороге своего кабинета пять разноцветных мышей.

Да, да, они были разноцветными!

«Все. Я сошел с ума», — подумал Владимир Владимирович, в ужасе взирая на зеленую мышь.

Не будем скрывать, Владимир Владимирович пронзительно завизжал.

К его чести надо сказать, что это был поистине бесстрашный человек.

Слон Галилей, обвив его хоботом, поднимал и усаживал к себе на спину. Владимир Владимирович мог, не дрогнув, прикоснуться губами ко лбу льва, как мать к ребенку, чтобы проверить, не поднялась ли у того температура. При этом пульс его оставался совершенно спокоен.

Но мыши! Это ужасно. За что? Откуда?

Владимир Владимирович с детства панически, безумно боялся мышей. Их суетливо-вертлявых движений, их голых хвостов и холодных лапок.

Владимир Владимирович, взвизгнув еще более пронзительно, бросился в угол. Но эти маленькие разноцветные чудовища окружили его со всех сторон.

Они вскарабкались на его ботинки, что-то взволнованно пища тонко-скрипучими голоса-

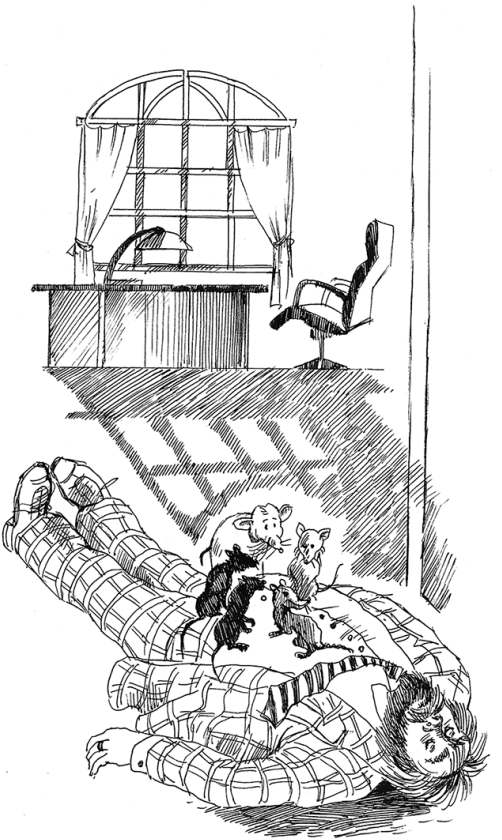
ми. Их длинные хвосты перепутались со шнурками его ботинок…

Владимир Владимирович не выдержал и грохнулся в обморок. Он лежал на ковре без движения, без всяких признаков жизни, а мыши устроили у него на животе короткое деловое совещание.

— …ышный помощник, — сурово пропищала желтая мышь.

Это значило: «К сожалению, можно даже сказать — к прискорбию, он для нас никудышный помощник».

— Что же делать? — с тревогой пискнули черные мыши.



— Стоило ли сомневаться, что все кончится чем-нибудь в этом роде? — насмешливо проворчала зеленая мышь.

Желтая мышь величественно задумалась. Остальные мыши, примолкнув, с робкой, почтительной надеждой уставились на нее.

— …дяя кота, — наконец после долгого раздумья объявила золотисто-желтая мышь.

«Нам придется отправиться на поиски этого загадочного, необъяснимого негодяя кота» — вот что имел в виду бывший лев.

Все мыши согласно закивали головами. Да, они были того же мнения.

— Но все-таки он кот, а мы, так сказать, до некоторой степени… не хочу произносить этого слова, — пискнула одна из черных мышей и, застыдившись, умолкла.

Глаза желтой мыши засверкали неукротимой отвагой. Тонкие волосики вздыбились на шее реденьким воротничком.

Было ясно, что в этом маленьком хрупком существе с мягкими круглыми ушами бьется бесстрашное сердце царя зверей.

— Все равно я чувствую в себе смелость слона! — пискнула серая мышь и, отвернувшись, добавила совсем тихо, со скорбным вздохом: —

Несмотря на такую потерю веса…

— Вперед! — скомандовала желтая мышь.

Да, это было именно то, что она хотела сказать: не больше и не меньше.

Тихо-тихо стало в кабинете директора.

Да и скажите на милость: кто мог там шуметь, если мыши отправились на поиски кота Васьки, а Владимир Владимирович продолжал лежать в глубоком обмороке?

На столе зазвонил новенький белый телефон.

Владимир Владимирович вздрогнул и открыл глаза. Так он полежал некоторое время, слушая терпеливые звонки. Потом осторожно, не поворачивая головы, скосил глаза вправо, влево и увидел, что мышей поблизости не видно.

Он робко приподнялся, опираясь позади себя руками о ковер. Пристально оглядел кабинет, стараясь проникнуть взором во все углы, во все глубокие складки занавесок, чтобы убедиться, не прячется ли где-нибудь ужасный мышиный хвост или коварная треугольная мордочка со сверкающими глазами.

Но нигде ничего подобного не было видно, а телефон все звонил и звонил.

Владимир Владимирович, чувствуя отчаянную слабость и головокружение, все-таки поднялся

с ковра, снял телефонную трубку и одновременно рухнул в кресло.

— Разноцветные мыши… — умирающим голосом простонал он.

— Что с тобой, Володя? — услышал он знакомый голос.

— Алешка, это ты? — почти закричал Владимир Владимирович. — Умоляю: только не клади трубку! Слышишь? Не клади трубку. Ты звонишь из дома?

— Да не волнуйся ты, — сказал волшебник Алеша, не на шутку обеспокоенный. — Да, из дома. А что случилось?

— Так слушай меня, Алеша, милый… — нервно оглядываясь, быстро заговорил Владимир Владимирович.

— Ты только в трубку говори, а то я ничего не разбираю.

— Хорошо, хорошо. Так лучше? — Владимир Владимирович опять нервно оглянулся. — Конечно, я по-прежнему убежден, что я был прав…

— Не понимаю, о чем ты? — в недоумении спросил волшебник Алеша.

— Я понимаю, что волшебства в общем, в целом, так сказать, как явления не существует, потому что это никому не нужно и просто

невозможно, — сбивчиво пробовал объяснить Владимир Владимирович, — я в этом убежден. Но я должен тебе сказать, не могу от тебя скрыть, что я только что видел у себя в кабинете разноцветных мышей.

— Не может быть! — искренне удивился волшебник Алеша.

— Это ты-то говоришь «Не может быть!»?! — с горечью воскликнул Владимир Владимирович. — Ты! Что же тогда скажут другие? Да они меня просто на смех поднимут. Я надеялся, что хоть ты меня поймешь.

— Постой-постой… — Волшебник Алеша задумчиво потер ухо телефонной трубкой. — Если ты серьезно, то это уже пахнет волшебством.

— Волшебство у меня в кабинете? Алеша, прости, это невозможно.

— Боюсь, что возможно. Знаешь, что я тебе предложу? Давай-ка я соберусь и сейчас к тебе подъеду. Ты мне все спокойненько, не торопясь расскажешь. Может быть, вспомнишь еще какие-нибудь подробности. И мы вместе попробуем во всем разобраться.

— Правда, Алеша? — обрадовался директор зоопарка. — Тогда, умоляю, приезжай поскорей. Увидишь такси — хватай!..

Волшебник Алеша положил трубку и глубоко задумался.

Не проще ли всего прибегнуть к помощи джинна? Ведь только прикажи ему, и разноцветные мыши мгновенно возникнут на ладони джинна, огромной, широкой и потрескавшейся, как древняя могильная плита.

Но характер!

Помочь-то он, конечно, поможет, мышей раздобудет. Но тут же начнутся попреки, капризы, стоны, «жгучая скорбь» и все прочее. Джинн, конечно, непременно скажет, что волшебник Алеша решил бросить свою профессию и стать врачом с румяными щеками.

Но совсем исключить джинна из игры?

Эти загадочные разноцветные мыши… Есть все-таки что-то необъяснимое и странное в их появлении. Если это волшебство, то кому же из волшебников придет в голову окрашивать мышей в разные цвета? Нет, тут что-то не то.

— Возьму-ка я все же моего голубчика с собой. Так, на всякий случай. Как вы считаете? О, несомненно! Хотя, конечно, постараюсь обойтись без его помощи, — решил наконец волшебник Алеша.

Он снял с полки голубой термос, прихлопнул

ладонью крышку, чтобы она как-нибудь ненароком не открылась по дороге, и сунул термос в свой старый, видавший виды портфель.

Волшебник Алеша аккуратно застегнул оба замочка, но сколько он ни старался, белая крышка термоса все равно высовывалась сбоку.

Уже выйдя на лестницу, волшебник Алеша оглянулся и с сомнением посмотрел на клетчатый плед, который он повесил вместо исчезнувшей двери.

Сквозняк перебирал его бахрому, и она шевелилась, как бесчисленные пальцы.

«Несомненно, здесь по лестнице бегает еще множество любопытных носов. То есть не носов, конечно, а обладателей любопытных носов, которые любят их совать куда не следует. Я имею в виду собак, кошек, девчонок и уж, несомненно, в первую очередь мальчишек, — подумал волшебник Алеша. — Пожалуй, крайне неосмотрительно, даже легкомысленно оставлять вот так, без присмотра волшебные книги».

И волшебник Алеша, уже спускаясь по лестнице, наскоро проговорил:

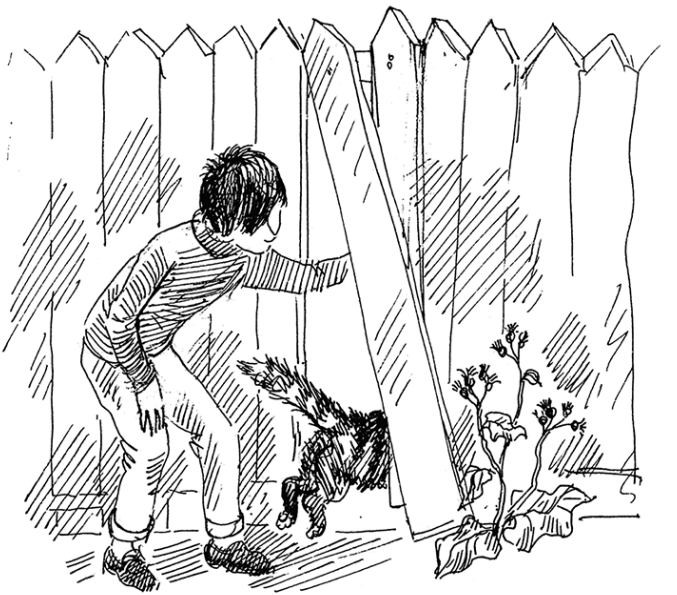
Это много или мало?
Ты не плед, не одеяло,

Ты не птица, ты не зверь,

Ты отныне просто дверь!

Он даже не оглянулся. Он и без того знал, что в этот миг произошло за его спиной. Его старенький шерстяной плед мгновенно превратился в массивную дубовую дверь, обитую клетчатой клеенкой с бахромой.

Глава XIII
Разговор на скамейке в парке. И главное: Вася Вертушинкин удивляется, как это он раньше обо всем не догадался



Полосатый кот быстро разыскал доску, которая держалась на одном гвозде. То ли ему волшебство помогло, то ли просто кошачий нюх, сказать трудно.

— Прыгайте, дяденька волшебник, — сказал Вася Вертушинкин.

Он отвел доску в сторону, и волшебник Алеша легко проскочил в щель. Вася Вертушинкин полез вслед за ним, но зацепился за гвоздь рукавом. Куртка противно затрещала, на плече повис треугольный язычок. А, все равно теперь!..

Вася решил идти пешком через парк. Ехать с волшебником Алешей на троллейбусе — нет уж, благодарю покорно, да ни за что в жизни!

У первой же скамейки волшебник Алеша замедлил шаг.

У второй он совсем остановился, понюхал гнутую ножку скамейки, с тоской повел глазами на воробья, который серым кулечком на тонких лапках бодро прыгал по дорожке.

— Вот, лапу натер... — капризным голосом протянул волшебник Алеша. — И вообще устал. С утра на ногах, ни минуты покоя, стараешься изо всех сил — и никакой тебе благодарности. А ведь все хочешь как лучше...

— Давайте посидим, — согласился Вася

и невольно вздохнул.

Идти домой ему тоже не хотелось. Ведь во дворе ничего не стоило встретить Катю или Сашку Междупрочим. Или еще кого-нибудь из ребят. Можете не сомневаться, уже все всё знают. Сашка молчать не будет, не из таких. Будьте уверены — раззвонил по всему двору. А Петька в другом доме живет. Значит, на оба двора позор.

Вася Вертушинкин опустился на скамейку. Волшебник Алеша пристроился рядышком. Уселся, как сидят все коты на свете: обвив хвостом передние лапы.

Негромко прошелестел ветер в старых дубах.

Покачиваясь и ныряя в воздухе, полетели легкими лодочками темные листья. Они падали со всех сторон. Вася и волшебник Алеша сидели внутри этого шепота, сухого шороха, а листья все кружились и падали вокруг них.

Волшебник Алеша словно нехотя поддел лапой коричневый поджаристый лист, столкнул его со скамейки. Наклонил голову набок, с интересом проследил за его плавным полетом.

«С листиками играет, — раздраженно подумал Вася Вертушинкин, — тоже нашел время… Хотя чего ему? Вернется домой, засядет свои волшебные книги читать…»

А он, Вася Вертушинкин, что же он теперь будет делать? Ничем ему не помог волшебник Алеша, ничем. Только наобещал, наговорил с три короба. И все.

— Выходит, вы просто… нахвастали, — не выдержал Вася Вертушинкин.

Волшебник Алеша вздрогнул. Из глаз его брызнули колючие зеленые лучи.

— Нахвастал, говоришь? — негромко переспро-

сил он. — Так, значит, нахвастал…

Вася Вертушинкин немного смутился. Но ведь он правду говорит, сущую правду.

— Так уж получается, — упрямо повторил Вася Вертушинкин. — Извините, хвастун вы.

— Хвастун? — воскликнул волшебник Алеша. — Хорошенькое дело! А в кого я такой хвастун, ты подумал? В тебя!!! Кто меня нарисовал? Ты!!!

Вася Вертушинкин вне себя от изумления уставился на волшебника Алешу. То есть не на волшебника Алешу, а на полосатого кота, то есть…

— Так вы… Так ты… — заикаясь, с трудом проговорил Вася Вертушинкин.

Ну да. Точно. Как он только сразу не догадался? Вот и ухо — кончик словно в воздухе расплывается. Это он его резинкой стер… И одна полоска на спине размытая. Это он воду пролил…

— Так это, выходит, ты?

— Я.

— Ты?!

— Я. Ты меня нарисовал, а волшебник Алеша оживил.

— Васька! Дружище!

Вася Вертушинкин сгреб кота Ваську в объятия.

Он даже на какое-то время забыл о всех невзго-

дах, свалившихся на него в это утро.

Забавно все-таки получилось, а? Ничего не скажешь. Вы только подумайте: сидит себе его рисунок у него на коленях, живой, теплый, растроганно мурлычет, трется мордой о подбородок. Кончики лап сырые: озябли, наверно, земля-то уже холодная.

— Васька, постой, что же это получается? — спросил Вася Вертушинкин, понемногу приходя в себя. — А звери? Или это мне приснилось, что ты их в мышей превратил?

— Отчего же? — Кот Васька с горделивым видом поднял голову. — Я такое заклинание знаю. Я ведь теперь самый-самый-самый…

— А обратно не можешь?

— Очень надо. — Кот Васька надменно фыркнул в усы. — Я только одно заклинание знаю. А чего? Мне хватает. Все равно я самый-самый-самый главный волшебник на всем белом свете.

— Ну и хвастун ты! — невольно вырвалось у Васи Вертушинкина.

Глаза кота Васьки сверкнули холодным игольчатым блеском. Из бархатных лап на миг показались кривые острые когти, которые Вася Вертушинкин не поленился ему нарисовать.

Кот Васька потянулся, надменно зевнул и соскочил с Васиных коленей.

— Что, не нравится? — прищурившись, проговорил он. — Выходит, тебе одному хвастать можно? А другие пусть и рта не открывают? Так, по-твоему?

Вася Вертушинкин ничего ему не ответил. Да и что он мог ему сказать?

Сухой лист зацепился за его плечо, шурша, скользнул вниз по рукаву. Осень. И листья будут падать, падать до тех пор, пока не укроют всю землю…

Вася Вертушинкин глубоко вздохнул. Он встал со скамейки с таким трудом, что даже подумал: может, он постарел, пока сидел тут на скамейке, или просто земное притяжение увеличилось?

— Ну ладно, собирайся, — негромко сказал он. — Пошли к дяде Алеше. Чего уж тут…

Вся шерсть на коте Ваське моментально встала дыбом.

— Хорошенькое дело! — прошипел он. — Конечно, я всего-навсего нарисованный кот, но и мне дорога свобода. Соображаешь, что говоришь? Ведь волшебник Алеша меня сразу же туда… назад, в рамочку!

— А мне, думаешь, хочется к нему идти? — с тоской сказал Вася Вертушинкин. — А надо. Не бойся, я сразу скажу, что ты не виноват, что ты это только для меня…

— Ха-ха! Будет он разбираться, кто виноват! Тебе-то что! Тебя-то в рамочку не посадят.

— Погоди, а как же звери? — вдруг сообразил Вася Вертушинкин. Он все время был занят одним собой, своим невезением, своими горестями и только тут подумал о зверях. — Постой, им что же, навсегда мышами оставаться, по-твоему? А какой же зоопарк без хищников? Эй, ты куда?

Кот Васька медленно и плавно слез со скамей-

ки, даже не слез, а словно пролился на землю большой полосатой каплей. Не оглядываясь, пошел по дорожке.

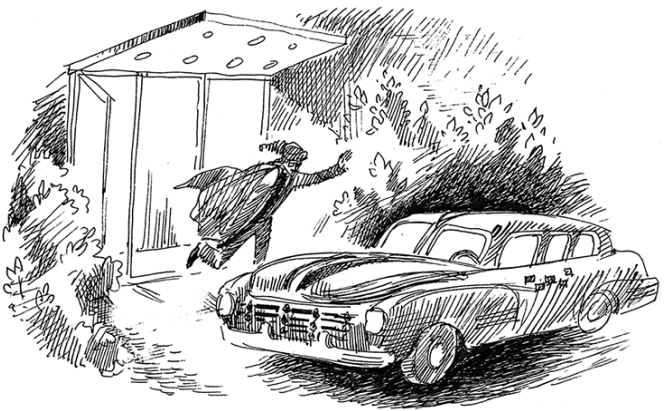
— Стой! Стой! — крикнул Вася Вертушинкин.

Но кот Васька будто не слышал его. Он уходил все дальше и дальше, гибко и мягко переступая лапами, обходя кучи опавших листьев.

И, лишь дойдя до поворота, он оглянулся, с глубоким укором посмотрел на Васю Вертушинкина и сказал, даже как будто не Васе, а самому себе:

— Вот так-то! Постигай законы жизни, кот Васька. Из-за каких-то посторонних хищников лучший друг готов загнать тебя в рамочку. Виси всю жизнь на гвоздике, кот Васька! Вот так-то!

Глава XIV
Владимир Владимирович получает ужасное известие. И главное: волшебник Алеша в первый раз в жизни не знает, что ему делать



Волшебник Алеша вышел из дома и тут же увидел такси.

Зеленый огонек показался ему на этот раз удивительно милым и приветливым.

Волшебник Алеша с криком: «Такси! Такси!» — бросился на середину улицы, ступив при этом левой ногой в лужу, отчего левый ботинок, словно лодка, черпнувшая бортом, наполнился водой.

Но он так торопился и был настолько взволнован, что даже не заметил этого.

Волшебник Алеша предусмотрительно уселся на заднем сиденье такси и тут же начал успокоительно похлопывать ладонью по портфелю и ласково поглаживать крышку термоса.

Дело в том, что джинн терпеть не мог ездить в такси. Он тут же начинал плаксиво жаловаться, что от запаха бензина его тошнит и укачивает. Не успевал шофер отъехать от дома, как он тут же принимался громко проклинать это бессердечное чудовище на четырех вращающихся лапах.

Водители с тревогой косились на портфель, изрыгающий проклятия.

Из-за этого часто случались всевозможные недоразумения.

Вот совсем недавно, да что там, ровно неделю назад, волшебник Алеша куда-то торопился и вызвал по телефону такси. Едва машина тронулась, джинн завел свою песню:

«О жестокое чудовище! Вместо сердца у тебя

стучит счетчик! Ты только и умеешь, что выманивать деньги у моего повелителя. О безжалостный зверь, дышащий бензином!»

Водитель, к несчастью, попался на редкость нервный и впечатлительный. Не проехав и двух кварталов, он так разволновался, что пересек площадь прямо на красный свет.

«Я не виноват. У него портфель ругается», — попробовал он объяснить остановившему его молодому милиционеру.

«О птица Рух! Схвати это чудовище, которое меня так безбожно трясет и подкидывает, и низвергни его в бездонную пропасть!» — отчаянно завывал джинн из портфеля.

«Магнитофон?» — строго спросил милиционер.

«Джинн», — как всегда в подобных случаях, по-детски краснея, ответил волшебник Алеша.

Милиционер четко козырнул и посоветовал водителю ехать с минимальной скоростью.

Но на этот раз джинн вел себя на удивление тихо и примерно.

Он только время от времени еле слышно горестно вздыхал, иногда тихо шуршал, словно перелистывая страницы старинной книги.

Так что можно сказать, на этот раз они доехали благополучно, без всяких приключений.

Между тем директор зоопарка Владимир Владимирович, вне себя от нетерпения, ждал своего друга волшебника Алешу.

Он ходил по пушистому ковру, то ступая только по темным квадратам, то по светлым, часто вздрагивая и с беспокойством вглядываясь в темные углы, где ему все время мерещилось нечто серое, юркое, с длинным ужасным хвостом.

Поэтому, услышав чьи-то быстрые шаги в коридоре, он с радостью и облегчением вскрикнул:

— Алешка, входи! Да входи же скорее!

Но в кабинет вошел не волшебник Алеша, а милиционер Толик.

Друзья мои, вы бы его просто не узнали, честное слово! Куда девалось его извечное веселье и неизменная улыбка?

Он был серьезен. Более того, мрачен. И этого мало. Он был чем-то явно удручен и озабочен. Меж бровей у него залегла глубокая суровая складка.

Но Владимир Владимирович был так занят, так поглощен одной-единственной мыслью о разноцветных мышах, что не обратил на это никакого внимания.

— А, это ты... — разочарованно протянул он и опустился в кресло.

— Понимаешь, на вверенной мне территории совершена загадочная кража, — негромко сказал Анатолий Иванович, пристально глядя на своего друга.

— А? Кража, говоришь? — равнодушно переспросил Владимир Владимирович. — Честное слово, мне сейчас не до этого. Ну что там могло случиться, Толик? Украли скамейку?

— Хуже, — все так же пристально глядя на него, сказал Анатолий Иванович.

— Что ты пристаешь ко мне со всякими пустя-

ками! Ну что? Ларек с мороженым?

— Хуже, — снова повторил Анатолий Иванович.

— Но что же в таком случае?.. Неужели… — начиная волноваться, воскликнул Владимир Владимирович.

— Еще хуже, — все больше хмурясь, сказал милиционер Анатолий Иванович.

— Умоляю тебя, Толик! Ты меня пугаешь! Скажи наконец!.. — вскакивая, закричал Владимир Владимирович.

— Бога ради, не волнуйся. — Милиционер Толик положил руку ему на плечо. — Это только в первый момент кажется таким страшным. А потом, поверь мне, как всегда, все наладится, образуется…

Владимир Владимирович молча смотрел на него округлившимися от ужаса глазами.

— Понимаешь, украли хищников, — наконец неохотно сказал милиционер Толик.

— Украли зоопарк!.. — Владимир Владимирович побледнел и рухнул в кресло.

И хотя кресло было совсем новеньким, но все-таки все его четыре ножки при этом жалобно хрустнули.

— Что?! Украли зоопарк?! — воскликнул волшебник Алеша, входя в этот момент в кабинет.

Он подбежал к Владимиру Владимировичу. — Тебе плохо? Воды?

Но Владимир Владимирович только безнадежно махнул рукой. Он тяжело облокотился о стол, обхватил бледный лоб ладонью.

— Клетки на месте, замки целы, зверей нет, — прошептал на ухо волшебнику Алеше Анатолий Иванович. — Невероятно!

Да, это было невероятно. Оба друга молча, с сочувствием и пониманием посмотрели на Владимира Владимировича. Кто, как не они, отлично знал, с каким страстным нетерпением ждал он этого дня. И вот…

«Сопоставим все невероятное, — лихорадочно думал между тем волшебник Алеша. — Оживление кота… О, эти подозрительные отпечатки лап на волшебной книге! Потом исчезновение двери… Да-да, загадочное и непостижимое. И наконец, разноцветные мыши. Почему именно мыши? Неужели это просто случайность? Кот и мыши. Нет ли тут какой-нибудь скрытой закономерности? И наконец, исчезновение зверей… Возможно, это звенья одной и той же волшебной цепи. Конечно, это только предположение, только смелая гипотеза. Но…»

— Володька! — вдруг воскликнул милиционер

Толик.

Он наклонился, с пристальным вниманием разглядывая чьи-то коричневые подсыхающие следы на пушистом ковре.

— Постой-постой! Отпечаток ботинка! Совершенно очевидно, вне сомнений, у тебя в кабинете сегодня был одноногий человек. Кто это?

— Это я, — смущенно, но вместе с тем с некоторой досадой сказал волшебник Алеша. — Извини, Володя, это, как всегда, моя рассеянность. Я наследил тут у тебя на ковре одной ногой, потому что я сегодня именно одной ногой угодил в глубокую лужу. Но это совершенно не важно. А важно совсем другое. Дело в том, друзья мои, мне кажется, я близок к разгадке этой необыкновенной тайны. А именно: я предполагаю, что во всем случившемся виноват мой ученик!

Две пары изумленных глаз уставились на волшебника Алешу. Оба они — и директор зоопарка, и Анатолий Иванович — не понимали ничего, совершенно ничего.

В лице Анатолия Ивановича мелькнул даже какой-то испуг. Возможно, в этот миг он подумал, уж не заболел ли его друг волшебник Алеша. Он даже поднял руку, словно желая потрогать его лоб и проверить, нет ли у него высокой темпе-

ратуры.

— Я почти уверен, да нет — я совершенно уверен, — волнуясь, продолжал волшебник Алеша, — что все это натворил мой ученик кот Васька. Я думаю, это он превратил в разноцветных мышей твоих зверей. Как вы считаете? О, несомненно!..

Директор зоопарка вскочил с кресла и бросился к волшебнику Алеше. Надежда засветилась в его глазах.

— Алеша, миленький, умоляю, — дрожащим голосом проговорил он. — Ты у нас такой первоклассный волшебник. К тому же ты Повелитель Волшебных Ключей. Преврати этих любимых мышей обратно в моих ужасных зверей… То есть я хочу сказать, преврати моих любимых зверей обратно в этих ужасных мышей… Словом, я хочу сказать… Ну, ты понимаешь, что я имел в виду…

Волшебник Алеша глубоко вздохнул. Делать нечего, дальше скрывать правду было невозможно.

— Понимаешь, Володя, — смущенно признался он, — их может расколдовать только тот, кто их заколдовал. Некоторые считают, что мы, волшебники, плывем, так сказать, без руля и без ветрил. Делаем что хотим. Ничего подобного. Волшеб-

ство — это как математика. Оно подчиняется строгим законам, железным правилам, своей логике… И главное…

Но Владимир Владимирович не дал ему закончить. Он нетерпеливо перебил его:

— Тогда сейчас же разыщи это чудовище, этого убийцу, этого ужасного… как его там… кота Ваську!

— А вот это — пожалуйста! — с торжеством сказал волшебник Алеша.

Что ж, довольно играть в прятки. Пусть они увидят волшебство во всей его красе, силе и могуществе. И ничего, если вылетят пробки, погаснет электричество. Пусть, пусть потолок слегка закоптится, комната наполнится дымом и величественный джинн вырастет до самого потолка. Даже если ковер будет прожжен в нескольких местах — все равно истина дороже!

А как он будет торжествовать, когда в мгновение ока на темной ладони джинна, возникнув неизвестно откуда, появится злополучный плут и бездельник кот Васька.

Да, любопытно, какие лица будут при этом у его друзей!

Слегка дрожащими руками, подергав непослушный замок, который, конечно, заело в самый

что ни на есть неподходящий момент, волшебник Алеша извлек наконец из портфеля голубой термос. Он с гордостью поставил его на стол между новыми телефонами.

— Джинн… — разочарованно протянул Владимир Владимирович, — а я-то думал…

Волшебник Алеша с трудом сдержался, чтобы не ответить ему какой-нибудь резкостью. Но ничего, через несколько мгновений… Нет, пусть они сами убедятся…

— Прости, Алеша, — осторожно коснулся его локтя Анатолий Иванович. — Я просто так, к слову. Разрешение на джинна у тебя имеется?

— Имеется, имеется, — уже не сдерживая раздражения, огрызнулся волшебник Алеша, — есть справка. Все как полагается. Он у меня зарегистрирован.

Нет, это уже переходит все границы! Зато эффект будет тем грандиозней…

Звенящим от волнения голосом и потому чуть слишком громко, виня себя за самолюбивое волнение, волшебник Алеша произнес:

Джинн, яви свою мне верность
И покинь сейчас же термос!..

Волшебник Алеша отвинтил крышку, вытянул

пробку, на всякий случай сделал шаг в сторону…

Но вместо привычного грохота, свиста и треска раздалось только «пшик!» — словно открыли бутылку лимонада. Ни клубов дыма, ни ослепительных снопов искр — ничего.

Волшебник Алеша в полной растерянности заглянул в термос, наклонил его… И в тот же миг из термоса выскочила серая мышь в полосатой чалме, чудом угнездившейся между маленькими круглыми ушами. Она кругами и восьмерками юрко и суетливо забегала по столу между телефонами.

— Что прикажешь, о повелитель? — пискнула она слабым голоском.

— Мышь! — смертельно бледнея, прошептал директор зоопарка.

Он пошатнулся. Если бы его вовремя не подхватил милиционер Анатолий Иванович, он бы, наверное, опять грохнулся на ковер.

Волшебник Алеша мгновенно обо всем догадался. Он бережно взял мышь, посадил ее на ладонь, ласково погладил одним пальцем по спинке, поправил съехавшую набок чалму.

Ах, Васька, Васька! Едва ли он сам мог понять, что он натворил.

Но самое скверное, что могущественный джинн потерял теперь всю свою волшебную силу и рассчитывать на него больше не приходилось.

А кот, глупый, легкомысленный кот, вооруженный к тому же опаснейшим заклинанием, бегает сейчас где-то по городу, на свободе, и мало ли что еще может натворить. И попробуй его теперь

разыщи в большом шумном городе…

— Неслыханное оскорбление! Ничтожный кот! — возмущенно пищала мышь.

Волшебник Алеша, став спиной к директору зоопарка, осторожно опустил мышь в горлышко термоса и тщательно завинтил белую крышку.

— Это так, к делу не относится, конечно… — простонал Владимир Владимирович, — но не лучше ли тебе, Алеша, все-таки выбрать себе какую-нибудь другую профессию…

Волшебник Алеша сдержался и промолчал. Да и что он мог возразить? Он был просто ошеломлен всем случившимся. И главное, он совершенно не знал, что можно предпринять в этом поистине безвыходном положении. Да, такое с ним случилось первый раз в жизни!

Все трое друзей погрузились в тяжкое, мучительное раздумье. Владимир Владимирович сидел, грузно опершись о стол, в отчаянии обхватив голову руками. Волшебник Алеша ходил по ковру, рассеянно постукивая себя пальцами по губам.

— Вот что, друзья мои, — наконец прервал гнетущее молчание Анатолий Иванович и в первый раз за все это время улыбнулся. От его улыбки у всех стало как-то полегче на душе, а у Владими-

ра Владимировича на бледных щеках проступил слабый румянец. — Если не помогло волшебство — поможет милиция. Объявим розыск этого кота, всех поставим на ноги, и вы увидите…

— Толик, умоляю… — только и сказал Владимир Владимирович.

Анатолий Иванович быстро набрал короткий номер. Правда, ему пришлось несколько раз терпеливо повторить дежурному, что опаснейший преступник — всего-навсего кот. То есть, конечно, не совсем обычный кот…

— Особые приметы? — негромко спросил он у волшебника Алеши.

— Особые приметы? Ах да… — Волшебник Алеша очнулся от своих невеселых мыслей. — Левое ухо подтерто резинкой, одна полоска смазана…

Анатолий Иванович закончил разговор и повернулся к своим друзьям.

— Теперь остается только ждать, — вздохнул он.

— Ждать?! — воскликнул Владимир Владимирович. — О чем ты говоришь? Мои бедные беззащитные хищники будут бегать по городу, одинокие, беспомощные, а я буду ждать? Нет, давайте и мы отправимся на поиски. Только, пожалуйста, Алеша, не оставляй у меня в кабинете

этого… серого с хвостом… в термосе…

Волшебник Алеша молча закусил губу. Он осторожно засунул термос в портфель, поймав тревожный взгляд Владимира Владимировича, громко щелкнул замком.

Глава XV
Одной собакой в городе становится меньше. И главное: невероятное сообщение по радио

Между тем кот Васька, оставшись один, забрался на кучу сухих листьев. Устроившись, чтоб ему было удобно, и каждой лапе было удобно, и животу, и хвосту, он решил полежать, все не спеша обдумать и решить, что делать дальше.

Листья под ним, уминаясь, приятно похрустывали, словно тонкие сухарики, солнце ласково грело с одного бока, пахло осенью.

«Ах, как было бы хорошо, если бы мой пушистый Вертушинкин лежал сейчас рядом со мной, — сам себе сказал кот Васька. — Я просто уверен, что мой Вася Вертушинкин умеет лучше всех на свете лежать на сухих листьях. Понимает в этом толк. Но ничего не поделаешь! Я сделал все, что мог, совесть моя чиста. Он сам предал нашу дружбу, предложив мне отправиться назад к волшебнику Алеше, иначе говоря, прямиком в рамочку. Что ж! Как говорится, кому молочко, а кому пустое блюдечко! Теперь я без него пойду по дороге жизни, гордый и одинокий нарисованный кот!»

Кот Васька угрелся и сам не заметил, как задремал.

Ему приснился двор, безлунная ночь и кошка Мурка.

Кошка Мурка ходила по двору и держала в лапе яркий желтый фонарик. Золотистая шерсть ее, наполненная светом, казалась воздушной, прозрачной. Она задумчиво и лукаво улыбалась, прогуливаясь по двору между темными спящими гаражами…

«Как же я подойду к ней? — с тоской подумал кот Васька. — Ведь у меня нет такого фонарика. Нет, никак нельзя подойти».

Тут, к его огорчению, из-под кучи бревен вылез старый печальный жук. В тонкой, как волосок, лапке он держал совсем маленький зеленый фонарик.

Мурка и жук степенно, не спеша пошли рядышком по асфальтовой дорожке. Старый жук с трудом удерживал фонарик тонкой лапкой, и зеленый свет, мигая, отражался в его полированных жестких крыльях.

— Может быть, так… Может быть, так… А может быть, смею сказать, совсем иначе… — мудро качая головой, говорил старый жук кошке Мурке.

«Ну почему, почему мой Вася Вертушинкин поленился нарисовать хоть какой-нибудь фонарик?.. — терзался кот Васька. — Как же я теперь?..»

Он громко мяукнул от обиды и проснулся.

«К чему бы такой сон? — недовольно сморщив нос, задумался кот Васька. — Впрочем, я нарисованный, значит, и сны у меня тоже нарисованные. А кто в наши дни верит нарисованным снам? Разве что старые кошки, которые и мышь разглядеть не могут… Э, всем известно,

что нарисованные сны не сбываются! Однако что же я унываю? Я молод, красив, талантлив и совершенно свободен. Надо оглядеться, поближе познакомиться с жизнью. Вот поистине пушистая мысль! Как говорится, мир посмотреть и себя показать. Все еще будет у меня мур-мур!»

Кот Васька побежал по дорожке к выходу из парка.

Но, друзья мои, одно дело висеть в рамочке на стене, совсем другое дело одному разгуливать по городу.

Улица обрушилась на него движением, шумом, суетой.

Мимо него быстро шагало, стуча каблуками, множество ног.

Солнце отражалось в стеклах машин, в широких витринах. Тут бы зажмуриться, но зажмуриться кот Васька все-таки опасался. Зазеваешься и как раз угодишь в чьи-нибудь цепкие руки.

Неутомимо вращались колеса машин, и от этого в голове начинало тоже что-то вращаться. Все вокруг двигалось, дышало бензином, разговаривало, смеялось, трепетало на ветру.

Кот Васька свернул в переулок. Тут машин было меньше и люди шли как-то помедленнее.

Но теперь, как назло, пустой живот завел за-

унывную голодную песенку. Да, есть хотелось отчаянно.

Кот Васька вспомнил, как он вылизывал банку со сгущенным молоком, а уши его прилипали к сладким краям банки.

Ничего не скажешь, это было прекрасно! Но есть на свете кое-что куда более заманчивое и притягательное, чем сгущенное молоко!

Что он, право, растерялся, как малый котенок! Забыл, что он знает самое-самое что ни на есть главное заклинание на свете…

В этот момент его чуткий нос уловил тревожный, можно даже сказать — опасный, запах. Кот Васька остановился.

Он увидел на углу переулка здоровенного золотистого бульдога, гладкого, словно отполированного до блеска, с коротким обрубленным хвостом.

Бульдог пристально смотрел на него надменными, ледяными глазами.

Кот Васька попятился и прижался к стене за водосточной трубой.

«Что ж, пора, пора выполнять намеченный план, — решил кот Васька. — Кончать с этими так называемыми собаками…»

Рядом на тротуаре играла в классики хозяйка бульдога в ярко-алой вязаной шапочке.

Она прыгала на одной ножке, и вместе с ней прыгал и играл в классики красный помпон на ее шапочке. Замечательный помпон! Если его оторвать и бросить на пол, а потом подкинуть лапкой, чтоб он покатился под стул или кресло, с ним можно очень неплохо провести время…

Но сейчас коту Ваське было не до этого.

Не спуская глаз с ничего не подозревающего бульдога, кот Васька быстро прошептал:

Великан или малыш,

Ты рычишь или молчишь,

Ты стоишь или бежишь,

Превращайся сразу в мышь!

Все произошло, как он и ожидал. Бульдог мгновенно исчез. А там, где он только что стоял, в полной растерянности замерла, прижавшись к асфальту, золотисто-желтая мышь с коротким обрубленным хвостом.

Кот Васька почувствовал, что у него на спине выросли крылья.

— Не убежишь! — злорадно усмехнулся Васька

и взлетел в воздух.

Но мышь и не думала бежать. Оскалив зубы, похожие на кончики маленьких часовых стрелок, мышь тонким голосом отчаянно залаяла и затявкала.

И тут кот Васька сплоховал. Взяла-таки верх кошачья натура. Что ни говорите, пусть еле слышно, пусть мышиным голосом, но все же мышь залаяла. А кот Васька не мог этого выдержать.

Поджилки у него затряслись. Он невольно отпрянул назад, хотя хорошо понимал, что это всего-навсего бывший бульдог. Бульдог, так сказать, в прошлом, которого и бульдогом-то теперь даже не назовешь.

И все-таки эти мгновения позорной растерянности и сомнения погубили все дело.

Васька и оглянуться не успел, как дрянная мышь скрылась за дверью ближайшего подъезда. Обед убежал.

Кот Васька от досады скрипнул зубами.

Хорошо еще, что хозяйка бульдога ничего не заметила. Вместе со своим симпатичным помпоном она беспечно все прыгала и прыгала на одной ножке.

Ну ладно, делать нечего. Сейчас он превратит

в мышь этот пожелтевший куст или, пожалуй, водосточную трубу.

И все-таки… кот Васька не мог скрыть разочарования. Съесть мышь, неповторимо пахнущую бульдогом! Вот это, скажу вам, было бы первое, второе и третье. Но пообедать мышью с привкусом железа или увядшей листвы!.. Нет, и не спорьте, это совсем не то, совсем не то…

Кот Васька оглянулся: нет ли поблизости чего-нибудь такого обаятельного, мясного-молочного, а может быть, даже умеющего рычать и лаять. Уж второй раз он не поддастся позорной растерянности!

И в этот миг он услышал откуда-то сверху громкий взволнованный голос:

— Внимание! Внимание! Передаем экстренное сообщение!

Интересно, кто это говорит? Кот Васька насторожился, поднял голову.

А, радио! Кто-то вынес транзистор на балкон, да еще включил погромче.

— Внимание! Внимание! Город в опасности!

Это уже слышалось откуда-то сзади. Кот Васька стремительно обернулся. По тротуару шагали двое мальчишек. У одного в руке был черный транзистор.

— Петька! Слышишь? Город в опасности! — радостно воскликнул один из мальчишек.

Кот Васька хотел было идти дальше по своим делам, но вокруг мальчиков тут же собралась большая толпа, перегородив весь тротуар.

Послышались возбужденные голоса:

— Тише! Тише!

— Это почему тише? Громче! Громче!

— Да нет, это вы потише, а радио пусть погромче!

— Дайте послушать, помолчите. Бога ради!

— Да вы сами громче всех кричите!

— Тише! Тише!

— Громче! Громче!

Для кота Васьки не составило труда подойти совсем близко.

Сначала он пристроился около чьих-то блестящих зеленых ботиков. Но от них остро и резко пахло резиной.

Он нашел удобное местечко возле туфелек на высоких каблуках. Прямо над ними покачивалась сумка, из которой торчал аппетитный, словно расклешенный рыбий хвост. Да, его можно было съесть даже без всякого волшебного заклинания!

— По городу бегает опасный преступник — полосатый кот! — продолжал взволнованно говорить диктор. — Все на поиски полосатого кота! Предупреждаем: кот с ног до головы вооружен заклинанием. Умеет все и всех превращать в мышей!

«Интересно! — изумился кот Васька. — Еще один такой же, как я, кот объявился. Где он только научился моему заклинанию?.. Однако этот рыбий хвостик вовсе не так плох. Симпатичнейший, надо признаться, хвост. Есть в нем кое-что достойное внимания… Жаль, если он достанется тому, кто не сможет его оценить».

Но то, что кот Васька услышал в следующее мгновение, заставило его забыть и про симпатичный хвост, и про несимпатичные резиновые ботики. Кот Васька невольно прижал уши и рас-

пластался на земле.

— Особые приметы! — громко и четко проговорил диктор. — У преступника левое ухо как бы стерто резинкой. Одна полоска на спине смазана!

«Батюшки! Да ведь это обо мне говорят! Это меня ищут!» — ужаснулся кот Васька.

— Погодите, погодите! — закричал чей-то пронзительный, словно заостренный на конце голос. — Что-то в глазах мелькнуло полосатое! Вот недавно, только что!

Брюки, брюки, полы пальто раздвинулись. Над своей головой кот Васька увидел осколок голубого неба. И тут же его оглушили голоса:

— Это он, он!

— Смотрите, ухо!

— И полоска на спине!

— А я-то чувствовала что-то возле ноги теплое, мягкое!

— Держите его! Ловите!..

— Хватайте!..

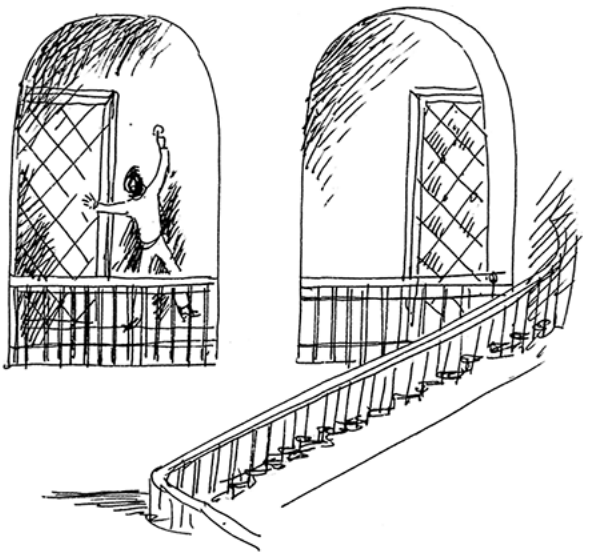
К коту Ваське со всех сторон потянулись руки с растопыренными пальцами.

Две черные хищные перчатки чуть было не схватили его за шиворот. Ему даже показалось, что из черных пальцев высунулись острые

когти. Но рук было слишком много. Мальчишеская рука, поцарапанная, измазанная чернилами, рванулась наперерез перчаткам, норовя ухватить его за хвост. Руки сталкивались, мешая друг другу.

Кот Васька не стал дожидаться, пока кто-нибудь его схватит. Он скользнул между туфельками на высоких каблуках и зелеными ботиками и понесся по улице, то растягиваясь всем телом, то сводя все лапы вместе.

Глава XVI
Томительное ожидание на лестнице. И главное: Вася Вертушинкин тоже отправляется на поиски опаснейшего преступника



Вас, конечно, интересует, что же делал Вася

Вертушинкин, после того как кот Васька, раздосадованный и оскорбленный, покинул его в парке?

Минуточку, минуточку, я все расскажу вам по порядку. Вася Вертушинкин решил все же отправиться к волшебнику Алеше, хотя, надо признаться, идти к нему ох как не хотелось!

«Надо идти к нему, надо, — с тоской твердил себе Вася Вертушинкин, пока троллейбус вез его по знакомым улицам. — Пусть он хотя бы мышей обратно в хищников превратит. А потом…»

Вася Вертушинкин сам не знал, что будет потом. Как он встретится с ребятами, с Катей. Он не мог думать об этом. Все как будто обрывалось в темноту, в пропасть…

Вася Вертушинкин бегом пересек свой двор. К счастью, во дворе никого не было. Хоть в этом повезло! Только кошка Мурка, как всегда недовольная и скучающая, сидела на крыше гаража и грелась в лучах неяркого осеннего солнышка.

Вася Вертушинкин нырнул в подъезд и через две ступеньки бросился вверх по лестнице.

Задыхаясь, взлетел он на пятый этаж и остановился, изумленный.

Дверь! Честное слово, дверь! Да еще похожая на плед, вся в клеточку и даже с бахромой.

Как же ее успели так быстро поставить? Не иначе опять чудеса. Наверное, волшебник Алеша вернулся домой и наколдовал себе новую дверь.

Вася Вертушинкин долго и терпеливо звонил, ждал и снова звонил.

В пустой квартире тоскливо и одиноко раздавался дребезжащий звонок. Будто в передней кто-то маленький, весь обвешанный колокольчиками, спрыгивал на пол и убегал в дальние комнаты, и звон его колокольчиков затихал.

Все ясно. Нет дяди Алеши. Ушел куда-то. И скажите на милость, ну что ему дома не сидится?

Вася Вертушинкин опустился на ступеньку. Никуда он отсюда не пойдет. Он будет тут сидеть хоть целый день. Хоть всю жизнь. Потому что, можете вы это понять, некуда ему теперь идти!

Ступенька была холодной, и уже через минуту Вася Вертушинкин почувствовал это. И холод этот пробирался в него все глубже и глубже, пока ему не показалось, что он сам стал каменный и холодный, как эта ступенька.

Вася Вертушинкин, чтобы хоть немного со-

греться, обхватил себя руками за плечи, весь сжался, съежился.

Где же дядя Алеша? Сидит себе, наверно, где-нибудь в гостях, волшебные чаи гоняет. И дела ему нет, что из-за него, может быть, человек погибает…

Впрочем, почему из-за него? Во всем, во всем виноват кот Васька, этот зловредный хвастун и обманщик. Ничего толком не умеешь, зачем хвастать?

Впрочем, почему кот Васька виноват?.. Ведь если как следует разобраться…

Потянув за эту нитку, Вася Вертушинкин принялся разматывать весь клубочек.

Наверно, он долго сидел на этой ступеньке, окоченев от тоски и ожидания. Лучи солнца, с трудом проникнув сквозь высокое пыльное окно, двигаясь по стене, постепенно пришли к нему и словно свили теплое гнездо у него на коленях.

Со двора послышались громкие голоса ребят. Чистый, словно умытый голосок Катьки. Какими чужими, безжалостно счастливыми показались они все Васе Вертушинкину!

Вася Вертушинкин встал и начал медленно-медленно спускаться по лестнице.

На каждой ступеньке ему хотелось остановиться, сесть и не двигаться. Но он упрямо твердил себе: «Надо! Надо! Надо!» — и шаг за шагом спускался вниз.

Он вышел во двор, и в щеку ему ударила сонная мохнатая пчела. Наверно, несла последнюю каплю меда в свой улей.

А посреди двора, освещенные низким осенним солнцем, стояли те, кого он боялся увидеть сейчас больше всего: Катя, Сашка Междупрочим и Петька.

Они что-то горячо и взволнованно обсуждали, а Сашка кричал громче всех, да еще немилосердно пихался локтями, чтобы обратить на себя внимание, чтобы все слушали только его одного.

— Ребята… я все нахвастал… — сказал Вася Вертушинкин с таким усилием, что даже сам удивился, до чего же трудно сказать эти короткие слова.

— Знаем, что нахвастал! Ладно, что нахвастал!

Подумаешь, нахвастал! — завопил Сашка Между-прочим. — Ты радио слышал?

— Слышал? — повторила Катя.

— Нет, — оторопел Вася Вертушинкин.

Какое еще радио? Он такое сказал ребятам, в таком признался, а они хоть бы что, спрашивают про какое-то там радио… Не дразнят, не смеются…

— А мы преступника ловим, между прочим! — словно обрадовался Сашка, что есть человек на свете, который еще ничего не знает. — Вы молчите, я лучше расскажу! Понимаешь, преступник с ног до головы вооружен заклинаниями!.. Постой-постой, а ты сегодня какого кота на руках нес? Чудной такой!

— У него еще ушко больное. Я тогда сразу заметила, помнишь? — подсказала Катя.

— Ну и что? — холодея, спросил Вася Вертушинкин. — Ой, ребята!..

Он уже начал кое о чем догадываться. Как это ему раньше в голову не пришло? Но нет, нет, быть того не может! Неужели его кот Васька…

— Соображаешь? Он кого хочешь в мышь превратить может! — задыхался Сашка Между-прочим. — Такого натворит… Он ведь кот, и ум у него котиный!

— Котовый! — поправил его Петька.
— Котячий! — тихо сказала Катя.

Глава XVII
Превращение в мышь фанерного ящика. И главное: погоня продолжается

Уж не знаю, какой ум был у кота Васьки — котячий или все-таки «кошачий», но в этот момент положение его было поистине ужасным.

За ним гналось по меньшей мере три десятка

людей, а из улочек и переулков выбегали еще какие-то люди, и эта толпа, кричавшая: «Держите его!.. Ловите!.. Кис-кис!.. Мур-мур!..» — все росла и росла.

Звонким металлическим горохом, подпрыгивая, катилась за ним трель милицейского свистка.

Кот Васька длинными скачками несся вперед, не очень-то соображая, куда он, собственно, несется.

Перед ним неожиданно появлялись машины, люди, стеклянные киоски. Вздыбился горбатый мост и исчез.

Кот Васька бежал мимо длинного дощатого забора, безнадежно глухого и равнодушного. Желтые доски ровные, одинаковые. Хоть бы одна гостеприимная дыра, спасительная щель…

Вдруг впереди мелькнула темная подгнившая доска. Кот Васька мигом распластался на земле и протиснулся в узкое пространство.

Голоса бегущих за ним людей, словно ударившись о забор, рассыпались:

— Эх!..

— Убежал-таки!

— Улизнул!

— Удрал!

— Вот если бы не этот портфель, я бы его схватил… Одной рукой разве ухватишь?

— А мне сумка, сумка помешала!

Кот Васька огляделся. Ну, кажется, спасен! Вокруг лежали груды кирпичей, досок. Самое подходящее место, чтобы спрятаться бедному нарисованному коту.

Кот Васька забрался под доски, подумав невольно: насколько приятней пахнут доски, чем кирпичи.

«Вот если бы мой пушистый Вертушинкин был сейчас со мной… — сам себе грустно сказал кот Васька. — Я просто уверен, что он лучше всех на свете умеет залезать под доски! Но нет, довольно о нем! Я должен, должен его забыть!.. Лучше всего мне поскорее убраться из этого города, потому что по всему видно, жизни мне тут не будет. Что ж, поселюсь где-нибудь на лоне природы, в лесу. И там не спеша, превращая в мышей деревце за деревцем, деревце за деревцем, как-нибудь доживу свой век. Да, кстати, пора бы и пообедать. В конце концов, так и отощать недолго. Нельзя же бегать целый день по городу на пустой желудок…»

Но в этот самый миг возле груды досок, где он пристроился так уютно, затопали чьи-то ноги, зазвучали возбужденные голоса:

— Он где-то тут!

— А может, удрал?

— Ну куда он мог удрать? Где-нибудь тут спрятался!

— Ну да, будет он тут прятаться!

В щель между досками кот Васька увидел худенькую востроносую старушку в серой шапочке, связанной словно бы из толстой паутины.

— Это вовсе не кот был, слышите? — верещала она острым колючим голоском. — Мячик, наверно, или еще что полосатое. Может быть, зонтик. Верно вам говорю. Потому что я этого кота еще утром видела в троллейбусе. Меня, знаете ли, не проведешь. Я тогда сразу подумала: нет, не кот это, а преступник. Кота мальчишка вез. Ну, думаю, и мальчишка такой же. Так вот, я того мальчишку научила, где ему своего кота выбрасывать. Около дома моей сестры Тонечки. И адрес дала. Так вы этого кота возле дома моей сестры Тонечки ищите. Он там, я знаю. А здесь его нет, нет и быть не может!

Славная старушка! Милая старушка! Правда, голос противный и сама малосимпатичная, но зато всех сбила с толку и запутала следы.

Хоть он и нарисованный кот, но и ему не чужда благодарность. Есть у него один знакомый паучок. Он уже давно поселился за его рамочкой и целый день там молчаливо трудится. Если им

доведется еще раз свидеться, он непременно попросит этого паука, чтобы тот наткал для острой старушки паутины еще на одну шапочку…

Конечно, хвост — это прекрасно! Хвост — это восхитительно, кто спорит? Но иногда он может причинить массу неудобств. Хвост может даже погубить своего владельца, если хотите знать. Вот, например, если кончик его предательски торчит из-под груды досок…

— Смотрите! Что это? — вдруг закричал чей-то мужской голос. — Умоляю, возьмите, да возьмите же мой портфель!

— Полосатое! — подхватил женский голос. — Сумку мою подержите, сумку!

Кот Васька не стал дожидаться, пока они там разберутся с сумками и портфелями, а тут же дал деру.

Все бросились за ним, но он, перелетев через груды кирпичей, легко всех опередил и очутился возле другого дома, почти построенного. Около него с задумчивым видом стоял подъемный кран и как будто прикидывал, не добавить ли дому еще пару этажей или несколько балкончиков.

— Вон он! Вон он! — закричал молодой рабочий, высовываясь из кабины подъемного крана. — Налево побежал, а теперь направо!

«Совсем затравили!» — в отчаянии подумал кот Васька, удирая подальше от всевидящего подъемного крана.

Он пересек большой пустырь, обогнул маленький домик на колесах и вдруг увидел чудесный старый ящик, сбитый из грубых шершавых досок. Одним уголком ящик опирался о кирпич, и под него можно было легко забраться.

Кот Васька нырнул под ящик. Здесь было сумеречно и уютно. Плоский луч солнца проникал в узкую щель между рассохшимися досками.

«Милый домик, спасибо, что ты приютил бедного нарисованного кота, — растроганно подумал кот Васька. — Здесь я хоть ненадолго обрету покой. Перекушу чем бог послал и отправлюсь, гордый и независимый, куда глаза глядят».

Но, видно, коту Ваське в этот день не суждено было хоть немного отдохнуть. Не прошло и трех минут, как он снова услышал чьи-то шаги и голоса.

— Как, однако, досадно! — сердито сказал мужской голос. — Если бы ты тогда хоть на одну минутку взяла у меня портфель, я бы двумя руками тут же схватил этого негодного кота!

— А если бы ты только на одну секунду взял мою сумку, — упрямо возразил женский голос, — я бы двумя руками тут же поймала этого ужасного зверя!

Голоса умолкли.

И тут кот Васька совершил непростительную оплошность. Он решил, что обладатели портфеля и сумки удалились, оставив его наконец в покое.

Если бы он не был так измучен и взволнован, он бы, конечно, догадался, что никуда они

не ушли, а попросту присели на край деревянного ящика.

Но кот Васька решил, что он совсем один и к тому же в полнейшей безопасности и может теперь, не тратя времени даром, подумать о пропитании.

«Пообедаем! — сказал себе кот Васька. — Что бы ни было — пообедаем! Но что можно превратить в мышь, сидя в деревянном ящике, где, кроме деревянного ящика, ничего нет? Вот вопрос! Превратить в мышь землю, которая у меня под ногами? Иначе говоря, превратить в мышь земной шар? Интересно, где же я тогда окажусь, после того как пообедаю?.. Гм!.. Это, пожалуй, несколько рискованно. Остается только одно: превратить в мышь этот деревянный ящик. Так что уж извини, мой дорогой, уютный домик, мне очень жаль, но...»

Кот Васька облизнулся и прошептал:

Великан или малыш,
Ты стоишь или лежишь,
Ты молчишь или скрипишь,
Превращайся сразу в мышь!

И в тот момент, когда все осветилось, а стены и потолок его домика внезапно исчезли и перед

его носом мелькнула желтоватого цвета мышь, в тот же самый момент откуда-то сверху на него обрушились два человека.

Они, можно сказать, вдвоем уселись на несчастного кота Ваську, всей тяжестью придавив его к земле. Кот Васька даже не успел разглядеть, куда скрылась желтоватая, с деревянными разводами мышь.

Но и для этих двух людей исчезновение ящика и внезапное падение вниз на что-то живое, двигающееся, мохнатое тоже явилось полнейшей неожиданностью.

Вскрикнув, оба они вскочили. Кот Васька не стал дожидаться, пока они придут в себя.

Он со всех ног кинулся прочь.

— Портфель!

— Сумка!

И все началось сначала.

Коту Ваське казалось, что теперь за ним гонится весь город.

Какие-то дети.

Какие-то люди в белых халатах.

Пожарники.

Милиционеры.

И наконец, какое-то одеяло, которое попыталось наброситься на него сверху.

Ах, если бы пушистый Вертушинкин был сейчас с ним! Он бы не дал в обиду своего невезучего нарисованного кота. Он подхватил бы его на руки, спрятал бы под свою школьную куртку, успокоил, отогрел… Но Вертушинкина нет с ним. Он совсем один. Один-одинешенек. И за ним гонится эта ужасная кричащая толпа…

«Может, превратить их всех… ну, в этих… серых… которые с хвостами?» — затравленно оглядываясь, подумал кот Васька.

Но все мысли у него в голове тоже бежали и подпрыгивали. Нет, сколько он ни старался, он не мог вспомнить ни словечка из волшебного заклинания.

А тут еще, на его несчастье, какая-то старушка, увидев бегущего по улице кота, а за ним целую толпу народу, от удивления всплеснула руками. При этом она уронила на тротуар банку с вишневым вареньем, которую несла в подарок другой старушке, своей давнишней подруге.

Варенье было самое лучшее: домашнее, душистое, без косточек.

Но вряд ли кот Васька оценил это. Он влетел в сладкую густую лужу, отчего его лапы и живот стали липкими и клейкими, а хвост сразу отяжелел и потерял подвижность.

Но и этого мало. Какой-то малыш преградил ему путь, прижав его к земле большой пухлой подушкой.

Кот Васька, задыхаясь, вспорол когтями эту подушку. Но ничего на свете нет ужаснее, чем пух и перья вместе с вишневым вареньем. Если уж они встретятся, то разлучить их просто невозможно.

Кот Васька, измазанный вареньем, облепленный пухом, мчался по улице. Он свернул за угол, потом еще раз за угол. Преследователи не отставали.

Слева от него, рябя в глазах, побежала знакомая в завитушках ограда парка. Кот Васька легко

скользнул в чугунный венок из дубовых листьев. Он оглянулся. Люди толпились у ограды. Те, кто помоложе, карабкались на нее. Один мальчишка уже сидел верхом на столбе, обняв руками чугунную вазу…

Но все же они отстали, хоть немного, но отстали.

Кот Васька собрал последние силы и пустился бегом по пустой аллее. Голоса позади него затихали, гасли.

Глава XVIII
Снова о разноцветных мышах. И главное: одним котом в городе становится меньше

Кот Васька оглянулся. Он был один. Лапы у него просто отваливались от усталости, он еле дышал. Морду облепил противный щекочущий пух.

Мужество оставило его. Кот Васька не выдер-

жал и всхлипнул. Может быть, обычные коты и не плачут, но ведь он нарисованный, и это его личное дело.

Нет, лучше бы волшебник Алеша никогда не оживлял его. Да что уж тут, лучше бы пушистый Вертушинкин никогда бы не брал в руки акварельную кисточку. Зачем, зачем только он нарисовал его!..

Разве это жизнь? Замучили его, затравили, затерзали.

«Вот возьму и как превращу всех в мышей! — со злостью подумал кот Васька. — Тогда узнаете… Тогда пожалеете. Всех до одного превращу!»

Кот Васька еще раз всхлипнул и начал читать заклинание:

Великан или малыш,

Ты стоишь или…

Тут кот Васька внезапно умолк, словно споткнулся.

Что же это получится? Если он всех превратит, то и его Вася Вертушинкин, его пушистый Вася тоже станет мышонком? Нет! Ни за что!

Но с другой стороны, что же делать? Уже ясно, никуда ему отсюда не уйти, не скрыться. Все равно его разыщут, окружат со всех сторон, схватят,

и уж тогда не жди пощады.

Все. Пропал. Погиб. Конец коту Ваське…

Вдруг глаза кота Васьки блеснули.

Что, если… что, если ему обмануть всех и самому превратиться… в мышь?

А что? Пожалуй, неплохо. Пожалуй, лучше ничего и не придумаешь. Пускай, пускай тогда побегают, поищут!

Хотя, конечно, превратиться ему, коту Ваське, и в кого? Тьфу! Даже говорить неохота… Даже думать противно… Нет, ни за что! И не уговаривайте! Все, что угодно, только не это.

Лучше все-таки отыскать хоть какое-нибудь укромное местечко, все, что угодно: сырой подвал, щель, любую дыру.

Кот Васька отряхнул липкую пушинку с носа, оглянулся, и вдруг прямо перед ним на дорожке, словно из-под земли, появился милиционер Анатолий Иванович.

Увидев кота Ваську, он так и застыл на месте, расставив руки. Кот Васька тоже замер, глядя на него с тоской, с безнадежным отчаянием.

— Чуяло мое сердце, что он тут, в парке… — прошептал Анатолий Иванович. — Теперь не уйдешь, голубчик!

Анатолий Иванович быстро поднес к губам

свисток. Резкий свист стремительно побежал во все стороны по дорожкам парка, и в ответ тоже послышались свистки, приближающийся топот ног и голоса.

— Кис-кис-кис! — угрожающе позвал Анатолий Иванович, еще шире раскидывая руки и наступая на кота Ваську.

«Я должен действовать быстро и решительно, — подумал Анатолий Иванович. — Прямотаки молниеносно. А то он и меня может… ну, словом, превратить. Конечно, моя жена Милочка все поймет. Она умница, надежный, верный друг. Поймет, что это был мой служебный долг. И все же… Опять-таки дети. Авторитет отца. Как их воспитывать, если ты…»

Эти мысли вихрем пронеслись у него в голове, но не поколебали его решимости.

Кот Васька в испуге попятился, глядя на Анатолия Ивановича затравленными глазами. Кто бы знал, как он измучен, истерзан!

«Все. Надо превращаться. Ничего не поделаешь, — в отчаянии подумал кот Васька. — Кончаю свое существование в качестве кота. Начинаю самопревращение…»

И он, продолжая пятиться назад, лихорадочно зашептал:

Великан или малыш,

Пеликан или велишь…

Ой, в голове все перепуталось, как клубок ниток…

Анатолий Иванович прыгнул на кота Ваську, но тот в самый последний момент увернулся и взлетел на рыхлую кучу сухих шуршащих листьев.

Кот Васька увидел, как из-за поворота аллеи лавиной выплеснулась толпа людей, что-то пестрое, кричащее и многорукое.

Позади, нарастая, тоже слышались топот ног и голоса.

— Минуточку, минуточку! Сосредоточиться не дают! — из последних сил заторопился кот Васька и, прижав уши к голове, задыхаясь, прошептал:

Великан или малыш,

Ты бежишь или стоишь…

В общем, что бы я ни делал,

Превращаюсь сразу в мышь!

И в тот же миг он провалился в сухие листья, куда-то вниз, в мягкий сумрак с солнечными окошками.

А милиционер Анатолий Иванович в полном недоумении остановился, глядя на кучу листьев, где только что стоял, прижав уши, вздыбив шерсть, кот Васька.

Да, опаснейший, загадочный преступник исчез. Исчез самым непонятным образом.

Анатолий Иванович краешком глаза оглядел себя, незаметно ощупал кобуру сбоку на ремне. Кажется, все обошлось, все-таки не превратил…

— Это ты свистел? Ты его видел? Где он? — забросали Анатолия Ивановича вопросами подбежавшие к нему волшебник Алеша и Владимир Владимирович.

— Удрал, разбойник! — только и мог сказать Анатолий Иванович, разводя руками. Он умолчал о том, что преступник, собственно говоря, не удрал, а самым таинственным образом исчез, словно растворившись в воздухе.

— Ну что ж, милиция милицией, а волшебство волшебством, — задумчиво сказал волшебник Алеша. — Знаете что, друзья мои? Пока все ищут кота, не отправиться ли нам потихоньку ко мне домой? Я хотел бы заглянуть в кое-какие волшебные справочники, словари, энциклопедии.

— Мне уже все равно, — безжизненным голосом пробормотал Владимир Владимирович.

Голоса и шаги удалились, затих знакомый приятный скрип шелковой подкладки плаща волшебника Алеши.

В тишине прошелестел ветер, и только легкие лодочки сухих листьев, с тихим шорохом сталкиваясь в воздухе, качаясь и кружась, падали на землю.

Из-под кучи листьев вылез кот Васька. Оглянулся на свой длинный тощий хвост, невольно содрогнулся. Гоняться за таким хвостом, ловить его, настигать — это одно удовольствие. А вот если это твой собственный хвост… Только и радости, что спина полосатая.

«Взгляну в последний раз на моего пушистого Васю, — с тоской подумал он. — Хоть издали посмотрю. К тому же я должен повидать кошку Мурку. Иначе это будет просто невежливо. Попрощаюсь с ней и уйду навек в подполье».

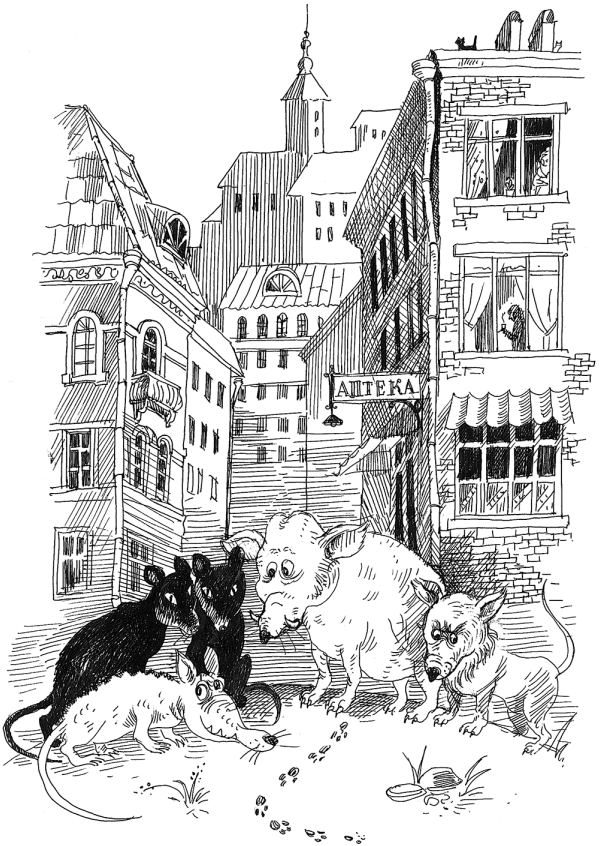
И он медленно и печально побрел по дорожке. Маленький полосатый мышонок среди огромных столетних дубов-великанов с черной отсыревшей корой.

«Да и кто я теперь такой? — печально рассуждал кот Васька. — Раньше все было очень просто. Я был обычный нарисованный кот. Теперь я превратился в мышонка. Но в какого, вот в чем

вопрос. Вероятно, в нарисованного. Логично? Логично. Но как я могу быть нарисованным мышонком, если мой пушистый Вася Вертушинкин никогда не рисовал мышей? Нет, совершенно непонятно, кто я теперь. А как это грустно и обидно быть непонятно кем…»

Едва кот Васька скрылся за поворотом, в конце аллеи среди выцветших коричнево-желтых листьев мелькнуло что-то яркое, разноцветное, вытянувшееся цепочкой. Словно кто-то порвал нитку бус и крупные цветные бусины раскатились по аллее.

Но нет, это были не бусины. Это были разноцветные мыши.


АПТЕКА

Впереди, как и подобает царю зверей, шел лев. Иначе говоря, желтая мышь. За ней шла серая мышь, несколько более крупного размера, чем все остальные. За серой мышью бежали две черные бархатистые мышки. Последней плелась, устало припадая к земле, зеленая мышь.

— Стоило ли сомневаться, что все кончится именно так… — ворчала зеленая мышь.

Вдруг желтая мышь так резко остановилась, что серая налетела на нее, а одна из бывших пантер отдавила хвост бывшему слону.

— …ахнут котом! — с торжеством воскликнула желтая мышь, иначе говоря, лев.

Это значило: «Обратите внимание на эти следы. Сомневаться не приходится. Они пахнут котом».

Лев, как всегда, договаривал только последние слова, считая, что все звери должны, просто обязаны догадаться, что он имел в виду.

— Если так, то идемте по следу! — глубокомысленно кивнула головой серая мышь.

— По следу! — гибко подпрыгнули черные мыши.

— По следу… — мрачно проворчала зеленая мышь.

— Но, друзья мои, — заволновалась серая мышь, перебегая с места на место. — Следы обрываются.

Вот здесь, около кучи листьев.

— А с этой стороны почему-то идут мышиные! — удивились черные мыши.

— …котом! — прорычала желтая мышь.

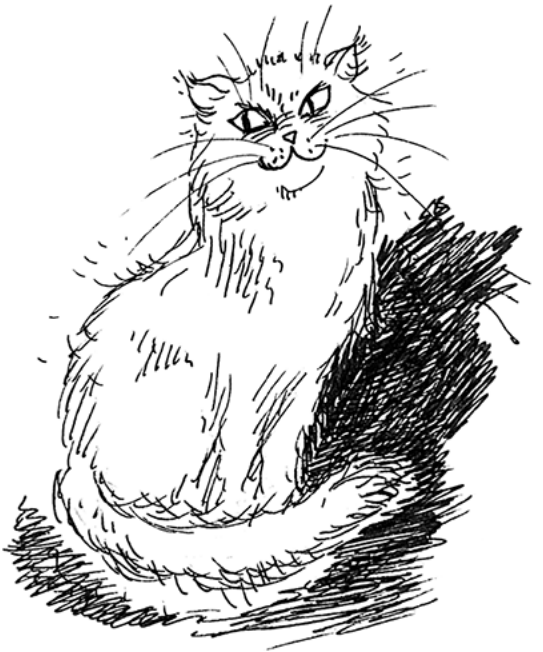
Это значило: «Мышиные следы, как это ни странно, тоже пахнут котом». И представьте себе, все звери, как всегда, отлично поняли, что именно хотел сказать царь зверей.

Мыши в полном недоумении долго обнюхивали огромные, как им казалось, круглые кошачьи следы и маленькие, острые — мышиные. Сомневаться не приходилось. Пахли они одинаково. Они пахли сгущенным молоком, книжной пылью и акварельными красками.

— Пойдем по этим таинственным следам! — разом воскликнули все мыши и быстро засеменили вслед за желтой мышью по аллее парка.

Глава XIX
Свидание, чуть не закончившееся трагедией.
И главное:

Владимир Владимирович убеждается: волшебник – это все-таки замечательная профессия



Такие дни бывают только осенью.

Ветер словно боялся подуть, чтобы случайно не пригнать тучу-бродяжку. Поздние цветы стояли тихо, чтобы как-нибудь не уронить уже непрочно державшиеся лепестки.

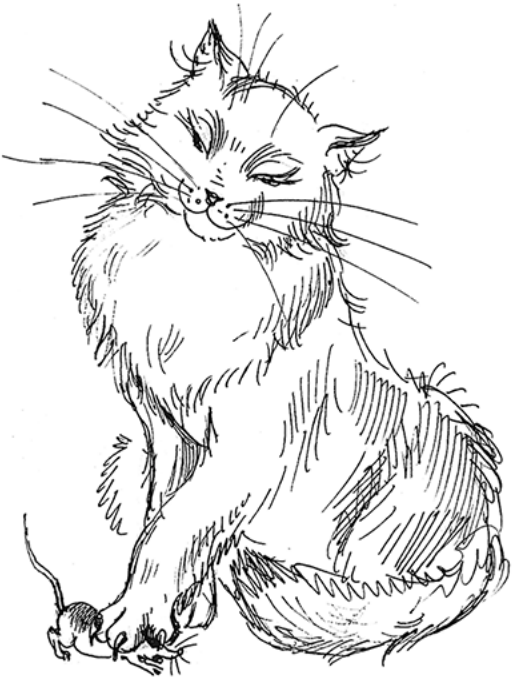
Кошка Мурка сидела на старых бревнах и слушала тихую теплую песенку солнечных лучей, такую тихую, что ее могут услышать только кошки.

Мурка зажмурила глаза. Так песенка была еще слышнее.

«Какие все коты обманщики, — лениво рассуждала она. — И кот Васька такой же. Ничуть не лучше других. Обещал, что весь двор будет покрыт мышами. А я… ах как я доверчива! И мышей нет, и сам скрылся».

В этот миг кошка Мурка услышала сладостный, ни с чем не сравнимый шорох. Так может шелестеть только мышиный хвост, извиваясь на асфальте.

Кошка Мурка широко распахнула глаза. Она увидела полосатого мышонка. Он забежал за скамейку и бесстрашно уселся возле гнутой железной ножки, даже не думая прятаться.



«Интересно, — подумала кошка Мурка, — все-таки один мышонок появился. Да еще полосатый. Хотелось бы мне знать, на вкус он тоже полосатый? И какой милый, ничего не боится, сидит себе на виду».

Кошка Мурка не шевельнулась, но все ее гибкое тело напряглось.

Между тем кот Васька, а это был именно он, с тоской посмотрел на окно Васи Вертушинкина, где стоял такой знакомый ему цветок герани. Там, в комнате пушистого Вертушинкина, он висел на гвоздике так беспечно и счастливо.

Кот Васька совсем забыл об осторожности. Вернее, он забыл не об осторожности, а забыл, что он уже не кот Васька, а беззащитный полосатый мышонок.

Он и ахнуть не успел, как на него сверху опустилась тяжелая мягкая лапа, где из теплого меха торчали стальные когти.

Тяжелая лапа прижала, притиснула его к земле.

— Что вы?! Поосторожней, пожалуйста! Это я, кот Васька! — взмолился несчастный кот.

— Интересные пошли мышата, — ухмыльнулась в усы кошка Мурка. — За котов себя выдают…

Кот Васька попробовал освободиться. Но куда там! Стоило ему только пошевелиться, как безжалостная лапа прижимала его еще сильнее.

— Это я вам тут свидание назначил! В три часа… — простонал кот Васька. — Что вы так

давите! Ой! Так и придушить недолго…

— Интересные пошли мышата, — басом промурлыкала кошка Мурка. — Дожили… Кошкам свидания назначают.

Кот Васька с усилием повернул голову, посмотрел на кошку Мурку и обмер. Нет, кошка Мурка в этот миг отнюдь не показалась ему нежной, воздушной красавицей. Она больше походила на огнедышащего дракона. Круглые глаза ее горели беспощадным, алчным огнем. А пасть?! Бр-р!..

Муркина лапа еще сильнее прижала несчастного кота Ваську, совсем расплющив его на асфальте. Сопротивляться было бесполезно. Кот Васька обреченно закрыл глаза.

«Все. Конец, — пронеслось у него в голове. — Но погибнуть в когтях любимой?..»

Между тем кошка Мурка отлично понимала, что беспомощной жертве все равно никуда не скрыться и не убежать. И, по обычаю всех кошек, вовсе не желала торопиться.

Торжествующим взором она обвела весь двор в надежде, что кто-нибудь из ее подруг, сидя на заборе или на крыше гаража, увидит, как она ловко и изящно поймала по всем правилам искусства этого мышонка.

И вдруг кошка Мурка от неожиданности от-

крыла рот — второй раз за этот необыкновенный день.

Во дворе появилась целая стайка мышей. Нет, вы только подумайте! Честное кошачье! К тому же все мыши были разноцветные.

«Ах, кот Васька, кот Васька! — восхитилась кошка Мурка. — Милый, честный кот. Не обманул. Двор и вправду весь покрыт мышами!»

— …жают! — возмущенно вскричала между тем желтая мышь, бежавшая впереди всех.

— Наших бьют! Маленьких обижают! — подхватили все остальные мыши. Да, они отлично поняли, что хотел сказать их отважный предводитель.

И в тот же миг разноцветные мыши накинулись на кошку Мурку.

Друзья мои, поверьте, все это случилось именно так! Ведь не будем забывать, это были настоящие хищники, лишь волей рокового случая превращенные в мышей.

Разноцветные мыши с воинственным писком вцепились в хвост кошке Мурке.

Кошка Мурка, растерявшись от такого невиданного оскорбления, выпустила кота Ваську.

Тот, помятый и взъерошенный, шариком откатился в сторону и чуть не попал под ноги волшебнику Алеше, который как раз в это время вместе со своими друзьями вошел во двор.

— Опять мыши!!! — измученным голосом простонал Владимир Владимирович.

— Дяденька волшебник! Пушистый волшебник! — визгливо заголосил полосатый мышонок, протянув кверху тонкие розовые лапки. — Это я! Кот Васька!

— Кот Васька?! — Волшебник Алеша нагнулся и посадил на ладонь вспотевшего от страха мышонка. — Ты? Кто же это тебя так… в мышь?..

— Я сам, — скорбно ответил кот Васька и вытер дрожащей лапкой нос. — Обстоятельства заставили…

Между тем Анатолий Иванович, поддерживая под локоть своего друга Владимира Владимировича, пристально оглядел мышей и на всякий случай легонько отодвинул ногой кошку Мурку, чтобы она в суматохе не придавила кого-нибудь из этих удивительных разноцветных созданий.

— Послушай, Алешка, эти разноцветные мыши… ты не думаешь… А? — осторожно спросил Анатолий Иванович.

— Да-да! Что? О, несомненно! — со счастливой улыбкой кивнул волшебник Алеша.

Тем временем вокруг них уже успела собраться порядочная толпа. Тут же мелькали какие-то ребята. Это были Вася Вертушинкин и его друзья.

Ребята уже успели обежать весь город. Ноги у них просто горели. А Катя еще к тому же сильно разбила коленку. Она то и дело наклонялась и дула на ссадину.

Ребята, конечно, захотели узнать, что, собственно, происходит у них во дворе. Они выбрали для этого единственно возможный способ. А именно: встав на четвереньки, пролезли вперед, расталкивая головами сумки и портфели.

— Дядя Алеша, я… — покаянно начал Вася Вертушинкин, очутившись как раз между волшебником Алешей и Анатолием Ивановичем.

— Потом, потом… — рассеянно отмахнулся от него волшебник Алеша.

Без труда раздвинув всех острыми локтями, появилась старушка в серой шапочке, связанной из паутины.

Она подозрительно уставилась на Васю Вертушинкина.

— Этот мальчишка — тот мальчишка… — свистящим шепотом заговорила она, цепко хватая стоящих рядом за руки. — Это он бросил того кота возле дома моей сестры Тонечки! Я точно знаю!

Уж вы мне поверьте.

Но, к счастью, всем было не до нее.

Вася Вертушинкин увидел, что на ладони у волшебника Алеши сидит маленький полосатый мышонок. Этот мышонок кого-то напоминал ему. Но кого, кого? Неужели…

— Ну-с! — строго сказал волшебник Алеша, обращаясь к мышонку. — Приступаем. Итак, заклинание пятьсот тридцать третье. Голову на отсечение даю, что ты его не выучил. Ну, повторяй за мной!

Волшебник Алеша начал говорить заклинание, а мышонок послушно и старательно повторял за ним каждое слово своим тонким, сверлящим ухо голоском:

Великан или малыш,
Превращенный мною в мышь,
Лампи-тампи, хвост трубой,
Стань обратно сам собой!

Что произошло в следующее мгновение, невозможно описать.

Не просите. Не требуйте.

Хотя, впрочем, я попробую.

Послышался дружный вскрик. Люди попятились, отшатнулись назад. Потому что разноцветные мыши исчезли, а вместо них прямо посреди двора, словно возникнув из пустоты, появились дикие звери.

Серой тяжелой глыбой возвышался слон Галилей. Около него вырос красавец лев, и золотистую гриву его раздувал легкий ветерок, который все же залетел из любопытства во двор посмотреть, что там такое происходит.

Зеленый крокодил сосредоточенно щелкал зубами, просто так, для собственного удовольствия. Солнце лиловым огнем горело на гладких черных шкурах двух пантер.

А на руках у волшебника Алеши появился, неизвестно откуда взявшись, помятый и взъерошенный полосатый кот.

Владимир Владимирович, радостно вскрикнув, бросился вперед и крепко обхватил шею льва обеими руками. Он уткнулся лицом в его жесткую гриву и замер, пряча лицо. Боюсь, что на глазах у него были слезы, но, надеюсь, никто этого не разглядел.

Крокодил обиженно щелкнул зубами.

— Терпеть не могу этих восторженных директоров зоопарков! — пробормотал он, но так тихо, что это услышал только волшебник Алеша.

Но Владимир Владимирович и сам понял, что совершил ужасную бестактность. Он тут же наклонился к крокодилу и с нежностью поцеловал его меж круглых выпуклых глаз, похожих на автомобильные фары с зелеными стеклами.

После этого он так же ласково по очереди поцеловал всех остальных зверей.

— Граждане, отойдите! Граждане, не толпитесь! Все-таки звери! — надрывался милиционер Анатолий Иванович, стараясь оттеснить толпу подальше от хищников.

Кот Васька медленно, словно прощаясь навек, подошел к кошке Мурке.

— Вася, голубчик, а я и впрямь тебя чуть не съела, — басом сказала изумленная кошка Мурка.

— А! Может, это было бы и лучше, — безна-

дежно махнул лапой кот Васька. — Теперь меня все равно в рамочку…

— Не в рамочку, а носом в угол! — расслышав эти слова, сердито сказал волшебник Алеша.

— Что? Носом? В угол? — Кот Васька подпрыгнул от радости. — Да я с превеликим удовольствием! Ведь я теперь самый-самый-самый…

— Что? — строго прищурился волшебник Алеша.

— Самый прилежный ученик, — скромно и добродетельно, опустив глаза, закончил кот Васька.

— Граждане, осторожней! Не напирайте! Это же хищники! — уже в отчаянии взывал Анатолий Иванович. — Володя, что ты молчишь! Помоги!

— Хищники, потеснитесь! Граждане могут вас укусить! То есть я хочу сказать… — Владимир Владимирович от волнения опять все перепутал.

— Спокойствие. Теперь помогу я. Теперь, друзья мои, это для меня пара пустяков, — с торжеством сказал волшебник Алеша. Он присел на корточки и достал из своего старого портфеля голубой термос.

— Алеша, если опять мышь… — нервно вздрагивая, сказал Владимир Владимирович, удерживая его руку. — Извини, я просто не выдержу.

Но волшебник Алеша не стал его слушать. Он

быстро отвинтил белую пластмассовую крышку, вытянул тугую пробку и проговорил, с трудом сдерживая волнение:

Джинн, яви свою мне верность

И покинь сейчас же термос!..

Послышался нарастающий свист, гром и грохот. Из горлышка термоса посыпались искры. С шипением вылетела темная струйка дыма.

Зазвенели стекла в соседних домах, захлопали форточки. Порыв ветра взметнул сухие листья, сорвал с головы остроносой старушки серую шапочку, связанную из паутины, и унес ее куда-то далеко-далеко.

Между тем струйка дыма, разрастаясь, поднялась выше старого ясеня. Выше трехэтажного флигеля. Сгустилась, темнея… И все увидели огромного бородатого джинна в полосатой чалме. Он скрестил на могучей груди обнаженные руки.

— Что прикажешь, о повелитель? — прогремел он. Потом с удовольствием расправил плечи и добавил: — До чего же приятно иногда побыть на свежем воздухе!

— Вот что, голубчик, — торопливо сказал волшебник Алеша, бегло взглянув по сторонам и увидев бледные лица, широко раскрытые испуганные глаза. — Ты это… того… быстренько… ну, в общем, отнеси всех зверей назад в зоопарк. И нас с собой прихвати. Вот Владимира Владимировича, Анатолия Ивановича. Справишься?

— Будет исполнено, о повелитель! — загрохотал джинн. — А погода-то какова? А? Просто лето!

И вдруг во дворе стало удивительно тихо, пусто и просторно. Огромный джинн и звери все разом исчезли. Не было во дворе также волшебника Алеши и его друзей.

Потрясенные люди оглядывались, веря и не веря, что еще минуту назад видели настоящего живого джинна и опасных диких зверей здесь, посреди двора. Даже ветра не было. Или он улетел, или улегся, утихомирившись, а ветер нельзя увидеть, когда он отдыхает.

— Померещилось, — прошептала острая старушка. — Впрочем, где же тогда моя шапочка?

— Смотрите, мальчики, а у меня коленка зажила, — тихо сказала Катя и ладошкой погладила коленку. — Вот тот большой, который из термоса вылез, подул на нее, и все.

— Чудеса, между прочим, — с уважением сказал Сашка Междупрочим.

А совсем на другой улице заплаканная девочка в сбившейся набок красной шапочке с помпоном вдруг радостно вскрикнула, потому что к ней навстречу из подъезда выскочил с отчаянным лаем золотисто-желтый бульдог, которого она вот уже несколько часов безнадежно искала по всем окрестным переулкам и дворам.

Бульдог взволнованно и сбивчиво лаял, словно

хотел ей что-то рассказать, что-то удивительное и невероятное.

Неизвестно, поняла ли его девочка в красной шапочке с помпоном или нет. Она только всхлипывала и крепко обнимала его за шею. Но мы-то с вами, конечно, отлично знаем, что именно хотел рассказать ей бульдог.

А тем временем в зоопарке радостно заплясали и запрыгали веселые обезьяны. Все их соседи вернулись в свои клетки. Лев старательно лизал тяжелую лапу. Ему все еще казалось, что она подозрительно пахнет мышами.

— Неужели я увижу наконец милых посетителей зоопарка, а милые посетители увидят меня? — растроганно лепетал слон Галилей. — Впрочем, кажется, я сегодня уже многих из них повидал.

— Как мне действуют на нервы эти восторженные слоны! — больше для порядка добродушно пробулькал из бассейна крокодил. — Ах, вода! Как это приятно! Все-таки стихия, что ни говорите…

А между клетками с растерянной и счастливой улыбкой метался Владимир Владимирович. Он просто не мог налюбоваться на своих драгоценных хищников.

— А этот… ну как его… он там? — спросил он у волшебника Алеши не без робости, показывая на голубой термос.

— Там… Отдыхает… — коротко сказал волшебник Алеша. Ему почему-то стало грустно. Володя мог бы назвать джинна как-нибудь по-другому, поуважительней, что ли. А то «этот» или «ну как его»…

— В общем, я пошел, ребята. Пока! — Волшебник Алеша застегнул свой потрепанный, видавший виды портфель.

Он чувствовал только усталость и опустошение. Вот прошел этот день и ничего не принес ему, кроме разочарования. Ему не удалось ни в чем убедить своих друзей…

— Ладно, встретимся завтра на открытии зоопарка, — сказал Владимир Владимирович. — Да, вот что еще, Алешка. Знаешь, это так, конечно, к делу не относится… Извини, но я хотел сказать, ты все-таки не бросай свою профессию. Замечательная у тебя профессия… К тому же ты еще Повелитель Волшебных Ключей!

У волшебника Алеши усталость как рукой сняло. Это и есть, наверно, настоящая дружба, когда не надо ничего объяснять, все ясно и так.

— И джинна своего береги, — добавил милици-

онер Анатолий Иванович. — Отличный старый джинн. Просто редко таких встретишь в наши дни. Я как-нибудь с ребятами из нашего отделения забегу к тебе, если ты не возражаешь. А то у большинства совершенно неверное представление о джиннах.

— Конечно, забегай! — улыбнулся волшебник Алеша. — Мы с джинном и котом Васькой всегда будем рады.

Остров капитанов

Глава I
Кораблик из соснового полешка. И главное: удивительное знакомство

Весна все никак не приходила, и Валька уже устал ее ждать. И, глядя на неторопливый крупный снег, пухлыми хлопьями тихо падающий за окном, Валька принялся из сухого полешка мастерить кораблик. Он целыми вечерами терпеливо строгал его коротким перочинным

ножичком. К стройным мачтам прикрепил надежные паруса. Ванты сделал из крепкого шпагата. Тонкий, а не порвешь.

А когда все кончил, голубой краской написал на его борту: «Мечта». Так он решил назвать свой кораблик.

Кораблик получился очень хороший, просто лучше и быть не может. Совсем как настоящий. Особенно вечером, пока мама не зажжет лампу.

Сумерки зыбкими волнами вливались в комнату, наполняли ее. Таяли, исчезали стены. И тогда казалось, «Мечта» снимается с якоря и плывет по этим темным волнам, а ее паруса надувает ветер далеких странствий. «Мечта» — отличный корабль, надежен, сделан как надо, — в эти минуты думал Валька. — Такому кораблю не страшны ни шторм, ни девятый вал. И капитан на «Мечте» — настоящий моряк. Знаю я его. Еще бы мне не знать! Он похож на… Не важно на кого. Главное, он смелый, ужас до чего смелый. И зря болтать не любит, это вам не Петька из первого «А». Он такой загорелый, как… Ну как один человек, когда он вернулся из Крыма. Капитан, конечно, устал. От бессонницы щиплет глаза, но он уверенно прокладывает курс по старой морской карте…»

Валька никому не признался бы, но в глубине души он думал, да что там — он был просто уверен, что смелый и отважный капитан — это как раз и есть он, Валька. Валентин Валентинович. Тин Тиныч, как любила звать его мама.

«Разгулялся океан к ночи… — изо всех сил зажмурившись, думал Валька. — Это вам не просто неважная погодка — шторм десять баллов! Здесь подводные рифы, ну да не в первый раз нам огибать этот мыс…»

— Тин Тиныч! Ужинать и спать, спать!.. — слышался из кухни теплый, такой домашний мамин голос.

— Ф-фу!.. — Валька с трудом переводил дух. Сердце стучало, звоном отдаваясь в ушах.

Конечно, ничего не поделаешь, пока что надо набраться терпения и ждать… Но ведь наступит это время когда-нибудь! Валька вырастет и непременно станет капитаном. Это решено!

А как только растают снега, он вместе с Аленкой из первого «Б» отправится пускать «Мечту» в веселых ледяных ручьях.

Правда, у Аленки недавно выпали два передних зуба. Но даже и без двух передних зубов Аленка все равно была лучше всех девчонок в классе. А уж если сказать всю правду до конца, Валька считал, что и во дворе, да и на всем белом свете нет никого лучше Аленки, потому что… Ну просто так. Нет, и все.

А потом можно будет и вовсе подарить Аленке чудесный кораблик. И при этом сказать так небрежно:

— Хочешь, забирай его себе, насовсем. Он мне и не нужен, ну вот нисколечко… Захочу, еще лучше сделаю…

Наконец весна все-таки наступила. Сугробы расползлись, осели. Все вокруг потекло, заблистало и зазвенело. Торопливые ручьи покатились вниз по крутой улочке к реке.

— Пора, — решил Валька.

Денек выдался солнечный, но еще холодный. Светить-то солнце светило, но, видно, греть оно за зиму все же разучилось. Варежки Валька сразу промочил и сунул их в карман. Противная сырость от мокрых варежек скоро пробралась через пальто и штаны до самого тела.

Валька пустил «Мечту» в быстрый и прозрачный ручей. Талые воды подхватили кораблик.

Ветер сразу же туго, до отказа надул паруса. Кораблик плыл быстро, только чуть покачивался и нырял в волну на перекатах, лихо огибая дочиста отмытые водой яркие камешки и куски кирпича.

Вот он ловко миновал водоворот, где крутились какие-то бестолковые щепки и размокший спичечный коробок. Вдруг Вальке показалось, что за голыми пока еще кустами, только с мелкими кулачками почек, промелькнула Аленкина голубая вязаная шапочка.

— Аленка, Аленка, давай сюда! — крикнул Валька.

Но оказалось, что это вовсе не Аленкина шапочка, а чья-то голубая рубашка, которая висела на веревке. И эта рубашка, вместо того чтобы сушиться на солнышке, рвалась вверх, словно протягивала куда-то голубые руки, и хотела улететь.

Когда Валька оглянулся на кораблик, тот был уже далеко. Белые паруса, проваливаясь и появляясь вновь, мелькали где-то внизу, в конце улицы. Валька бросился вдогонку за корабликом. Ноги разъезжались по раскисшей земле, где в тени в складках, ямках еще лежали серые корочки снега.

В конце улицы ручей разлился целым морем. Посреди этого моря торчала из воды полузатопленная садовая скамья. Рядом — полная воды каменная ваза. На каменном ободке сидели два толстых голубя. Их гладкие шеи отливали сереб-

ром. Часто оглядываясь, голуби жадно пили воду, как будто боялись, что им не хватит.

Валька понадеялся, что его кораблик зацепится за что-нибудь. Но не тут-то было. Кораблик плавно обогнул каменную вазу и скамейку. Он уплывал все дальше и дальше. Будто радовался внезапной свободе. Будто торопился куда-то.

Потом ручей снова сузился, забурлил, побелел и пенным водопадом опрокинулся вниз к реке.

В последний раз мелькнули белые паруса, и кораблик пропал из виду.

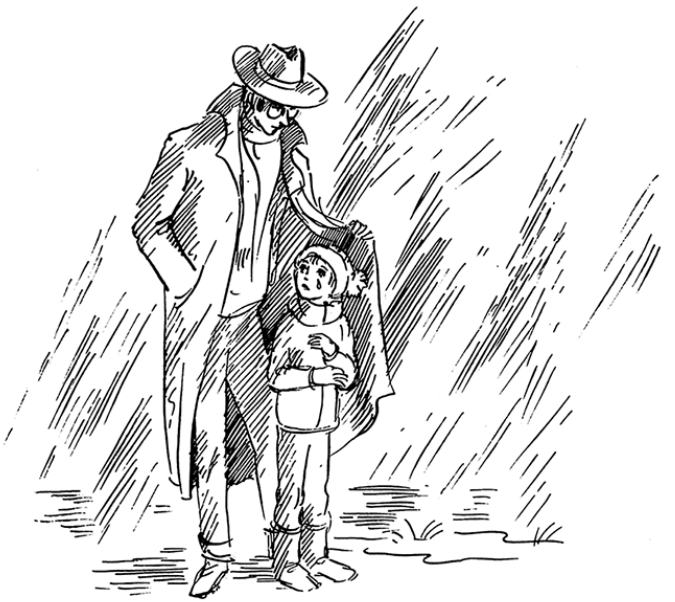
Все.

Слезы ослепили Вальку.

От бессильного отчаяния сжались кулаки. Валька не выдержал и, вдохнув круглый тугой глоток воздуха, громко заревел.

— Ну что вы, что вы, Валентин Валентинович, — послышался негромкий укоризненный голос. — Ну как такое можно? Полноте… Ну прошу вас… Кто-то ласково притянул к себе Вальку и накрыл с головой краем широкого плаща.

Глава II
Карта океана Сказки.
И главное:
Черный остров



Валька оказался в темноте. Приятно поскрипывала тугая шелковая подкладка широкого плаща.

— Ну как же так? — повторил тот же голос. — Можно сказать, уже взрослый мужчина, первоклассник. К тому же… Ах какая неприятность! Только не высовывайтесь. Сюда как раз направляется Елена Сергеевна. Давайте-ка лучше, пока не поздно, отойдем в сторонку. А то, боюсь, как бы она вас не узнала по штанам и ботинкам. Пожалуй, совсем ни к чему, если она увидит вас зареванным, с красным носом…

Валька, прижимаясь к теплому боку незнакомца, послушно сделал несколько шагов.

От удивления он совсем растерялся. Он ровным счетом ничего не понимал.

— Какая еще Елена Сергеевна? — каким-то не своим, хриплым, словно простуженным, голосом спросил Валька. В горле у него пересохло, он осторожно кашлянул.

— Как какая? — удивился незнакомец. — Та самая. Ваша приятельница из первого «Б». Ну та, которой вы хотели подарить «Мечту».

Валька хотел было сказать, что «Мечту» он собирался подарить Аленке, а не какой-то там Елене Сергеевне, от которой к тому же надо поче-

му-то еще и прятаться, но промолчал.

Он оттянул в сторону край плаща и глянул вверх. Владельцем плаща оказался совсем не старый человек, а даже скорее молодой. Такой худощавый, с длинным лицом и в очках. Но главное было не это, совсем не это! У незнакомца были необыкновенные, удивительные глаза. Валька сразу это заметил. Его глаза были теплые. Да что там теплые — они грели! Даже через очки.

Уж вы мне поверьте. Честное слово! Одна Валькина щека и один Валькин глаз сразу отогрелись. Пальцам, оттянувшим край плаща, и то стало тепло.

— Все прекрасно, но пойдемте ко мне, Валентин Валентинович, — озабоченно сказал странный человек. — Во-первых, вы промочили ноги, а во-вторых, эти мокрые варежки в правом кармане вашего пальто… Нет, нет, идти домой в таком виде я вам, откровенно говоря, не советую.

Валька не стал с ним спорить. Идти сейчас домой, пожалуй, и вправду не стоило. Потому что мама всякий раз просто из себя выходила, когда он являлся домой с мокрыми ногами. Можно было подумать, что промокшие ботинки и варежки — мамины смертельные враги.

Так вдвоем они двинулись по улице. Чтобы

удобнее было идти, Валька прижимался к незнакомцу, а тот крепко и ласково обнимал его за плечи. Тугая шелковая подкладка плаща приятно поскрипывала. А в кармане плаща, который оказался как раз возле Валькиного уха, что-то сухо постукивало, словно там терлись друг о друга речные ракушки и мелкие камешки.

В лифте наконец незнакомец выпустил Вальку из-под плаща. Они посмотрели друг на друга, и оба почему-то смутились.

— Дядя Алеша, — церемонно представился странный человек и протянул Вальке длинную-предлинную руку.

Валька неловко пожал ему руку, потому что, по правде говоря, первоклассникам не очень часто приходится здороваться со взрослыми за руку.

— А я, с вашего разрешения, буду звать вас Тин Тиныч, — сказал дядя Алеша. Он зажмурился и негромко причмокнул губами, будто сунул в рот круглую конфету. — Тин Тиныч! Ведь так, если не ошибаюсь, зовет вас ваша мама. Какая прелесть! Нет, такое может придумать только мама. Как вы считаете? О, несомненно!..

«Все-все про меня знает. Откуда? — с некоторой тревогой подумал Валька и тут же успокоил се-

бя: — Наверно, в гостях у нас был. А я спал в это время. У мамы с папой всегда такая привычка, если кто интересный придет, поскорее запихнуть меня в постель. А заявится какая-нибудь соседка, тетя Клава, так сиди и слушай ее. Знаю я эти разговорчики: «Ты что такой бледный? Небось совсем не гуляешь?» — или: «Сколько в четверти троек? Небось все гуляешь». Как им только не надоест?» Между тем лифт, вздрогнув, остановился. Валька вышел из лифта и огляделся. Лестница была совсем обыкновенная, новая, точно такая же, как и в Валькином доме. И точно так же пахло масляной краской. Но дверь, как показалось Вальке, дядя Алеша открыл вовсе не ключом, а просто наклонился и что-то прошептал в замочную скважину. Дверь откликнулась счастливым воробьиным чириканьем и послушно отворилась сама собой.

В комнате, куда вошел Валька, похоже, жил вовсе не дядя Алеша, а книги. Потому что они были повсюду: на столе, на стульях и даже на диване.

«Какие книги чудные, — подумал Валька, — большие, старые, в темных переплетах. Им, наверно, сто лет, а может, и тысяча. Только как же дядя Алеша спит на этом диване? С книгами вместе — тесно, на книгах — жестко, а может

быть, все-таки снимает их на ночь и куда-нибудь кладет?»

Но куда он мог их положить? На полу всюду и так стопками лежали книги. Одна стена в комнате до самого потолка была завешана детскими рисунками. Некоторые были в рамочках, другие просто приколоты кнопками. Больше всего Вальке понравилась девочка с тремя большими голубыми глазами. Два глаза у нее были веселые, а один — грустный. Дядя Алеша снял свой широкий плащ, потер руки.

— Сейчас главное — чай. Горячий чай. Как вы думаете? О, несомненно! — сказал дядя Алеша.

Он поставил мокрые, разбухшие Валькины ботинки сушиться на батарею, рядом повесил варежки.

Потом дядя Алеша отодвинул книги, освободив кончик стула и краешек стола. Тут же появился чай, очень горячий и очень сладкий. А на ноги Вальке как-то сами собой наделись большие глубокие мягкие туфли, такие теплые, как будто в них только что спало по котенку. Дядя Алеша уселся напротив, положив острые локти на стол. Вальке стало тепло и уютно. Теперь он был даже рад, что все так получилось: иначе как бы он познакомился с дядей Алешей.

— Вот и прекрасно, — словно чему-то обрадовавшись, кивнул головой дядя Алеша. — Вы понимаете, мой дорогой, мой милый Тин Тиныч, ведь всегда-всегда, даже в самые стародавние времена, во всех уголках света мальчишки пускали кораблики. И конечно, нередко случалось так, что эти кораблики уплывали от них. Что поделаешь! О, никогда, никогда не жалейте об уплывшем кораблике. Прошу вас! Никогда не жалейте! — Дядя Алеша вдруг наклонился к Вальке и заговорил совсем тихо: — Тут есть еще одно удивительное, почти необъяснимое обстоятельство. Почему-то получается так, что те, кто пускает кораблики, чаще всего сами становятся капитанами. Не правда ли, удивительно? Но это именно так! — Дядя Алеша замолчал и резко откинулся на спинку стула. Строго, пристально поглядел на Вальку. Словно хотел убедиться, понял ли Валька как следует всю важность, всю значительность того, что он ему сейчас поведал.

Валька ничего не ответил и только несколько раз старательно мигнул.

— Главное, уметь мечтать, уметь по-настоящему мечтать… О, это особый дар!.. — тихо, так тихо, словно самому себе, проговорил дядя Алеша.

«А я умею мечтать или нет? — с невольным

испугом подумал Валька. — И не знаю даже...»

Тут дядя Алеша ласково улыбнулся Вальке. И улыбка была такая, словно он похвалил Вальку за что-то.

— Скажите, а вы никогда не задумывались, куда, однако, плывут все эти кораблики, сделанные ребячьими руками? Куда они держат курс? — спросил дядя Алеша.

— Нет… — прошептал Валька.

— Так-таки, думаете, плывут себе по воле волн неизвестно куда, без руля и без ветрил? — Дядя Алеша вдруг развеселился, громко рассмеялся и хлопнул ладонями себя по коленкам: — Нет, мой дорогой, нет и еще раз — нет! Да будет вам известно: все эти кораблики плывут к одной-единственной заветной цели. К острову Капитанов! Вот куда они плывут! К чудесному острову, который со всех сторон омывает голубой океан Сказки. И маленькие отважные капитаны ребячьей мечты поднимаются на палубы этих кораблей. О, сколько благородных, возвышенных подвигов совершают они во имя справедливости, отваги и мечты!

Валька от удивления открыл рот. К острову Капитанов? Значит, и его кораблик тоже? Валька хотел задать дяде Алеше сразу сто вопросов… Но тут дядя Алеша вскочил со стула, взмахнул

своими длинными руками, как будто хотел взлететь к потолку, и громко воскликнул:

— Какой же я, право, рассеянный! Ведь нам надо, просто необходимо скорее нарисовать карту океана Сказки. Иначе как же «Мечта» доплывет до острова Капитанов?

Тут уж старинным книгам пришлось изрядно потесниться. На столе разложили лист бумаги. У дяди Алеши нашлись и краски, и цветные карандаши.

Одна из тяжелых книг чуть было не съехала на пол. Валька вовремя подхватил ее. И хотя он был всего-навсего первоклассник, но все равно он смог прочесть, что было написано старинными, полустертыми буквами на обложке. «Волшебная Энциклопедия. Том восьмой» — вот что прочел Валька, да так и застыл на месте с тяжелой книгой, оттягивающей книзу его руки. Но дядя Алеша взял книгу и отнес на диван, где лежало еще несколько таких же книг, важно и таинственно поблескивая золотыми буквами. Вдвоем с Валькой они нарисовали остров Капитанов, зеленый остров среди голубого океана.

— Здесь поблизости еще множество удивительных островов, — любуясь картой, сказал дядя Алеша. — Взять хотя бы остров Пряток или архи-

пелаг Большая Перемена. Да вы рисуйте, рисуйте. Вы это сделаете гораздо лучше, чем я. Не буду вам мешать…

Валька, высунув язык от усердия, рисовал голубые волны, разноцветные острова.

Он обмакнул кисточку в пузырек с тушью и обвел карту широкой чертой. Карта получилась как в рамочке, и сразу же голубой океан и разноцветные острова заиграли еще ярче всеми своими красками. Валька очень старался, изо всех сил, но вдруг… Вот бывает же так: все хорошо, и вдруг…

Пузырек с тушью неведомо каким образом оказался прямо возле Валькиного локтя, словно нарочно, назло сам туда прискакал. Ну а Валька, увлеченный работой, конечно, его не заметил, нечаянно толкнул и… Пузырек опрокинулся. Черное пятно, черное, как безлунная ночь, растеклось по голубому океану.

— Дядя, ой, Алеша! — в отчаянии завопил Валька.

— Ничего не поделаешь, ничего не поделаешь, — печально покачал головой дядя Алеша. Он наклонился над картой, разглядывая злополучную кляксу. — Да, это так. Возле острова Капитанов, чуть восточнее, расположен Черный

остров. Скалистый и неприступный. Но досаднее всего, что теплое течение, огибая с юга остров Капитанов, несет все корабли прямо к Черному острову. Особенно ночью, в темноте так легко сбиться с курса…

— А нельзя его стереть резинкой или бритвой соскрести? — с надеждой, с мольбой посмотрел Валька на дядю Алешу.

Но дядя Алеша только снова печально покачал головой:

— Тут уж ничто не поможет. Да стоит ли нам огорчаться раньше времени? Ведь опасность, если хотите знать, мой дорогой Тин Тиныч, только оттачивает истинную отвагу…

Дядя Алеша задумчиво перевел взгляд на окно, за которым густели и крепли сумерки. Сумерки вкрадчиво опускались на город, словно хотели накрыть его целиком. Но город поднимал эти темные волны светлыми головами первых фонарей.

Дядя Алеша смотрел куда-то поверх домов, в глубину темного неба, и, казалось, забыл о Вальке, обо всем…

Валька сидел тихо, присмирев.

Но тут дядя Алеша вздохнул, тряхнул головой и повернулся к Вальке.

— Теперь главное — доставить эту карту на «Мечту», — сказал он.

— Но как? — спросил Валька.

Глава III
Нарисованная Ласточка. И главное: волшебный мел

— Видите ли… — начал дядя Алеша. И Валька, к своему изумлению, увидел, что дядя Алеша

немного покраснел. — Видите ли, мой уважаемый Тин Тиныч, я сначала должен вам кое-что сказать, вернее, объяснить. И мне будет очень жаль, если то, что вы сейчас узнаете, вам почему-либо не понравится или покажется странным…

Дядя Алеша замолчал. Он снял очки и начал рассеянно протирать стекла мятым клетчатым носовым платком. Глаза его без очков показались Вальке еще ярче, совсем голубыми. От них ощутимыми волнами пошло тепло и коснулось Валькиного лица.

— Конечно, в век техники, покорения космоса… — снова начал дядя Алеша. — Многие считают, что я… Но ведь одно вовсе не противоречит другому, даже наоборот! Что ж, лучше сказать прямо, если уж я решил сказать. Я… Только, пожалуйста, очень вас прошу, не вскрикивайте и не делайте удивленного лица… Да, я — волшебник!

У Вальки даже дыхание перехватило. Он покачнулся на табурете. Хорошо еще, что это был крепкий, устойчивый табурет на четырех ножках. А то бывают такие дрянные трехногие табуреты. Сидя на таком трехногом табурете, даже нельзя чему-нибудь как следует удивиться — непременно полетишь на пол.

— Здорово… — прошептал Валька.

Лицо дяди Алеши вдруг изменилось, даже както просветлело. Он улыбнулся с облегчением, словно Валькина радость передалась ему.

— А… ну если так, отлично, отлично!

Волшебник Алеша прошелся по комнате, в задумчивости постукивая себя пальцем по губам.

— Что же нам придумать, что придумать? Как нам доставить карту на нашу бригантину? Не прибегнуть ли нам к помощи моего джинна?

— Джинна?! — переспросил Валька. Он просто не поверил своим ушам.

— А что тут такого? — пожал плечами дядя Алеша и слегка нахмурился. — Почти у всех волшебников есть джинны. Это совершенно естественно. И у меня он тоже имеется.

— Джинн?!

— Ну конечно, джинн! — уже, не скрывая досады, воскликнул волшебник Алеша. — До утра мы, что ли, будем повторять одно и то же? Да, джинн. К тому же из самых древних и, можно сказать, могущественных. Может, сгонять его в сказку? А?

— А что? По-моему, неплохо, — стараясь казаться спокойным и даже равнодушным, сказал Валька.

Но внутри у него словно запрыгал мячик лю-

бопытства. Валька стиснул руки под столом. Хоть бы одним глазком увидеть джинна. Настоящего джинна! Вот было бы что рассказать Аленке.

— Да, конечно, с одной стороны, это так… — Волшебник Алеша с рассеянным видом потянул себя за ухо. Было видно, что его что-то смущает. — И говорить нечего: сказка — это его стихия. Ему ничего не стоит отнести карту на «Мечту». И вообще он у меня тут засиделся без дела. Вконец извелся от скуки. Я все понимаю. Даже чувствую себя виноватым порой. Но…

— Да ладно уж, ничего, пусть слетает, — сказал Валька, с трудом сдерживая нетерпение.

— Легко сказать! — Лицо волшебника Алеши страдальчески сморщилось. Он с безнадежным видом покачал головой: — Но, доложу вам, характер, характер! Вы бы только знали! Капризен, как маленькая девочка. Сварлив, как древняя старуха. Только выпусти его — сейчас же начнутся упреки, подозрения… Просто невыносимо! Нет, боюсь, он наломает дров в сказке. Карту на «Мечту» он, конечно, доставит, о чем разговор. Но уж по дороге непременно залетит на остров Капитанов, не упустит такой случай. И вот увидите, учинит там какой-нибудь отвратительный

скандал. Наговорит капитанам кучу обидных глупостей, заявит, что все они зазнайки и выскочки. Что-нибудь в этом роде. Уж я-то его, голубчика, знаю. Нет, к услугам джинна надо прибегать только в самых крайних случаях. Как вы считаете? О, несомненно!

Валька сдержался и промолчал. Хотя, не скроем, это стоило ему немалых сил. Значит, все. Значит, он так и не увидит джинна… Эх! То-то бы Аленка вытаращила глаза!

Но, с другой стороны, он же не маленький. Не будет же он клянчить: «Дяденька волшебник, а дяденька волшебник, ну покажите джинна, ну пожалуйста!..»

— Значит, будем искать какой-нибудь другой выход из положения… иначе говоря, другой вход в сказку, — сказал волшебник Алеша. Он немного помолчал, что-то обдумывая, и добавил: — А вы, кстати, отлично рисуете, мой дорогой Тин Тиныч.

— На тройку, — мрачно буркнул Валька. — Трояк у меня по рисованию…

— Ах, при чем тут тройка! — воскликнул волшебник Алеша. — Главное — это фантазия, воображение, а тройка тут совершенно ни при чем. Сейчас, мой друг, вы нарисуете ласточку! Да,

да, именно ласточку! А я ее… Впрочем, вы сами увидите.

Нет, зря, конечно, очень даже зря волшебник Алеша не показал ему джинна. Мог бы догадаться, как Вальке хочется посмотреть. Но раз он просит нарисовать ласточку, надо нарисовать. И получше. Валька задумался, вспоминая, какие они на самом деле, эти ласточки. Он был вообще добросовестным человеком.

Валька нарисовал круглую головку с коротким клювом и большим любопытным глазом. Потом нарисовал два заостренных крыла и черный раздвоенный хвост. Валька вспомнил, что головка у ласточки сверху тоже черная, и пририсовал ей черную гладкую шапочку. Валька очень старался. Он даже не заметил, как две черные круглые капли, одна побольше, другая поменьше, упали на бумагу. Но ласточка получилась очень неплохая. Можно сказать — на четверку. Или даже на пять с минусом. Волшебнику Алеше ласточка тоже понравилась. Он заулыбался, откинул голову назад, любуясь ласточкой. Потом волшебник Алеша о чем-то глубоко задумался, хмуря брови.

— Так-так-так, — пробормотал он, в рассеянности похлопывая себя пальцем по губам. — Теперь эту ласточку надо ожи… Но где же мой драгоцен-

ный мел? А, слава богу, вот он!

Волшебник Алеша порылся в ящике и достал небольшую коробочку из-под чая. Открыл ее, осторожно вытряхнул на ладонь кусочек мела.

— Волшебный, между прочим… — как бы про себя проговорил он. Валька, вытаращив глаза, следил за каждым его движением.

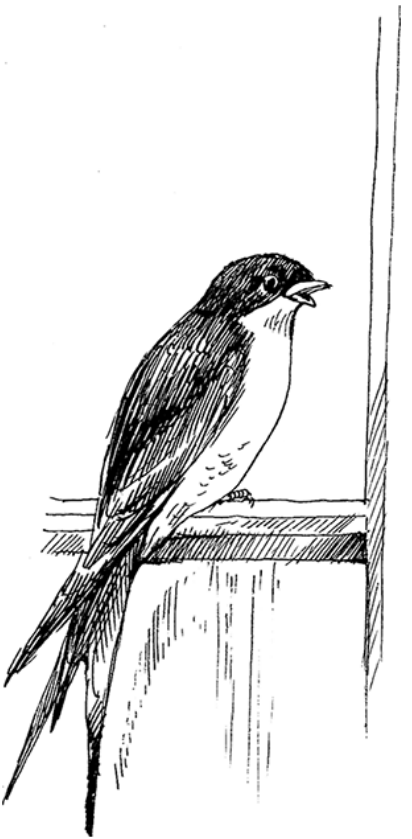
— Теперь подумаем, на чем же нарисовать колдовской ключ? — оглядываясь, проговорил волшебник Алеша. — Придумал! Конечно! На раме этого зеркала. Отличная мысль. Ведь зеркало, если вдуматься хорошенько, тоже в своем роде сказка. Отражение… В этом скрыто столько тайны… Надеюсь, все у нас получится просто отлично! Чуть наклонив голову набок, волшебник Алеша принялся старательно рисовать на широкой раме зеркала старинный ключ с узорами и завитушками.

— Ключ? — изумился Валька. — А зачем?

— Увидишь, увидишь, — не оглядываясь, отозвался волшебник Алеша. Он взял рисунок, приложил его к зеркалу и тщательно разгладил ладонью. Помолчал, словно собираясь с духом, а потом негромко проговорил:

Без совета и подсказки

Выходи скорей из сказки!
Заклинанью покорись,
Оживи и закружись!



И в тот же миг, круто плеснув крыльями, вверх взлетела острокрылая Ласточка.

Она сделала круг под потолком, метнулась в угол и вдруг ударилась о зеркало, растекаясь черными блестящими крыльями по гладкому стеклу.

— О моя дорогая! Это вовсе не окно, это зеркало. Ты ошиблась. И успокойся, пожалуйста, — мягко сказал волшебник Алеша. Он протянул руку, и Ласточка доверчиво уселась на его палец.

Валька уставился на нее во все глаза.

Живая! Честное слово, живая и настоящая! И точь-в-точь как он нарисовал. В черной шапочке, с острыми крыльями. Ласточка быстро повернула голову, с интересом, дружелюбно оглядела Вальку круглым глазом. И в тот же миг Ласточка перепорхнула на руку к Вальке. Он почувствовал, как Ласточка переступает холодными, цепкими лапками по его руке. Совсем легонькая.

— Она ведь понимает, что это вы ее нарисовали, — улыбнулся волшебник Алеша.

— Конечно, понимаю, — тонким острым голоском откликнулась Ласточка.

Вот это да! Она еще и разговаривать умеет. До чего же интересно! Валька даже дышать ровно

не мог, ему словно воздуха не хватало. Ласточка посмотрела на волшебника Алешу.

— Как хорошо, как замечательно, что ты Повелитель Волшебных Ключей! — весело прощебетала она.

— А это что? — Волшебник Алеша указал на две черные кляксы у Вальки на руке. Одна побольше, другая поменьше.

— Измазался, — беспечно отмахнулся Валька, но волшебник Алеша озабоченно покачал головой.

Валька осторожно, чтоб не вспугнуть Ласточку, послюнил палец, потер черное пятно у себя на ладони — пятно не оттиралось. Ласточка, жалобно пискнув, взлетела и закружилась по комнате. И в тот же миг оба пятна исчезли с Валькиной руки, словно их и не бывало. Ласточка беззвучно и стремительно перенеслась на книжный шкаф. Черные пятна, одно побольше, другое поменьше, не отставая, полетели за ней, прочертив в воздухе черные полоски.

— Все ясно! — горестно воскликнул волшебник Алеша и всплеснул руками.

— Какой же я рассеянный! Я должен был оживить только Ласточку, а я оживил все, что было на бумаге. И теперь эти черные пятна будут сле-

довать за нашей Ласточкой всегда и повсюду, и все потому, что я такой рассеянный и вечно все путаю или забываю…

— Ну стоит ли так переживать, — негромко проговорила Ласточка и отвернулась. Но Валька понял, что она огорчена и сказала это только для того, чтобы утешить волшебника Алешу.

«Если бы я не решил стать капитаном… Если бы я мог иначе… Я бы тоже стал волшебником, — подумал Валька. — Но может, еще Аленка волшебницей станет? А что? У нее и глаза для этого такие подходящие…»

Дядя Алеша потер ладонью лоб, словно отгоняя невеселые мысли.

— Милая Ласточка, нам нужно, мало того, совершенно необходимо доставить эту карту на бригантину «Мечта». Видишь ли, «Мечта» взяла курс на остров Капитанов. Можешь ли ты это сделать?

— Конечно, — тонким голоском откликнулась Ласточка. — Я отлично знаю, где это. Океан Сказки, да?

Волшебник Алеша аккуратно скатал карту в трубочку. Обвязал ее тонким прочным шнурком. Ласточка ухватила клювом шнурок за петельку, вместе с картой перелетела на подоконник.

Тут Валька увидел, что на улице уже совсем стемнело и опять пошел снег. Сырые, тающие звезды цеплялись друг за друга, густыми хлопьями падали, падали, будто хотели напоследок укрыть всю землю. Светлыми размытыми шарами еле-еле сквозь снег светили фонари.

— Погодка… — с сомнением покачал головой волшебник Алеша.

— Я полечу совсем другой дорогой… — что-то вроде этого ответила Ласточка. Но она сказала это

невнятно, потому что в клюве держала шнурок, которым была обвязана карта океана Сказки.

Волшебник Алеша распахнул форточку. Пахнуло холодной, промозглой сыростью. Влетел торопливый рой ледяных, колючих снежинок, как будто они притаились за окном и только того и дожидались. Снежинки закружились вокруг Вальки, ударили в лицо, норовя ослепить его. Он увидел, что волшебник Алеша помогает Ласточке просунуть в узкую форточку скатанную в трубку карту.

— Постараюсь вам присниться и тогда сообщу все подробности… Только не спите на левом боку… — сквозь снег и свист ветра невнятно прозвенела Ласточка.

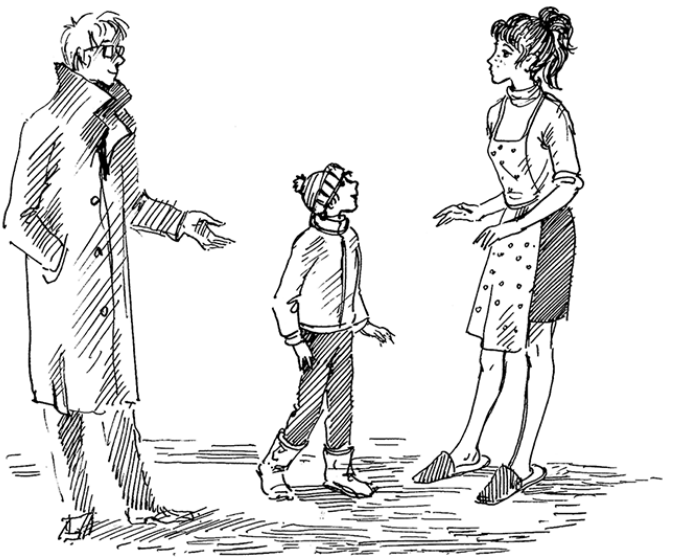
Волшебник Алеша поспешно захлопнул форточку. Но тут Валька увидел, что Ласточка не улетела, а беспомощно и судорожно бьется крыльями о стекло, как будто что-то удерживает ее возле окна и не пускает.

— Так и есть! Я закрыл форточку, а одно из черных пятнышек осталось в комнате! — Волшебник Алеша торопливо бросился к окну и снова распахнул форточку. — О моя дорогая! Прости меня, я такой рассеянный. Счастливого пути!

Ласточка легко отпрянула от окна и тут же

исчезла из глаз вместе с картой, обвязанной крепким шнурком. Белый снег, точно занавес, опустился за ней. Волшебник Алеша и Валька стояли рядышком у окна, и снежинки, влетая в комнату, таяли на их лицах.

Глава IV
Что лучше, джинн или такси?
И главное:
«Он непременно станет капитаном»



Волшебник Алеша наконец закрыл форточку,

зябко поежился, потер ладонями плечи. Старинные часы медленно и важно пробили восемь раз.

— Очень серьезные и умные часы, — сказал волшебник Алеша. — Пока мы были заняты важными делами, они тактично молчали. Обратили внимание? А теперь, слышите, бьют. Наверно, хотят мне что-то напомнить, о чем я забыл. Просто не знаю, что бы я делал без этих часов при моей рассеянности. Я думаю, что они хотят напомнить, что вам пора домой. И ваша мама, наверно, беспокоится…

— Мама… — прошептал Валька. Валька вдруг почувствовал, что он очень устал. Как будто прошел двадцать километров. Оказывается, от удивления тоже устаешь. Да еще как. А может, удивление и надо как раз мерить километрами? А чем правда, как вы думаете, надо мерить удивление?..

— Сейчас мы вызовем такси, — сказал волшебник Алеша. — Или нет, нет. Мы поступим по-другому. Мы вызовем джинна. То есть не вызовем, а выпустим его из термоса, и он доставит вас в мгновение ока к вашей маме. Надо же подкинуть ему какую-то работенку, и вообще пусть побудет на свежем воздухе.

Валька прямо-таки обомлел от радости. Значит, он все же увидит джинна. Вот повезло! Валька с трудом удержался, чтобы оглушительно не завизжать, не захлопать в ладоши. Хотя бы перекувыркнуться через голову — и то легче стало бы. Но нет, это все для малышни. Солидней надо держать себя, солидней.

Волшебник Алеша достал с полки голубой термос, на котором сбоку было что-то нарисовано. Не то какие-то полустертые буквы, не то какие-то непонятные знаки. Волшебник Алеша наклонился над голубым термосом и негромко, скороговоркой произнес:

Джинн, яви свою мне верность
И покинь сейчас же термос!

Валька ухватился обеими руками за табурет, съежился, втянул голову в плечи, предчувствуя, что сейчас произойдет нечто совершенно необыкновенное…

Волшебник Алеша отвинтил белую крышку термоса, вытащил пробку и быстро шагнул к Вальке. Обнял его за плечи.

Послышался нарастающий грохот, свист, треск. Качнулись, дохнув пылью, тяжелые шторы на окнах. Темная струйка дыма с завыванием стремительно вырвалась из горлышка термоса, разрастаясь, поднялась к потолку, темнея, сгустилась и превратилась в огромного джинна в полосатой чалме.

У джинна было смуглое лицо, словно вытесанное из грубого, прокопченного временем камня. Глубокие морщины, как трещины, прорезали его. Он скрестил на груди могучие узловатые руки.

— Что прикажешь, о повелитель? — прогремел джинн и вдруг добавил, капризно растягивая слова: — Да… Не выпускал из термоса с самого вторника… а сегодня уже суббота. Сиди тут целую неделю взаперти… И без всякого дела.

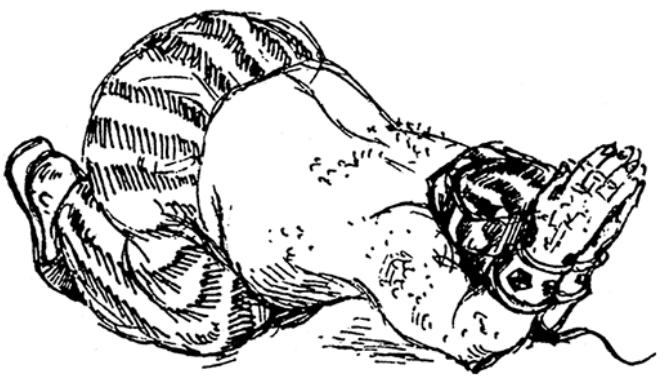
Волшебник Алеша с привычной тоской поднял глаза к потолку. Даже Валька понял, что такие разговоры бывают у них нередко.

— Во-первых, не со вторника, а с четверга, — терпеливо, как маленькому, возразил джинну волшебник Алеша, — а во-вторых, сегодня вовсе не суббота, а только еще пятница. Так что и сидел ты в термосе всего-навсего один день.

— А может быть, дни в термосе тянутся совсем не так, как на воле, ты об этом подумал? — с глубоким упреком посмотрел джинн на волшебника Алешу. — О, если бы ты посидел в термосе хотя бы неделю! Ты бы заговорил по-иному… Дни в термосе такие длинные, бесконечные и такие гладкие… Но тебе, конечно, это безразлично. Томись, несчастный джинн, лишь бы твои вздохи не долетали до меня. Томись без дела, никому не нужный и забытый. О, не жалейте устарелого, беспомощного джинна! К тому же, — джинн бросил ревнивый и подозрительный взгляд на Вальку, — к тому же нисколько не сомневаюсь: ты решил забросить волшебство и стать капитаном. И уж конечно…

— А вот ты как раз напомнил. У меня есть для тебя дело, — поспешно сказал волшебник Алеша. — В общем, работенка.

— Правда? — Джинн подпрыгнул от радости. Нет, пожалуй, он зря все-таки подпрыгнул. Наверно, вы бы тоже согласились с этим. Когда джинн подпрыгнул, все в комнате подпрыгнуло вместе с ним: книжные шкафы, стол, стулья, старый диван и даже буфет с посудой. Все вещи как-то огорченно охнули, что-то зазвенело, отовсюду посыпались книги.



Если бы дядя Алеша так крепко не обнимал

Вальку за плечи, тот наверняка бы скатился со своего четырехногого устойчивого табурета. Нет, не надо джиннам прыгать от радости, это уж точно!

— Работенка? — нетерпеливо проговорил джинн. — Говори же, не томи душу, о повелитель! Что-нибудь воздвигнуть? Построить? Слетать? Куда? В Сахару? На Северный полюс? Может, в сказку? Давненько я собирался завернуть на остров Капитанов. О, эти капитаны! Зазнайки и выскочки! Ну, я с ними потолкую. Значит, в сказку, да?

Волшебник Алеша переглянулся с Валькой и только безнадежно пожал плечами.

— Нет, голубчик, другое... — мягко и ласково сказал он джинну. — Ты должен доставить меня и вот этого уважаемого Тин Тиныча к его маме.

— Только и всего! — Джинн надменно и разочарованно оттопырил нижнюю губу. — Заменять собой такси. Это презренное чудовище, дышащее бензином, у которого вместо сердца стучит счетчик.

— Давай уж сразу обо всем договоримся, — торопливо добавил волшебник Алеша, — чтобы потом никаких претензий. Ты нас доставь только до лифта, ладно? И подождешь там. В подъезде,

знаешь, тепло, батареи горячие…

— Ты стыдишься меня, о повелитель! — громоподобно возопил джинн. Он так заскрежетал зубами, что изо рта у него посыпались хвостатые, колючие искры. Одна из них, сверкая, упала на переплет старинной книги, и волшебник Алеша ловко прихлопнул ее ладонью. — О, какое оскорбление! Лучше бы я стал крепким чаем или кофе в моем одиноком термосе! — продолжал завывать джинн, закатив глаза и раскачиваясь из стороны в сторону. — О я несчастный! Презирайте меня, топчите ногами, насмехайтесь!..

— Ну, знаешь, мое терпение тоже может лопнуть! — Волшебник Алеша, не выдержав, стукнул кулаком по столу.

Багровое лицо джинна позеленело, он с грохотом упал на колени.

— Смилуйся, о повелитель! — задыхаясь от ужаса, простонал он. От его испуганного дыхания завернулся край ковра. — Прости своего неблагодарного слугу. Не карай его своей немилостью. Покорный и немой, прижавшись в уголке, я буду ждать в подъезде, у лифта, где ты прикажешь…

— Опять крайности. Уж сразу «немой и покорный»… — недовольно поморщился волшебник Алеша.

Он снял с батареи Валькины башмаки. Они были теплые и твердые, словно выдолбленные из коры. Валька сунул в них ноги, сделал несколько шагов. Жесткие башмаки скрипели, и ноги в них не сгибались, были как деревянные.

— Ничего, вы походите, походите в них, разомнутся, — сказал волшебник Алеша и снова повернулся к джинну: — Так или иначе — пора!

То, что случилось потом, показалось Вальке слишком быстрым, слишком невероятным, будто это был сон.

Само собой распахнулось окно. В лицо пахнуло холодом, сыростью уходящей зимы. Валька почувствовал пустоту под ногами, словно пол провалился и он повис в воздухе. Когда он глянул вниз, он увидел крыши города, убегающие огни, огни, удлиненные движением. Но все это время он чувствовал крепкую руку волшебника Алеши, обхватившего его за плечи. Впрочем, Валька не был уверен до конца, чья это все-таки рука: волшебника Алеши или джинна? Он даже не успел испугаться, как за ними уже захлопнулась знакомая дверь подъезда, а джинн, стыдливо сгорбившись, приткнулся в углу возле доски с почтовыми ящиками.

Валька не помнил, как он вместе с волшебни-

ком Алешей поднялся на лифте.

А потом перед ним появилась мама. Она стояла в дверях квартиры, опустив руки, и казалось, совсем не рада Вальке, такая она была бледная и такими измученными и чужими были у нее глаза.

— Мы уже не знали, что и делать, куда звонить, — тихо сказала мама. Вальке стало обидно, что мама так говорит с волшебником Алешей. Хотя откуда ей было знать, что он волшебник.

— Во всем виноват я, один я, — смущенно сказал волшебник Алеша, церемонно приподнимая шляпу. — Забыл о времени, как всегда. Но поверьте, у нас были очень важные дела с вашим маленьким капитаном.

С этими словами волшебник Алеша подтолкнул Вальку к маме.

— Так уж и капитаном… — слабо улыбнулась мама.

— Да, капитаном, — волнуясь и, как обычно, немного смущаясь, сказал волшебник Алеша. — У меня даже нет сомнения. Понимаете, меня внизу ждет мой… не важно кто. И если кто-нибудь увидит моего… не важно кого. Особенно какая-нибудь пожилая соседка, старушка… Словом, я должен торопиться. Но если бы у меня была хоть

минута времени, я бы вам непременно объяснил, какие тут имеются вернейшие признаки, что наш дорогой, уважаемый Тин Тиныч, как вы его мило зовете, непременно станет капитаном…

И, произнеся эти малопонятные, загадочные слова, волшебник Алеша еще раз приподнял шляпу и стал торопливо спускаться вниз по лестнице. Теперь, друзья мои, мы простимся с Тин Тинычем, который, по-моему, очень славный, и с волшебником Алешей.

Впрочем, с волшебником Алешей мы еще встретимся на страницах нашей повести. Так же как и с нарисованной Ласточкой.

А нам с вами пора в путь.

Туда, где катит свои голубые волны океан Сказки. В удивительную страну Мечты и Фантазии. Прямехонько на остров Капитанов. На остров, к которому со всех сторон плывут корабли, сделанные ребячьими руками.

Глава V
Таверна «Золотая рыбка». И главное: рассказ дрессированной Сардинки

Тихо шуршали высокие пальмы на острове Капитанов. Их жесткие волосатые стволы и длинные листья казались оранжевыми от заходящего солнца. Над пальмами, устраиваясь

поуютнее на ночь, еще сонно летали небывало большие яркие бабочки. Задевали верхушки пальм хрупкими крыльями, осыпали разноцветной пыльцой. Их торопили ночные бабочки, появившиеся, едва только начало смеркаться. Толстые, неуклюжие, с короткими крыльями, похожие на кульки с пылью.

— Ишь разлетались… — ворчали ночные бабочки. — Сейчас наше время. Скоро зажгут свечи, лампы, фонари. Мы будем биться о стекла и кружиться, кружиться вокруг огня…

Со стороны гавани доносились оживленные голоса. Там еще вовсю кипела работа. Моряки чинили корабли, которые изрядно потрепал последний шторм.

Да, друзья мои, океан Сказки поистине можно было назвать капризным океаном. Мало сказать — капризным. Вспыльчивым, даже задиристым. Шторм и бури налетали совершенно неожиданно, и предсказать их не было ни малейшей возможности.

Вдруг ни с того ни с сего небо мрачнело, собирались косматые тучи. Бешеный ветер словно перемешивал их с морем. Рев и грохот в один миг сменяли тишину. А вот уже катит девятый вал, как известно, самый опасный и коварный.

А за девятым валом откуда ни возьмись опять девятый вал, а за ним снова девятый.

И прошу вас, друзья мои, не удивляйтесь!

Раз уж вы отправились на остров Капитанов, вам не раз придется широко открывать глаза и говорить: ну и ну! Вот это да!

А чем мерить удивление, мы так с вами еще и не решили. Во всяком случае, не километрами. Взвешивать удивление на весах тоже, я полагаю, не лучший способ. Правда, один чудак уверял меня, что он капает десять капель удивления в рюмку и принимает каждый вечер перед сном. Но я думаю, что он просто шутил.

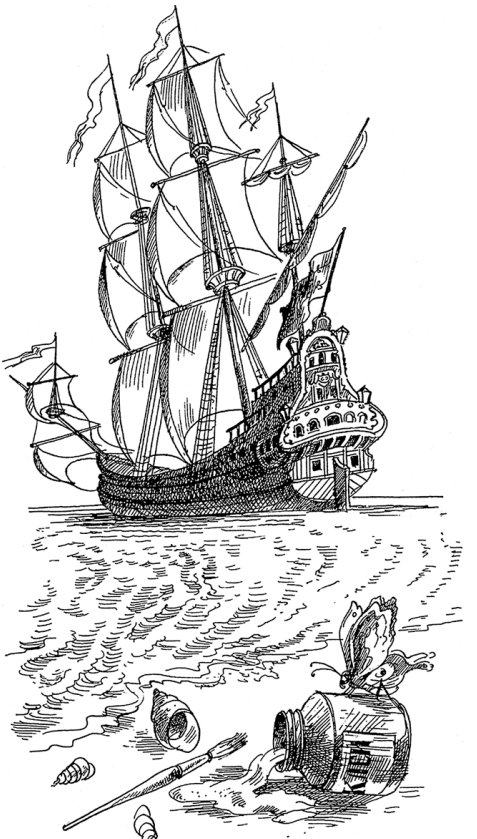
Однако не будем отвлекаться.

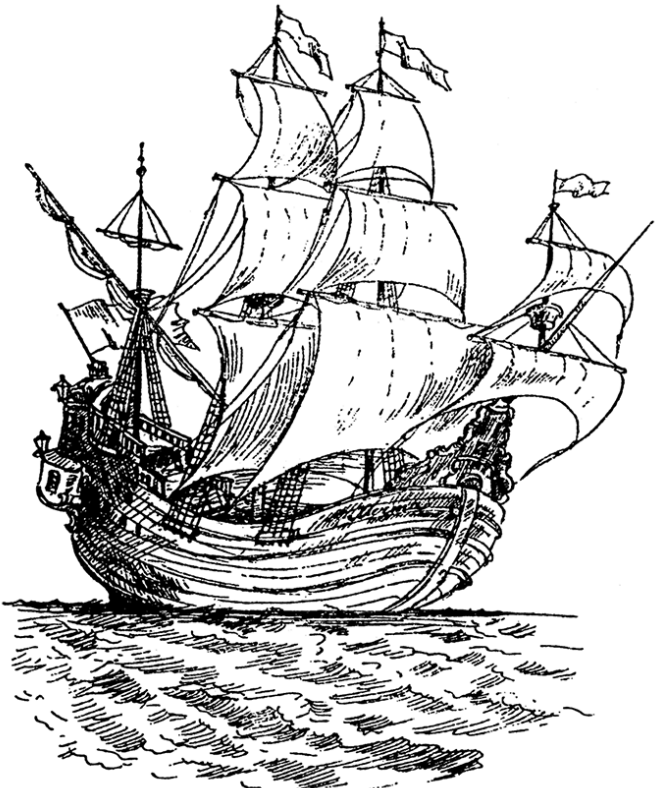
Как всегда, во время шторма хуже всех пришлось «Веселому Троллю». Капитан Нильс, раздосадованный и злой, шагал по палубе, из-под насупленных бровей мрачно поглядывал, как ловкие матросы, взобравшись по вантам с кисточками и тюбиками клея, ставили заплаты на бумажные паруса.

Да, бумажные паруса были поистине злым роком капитана Нильса! После каждой бури «Веселый Тролль» еле-еле дотягивал до гавани, и размокшие обрывки парусов, свисавшие с рей, представляли собой плачевное зрелище.

«Ну почему, почему мой Нильс, когда мастерил «Веселый Тролль», сделал ему бумажные паруса? — стискивая в карманах кулаки от безнадежного отчаяния, думал капитан Нильс. — Ведь «Тролль» — отличное судно, устойчив на курсе, прекрасно маневрирует. Но паруса?.. Терпения ему не хватило, вот что. Сделал паруса тяп-ляп. Схалтурил мальчишка. Лишь бы поскорей на воду спустить...»

Но тут настроение у капитана Нильса окончательно испортилось. В гавань, неуклюже лавируя между легкими парусниками, входил «Гросфатер», надежно сделанное, тяжелое и неповоротливое торговое судно.





На палубе, широко и устойчиво расставив ноги, стоял его капитан Макс Мориц Густав Теодор Фридрих по прозвищу капитан Какследует. «Гросфатер», как всегда, пришвартовался возле «Веселого Тролля». «Нарочно же, конечно, нарочно...» — с неприязнью подумал капитан Нильс. С досадой закусив губу, глянул на измочаленные бурей обрывки бумажных парусов.

Все в капитане Какследует раздражало капитана Нильса. И самодовольная, как ему казалось, улыбка, и оранжево-рыжие веснушки, словно шляпки гвоздей, крепко вбитые в круглую физиономию. И обширные карманы его куртки, сшитой из грубого, но добротного сукна. И башмаки на толстой подошве, подбитые подковками, так что каждый шаг отдавался как удар молотка.

И главное, что особенно обижало болезненно самолюбивого капитана Нильса, — это досадная манера повторять по любому поводу:

— Все надо делать как следует! Так всегда говорил мой покойный дедушка!

Словно белокрылая чайка, к острову подошла бригантина «Мечта». Матросы лихо и ловко убрали паруса.

«Пожалуй, лучший корабль здесь у нас, — с невольной завистью подумал капитан Нильс,

провожая «Мечту» глазами. — Но и капитан на «Мечте», ничего не скажешь, настоящий моряк. Отличный товарищ, безупречно храбрый, всегда можно на него положиться. Другого такого не сыщешь, как наш капитан Тин Тиныч».

У капитана Нильса как-то отлегло от души. И он уже бодро зашагал вверх по мощенной камнем дороге, туда, где гостеприимно и приветливо покачивался и мигал узорный фонарь над входом в портовую таверну «Золотая рыбка».

Как всегда, под вечер капитаны собрались в портовой таверне. Скоро в «Золотую рыбку» пришел и капитан Валентин Валентинович — капитан Тин Тиныч, как часто в шутку любили называть его друзья. Только хочу вас сразу предупредить, дорогие читатели, что это был вовсе не тот маленький Тин Тиныч, ученик первого класса, с которым вы встретились в начале этой необыкновенной истории. Не забудьте, ведь мы с вами пересекли океан Сказки и попали на остров Капитанов, где живут капитаны ребячьей мечты. Поэтому нет ничего удивительного, что через порог шагнул взрослый человек, широкоплечий и ладный, с мужественным, пожалуй, даже несколько суровым лицом. Словом, точно такой, каким мечтал стать маленький Тин Ти-

ныч, когда вырастет. Даже среди обветренных, прокаленных зноем и солью лиц капитанов его лицо казалось особенно смуглым. А спокойный взгляд серых глаз говорил о редкой твердости характера.

Капитан Тин Тиныч обнял за плечи капитана Нильса. Ни о чем не спросил его: как прошел рейс, как «Веселый Тролль» встретил бурю. И капитан Нильс мысленно поблагодарил его.

Насвистывая что-то веселое, в таверну вошел капитан Жан, невысокий, стройный и ловкий.

Его легкий остроносый «Альбатрос» был разрисован цветными карандашами и красками от киля до парусов. На флаге красовался Пиф в синей морской шапочке, лихо сдвинутой на одно ухо.

Видно, маленький Жан боялся, что бури и непогоды постепенно смоют его рисунки, и поэтому погрузил в трюм «Альбатроса» краски и коробку цветных карандашей. Не забыл он и большую резинку, на случай если придется что-нибудь стереть или подправить.

Капитан Жан оказался отличным художником и после каждого плавания обновлял и освежал рисунки, пока его матросы до блеска драили палубу. Вскоре в таверну заявился капитан Как-

следует. Он с такой силой захлопнул за собой дверь, что та бухнула, как старинная пушка. Ухватив за спинку тяжелый дубовый стул, он с грохотом подтащил его к столу и уселся рядом с капитаном Жаном, широко расставив колени.

Последним в таверну приковылял, опираясь на источенную временем трость, адмирал Христофор Колумб.

Снова прошу вас, друзья мои: не удивляйтесь! Да и, собственно, что тут такого особенного? Да, Христофор Колумб тоже был когда-то мальчишкой. Да, Христофор Колумб тоже мастерил кораблики.

К тому же, скажем по чести, найдется ли на свете моряк, который с замиранием сердца не вспомнил бы адмирала Колумба, если вдруг синеющим чудом возникнет на горизонте неведомая земля, еще никем не занесенная на карту? Что ни говорите, а в душе каждого моряка живет открыватель новых земель Христофор Колумб, это уж точно!

— Что за холод и ветер! Видно, в преисподней нынче пусто. Все дьяволы собрались здесь и, раздув щеки, дуют так, что доброму человеку не ступить и шагу, — проворчал адмирал Колумб. Он всегда выражался несколько возвышенно

и старомодно.

Впрочем, погода стояла тихая и теплая. Просто старый адмирал не слишком крепко держался на ногах и в любую погоду у него ломило кости. Адмирал Колумб, со скрипом согнув колени, уселся на стул, подвинул его поближе к пылающему камельку. Снял шляпу со страусовым пером, оправил пожелтевшие кружевные манжеты цвета стеариновой свечки. Капитан Тин Тиныч, громко хлопнув ладонями, убил серую моль, кружившую вокруг знаменитого адмирала и уж слишком заинтересовавшуюся его ветхим камзолом и потертой шляпой.

— Благодарю, — медленно и величественно кивнул Христофор Колумб капитану Тин Тинычу. — Если бы со мной плавали люди, подобные вам, капитан, не исключено, что я открыл бы еще парочку каких-нибудь там Америк.

— Гм… — с сомнением отозвался капитан Тин Тиныч, который несколько лучше знал географию.

В трактир заглянул ненадолго Добрый Прохожий. Он всегда заходил в трактир минут на десять, не больше.

Капитан Тин Тиныч усадил Доброго Прохожего возле себя, налил ему кубок темного старинного вина. Добрый Прохожий улыбнулся своей рассеянной и печальной улыбкой.

История его была довольно-таки необычайной.

Он приплыл на остров Капитанов на маленьком бумажном корабле, даже не склеенном, а просто сложенном из листа бумаги в клеточку, видимо, вырванного из тетрадки по математике. По секрету скажем, только чтобы он этого не слышал: корабль его походил больше на бумажную треугольную шляпу, чем на корабль.

Едва корабль бросил в гавани якорь, а капитан и немногочисленная команда благополучно сошли на берег, размокший корабль осел, сплющился, расползаясь на куски. Первая же набежавшая волна унесла обрывки бумаги в открытый океан.

— Что ж, раз я остался без корабля, — сказал огорченный капитан, — то я стану Добрым Прохожим. Представьте, какой-нибудь бедняга заблудился и ночью в кромешной тьме бредет по незнакомой дороге. Ведь кто-то должен по-

встречаться ему на пути? Так это буду — я!

С тех пор Добрый Прохожий все ночи напролет бродил по дорогам острова Капитанов.

Пожалуй, нельзя назвать остров Капитанов особенно большим островом. Но все же там было несколько дорог. Широкая прямая дорога соединяла гавань и город, где жили капитаны.

— Это дорога в город, — любил говорить Добрый Прохожий, — но если идти по ней в обратном направлении, то это уже будет дорога в гавань. Как ни считайте, а это уже две дороги.

Была еще узкая петляющая дорожка, идущая от таверны «Золотая рыбка» к высокой неприступной скале, одиноко торчащей на северной оконечности острова.

— Это дорога к одинокой скале. Но ведь если идти по ней назад, то это будет уже совсем другая дорога. Дорога, ведущая к таверне «Золотая рыбка», — подсчитывал, загибая пальцы, Добрый Прохожий.

Так что, видите сами, работы у него было предо-

статочно.

— Оставайтесь с нами, отужинаем вместе, наш славный Добрый Прохожий, — предложил капитан Тин Тиныч. — Ночь обещает быть холодной.

— К сожалению… — Добрый Прохожий развел руками, озабоченно глянул в окно. — А вдруг — вы только представьте себе — именно сейчас, в эту минуту, кто-нибудь заблудился в темноте. Неужели он так никого и не встретит, кто поможет ему, подбодрит, подскажет верный путь?

И Добрый Прохожий торопливо вышел из таверны.

— Бездельник, бродяга, — пожала плечами хозяйка таверны.

— Замолчи, о женщина! — сурово посмотрел на нее адмирал Колумб. — Что ты смыслишь в этом? Твое дело цедить вино из бочки да уметь подать его с любезным поклоном.

— Бросьте, адмирал, — усмехнулся капитан Какследует. — Наша хозяйка, наша красотка Джина может болтать все, что ей вздумается. Уж свое-то дело она делает как следует! А это самое главное, как любил говорить мой покойный дедушка.

— Вы очень любезны, капитан, — с улыбкой посмотрела на него хозяйка таверны. — И ваш

покойный дедушка тоже.

Да, пожалуй, хозяйку таверны «Золотая рыбка» и впрямь можно было назвать красавицей!

Черные как смоль волосы были уложены в высокую затейливую прическу, и пламя свечей приплясывало среди блестящих черных локонов. Взгляд ее быстрых темных глаз порой становился таким пронзительным, таким отточенно-острым, что, казалось, ее глаза могут уколоть, ужалить… Но… красотка Джина улыбалась. Улыбалась всегда и всем. Ласковая, но какая-то неподвижная, словно застывшая, улыбка никогда не сходила с ее лица.

Хромой слуга с деревянной ногой, похожей на перевернутую бутылку, однажды ночью, взбираясь к себе на чердак, остановился передохнуть возле двери своей хозяйки. Просто так, из любопытства глянул в полуоткрытую дверь.

Ярко светила плоская серебряная луна.

Хозяйка спала, и в лунном свете еще бледнее казалось ее белое лицо, еще темнее черные волосы. И даже во сне она улыбалась все той же ласковой застывшей улыбкой.

Старому слуге почему-то стало жутко. Ледяные колючки впились между лопаток. Он поскорее заковылял к себе на чердак. Забрался под оде-

яло, сверху навалил все тряпье, какое было. До утра пролязгал зубами, так и не смог согреться и уснуть…

Капитан Тин Тиныч бросил взгляд в окно, за которым быстро сгущалась темнота.

— Сегодня Томми должен вернуться из своего первого плавания, — негромко сказал капитан Тин Тиныч.

— О-ля-ля! — Капитан Жан поднял кубок. — За здоровье Томми, молодого капитана!

— Способный мальчишка, — прошамкал старый адмирал Колумб. — Куда, позвольте узнать, поплыл?

— На острове Хромого Осьминога выбросило на мель молодого дельфина. Томми взял курс на Осьминога, — ответил капитан Какследует и усмехнулся: — Уверен, Томми справится. Как любил говорить мой дедушка, все надо делать как следует!

Не выдержав, болезненно самолюбивый капитан Нильс багрово покраснел и вскочил со стула. Ему во всем чудились намеки на «Веселый Тролль» и его бумажные паруса.

— Это уже не первый раз, и если вы хотите сказать, что… — срывающимся от обиды голосом начал он. Но капитан Тин Тиныч со словами:

«Бросьте, дружище! Никто и не думал вас обидеть…» — ласково и твердо надавив ему на плечо, заставил его снова сесть.

— Помню, как приплыл на остров мой корабль «Санта-Мария», — между тем бормотал, качая головой, старый адмирал Колумб. — Да, прошло уже лет пятьсот, не меньше. О время, время!.. Корабль этот смастерил сам Христофор Колумб, когда был еще мальчишкой…

Хозяйка таверны насадила на вертел гуся и принялась поворачивать его над огнем.

Жир, треща, закапал в очаг, вспыхивая и освещая прокопченные кирпичи. Сидевшая возле нее черная как ночь Кошка вытянула шею и облизнулась. Но тут же со скромным, безразличным видом отвернулась, как будто ее хозяйка насадила на вертел не жирного гуся, а старый башмак.

Да, эта Кошка, с которой мы еще познакомимся гораздо ближе, была отнюдь не глупа. К тому же, со свойственным кошкам лукавством, она отлично умела скрывать свои мысли. Пожалуй, на всем белом свете вряд ли бы вы нашли кошку хитрее этой.

Неожиданно массивная дверь таверны широко распахнулась. Ветер, пахнущий солью, морем, водорослями, плоско пригнул пламя свечей. Через

порог шагнул матрос Тельняшка, добродушный верзила с голубыми глазами.

Тельняшка бережно и нежно прижимал к груди большую рыбу с чешуей крупной и блестящей, как наложенные одна на другую крупные монеты. Этот на редкость застенчивый и молчаливый человек имел одну-единственную, но поистине необыкновенную страсть.

Все свободное от вахты время он учил рыб разговаривать. Надо признаться, он достиг в этом немалых успехов. Тельняшка начал с того, что научил говорить целую дюжину селедок. Но селедки оказались пустыми, надоедливыми болтушками. То там, то тут появлялась селедочная голова и что-то пищала. Целый день они обменивались новостями, сплетничали, болтали всякий вздор. Почему-то больше всех доставалось Морскому Коньку.

— Вы слышали, слышали?

— А что случилось?

— Как же так, живете в море и ничего не знаете? Да Морской-то Конек опять плавал в коралловый грот к розовой Медузе!

— Ай-яй-яй!

— А летучие рыбки вчера куда-то улетели! Я сама видела, как они готовили бутерброды

на дорогу!

— Что вы болтаете! Да я их только что повстречала!

С утра до вечера над волнами неслись визгливые селедочные голоса. Хоть уши затыкай. Тельняшке пришлось прекратить с селедками занятия. Любимой ученицей Тельняшки была мудрая Сардинка. Немногословная, спокойная, зря ничего не скажет.

И вот именно с ней, с мудрой Сардинкой, матрос Тельняшка пришел в таверну «Золотая рыбка». Он нерешительно остановился у порога, прижимая к себе говорящую Сардинку.

Глаза Черной Кошки вспыхнули пронзительным зеленым светом.

— Погаси глаза! — негромко прикрикнула на нее хозяйка таверны.

Глаза у Кошки моментально погасли, стали пустые, желтые, плоские. Не будем скрывать, в этот миг Черная Кошка подумала: «Интересно, говорящая рыба вкуснее, чем неговорящая? Сдается мне, вкуснее, гораздо вкуснее… Хотела бы я это выяснить. Мур-мяу!..» Но, конечно, глядя на Черную Кошку, никто не мог бы догадаться, о чем она думает. Повторяю, она отлично умела скрывать свои мысли.

Все капитаны, как один, повернули головы, с интересом разглядывая дрессированную Рыбу. Тельняшка от всеобщего внимания совсем засмущался. К тому же надо добавить, чем больше в море появлялось говорящих рыб, тем молчаливей, как ни странно, становился сам Тельняшка.

— В чем дело, матрос Тельняшка? — спросил капитан Тин Тиныч.

— Капитан, — волнуясь, проговорил Тельняшка, — пожалуйста, не удивляйтесь, что рыба на суше…

— Что? Рыбы насушим? — недослышав, переспросил несколько глуховатый адмирал Христофор Колумб.

— Плавала в заливе она… — снова начал Тельняшка.

— Заливная она? Тоже неплохо! — заулыбался старый адмирал.

— Лучше пусть она сама все расскажет, — окончательно смутившись, сказал Тельняшка.

Он осторожно опустил Сардинку на пол, поставил на хвост. Дрессированная Сардинка несколько раз покачнулась, но все-таки устояла, растопырив плавники. Затем широко открыла рот, зашевелила жабрами.

— Пить хочет. Водички бы, — шепотом попро-

сил Тельняшка, — побольше… Хозяйка, ласково улыбаясь, подала ему закопченный чайник с мятыми боками. Тельняшка начал лить воду из чайника прямо в широко раскрытый рот Сардинки. Рыба перевела дух, с облегчением громко вздохнула. Внутри ее что-то заскрипело с натугой, словно пришел в движение какой-то старый механизм. И вдруг Сардинка заговорила:

— Темнота, хоть рыбий глаз выколи… Корабль Томми плыл, никому не мешал. Никого не глотал. Махал себе плавниками и плыл. Течение погнало корабль в темноте на Черный остров… Там засели пираты… Они взяли корабль на або… або…

Сардинка никак не могла выговорить непривычное слово.

— На абордаж, — тихонько подсказал Тельняшка.

— На а-бор-даж… — старательно проговорила дрессированная Сардинка.

— Пираты?! Клянусь моей шпагой!.. — взревел адмирал Колумб, потрясая седыми желтоватыми волосами, завитыми по моде еще тех времен. Дрожащими руками наполовину вытащил из ножен старинную шпагу, всю покрытую рыжими узорами ржавчины.

— Молодой капитан и все матросы всплыли

кверху брюхом, — из последних сил прошептала дрессированная Сардинка. — Тут подоспели дельфины… Спасли… всех на берег…

Потрясенные капитаны смотрели на Сардинку, ждали, может, она что-нибудь еще скажет. Но Рыба молчала. И никто не заметил, как хозяйка таверны и Черная Кошка быстро переглянулись, и Черная Кошка отвернулась, пряча зеленый торжествующий блеск глаз.

Тельняшка подхватил дрессированную Сардинку на руки, прижал к груди, с нежностью погладил по чешуе.

— Умница, как все толково рассказала… Сейчас, сейчас в море выпущу… — пробормотал он и, качая на руках Рыбу, как малого ребенка, вышел из таверны.

— Пираты… Это уже не о-ля-ля! — растерянно протянул капитан Жан. Хозяйка таверны, красотка Джина, как ни в чем не бывало расшевелила в очаге алые угли, подкинула дров.

— Капитаны, а верите всяким бредням, — насмешливо проговорила она. — Право, хуже детей. Сами посудите: ну какие могут быть пираты в наших водах?

— Так-то оно так, — хмурясь, сказал капитан Тин Тиныч. — Я тоже не очень в это верю. Но все-

таки…

Капитан Тин Тиныч не успел договорить. Дверь распахнулась, и в таверну, шатаясь, вошел молоденький негр. Мокрая одежда прилипла к телу.

Он остановился на пороге и, чтобы не упасть, ухватился рукой за дверной косяк.

Глава VI
Появление одноглазой гадалки. И главное: «Мечта» отправляется в плавание

— Томми, мой мальчик! — с волнением вос-

кликнул капитан Тин Тиныч и бросился к юноше.

— Пираты захватили мой корабль, — с трудом проговорил Томми. — Мы сражались как могли. Но они напали на нас в темноте, застали врасплох…

— Молодцы пираты! Все надо делать как следует! — азартно воскликнул капитан Какследует. Но тут же спохватился, короткими пальцами смущенно почесал в затылке, с некоторым замешательством пробормотал: — Простите, друзья… Я, кажется, сказал что-то не то. А? Да, я не имел в виду ничего плохого. Поверьте, я…

Но никто из капитанов даже не посмотрел в его сторону, и он надолго умолк, виновато опустив голову.

— Мой чудесный корабль из пальмового дерева. Я в первый раз вышел на нем в море… — Губы Томми совсем по-детски дрогнули, круглые карие глаза наполнились слезами.

Капитан Тин Тиныч разжал словно судорогой сведенные холодные пальцы Томми, обнял за плечи, чувствуя, что юноша весь дрожит, усадил его поближе к жарко пылавшему камельку.

— Все за мной! На каравеллу! В погоню за пиратами! — дребезжащим голосом крикнул капитан Христофор Колумб. Приподнялся на дрожащих старческих ногах и тут же снова упал на стул.

— Теперь пираты будут хозяйничать в наших водах. Особенно по ночам, в темноте, — озабоченно сказал капитан Тин Тиныч. — Пираты… Новость не из приятных. Ну, Томми, Томми, да не вешай ты носа! Ведь ты среди друзей!

— Чем меньше, тем больше, и никаких переживаний!.. — негромко пробормотала красотка Джина, поворачивая над раскаленными углями

подрумянившегося гуся.

Она частенько произносила эти загадочные, непонятные слова, такая уж у нее была привычка.

Черная Кошка сидела неподвижно и только переводила глаза с капитанов на хозяйку таверны. Глаза ее быстро двигались, как два сверкающих золотистых маятника: туда — обратно, туда — обратно.

«Кажется, я взвесила все и сделала верный выбор, — подумала Кошка. — Трезво рассчитала все возможности. Конечно, предвидеть все заранее никому не дано… Но, полагаю, я не ошиблась. А капитаны-то приуныли… Мур-мяу!»

Капитаны подавленно молчали. Капитан Тин Тиныч набил табаком трубку, но так и забыл ее раскурить.

Пираты!.. Откуда они взялись на Черном острове?

Неужели кто-нибудь из ребят, начитавшись книг о морских разбойниках, так, в шутку, или из недоброго озорства укрепил на мачте своего корабля черный флаг с черепом и скрещенными костями? Нет, не может этого быть! Но так или иначе, теперь пираты были реальностью, жестокой реальностью.

Им ничего не стоило, засев на скалах Черного острова, сделать его неприступным. А теплое течение, огибая с юга остров Капитанов, как раз несло все корабли прямо к Черному острову. Сбиться с курса было очень легко. Особенно безлунной ночью, в темноте.

В окно таверны с трудом протиснулась Ласточка по имени Два Пятнышка. Ее прозвали так потому, что за ней, никогда не отставая, летели по воздуху два черных круглых пятнышка, похожих на кляксы. Одно поменьше, другое побольше.

Прошло уже немало времени с тех пор, как Ласточка доставила на «Мечту» заветную карту океана Сказки.

Ласточке пришелся по душе остров Капитанов. Ей нравились и высокие шуршащие пальмы, и прозрачные волны сказочного океана. А главное, она подружилась с отважными и благородными капитанами.

Однажды Ласточка прилетела на остров Капитанов, держа в клюве старинный пожелтевший рисунок.

— Я надеюсь… мне кажется, вам понравится, — радостно прощебетала она.

На листе бумаги был изображен двухмачтовый

бриг с туго надутыми ветром парусами. Над ним упруго изогнулась разноцветная радуга.

— О-ля-ля! Отличный корабль! — воскликнул капитан Жан.

— Корабль нарисован как следует. Ничего не скажешь, — одобрительно кивнул головой капитан Какследует.

— Одно досадно: ведь он только нарисован, — с сожалением заметил капитан Тин Тиныч. — Такой корабль украсил бы нашу флотилию. Кстати, где ты его раздобыла, милая Ласточка?

— Вы знаете, совершенно случайно, — ответила Ласточка. — Довольно забавная история. Вы послушайте.

Ласточка рассказала, что она, навестив волшебника Алешу, решила на обратном пути залететь ненадолго в городской парк, поболтать со знакомыми птицами. Но все птицы разлетелись кто куда по своим делам, и только по пустой аллее со свистом носился Буйный Ветер, давний приятель Ласточки.

Буйный Ветер был очень занят. Он играл с пожелтевшим листом бумаги, на котором был нарисован старинный корабль. Ветер то волочил рисунок по земле, то поднимал вверх и кружил в воздухе вместе со столбом пыли.

— Где это ты раздобыл такой рисунок? — поинтересовалась Ласточка.

— Да так, залетел в чье-то открытое окно, — небрежно просвистел Ветер. — Смотрю, мой знакомый Сквознячок забавляется с какой-то старой книгой. Листает страницы, а они еле держатся, того гляди, разлетятся по всей комнате. Ну, мне понравилась одна картинка, я поднатужился, налетел, вырвал ее из книги и унес в открытое окно. Но она уже надоела мне. Она слишком тяжелая, я даже запыхался. Нет, мне нравится все легкое, невесомое, то, что любит летать и кружиться в воздухе.

— Если так, то давай поменяемся, — предложила Ласточка. — Отдай мне этот рисунок. А взамен я подарю тебе три своих перышка. Вот увидишь, ничто так чудесно не кружится в воздухе, как ласточкины перышки. — Буйный Ветер подумал немного и согласился. Он завертел, закружил три легких перышка и, засвистев от восторга, понес их куда-то высоко высоко, наверно, для того, чтобы похвастаться перед облаками своей новой игрушкой.

А Ласточка отнесла нарисованный корабль на остров Капитанов. Капитаны прибили рисунок гвоздями к прокопченной стене таверны.

И странное дело. То ли виной тому сырые зимние ночи и дым из очага, то ли еще что, но нарисованный корабль со временем стал меняться. Померкла, погасла многоцветная радуга. Обветшали паруса, словно от безделья, лениво повисли на реях. Перепутались, истлели канаты. Сквозь прохудившиеся борта проступили ребра шпангоутов.

— Мне кажется, он тоскует здесь, на стене. Ведь он так и не стал настоящим кораблем, — с грустью сказал как-то капитан Тин Тиныч. — Невеселое это дело — вечно плыть в Никуда…

Капитаны, как всегда, обрадовались Ласточке Два Пятнышка. Легкая, подвижная Ласточка в тесной таверне казалась большой и неуклюжей. Тяжело, по-утиному переваливаясь, она подошла к капитану Тин Тинычу.

— Тьфу, нарисованная… — надменно фыркнула в усы Черная Кошка. С безразличным и равнодушным видом отвернулась.

«Интересно, какая она на вкус, эта нарисованная? — на самом деле в этот миг подумала Черная Кошка. — А вдруг еще вкуснее, чем настоящая? Ах эти крылышки, эта нарисованная шейка!..»

Но, конечно, глядя на Кошку, никто бы не догадался, о чем она думает. Два Пятнышка быстро повернула голову в черной блестящей шапочке, оглядела капитанов.

— В курсе, в курсе. Все знаю, — быстро проговорила Два Пятнышка.

В тесной таверне ей было слишком жарко и душно. Она любила полет, ветер, словно разрезанный надвое ее крылом, безбрежные просторы голубого океана.

— Это уже всем известно, — продолжала Ласточка, — даже селедки, которые, как мы надеялись, разучились говорить, трещат об этом. Правда, они почему-то во всем обвиняют Морского Конька, который тут совершенно ни при чем. Но к делу. Пираты есть пираты. И они доставят вам еще немало хлопот. Советую прислушаться к моему мнению… Конечно, вы можете считать, что если я нарисованная, то мое мнение тоже нарисованное. А нарисованное мнение нарисованной Ласточки, может быть, по-вашему, не много стоит. В таком случае я сейчас же…

— Что ты, милая Два Пятнышка, мы вовсе так не думаем, — мягко сказал капитан Тин Тиныч.

Два Пятнышка пристально посмотрела на него, серьезно кивнула головой в черной атласной

шапочке.

— Тогда вот что, — уже спокойнее продолжала она. — В большом городе на большой настоящей реке живет добрый и мудрый человек. Волшебник Алеша зовут его. Если бы не он… но это не важно. Это не относится к делу. Важно другое. Он знает остров Капитанов, как будто бывал здесь. Вы должны посоветоваться с ним. Я уверена, он вам поможет.

— А что? Неплохая мысль… — задумчиво проговорил капитан Тин Тиныч. — К тому же, друзья мои, у меня есть карта. Отличная карта… Но…

— Что «но»? — хриплым голосом воскликнул капитан Какследует. Он вскочил на ноги, резко отшвырнул дубовый стул. — Все надо делать как следует! И если у вас сердце моряка, а паруса не из…

Капитан Тин Тиныч молча посмотрел на него, нахмурив брови. А капитан Жан, вытянув губы трубочкой и насвистывая что-то легкое и кружевное, незаметно, но резко толкнул его в бок локтем.

Капитан Какследует, побагровев и громко сопя от обиды, снова грузно плюхнулся на стул, проворчав сквозь зубы:

— Нянчатся тут с некоторыми…

— Вы понимаете, что я имел в виду, — продол-

жал капитан Тин Тиныч. — Да. Нарисованную Черту. Черту, которая окружает наш океан Сказки.

— Ах, тут уж ничего не поделаешь! — с улыбкой подхватила красотка Джина. Она тряхнула головой, и в каждом иссиня-черном локоне вспыхнул короткий отблеск свечей, так что ее волосы, искрясь и мерцая, на миг из черных сделались золотыми. — Ничего уж тут не поделаешь. Нарисованную Черту никому не дано переплыть!

Это была печальная истина. Океан Сказки со всех сторон был окружен широкой Нарисованной Чертой, и немало кораблей потерпели крушение, налетев на нее беззвездной ночью или в тумане.

Самое удивительное, что все сделанные ребятами корабли, со всех концов света держащие курс на остров Капитанов, переплывали ее, даже не заметив, даже не почувствовав легчайшего толчка. Но обратно… Нет, Нарисованная Черта была опасней любой подводной скалы, любого рифа.

— Я как-то не подумала… — виновато протянула Ласточка Два Пятнышка. — Я так легко ее перелетаю…

— Думать! Извините, но для этого желательно

иметь на плечах нечто не нарисованное… — не утерпев, ехидно мурлыкнула Черная Кошка.

Вдруг капитан Жан громко хлопнул себя по лбу, словно убил назойливого комара.

— Я знаю, что надо делать! — воскликнул он. — Резинка! Ну, ластик! Ластик, который мой маленький Жан предусмотрительно погрузил в трюм «Альбатроса». Вот теперь-то он наконец пригодится!

— Постойте, постойте… — Капитан Тин Тиныч даже привстал с места. — Забавно! А что, если действительно попробовать стереть им Нарисованную Черту? И сквозь образовавшийся пролив выбраться в тот, другой, настоящий океан?

— В районе острова Пряток Нарисованная Черта не такая ровная и немного поуже, — обрадованно подхватила Два Пятнышка. — Я давно это приметила. Я полечу с вами и…

— Отлично, — кивнул капитан Тин Тиныч. — Спасибо тебе, милая Два Пятнышка. В таком случае на рассвете мы поднимаем паруса.

— О-ля-ля! — весело воскликнул капитан Жан и подкинул кверху свою синюю морскую шапочку. — Счастливого плавания, дружище! Уверен, ластик моего Жана вас не подведет.

Все подняли бокалы. Даже рыжий капитан

Нильс. Хотя, по правде говоря, скверно у него было сейчас на душе. Нет, он не завидовал капитану Тин Тинычу. Он слишком любил его. Но с какой бы радостью он сегодня же, сейчас же направился навстречу любым приключениям и опасностям!

Ах, маленький Нильс, неусидчивый и беспечный мальчишка, что ты натворил, поленившись сделать «Веселому Троллю» надежные паруса!..

Хозяйка трактира между тем, продолжая все так же ласково улыбаться, наклонилась к Черной Кошке и что-то шепнула ей на ухо.

— О чем разговор! — благодушно промурлыкала Черная Кошка.

Хотя на самом деле в этот миг она с досадой подумала: «Все, все могут сидеть здесь в тепле, у камелька, сколько им вздумается. Одна я должна идти куда-то в холод, сырость, туман... Впрочем, раз уж я окончательно решила...»

Черная Кошка с обидой посмотрела на весело растрещавшиеся поленья в очаге. На минуту задержалась на пороге, поежилась от вечерней сырости и исчезла в темноте.

В окно влетела летучая мышь, по прозвищу Непрошеная Гостья, единственная летучая мышь, жившая на острове Капитанов.

Обычно она ютилась в развалинах старой башни на Одинокой скале. Зацепившись лапками за полусгнившие балки, висела вниз головой, вздыхала от одиноких тоскливых мыслей.

Непрошеная Гостья что-то невнятно пропищала, словно хотела предупредить о чем-то капитанов, и вырвалась в окно.

В дверь скользнула Черная Кошка, брезгливо передернула гладкой шкуркой, отряхивая мелкие белые, будто молоко, капли тумана. Прыгнула на высокий табурет.

Поймала взгляд хозяйки, кивнула головой: мол, все в порядке. Потом как ни в чем не бывало принялась старательно лизать заднюю лапу.

В дверь бочком протиснулась тощая, согнутая крючком нищенка-цыганка. В руке — веером колода карт. Видно, добывает себе кусок хлеба гаданием. Один глаз завязан черной повязкой. В ухе круглая медная серьга размером с блюдечко.

Нищая гадалка робко протянула к огоньку большие красные ручищи, покрытые цыпками, жалостно замигала единственным глазом.

Она была до самого подбородка укутана в дырявый цветастый платок. К его бахроме прилипли обрывки водорослей, сухие клешни крабов. Из-под обтрепанной юбки с оборками торчали

большие разношенные мужские башмаки.

— Дай погадаю, золотой, хорошенький, — басом сказала гадалка, придвигаясь к старому адмиралу Колумбу.

— Обогрейся, несчастная, да ступай своим путем, — проворчал старый адмирал. — Не верю я в эти ваши бесовские штучки, да, не верю. Помню, было это лет пятьсот назад. Одна цыганка, вроде тебя, нагадала моему Христофору Колумбу, что он ничего не откроет. А что, изволите видеть, вышло?

В таверну зашел погреться Добрый Прохожий.
— Сырая ночь, однако... — начал было он

и вдруг замолчал, с удивлением глядя на одноглазую гадалку. — Странно, признаюсь, очень странно. Я обошел сегодня весь остров, и не один раз. Но вас я почему-то не видел. Впрочем, сегодня, можно сказать, ночь неожиданностей. Только что повстречал незнакомца. Скажу одно, весьма необычный субъект. Тощий, в ухе большущая серьга, за поясом два пистолета. И представьте — тоже одноглазый. Я шел как раз по дороге из гавани в город.

— А я шла как раз по дороге из города в гавань, — поспешно возразила гадалка. — Разными дорогами мы шли. Как же мы могли повстречаться?

Гадалка отвернулась, прикрыла лицо шалью.

— И все-таки я не совсем понимаю… Тут какая-то загадка, — задумчиво пробормотал Добрый Прохожий.

Он еще немного постоял, рассеянно глядя на легкие, летучие языки пламени в очаге, и вышел из таверны.

Цыганка потерла красные лапищи, как-то бочком, крадучись вдоль стены, подобралась к капитану Тин Тинычу.

— Дай погадаю на руке, золотой, хорошенький. Всю правду открою, — вкрадчиво проговори-

ла она.

Но капитан Тин Тиныч решительно отстранил ее:

— Нет уж, избавьте меня от этого, голубушка.

Гадалка в ту же минуту подскочила к капитану Жану, цепко ухватила его за руку.

— Я и по твоей руке могу предсказывать его судьбу! — Гадалка указала корявым пальцем в сторону капитана Тин Тиныча. Наклонилась над ладонью капитана Жана, жалобно заголосила: — Вижу, вижу, завтра утром твой дружок Тин Тиныч хочет отправиться в опасное плавание. Что, верно говорю? Не соврала? То-то же!

— Неужели на моей руке написана его судьба? — искренне изумился капитан Жан.

— Да еще какая несчастная судьба! — подхватила гадалка, жадно поглядывая на капитана Тин Тиныча. — Клянусь преисподней, вот эта линия на твоей руке предсказывает, что с твоим дружком случится большое несчастье. Тысяча дьяволов! На него упадет бом-брам-стеньга и прихлопнет его как муху!

— Какой ужас, мадам, — бледнея, проговорил капитан Жан. — Неужели как муху? Нельзя ли как-нибудь изменить линии моей руки? Я согласен… ради друга…

— Бросьте, Жан, дорогой! — усмехнулся капитан Тин Тиныч. — Это же просто смешно, наконец.

— Дальше еще хуже, — запричитала гадалка, раскачивая огромной серьгой.

— Черт побери, вот эта линия показывает, что будет буря и его корабль развалится на две половинки!

— Капитан Тин Тиныч, прошу вас, умоляю, откажитесь от этого плавания! — взмолился капитан Жан.

Не будем скрывать, капитан Жан был поистине бесстрашный человек, отличный товарищ, но у кого нет слабостей: верил во все приметы, гадания и, как малый ребенок, боялся страшных снов.

Капитан Тин Тиныч, не обращая внимания на стоны и завывания цыганки, начал прощаться с друзьями. Крепко тряхнул руку рыжему капитану Нильсу. Осторожно, еле-еле пожал руку старому адмиралу Колумбу, словно его рука могла рассыпаться от малейшего прикосновения.

— До свидания, друзья мои! Чуть рассветет, мы будем уже в открытом море.

Капитан Тин Тиныч обнял Томми. Через его кудрявую голову обменялся понимающим взгля-

дом с капитанами.

Никто не обратил внимания, что хозяйка таверны наклонилась к Черной Кошке и что-то быстро прошептала ей на ухо.

Капитан Тин Тиныч направился к двери. Но не успел он сделать и трех шагов, как Кошка соскользнула с табурета и, мягко перебирая бархатными лапками, словно черная тень, перебежала ему дорогу.

— Между прочим, приношу несчастье! Мур-мяу! — добродушно промурлыкала Кошка.

Бледный как бумага, капитан Жан ухватил Тин Тиныча за плечо.

— Она перебежала вам дорогу! — дрожащим голосом еле выговорил он. — Умоляю, послушайтесь меня, не выходите в море. Мой дед, опытнейший был моряк… пренебрег черной кошкой… Вот так же дорогу ему перебежала. Отплыл на полмили от берега и… ко дну!

Капитан Тин Тиныч, усмехнувшись, наклонился, погладил Черную Кошку. Хотел было пальцем почесать у нее за ушком.

— Уберите ваши лапы, — мрачно буркнула Кошка.

С оскорбленным видом вскочила на табурет, повернулась спиной к капитану Тин Тинычу.

— Капитан, — негромко окликнула его красотка Джина, — может, возьмете меня с собой? Ну хотя бы коком. Что-то потянуло в море. Знаете, хочется, чтобы щи-борщи поплескались в кастрюлях. Да разрешите уж и Кошечку с собой прихватить.

Черная Кошка моментально слетела с табуретки, замурлыкала с металлическим треском, принялась, подобострастно заглядывая в глаза, тереться о ноги капитана Тин Тиныча.

— Ну что ж, не возражаю, — кивнул головой капитан Тин Тиныч.

— Девять футов воды под киль! — дребезжащим голосом выкрикнул старый адмирал Христофор Колумб и залпом осушил до дна серебряный кубок.

Тяжело опустил его на стол. Хозяйка торопливо увязывала пожитки в узел, заодно давая последние указания одноногому слуге.

Кошка, прощаясь с таверной, нюхала углы и ножки стульев.

Хозяйка толкнула в спину кулаком одноглазую гадалку, которая стояла, мрачно потупившись, и грызла грязные ногти.

— Вон отсюда, коль не сумела нагадать, как было велено, — сверкнула глазами хозяйка.

Но, поймав недоумевающий взгляд капитана Тин Тиныча, спохватилась, с улыбкой проговорила:

— Ох уж эти нищенки-побирушки! Глаз да глаз за ними нужен. Сейчас еще серебряные ложки пересчитаю. А ну-ка, выверни карманы, красавица.

— Иди, иди отсюда, тетушка, — махнул рукой капитан Какследует. — Не до тебя сейчас.

Цыганка, уныло сгорбившись, пошла к двери. Не заметила, что ее цветастая шаль зацепилась потрепанной бахромой за угол стола. Шаль сползла с плеч.

— Ах! — разом вскрикнули все капитаны.

На цыганке оказалась мужская рубашка, распахнутая на волосатой груди. Из-под широкого алого пояса торчала пара тяжелых пистолетов.

— Каррамба, вот так тетушка! — срывающимся голосом воскликнул капитан Колумб.

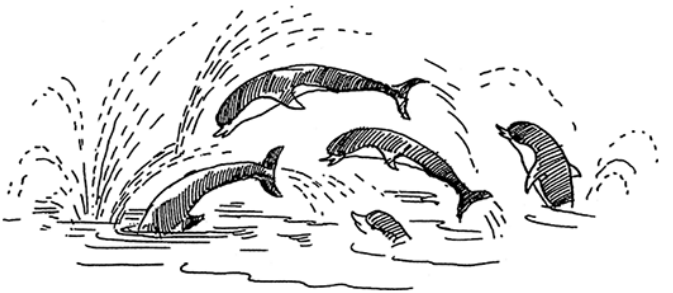
Увидев, что его тайна раскрыта, пират выпрямился, пронзительно свистнул и в мгновение ока выхватил оба пистолета. Прицелился в фонарь. Грянул выстрел. Фонарь погас. Вторая пуля лихо сбила пламя свечи. Таверна погрузилась в полный мрак. Послышался острый звон выбитого стекла. Стук распахнувшейся рамы. Глухие проклятия.

Все смолкло. И тогда капитаны услышали голос моря. Удар волны, шипение пены и тишина. Удар волны и тишина.

Глаза постепенно привыкли к темноте. Проступил бархатно-синий квадрат неба в окне. Во мраке светились белые барашки волн.

— Надо же! Пират. Вот уж никогда бы не поверила, — сказала хозяйка таверны, зажигая свечу. — И ведь живем не когда-нибудь, а, слава богу, в двадцать первом веке. Ай-яй-яй!

Глава VII
Юг и север.
И главное:
встреча с Медвежонком, который увлекался географией



Знаете ли вы, друзья мои, как светит солнце над океаном Сказки?

Лучи его насквозь пронизывают волны и доходят до самого дна, согревая всех его многочисленных жителей и обитателей.

Приблизьте лицо к воде, и вы увидите там глубоко на дне Морского Конька, осторожно выглядывающего из кораллового грота. Он не без

тревоги посматривает по сторонам: нет ли поблизости болтливых селедок? А вон Краб-отшельник. Медленно чертит он клешней на волнистом песке какие-то знаки. Глубинное течение стирает их, а мудрый Краб задумчиво чертит их снова.

Но не будем терять драгоценного времени! Давайте скорее поднимемся на борт «Мечты».

Команда уже погрузила бочки с пресной водой и провиант. По приказанию капитана прихватила целый мешок сушеных комаров и мошек для Ласточки Два Пятнышка, хотя та деликатно отказывалась, уверяя, что у нее во время плавания совсем пропадает аппетит.

А главное, в трюме уже лежит самый ценный груз «Мечты» — ластик с «Альбатроса». Матросы изрядно потрудились. Нелегко было поднять упругий скользкий ластик по трапу и затем, обмотав стальными тросами, спустить в трюм.

Итак, «Мечта», подгоняемая попутным ветром, быстро удалялась от родного острова Капитанов.

Море было ласковым, тихим, словно не умело капризничать и буянить. Синие и голубые медузы мягкими зонтиками медленно поднимались на волнах. Негромко вздыхали. «Мечта» уже успела далеко уйти вперед, а медузы еще вздыхали и качались на волнах.

Иногда, словно горсть серебряных монет, вытряхнутая волной, пролетала стая летучих рыбок.

Капитан Тин Тиныч и старпом Сеня, длинный и тощий, по прозвищу Бом-брам-Сеня, часами простаивали, склонившись над старой картой, некогда нарисованной маленьким Тин Тинычем.

Бумага сильно пожелтела, края карты пообтрепались. В этом не было ничего удивительного, ведь капитан Тин Тиныч никогда не выходил в море без заветной карты.

— Теперь возьмем курс прямо на юг. Да, да, на юг, к острову Большая Перемена, — сказал капитан Тин Тиныч, раскуривая свою любимую старую трубку.

В каюте плавал густой слоистый дым, застилая свет иллюминаторов. Сверху, с палубы, послышались громкие голоса, протопали чьи-то тяжелые башмаки. Поднялась суета, беготня.

— Тельняшка, кидай сеть! Плавник справа, пасть слева! Тяни! Тяни! Навалимся все вместе, братцы!

— Опять Тельняшка выпустил свою Рыбу погулять, — недовольно сказал капитан Тин Тиныч. — А в этих широтах полно акул. Доиграется

до беды. Вернется его Сардинка без хвоста.

— Хорошо, если только без хвоста, — задумчиво кивнул старпом Сеня. Дрессированная Сардинка, серьезная и рассудительная, была любимицей всей команды.

Она совершала путешествие в трюме, в бочке с морской водой. Но она тосковала по волнам, по безбрежным просторам океана Сказки. Так что иногда Тельняшка все же выпускал ее погулять. Правда, команда смотрела в оба, да и сама умная Сардинка, как ни радовалась свободе, все же поглядывала по сторонам.

— Да, кстати, пора покормить Два Пятныш-ка! — спохватился капитан Тин Тиныч.

В трюме «Мечты» находился еще один пассажир: Ласточка Два Пятнышка.

С бедняжкой приключилась неожиданная беда. Она не на шутку расхворалась.

Да и как не расхвораться, скажите на милость? Красотка Джина нечаянно выплеснула целый чайник кипятка на одно из черных пятнышек, неизменно летавших за Ласточкой.

Бывшая хозяйка таверны принесла тысячу извинений. Ахала, в отчаянии закатывала глаза. Но ведь этим горю не поможешь, черное пятнышко несколько расплылось, а у бедной Ласточки поднялась температура.

Старпом Бом-брам-Сеня уступил ей свою каюту. Постелили на пол матрацы, к пострадавшему пятнышку приложили холодный компресс. Но Ласточка совсем приуныла и только вяло отворачивала голову от тарелки с сушеными комарами.

— Все-таки она нарисованная… — однажды задумчиво сказал капитан Тин Тиныч, — может быть, она предпочтет пообедать чем-нибудь в этом роде… я имею в виду — нарисованным!

Да, от такого лакомства Ласточка не имела сил отказаться!

И вот капитан Тин Тиныч и старпом Сеня, нарисовав цветными карандашами у себя на ладонях всевозможных мошек и жучков-паучков, каждый день навещали больную Ласточку.

Два Пятнышка с наслаждением склевывала нарисованных насекомых с их ладоней.

Вот и сейчас капитан Тин Тиныч и старпом Сеня, прихватив с собой коробку цветных карандашей, отправились, как обычно, навестить

Ласточку.

— Пора! — шепнула красотка Джина Черной Кошке.

«Что ж, я сделала правильный выбор, — подумала Кошка. — На этой честности и благородстве далеко не уедешь. Хитрость и коварство — вот сила! А если так — надо действовать. Мур-мяу!»

И Черная Кошка вслед за корабельной поварихой незаметно скользнула в капитанскую каюту.

— Ф-фу! — Кошка недовольно фыркнула, брезгливо помахала лапой, разгоняя табачный дым.

Корабельная повариха между тем склонилась над заветной картой и, ловко орудуя острым кухонным ножом, аккуратно соскребла буквы С и Ю, обозначавшие север и юг.

Покончив с этим делом, красотка Джина помусолила во рту карандаш и нарисовала в том месте, где была буква С, букву Ю, а на том месте, где была буква Ю, букву С. Переменив тем самым юг и север местами.

— Чем меньше, тем больше, и никаких переживаний! — злорадно усмехнулась красотка Джина.

Через минуту в капитанской каюте уже никого не было.

Скоро вернулись капитан Тин Тиныч и старпом

Бом-брам-Сеня, потирая покрасневшие ладони. Ласточка хоть и была нарисованной, но клюв у нее был изрядно-таки острый и твердый.

— Нахожу, что наша пташка выглядит сегодня гораздо лучше. Перышки блестят, и аппетит у нее просто отличный, — сказал капитан Тин Тиныч.

— Просто отличный, просто отличный… — рассеянно повторил старпом Сеня, разглядывая карту. — Но не кажется ли вам, капитан, что, рассчитывая путь, мы с вами допустили ошибку?

— Ошибку? Не может быть! — Капитан Тин Тиныч тоже наклонился над картой. — Однако, похоже, это действительно так. Не понимаю, как это могло случиться. Невероятно! Мы полагали, что архипелаг Большая Перемена расположен на юге…

— А на самом деле нам надо плыть на север!

— Ха-ха-ха! — посмеивалась в камбузе корабельная повариха. — Будет, наверно, преизрядный толчок, когда «Мечта» ткнется носом прямехонько в Северный полюс!

Посему стоит ли удивляться, что дни шли за днями, а долгожданного архипелага все не было видно, хотя у старпома Сени от бинокля появились вокруг глаз красные круги.

— Может быть, мы прошли его ночью? — недоумевал он.

— Исключено! — покачал головой капитан Тин Тиныч. — А звон?

— Точно! — спохватился старпом Сеня. — Как я мог это забыть?

Дело в том, что архипелаг Большая Перемена — звонил. Да, да, друзья мои, не удивляйтесь, именно звонил. Собственно, поэтому его так и назвали.

На этих цветущих островах было множество вечнозеленых деревьев. Вместо листьев на них росли зеленые колокольчики. Стройные и легкие олени, бродившие в чащах, раздвигали рогами густые ветви. И при этом их рога мелодично звенели.

Только на этих островах водились музыкаль-

ные кролики и звенящие лисицы.

Все зоопарки мира мечтали заполучить хотя бы одного самого маленького серого звенящего мышонка.

И что же? Эти удивительные звери отлично приживались в новых условиях. Кролики, как им и положено, с хрустом грызли морковку. Котята мурлыкали, играли с бумажкой, привязанной на нитке, и охотно лакали сливки.

Но, к сожалению, они начинали звенеть все тише и тише. Обычно на третий-четвертый день звон окончательно умолкал.

Теперь вы понимаете, почему мимо архипелага Большая Перемена нельзя было проплыть глубокой ночью, не заметив его. Острова звенели при самом легком ветерке, при каждом перелете воробья с ветки на ветку.

Вокруг острова плавали, слабо позванивая, всевозможные рыбы, опускались на дно — и звон доносился все глуше и глуше.

Итак, «Мечта» продвигалась на север.

Стоявшие по ночам на вахте матросы, надев толстые шерстяные фуфайки, от холода отстукивали нечто вроде морзянки, а канаты и реи покрывались колючей корочкой льда.

— Провиант кончается, — доложила красотка Джина капитану Тин Тиныч. — Сегодня на первое — вода с моченными сухарями. На второе — сухари, моченные в воде. К тому же если учесть, что пресной воды осталось в бочке на донышке, а сухари на исходе… Не лучше ли вернуться назад, капитан? А?

— Ни за что, — стиснув зубы, сказал капитан Тин Тиныч.

— Ну что ж, — загадочно вздохнула повариха. — Пока будем помирать с голодухи, а там видно будет…

Неизвестно, чем бы все это кончилось, но на следующее утро «Мечта» чуть не наткнулась в холодном тумане на огромную круглую льдину. Впрочем, огромной она была только по сравнению с маленькой «Мечтой». На самом деле на ней с трудом помещалась Белая Медведица со своим Медвежонком.

Медведица крепко держала Медвежонка, обхватив его широкой лапой, чтобы тот не свалился в воду.

Тельняшка как раз в это время был на палубе. Растирал дрессированной Рыбе озябшую чешую.

— Еще немного, и я стану свежезамороженной, — грустно жаловалась дрессированная

Сардинка. — Ох и промерзла я, до самых рыбьих косточек…

— Куда путь держите? — окликнула моряков Белая Медведица.

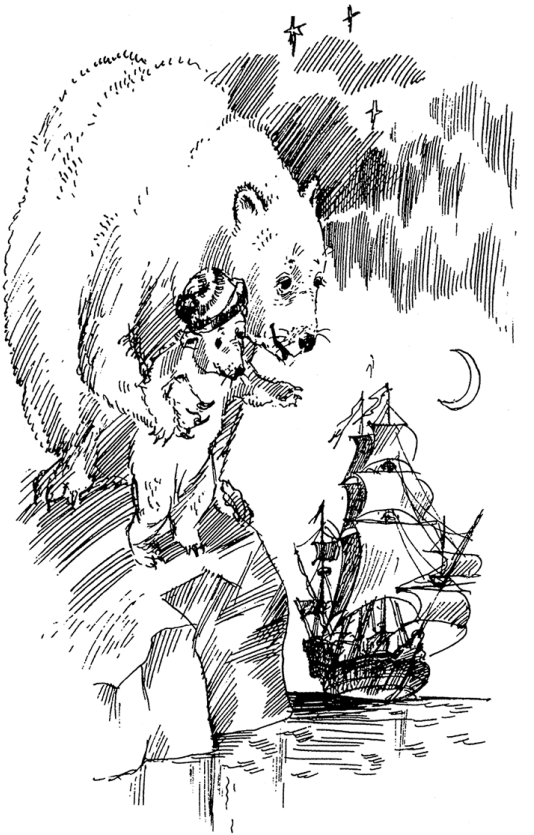
— Прямо на север, к архипелагу Большая Перемена, а то куда же, — солидно ответил Тельняшка, от холода переступая с ноги на ногу и дыша на окоченевшие руки.

— Ой! К Большой Перемене? — заверещал Медвежонок.

Он задвигался, зашевелился, задние лапы заскользили по узкому краешку льдины. Медведица ахнула. Прижала его к себе покрепче. Льдина чуть не перевернулась.

— Ой! Архипелаг Большая Перемена вовсе не на севере! Он на юге! — заикаясь от волнения, принялся объяснять Медвежонок. — Вы плывете прямо на остров Второгодников. А оттуда до Северного полюса, ой, уже лапой подать!

— Географией увлекается… — растроганно сказала Медведица. — Экий разумник! Ты только говори дяде матросу внятно, не торопись… — Старпом Сеня доложил обо всем случившемся капитану Тин Тинычу.



— Мне тоже казалось, что он лежит где-то в южных широтах, — добавил старпом Сеня.

— Все это весьма странно. — Капитан Тин Тиныч наклонился над картой. — Совершенно непонятная и загадочная история. Можно подумать, что север и юг на этой карте поменялись местами.

И вот, распустив все паруса, «Мечта» двинулась в обратном направлении. С каждым днем становилось все теплее. С оттаявших рей и канатов падали крупные чистые капли.

Наконец вдали показался прекрасный архипелаг Большая Перемена.

Три дня весь экипаж отдыхал, греясь на солнышке.

И вот, пополнив запасы свежей воды и набив трюмы музыкальными бананами, звенящими кокосовыми орехами, моряки, страдая от невыносимой головной боли, поднялись на борт «Мечты».

Слышать звон они были больше не в состоянии.

Черная Кошка, казалось, просто обуглилась, почернела еще больше. Она была мрачна как ночь.

Ей пришлось хуже всех. От жадности она в первый же день живьем заглотала маленького

звенящего Мышонка.

Мышонок звенел у нее в животе не переставая два дня и две ночи, хотя, скажем по секрету, струхнул не на шутку.

Матросы хоть уши ватой затыкали, все-таки легче. А тут затыкай не затыкай, все равно не помогает, если звенит твой собственный живот. На третий день Кошка сдалась. Легла на берегу на песок, постучала лапой по животу и сказала Мышонку, чтобы он убирался куда пожелает, только бы оставил ее в покое.

Но Мышонок попался на редкость сообразительный. Прежде чем выпрыгнуть, потребовал

от Кошки обещание, что она его не сцапает во второй раз, пока он будет оглядываться, привыкать к солнышку после темного живота. Черная Кошка была уже на все согласна. Поклялась до конца своих дней не ловить мышей и мышат.

Мышонок попросил ее пошире разинуть пасть и ловко выпрыгнул на песок. Отряхнулся, почесался, пошевелил усами, вежливо пожелал счастливого плавания и, беспечно позванивая, отправился по своим делам. Вот почему Черная Кошка была в таком отвратительном настроении.

Но время шло. Бананы и кокосовые орехи звенели в трюме все тише и тише, а вскоре и вовсе перестали звенеть. Ни дать ни взять обычные бананы и кокосовые орехи.

«Мечта» летела по волнам. А ветер надувал паруса и свистел озорную песенку.

Глава VIII
Жевательная резинка. И главное: два океана

Дни шли за днями. Дул ровный пассат. Капризный океан Сказки пока что вел себя на редкость

тихо и спокойно.

Ласточка Два Пятнышка чувствовала себя гораздо лучше. Она перебралась на палубу, иногда даже пробовала летать и делала несколько неуверенных кругов над «Мечтой». Но ошпаренное пятнышко еще побаливало, и Ласточка жаловалась, что оно неважно скользит и цепляется за воздух.

Ласточка и старпом Сеня очень подружились. Только выберется свободная минута, а он уже сидит на связке канатов возле своей любимицы.

Старпом Сеня рассказывал Ласточке о житье-бытье на острове Капитанов. Ласточка в свою очередь делилась с ним сложностями своей птичьей жизни.

— Как трудно в наши дни воспитывать нарисованных детей, — вздыхала она. — Вот судите сами. Уж не скажу точно когда, кажется, этим летом, залетели мои детки в чужое окно. На столе лежала открытая книжка с картинками. Так что вы думаете? Эти сорванцы склевали с картинки всех нарисованных жуков и бабочек. Представляете, в какое я попала неловкое положение? Пришлось извиняться перед хозяевами.

В это утро Ласточка долго кружилась над «Мечтой». Усталая, очень довольная опусти-

лась на палубу.

— Первый раз сегодня пятнышко мне не мешало, — возбужденно проговорила она. — Ну, разве, может быть, на крутых виражах, и то чуть-чуть!..

Из камбуза вышла красотка Джина. Мрачно покосилась на Ласточку Два Пятнышка. Блестящие, словно металлические, черные локоны ловили голубые искры океана. Грея ее бок, к ней тесно прижалась Черная Кошка, чутко наставив треугольные уши.

— Не вышло одно, придумаем другое, — сквозь стиснутые зубы прошептала красотка Джина. — Какую-нибудь наихитрейшую хитрость.

«Умница я. До чего же все точно рассчитала и сделала безошибочный выбор, — мысленно похвалила себя Черная Кошка. — Благородство и честность — всегда одни и те же. Одинаковые. А вот обман и коварство — они, мои лапочки, всегда разные. К примеру, сегодня — одно, а завтра — совсем другое...»

— Лас-с-тик! — с каким-то змеиным присвистом прошептала красотка Джина.

— Ластик? — с недоумением повторила Черная Кошка.

— Мы его уничтожим. Чем они тогда сотрут Черту? — Торжество сверкнуло в мрачных глазах

красотки Джины. — Ластик должен исчезнуть!

— Но как его… исчезнуть? — Черную Кошку даже дрожь начала бить от волнения и любопытства.

— Он исчезнет незаметно, постепенно, словно растает… — Зрачки красотки Джины хищно сузились. — И главное, на нас не падет и тени подозрения. Мы останемся чистенькими, в стороне. А ластик исчезнет! Матросы его… съедят! Вернее, сжуют!

— Мур-мяу! — не выдержав, воскликнула Черная Кошка.

Она отпрянула от своей хозяйки, да так и застыла, раскрыв рот от изумления. Хотя она, как никто, умела скрывать свои мысли и чувства, но на этот раз прославленная выдержка ей изменила.

— Тс-с!.. — Красотка Джина прижала тоненький пальчик к своим улыбающимся губам.

Поздним вечером, улучив момент, когда на палубе не было ни души, красотка Джина, скинув туфли, босиком неслышно скользнула в трюм. На ощупь отыскала в темноте упругий ластик. Наступила ногой на что-то острое. Проклиная все на свете, принялась злобно кромсать ластик кухонным ножом, стараясь отхватить от него

кусок побольше. Завернула отрезанный кусок ластика в передник и, никем не замеченная, вернулась назад. Потом до утра варила его в сладком вишневом сиропе. А на следующий день…

— Надоело вам, наверно, одно и то же. Уж сегодня я для вас расстаралась, такую вкусноту приготовила, такую вкусноту! — сияя своей неподвижной улыбкой, объявила красотка Джина. — Сегодня у нас к обеду на третье — жевательная резинка! Сладкая, ароматная. Жуйте, мои хорошие!

Вся команда принялась старательно жевать.

Черная Кошка целый день крутилась на палубе и жевала с таким усердием, что у нее даже челюсти заболели.

Матросы лазали по реям и жевали, старпом Сеня поглядывал на гирокомпас и тоже жевал, юнга Щепка чистил якорную цепь и тоже жевал, жевал, жевал.

— А вы, капитан? — мило улыбаясь, предложила красотка Джина.

— Нет, знаете, как-то не люблю… — немного смутившись, отказался капитан Тин Тиныч. — Откуда она у вас, кстати?

Красотка Джина, видимо, не расслышав вопроса, ничего не ответила и бесшумно выскользнула

из каюты.

— Вкуфнота!.. Муф-мяф! — отдуваясь, повторила Черная Кошка. Жевательная резинка облепила ей всю морду, свисала с усов.

— Жуйте, мои славные, жуйте! — вкрадчивым голосом уговаривала матросов красотка Джина, расхаживая по кораблю.

Она даже бросила кусок жевательной резинки в бочку, где плавала дрессированная Сардинка.

Долго и терпеливо уговаривала Ласточку взять в клюв хоть маленький кусочек.

Но уже на второй день матросы жевали резинку как-то лениво, с видимой неохотой.

— Надоело! — на третий день решительно сказал матрос Тельняшка. Все остальные матросы тоже отказались наотрез.

И только юнга Щепка, начищая до блеска якорную цепь, самозабвенно жевал резинку. Это был смышленый и проворный мальчуган, но такой худенький и легкий, что капитан Тин Тиныч во время шторма запирал его в своей каюте, боясь, чтобы какая-нибудь непутевая волна не смыла его за борт.

— На одной щепке далеко не уплывешь… — яростно гремела кастрюлями Джина. — Рухнул такой план… такая первосортная хитрость…

«Нет, она должна еще что-нибудь придумать, — с беспокойством думала Черная Кошка. — Просто обязана… Раз уж я сделала выбор…»

— Осталась одна ночь, всего одна… — Красотка Джина в неистовой злобе ухватила за уголки свой белый передник, обшитый кружевами, с треском разорвала снизу доверху. — «Мечта» подходит к самому краю Сказки. Я чувствую, все вещи стали тяжелее, а воздух — гуще. Проклятье! Придется рискнуть! Ластик должен исчезнуть. На куски его и за борт!

— А Нарисованная? Она ведь день и ночь на палубе. Заметит, сразу донесет капитану, — с сомнением протянула Черная Кошка.

Корабельная повариха поманила Кошку к себе, нагнулась к черному треугольному ушку, чуть

розовеющему изнутри, что-то шепнула. Кошка немного подумала и кивнула с серьезным видом.

Едва лишь на бархатном небе высыпали звезды, крупные, похожие на снежинки, Черная Кошка неслышными шагами подошла к Ласточке Два Пятнышка. С радостным мяуканьем повисла у нее на шее, словно были они закадычными друзьями и не виделись невесть сколько.

— Вместе плывем, а поговорить по душам все некогда, — слащавым голосом пропищала Кошка. Ее глаза, круглые, плоские, блеснули, как две золотые монеты. Она присела рядом с Ласточкой, — крепко обняла ее лапой за шею.

— О чем нам говорить?.. — с тоской прошептала Ласточка Два Пятнышка.

— Мало ли о чем? — загадочно усмехнулась в темноте Черная Кошка. — Вот, например, очень меня интересует: кого на свете больше, мышей или звезд? Как ты думаешь, а? Мышей мы, конечно, едим. От этого их меньше становится. Только, может быть, на свете где-нибудь живут звездоеды? Питаются звездами. Одну на обед, другую на ужин. Выпьют бокал вина — звездочкой закусят. Не знаешь таких?

— Не знаю… — покачала головой Ласточка.

Она старалась незаметно освободиться от тяжелой теплой лапы. Кривые когти отвратительно цеплялись за нежные перышки на беззащитной шейке.

— Ночами не сплю. Все об этом думаю. — Голос у Кошки стал вдруг печальным, жалобным. — Так и заболеть недолго. Уж выручи по дружбе. Давай посчитаем: я — мышей, а ты — звезды. А?

Черная Кошка убрала жаркую лапу с шеи, просительно замурлыкала.

— Ладно уж, — неохотно согласилась Ласточка.

— По гроб жизни не забуду! — обрадовалась Кошка. — Главное, запомни: звезды, они без хвостов. А мышь, она, моя лапочка, ну непременно с хвостом. Ни за что не спутаешь. Ну, берись за дело и не отдыхай, пока все до одной не сосчитаешь!

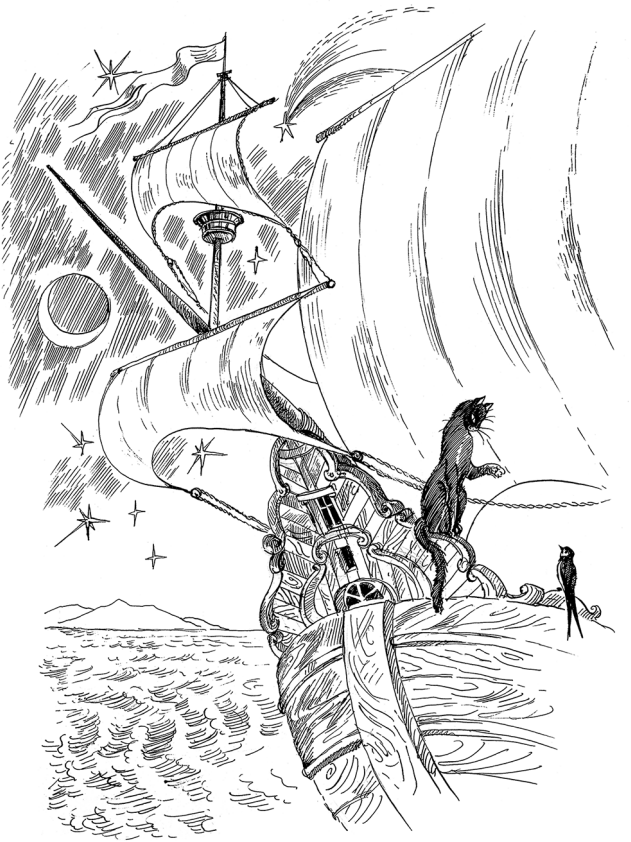
Черная Кошка легко и мгновенно исчезла в темноте.

Ласточка подняла голову, посмотрела вверх на небо.

Звезды раскинулись над ней, то собираясь в гирлянды, то рассыпаясь врозь. Не поймешь, с какого края начинать считать. Решила: слева направо, по порядку.

Считала, считала, сбилась, начала снова. Вдруг

Ласточка Два Пятнышка обомлела. По небу, кувыркаясь, покатилась, видимо не удержавшись, звезда. Яркая, лучистая, а позади, рассыпаясь во все стороны искрами, — хвост.



— Звездомышь! Звездомышь! — не своим голосом закричала Ласточка и бросилась искать Черную Кошку.

Обыскала всю «Мечту» — Черной Кошки нигде не было. Случайно заглянула в трюм. Там в глубине таинственно блестели две золотые монеты. Ласточка свесила вниз голову.

— Мышезвезд! Мышезвезд! Вы только подумайте! — с волнением воскликнула она.

На нижней ступеньке лестницы, ведущей в трюм, Ласточка Два Пятнышка, присмотревшись, разглядела Черную Кошку. Рядом с ней корабельную повариху в рваном белом переднике.

— Это вы?.. — удивилась Ласточка. — А что вы там делаете?

— Мышей считаем… — угрюмо буркнула Черная Кошка.

Они о чем-то пошептались там внизу, в темноте. Потом Черная Кошка двумя скачками взлетела вверх по ступенькам.

Корабельная повариха поднялась вслед за ней. Ласточка приметила, что она была босая, туфли держала в руке. Проходя мимо, красотка Джина обожгла Ласточку бешеным, ненавидящим взглядом.

Странным показалось Ласточке все это. До утра просидела она на палубе, глядя на проворный острый месяц, неутомимо бегущий за «Мечтой», время от времени стряхивая с перьев капли тумана.

Но солнце поднялось из моря такое умытое и ясное. Лучи его сквозь прозрачные волны дошли до самого дна. Видно было, как гибкими стайками проплывают рыбы, а еще сонные крабы вертят выпуклыми глазами, разглядывая просмоленное днище «Мечты».

Ласточка Два Пятнышка отогрелась, повеселела, и тревожные мысли рассеялись вместе с ночным туманом.

Неожиданно глубоко под волнами мелькнуло что-то большое, круглое. Сверху розовое, по бокам зеленые прожилки. Покачиваясь, стало подниматься вверх, ни дать ни взять розовый кит в зеленую полоску.

— Остров Пряток! Остров Пряток! Справа по курсу! — ликующим голосом закричала Ласточка Два Пятнышка. Она так стремительно взлетела с кормы, что «Мечта» качнулась и нос ее резко задрался кверху.

Весь экипаж столпился у правого борта. Мало кому даже из самых бывалых моряков выпадала

удача увидеть остров Пряток. Стоило вдали показаться какому-нибудь кораблю, как игривый, легкомысленный остров тут же с насмешливым бульканьем уходил под воду.

Ходили слухи, что остров Пряток покрыт ажурными коралловыми гротами, а на деревьях вместо листьев растут водоросли.

Но сколько ни вглядывались моряки в даль, они видели только голубые волны, мягко перекатывающиеся слепящие солнечные пятна, словно солнце напекло и разбросало по волнам золотые блинчики. А капризный остров Пряток бесследно исчез из глаз.

— Вот он! Слева по борту! Скорее! Скорее! — пронзительно закричала сверху Ласточка.

Все бросились к левому борту.

На миг показались розовые коралловые беседки, оплетенные струистыми водорослями. Послышалось веселое хихиканье, плеск, и все скрылось.

— Так или иначе, заветная Черта уже где-то недалеко, — задумчиво сказал капитан Тин Тиныч. — Как твое больное пятнышко, Ласточка? Тебе придется лететь и указывать нам путь.

— Да все отлично, капитан, не беспокойтесь, — ответила Ласточка. Она старалась сохранить

невозмутимость, но видно было, что она волнуется. По приказу капитана Тин Тиныча подняли из трюма ластик. Шестеро матросов с трудом выволокли его на палубу.

— А кто-то его ножичком чик-чик!.. — наивно сказал юнга Щепка.

— Странно, — заметил старпом Бом-брам-Сеня, — не пойму что-то… Похоже, и вправду с этого края от него отхватили порядочный кусок. Интересно, кто бы это мог так постараться?

На палубу легче птички выпорхнула корабельная повариха, сияя своей неизменной неподвижной улыбкой. Белый передник аккуратно зашит, заштопан.

— А вы что жевали, мои милые? А теперь отказываться? Ай-яй-яй! — укоризненно качая головой, проговорила она. — Все просили еще, еще, хоть кусочек. А уж вам, Тельняшка, вовсе должно быть совестно. Третью порцию у меня клянчили.

— Разве? Что-то не помню, — удивился простодушный Тельняшка.

— Какая глупость! Вы не должны были без моего разрешения… — с досадой нахмурился капитан Тин Тиныч. — Ну да что сейчас говорить.

— Стараешься как лучше, и вот пожалуйста… —

Красотка Джина с обидой отвернулась. — Ведь от чистого сердца я. Дай, думаю, порадую. Какое-то разнообразие в меню.

Чем ближе подходила «Мечта» к Нарисованной Черте, к краю Сказки, тем беспокойней вел себя океан.

Ветер дул неровными порывами. Все выше вздымались волны, украшенные белыми, словно сахарными, гребешками.

— Нервничает, тревожится, — объяснила Ласточка Два Пятнышка, на минуту опустившись на палубу. — Впрочем, это обычное явление в этих широтах. Все-таки что ни говорите, а где-то здесь, рядышком, кончается Сказка. А там… там, за Нарисованной Чертой, все уже совсем другое…

К полудню тяжелая, сизая, с багровым отливом туча обложила все небо. Стало сумеречно и душно.

Туча опустилась так низко, что ее края цеплялись за грот-мачту, туманными щупальцами свисали с рей.

Огромные волны вздымали «Мечту», словно великан перекладывал невесомый кораблик с ладони на ладонь. «Мечту» сотрясала тяжелая дрожь до самых верхушек мачт.

— Посмотрите, — сказал капитан Тин Тиныч старпому Сене, указывая на стрелку компаса.

Стрелка компаса выплясывала какой-то дикий танец, беспорядочно вращаясь то в одну сторону, то в другую. Это и понятно. Ведь сказочный север и юг вовсе не совпадают с тем, другим, севером и югом…

— Ох, тошно мне, домой хочу! — стонала Черная Кошка. Глаза ее светились в тумане, как зеленые дымные факелы.

— Я вижу!.. Нарисованная Черта! — донесся откуда-то сверху невнятный голос Ласточки.

И в тот же миг чудовищной силы удар потряс корпус «Мечты», как будто ее бросило на подводные скалы.

Капитан Тин Тиныч перегнулся через борт. Сквозь мрак и взвихренные клочья пены прямо впереди «Мечты» он разглядел темную полосу. Она лежала совершенно ровно и неподвижно, и даже исступленное буйство волн не могло ни сдвинуть, ни пошевелить ее, словно она была им неподвластна.

Новый безжалостный удар. Со свистом согнулись мачты. Затрещало днище.

— В щепки нас разобьет! В малые щепочки! — дурным голосом выла Черная Кошка. — Не желаю

на дно! Не имеете права! Полный назад, родненькие! Все тайны вам открою, все секреты!

Тут Кошка пронзительно взвизгнула и умолкла. Мелькнул во мраке белый передник корабельной поварихи.

— Спускайте ластик! Скорее! — крикнул капитан Тин Тиныч. Нельзя было медлить ни минуты. Волны сокрушительной силой били корабль о Нарисованную Черту.

Заскрипели блоки. Обмотав стальными тросами, ластик спустили на талях.

— Придется мне самому… — И, не договорив, капитан Тин Тиныч ловко прыгнул вниз, в клокочущую, кипящую бездну.

Волна подняла «Мечту», и все увидели, что он стоит на ластике, устойчиво расставив ноги, крепко ухватившись руками за канаты.

— Ниже, еще ниже! — скомандовал он.

Наконец ластик упруго коснулся черной полосы. Волны раскачивали его, и ластик, пружиня и сжимаясь, заскользил по Нарисованной Черте.

В первый момент показалось, что черная полоса не поддается, надежды рухнули, все напрасно. Но уже через мгновение капитан Тин Тиныч с замиранием сердца увидел, что Нарисованная Черта словно тает под ластиком и по волнам

разбегаются скрученные, как паленая береста, черные обрывки.

— Поддается! — крикнул капитан Тин Тиныч.

И с каждым движением ластика словно рассеивался мрак над «Мечтой», светлело и поднималось небо, утихал ветер.

Просвет в черной полосе становился все шире.

Еще несколько беззвучных, мягких движений ластика… И вот уже «Мечта» осторожно вошла в образовавшийся пролив.

Да, «Мечта» прошла через Нарисованную Черту! Края Нарисованной Черты проскрежетали по обшивке корабля, сдирая с нее краску, и «Мечта» остановилась.

Капитан Тин Тиныч оглянулся: Нарисованная Черта чернела позади. Повсюду, куда ни глянь, голубело спокойное море. А лучи солнца будто расчесывали воду, и казалось, в каждую волну воткнут золотой гребень. Но странное дело! Рыбы скользили под водой, не замечая «Мечту», словно она была невидимкой. Ветер проносился мимо, не надувая парусов. Волны плескались вокруг, но не касались бортов корабля.

Ласточка Два Пятнышка, усталая, покрытая мелкими каплями влаги, опустилась на палубу «Мечты».

— Только, пожалуйста, без лишних волнений! — чуть задыхаясь, прощебетала она. — Ничего удивительного, все очень просто! Мы очутились между Сказкой и, как бы это выразиться… Земной Жизнью. Там у них все другое: время, пространство и так далее. Нужно, чтобы волшебник Алеша чудесным мелом нарисовал ключ, и мы в тот же миг сможем выйти из Сказки. Но если он не нарисует, тогда… Нет, никаких «тогда»… Сегодня ночью я приснилась волшебнику Алеше и во сне рассказала ему, что приключилось с «Мечтой». Так что все будет просто замечательно. Я уверена, что он проснулся и сейчас рисует на двери заветный ключ!

Но что-то, видимо, беспокоило Ласточку.

— На всякий случай я полечу к волшебнику Алеше и еще раз напомню ему, — озабоченно сказала Ласточка и кивнула блестящей головкой капитану Тин Тинычу. — Ах, к сожалению, люди, проснувшись, так часто забывают свои сны! А если это случится с волшебником Алешей, нам придется вернуться обратно в Сказку… Это будет просто ужасно! Как мы тогда справимся с пиратами? Ласточка Два Пятнышка взмахнула крыльями, взвилась ввысь и скрылась в потоках солнечных лучей.

— Чтоб ты сдохла! — с ненавистью прошептала ей вслед красотка Джина. — Чтоб у тебя крылья отсохли, хвост отвалился!

Глава IX
Снова волшебник Алеша.
И главное:

на острове Капитанов должен быть маяк

Друзья мои, не кажется ли вам, что мы давно не встречались с волшебником Алешей? Все-таки

хотелось бы знать, как он поживает, что у него новенького?

А между тем волшебник Алеша простудился и вот уже третий день сидел дома. Он надел на себя теплый халат, толстые, немного кусачие шерстяные носки и глубокие уютные тапки. И все равно ему было как-то зябко и холодно.

«Интересная все же штука этот насморк. Никакое заклинание его не берет. Перерыл всю Волшебную Энциклопедию, ничего не отыскал. Как справиться с огнедышащим драконом — извольте! А вот как вылечить насморк… ни одного подходящего заклинания. — Вот что подумал волшебник Алеша, шаря по карманам в поисках носового платка. — К тому же этот сон. Странный сон!..»

Волшебник Алеша всю ночь не спал, кашлял, ворочался. Вставал, пил горячий чай с молоком, снова ложился. Уснул только под утро. Вот тут-то ему и приснился этот необычный, можно даже сказать, загадочный сон.

Ему приснилась Ласточка Два Пятнышка.

В этом пока что не было ничего невероятного. Так случалось уже не раз. Когда Ласточке надо было что-нибудь спешно сообщить волшебнику Алеше, то она просто-напросто прилетала к нему

во сне и рассказывала все новости. Волшебник Алеша сам обучил ее этому нехитрому сказочному приему.

Но на этот раз Ласточка была что-то уж чересчур взволнованна, даже встревоженна.

Она кружила над маленькой белопарусной бригантиной, на борту которой голубой краской было написано «Мечта».

— Вы обязательно, непременно должны нарисовать волшебный ключ! — настойчиво твердила Ласточка. — Непременно... Волшебный ключ на вашей двери!..

Затем откуда-то появилась красивая черноволосая женщина в белом переднике. У нее были мрачные, жгучие глаза, на губах неподвижная, словно оледеневшая, улыбка. Вдруг все потемнело, послышался свист ветра, маленький кораблик заслонили тяжелые мутно-зеленые волны. Полетели клочья пены, словно смятые бурей белые птицы. И все время, не переставая, сквозь вой и плеск разгулявшихся ветра и волн слышался волшебнику Алеше слабый, прерывистый голос Ласточки:

— Должны нарисовать ключ... Обязательно... Непременно...

«Странный сон, очень странный, — снова с до-

садой подумал волшебник Алеша. — Скорее всего ночью у меня была высокая температура. Вот и разгадка. А Ласточка вовсе и не думала и не собиралась мне сниться. Надо все-таки потеплее одеться и как-нибудь добрести до аптеки. Хотя бы аспирин купить. Таблетка на ночь… Однако что, если Ласточка действительно мне приснилась и просила нарисовать волшебный ключ? Нет, вы скажите, можно ли так бестолково, я бы даже сказал — безответственно сниться? Честное слово, не сон, а какая-то нарисованная путаница. Джинна, что ли, в аптеку сгонять? Нет, из этого, как всегда, выйдут одни только неприятности. Джинн, можете не сомневаться, устроит скандал заведующему, оскорбит всех продавцов, начнет издеваться над антибиотиками, сульфамидами… Нет, к услугам джинна надо прибегать только в самых крайних случаях. Как вы считаете? О, несомненно!»

Волшебник Алеша громко чихнул.

— Будь здоров, — сурово и надменно сказал полосатый кот Васька. Он сидел на столе возле лампы, терпеливо дожидался, когда наконец волшебник Алеша догадается и зажжет ее. Как и все коты на свете, он любил погреться. И даже подремать в мягком уютном свете настольной лампы.

Хочу напомнить: кот Васька был любимым учеником волшебника Алеши. Трудолюбивым и прилежным. Добросовестным и старательным. Так что можно считать, что он тоже был почти что настоящий волшебник.

Когда-то давно кот Васька был просто нарисованным котом и висел в рамке на стене.

Но почему-то Васька не любил вспоминать свое прошлое, стыдился, что ли? Хотя, по-моему, что тут обидного — быть нарисованным? Так или иначе, но он не слишком-то хорошо относился к Ласточке Два Пятнышка. «Все-таки я кот. Пусть в прошлом нарисованный, но все же кот. И никто не смеет этого отрицать, — рассуждал самолюбивый кот Васька. — Нет, эта Ласточка как-то уж слишком фамильярно на меня поглядывает. Словно намекает: мол, оба мы с тобой одинаковые. Право, это уж чересчур…» «Глупо и еще раз глупо тратить мой чудесный мел и рисовать ключ неведомо для чего, — рассуждал между тем волшебник Алеша. — Скорее всего во всем виновата температура и этот противный насморк. Но с другой стороны, что, если Ласточка и вправду залетела в мой сон и просила меня нарисовать ключ? Ума не приложу, что делать?..»

Досадуя на себя, волшебник Алеша достал

из железной коробочки заветный кусок мела. Оглянулся, прикидывая, на какой двери ему нарисовать ключ.

«Пожалуй, на двери, что ведет на лестницу, — наконец решил он. — И в глазах не будет мелькать, а если он не пригодится, я завтра же попросту сотру его тряпкой».

Волшебник Алеша вышел в переднюю и, вздыхая, принялся рисовать ключ на входной двери.

Нарисовал он ключ красиво и старательно, как всегда. Но, по правде говоря, при этом он с сожалением поглядывал на кусочек мела, ведь каждая его крошка была драгоценна.

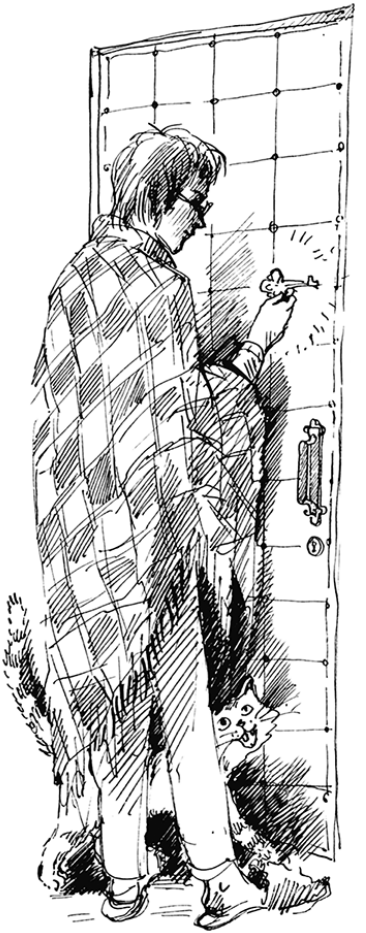
Потом волшебник Алеша вернулся в комнату, уселся в кресло и закутал ноги пледом. Зажмурился, сморщил нос и снова громко чихнул.

— Чихаешь, кашляешь… — неодобрительно сказал кот Васька. — Мы, коты, предпочитаем зевать. Иногда зевнуть так приятно. Особенно если при этом потянуться… — Кот Васька не выдержал и сладко зевнул. — Вы, люди, простуживаетесь оттого, что мало бываете на свежем воздухе. Я просто уверен в этом, — назидательно продолжал кот Васька. — Да, да, и не гляди на меня сердито. Если б ты не ленился и по вечерам вылезал вместе со мной на крышу да почаще сидел

на заборах, ты бы забыл о своих простудах.

— Каков, однако, нахал! — с досадой воскликнул волшебник Алеша. — Будь любезен, оставь свои советы при себе! Я и сам отлично знаю, что мне делать. Мне бы сейчас принять таблетку аспирина и завалиться пораньше спать.

— Аспирин! — презрительно хмыкнул кот Васька. — Химия!.. Крыша тебе нужна, вот что. Во всяком случае, мы с Муркой будем ждать тебя там. Правая труба возле телевизионной антенны. Да взгляни ты, какая чудесная полная луна! Точь-в-точь как блюдце серебряных сливок. В это время в форточку кто-то мелко, дробно застучал, словно в стекло бросили горсть камешков.



— Она, Два Пятнышка. Легка на помине, — проворчал кот Васька. Волшебник Алеша, запахнув халат и придерживая его рукой у ворота, подбежал к окну и впустил в комнату Ласточку Два Пятнышка. Ласточка в знак приветствия легко скользнула клювом по его щеке.

— Как чудесно, как замечательно, что вы нарисовали волшебный ключ! — взволнованно прощебетала Ласточка и опустилась на плечо волшебнику Алеше. — Наш корабль «Мечта» в тот же миг вышел из Сказки. И мы прямо-таки полетели по волнам. А теперь прошу вас, скорее, сейчас же, немедленно откройте дверь!

— Дверь? — удивился волшебник Алеша. — Я не слышал никакого звонка.

— О каком звонке может быть речь! — воскликнула Ласточка. — Не знаю, как они вообще поднимутся по лестнице. Скорее вниз, умоляю… Волшебник Алеша не стал тратить время на расспросы. Он отворил дверь и, теряя тапочки, придерживая полы халата, опрометью бросился вниз по ступенькам.

Кот Васька побежал за ним.

И вот на площадке второго этажа они встретились!

Позвольте мне сказать, друзья мои: напрасно,

совершенно напрасно некоторые из вас полагают, что взрослые вообще не умеют удивляться. В детстве умели, а потом как-то понемногу разучились. А уж волшебника и подавно ничем не удивишь.

Это совершенно неверно, уверяю вас! Более того, могу вам сказать со всей ответственностью: если волшебник разучился удивляться, то это наивернейший признак, что ему надо спешно менять свою профессию и волшебником ему больше не быть, не быть никогда. Поэтому, как вы сами понимаете, нет ничего странного в том, что волшебник Алеша удивился.

Волшебник Алеша присел на корточки и чуть дрожащей рукой поправил очки.

— Извините, я в таком виде, — смущенно сказал волшебник Алеша и натянул полы халата на коленки. — Я, знаете ли, по-домашнему. К тому же немного простудился. А вы, если не ошибаюсь, капитан Валентин Валентинович?

— Да, — ответил капитан Тин Тиныч. — А это, познакомьтесь, матрос Тельняшка и его уважаемая говорящая Сардинка. Захотела, видите ли, город посмотреть. Остальные члены экипажа остались на корабле. Увидев огромного полосатого кота, дрессированная Сардинка все же

невольно прижалась к Тельняшке, забила хвостом, словно предупреждая, чтобы он держал ее на всякий случай покрепче.

— О, не бойтесь! — воскликнула Ласточка Два Пятнышка. Она слетела вниз и уселась на перилах. — Этот кот очень славный. К тому же он точно такой же, как и я, — нарисованный.

— Как же! Такой… Еще чего… — оскорбленно фыркнул в усы кот Васька. Он с надменным видом задрал хвост и затрусил вверх по ступенькам. Не будем скрывать, он долго не мог простить Ласточке этого предательства.

Волшебник Алеша бережно поднял и поставил на ладонь капитана Тин Тиныча и Тельняшку.

— На лифте? — нерешительно спросил волшебник Алеша.

— Очень хотелось бы. Интересуюсь техникой, — с достоинством ответила дрессированная Сардинка.

Итак, все они поднялись на лифте. Все, кроме оскорбленного и раздосадованного кота Васьки, который отправился прямехонько на крышу. Но и там он не скоро успокоился. Он не мог даже поделиться с друзьями своей обидой. Тщеславный кот скрывал от всех любителей прогулок по крышам, что он был когда-то нарисованным.

Внеся гостей в комнату, волшебник Алеша еще раз извинился, на этот раз за беспорядок. Он поспешно сдвинул книги на столе в сторону, освободил местечко.

— Чаю? — предложил он, прикидывая, из каких чашек поить своих необычных гостей.

— Благодарю, мы только недавно пили, — сказал капитан Тин Тиныч. — А вот ей, — он указал на дрессированную Сардинку, — неплохо было бы водички.

Волшебник Алеша сбегал на кухню, принес воды, с ложечки напоил Сардинку.

Смущение постепенно рассеялось. Сардинка напилась воды и разговорилась. Сказала, что город ей очень понравился: большие дома, машины, лифт и все такое прочее. Но на острове Капитанов все же лучше. Привыкла она к океану Сказки, да и разных плавающих знакомых и родственников было бы жаль бросить.

— Конечно, удивить меня нелегко! — возбужденно проговорил волшебник Алеша. — Профессия, знаете ли… Превращения, заклинания и так далее. Но все-таки, согласитесь, принимать вас в гостях, видеть вас у себя… Простите, я потрясен!

— Да? — вежливо улыбнулся капитан Тин Ти-

ныч. Но легкая тень не то разочарования, не то огорчения скользнула по его лицу. — Лично я не нахожу в этом ничего особенного. Да, мы — капитаны ребячьей мечты! Остров Капитанов… Отличный, скажу вам, подобрался там у нас народ. Конечно, у каждого свой нрав и характер, но какая безупречная смелость, благородство. Один Христофор Колумб чего стоит!

— Христофор Колумб?!

— Он самый. Как любит говорить наш старый адмирал: «Я пребуду с вами, друзья мои, до тех пор, пока обо мне помнят истинные моряки!»

— Да, кстати, — спохватился волшебник Алеша, — не далее как сегодня забегал ко мне ваш

Тин Тиныч. Уволок все книги про Христофора Колумба.

— А я как раз хотел о нем спросить… да как-то, знаете ли, боялся даже… — заметно волнуясь, проговорил капитан Тин Тиныч. — Как он? Не охладел, не увлекся чем-нибудь другим?

— Что вы! Просто бредит морем!

— Пожалуй, иначе и быть не могло, — негромко сказал капитан Тин Тиныч.

Он задумчиво улыбнулся.

Волшебник Алеша сварил крепчайший кофе. Но, как он и опасался, пить его было не из чего.

Наперсток так нагревался, что отхлебнуть кофе из него было просто невозможно — обжигает губы. К тому же у наперстка не было ручки. Да и кофе приобретал какой-то металлический привкус.

— Пожалуй, это и есть тот самый крайний случай, когда без помощи джинна не обойтись, — озабоченно пробормотал волшебник Алеша. — Как вы считаете? О, несомненно!..

Увидев капитана Тин Тиныча, Тельняшку и дрессированную Сардинку, джинн пришел в крайнее возбуждение. Глаза его запылали, как раскаленные угли, он разразился надменным, насмешливым хохотом.

— Что вы понимаете в сказках? — загремел он. — Выскочки, зазнайки! Метлой вас надо гнать из Сказки всех до одного!

Волшебник Алеша строго прикрикнул на него, велел ему замолчать. Джинн надул губы, обиделся, но не успокоился. Заявил, что не видит никакого капитана Тин Тиныча и Тельняшки, что их нет, а потому и кофейный сервиз доставать совершенно не к чему и не для кого.

Наконец он все-таки куда-то слетал и вернулся с крошечными чашечками тончайшего фарфора.

— Меньше, о повелитель, не сыскать во всей Вселенной! — напыжившись от гордости, заявил джинн.

— Так уж сразу и во всей Вселенной… — не удержался волшебник Алеша. — В любом игрушечном магазине есть меньше.

Чтобы джинн не мешал разговаривать, он усадил его рисовать цветными карандашами мошек для Ласточки Два Пятнышка. Но джинну это занятие скоро прискучило, и он попросился обратно в свой термос.

Волшебник Алеша и капитан Тин Тиныч засиделись за полночь.

Дрессированная Сардинка мирно плавала в чашке с водой, разглядывая настольную лампу,

телевизор, полки с книгами.

Усталый Тельняшка прикорнул рядышком на пушистом шарфе волшебника Алеши.

Капитан Тин Тиныч рассказывал о жизни на острове Капитанов. Многое волшебник Алеша знал от Ласточки Два Пятнышка. Но пираты! Вот это новость!

Волшебник Алеша, как ни сдерживался, все же громко чихнул. При этом старательно закрыл нос клетчатым носовым платком. Только не хватало еще заразить капитана Тин Тиныча! Занести грипп в Сказку? Такого, кажется, еще не бывало.

Но скоро он почувствовал, что простуда его как-то сама собой проходит. Возможно, потому, что он узнал столько нового и удивительного. Ему стало тепло, даже жарко.

Может быть, действительно, друзья мои, лучший способ лечить простуду — это как следует удивиться?

Капитан Тин Тиныч раскурил свою старую, видавшую виды трубку. Крошечные голубые кольца дыма, мягко качаясь, изгибаясь, поплыли к потолку.

Он рассказал волшебнику Алеше о юном капитане Томми, о его корабле из пальмового дерева.

— Понимаете, я, собственно, для того и при-

плыл, чтоб с вами посоветоваться, — негромко сказал капитан Тин Тиныч.

Волшебник Алеша глубоко задумался. Пираты! Ночь. Темнота… Что же тут можно придумать?

— Вот что! На острове Капитанов будет маяк! — радостно воскликнул волшебник Алеша. — Маяк! Именно маяк. Тогда и ночью в темноте корабли не будут сбиваться с курса.

— А что? Отличная мысль! — с увлечением воскликнул капитан Тин Тиныч. Но тут же добавил с некоторым сомнением: — Н-да… Но как его соорудить? Мы, знаете ли, пока еще на таком техническом уровне…

— Нет ничего проще, — улыбнулся волшебник Алеша. — У меня есть отличный карманный фонарик. Вы отвезете его на остров Капитанов. Из него получится великолепный маяк.

— Тогда не будем терять времени! — Капитан Тин Тиныч вскочил со спичечного коробка, на котором сидел. — К тому же я хотел бы как можно скорее вернуться на «Мечту». Правда, мы пришвартовались довольно удачно. Рядом с каким-то катером. Но все у вас тут такое громадное… Случайный взмах весла…

Волшебник Алеша ничего не ответил. Встав на колени, согнувшись, он рылся в нижнем

ящике своего письменного стола, одновременно стараясь нашарить что-то в тумбочке возле дивана.

— Вот он! — с торжеством воскликнул волшебник Алеша и извлек из ящика блестящий серебряный фонарик с выпуклым стеклом.

Несколько раз, чтобы испробовать фонарик, зажег его и погасил. Фонарик светил ровным, надежным светом.

— Я только переоденусь, побреюсь и… — Волшебник Алеша сгреб в охапку свою одежду и бросился в ванную.

— Вы, кажется, простужены? — крикнул ему вдогонку капитан Тин Тиныч. — Может, вам лучше остаться дома?

— Пустяки, — отозвался волшебник Алеша. — Мне только полезно погулять по крыше и посидеть на забо… То есть, я хочу сказать, выйти на свежий воздух.

ВАСЯ

— Что я говорила? Правда, он очень хороший? — сказала Ласточка, делая круги под потолком и поглядывая при этом в зеркало. — Ах, что это? Два пятнышка летят за мной, и еще два пятнышка в зеркале. Не значит ли, что их стало уже четыре? Это было бы чересчур.

Но капитан Тин Тиныч ее совершенно успокоил на этот счет.

— Светает. Надо торопиться. — Волшебник Алеша появился на пороге свежевыбритый, в строгом темном костюме… и в домашних тапочках. — Однако на чем же мы поедем? Надо решать, друзья мои, джинн или такси? Он на мгновение задумался, в сомнении постукивая себя пальцем по губам.

— Джинн — такси, джинн — такси, джинн — такси! — нерешительно бормотал он. — Нет, к джинну надо прибегать только в самых крайних случаях. Тем более ему надо еще отнести обратно этот кофейный сервиз. Совершенно неизвестно, где он его раздобыл. Итак, такси!

Бом-м! — гулко и торжественно пробили старинные часы.

— Благодарю! — повернулся к часам волшебник Алеша и слегка поклонился.

— Это они мне о чем-то напоминают. Но о чем?

О чем? Ах да. Я забыл переобуться и чуть было не вышел на улицу в домашних тапочках. Просто не знаю, что бы я делал при моей рассеянности без этих умных часов. К тому же они удивительно тактичны. Если я сплю или занят чем-то важным, будут бить тихо, еле слышно. Или тактично промолчат. Вы только прислушайтесь, как они тикают: тик-такт, тик-такт…

Через пятнадцать минут от дома волшебника Алеши отъехало такси. Не будем скрывать, водитель такси напрягал всю свою волю, чтобы смотреть вперед, а не назад, на своих пассажиров. Да, это были поистине необыкновенные пассажиры!

На плече у волшебника Алеши сидела Ласточка Два Пятнышка, робко вздрагивая и прижимаясь гладкой головкой к его щеке. Ей было несколько не по себе, она в первый раз в жизни ехала в такси.

На другом плече волшебника Алеши пристроились рядышком капитан Тин Тиныч и матрос Тельняшка.

А сам волшебник Алеша двумя руками держал чашку с водой, в которой плавала дрессированная Сардинка. Руки у него просто затекли от напряжения. Он старался держать чашку

ровненько, и все-таки, когда такси тормозило, вода из чашки выплескивалась ему на колени. К тому же сдержанная и мудрая Сардинка, хоть и старалась не уронить своего достоинства, то и дело высовывалась из чашки, так и сыпала вопросами:

— А это что? А это что? А это что: разноцветное и мигает?

Но так или иначе, доехали благополучно.

Капитан Тин Тиныч вздохнул с облегчением. «Мечта» мирно покачивалась на волнах.

Он представил волшебнику Алеше старпома Бом-брам-Сеню и весь экипаж «Мечты».

Только с корабельной поварихой не удалось волшебнику Алеше познакомиться и с Черной Кошкой. У красотки Джины вдруг так разболелись зубы, что она не могла даже выйти из каюты. Оттуда неслись только невнятные стоны и глухие проклятия. Черная Кошка, разумеется, неотлучно сидела возле хозяйки, ухаживала, утешала, гладила лапкой.

— Жаль, жаль, хотелось бы с ней познакомиться, — задумчиво сказал волшебник Алеша. — Да и на Черную Кошку я бы охотно взглянул. Было бы о чем рассказать моему коту Ваське. А то он думает, свет клином сошелся на его Мурке.

Волшебник Алеша помог матросам погрузить фонарик в трюм.

Капитан Тин Тиныч отдавал последние распоряжения.

— Ну что вам пожелать, дорогой капитан Валентин Валентинович? — взволнованно сказал волшебник Алеша. — Удачи! Все будет хорошо, я просто уверен.

Волшебник Алеша пожал маленькую, но крепкую руку капитана Тин Тиныча. «Мечта» снялась с якоря и, распустив паруса, покачиваясь, поплыла, искусно лавируя в утренних сумерках между катером и серой громадой какого-то корабля.

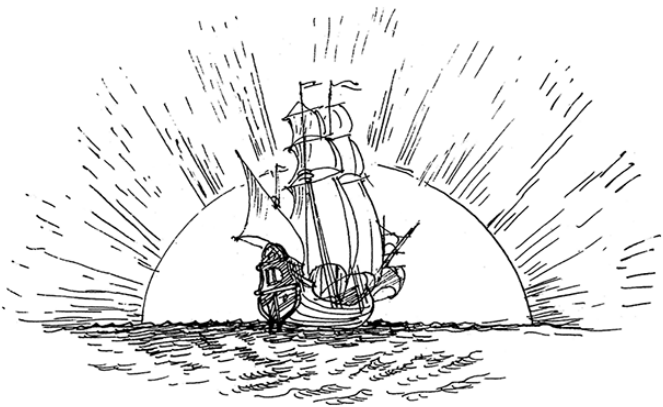
Белые паруса таяли, удалялись, и вдруг первые лучи утреннего солнца высветили их на миг, словно наполнив золотым ветром. Через мгновение «Мечта» скрылась из глаз.

Ласточка Два Пятнышка сделала круг над волшебником Алешей, опустилась к нему на ладонь. Перебралась на указательный палец.

— Все-таки полечу вместе с «Мечтой», — торопясь, проговорила она. — Провожу ее хотя бы до океана Сказки…

Ласточка Два Пятнышка на прощание коснулась прохладной гладкой головкой щеки волшебника Алеши и полетела вслед за «Мечтой».

Глава X
Чашечка кофе для бодрости. И главное: Джина Улыбнисьхотьразок



Как и предполагал капитан Тин Тиныч, «Мечта» пересекла Нарисованную Черту, не почувствовав даже легчайшего толчка.

— Это и понятно! Ничего удивительного! — весело прощебетала Ласточка Два Пятнышка, пристроившись возле капитанского мости-

ка. — Хотя волшебник Алеша очень рассеянный человек… Но это так, в мелочах. Когда же дело столь серьезно, нет, тут на него можно положиться! Он ничего не спутает, не забудет. Теперь ясно: он не стер заветный ключ, нарисованный на входной двери! Поэтому мы без труда вернулись назад, в Сказку!

Рассвет они встретили уже в родном океане. Погода была превосходной, дул легкий попутный ветер.

«Мечту» радостным хором приветствовали говорящие селедки.

Легкомысленные рыбы все перепутали. Вместо «Здравствуйте» кричали «Прощайте», «Счастливого пути на дно!», отчего на щеках самолюбивого Тельняшки выступил кирпичного цвета румянец.

Дрессированную Сардинку выпустили погулять на просторе. Куда девалась ее солидность и невозмутимая серьезность! На радостях вместе с селедками Сардинка принялась отплясывать на волнах. Взбивала пену, поднимала фонтаны брызг, сверкала блестящей чешуей. Можно было подумать, что кто-то со дна моря высунул серебряную ложечку и размешивает ею волны.

— И не совестно тебе? С кого пример берешь? —

пробовал урезонить ее Тельняшка.

— Не надо, — остановил его капитан Тин Тиныч. — Пусть порадуется. Как-никак через неделю при попутном ветре мы будем уже дома.

На палубу легкой походкой вышла корабельная повариха. Кто бы не залюбовался в этот миг красоткой Джиной! Длинные черные локоны, словно витые черные свечи, отливали серебром на каждом изгибе. Густые ресницы тушили, смягчали колючий блеск сверкающих глаз. И она улыбалась. Улыбалась, как всегда, ласковой, будто застывшей улыбкой.

Двумя руками красотка Джина держала высокий кофейник. Из носика кофейника крученой струйкой вылетал пар. Морской ветерок, словно он тоже был любителем кофе, жадно подхватил ароматный запах, понес над волнами.

Вслед за поварихой выскочила Черная Кошка, на этот раз нацепив на себя, как и ее хозяйка, белый передничек с кружевами. В лапах — поднос с кофейными чашками. Зеленые глаза сверкали так, что серебряный поднос с одного бока отсвечивал зеленью.

— Погаси глаза, — прикрикнула на нее красотка Джина.

Глаза у Кошки моментально погасли, стали желтые, тихие.

— Всю команду уже напоила, — улыбаясь, сказала красотка Джина. — А это вам — покрепче.

— Как ваши зубы? Больше не болят? — вежливо спросил капитан Тин Тиныч.

— Да они у меня отроду никогда не боле… — начала было корабельная повариха, но тут же, спохватившись, запричитала, приложив ладонь к щеке: — Уж так болели, так ныли, сил нет. Сейчас вроде затихли. — Красотка Джина разлила кофе по чашкам. Черная Кошка, не расплескав ни капли, с милым поклоном подала чашки с кофе капитану Тин Тинычу и старпому Сене.

— Отличный кофе. Благодарю. — Капитан Тин Тиныч отхлебнул из чашки.

— А ты, милая Ласточка? — радушно предложила красотка Джина. — Ну, хоть полчашечки,

со сливками.

— Не пью даже нарисованный, — холодно отказалась Ласточка Два Пятнышка.

— Уу!.. Какая злопамятная, — с упреком покачала головой красотка Джина. — Ну, я тебя чем-нибудь другим угощу. Уж непременно… Позвольте вам еще чашечку, капитан.

И красотка Джина тут же наполнила чашку капитана Тин Тиныча крепким, густым кофе.

— Да, приятное впечатление производит волшебник Алеша, — сказал капитан Тин Тиныч, — как хорошо, что такие люди есть на свете. Однако сказываются все же две бессонные ночи. В сон так и клонит. Не выпить ли еще по чашечке для бодрости?

— Для бодрости… — сладко зевнул старпом Сеня, прихлебывая кофе, услужливо поданный Черной Кошкой.

— Для бодрости! — вкрадчиво повторила красотка Джина.

— Для бодрости, — чуть шевеля усами, прошептала Кошка.

«В какой-то момент я заколебалась… — подумала Черная Кошка. — Но, к счастью, я скоро одумалась. Эти честность и благородство до добра не доведут. Нет, я сделала правильный выбор!»

— Что со мной? Я положительно засыпаю, — смущенно улыбнулся капитан Тин Тиныч. — Придется еще по чашечке. Как вы на это смотрите, а?

Но старпом Бом-брам-Сеня уже ничего не ответил. Он еще раз сладко зевнул, глаза его сонно закрылись. Пошатываясь, он сделал несколько шагов, ухватился за мачту и медленно сполз на палубу.

Ласточка Два Пятнышка быстро поворачивала узкую головку в черной шапочке, с тревогой глядя то на капитана Тин Тиныча, то на старпома Сеню.

— Не пейте, капитан! Кофе отравлен! — воскликнула Ласточка.

Но было уже поздно.

Непреодолимая дремота сковала капитана Тин Тиныча. Глаза закрывались сами собой.

Нет, это не облака — это мягкие одеяла и подушки. Ветер хорошо взбил их, навалил грудами. Зарыться в них с головой и спать, спать, спать…

— Желаете, капитан, я спою вам корабельную колыбельную? — с издевкой промурлыкала Кошка.

Капитан Тин Тиныч пошатнулся. Он напрягал все силы, чтобы устоять на ногах.

— Предательство, измена… — слабеющим голо-

сом прошептал он.

Голова его упала на грудь, колени подогнулись, и он опустился на палубу рядом с крепко спящим старпомом Сеней.

— Все матросы тоже бай-бай! — весело доложила Черная Кошка.

— Еще бы! Я подсыпала в кофе сонный порошок. — Красотка Джина, не в силах скрыть зловещую радость, поглядела на безжизненно распростертых на палубе капитана Тин Тиныча и старпома Сеню. — Чем меньше, тем больше, и никаких переживаний!

Они выплеснули остатки сонного кофе за борт. Дюжина говорящих селедок, следовавших за «Мечтой» тем же курсом, скоро притихли, примолкли, перестали бранить Морского Конька. Еще через полчаса они, вяло шевеля плавниками, опустились на дно. Селедки улеглись на мягком волнистом песке и мирно проспали целые сутки. Но, однако, не будем отвлекаться.

— Я полечу на остров Капитанов! Я им все расскажу! — с гневом воскликнула Ласточка.

Она сделала отчаянную попытку взлететь, но какая-то невидимая, безжалостная сила удерживала ее на месте. Черная Кошка от смеха не смогла устоять на четырех лапах, повалилась

на палубу.

— Ха-ха-ха! Что, нарисованная, не можешь? — задыхаясь от смеха, простонала Черная Кошка. — Это я, я прибила к палубе твои пятнышки. Молоток и пара гвоздей. Тюк-тюк — и готово! Ха-ха-ха!

— Проклятая улыбка! О, как она мне смертельно надоела! — воскликнула Джина голосом, дрожащим от прорвавшегося волнения.

И тут произошло нечто невероятное. Ласточка подумала, уж не сошла ли она с ума.

«Может быть, во всем виноваты мои глаза? Они — нарисованные и поэтому видят то, чего не может быть!» — подумала она.

Но нет, глаза не подвели умную Ласточку.

Красотка Джина поднесла руку к лицу, сморщилась, и вдруг… она с усилием сорвала с губ свою добрую, ласковую улыбку.

Да, да! Она сорвала улыбку! Улыбка была не настоящей, просто приклеенной к губам.

У красотки Джины оказались тонкие, словно иссушенные злобой и ненавистью губы.

Красотка Джина брезгливо швырнула улыбку за борт.

Набежавшая волна подхватила улыбку, понесла… Улыбка покачивалась, мягко изгибалась на волне. И теперь казалось, что волна улыбается.

— Вы думали, я просто хозяйка таверны? Подай-принеси? А я — атаман пиратов! Знаменитая Джина, Мрачная Джина, Джина Улыбниськхоть-разок! — с торжеством воскликнула она.

Глава XI
Сеньор Мафиозо Бандитто.
И главное:

кораблик маленького Луиджи

Наконец-то пиратка Джина раскрыла свои кар-

ты! Ничего не скажешь: ловко, ловко она провела всех капитанов.

Глядя на ее вечную ласковую улыбку, на скромный белый передник с кружевами, кому из капитанов могло прийти в голову, что перед ним знаменитая пиратка Джина, прославленная своей беспощадной жестокостью. Но как же, спросите вы меня, попала она на остров Капитанов? Как это могло получиться? Откуда вообще взялись пираты на чистых безбрежных просторах океана Сказки?

Да, друзья мои, это удивительная история, мало того — невероятная. Это такая история, в которую трудно поверить, хотя в ней все правдиво и достоверно от начала и до конца. И мне кажется, всем вам будет интересно ее узнать.

Итак…

Сеньор Мафиозо Бандитто… Нет, пожалуй, лучше начать не с этого. Теплое Средиземное море. Старый рыбак Луиджи…

В небольшом рыбачьем поселке жил рыбак Луиджи со своим сынишкой. Но можно было подумать, что он закидывал в море сети только для того, чтобы вылавливать со дна морского нищету да нужду.

Он возил рыбу в соседний городок, но много ли

выручишь за нее? И то сказать, силы у старого Луиджи были уже не те, что в прежние годы.

У маленького сына Луиджи, которого, кстати сказать, тоже звали Луиджи, была одна радость: сидя за шатким столом, мастерить кораблик из сосновой чурки. В рассохшиеся доски стола навсегда въелся запах сырой рыбы, а острый отцовский нож с треснутым черенком был его верным товарищем.

Маленький Луиджи смастерил отличный кораблик. Стройными были точеные мачты, высокая корма украшена искусной резьбой.

— У меня руки что клешни старого краба. Пальцы еле гнутся, не набьешь табаком трубку. А у тебя, сынок, золотые руки, — гладил по голове сынишку старый Луиджи, и вьющиеся волосы мальчика цеплялись за корявую ладонь рыбака. — Когда-нибудь ты еще прославишься, сынок, вот увидишь. Только где взять денег, чтобы отдать тебя в ученье?

И вот однажды, застилая низкое вечернее солнце, на пороге убогой рыбацкой хижины появился сеньор Мафиозо Бандитто, чей мрачный и пронзительный взгляд внушал ужас всякому, кто был должен ему хоть одно сольдо. Черным, словно обугленным, показался он старому Луиджи, когда

неожиданно встал тот на пороге его дома.

— Дьявол… истинный дьявол… — прошептал, попятившись, старый рыбак. За рукав сеньора Бандитто цеплялась его маленькая дочь Джина. Ее сверкающие глазенки быстро обежали черные стены, низкий прокопченный потолок. Она невольно подобрала край шелковой юбки, теснее прижалась к отцу.

— Ты столько задолжал мне, что тебе, пожалуй, не расплатиться до конца своих дней, — брезгливо осмотревшись, сказал сеньор Мафиозо Бандитто. — Я мог бы засадить тебя в тюрьму, да какой мне от этого прок? К тому же я всегда рад случаю сделать доброе дело. Я милосерден, черт побери, и ты сможешь в этом убедиться. Так что я всего-навсего забираю себе твою лачугу. Ну и заодно все, что в ней есть. Теперь это все мое, слышишь? Я уже прибрал к рукам весь поселок. Давно пора снести эти жалкие домишки. Я построю здесь дорогие отели для богачей. И деньги потекут в мои карманы рекой, а не тоненьким ручейком. А ты убирайся отсюда со своим мальчишкой. Да поживее. Солнце уже садится. Тысяча дьяволов! Я слишком добр и жалостлив, и мне горько будет думать, что ты бредешь один с ребенком ночью по опасной темной дороге. —

Старый Луиджи низко опустил голову. Он знал, что молить сеньора Мафиозо Бандитто о сострадании так же бесполезно, как ему, бедняку, искать у себя в карманах золотую монету. Что пользы искать то, чего нет?

— Уйдем отсюда. Ни о чем не проси этого сеньора, — сказал маленький Луиджи, словно прочитав его мысли. Мальчик взял отца за руку, другой рукой он крепко прижал к груди самодельный кораблик.

Старый Луиджи тяжело и хрипло вздохнул. Он сделал несколько шагов к двери, и видно было, с каким трудом ему давался каждый шаг.

— Отец… — тихонько сказала Джина и замолчала.

— Что, что, моя девочка? — наклонился к ней сеньор Мафиозо Бандитто.

— Отец… — повторила Джина. Ее нежное личико, казалось, светилось в низкой темной комнате. — Ты сказал, что здесь все твое. Да? Это правда?

— Да, моя радость, все, все мое, — кивнул сеньор Мафиозо Бандитто. — Только не измажь свое платьице, дитя, оно такое свежее и нарядное. А здесь всюду грязь и чешуя.

— Тогда почему он уносит это? — Джина гла-

зами указала на деревянный кораблик. — Ведь он тоже твой.

— Зачем тебе бедняцкая игрушка? — скривил губы сеньор Бандитто. — Разве мало у тебя дорогих кукол?

— Хочу кораблик! Хочу! — Джина упрямо тряхнула блестящими черными кудрями.

— Фантазерка ты, — улыбнулся сеньор Бандитто девочке. Он подошел к маленькому Луиджи и грубо вырвал кораблик из его рук.

— Может, ты хоть теперь улыбнешься, дочка? Ты только посмотри на этого маленького звереныша. Глаза у него так и горят. — Но Джина и на этот раз не улыбнулась.

Эта девочка никогда не улыбалась, что порой все же несколько смущало нежных родителей, сеньора и сеньору Бандитто.

— Джинетта, красавица, ну, улыбнись хоть разок! — частенько говорили они, лаская девочку.

И все-таки она никогда не улыбалась.

Джина схватила кораблик и выбежала из темного домика рыбака. А маленький Луиджи, не выдержав, рыдая, прижался к старой куртке отца, затвердевшей и горькой от морской соли.

Вечером Джина приделала к мачте корабля пиратский флаг. Нарисовала на нем оскаленный череп и скрещенные кости.

Сеньор Мафиозо Бандитто на цыпочках подошел к ней, встал за ее спиной.

— Чем это ты занимаешься, дитя? Что-то тебя весь вечер не слышно, — сказал сеньор Бандитто.

— Я теперь пиратка, отец, — серьезно ответила девочка. — Я плаваю по морям, граблю корабли и забираю себе все, что мне понравилось. Ты ведь тоже так делаешь, правда, папочка? Только ты на земле, а я на море. — Сеньор Мафиозо Бандитто бережно коснулся губами высокой прически Джины так осторожно, что она этого даже не почувствовала.

— Ты верно рассудила, моя радость, — растроганно сказал он. — Если все богатства разделить поровну, то у всех будет понемножку. Что же тут хорошего? Гораздо лучше, если все собрать в одни руки. Запомни мои слова, деточка: «Чем меньше у других, тем больше у нас, и никаких переживаний!» О, эти слова звенят, как золотые монеты. У них блеск золота и его тяжесть…

Скоро кораблик надоел Джине, и она забросила его в угол, в груду игрушек. Там разыскал его породистый щенок, любимец сеньора Бандитто. Глупый щенок решил, что кораблик только для того и создан, чтобы точить об него зубы.

Потом однажды Джина все-таки вспомнила о кораблике и пустила его в море в час отлива. Ветер надул грязные рваные паруса. Но флаг с черепом упрямо развевался на мачте.

— Плыви, плыви, мой кораблик! — крикнула ему вдогонку Джина. — И пусть пираты Бери-Отнимай-Хватай распивают грог на твоей палубе. О-хо-хо, какие у них ножи! Какие страшные рожи! Но все равно они меня боятся, потому что я атаман пиратов, я Джина Улыбнисьхотьразок!

Теперь вы все знаете, друзья мои! Теперь для вас уже не тайна, откуда взялись пираты на Черном острове.

Кораблик маленького Луиджи, в днище которого бестолковый щенок прогрыз дыру, с трудом доплыл до Черного острова и, налетев на подводную скалу, тут же пошел ко дну.

Кстати скажем, что пираты всю дорогу пили грог на палубе и распевали пиратские песни, вместо того чтобы латать паруса и заделать дыру в днище. Так или иначе, но единственное, что им удалось спасти с тонущего корабля, — это флаг с черепом и скрещенными костями.

Добавлю еще, что никто из капитанов даже не подозревал о том, что пираты высадились на Черном острове.

Атаман Джина Улыбнисьхотьразок, приклеив к губам добрую, ласковую улыбку, помешивала угли в очаге, жарила индюшек и гусей в таверне «Золотая рыбка», дожидаясь лучших времен.

Но вот наступил час, и пираты захватили корабль юного капитана Томми, чудесный корабль из пальмового дерева…

Глава XII
История Корабельной Крысы. И главное: пираты хозяйничают на «Мечте»

Однако, друзья мои, что же происходит тем

временем на «Мечте»?

Как там наш капитан Тин Тиныч, старпом Бомбрам-Сеня, Тельняшка и верная Ласточка Два Пятнышка?

Капитан Тин Тиныч с трудом поднял отяжелевшие ото сна веки. Дремотное оцепенение медленно проходило. Он попробовал пошевелиться и, к своему изумлению, убедился, что не может двинуть ни рукой, ни ногой.

Да, атаман пиратов и Черная Кошка не теряли времени даром.

Они крепко связали всех матросов, выпивших сонного кофе. По одному сволокли их в трюм.

Капитана Тин Тиныча и старпома Сеню, беспомощных, погруженных в глубокий сон, прикрутили к мачте, безжалостно стянув веревками по рукам и ногам.

Ласточка Два Пятнышка с ужасом и гневом смотрела на все происходящее. Как мучительно тяжело чувствовать себя беспомощной, когда твои друзья в беде! Впрочем, и ее положение было ничуть не лучше.

— Мур-мяу! Наши плывут! — радостно крикнула Кошка и помахала лапкой.

К «Мечте», распустив все паруса, приближался какой-то корабль.

— Корабль Томми! — горестно прошептала Ласточка Два Пятнышка.

Капитан Тин Тиныч поднял голову. Одного взгляда было достаточно, чтобы все понять.

Да, это был корабль Томми. Чудесный корабль из золотистого пальмового дерева, легкий, с острыми кливерами. Но… на мачте его развевался флаг позора, грабежа и убийства. Череп и скрещенные кости.

Пиратский корабль подошел совсем близко. Тень от его парусов легла на палубу «Мечты».

Но атаман Джина и тут не улыбнулась. Даже сейчас. Даже в минуту своего торжества.

Она только достала из карманов своего опрятного передника пару пистолетов, дунула в них, снова спрятала в карман.

С пиратского корабля перекинули трап.

С криками: «Бери!», «Отнимай!», «Хватай!» — пираты так и посыпались на палубу «Мечты».

Ласточка Два Пятнышка невольно содрогнулась.

Первым прыгнул на «Мечту» одноглазый пират. Его единственный глаз пылал зловещей жестокостью.

Держась за его пояс, за ним, ковыляя, перебрался по трапу пират Коротышка. Все в нем было квадратным: и голова, и плечи, и локти, и колени. Он был ростом с пятилетнего ребенка. Но не это так угнетало его. С каждым годом он почему-то становился все меньше и меньше, можно сказать — рос вниз. И это окончательно испортило ему характер.

— Весь мир — негодяи, — убежденно говорил он. — Мы сливки общества и то… Стреляй в любого, не ошибешься — попадешь в негодяя!

Да, пленным не приходилось ждать от него пощады.

Вслед за ним на палубу прыгнули неразлучные близнецы Джек и Джон. Они всегда были рядышком. Увидишь одного, значит, где-то тут же и второй. Джек был длинный и тощий, как жердь. Его большой унылый нос наподобие вороньего клюва острым треугольником выдавался вперед. Всклокоченные черные волосы напоминали птичье гнездо, которое птица свила в трубе, полной сажи.

Его братишка Джон был, наоборот, маленький

толстячок, круглый и розовый, с волосами, похожими на подтаявшее сливочное масло. Носа на лице что-то не было заметно, возможно, он тоже растаял.

Короче говоря, трудно было найти на свете двух людей, столь непохожих друг на друга. Но тем не менее Джек и Джон утверждали, что они похожи как две капли воды и отличить их нет никакой возможности. И горе тому, кто смел хоть что-нибудь возразить на это.

Поэтому пираты на всякий случай Джека звали Джоном, а Джона — Джеком, делая вид, что их путают.

— Люблю победу, потому что это благородно! — частенько говаривал длинный Джек. — Мы с братцем Джоном всегда нападаем вдвоем на одного. Наверняка и безопасно.

— Победа! Вот что возвышенно и красиво! — вторил ему толстый Джон. — Мы с братцем Джеком стоим, а он уже лежит. Он лежит, а мы с братцем Джеком стоим. Вот что воистину прекрасно и радует глаз!

За ними толпой перебрались на «Мечту» остальные пираты.

Последней на «Мечту» перескочила молоденькая рыжая белка, можно сказать, еще бельчонок. Вид у нее был смущенный и несчастный.

Главная краса у белки известно какая: рыжий пушистый хвост. А у этой вся шерсть на хвосте обрезана кое-как, обкромсана. Хвост, жалкий, тощий, уныло волочился по доскам палубы. Видно было, что белка еще новичок в пиратских делах. Даже пистолет она держала неловко, неумело, дулом к себе.

Черная Кошка, увидев ее хвост, не выдержала и с аппетитом облизнулась.

— На своих не облизываться! — строго прикрикнула на нее атаман Джина.

— Пиратка она. Пиратскую клятву дала. Ясно? Нанялась к нам Корабельной Крысой.

«Крыса! Как это имя меня волнует! Мур-мяу!» — сладко зажмурившись, подумала Черная Кошка.

Белка робко отошла в сторонку. Черная Кошка

как завороженная с трудом отвела взгляд от ее хвоста.

— А можно, я тогда оближусь на эту Ласточку? — вкрадчиво промурлыкала Кошка. — Или хотя бы на ту рыбешку в бочке. Ну, которая дрессированная, а?

— Еще чего! — жестко одернула ее атаман Джина. — Будем держать их как заложников. Самая полезная вещь в пиратском хозяйстве.

«Ничего, придет время, и я еще оближусь на них, — подумала Черная Кошка. — Не уйдут от меня и дрессированная и нарисованная. Главное, я не ошиблась. Сделала мудрый выбор. Вот они, благородство и справедливость, стоят привязанные к мачте. Миром правят хитрость и коварство!»

Тем временем длинный Джек подскочил к связанному капитану Тин Тинычу, приставил к его груди нож.

— Посмотри, как мы похожи с моим братцем, посмотри, — заныл он. — Ну, посмотри!

— До чего же мы похожи! — подхватил толстяк Джон. — Не отличишь!

— Ничуть не похожи, — спокойно глядя на пиратов, ответил капитан Тин Тиныч.

Джек и Джон просто остолбенели от такого

невиданного оскорбления.

— Атаман, ты слышала?! — взревели они. — Позволь, мы отпразднуем нашу победу. Это будет так красиво и благородно, если мы его прирежем! — Атаман Джина с трудом утихомирила расходившихся близнецов.

— Это он только притворяется порядочным, — сквозь зубы угрюмо процедил Коротышка. На своих кривых ножках подкатил к капитану Тин Тинычу, запрокинув квадратную голову, со злобой и ненавистью посмотрел на него. — На самом деле такой же негодяй, как и все. Пристрелишь — не ошибешься!

— Куда торопиться, мой славный? — Атаман Джина оттолкнула Коротышку. — Сдается мне, ты за время сегодняшнего боя немного подрос. Не сойти мне с этого места — подрос!

Белка не знала, что ей делать, как держаться, смотрела на всех кроткими глазами виновато и растерянно.

Когда кто-нибудь из пиратов наступал ей на хвост, поспешно извинялась. Что-то томило и смущало ее. Пиратская жизнь на деле оказалась совсем не такой, как она себе представляла.

По правде говоря, она и попала-то на пиратский корабль случайно. С детства манило ее море. Еще будучи совсем несмышленым бель-

чонком, забиралась под одеяло с фонариком и, потихоньку от матери, до утра читала захватывающие истории о морских приключениях, битвах, чудесных далеких странах.

«Неужели всю жизнь только орехи? Одни орехи, и больше ничего?» — с томлением и тоской думала она.

Но корабли обходили стороной их плоский незаметный Ореховый остров.

Белка провожала глазами белые стройные паруса, и казалось, с ними уплывала вся радость жизни.

Кругом деловито сновали рыжие пушистые хвосты. Все сушили на зиму грибы, собирали шишки и орехи. Белка старалась с головой уйти в работу, забыться. Бывало, так натрудится за день, что ломит спину и лапы. А ночью, только закроешь глаза, снова плывут и плывут, серебрясь в тумане, туго надутые ветром паруса.

Белка чувствовала себя такой одинокой. Никто ее не понимал. Другие белки смотрели на нее настороженно и отчужденно, сторонились ее.

Белка забралась в крепкую, пахнущую смолой шлюпку, килем увязшую в песке, гладила лапками весла. В полумиле от острова стоял на якоре пиратский корабль из золотистого пальмового

дерева.

— Возьмите меня с собой! — страстно просила Белка. Хватала пиратов кого за рукав, кого за край плаща.

— А что ты умеешь? — захихикал одноглазый пират с круглой серьгой в ухе. — Стрелять можешь?

— Нет… — огорченно опустила голову Белка.

— А не взять ли нам ее на корабль крысой? — предложил один из пиратов.

— Что за корабль без корабельной крысы? Я дело говорю. Будет в трюме сидеть. А если где течь обнаружит, пусть сразу бьет тревогу, удирает с корабля. А мы уж поймем, что к чему.

— Э, нет, — мрачно проворчал другой пират, ростом не выше пятилетнего ребенка, с квадратной головой и плечами. — А хвост? Хвост не подходит, у крысы совсем не такой.

— А мы шерсть острижем, будет хвост что надо! — захохотали пираты.

Пираты все разом навалились на Белку. Не успела она оглянуться, как острые ножи обрезали всю рыжую пушистую шерстку на хвосте. Прощай, беличья краса и гордость!

Потом Белка дала пиратскую клятву. От волнения она не очень-то вдумывалась, что говорит.

Все поздравляли Белку, пили за ее здоровье, торжественно присвоили ей новое имя — пират Крыса.

Вместе с пиратами Белка отправилась на их корабль. До чего же хотелось Белке показать свою ловкость и удаль! Эх, хоть бы разок дали перепрыгнуть с фок-мачты на грот-мачту!

Нет, пираты сразу же велели ей спуститься в трюм.

Конечно, в трюме темно, скучно. Белка навела там такую чистоту и порядок — загляденье. Каждый день придирчиво осматривала и выстукивала днище — нет ли где течи. С замиранием сердца слушала, как налетевшая волна с влажным лепетом пробегает от носа к корме.

«Еще будут, будут штормы и опасности! — с надеждой думала Белка. — Они еще увидят, какая я. Главное — я в море! Плыву!»

И только когда пираты захватили «Мечту», только тут в первый раз в душу Белки закралось сомнение. Не очень-то ей понравилось, что близнецы и Коротышка издеваются над связанным капитаном.

Нет, не так, совсем не так рассказывали ей пираты о своей привольной, развеселой жизни.

По их рассказам выходило, что смелей и благо-

родней пиратов не сыщешь никого на свете, а на самом деле…

Как же теперь быть? Ведь она дала пиратскую клятву. Так что, как ни крути, назад пути нет.

В кубрике, куда Белка спустилась вслед за пиратами, Черная Кошка нарочно поставила табурет прямо ей на хвост. Нарочно, конечно же, нарочно! Белка отлично это поняла.

— Извините, вы поставили хвост на мой табурет! — вежливо сказала ей Белка, от глубокой обиды и душевного смятения все перепутав.

Но Черная Кошка только молча и загадочно посмотрела на нее ледяными, холодными глазами. Потом так же молча облизнулась. А уж это, если хотите знать, и вовсе грубо и бестактно.

Белка совсем пала духом. А тут новое дело! Атаман Джина приказала ей разыскать корабельный журнал и порвать его в клочья.

Никогда еще Белке не приходилось выполнять подобных поручений.

Белка скользнула в дверь капитанской каюты. Темно, пусто, как-то холодно. Еще пахнет табачным дымом, видно, любил капитан курить трубку. Белке почему-то стало грустно.

Дрожащий, робкий огонек свечи осветил каюту, старую, видавшую виды, пожелтевшую карту.

В капитанском столе Белка разыскала корабельный журнал.

На обложке крупными буквами было написано: «Корабельный журнал бригантины «Мечта». Хотела было уже вонзить в него зубы, но не утерпела, раскрыла журнал, решила немного почитать, что там написано. Начала читать просто так, из любопытства, а потом увлеклась и забыла обо всем, даже о том, что перед ней на столе догорает сальный огарок. «Двенадцатое мая. Курс норд-норд-ост. Шестьдесят градусов

северо-сказочной широты, тридцать три градуса восточно-сказочной долготы.

Едва склянки пробили десять, услышали с моря отчаянный писк.

Вахтенный доложил: справа по борту — птичье гнездо.

Над гнездом с криком кружила молодая синица. В гнезде четыре птенца. Маленькие, желторотые, еще летать не научились. С трудом уговорили синицу опуститься на палубу «Мечты», рассказать, что случилось.

Оказалось, что она, не послушавшись старых, опытных птиц, свила гнездо на острове Пряток. Поначалу все шло хорошо. Вывела четырех птенцов.

Вчера на закате показался какой-то корабль. Остров Пряток тихо засмеялся, покачнулся и ушел под воду. Хорошо еще, что легкое гнездо, как круглая лодка, поплыло по волнам.

Матросы обмотали гнездо стальными тросами. «Мечта» взяла курс на остров Второгодников. Остров унылый, круглый год с деревьев падают желтые листья. Но все же птенцов вырастить можно».

Белка перевернула несколько страниц.

«Пятнадцатое мая. Небо со всех сторон обложи-

ли тучи. Вахтенный доложил: одна туча летит прямо на нас. Туча необычная: темно-красного цвета, громко жужжит. Оказалось — божьи коровки. Устали, измучились, не могут бороться со встречным ветром.

Предложили божьим коровкам опуститься на «Мечту». Божьи коровки заняли всю палубу, облепили мачты, реи. Отяжелевший корабль едва не перевернулся. Скормили им все запасы сахара.

К утру ветер переменился. Божьи коровки смогли продолжить перелет.

Одна беда: вежливость. Все семьсот восемьдесят божьих коровок поблагодарили: «Большое спасибо». Пришлось семьсот восемьдесят раз ответить: «Пожалуйста».

«Двадцатое мая. Курс норд-ост. Шторм девять баллов. Сломан руль. Сорвало кливер…»

«Двадцать первое мая. Шторм не утихает. Матросы проявляют героизм и мужество. Матрос Тельняшка спас юнгу Щепку, которого чуть не смыло за борт…»

Белка перевернула еще одну страницу, но тут на плечо ей легла чья-то мягчайшая, прямо-таки бархатная лапа. Из теплого бархата высунулись острейшие когти. Щеку кольнули жесткие усы,

словно наточенные напильником на концах.

Так и есть — пират Кошка.

— Ты что же это делаешь, Корабельная Крыса? — прошипела Черная Кошка. — Что тебе атаман приказала?

— Грызть, — упавшим голосом пролепетала Белка.

— А ты?!

— Грызть весь этот героизм и мужество? — Белка в тоске подняла глаза на Черную Кошку. — Не могу… Да вы сами почитайте!..

Черная Кошка обозлилась еще больше.

Она еще в первом классе осталась на второй год, а потом и вовсе бросила школу, так и не выучившись читать.

— Ишь, грамотная, — злобно пробормотала она, но тут же хитро, по-кошачьи изменила тактику. Заговорила слащаво, с ужимками: — Ну, разве так можно, милая Крыса? Ты пиратскую клятву давала?

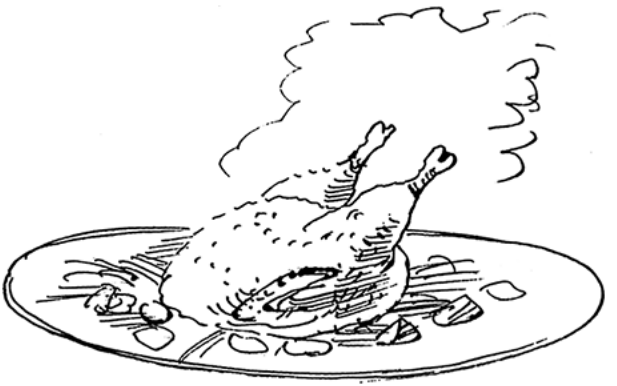
— Давала, — уныло кивнула Белка.

— У-тю-тю!.. Какая ты миленькая, вся гладенькая, — просюсюкала Черная Кошка. — А зубки какие беленькие. Небось каждый день чистишь? Надо, надо для своих дружков-приятелей постараться!

Тут уж Белка не могла устоять. Как давно она мечтала о дружбе!

Белка зажмурилась и с тоской вонзила зубы в твердый кожаный переплет.

Глава XIII
Пираты празднуют победу. И главное: корабельное привидение, или Заколдованная курица



Увидев, что Белка наконец принялась за дело, Черная Кошка, пробормотав: «Умница, вот так работай, работай...» — выскользнула из капитанской каюты.

С палубы доносились хриплые голоса пиратов.

Гулко стуча и подпрыгивая, покатилась бочка с вином. Пираты собирались отпраздновать победу.

Кошка поспешно направилась в кубрик. Там вовсю шла веселая суета. Пираты откупоривали бутылки, волокли всякую снедь.

Дрессированная Сардинка в своей бочке вела себя тише тихого, боялась лишний раз шевельнуть хвостом.

«Ах, рыба-заложница! Наверное, она вкуснее всякой другой рыбы на свете, — подумала Черная Кошка. Прикрыв лапой морду, незаметно облизнулась. — Ничего, доберусь еще до тебя, моя дрессированная!»

Между тем, оставшись одна в капитанской каюте, Белка совсем упала духом. Глубоко задумалась, сложив на корабельном журнале тонкие лапки, уронив на них голову.

«Что же это? В дупле жить не хочу. Пиратом быть не могу. Вот и выходит: крыса не крыса, белка не белка, пират не пират… А, пропадай все на свете…»

Белка бережно спрятала корабельный журнал на полку, сверху навалила стопку книг. По всему видно, пираты читать не очень-то любят, рыться в книгах не станут.

Нашла старый географический атлас, разорвала в клочья, обрывки раскидала по всей каюте. Уныло побрела в кубрик.

Там было душно, тепло, шумно. Главари шайки уже сидели за столом. Из соседней каюты доносились хриплые голоса. Пьяные пираты вопили, пели разбойничьи песни, ругались на чем свет стоит.

Атаман Джина внесла блюдо с жареной курицей, поставила посреди стола.

Белка деликатно присела на самый краешек табуретки.

— Не доверяю я этой Крысе, атаман, — тихонько шепнула Джине Черная Кошка. — Больно грамотная. Не пиратская у нее душа, нет, не пиратская.

Белке очень хотелось посидеть со всеми вместе за столом, только-только почувствовала: отогрелся кончик хвоста.

— Пират Корабельная Крыса, — строго приказала атаман Джина. — Марш на вахту. Смотреть в оба. Если что — немедленно доложить!

Белка только неслышно вздохнула. Не хотелось, ох как не хотелось идти из теплой каюты в холодную ночь, в темноту, на мокрую от ночной сырости палубу, где молча стояли прикрученные к мачте капитан и его помощник. Не жаловались, не стонали, не просили пощады. А на корме, неподвижная как изваяние, темнела красивая, острокрылая птица.

— Мне так хотелось попировать с друзьями, — упавшим голосом прошептала Белка.

— Оставим, оставим твою пиратскую порцию, — великодушно сказала атаман Джина.

Белка покорно поплелась из каюты.

Черная Кошка, сверкая зелеными глазами, потянулась к жареной курице.

— Давненько я не ела курятины!.. — промурлыкала она.

— Мне ножку! — взревел Коротышка. — И кто скажет, что я для этого недостаточно высок ростом…

— Нет, ножки нам! — заныл Джек. — Мне и моему братишке. Посмотрите! Ведь эти ножки тоже близняшки. Похожи друг на друга, точь-в-точь как я и братец Джон.

— Обойдетесь крылышками! — с угрозой проворчал Коротышка.

— Может, ты хочешь сказать, что знаешь, кто из нас Джек, а кто — Джон? — подозрительно прищурился Джек. Оба близнеца привстали.

— Спокойно, пираты, спокойно, — хладнокровно сказала атаман Джина. — Всем достанется поровну. Но сначала обсудим наши планы.

В каюту, вытянув шею, робко заглянула Белка.

— Атаман, извиняюсь, справа по борту какой-то корабль! — негромко доложила она.

— Проклятье! — прошипела атаман Джина. — Туши огни!

Она двумя пальцами ухватила горящий фитилек свечи, будто задушила огонек.

Каюта погрузилась в темноту. Только глаза Кошки испускали два прямых зеленых луча.

— Погаси глаза! — прикрикнула на нее Джина. — Все на палубу! И чтоб ни звука… Эй, близняшки, проследите за пленными.

Пираты на цыпочках поднялись по трапу.

Братец Джек зажал рот капитану Тин Тинычу, братец Джон — старпому Сене. Коротышка, вытянувшись на цыпочках, приставил нож к гладкой шее Ласточки Два Пятнышка.

— И я тут с тобой рядышком, на всякий случай, моя радость, моя нарисованная… — еле слышно промурлыкала Черная Кошка, привалившись к Ласточке теплым мягким боком.

В полном мраке мимо них прошла каравелла «Санта-Мария». На высоко поднятом носу, украшенном золоченой, вырезанной из дерева русалкой, стоял сам адмирал Христофор Колумб, ссутулившись, всей тяжестью опираясь на эфес старинной шпаги. В каютах мигали свечи, звенели натянутые канаты, шелестели паруса.

— Уф, пронесло… — перевела дух атаман Джина, когда корабль, огни и голоса растаяли во мраке.

Между тем дрессированная Сардинка, оставшись в кубрике одна, тоже не теряла времени даром.

«Отправлюсь на разведку, — рассудила она, — в бочке ничего не слышно. Только «бу-бу-бу» да

«бу-бу-бу». Я должна узнать их планы…»

Отважная Сардинка вылезла из бочки, кое-как вскарабкалась на табурет, оттуда на стол, торопясь, то и дело оглядываясь на дверь. С большим трудом скользкими плавниками ухватила жареную курицу, швырнула ее в бочку с водой, а сама легла на ее место. Стараясь не дышать и не шевелить хвостом, как неживая, вытянулась на блюде.

Пираты с топотом и смехом ввалились в каюту, в темноте налетая друг на друга.

— Здорово мы провели старикашку!

— Ищи нас, адмирал, хоть тысячу лет!

— Это тебе не Америки открывать!

— Ух, а ночь-то, братцы, холодна!

— Не пора ли отведать курятинки? — сладко пропела Черная Кошка.

Атаман Джина зажгла три свечи в массивном подсвечнике. Свечи, потрескивая, распрямили язычки пламени. Зажав в одной руке нож, в другой вилку, атаман Джина потянулась к блюду посреди стола… И вдруг замерла, в изумлении высоко подняв брови.

— Что это?! — резко воскликнула атаман Джина.

— Рыба, — наивно сказал Одноглазик.

— Сама вижу, что рыба, — прорычала Джина. — Но мне кажется, я жарила курицу!

— И мне так кажется, — подтвердил Одноглазик.

— Но это же рыба! Рыба! — почти с отчаянием воскликнула атаман Джина.

— Нет, значит, атаман, вы жарили рыбу, — пожал квадратными плечами Коротышка.

Атаман Джина провела рукой по побледневшему лицу.

— Все может быть, — понемногу успокаиваясь, пробормотала она. — Видимо, в пылу битвы у меня выскочило из головы, что я там готовила: рыбу или курицу.

— Что ж, в таком случае отведаем рыбки, — облизнулась Черная Кошка и под столом от удовольствия махнула хвостом. Она вытянула шею, обнюхала рыбу и даже зажмурилась: — До чего же свежа!

Пираты мигом схватили вилки, потянулись к рыбе.

Дрессированная Сардинка на блюде задрожала мелкой дрожью. Правда, это было совсем незаметно. Пламя свечей приплясывало от качки корабля, и чешуя ее и без того ярко блестела.

«Сейчас они вопьются в меня, эти вилки, — об-

мирая, подумала дрессированная Сардинка. — Конечно, я охотно пожертвую жизнью ради моего друга Тельняшки и ради благородного капитана Тин Тиныча. Но умереть от вилки пирата? О!..»

Вилка Коротышки уже коснулась ее чешуи…

— Вилки на стол! — прогремела атаман Джина. — Сначала обсудим наши планы.

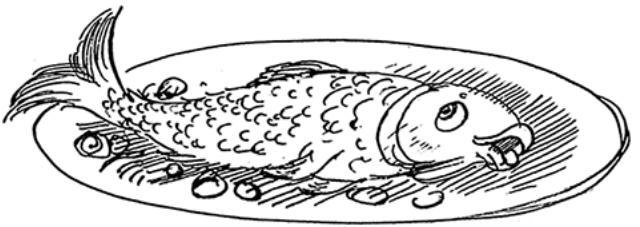
Пираты неохотно подчинились.

Атаман Джина обвела пиратов пристальным, медленным взором.

— Слушайте меня все, меня, Джину Улыбнись-хотьразок! — торжественно проговорила она. — Мы должны захватить остров Капитанов. Остров Пиратов — вот как отныне будет зваться этот остров! Плывите к нам, кораблики, плывите доверчиво, простодушно! В глубоком мраке мы будем подстерегать вас, грабить, пускать ко дну одного за другим. Для начала мы потопим «Мечту», а вместе с ней фонарик, который дал человек в большом городе на настоящей реке. Я прикажу Корабельной Крысе прогрызть дыру в днище «Мечты»!

— Так-то оно так, атаман. — Черная Кошка поежилась. — Фонарик нам ни к чему, это верно. Но не сказала бы я, что больше всего люблю плескаться в соленой водичке. Бр-р!..

— «Мечту» пустим ко дну, а сами переберемся на наш пиратский корабль. — Атаман Джина выпрямилась, глаза ее сверкали. — Запомните, пираты! Запомните золотое правило джентльмена удачи: «Чем меньше у него, тем больше у меня, и никаких переживаний!»



Послышались крики восторга. Пираты вопили, хохотали, щелкали курками пистолетов.

— Чем меньше у него… тем больше у меня… — наверно, чтобы не забыть, повторял Коротышка, из-под квадратных бровей недобро поглядывая на близняшек и Одноглазика.

— Не доверяю я этой так называемой… ну, словом, Крысе, — покачала головой Кошка. — Не пиратская у нее душа, нет. Грамотная и все такое прочее…

— «Так называемую» оставим на тонущем

корабле, — небрежно махнула рукой атаман Джина.

Черная Кошка заметно повеселела.

— Если так — отведаем рыбки! — Она не удержалась и облизнулась тугим розовым язычком.

— Рыбки! — взревели пираты, поднимая вилки.

Несчастная Сардинка сжалась на блюде, изо всех сил стараясь унять дрожь.

В это время в каюту заглянула мокрая, окоченевшая от холода Белка. Подышала на кончик хвоста, потерла его лапами.

— Атаман, я не виновата, но корабль слева по борту! — шмыгнув носом, доложила она.

— Фу-у! — Пираты разом дохнули на свечи. Быстро затопали по трапу на палубу.

Мимо «Мечты» прошел ярко освещенный корабль.

С палубы неслась оживленная и быстрая французская речь. Звуки гитары, песенка. Это был «Альбатрос» капитана Жана.

Корабль прошел мимо, превратился в неясное золотое пятно. Пятно таяло, расплывалось в темноте и наконец погасло.

Между тем дрессированная Сардинка, оставшись одна в каюте, вся трясясь от пережитого

страха, сползла с блюда. Второпях опрокинула кубок с красным вином, потом солонку.

Кое-как дошлепала до края стола, нырнула в бочку с водой.

Чуть отдышалась, дрожащими плавниками ухватила жареную курицу.

Подождала, пока с курицы стечет вода. Наскоро вытерла уголком скатерти, положила на блюдо. Собрав последние силы, посыпала сушеным укропом, украсила петрушкой.

Только покончила с этим нелегким делом, послышались грубые голоса, топот ног. Пираты возвращались.

Дрессированная рыба еле успела нырнуть в бочку, затаилась на дне.

Пираты с шумом расселись вокруг стола.

— Рыбка, рыбка, рыбка! — Коротышка с шумом подышал на озябшие руки. — Я не откажусь от хорошего куска рыбки!

— Мы победили, мои пираты! — Атаман Джина тряхнула черными локонами, матовыми от ночной влаги. — Прочь заботы! Попируем всласть!

Красотка Джина потянулась к блюду с ножом и вилкой, да вдруг так и застыла на месте, замерла с протянутыми над столом руками. Лицо ее смертельно побледнело.

— Что это?! — еле слышно проговорила она.

Вилка слабо звякнула о нож в ее задрожавших руках.

— Курица! — Одноглазик с изумлением заморгал единственным глазом.

Невозможно представить себе, какой ужас и растерянность охватили пиратов, когда они увидели на блюде вместо рыбы жареную курицу.

Они шарахнулись от стола, опрокидывая табуретки и стулья.

— Пираты, эта курица пахнет привидением… — прошептала Джина Улыбнисьхотьразок, пятясь к двери.

— Даже за кошелек золота не съем и крылышка! — Вся шерсть на спине Черной Кошки встала дыбом.

— На этом корабле живет привидение, — простонал длинный Джек и сделал попытку спрятаться за Джона, — это оно переменило курицу на рыбу!

— А рыбу на курицу, — договорил толстый Джон и сделал попытку спрятаться за Джека.

— Ясно… Это его рук дело! — прохрипел Коротышка и стал еще меньше ростом, словно ужас, как невидимая тяжесть, придавил его.

Пираты сбились в кучу, в страхе прижимаясь

друг к другу.

— Корабельную Белку сюда, — слабым, прерывающимся голосом приказала атаман Джина.

— Белка! Крыса! — нестройно закричали пираты.

По трапу заскрипели мелкие коготки. В каюту вбежала Белка.

— Вот тебе твоя пиратская порция, — негромко проговорила атаман Джина, издали указывая на курицу.

— Мне? Целую курицу? — растроганно воскликнула Белка. От умиления слезы навернулись у нее на глазах.

— Но сначала исполни мой приказ. — Джина никак не могла отвести взгляд от заколдованной курицы. Ей казалось, что та вот-вот снова превратится в рыбу. С перепугу ей даже померещилась на курице чешуя и пара плавников на спине. — Пират Крыса! Приказываю тебе немедленно прогрызть в днище корабля дыру. Да побольше.

— Ну уж для дружков-приятелей. — Черная Кошка вежливо перешагнула через Белкин хвост. Трясущейся лапкой погладила ее по спине.

— Ладно уж… — несчастным голосом сказала Белка.

— Для друзей пират должен делать все, — ста-

раясь казаться спокойной, сказала атаман Джина. Но, не выдержав, повернулась и, подобрав юбку, со всех ног бросилась по трапу вверх.

Пираты, отталкивая друг друга, кинулись за ней.

Белка с некоторым удивлением проводила их глазами. Опустилась на стул, подперла морду лапой.

Море и небо за круглым окном посветлели. Ровная тихая голубизна — небо. Голубые волны — море. День обещал быть ясным, солнечным.

Белка вспомнила об отважном капитане, о матросах, брошенных в трюм, крепко связанных по рукам и ногам. И ей стало так тоскливо, как никогда в жизни.

Много лет подряд мечтала она о морских путешествиях, о друзьях, нашла наконец и теперь могла потерять все.

— Грызть или не грызть? — с глубоким вздохом проговорила она.

— Не грызи! — послышался чей-то взволнованный голос.

Белка вздрогнула, обернулась и увидела высунувшуюся из бочки голову дрессированной Сардинки.

— А, это ты… — равнодушно пробормотала Бел-

ка и вдруг, вскочив с места, заговорила горячо, прижав лапки к груди: — Да пойми ты, рыбья голова, как же мне не грызть? Разве я могу? Ведь я тогда останусь одна, без друзей.

— Эх ты, простота, наивная душа, — с сожалением сказала Сардинка, — обманывают тебя пираты. Я сама слышала: корабль пойдет ко дну, и ты вместе с ним.

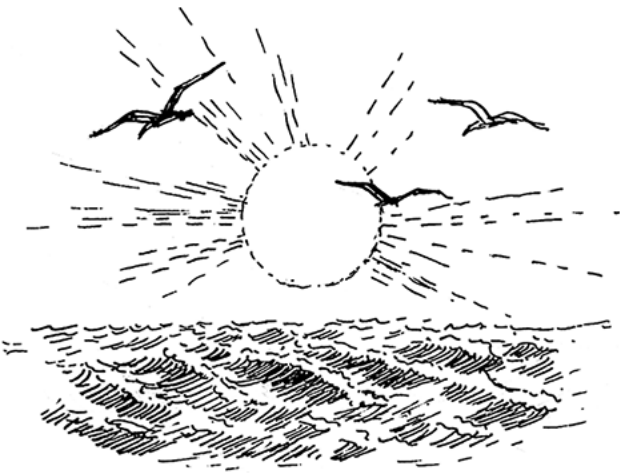
— Не верю, — простонала Белка. — Ведь мы друзья!

— Пираты друзьями не бывают, — твердо сказала дрессированная Сардинка.

Белка в отчаянии заломила тоненькие лапы.

— Грызть или не грызть? — с тоской повторила она.

Глава XIV
Пираты покидают «Мечту». И главное: у Белки появляются настоящие друзья



Вставало солнце, и золотые волны шли от него до самого носа корабля.

Капитан Тин Тиныч задумчиво глядел на море.

— Хороший денек будет… — вздохнул старпом

Сеня.

«По такой погоде мы бы уже завтра, в крайнем случае послезавтра, увидели родные берега», — подумал капитан Тин Тиныч, но промолчал.

На палубу с топотом выбежали пираты. Обрадовались свету, солнышку. Атаман Джина с нескрываемым страхом оглянулась на ступеньки, ведущие вниз, передернула плечами, будто от холода.

Она подошла к капитану Тин Тинычу, остановилась перед ним.

— Прощайся с жизнью, капитан, — злобно проговорила она. — Отплавался! Твой маяк будет светить на дне рыбкам!

— В трюм уже хлещет водичка, — высунулся из толпы пиратов Одноглазик.

— Белка прогрызла в днище большую дыру! — добавила Черная Кошка. — Что, капитан, не пора ли выкинуть за борт всякое там благородство и честность? Кому они нужны?

Капитан Тин Тиныч, хотя и твердо решил не вступать ни в какие разговоры с пиратами, не выдержал.

— Делайте со мной что хотите, но ведь там, в трюме, матросы. Они спят. Там юнга Щепка… — стараясь скрыть волнение, проговорил он. — Дайте им возможность спастись, сесть в лодки. Ну есть у вас хоть капля жалости?

— Жалость? — презрительно скривила губы атаман Джина. — Жалость только унижает пирата. Я не колеблясь швырну за борт каждого, кому знакомо это прокисшее чувство!

— Негодяи! — с презрением сказал капитан Тин Тиныч. — Что для вас совесть, честь, низкие души!

— Вот и пойдешь ко дну вместе со своей совестью и привидением, — с обидой проворчал Одноглазик.

— Ох, лучше не вспоминай! — замахала на него лапами Черная Кошка. Пираты перекинули трап с «Мечты» на корабль Томми.

Началась свалка. Каждый хотел поскорее убраться с заколдованного корабля.

Но атаман Джина быстро навела порядок. Она выхватила из карманов своего белоснежного передника пистолеты и разрядила их в воздух.

Первой, стуча каблуками, перебежала по трапу. Остальные пираты — за ней.

Только успел последний пират покинуть «Мечту», на палубу пулей вылетела Белка, придерживая лапой хвост, чтоб не мешал.

— Стойте, стойте! — отчаянно закричала Белка. — А я? А меня вы забыли?

— Убрать трап! — не обращая на нее внимания, безжалостно скомандовала атаман Джина.

— Но мы же друзья! Я пиратскую клятву давала! — Белка с мольбой протянула тоненькие лапки.

— Грамотная больно! — злобно усмехнулась Черная Кошка. — Эх, не успела я на тебя как следует облизнуться…

Белка вся так и поникла, глядя, как, распустив паруса, удаляется корабль из пальмового дерева.

Капитан Тин Тиныч тоже проводил глазами корабль Томми, где в ярком свете утренних лучей извивался на мачте флаг с черепом и скрещенными костями.

— Что ж, встретим то, что неизбежно, — спокойно сказал капитан Тин Тиныч.

— Это уж конечно, как полагается, — вздохнул старпом Бом-брам-Сеня. — Только как подумаешь, что сейчас вода дойдет до колен, потом

выше, выше, выше… А главное, не увижу больше острова Капитанов, не попрощаюсь с ребятами. И все из-за каких-то подлых пиратов!

Капитан Тин Тиныч невольно рванулся, но тугие веревки только глубже врезались в измученное тело.

— Нет, недолго пиратам бороздить волны океана Сказки! — горячо воскликнул он. — Адмирал Колумб и капитан Жан уже вышли в море. Все капитаны развернут свои паруса. Они отомстят за нас!

Белка устало повернулась к капитану Тин Тинычу, медленно волоча лапы, будто к каждой привязано по гире, подошла к нему. Перегрызла веревки, стягивавшие ему руки и ноги.

— Вы свободны, капитан, — безнадежно вздохнула она.

— Скорее! — Капитан Тин Тиныч бросился к трапу, преодолевая мучительную слабость. Онемевшие ноги плохо слушались его. — Спасти матросов! Усадить их в лодки!

Старпом Сеня бросился вслед за ним. Но они не успели сделать и нескольких шагов. Послышались мокрые, шлепающие звуки. По трапу неуклюже вскарабкалась дрессированная Сардинка.

— В трюме сухо, как на дне пустой бочки, — с трудом проговорила она и, обессилев, умолкла.

Капитан Тин Тиныч и старпом Сеня с удивлением повернулись к Белке.

— Мой зуб не коснулся днища корабля, — печально глядя куда-то вдаль, сказала Белка. — Но я одинока, как пустой орех.

Капитан Тин Тиныч растер онемевшие, вспухшие руки. «Неужели свобода? Неужели «Мечта» спасена?»

— Не грусти, Белка, — ласково сказал он. Обнял Белку за узенькие рыжие плечи. — Теперь у тебя есть настоящие друзья.

— Это мы! — откликнулся голубоглазый Тельняшка, поднимаясь по трапу. Он широко зевнул, потянулся. — Капитан, она освободила всех матросов, перегрызла веревки. А хвост — это не беда! Пройдет месячишко, еще пушистей станет.

— Да разве это работа? Какие-то веревки! — горячо воскликнула Белка. — Да я такое могу! Да я для друзей!..

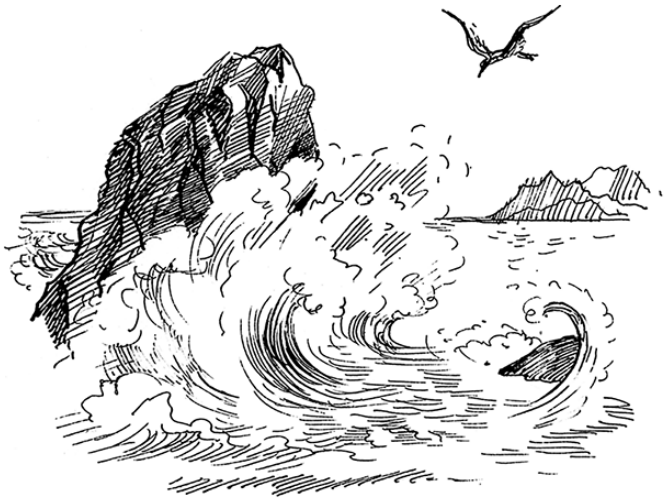
Один за другим на палубу, пошатываясь, выходили матросы. Терли глаза кулаками, сладко зевали, не могли сообразить, с чего это вдруг их сморил такой крепкий сон.

И вот уже с шорохом распустился большой

парус «Мечты». Ветер наполнил его.

— Курс на остров Капитанов! — скомандовал капитан Тин Тиныч.

Глава XV
Юный капитан Томми.
И главное:
пираты на острове Капитанов



Капризный океан Сказки к ночи совсем расходился.

Низкие косматые тучи закрыли луну. Иногда

ей удавалось хоть краешек выставить из-за тучи, и тогда ее робкий свет на миг освещал громадные, чуть прозрачные, зеленоватые волны.

И снова все погружалось в кромешный мрак. Волны с грохотом падали на скалы, в темноте рассыпались, светясь серебряным кружевом пены.

В таверне «Золотая рыбка» в этот вечер было почти пусто.

Несмотря на непогоду, все капитаны вышли в море в надежде повстречать «Мечту».

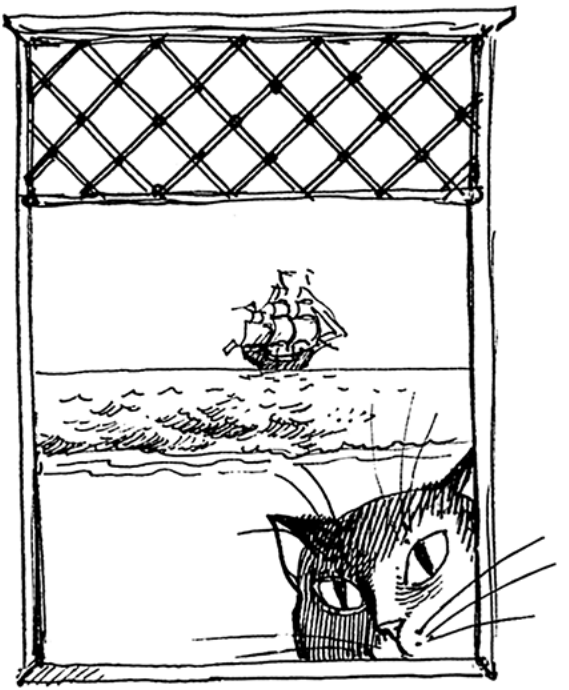
Только юный капитан Томми и капитан Нильс в унынии сидели за столиком в таверне, вдвоем коротали томительный вечер.

«Ну почему, почему мой Нильс сделал «Веселому Троллю» бумажные паруса? — опять и опять с безнадежным отчаянием думал капитан Нильс, сжимая в кулаки сильные руки. — Даже адмирал Колумб и тот вышел в море. На руках внесли его матросы на палубу. Даже он, а я…»

Капитан Томми, облокотившись о стол, с тоской глядел в черное слепое окно, слушал гулкие раскаты моря.

В окно влетела летучая мышь Непрошеная Гостья. Скрипя перепончатыми крыльями, похожими на половинку черного зонтика, она

закружилась над головой Томми. Невнятно пропищала что-то вроде: «При-пи!.. При-пи!..» — и улетела в темноту.



Если бы Томми на досуге хоть немного подучил

язык летучих мышей, то он, конечно, бы понял, что хотела сказать Непрошеная Гостья, которая, как все летучие мыши, произносила только первый слог каждого слова. А сказала она нечто очень важное для Томми:

«Приплыли пираты! Приплыли пираты!»

Но Томми ничего этого не понял и потому так и остался сидеть как сидел, хмуро глядя на скомканную, залитую вином скатерть и подперев кулаками щеки.

Ни он, ни капитан Нильс не заметили, как за окном сверкнули ослепительно зеленые глаза Черной Кошки. Вспыхнули и погасли.

Кошка с жадной ненавистью проводила глазами Непрошеную Гостью.

Да будет вам известно, друзья мои, что самая сокровенная мечта каждой кошки — это поймать летучую мышь. Именно не простую, а летучую. Среди кошек кто-то пустил слух, что если кошка поймает и съест летучую мышь, то она тут же непременно станет Летучей Кошкой. Все кошки это знают. И если кошка во сне вытягивает лапы и выпускает когти, значит, без сомнения, ей снится, что она ловит летучую мышь.

Итак, Черная Кошка заглянула в окно таверны.

— Атаман, здесь только бумажный капитан

и мальчишка, — прошептала она.

Атаман Джина на мгновение задумалась, поманила к себе пиратов.

— Итак, применяем коварство номер один, — шепотом объяснила она. — Я их отвлеку разговорами, а вы вбегайте и действуйте.

Юный Томми резко обернулся на протяжный скрип дверных петель. Увидев хозяйку таверны и Черную Кошку, вскочил со стула.

— А капитан Тин Тиныч? Он тоже приплыл? Где он? — с волнением воскликнул Томми.

Хозяйка таверны пошатнулась, сделала несколько неуверенных шагов, словно теряя последние силы. Капитан Нильс, вскочив, поддержал ее.

— О!.. — простонала она. — И не спрашивайте. Ничего не знаю. Помню только: буря, волны… Нас смыло за борт огромной волной. Размером с десятиэтажный дом.

— С лифтом и телевизором… — умирающим голосом добавила Черная Кошка, наслушавшаяся рассказов дрессированной Сардинки о большом настоящем городе.

Оба капитана не заметили, как пираты неслышно, на цыпочках переступили порог таверны. Внезапно с хриплыми криками пираты

набросились на растерявшихся капитанов.

Коротышка прыгнул на спину Томми, повис на нем, обеими руками обхватив его за шею. Вдвоем с Одноглазиком они быстро скрутили его.

Справиться с капитаном Нильсом оказалось не так-то просто, хотя пираты, словно мухи медовую коврижку, облепили его со всех сторон.

— Ы-ы-ых! — с трудом выдохнул капитан Нильс. Он напряг все силы, и пираты полетели в разные стороны, роняя стулья и легкие плетеные табуретки.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, но Коротышка коварно подставил ему подножку. Капитан Нильс с грохотом растянулся на полу. Пираты навалились на него, вывернули ему ру-

ки, стянули веревками.

— Негодяи! — прохрипел капитан Нильс. — Подножку капитану! Позор!

— Подножка — наш боевой прием! — звонко крикнула Черная Кошка.

Пираты заткнули связанным капитанам рты салфетками, сволокли их в кладовку, швырнули на пол, дверь заперли.

— Вот и все, — сказала атаман Джина, хладнокровно засовывая пистолеты в кармашки своего передника. — Больше нет острова Капитанов. Остров — наш!

Но даже сейчас она не улыбнулась.

Пираты принялись палить в воздух. С потолка полетели острые золотистые щепки, забренчала посуда.

Глава XVI
Корабль-призрак. И главное: чем же кончилась вся эта удивительная история

Поднялась веселая суета. Затрещал огонь в очаге. Близнецы, длинный Джек и толстый Джон, затянули песню. Все пираты подхватили хриплыми пропитыми голосами.

Черная Кошка обнюхала все углы, стулья, дверь и даже деревянную ногу старого слуги. Наконец-то она дома! Нет, не место все же кошкам в океане, что бы там ни говорили! То ли дело сидеть у пылающего камелька, на родной табуретке, в тепле и уюте.

«Я — Кошка-пират, Кошка-победитель! — самодовольно подумала она. — Кто в целом мире может со мной сравниться? Мур-мяу!»

Черная Кошка не удержалась и вылакала целое блюдечко ямайского рома, потом еще полблюдечка.

Она повернула голову, полюбовалась отсветами пламени на своей гладкой черной шерстке.

«Кажется, у меня сегодня два хвоста, — подумала опьяневшая Кошка. — Впрочем, я думаю, это к лучшему. Один хвост можно подарить хозяйке на день рождения или обменять на что-нибудь очень ценное. А может, оставить себе оба? Только к лицу ли мне два хвоста? Вот в чем вопрос. Жаль, что здесь нет зеркала. Посмотрюсь хотя бы в оконное стекло, а там решу…»

Напевая: «Мяу-ля-ля!» — Черная Кошка прыгнула на подоконник. И вдруг замерла, прижав нос к стеклу.

— Атаман, какой-то корабль у пирса! — хрипло мяукнула она.

Атаман Джина с досадой поморщилась. Ох уж эта пиратская жизнь! Ну ни минуты покоя. Всё заботы да заботы…

— Подыщем еще какое-нибудь коварство… — недовольно проворчала она. — Скорее всего это «Санта-Мария» старого огородного пугала Колумба или «Альбатрос» французишки Жана…

— Атаман, это «Мечта»! — не дав ей договорить, взвизгнула Черная Кошка, стремительно слетая с подоконника. От страха она сразу же протрезвела.

— Корабль-призрак! — лязгнув зубами, пролепетал Одноглазик.

— Против призраков коварство бессильно, — упавшим голосом, вся дрожа, проговорила атаман Джина. — Это всем известно…

Пираты бросились к окнам.

Вверх по узкой улочке двигались какие-то тени.

Луна выглянула из-за громадной темной тучи, словно высунулась из глубокого кармана.

Она осветила идущих по улице. Теперь их было хорошо видно.

Впереди твердо шагал капитан Тин Тиныч. За ним шел рослый Тельняшка. Он нес в руках дрессированную Сардинку.

В лунном свете их лица казались совсем бледными, чешуя дрессированной Сардинки отливала зеленым серебром. Последней плелась Белка. Ее голый хвост извивался между камней мостовой и казался бесконечным.

Пираты в ужасе заметались по таверне. Близнецы Джек и Джон заползли под один стол и теперь локтями и коленками выпихивали друг друга из этого убежища.

— Призрак капитана!.. — в ужасе простонала атаман Джина, оглядываясь, куда бы спрятаться.

— Призрак Тельняшки! — Одноглазик упал на колени.

— Призрак Рыбы, — пискнула Кошка.

Заметим для точности, на этот раз она даже не подумала, что вкуснее, призрак рыбы или обыкновенная живая рыба.

Дверь распахнулась.

— Сдавайтесь, разбойники! — прогремел капитан Тин Тиныч.

Пираты сбились в одну дрожащую кучу. Тор-

чали дрыгающие ноги Коротышки, трясущиеся лапы и хвост Черной Кошки.

— Бросайте оружие! — приказал капитан Тин Тиныч.

На пол посыпались кривые ножи и пистолеты.

— Бросаем, бросаем, милые утопленнички! Только не трогайте нас своими холодными пальчиками! — захныкал Одноглазик.

Кошка вытащила было свой пистолет из-за пояса, хотела швырнуть в общую кучу, но вдруг завертела носом, подозрительно принюхалась и отчаянно завопила:

— Капитан пахнет капитаном! Рыба пахнет рыбой!

— Призраки не пахнут! Это всем известно! — мигом сообразила атаман Джина. — Хватайте оружие, пираты! Гасите свет!

Пираты разом дунули на свечи. Таверна погрузилась в кромешный мрак.

В темноте началась возня, свалка. Невозможно было разобраться, где свои, где чужие.

— Джек, братец, где ты?

— Я тут, тут, братец Джон!

Капитан Тин Тиныч бросился на голоса близнецов, но руки его наткнулись на что-то скользкое и холодное. Это он вместо пиратов поймал Тель-

няшку, державшего дрессированную Сардинку.

— Кошка! Черная Кошка! Где ты?! — срывающимся голосом крикнула атаман Джина. — Где ты?

В ответ — ни звука. Черная Кошка не отзывалась.

Но похоже, атаман Джина сама видела в темноте не хуже кошки.

— Пираты, за мной! Я вас выведу! — послышался ее шепот.

Коротышка в темноте наткнулся на нее и мертвой хваткой уцепился за ее юбку, за ним потянулись близняшки, потом Одноглазик, остальные пираты. Цепочкой незаметно стали пробираться между опрокинутых столов и табуреток к выходу.

Капитан Тин Тиныч отлично понимал: если пиратам под покровом темноты удастся ускользнуть из таверны, добраться до гавани и захватить чей-нибудь корабль, то все начнется сначала.

К тому же в этот миг, как назло, луна снова скрылась за густую, мохнатую тучу, и уже понять, где дверь, где окно, где глухая стена, было совершенно невозможно.

Потаенно, словно шепотом, скрипнули дверные петли. Было ясно: пока моряки шарили

во мраке, пираты нащупали дверь и… Теперь все кончено! Теперь, как говорится, ищи ветра в поле, а корабль в море…

И в тот момент, когда, казалось, уже все потеряно, все погибло, пылающий, жгучий луч света ударил прямо в раскрытую дверь таверны, выхватив из мрака шайку пиратов.

Сверкающий луч преградил им путь. Пираты застыли на пороге, не в силах сделать и шага навстречу этому нестерпимому свету.

Испуская стоны и проклятия, закрывая глаза ладонями, пираты попятились назад.

— Пираты! Еще не все потеряно! За мной, в окно! — первой пришла в себя атаман Джина и бросилась к окну. Ловко перекинула ногу через подоконник.

Но слепящий, словно раскаленный луч тут же переместился. Теперь он светил прямо в окно. Пираты вновь отступили.

Воспользовавшись их полной растерянностью, матросы «Мечты» разоружили пиратов.

Старпом Бом-брам-Сеня зажег все свечи. Теперь таверна была ярко освещена.

Пираты сгрудились в дальнем углу испуганные, растерянные и вместе с тем полные бессильной злобы и ненависти.

А посреди таверны, между пиратами и экипажем «Мечты», сидела Черная Кошка и, быстро поворачивая голову, смотрела то на атамана Джину, то на капитана Тин Тиныча.

Но не будем скрывать, друзья мои, вот что она думала в эту минуту: «Проклятье! Однако я, кажется, здорово просчиталась. Я недооценила все это благородство и мужество. Ошибочка вышла. Я думала, что коварство и хитрость всего сильнее на свете, а на самом деле…»

— Обманули меня! Заманили! — Черная Кошка с отчаянным визгом вдруг бросилась к капитану Тин Тинычу. Вкрадчиво мурлыкая, принялась тереться об его ноги. — Я ничего не знала! Я маленькая, глупенькая! Я нечаянно, по ошибке…

— Предательница! — с презрением воскликнула дрессированная Сардинка, и Тельняшка ласково погладил ее по чешуе, чтобы хоть немного успокоить.

В это время в дверь чулана послышались глухие удары. Дверь затрещала, сорвалась с петель и с грохотом рухнула.

В комнату в клубах пыли ворвались Томми и капитан Нильс. С них еще свисали обрывки веревок.

Безоружные, но тем не менее полные решимо-

сти и отваги, они готовы были вступить в схватку с пиратами, но вдруг увидели перед собой капитана Тин Тиныча и весь экипаж «Мечты».

Еще ничего не понимая, они застыли на месте.

— Это я, друзья мои, — просто сказал капитан Тин Тиныч. — Томми, твой корабль у пирса. Ты только должен снять с мачты пиратский флаг!

Тут Томми повел себя совсем не так, как полагается солидному капитану. Он с воплем восторга повис на шее капитана Тин Тиныча. Потом перекувыркнулся через голову и сделал такое сальто-мортале, которому позавидовал бы любой циркач. И снова бросился на шею капитану Тин Тинычу.

— Интересно, кто же все-таки так вовремя зажег маяк? — спросил капитан Тин Тиныч.

И только тут все увидели, что в дверях таверны стоит Добрый Прохожий, а рядом с ним Белка, застенчиво глядя в пол. А под потолком, сложив крылья, молча висит вниз головой Летучая Мышь.

— Это она меня надоумила, славная милая Белка. Такая ловкая и проворная, — сказал Добрый Прохожий. — Мы вдвоем с ней втащили фонарик на Одинокую скалу. Еще нам очень помогла Непрошеная Гостья. Конечно, мы пока что укрепили

фонарик кое-как. Просто подперли камнями.

— Молодец, матрос Белка, — похвалил ее капитан Тин Тиныч. И Белка прямо-таки расцвела от его похвалы.

— Клянусь моим дедушкой, вы все сделали как следует! — в восторге завопил капитан Как-следует, вваливаясь в таверну.

На радостях он сгреб в свои могучие объятия и капитана Тин Тиныча, и юного Томми, и даже капитана Нильса.

Поддерживая под локоть обессилевшего от всех волнений адмирала Колумба, вошел капитан Жан. Впрочем, ничего не скажешь, старый адмирал держался просто молодцом. Отстранив капитана Жана, он, опираясь о шпагу, сам доковылял до стула. И тут уж просто рухнул на него, скрипнув всеми костями.

— Теперь, когда на острове есть маяк, я уже никому не нужен, — печально сказал Добрый Прохожий. — Теперь уже никто, даже при всем желании доставить мне радость, не сможет заблудиться на дорогах острова Капитанов. Как это грустно сознавать, что ты никому не нужен.

— Что вы, что вы, уважаемый… — Капитан Тин Тиныч чуть запнулся, но тут же закончил фразу: — Наш дорогой Смотритель Маяка!

Все капитаны от души поздравили нового Смотрителя Маяка, который, не будем скрывать, так и сиял от счастья.

— А что же делать вот с этими? — Капитан Жан с презрением указал на пиратов.

— Н-да… Вообще-то, если все делать как следует, их следовало бы вздернуть на рею, — с некоторым сомнением протянул капитан Какследует.

— На корм акулам, — надменно сказал адмирал Колумб.

— Мы исправимся! Мы станем хорошими! — на разные голоса запричитали пираты.

Атаман Джина, сделав над собой неимоверное усилие, улыбнулась первый раз в жизни. Улыбка получилась жалкой, подобострастной, какой-то скошенной набок.

— И все-таки что же нам с ними делать? Нельзя же оставить их здесь, на острове? — нахмурившись, проговорил капитан Нильс.

— А что, если отправить их в плавание… в Никуда? — задумчиво предложил капитан Тин Тиныч, не спеша раскуривая свою старую трубку.

— Как это? — изумился капитан Жан. — Дорогой друг, объясните, что вы имеете в виду?

— Отправить их в Никуда на нарисованном ко-

рабле, — повторил капитан Тин Тиныч и указал на старинный потемневший рисунок, висящий на стене таверны.

В голубых кольцах табачного дыма корабль как будто ожил и покачнулся на выцветших нарисованных волнах.

— О-ля-ля! Отличная идея! — воскликнул капитан Жан.

— Туда им и дорога! — Капитан Какследует тяжело стукнул кулаком по столу.

Всем капитанам пришлась по душе эта мысль. Пожалуй, лучше ничего не придумаешь.

На другой же день капитаны принялись за дело.

Нарисованный корабль со всеми предосторожностями сняли со стены. Да и правду сказать, страшно было к нему прикоснуться, казалось, того и гляди, обветшалый корабль рассыплется в прах.

По всем правилам искусства нарисованный корабль спустили на воду.

Зашипели, задымились полозья на стапелях. И корабль, разрезав носом голубую воду, закачался на волнах.

Лучи закатного солнца осветили корабль. Прошли сквозь истлевшие паруса, засветились огнем в дырах обшивки, между черными ребрами шпангоутов.

— Боже праведный! Да это «Летучий Голландец»! — Старый адмирал Колумб поднял руку, будто отгораживаясь от страшного видения.

— Пожалуй, вы правы, — кивнул капитан Тин

Тиныч. — Не надо забывать, сказка есть сказка.

Черная Кошка, вкрадчиво мурлыкая, бочком подобралась к Белке.

— Белочка, раскрасавица, — уже и не зная, как подольститься к ней, сладким голосом пролепетала Кошка. — Возьми меня к себе в горничные. Буду когтями тебе шерстку-хвостик расчесывать. Может, что простирнуть надо, погладить…

— Я — матрос! — гордо вскинула голову Белка. — А у матросов горничных не бывает.

— Ласточка, милая! — метнулась Черная Кошка к Ласточке. — Хочешь, пойду в няньки к твоим птенчикам? Да я их… Да я с них глаз не спущу. Научу их ловить…

— Кого? Птичек? — насмешливо прищурилась Ласточка.

— Ну да, птичек! — радостно подхватила Черная Кошка, но, тут же сообразив, какую она сморозила глупость, с унылым видом умолкла. Одноглазик, улучив момент, заехал ей в бок носком башмака. Ведь даже пираты презирают изменников.

Пираты нехотя поднялись на корабль.

— Ничего, мы еще потешимся! Еще встретим кого-нибудь и ограбим, — прошипела красотка Джина.

— Вы поплывете в Никуда! Там вы не встретите никого! — крикнул капитан Жан.

— Погодите, мы еще вернемся! — Коротышка в лютой ярости погрозил капитанам квадратным кулаком.

— Из Никуда еще никто никогда не возвращался, — покачал головой капитан Тин Тиныч.

Закатное солнце на миг ослепило капитанов. И тут же нарисованный корабль вместе со всеми пиратами исчез из глаз. Потому что нельзя проследить взглядом путь корабля, уплывающего в Никуда.

Капитан Тин Тиныч осторожно взял под руку Христофора Колумба, невольно удивившись, как тонка и хрупка под камзолом рука старого адмирала. Не спеша он повел его вверх по мощенной камнем дороге, туда, где уютно светил над входом в таверну узорный фонарь.

— Смотрите под ноги, адмирал, — заботливо предупредил его капитан Тин Тиныч.

— Каррамба! Проклятые пираты! Надеюсь, я могу отдохнуть хотя бы полстолетия, — ворчал старый адмирал, с трудом переставляя ноги.

— И я надеюсь, — улыбнулся капитан Тин Тиныч. — Бодритесь, адмирал, еще немного, и мы у цели. Опирайтесь на мою руку.

— Должен вам сказать, капитан, что вы отменный моряк и человек редчайших добродетелей, — несколько высокопарно произнес адмирал Колумб.

Капитан Тин Тиныч хотел было ответить ему какой-нибудь шуткой, но адмирал Колумб почему-то глубоко вздохнул и печально посмотрел на него своими мудрыми, ставшими совсем прозрачными от времени глазами.

— Благодарю, — серьезно сказал капитан Тин Тиныч. — Для каждого моряка большая честь услышать от адмирала Христофора Колумба такие слова!

И, обгоняя их, тем же путем на свет фонаря летели серые неуклюжие ночные бабочки.

Они сварливо переговаривались в сумерках, бранили ярких дневных бабочек, которые еще сонно порхали над верхушками пальм.

— Ишь, никак не угомонятся!

— Совести у них нет!

— А уж пестрые какие — смотреть противно.

— Сейчас наше время!

— Уже зажглись лампы, свечи, фонари! Мы будем кружиться, кружиться вокруг огня!..

Что ж, как видите, жизнь в Сказке вошла в свою привычную колею.

А далеко-далеко в большом городе на настоящей реке Ласточка Два Пятнышка влетела в открытое окно волшебника Алеши.

Измученная нелегким путем, Ласточка, еще тяжело дыша, уселась на трубку телефонного аппарата, стоявшего на столе, и устало сложила стройные крылья.

— О, дорогая, расскажи со всеми подробностями, прошу тебя, ничего не пропускай! — в нетерпении воскликнул волшебник Алеша.

Кот Васька тоже с ленивым видом приплелся, прыгнул на спинку дивана, пристроился там, уставив зеленые глаза в пустоту.

Даже джинн ради такого случая выбрался из своего термоса. Он уселся в самом темном углу, скрестив по-турецки ноги.

— Нисколько не сомневаюсь, эти капитаны, эти выскочки и зазнайки, как всегда, сделали все не то и не так! — презрительно скривив губы, пробормотал он. Но тут же добавил: — Хотя, кажется, на этот раз они не оплошали. Клянусь моим термосом — они молодцы!

Ласточка, торопясь и волнуясь, но стараясь ничего не пропустить, рассказала о том, как пираты захватили «Мечту».

— Так вот почему пиратка Джина и Черная

Кошка не захотели со мной знакомиться. Теперь понятно… — задумчиво сказал волшебник Алеша. — Я мог кое-что заподозрить…

— Ну а если сравнить кошку Мурку с нашего двора и эту Черную?.. — надменно и мрачно спросил кот Васька. Он вообще считал, что кошка Мурка верх совершенства, и ревниво страдал, когда речь заходила о других кошках.

— Что вы! Никакого сравнения! — горячо воскликнула Ласточка. — Ваша Мурка такая милая и обаятельная. И потом, она совсем не ловит птиц с тех пор, как мы познакомились.

Кот Васька с деланым равнодушием отвернулся, но по всему было видно, что ему приятно это слышать. Глаза его словно налились по краям прозрачным золотом.

— Надо было просто-напросто сбросить всех пиратов в ближайшую бездонную бездну, и весь разговор, — проворчал джинн и махнул рукой. — Э, да что с вас взять…

— Ох и устала же я, — вздохнула Ласточка Два Пятнышка, проведя клювом по перышкам, приглаживая их. — Сначала океан Сказки, потом другой океан… Еще надо слетать к мальчику, который меня нарисовал, ну к маленькому Тин Тинычу. Ведь это он смастерил «Мечту», и, думаю,

ему будет интересно узнать о приключениях его кораблика.

— Еще бы не интересно, конечно, интересно, очень даже интересно… — рассеянно повторил волшебник Алеша. Он на мгновение о чем-то задумался. — А как вы полагаете, друзья мои, уж не записать ли мне всю эту совершенно невероятную и удивительную историю? По-моему, она вполне достойна этого. Думаю, многим ребятам будет интересно узнать об острове Капитанов.

— Пожалуй, стоит, отчего же нет, — лениво протянул кот Васька. Но на самом деле он был просто в восторге. Тщеславному коту очень льстила мысль попасть в сказку.

А теперь тс-с-с! Волшебник Алеша сел за стол и погрузился в работу.

Девочка по имени Глазастик

Глава I
Разговор с котом Васькой.
И главное:

Вася Вертушинкин рисует сказочный город

Вася Вертушинкин положил на стол лист бумаги, достал новые акварельные краски, старую любимую кисточку, сел на стул и задумался.

Он так глубоко задумался, что даже не заметил, как мимо него прошла мама и поплотней прикрыла форточку.

— Уроки выучил? — спросила мама особым голосом, которым все мамы на свете спрашивают про отметки и уроки.

— М-м… — невнятно ответил Вася Вертушинкин.

— Выучил? — повторила мама.

Вася Вертушинкин промолчал, а мама, взглянув на сосредоточенное лицо сына, не стала больше спрашивать.

«Что бы мне нарисовать? — никак не мог решить Вася Вертушинкин. — Что-нибудь такое, чего я раньше не рисовал».

Вася Вертушинкин очень любил рисовать. А с тех пор как он подружился с волшебником Алешей, готов был рисовать с утра до вечера. Он бы даже ночью рисовал, если бы мама разрешила и спать не хотелось.

Итак, Вася Вертушинкин сидел глубоко задумавшись, а кот Васька лежал на столе под лампой и, сладко потягиваясь, все время норовил вытянуть лапы и положить их прямо на белый лист бумаги.

— Так что же мне нарисовать? — уже вслух

сказал Вася Вертушинкин.

— Видно, делать тебе нечего, пушистый Вертушинкин, — снисходительно усмехнулся кот Васька. — Ведь все равно самое интересное, самое главное ты уже давно нарисовал. Я имею в виду мой портрет. Зачем же еще что-то придумывать? Только время попусту тратить. Логично? Логично!

— Так ведь у Кати сегодня день рождения, — окунув кисточку в стакан с водой, сказал Вася Вертушинкин. — А ей нравятся мои рисунки. Вот я и хочу ей что-нибудь в подарок нарисовать.

— Суета все, — зевнул кот Васька. — Я, пожалуй, пойду прогуляюсь. Если пушистый Алеша спросит, где я, скажи ему, я на крыше. Вторая труба справа. Мурка всегда там на солнышке греется. А если ночью оттуда на луну смотреть, то луна совсем близко, просто лапой достать можно.

Кот Васька не спеша направился к двери. На пороге он обернулся и с деланым равнодушием добавил:

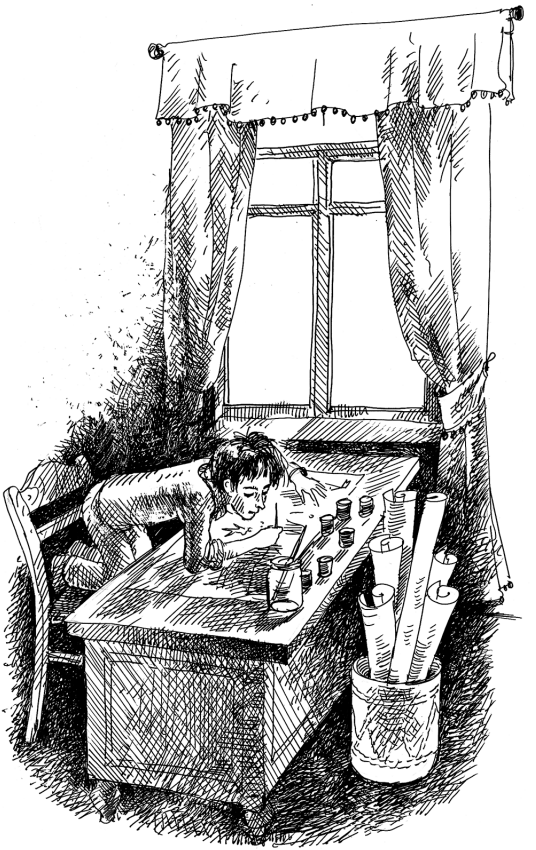
— Удивляюсь я на пушистого Алешу, честное слово. Ну никуда без спросу пойти нельзя. Беспокоится обо мне, словно я маленький котенок. Куда идешь да когда вернешься… по сторонам гляди да под машину не угоди.

Кот Васька самодовольно улыбнулся и исчез за дверью.

Вася Вертушинкин подпер щеку рукой, глядя на белый лист бумаги. Что же все-таки нарисовать? Может быть, морской бой и самолеты? А может быть, вазу, а в ней цветы? Все-таки Катька — девчонка, ей, наверно, больше цветы понравятся.

Катя училась с Васей Вертушинкиным в одном классе, сидела с ним за одной партой, но почему-то всякий раз, когда Вася Вертушинкин смотрел на нее, он удивлялся.

Удивлялся, что у нее такие ровно заплетенные косички и слишком глубокие прозрачные глаза. Ему казалось: если долго-долго смотреть в ее глаза, то он увидит там что-то необыкновенное, чего он раньше никогда не видел и не знал.



«А нарисую-ка я сказочный город, — решил Вася Вертушинкин. — Все-таки что-то новенькое».

Он стал рисовать город с крутыми черепичными крышами и узорными флюгерами.

Кап! — упала с кисточки голубая капля. Она повисла над сказочным городом, как роза-снежинка.

— Пусть будет зима! — сказал себе Вася Вертушинкин, и, словно подхваченные порывом ветра, закружились голубые снежинки над крышами и башенками сказочного города.

Вася Вертушинкин принялся рисовать веселый хоровод на площади.

Он нарисовал смеющуюся девчонку, чем-то чуть-чуть похожую на Катю. Девочка смеялась. Смеялись ее большие глаза с ресницами длинными, как сосновая хвоя.

«Может быть, сделать ей глаза чуть поменьше? — засомневался Вася Вертушинкин. — Нет уж, пусть такими остаются. Еще испорчу. Зато они как звезды».

Ветер раздувал ее голубую юбочку, похожую на перевернутый цветок колокольчик.

Девочку в пышной голубой юбке держала за руку тоненькая девушка с длинными волосами.

Вася Вертушинкин выскреб из баночки остатки

золотой краски, и волосы девушки чистым золотом полились ей на плечи и дальше до земли, до башмаков, напоминающих ореховые скорлупки.

Девушка улыбалась тихо и нежно юноше в старой поношенной куртке и старом плаще. А тот улыбался ей в ответ. Рядом с ними Вася Вертушинкин нарисовал веселую женщину в пестром платье, этакую хохотушку, которая никогда не унывает.

Все люди на площади держались за руки и улыбались. Неслышный смех словно дрожал и позванивал в воздухе. Или это позванивали, сталкиваясь, голубые розы-снежинки.

«Здорово получается», — подумал довольный Вася Вертушинкин.

Вася встал, чтобы полюбоваться на рисунок издали. И вдруг увидел нечто невероятное. Он просто глазам своим не поверил.

Девочка в голубом платье больше не смеялась. Улыбка исчезла с ее лица. Испуганно и печально глядели большие немигающие глаза. Даже голубая юбочка сложилась, как веер, потускнела и повисла унылыми серыми складками.

Грустно и как-то безнадежно смотрела золотоволосая девушка на печального юношу.

И весь город, казалось, загрустил. Тяжелые, засыпанные снегом крыши словно вдавили дома в сугробы. Свечи в окнах притушили свои огненные язычки.

— Вот это да! — воскликнул пораженный Вася Вертушинкин. — Это уже чудеса какие-то! А если чудеса, то… рвану к Катьке сперва, расскажу ей все. И вместе с ней к волшебнику Алеше…

Глава II
Улыбка кота Васьки. И главное: таинственный незнакомец

Утро было серое, пасмурное. Низко плыли тучи мышиного цвета, и казалось, вот-вот пойдет не то дождь, не то снег.

У волшебника Алеши с утра побаливала голова.

«Заварю-ка я чай покрепче и сяду за работу», —

решил он.

Волшебник Алеша любил очень крепкий чай и заваривал его не спеша, по всем правилам.

Конечно, ему ничего не стоило при помощи заклинания превратить холодную воду из крана в горячий чай. Но он предпочитал обычный чай, а не волшебный. Ему казалось, что у волшебного чая и вкус не тот, и аромат какой-то ненастоящий, и вообще не то, не то!

Итак, волшебник Алеша стоял возле плиты, в задумчивости ожидая, пока закипит вода в чайнике.

Из комнаты донесся гулкий бой старинных часов. Звук этот был какой-то необычный: взволнованный, даже тревожный.

— Странно, часы бьют совсем не вовремя, — удивился волшебник Алеша. — Что бы это значило?

В тот же миг волшебник Алеша услышал легкий шорох у себя за спиной. Он стремительно обернулся.

Позади него, прижавшись к стене, стоял совершенно незнакомый человек.

На незнакомце был плащ из тусклого серого бархата с вышитым по краю узором из золотых снежинок. На голове шляпа с павлиньим пером,

падавшим на плечо. Перо заканчивалось ярким зелено-синим переливчатым пятнышком, чем-то напоминавшим широко раскрытый глаз. Тут волшебник Алеша даже несколько растерялся: этот глаз на конце пера смотрел на него пристально и неотрывно.

Лицо незнакомца было почти невозможно рассмотреть: тень от низко надвинутой шляпы скрывала его.

«Дверь на лестницу, как всегда, открыта, это правда. Кот Васька только и делает, что шастает то во двор, то обратно. Но я не слышал шагов этого незнакомца, а у меня такой острый слух, — промелькнуло в голове у волшебника Алеши. — Остается предположить одно: он прошел прямо сквозь стену».

Волшебник Алеша не слишком удивился. Как всякий волшебник, он привык к самому неожиданному и необыкновенному.

И все-таки голос волшебника Алеши чуть-чуть дрогнул, когда он сказал:

— Присаживайтесь, прошу вас! — и придвинул таинственному гостю белую кухонную табуретку.

Незнакомец, как показалось волшебнику Алеше, с некоторым трудом отделился от стены и уселся на табурет.

«Какие, однако, у него неприятные глаза, — невольно подумал волшебник Алеша. — Острые… Взгляд вонзается, как колючка. И вместе с тем движения чересчур мягкие, скользящие. Впрочем, не будем делать преждевременных выводов. Для начала неплохо было бы заставить его разговориться».

— Может быть, чашку чаю? — предложил волшебник Алеша, стараясь рассеять неловкость первых минут знакомства. — Как раз закипает. Я сейчас заварю отличнейший чай. Но вы с дороги и, наверно, проголодались. Ах какой же я, право! В момент зажарю вам яичницу.

Но загадочный гость только снова покачал головой.

— Я к вам по делу и совсем ненадолго, — сказал он. Голос у него был вкрадчивый, мягкий и словно закладывал уши ватой. А его гибкие длинные пальцы все время шевелились, как будто стараясь ухватить что-то невидимое.

— По делу? — переспросил волшебник Алеша. — Пожалуйста, если я только смогу помочь. В таком случае отчего же мы на кухне? Пройдем-

те в комнату. Вот сюда.

Незнакомец неслышными шагами пошел вслед за волшебником Алешей. Он ступал так легко, словно скользил по воздуху. Войдя в комнату, незнакомец, как ночная птица, быстрым режущим взглядом поглядел по сторонам, выбрал самый темный угол и опустился в низкое кресло.

— Мне нужны ключи, — негромко сказал он.

— Ключи? — удивился волшебник Алеша.

— Да, да, ключи, — нетерпеливо повторил незнакомец. — Именно. А что же еще?

— Какие ключи, простите? — спросил волшебник Алеша.

— Как это какие? Мне нужны ключи от всех сказок! — воскликнул незнакомец и с беспокойством добавил: — Может, я не туда попал? Вечно эта путаница с адресами. Вы — волшебник, надеюсь? Хоть в этом нет ошибки?

Волшебник Алеша растерянно кивнул. По правде говоря, он ровным счетом ничего не понимал.

— Тогда у вас должны быть ключи от сказок, от всех сказок. — Тут голос загадочного гостя упал до шепота: — Мне нужны… улыбки! У одной Спящей Красавицы имеется тридцать три улыбки на разные случаи жизни. А у Золушки? Ее улыбка кроткая и печальная. А на балу, во дворце? Ее

улыбка освещает весь зал. Впрочем, я заболтался. — Незнакомец впился глазами в волшебника Алешу. — Итак, ключи от сказок. Надеюсь, они у вас?

— Ключи от сказок… Ну, не совсем так, — несколько сбивчиво принялся объяснять волшебник Алеша. — Видите ли, для того чтобы попасть в сказку, нужен не ключ, а волшебный мел. Вы рисуете этим мелом ключ на какой-нибудь двери и входите через эту дверь в любую сказку.

— Да, да! Без стука, без спроса, — лихорадочно подхватил незнакомец. Пальцы его рук опять гибко зашевелились, как водоросли под водой. — В любую сказку, куда пожелаю. Беспрепятственно. Неожиданно. Когда все беспечно спят. Я могу и ночью подкрасться… А у вас есть этот волшебный мел?

— Кажется, еще остался кусочек, — в задумчивости потер лоб волшебник Алеша.

— Дайте мне его, дайте! — глухо проговорил незнакомец. Глубоко в его глазах вспыхнул тусклый красноватый огонь.

— Но, простите, зачем он вам? — внимательно вглядываясь в незнакомца, спросил волшебник Алеша.

— Для того чтобы… — тут загадочный гость,

словно боясь проговориться, умолк и, оттолкнувшись пятками от пола, вместе с креслом отодвинулся подальше в темный угол.

Чем больше волшебник Алеша присматривался к своему гостю, тем тяжелее становилось у него на душе.

Волшебнику Алеше даже показалось, что тени из всех углов стягиваются к незнакомцу и окружают его темным кольцом.

«Нет, положительно ему нельзя доверить волшебный мел, — решил волшебник Алеша. — Совершенно неясно, что он замышляет. Думаю, что-то недоброе. Как вы считаете? О, несомненно...»

Видимо, простодушный волшебник Алеша не смог скрыть своих мыслей, и его проницательный гость догадался, о чем он думает.

— В таком случае продайте мне его. — Незнакомец наклонился вперед.

— Это вы бросьте! Я не торгую волшебством! — возмутился волшебник Алеша.

— Не притворяйтесь! — Незнакомец презрительно скривил узкие губы. — Это пустые отговорки: все на свете продается. Дело только в цене. Так назначьте ее, любезнейший. Мой повелитель щедро заплатит вам.

— Мы не поймем друг друга, — устало покачал головой волшебник Алеша. — Я не отдам вам волшебный мел ни за какие сокровища на свете. И кончим этот разговор.

Глаза незнакомца злобно сузились.

— Вы еще пожалеете об этом! — прошипел он.

Незнакомец резко вскочил, с досадой одернул зацепившийся за ручку кресла бархатный плащ.

— Вы мне угрожаете? — тихо сказал волшебник Алеша и улыбнулся.

Странный посетитель осторожным движением протянул руку, словно возле губ волшебника Алеши порхала бабочка и он хотел ее поймать. Волшебник Алеша невольно отшатнулся.

Но незнакомец тут же отступил назад, и его хищно скрюченные пальцы разжались.

— Улыбаетесь! — с бессильной яростью прошептал он. — О, если бы мы были в сказке! Там бы я быстро отнял у вас вашу доверчивую и беззащитную улыбку… А здесь… здесь я бессилен.

— Мяу! — послышался сладкий голос, и в щелку двери, вильнув плоским телом, вошел кот Васька.

Он весь лучился благодушием, уютной ленью и радостью. Он улыбался. Он просто не мог не улыбаться. Еще бы! Ведь только что кошка

Мурка, сидя возле трубы на крыше, призналась ему, что ей больше всего нравится шерсть полосатой расцветки. И мило, и практично. А вы только поищите во всем городе кого-нибудь полосатей, чем кот Васька! Уверяю вас, не найдете. Ну как тут не улыбнуться, скажите на милость!

— Нет, это уже слишком! Даже какой-то жалкий кот смеет улыбаться! — в ярости воскликнул незнакомец. Он пристально вгляделся в кота Ваську. — Что это? Да он нарисованный! Нарисованный кот! Живая сказка… В таком случае он мне подвластен!

Незнакомец сделал несколько мягких неслышных шагов, приблизился к коту Ваське, наклонился и вдруг легко, почти ласково коснулся его усов. Он как будто схватил что-то невидимое. Кот Васька испуганно отскочил в сторону, а загадочный гость попятился к стене, прячась в тень книжного шкафа.

Волшебник Алеша с изумлением увидел, что незнакомец не то уходит в стену, не то тает в воздухе.

Он становился все прозрачней, сквозь него уже начали просматриваться букетики фиалок, нарисованные на обоях.

Некоторое время на стене был еще виден сла-

бо очерченный силуэт человеческой фигуры. Но скоро и он исчез. И только шляпа незнакомца с длинным павлиньим пером, покачиваясь, осталась висеть на стене, случайно зацепившись за гвоздь.

— Ничего себе! — с трудом переведя дух, сказал волшебник Алеша. — Немало я повидал за свою жизнь, но такого… Что скажешь, друг Васька?

Тут волшебник Алеша увидел, что кот Васька, встав на задние лапы и отчаянно вытянув шею, заглядывает в старинное зеркало, висящее над столом. Кот Васька озабоченно поворачивал голову из стороны в сторону, топорщил усы, шевелил ушами.

— Что ты кривляешься? Придумал еще — смотреться в зеркало. Что за мода! — сердито прикрикнул на него волшебник Алеша.

— Да, пускаете в квартиру всех, даже не спрашиваете «кто?», — проворчал кот Васька, продолжая разглядывать себя в зеркало. — И вот, пожалуйста, уж и не знаю, как он ухитрился, а только схватил мою улыбку и — в карман. Мало того, что я нарисованный, теперь и без улыбки остался!

— Не может быть! — воскликнул волшебник Алеша.

Он подхватил кота Ваську, оглядел его и посадил перед собой на край стола.

— Довольно глупостей, сейчас же улыбнись! — строго приказал он.

Кот Васька поднял на него несчастные, испуганные глаза.

— Не могу, — жалобно сказал он. — Не получается. Пропала моя улыбочка, как мышь в понедельник.

Глава III
Джинн в голубом термосе.
И главное:

волшебник Алеша отправляется в сказку

Волшебник Алеша налил стакан крепкого чая, да так и забыл его выпить.

«Странно, можно даже сказать — невероятно, — рассуждал волшебник Алеша, припоминая визит таинственного незнакомца. — Для чего ему понадобился волшебный мел? И потом — отобрать улыбку у нарисованного кота? Зачем, спрашивается?»

Кот Васька, свернувшись клубком, спал на диване. Его от всех огорчений клонило в сон.

— Посплю подольше, — в таких случаях говорил кот Васька. — Проснусь, а, может быть, все неприятности разбежались. Или их, как собак, на цепь посадили.

В передней послышались голоса, топот ног.

— Входите! Кто там? — позвал волшебник Алеша.

В комнату вбежали Вася Вертушинкин и Катя. Оба запыхались.

— Дядя Алеша, — торопясь и волнуясь, начал Вася Вертушинкин и положил на стол перед волшебником Алешей рисунок, скатанный в трубочку. Бумага развернулась, чуть загибаясь по краям. — Я нарисовал… Может, вам некогда, вы чай пьете… Здравствуйте! А то я не поздоровался. Вот смотрите!

Волшебник Алеша отхлебнул глоток чаю.

— Ну, грустный город, вижу, — сказал волшебник Алеша, разглядывая рисунок. — Что ж, очень неплохо, надо признаться. Только не пойму, почему тебе пришло в голову нарисовать столько грустных людей? И все вокруг такое грустное. Эти дома, башни, даже снежинки.

— Да они сами, честное слово! — закричал Вася Вертушинкин. — Я не хотел! Я их веселыми нарисовал. А они сами взяли и загрустили.

— Не может быть, — изумился волшебник Алеша.

Катя наклонилась над рисунком, закусила зубами кончики косичек, чтоб не свисали вниз, не загораживали нарисованный город.

— У этой девочки что-то блестит вот тут, — сказала Катя и потрогала пальцем свою щеку. — Слеза?

— Странно, весьма странно. — Волшебник Алеша тоже наклонился над рисунком. — Может быть, тебе только показалось, что ты их веселыми нарисовал? Думал о чем-нибудь печальном, вот они такими и получились?

— Да нет же. Правда, они сами, честное слово, — упрямо повторил Вася Вертушинкин.

— Тогда вот что. — Волшебник Алеша потер лоб ладонью. — Я дам тебе краски. Попробуй-ка их

немного развеселить.

Волшебник Алеша достал из ящика письменного стола кисточки и краски, и Вася Вертушинкин принялся снова старательно рисовать улыбки.

Он начал с большеглазой девочки. Ее лицо от улыбки сразу ожило, посветлело, на щеках засветился нежный румянец. Ветер раздул голубую юбку, похожую на цветок колокольчик.

Вот уже заулыбалась девушка с золотыми волосами, похожая на нищую принцессу. От ее волос повеяло мягким теплом.

Вася Вертушинкин еще рисовал улыбку женщине в пестром платье… А большеглазая девочка уже перестала улыбаться, румянец ее погас. Девушка и юноша разжали руки, будто между ними, разлучая их, встала печаль.

И снова толпа грустных людей стояла на площади грустного города, и сверху на них падали крупные розы-снежинки.

— Эта девочка, — прошептала Катя, — до чего же она грустная. А глаза какие большущие… Мне почему-то кажется, ее так и зовут: Глазастик.

— Невероятно! О!.. — Волшебник Алеша выпрямился и потер поясницу. — Никогда бы не поверил, если бы не увидел собственными глазами. Они не могут улыбаться!

— И я не могу. — Кот Васька зашевелился на диване, сокрушенно вздохнул. — Нет у меня больше моей милой, обаятельной улыбки. Вот скажите, как я теперь во двор выйду? Кому я теперь без улыбки нужен?

Кот Васька прыгнул на стол, уселся прямо посередине рисунка, поднял кверху морду, чтобы все видели, какой он грустный и несчастный.

— Такая тоска на душе, — пожаловался он. — Думал, посплю, легче станет… Нет! Даже сливок не хочется.

Волшебник Алеша взял кота Ваську, посадил к себе на плечо.

— Все это достаточно необычно, все это надо хорошенько обдумать, — сказал волшебник

Алеша, рассеянно смахивая кошачью шерсть со своей уютной домашней куртки. — Если вы не возражаете, ребятки, рисунок я оставлю у себя. А вы пока идите веселитесь. К тебе, наверно, уже собираются гости, Катя.

Катя ахнула и схватилась за щеки. Ну конечно же, как она могла забыть. И мама, наверно, волнуется.

Ребят словно ветром сдуло. А волшебник Алеша сел на стул и, глядя на странный рисунок, погрузился в глубокое раздумье.

Одно было очевидно: в какой-то сказке случилась беда. Но что это за сказка? Что там стряслось? Чем можно помочь этим грустным людям? Их печальные, омраченные лица словно взывали о помощи и участии.

«С джинном, что ли, посоветоваться? — с сомнением подумал волшебник Алеша. — Нет, к услугам джинна надо прибегать только в самых крайних случаях. Как вы считаете? О, несомненно… Но, может быть, это и есть как раз тот самый крайний случай?»

Волшебник Алеша вздохнул и достал с полки голубой термос. Он смахнул ладонью пыль с пластмассовой крышки и вытянул потемневшую пробку.

Послышался оглушительный грохот и свист.

Из горлышка термоса, рассыпая мерцающие искры, вырвалась тонкая струйка дыма. Разрастаясь, она поднялась до самого потолка, сгустилась, темнея, и превратилась в огромного джинна.

От его могучего дыхания качнулась люстра, взлетели к потолку шторы.

«Любит старик эффекты. Древнейший, можно сказать, джинн, а ведет себя хуже мальчишки, — не без досады подумал волшебник Алеша. — Впрочем, может быть, я не прав, и в этом есть своя особая прелесть…»

— Послушай, как насчет того, чтобы отправиться со мной в сказку? — спросил волшебник Алеша.

— В сказку, о мой благородный повелитель? — в восторге завопил джинн. — Мои ничтожные уши не ослышались? В сказку? О, как я счастлив! Сколько унылых тысячелетий я безнадежно мечтал об этом, обливаясь слезами!

— А ты не отвык от сказки? — немного засомневался волшебник Алеша. — Ты вот телевизор любишь смотреть, на такси кататься. А на той неделе, помнишь? Удрал из квартиры и два часа ездил в лифте вверх-вниз, вверх-вниз. Ох, боюсь, боюсь, забыл ты, что такое сказка. Королевские

дворцы, стража и всякое прочее.

— Не сомневайся! — самодовольно усмехнулся джинн. — Сказка — мой дом родной. Я, можно сказать, воспитан в королевских дворцах, на коврах, среди мраморных колонн. Смело положись на меня во всем, о повелитель!

— Ты еще учти, что мое волшебство там бессильно, — прервал его волшебник Алеша. — В сказке я просто гость. Обычный гость, не более того. Так что всякое может случиться.

— О повелитель! Клянусь чудесным термосом, это будет для тебя веселой прогулкой! — взревел джинн. — Пикник на зеленой полянке. Отдых в выходной день. Я буду сдувать с тебя пушинки, ты не будешь знать в сказке никаких забот!

— Что ж, в таком случае отправимся в сказку, — с невольным вздохом сказал волшебник Алеша. — Остается только выбрать дверь, на которой нарисовать ключ волшебным мелом.

— А чем тебе не подходит этот милый книжный шкаф, о повелитель? — предложил джинн, стараясь сдержать раскаты могучего голоса. — Клянусь своей чалмой, в этом шкафу столько волшебных книг, что он просто насквозь пропитался волшебством. А как таинственно скрипят его дверцы!

— Подходит, — рассеянно кивнул волшебник Алеша. — Что ж, пожалуй, последую твоему совету.

— Неужели скоро я окажусь в сказке! — Джинн оглушительно прищелкнул языком от удовольствия.

Затем деликатно, на цыпочках, чтоб не потревожить волшебника Алешу, подошел к термосу, начал сжиматься, таять и, наконец превратившись в тонкую струйку дыма, исчез в узком горлышке.

— В сказку? Наконец-то… О, как я счастлив! — затихая, донеслось из термоса.

Волшебник Алеша плотно завинтил термос и поставил его на край стола. Шею закутал толстым вязаным шарфом. Совершенно неизвестно, какая погода ожидает его в сказке. Затем он принялся выдвигать один за другим ящики письменного стола.

Волшебный мел! Он должен быть где-то тут. Наконец волшебник Алеша отыскал его в старой железной коробочке из-под чая.

С трудом сдерживая волнение, волшебник Алеша нарисовал на дверце книжного шкафа большой ключ старинной формы, украшенный сложным узором.

Главное — ничего не забыть! Так-так. Носовой платок. В сказку без носового платка? Ни в коем случае. Термос с джинном? Непременно. Коробок спичек? Обязательно. Ах да! Захватить еще шляпу сегодняшнего таинственного гостя. Надо при случае вернуть ее владельцу. Вдруг он повстречает его в сказке.

Волшебник Алеша снял с гвоздя шляпу с павлиньим пером. Ему показалось, что иссиня-зеленый глаз на конце пера странно подмигнул ему.

«Да, да, да! Вот еще что! Надо взять с собой волшебный мел», — сам себе напомнил волшебник Алеша. Он завернул мел в серебряную бумажку

и сунул в карман.

Ну, теперь, кажется, все. Кажется, ничего не забыл. Осталось только остановить волшебные часы.

Волшебник Алеша подошел к часам, придержал рукой маятник. Теперь время для него остановилось. Теперь он вернется домой из сказки в тот самый миг, как остановился маятник.

Чуть громким от волнения голосом волшебник Алеша проговорил заклинание:

Сказка, близко иль далеко,
Сказка, низко иль высоко,
Где ты прячешься теперь?
Открывайся в сказку дверь!

Протяжно заскрипели дверцы старого книжного шкафа и медленно растворились.

Волшебник Алеша невольно задержал в груди дыхание, зажмурился и шагнул прямо в книжный шкаф.

Ему показалось, что воздух как будто уплотнился. Верхняя полка книжного шкафа, которую он недавно вставил, пришлась как раз на уровне груди. Волшебник Алеша почувствовал легкий толчок, словно полка прошла сквозь него.

— Ты в сказку? И конечно, в ту самую! — вскри-

чал кот Васька. — И я с тобой! Нет, я выцарапаю назад свою улыбку у этого ворюги, у этого нахала! Уж будьте спокойны!

Кот Васька одним махом слетел с дивана. Волшебник Алеша даже не заметил, как он проскочил у него между ног.

— Дядя Алеша, у вас дверь не заперта! — послышался запыхавшийся Катин голос.

Катя весело вбежала в комнату. Она держала тарелку, на которой лежал большой кусок торта.

— Мама сказала, чтобы я вас угостила! — закричала Катя. — Он вкусный-вкусный-превкусный! Это я сама пекла.

Катя вбежала как раз в тот момент, когда волшебник Алеша проходил сквозь книжный шкаф. Она еще успела увидеть спину волшебника Алеши и перекинутый через плечо конец мохнатого полосатого шарфа.

— Дядя Алеша, вы куда? — воскликнула Катя. — А торт попробовать? Хоть кусочек. А то я обижусь…

И Катя просто влетела вслед за волшебником в распахнутый книжный шкаф.

Но волшебник Алеша уже не слышал Катиного голоса. В лицо ему ударил стремительный, слепящий порыв ветра. Очки сползли ему на нос.

Волшебник Алеша загородился локтем от острых снежинок, стараясь не уронить при этом термос да еще удержать шляпу с извивающимся на ветру пером…

Ветер внезапно утих. Волшебник Алеша поправил очки и огляделся.

Он стоял на площади сказочного города.

Был вечер. Смеркалось. В узких окнах, приседая, пугливо мигали язычки свечей. Тихо позванивая, падали небывало крупные розы-снежинки.

— …Хоть кусочек! — крикнула Катя и налетела сзади на волшебника Алешу. Она ахнула и уронила тарелку с тортом.

— Не могли предупредить, что тут зима, — проворчал кот Васька, прижимаясь к ноге волшебника Алеши.

— П…постойте, друзья, вы-то как тут очутились? — заикаясь, спросил волшебник Алеша. — Вас только не хватало! Катя, ты зачем?..

Но Катя, казалось, не слышала вопроса. Широко открытыми глазами она смотрела на незнакомый город, на островерхие крыши, с которых местами сполз снег, открыв отсыревшую темную

черепицу.

— Это… это у вас за шкафом? — еле слышно прошептала она.

— Ну, успокойся, Катя, ничего, ничего. Ты только… Ну не надо… — сбивчиво проговорил волшебник Алеша, стараясь успокоить бледную и перепуганную девочку. — Это только вначале так необычно. Приглядишься — и ничего.

— Нет, правда, где вы это прятали? — Катя тесно прижалась к волшебнику Алеше. — Ой, какие дома! А снежинки какие большие. Чудеса!

— Совершенно верно, девочка, именно чудеса, — уже несколько спокойней сказал волшебник Алеша и смахнул с плеча Кати розу-снежинку с прозрачными лепестками. — Дело в том, что мы попали в сказку. Но нет никаких оснований для беспокойства и страхов. У меня с собой — волшебный мел. Сейчас я нарисую ключ на любой двери, и ты без промедления тут же окажешься у себя дома!

Волшебник Алеша сунул руку в карман, нащупал твердый кусочек мела и огляделся.

— Хм, да… — несколько растерянно протянул он. — Нарисовать ключ… Опасаюсь, что двери этих домов не совсем подходят. Вон как их замело, совсем занесло снегом. Боюсь, что на такой

двери ключ не нарисуешь, только мел искрошится. Впрочем, в любой сказке столько подходящих дверей, не сосчитать!

— Лично я пока домой не собираюсь, — проворчал в усы кот Васька. — Лично мне надо еще кое с кем повидаться и поговорить по душам. Не желаю я всяким проходимцам дарить свою улыбку!

— И я хочу здесь еще немножко побыть, дядя Алеша, а дядя Алеша, можно? — жалобно попросила Катя.

Волшебник Алеша достал из кармана кусок мела, завернутый в серебряную бумажку, вложил Кате в руку и сжал ее пальчики.

— Хорошо, девочка. Но вот что… Волшебный мел все время должен быть у тебя. На всякий случай. Чтоб ты могла в любой момент… Тогда я буду спокоен.

Ах, волшебник Алеша, волшебник Алеша! Ну как можно так уверенно, так легкомысленно говорить: «Я буду спокоен». Ведь мы не знаем, что с нами может случиться ровно через минуту, а тем более, тем более в сказке!

Глава IV
Король Краподин Первый. И главное: золотые поющие колокольчики

Ступени, кружась вокруг каменного столба, уходили вниз, в темноту.

Король осторожно, боясь оступиться, спускался по скользким ступеням. Снизу тянуло сыростью

и гнилью. Мерно падали капли воды, как стеклянные, разбивались о каменные ступени, стекали в трещины, обведенные ржавым мхом.

Откуда-то снизу, из глубины, появился слабый неровный свет — это был свет факела.

Король услышал глухое тоскливое бормотанье.

— О, великая тайна, не мучай меня, откройся! Покорись моей воле и искусству. Кажется, ты рядом — и вновь ускользаешь из рук. Я собрал воедино все самое черное, безнадежное, темное, что только есть в мире: угли дьявольского костра, перья ворона, совесть убийцы, черные зубы дракона. Все облил ядом гадюки. Три дня кипятил в медном котле… И все-таки это не то, не то…

«Старый, выживший из ума Мираклюс, — с раздражением подумал король. — Если бы я мог, я не медля приказал бы слугам гнать тебя взашей. Но я вынужден ждать, слушать твой бред да еще спускаться в это проклятое подземелье. А здесь так промозгло и холодно, даже дверная ручка позеленела от сырости. Того и гляди, схватишь насморк. Только этого не хватало».

Король поплотней запахнул тяжелый бархатный плащ.

Двое неподвижных стражников, казалось, сторожили собственные тени. Тени, как живые,

зашевелились за их плечами, когда в открывшуюся дверь влетел сквозняк и распластал по стене пламя факелов.

Посреди подземелья на огромном столе в беспорядке стояли всевозможные колбы, реторты, мраморные ступки. Валялись пожелтевшие свитки, древние книги с медными застежками.

В очаге пылали дрова. Пламя жарко лизало дно медного котла, подвешенного на цепях. Человечек крошечного роста, тщедушный и хрупкий, чуть приоткрыв крышку котла, сыпал туда черный порошок.

Это был Мираклюс, магистр Мираклюс. Его ярко-голубые глаза казались фарфоровыми. У него был взгляд безумца или человека, одержимого одной-единственной мыслью.

Мираклюс считал себя великим музыкантом. С трудолюбием муравья выучился игре на всевозможных инструментах. Долгие годы скитался по городам, скупая бесценные старинные скрипки и темные виолончели, в которых, казалось, поселились сумерки. Он жил как повелитель целого царства молчаливых и покорных слуг, готовых по его воле зазвучать и запеть.

Но власть эта была призрачной. Музыка не хотела покориться ему. Скрипка под его смычком пронзительно взвизгивала, флейта пищала, а звук виолончели напоминал голос бранчливой рыночной торговки.

«Нет, все равно я великий музыкант, — утешал себя Мираклюс. — Виноваты эти грубые, жалкие флейты и арфы. Я должен отыскать инструмент, достойный моего несравненного таланта. Тогда весь мир заговорит обо мне».

По соседству, под самой крышей маленького дома, на чердаке, жила юная кружевница Миэль. Девушка частенько сидела возле узкого окна, подперев щеку кулачком, разглядывала летящие мимо снежинки. А потом плела кружева, легкие и мерцающие, как падающий снег.

Однажды Мираклюс услышал звуки прекрасной незнакомой музыки. Чистая мелодия лилась, поднималась куда-то ввысь, улетала и вновь возвращалась. От нее веяло живым теплом, она рассказывала о скорой весне, о первых робких подснежниках, о любви.

Мираклюс выбежал на улицу. Перед домом Миэль стоял высокий, немного сутулый юноша с черными волосами, густыми прядями падавшими на плечи.

Он играл на скрипке, а кружевница Миэль сидела у окна и задумчиво слушала, по привычке подперев щеку маленьким кулачком.

— Продай мне твою скрипку! — бросился к нему Мираклюс. — Я заплачу за нее вдесятеро больше, чем она стоит!

Но музыкант только покачал головой.

— У меня нет ничего, кроме этой скрипки. Я не продам ее.

— Целый кошель золота. Никто не заплатит тебе больше. Ты еще пожалеешь, — упрашивал и угрожал Мираклюс.

— Нет, нет, нет, — твердил свое юноша.

«Я не ошибся. Весь секрет в скрипке, — решил Мираклюс. — Не может этот жалкий мальчишка играть так прекрасно, так вдохновенно. Ах хитрец, ах проныра! Теперь понятно, почему он не продал мне эту скрипку!»

В тоске бродил Мираклюс по пустынным комнатам своего дома, не прикасаясь больше ни к одному инструменту, а пыль и паутина натягивали на них серые покрывала.

Однажды на стук молочницы никто не открыл дверь. Мираклюс исчез. Ни один человек не знал, где он. Умер или ушел бродить по свету.

На самом деле его пристанищем стало глубокое подземелье королевского дворца. Со страстью принялся он изучать черную магию, пытаясь раскрыть ее мрачные туманные тайны.

«Я создам самый совершенный инструмент, которому нет подобных, — мечтал Мираклюс. — И тогда люди поймут: я величайший музыкант в мире. Все птицы беспечно поют и щебечут, но надо иметь золотое соловьиное горло».

Король, с трудом скрывая досаду, слушал его бессвязные речи, не мешал ему жить в стране путаных грез и сновидений…

Итак, король Краподин Первый, зябко кутаясь в плащ, переступил порог глубокого подземелья.

— Ну, чем ты порадуешь нас сегодня, Мираклюс? — с трудом сдерживая нетерпение, спросил король.

— Взгляните сюда, ваше величество! — Мираклюс чуть приподнял крышку медного котла. — Взгляните сюда!

В котле кипела и бурлила черная как ночь маслянистая жидкость. На миг что-то золотое, разбрызгивая лучи, засветилось, поднявшись со дна котла. Но Мираклюс поспешно опустил крышку.

— Улыбки, улыбки, моя единственная отрада, моя мечта! — Мираклюс с нежностью и дрожью прикоснулся к узорной крышке котла и тут же отдернул руку. — О, бесценные улыбки! Вы здесь! И хоть на короткий миг я могу видеть ваш ослепительный блеск.

Да, да, друзья мои, приготовьтесь узнать нечто удивительное! Я понимаю, это слишком невероятно, и все-таки прошу вас мне поверить. Все было именно так.

В тайных колдовских книгах разыскал Мираклюс проклятый секрет, как отбирать у людей их заветное сокровище — улыбку.

И тогда король Краподин Первый послал по дорогам, тропинкам, городам и селеньям тайных сборщиков улыбок. Неслышно, как тени, входили они во все дома, во все хижины и лачуги. Они прислушивались, не звучит ли где тихий затаенный смех, приглядывались, не мелькнет ли у кого-нибудь на губах случайная улыбка. Равнодушные и безжалостные, они отнимали у всех жителей королевства улыбки и уходили, оставляя после себя мертвую тишину и отчаяние.

Эти улыбки магистр Мираклюс превращал в золотые поющие колокольчики на дне своего дьявольского котла.

Но золото это обладало одним поистине удивительным свойством. Стоило только упасть на золотой колокольчик случайному отблеску солнца, робкому лучу свечи, как колокольчик тут же вновь превращался в улыбку.

Колокольчик таял в воздухе, слышался еле уловимый щекочущий смех, и улыбка вновь возвращалась к своему владельцу.

Конечно, королевские сборщики улыбок без труда находили беглянку. По особому блеску

глаз, по дрожанию губ они обнаруживали улыбку и снова отбирали ее.

Но что толку! Вновь превращал улыбку в золотой колокольчик магистр Мираклюс. Однако капризное золото по-прежнему исчезало при первом луче света.

«Если старик исполнит свое обещание, — стараясь унять дрожь, подумал король, — если и вправду колокольчики перестанут бояться света, тогда... О, только бы убить улыбки, убить это живое золото! Я тотчас же прикажу перелить все колокольчики в монеты, в полновесные золотые монеты. Я стану богат, несметно, неслыханно богат. Тогда прощай, жалкий фантазер Мираклюс, прощай, моя невеста, королева Ветреница...»

— Если золото перестанет бояться света, — простонал где-то у ног короля магистр Мираклюс, — я сделаю из поющих колокольчиков чудесный музыкальный инструмент. Ведь у каждого колокольчика свой дивный неповторимый голос. А когда они зазвучат все вместе — это будет поистине золотая музыка. Тогда слава, как служанка, покорно и униженно сама постучит в мою дверь!

Так оба этих человека, глядя на пылающие угли в очаге, мечтали каждый о своем.

— Что ж, пора! — решительно сказал король. —

Туши свечи, Мираклюс. Я забираю колокольчики, уношу их. Ты слышал, старик? Задуй свечи!

— Какая печаль!.. — Мираклюс заломил худые узловатые руки. — Как тяжко с ними расставаться! Когда я увижу их снова? Когда?

— Это зависит от тебя, только от тебя, — вкрадчиво проговорил король.

— О, ваше величество! — Глаза Мираклюса ярко блеснули. — Случайно в одной древней забытой книге я прочел таинственные слова: «Кромешный мрак убивает свет». Эти слова пронзили меня, как клинок. Они живут во мне. «Мрак убивает свет, мрак убивает свет…» — будто кто-то день и ночь шепчет мне на ухо. И вот, не зная ни сна, ни отдыха, я ищу секрет эликсира мрака. Я собрал воедино все темное, черное, беззвездное. Порой мне кажется, я уже близок к заветной тайне. Но нет! Эликсиру еще не хватает колдовской силы, чтоб убить золотые улыбки. Мертвые, они уже не будут бояться света. Клянусь, скоро мой эликсир соберет весь мрак и ужас вселенной! И тогда…

— Довольно болтовни, я уже слышал это, — нетерпеливо прервал его король. — Я приказываю: туши свечи!

Мираклюс плеснул водой на раскаленные угли

в очаге. Угли зашипели, вспыхивая и шевелясь как живые. Мираклюс одну за другой потушил все свечи. Звякнула медная крышка котла.

В темноте послышался прерывающийся голос Мираклюса:

— Вот они, людские улыбки — лукавые, шаловливые, нежные! Пусть эти люди никогда не смогут улыбнуться, но наступит час — и они услышат музыку, очищающую душу. А!.. Вот он у меня в руках, маленький колокольчик, маленький колокольчик — это улыбка ребенка! Вы только послушайте, как он звенит! Впитайте в себя его звон.

Подземелье наполнил негромкий ясный звон, свежий и прозрачный.

— А-а! — пронзительно закричал Мираклюс. — Теперь послушайте этот! О мой чудесный колокольчик! Это — улыбка матери!

Под нависшими сводами поплыл ласковый, убаюкивающий звон, глубокий и нежный.

— Дай мне их! Ну дай же мне их скорее! — протягивая руки в темноту, проговорил король. — Вот они! Какие они тяжелые! Тяжеленькие, и как их много…

Король с жадностью схватил золотые колокольчики. Он пересчитывал их в темноте, сбивался

со счета, начинал сначала.

— Вот последний колокольчик, — с печалью и страданием проговорил Мираклюс. — Как больно, как тяжко мне расставаться с ними. Неужели вы, как всегда, унесете их, не оставите мне ни одного?

— Еще бы! Конечно, унесу, — проворчал король. Он заботливо завернул колокольчики в свой черный бархатный плащ. — Конечно, унесу и спрячу в надежное местечко. Никто не знает, где я храню бесценные колокольчики. Это тайна, великая тайна. Впрочем… Даже если бы кто и узнал, где они спрятаны, все равно туда не доберется самый ловкий вор, самый искусный взломщик. Это не в человеческих силах, потому что… Но тсс! Довольно об этом.

— Да, да, спрячьте их понадежней, ваше величество, — замирающим голосом проговорил Мираклюс. — Это хорошо и разумно. Да, да, схороните их понадежней, заприте. Спрячьте их до поры до времени, мои колокольчики.

— Ну, скорее зажги свечи. — Король лязгнул зубами от холода. — Какая здесь, однако, болотная сырость. Я совсем окоченел. Ах, я, кажется, сейчас чихну. Терпеть не могу чихать в темноте. Нет, не иначе как я схватил насморк!

Король отчаянно боялся простуды, и насморк казался ему величайшим несчастьем.

Магистр Мираклюс, тихо вздыхая про себя, зажег свечи в высоких подсвечниках. Язычки огня, распрямляясь, осветили сырые низкие своды.

Король направился к двери, ведущей из подземелья, и вдруг чуть не упал, споткнувшись о груду черных камней, небрежно сваленных у порога.

— Я мог упасть и рассыпать колокольчики, — в ярости прошипел король. — Что это за мерзкие камни?

— Это? — Мираклюс на мгновенье смущенно замялся. — Не удивляйтесь, ваше величество. Все улыбки бедняков, мечтателей, художников, веселых бродяжек давно отобраны. Теперь сборщики улыбок приносят мне улыбки придворных, доносчиков и льстецов. Вернее, ухмылки, по-другому их не назовешь — такие они алчные, злобные, завистливые. Я читаю колдовское заклинание. Но не в золотые колокольчики превращаются они, а в уродливые камни.

— На что мне эти черные камни? Выброси их, вышвырни. Мне нужно золото, много золота! — Тут король повернулся к Мираклюсу и настороженно поглядел на него. Подозритель-

но прищурился. — Постой, постой, а моя улыбка? Скажи мне, маленький Мираклюс, во что превратилась моя добрая, обаятельная улыбка? В золотой колокольчик, в алмазный? Говори же!

Магистр Мираклюс с виноватым видом отвел глаза.

— Увы! — в замешательстве проговорил он и протянул королю на дрогнувшей ладони невзрачный камушек жгуче-черного цвета. — Вот ваша улыбка…

Король оттолкнул руку Мираклюса.

— Лжешь, старик, я не верю тебе! Не верю ни одному твоему слову. А эликсир мрака? — Король недобрым взглядом впился в лицо Мираклюса. — Может, ты и тут хитришь, морочишь меня, нарочно тянешь время? Смотри, со мной шутки плохи. Даю тебе три дня сроку, не более. Если через три дня эликсир не будет готов… Запомни, Мираклюс, из бездельников получаются отличные висельники!

Король так резко захлопнул за собой дверь, что порыв ветра сорвал с фитилей языки пламени и погрузил в беспросветную тьму подземелье и магистра Мираклюса…

Король поднимался по крутым ступеням, торопясь оставить внизу сырость и темноту.

Чем выше он поднимался, тем громче становился голос ветра.

Там, снаружи, словно все ветры мира свились в кольцо вокруг королевского дворца.

Они пересвистывались, завывали на разные голоса. Косо летели голубые снежинки. Прогремел лист железа, сорванный с какой-то крыши.

«Это она, моя невеста, королева Ветреница. Она летит, она уже близко…» — зябко передернув плечами, подумал король.

На верхней площадке лестницы короля поджидали придворные и его любимец барон Нибумбум.

— Какая прелестная погода, ваше величество! — воскликнул барон Нибумбум. — Не понимаю только, почему сегодня все петухи в королевстве передрались и так громко хлопают крыльями?

Барон Нибумбум считался первым глупцом в королевстве. Он смотрел на всех наивными доверчивыми глазами и вечно молол всякую чепуху. Но король подозревал, что он из хитрости прикидывается таким дуралеем, и потому не слишком доверял ему.

— Ее величество королева Ветреница ожидают вас, — с поклоном сказал барон Нибумбум.

Страна королевы Ветреницы находилась

как раз по соседству с владениями короля Краподина Первого.

Население этой страны было на редкость шумным, беспокойным и непоседливым. Впрочем, и неудивительно — ведь там жили ветры.

Когда королева решала навестить своего жениха, она приказывала отпереть тяжелые чугунные ворота. И тогда вслед за своей повелительницей в распахнутые ворота со свистом вырывались ее прозрачные слуги: ветры, вихри и сквозняки.

Стоило королеве появиться во дворце Краподина Первого, как все двери начинали хлопать, занавески взлетать к потолку.

Мелкие ветерки, пажи королевы, лукавые и любопытные, проникали во все щели и замочные скважины, заглядывали в кастрюли на кухне, гремели крышками, шалили с оборками и прическами придворных дам. Борзые и гончие королевы, прозрачные, чуть видимые, с лаем носились по лестницам. Дуло и сквозило из всех углов. На разные голоса завывали каминные трубы, будто в каждой поселилось больное привидение.

«Нет, королева Ветреница вовсе не в моем вкусе, — думал Краподин Первый, переходя из зала в зал, а невидимые придворные королевы со сви-

стом сгибались в поклонах. — Она вся сквозная, порывистая. Эти ускользающие глаза и быстрые пальчики… Бр-р!.. А характер? Непостоянный, капризный. Как говорится, ветер в голове! В любой момент может сдуть меня с трона. К тому же каждый день что-нибудь новенькое. Сегодня у нее северное настроение, завтра — южное. «Ах как мне холодно! Согрейте меня!» И южные ветры согревают ее, кутают в меха прозрачных соболей и лис. «Ах, мне жарко! Остудите меня!» И северные ветры пудрят ее ледяной пылью. А мне каково? Непременно чихну или в ухе стрельнет. Нет, мне нужна совсем другая жена: милая и нежная. Теплая и послушная. И главное — каждый день одинаковая. Барон Нибумбум недавно рассказывал мне что-то о красавице с золотыми волосами. Я люблю все золотое… Однако пока королева Ветреница мне необходима. Я должен ждать, ждать до тех пор… Но, тсс! Об этом даже думать опасно. Проклятый сквозняк так и свистит в ушах. Наверно, он хочет подслушать мои мысли».

Король на мгновение остановился. Взглядом выделил из толпы придворных человека с холодными острыми глазами и мягкими вкрадчивыми движениями. Тускло-серый бархатный плащ,

вышитый узором из блестящих снежинок, падал до земли. В руке он держал шляпу с длинным павлиньим пером.

Это был Главный Сборщик Улыбок, самый опасный и влиятельный человек при дворе.

— Ну что, ты выполнил мое поручение? — резко и нетерпеливо повернулся к нему король. — Достал ключи от всех сказок, как я тебе приказал?

— К сожалению… — Главный Сборщик Улыбок с огорченным видом развел руками, склонился в поклоне. — Этот волшебник, к которому я проник, оказался на редкость глуп и упрям. Бестолков и совершенно лишен здравого смысла. Я предложил ему кошель золота за кусочек мела, но он отказался. Непостижимо! Я давно заметил: эти волшебники — такой странный народец.

— Проклятье! — У короля от злости потемнело лицо. — Тем более я должен беречь… — Он с жадностью прижал к себе завернутые в край плаща колокольчики. Один из колокольчиков слабо прозвенел, безнадежно и печально. — Обо всем этом после, после, сейчас я тороплюсь. Моя невеста, королева Ветреница, уже прибыла и ожидает меня.

Прошло совсем немного времени, и от придворного к придворному полетел еле слышный

тревожный шепоток:

— Человек-ключ… Человек-ключ… Дверь-загадка… Король приказал… Человек-ключ…

Этих коротких слов было достаточно, чтоб на дворец опустилась гнетущая тишина. Дворец словно вымер. Слуги, бледнея, разбежались, придворные попрятались.

В конце пустой зеркальной галереи появились четыре стражника. Они вели стройного худощавого юношу со спутанными белокурыми волосами. Он шел медленно, неуверенно ступая, закрыв бледное лицо руками, как будто дневной свет жег ему глаза.

Угрюмые и молчаливые стражники остановились перед тяжелой дверью из гладкого темного дуба, по углам окованной медью. Странная это была дверь: без замочной скважины и дверной ручки.

Торопливо вошел король. Левой рукой он прижал к себе нечто бережно укутанное бархатным плащом. Пальцы правой руки скрючились и дрожали. Вдруг на его ладони что-то засверкало, остро, льдисто, рассыпая бриллиантовые лучи.

— О мои руки, такие нежные и зябкие! — простонал король. — Какой холод, я не выдержу… Я отморожу пальцы!

Король нетерпеливыми быстрыми шагами подошел к юноше. Стражники отступили в сторону. Темные и безгласные, они скрылись за колоннами.

— Трот, замочных дел мастер! Помнишь ли ты свою невесту? — в глубокой тишине негромко, но внятно спросил король.

И вдруг словно слабый луч солнца прошел по изможденному лицу юноши, лишенному всех красок жизни.

Его губы дрогнули, и он улыбнулся. Улыбнулся туманной улыбкой утраченного счастья.

И в тот же миг, в тот же самый миг, словно отвечая его улыбке, дверь-загадка медленно, с таинственным скрипом отворилась сама собой.

Король поспешно шагнул через порог, и тяжелая дверь с грохотом тотчас захлопнулась за ним.

Стражники появились из-за колонн.

— Я не хочу снова туда, в темноту… — глухим, измученным голосом проговорил юноша. — В этом мраке меркнут, гаснут ее золотые волосы. Я не могу удержать в памяти ее глаза, ее кроткое нежное лицо.

Юноша рванулся, пытаясь освободиться, но стражники окружили его, скрутили ему руки.

Они снова повели его притихшими безлюдными залами. Куда-то вниз по лестницам, все ниже, глубже в темноту.

Да, немало тайн скрытно и молчаливо хранили мрачные подземелья дворца Краподина Первого!

И все же, друзья мои, все же кое-что проясняется в этой загадочной истории.

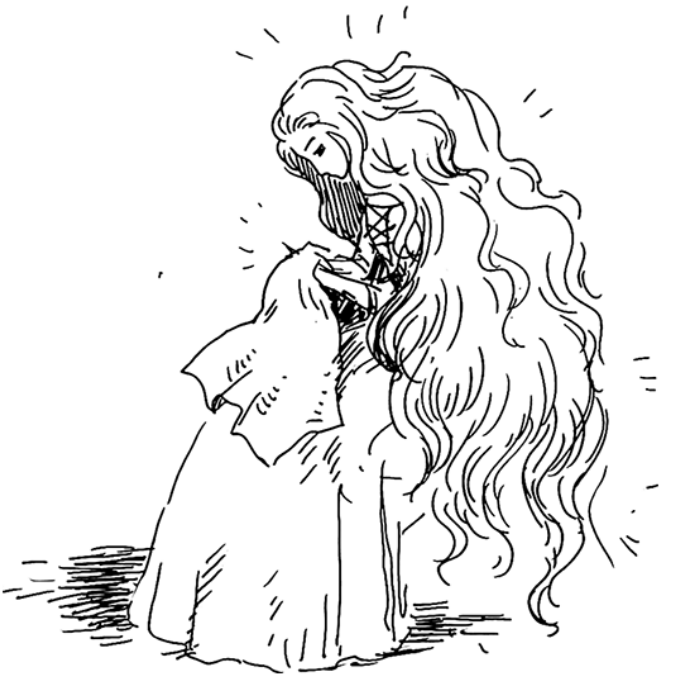
Теперь мы знаем, кто был тот странный незнакомец, в сером плаще и шляпе с павлиньим пером, столь неожиданно появившийся на кухне волшебника Алеши.

Да, да! Совершенно верно. Это был Главный Сборщик Улыбок. Теперь становится понятным, зачем понадобился ему волшебный мел. Добавим еще: какое счастье, что волшебник Алеша сразу заподозрил недоброе…

Но, однако, довольно. Нам пора, давно пора вернуться к нашим друзьям. Как вы, наверно, помните, волшебник Алеша с термосом под мышкой, Катя и кот Васька неожиданно очутились на пустой заснеженной площади старинного сказочного города.

Итак, не будем медлить, поскорее отправимся туда и посмотрим, что же там происходит.

Глава V
Кот Васька боится улететь.
И главное:



— Начнем с того, что не будем волноваться, — сказал волшебник Алеша, глядя на своих притихших друзей. — Ты, Катя, застегнись первым

делом, в такой холод пара пустяков простудиться. То, что мы попали в сказку, — несомненно. Но я надеюсь, что эта сказка интересная, добрая и с хорошим концом. И главное — главное, я спокоен. Волшебный мел у тебя, Катя, и ты в любой момент можешь… Так что волноваться нет никаких оснований. Логично?

— Нечего котам подражать, — буркнул кот Васька. — Отлично знаешь, что это я люблю так сам себя спрашивать и сам себе отвечать: «Логично?» — «Логично!» Ой, да держите меня!

Неожиданно по площади, позванивая ломкими снежинками, пронесся порыв ветра, и кот Васька, часто перебирая лапами, взлетел в воздух.

— Держите меня, ловите! — взвыл кот Васька, отчаянно пытаясь за что-нибудь уцепиться когтями и делая круг над волшебником Алешей. — Улетаю, улетаю! Что же вы смотрите?

Волшебник Алеша подпрыгнул и в последний момент успел схватить улетающего кота за лапу. Он притянул кота Ваську к себе, ласково стряхнул с его шерсти осколки снежинок.

— С чего это я вдруг стал такой летучий? — еще тяжело дыша, проговорил кот Васька, при-

жимаясь к волшебнику Алеше. — Что же это, братики-котики? Я вам не птичка какая-нибудь, чтобы летать.

— Погоди, погоди, — задумчиво сказал волшебник Алеша. — Попробуем разобраться. Ветер, конечно, сильный, но не настолько…

— Дядя Алеша! — Катя незаметно толкнула локтем волшебника Алешу, указывая куда-то.

Из-за угла дома вышла девочка, закутанная с головой в грубый платок, — ну прямо скворечник на двух тонких ножках.

— Девочка! — окликнул ее волшебник Алеша.

Девочка сделала несколько неуверенных шагов и остановилась.

Ее темные волосы какими-то грустными прядями лежали вдоль щек. Серое платье, туго стянутое в талии пояском, падало до земли унылыми прямыми складками.

Худенькое и бледное лицо девочки светилось в сумерках. А глаза были громадные и глубокие.

— Вы вашего кота привяжите, — негромко сказала девочка. — Это еще маленький ветерок, а вот если прилетят большие ветры, он улетит, улетит…

Она так глубоко вздохнула, что у нее что-то зазвенело в груди.

Вдруг девочка выпустила углы платка, и тот сполз на землю. Она глядела на снег позади волшебника Алеши с таким удивлением, что он тоже невольно оглянулся.

— Следы… — прошептала девочка.

— Ну и что? — не понял волшебник Алеша.

— Какие глубокие… — Она подошла поближе, присела на корточки и сунула тонкий пальчик в ямку на снегу.

И только тут волшебник Алеша увидел, что девочка подошла к ним, не оставляя на снегу никаких следов. Снег, по которому она прошла, был свежий, непримятый, будто ее ноги легко скользили по воздуху.

Волшебник Алеша от удивления выпустил кота Ваську, и тот взмыл кверху с негодующим воплем.

— Привяжите его скорее! Привяжите… — Девоч-

ка поспешно развязала свой поясок, протянула его волшебнику Алеше.

— Только не за шею. Я вам не собака, учтите! — возмутился кот Васька, плавно покачиваясь в воздухе.

Волшебник Алеша обвязал кота Ваську поперек живота, стараясь, чтобы было и не туго, и надежно.

Девочка удивленно следила за каждым шагом Кати, за каждым отпечатком ее ноги на снегу.

— Меня зовут Катя. А тебя? — спросила Катя.

— Меня? Глазастик, — ответила девочка.

— Я почему-то так и думала. — Катя улыбнулась.

— Что это? — воскликнула Глазастик. Она смотрела на Катю растерянно, изумленно.

— Что? — переспросила Катя. — Ты о чем?

— У тебя на губах, — попробовала объяснить девочка, — как будто расцвел цветок! Чудесный цветок. На губах… Я никогда не видела.

Глазастик робко протянула руку, тронула холодным пальчиком Катины губы.

— Как это ты делаешь? Я так не могу.

Катя вопросительно оглянулась на волшебника Алешу. Тот, чуть нахмурившись, прислушивался к их разговору.

— Это она про твою улыбку, — негромко сказал он. — Странно. Похоже на то, что эта девочка не умеет улыбаться. Неужели? Девочка без улыбки…

Между тем совсем стемнело. Крыши домов слились с небом, и, словно повисшие в бархатной пустоте, ярче засветились окрепшие огоньки свечей.

— Какое у вас тут все чудное, — не выдержала Катя. — Ты в каком классе учишься?

— Погоди, погоди, Катя, — мягко остановил ее волшебник Алеша. Он к чему-то прислушивался. — Пока не надо лишних вопросов.

Послышались голоса. Где-то в конце площади мелькнул и закачался свет. Шли с фонарями.

— Это королевские сборщики улыбок, — вздрогнула Глазастик. Она торопливо подняла со снега платок и вся закуталась в него.

— Как? Как ты сказала? Сборщики улыбок? — не веря своим ушам, переспросил волшебник Алеша.

— Идемте со мной. Идемте… — пугливо оглядываясь, проговорила Глазастик.

Она заспешила через площадь, маня их за собой.

Глазастик ступала легко и неслышно. Малень-

кий башмак свалился с ее ноги, и она нетерпеливо сунула в него ногу.

— Скорее, скорее… — обернулась Глазастик.

Они свернули в переулок. Здесь дома были пониже, огоньки в окнах домов попадались не так часто.

Мимо них прошел бедно одетый человек с мешком за плечами. Он шел, опустив голову, погруженный в мрачную задумчивость, и не заметил их.

— Это продавец грустных игрушек, — на ходу объяснила Глазастик. — Его куклы плачут. А зверушки жалобно пищат. Такие игрушки никто не покупает, а других он делать не может… Других не может…

— Вот оно что, — пробормотал волшебник Алеша.

Они дошли до конца переулка.

— Следы! Смотрите! Какие глубокие! — послышались издалека приглушенные голоса.

Среди голосов выделялся один резкий и повелительный:

— Немедленно разузнать, чьи это следы!

— Через забор… так мы быстрее, через забор… — лепетала Глазастик, убегая вперед.

Волшебник подсадил Катю, помог ей пере-

лезть через забор, утыканный сверху железными остриями.

Кот Васька плыл над ними ворчливым воздушным шариком.

— Занесло нас неведомо куда, — раздраженно ворчал кот Васька. — И с чего это я летаю, если я этого вовсе не хочу и не желаю?

Снег пошел еще гуще. Снежинки, небывало крупные, слабо светились в темноте. С сухим шорохом устилали все вокруг.

Путники завернули за угол, и вот навстречу им из мрака теплом и уютом зажглись окна низкого дома.

Распахнулась дверь. На крыльцо выбежала женщина в пестром платье с испуганным, расстроенным лицом.

— Ох! Совести у тебя нет, — набросилась она на Глазастика. — Я тут извелась совсем. На улице ветер, а ты гуляешь. Одна! Ниточка все глаза исплакала.

Тут женщина увидела Катю и волшебника Алешу и умолкла, с удивлением глядя на них.

— Тетушка Ох! Я правда не виновата, — принялась оправдываться Глазастик. — Я их встретила на площади. Вы только посмотрите, они совсем проваливаются в снег. Не могла же я… Не могла…

Катя уже заметила, что Глазастик повторяет слова, как будто она свое собственное эхо. И звучало это как-то необычайно грустно.

— Ох! — сказала женщина и посторонилась, пропуская в дверь волшебника Алешу и Катю.

Свет и тепло окутали вошедших.

Навстречу им торопливо поднялась со скамьи тоненькая девушка с нежным, кротким лицом.

Только тут Катя поняла, почему так светло в этой бедной комнате, освещенной одной-единственной свечой в медном подсвечнике, закапанном зеленым воском.

Волосы девушки сами излучали свет. Они лились на плечи потоком чистого золота, озаряя все кругом, и падали вниз почти до земли, до грубых башмаков, похожих на ореховые скорлупки.

Девушка так крепко обняла Глазастика, что та застонала.

— Больше никогда… — проговорила девушка, отворачивая лицо.

— Ниточка, правда, я не хотела… — виновато сказала Глазастик. — Потом, на площади был Вихрик. И он сказал, что большие ветры улетели на море качать корабли… Качать корабли…

— Держись от них подальше, — не отпуская Глазастика, прошептала Ниточка. Ее золотые волосы совсем закрыли девочку. — И нечего тебе болтать с Вихриком. Господи, ты стала такая легкая, легче перышка. Я боюсь…

— Ох! Что нам ждать хорошего, — пробормотала тетушка Ох.

Тетушка Ох поставила на стол глиняное блюдо с лепешками. Потрогала Катины озябшие руки, посадила ее поближе к печке.

Коту Ваське налили миску молока. Он неохотно подошел к миске, понюхал молоко, повел носом и отошел прочь.

— Надо же! Совсем аппетит потерял, — пробормотал кот Васька. — Может, он улетел?

Случайный сквозняк проник в приоткрывшуюся дверь, и кот Васька с отчаянным мяуканьем взмыл кверху. Он сделал круг под потолком и пристроился поближе к теплой печной трубе.

— Поспать, что ли, — меланхолично сказал кот Васька. — Может, проснусь, а я уже не летаю, хожу по земле, как все порядочные коты.

Продолжая висеть в воздухе, кот Васька свернулся клубком, нос прикрыл кончиком хвоста, чтоб снились хорошие сны, вздохнул и задремал.

Глядя на него, Катя не выдержала и улыбнулась.

— Смотрите, да смотрите же! — пронзительно закричала Глазастик, указывая на Катю.

Она протянула руку и осторожно тронула Катины губы.

— Она улыбается, — тихо и недоуменно сказала Ниточка.

— Значит, вот что такое улыбка! — сказала Глазастик. — А то я все слышу «улыбка», «улыбка», а никогда не видела. Я так не могу.

— Чудно! — удивилась Катя. — Как это не можешь? Возьми да улыбнись. Что проще?

— Не могу. — Глазастик подняла на нее свои огромные глубокие глаза, в которые было страшно смотреть. — Я не могу улыбнуться. У меня нет улыбки… нет улыбки…

— Как это нет улыбки? — еще больше удивилась Катя.

— Я тоже хотел бы знать, — нерешительно начал волшебник Алеша. — Как вы догадываетесь, мы прибыли сюда очень издалека. И, по правде говоря, я пока ровным счетом ничего не понимаю. Почему Глазастик не может улыбнуться? Кто такие королевские сборщики улыбок? Почему от них надо убегать и прятаться?

— Это они отобрали у нас улыбки! — вырвалось у Глазастика.

— Прикуси язык, болтушка, — строго одернула ее тетушка Ох и вдруг добавила, глядя на Глазастика взглядом, полным нежности: — Девочка моя, ты была совсем крошка, когда у тебя отобра-

ли улыбку. А Главный Сборщик Улыбок, — тут голос тетушки Ох упал до шепота, — он… он умеет проникать повсюду. Глубокой ночью ходит он по городу. Ох, вы не поверите, как это страшно. Он пробирается в наши сны. Да, да, отнимает улыбки, которые нам снятся. И тогда…

Тетушка Ох с тревогой посмотрела на Глазастика и замолчала.

— Продолжайте, прошу вас, — попросил волшебник Алеша.

— Не знаю, для чего нужны наши улыбки королю, — вздохнула тетушка Ох, — но, видно, очень нужны. Вот они и рыщут повсюду, эти сборщики улыбок. Это вовсе не больно. Только легкий укол в сердце, и ты больше уже не можешь улыбнуться. И такая тоска на душе. Еще беда: люди без улыбок уже не те, совсем не те. Ох, так меняются, что и не узнать! Они всегда печальны, ни о чем не мечтают. Они худеют, бледнеют, словно превращаются в собственную тень. От грусти они становятся совсем легкие. А уж если Главный Сборщик пробрался в сон и отобрал улыбку и она даже не может присниться…

— Замолчи, замолчи. — Ниточка снова прижала к себе Глазастика. — Не говори об этом.

— А мне уже все равно… Все… — Глазастик по-

чти равнодушно опустила голову. Тени от длинных ресниц потекли по щекам, делая ее еще бледнее, еще печальней.

Где-то далеко на городской башне сонно и гулко отбили полночь часы.

Катя так устала, что слова до нее доходили словно сквозь шум волн. Глаза слепили золотые волосы Ниточки, они отражали и множили свет догорающей свечи.

Катя сама не заметила, как, уткнувшись лицом в рукав волшебника Алеши, задремала.

— Что ж, утро вечера мудренее, как говорится в одной сказке, — сказал волшебник Алеша. — Все это надо хорошенько обдумать. Как вы считаете? О, несомненно!

Глава VI
Обманутые надежды. И главное: волшебник Алеша отправляется во дворец

Катю разбудил чей-то пристальный взгляд.

Катя открыла глаза. Над ней наклонилась Глазастик. При свете дня ее лицо казалось голубоватым, как тающая льдинка.

— Ты все спишь и спишь, — тихо сказала она. — А мне так хочется с тобой поговорить. Поговорить…

Катя села, спустила ноги на пол. Видно, она вчера так и уснула на лавке, а кто-то сунул ей под голову подушку, укрыл теплым плащом.

— Вот вроде бы и все, — негромко сказала тетушка Ох и вздохнула.

Она и волшебник Алеша сидели рядышком за столом и разговаривали.

— Так, так, — задумчиво проговорил волшебник Алеша. — Люди без улыбок… Как это раньше не приходило мне в голову? От грусти они становятся легкими. Оно и понятно — без улыбки нарушается сказочное притяжение. Но позвольте, позвольте, уважаемая тетушка Ох, как же в таком случае придворные? Ведь они тоже остались без улыбок, насколько я понимаю.

Тетушка Ох пожала плечами.

— Ох! Да ведь они и прежде были угрюмые, неулыбчивые. По-настоящему, по-доброму никогда и не улыбались. Отобрали у них улыбки,

они и не заметили даже. Им что есть улыбка, что нет — все равно. Верно, поэтому они и не улетают.

Тетушка Ох печально и строго посмотрела на волшебника Алешу:

— Это у нас, у бедных людей, всего-то и было радости: посмеяться от души.

— Пожалуй, вы правы, да, да. — Волшебник Алеша с сочувствием кивнул головой.

— Мало нам этих бед, — вздохнула тетушка Ох, — а тут еще печаль: пропал Трот, жених Ниточки. Что за парень был! А какой искусник, второго такого не сыщешь. Но вот уже больше года мы ничего о нем не знаем.

Ниточка порывисто отвернулась к окну, пряча лицо. Золотые волосы окутали ее всю, и она стала похожа на маленький стожок золотого сена.

— Мур-мяу! — подал голос кот Васька. Он потянулся, зевнул и открыл пронзительные зеленые глаза. — Впрочем, никакого «мур», одно сплошное «мяу»!

Глазастик встала на цыпочки, дотянулась до кота Васьки, осторожно потянула его вниз. Посадила на лавку, ласково погладила своей тонкой рукой, еле касаясь спинки.

— Может, молочка попьешь? — спросила она.

Но кот Васька только сокрушенно вздохнул.

— Дорогая, уважаемая тетушка Ох! Скоро все изменится, и главное — к лучшему, поверьте мне. Должен вам сообщить, что я прибыл сюда отнюдь не с пустыми руками, — торжественно проговорил волшебник Алеша. Он не без гордости поставил на стол свой старый голубой термос. Заметив недоверчивый взгляд тетушки Ох, добавил: — Не удивляйтесь. В этом сосуде у меня сидит кое-кто. Не будем пока уточнять, кто именно. Важно другое. Этот «кое-кто» поможет нам справиться со всеми бедами. Он вернет вам отобранные улыбки. Я ничуть в этом не сомневаюсь. Более того. Это даже не составит для него особого труда!

Волшебник Алеша поднял глаза, прикидывая расстояние от пола до потолка. Да, потолок низковат. Как бы джинн не стукнулся головой.

Волшебник Алеша встал, положил руку на крышку термоса.

— Катя и вы все! — сказал он. — Только, пожалуйста, не пугайтесь. Это вовсе не опасно. Воспринимайте это, ну, что ли, как игру воображения, фантазию, наконец. Словом, тут у меня — джинн!

Волшебник Алеша отвинтил пластмассовую

крышку. Ниточка обняла Глазастика, прижала ее к себе. Тетушка Ох нахмурилась и скрестила руки на груди.

Волшебник Алеша вытянул пробку и поспешно проговорил:

— Джинн, осторожно, не стукнись головой!

Эй! В тот же миг послышался оглушительный грохот, треск, вопль боли и возмущения. Джинн, как и опасался волшебник Алеша, нетерпеливо вырвавшись из термоса, с размаху ударился головой о потолочную балку. Полосатая чалма свалилась на пол. Крепкая доска с трудом выдержала удар, откуда-то с крыши со звоном посыпались остроконечные голубые снежинки.

— Какой нехороший… — прошептала Глазастик, раздвигая пряди опутавших ее сверкающих волос.

— О-о! — жалобно простонал джинн, согнувшись и схватившись руками за голову. — О, я несчастный и невезучий. Горе мне, горе! Я вдребезги разбил свою древнюю многострадальную голову!

— Ну ладно, ладно! Так уж сразу многострадальную и несчастную, — добродушно сказал волшебник Алеша. — Вечно ты все преувеличиваешь. Потри немножко, и пройдет. Можно холодненького приложить. На вот, чалму надень.

Джинн надел чалму на свою кудлатую голову.

Он медленно оглянулся и замер, словно не веря своим глазам. Сначала на лице его появилось выражение недоумения, которое быстро сменилось растерянностью и, наконец, откровенным страхом.

— О повелитель! — проговорил джинн дрожащим голосом. — Скажи, куда ты меня принес? Что это? Ящик, коробка, старый сундук? Мне здесь тесно. Я не могу даже разогнуться.

— Хоть поздоровайся! — сконфузился волшебник Алеша. — Ну можно ли быть таким

бестактным, даже если ты джинн?

— Нам здесь будет плохо! — Джинн обежал глазами бедную комнату, деревянные лавки, простой струганый стол. — О повелитель, где мы? Здесь нет ни лифта, ни водопровода. Нет даже электричества. Как же мы тут?

— А еще просился со мной, — огорченно сказал волшебник Алеша. — Еще говорил: «Сколько тысячелетий я мечтал об этом, тосковал», и так далее…

Глазастик выпуталась из золотых сетей, села рядом с Катей на лавку, тесно прижалась к ней. И Катя почувствовала ее острый худой локоть, тонкий, как рыбья косточка. В ее хрупкости было что-то пугающее.

Джинн тем временем попятился в темноту, в угол, прижался к стене, исподлобья оглядывая всех вспыхивающими, как угли, глазами. От его частого, взволнованного дыхания кот Васька сорвался с лавки и плавно поплыл к потолку, перебирая в воздухе лапами и руля хвостом.

— А я все летаю и летаю! — печально сообщил кот Васька, делая круг над джинном.

Джинн с нескрываемым ужасом проводил взглядом летящего кота Ваську.

— Мне тут не нравится, — слабым голосом про-

говорил джинн. — Тут летают… О повелитель, прикажи ему опуститься. Не дело это — котам летать по воздуху.

— Ну хватит, — решительно сказал волшебник Алеша. — Мне надоело твое нытье. Мы сюда не в гости пришли. У нас здесь полно важных дел.

— Важных дел?! — дрожащим голосом повторил джинн. — Опомнись, о повелитель! По-моему, у нас только одно важное дело: поскорее вернуться домой, назад!

— Ну нет! — Волшебник Алеша с трудом сдержал раздражение. — Об этом не может быть и речи. Возьми себя в руки. Нельзя так распускаться, быть таким малодушным. Ты говорил, что тебе здесь тесно, негде разогнуться? Ну так я тебя пошлю в королевский дворец!

— Куда?! — обмирая от ужаса, прошептал джинн. — В королевский дворец?

— Ну да, — стараясь казаться спокойным и уверенным, продолжал волшебник Алеша. — Ты же сам говорил, что королевский дворец для тебя — как дом родной. Что ты, можно сказать, вырос на коврах, среди мраморных колонн. Твои же слова, разве не так?

Джинн втянул голову в плечи и закрыл лицо корявыми ладонями.

— Итак, о джинн, слушай и повинуйся! — властно проговорил волшебник Алеша. — Отправляйся в королевский дворец! Ты должен сначала узнать, а потом раздобыть…

Но волшебник Алеша не успел договорить. Лицо джинна исказилось страхом, из груди вырвался стон отчаяния, и джинн неуклюже рухнул на пол перед волшебником Алешей. Волосатыми ручищами он обхватил колени волшебника Алеши, так что тот пошатнулся и ухватился за стол.

— О повелитель! — с мольбой простонал джинн. Он весь дрожал, и от этой дрожи звенело стекло в низком окне. — Не посылай на верную гибель своего ничтожного слугу! Я хочу домой! Я хочу проехаться на такси, хочу снова услышать, как хлопнула дверь любимого лифта. Я ошибся, я все забыл. Здесь, в сказке, мне все незнакомое, чужое. Я… Я ничего тут не понимаю. Почему они не улыбаются? Почему у нее светятся волосы? Так не бывает! Я здесь пропаду. Здесь каждый может меня обидеть, прихлопнуть, как жалкую муху. Я боюсь, мне страшно!

— С таким настроением, конечно… Полный провал обеспечен. — Волшебник Алеша безнадежно махнул рукой. — Ступай в термос, глаза бы мои на тебя не глядели. Нет, к помощи джинна

надо прибегать только в самых крайних случаях. Как вы считаете? О, несомненно!..

Джинн торопливо отвесил низкий поклон, несколько раз жадно поцеловал ботинок волшебника Алеши. Потом сложил руки над головой, очертания его огромного тела начали таять, становиться зыбкими, размытыми. И скоро тонкой, чуть заметной струйкой он исчез в узком горлышке термоса.

Волшебник Алеша устало опустился на лавку. Не будем скрывать, он был огорчен. Да что там говорить, он был совершенно растерян. Он так надеялся на помощь джинна. Было столько обещаний — и такое разочарование! Что же теперь делать?

— Значит, придется мне самому… — потирая лоб, пробормотал волшебник Алеша. — Да, да, самому пробраться во дворец. По правде говоря, я рассчитывал… Хотя, к сожалению, теперь совершенно безразлично, на что я рассчитывал. Впрочем, сожалеть о чем-либо теперь тоже совершенно бесполезно. Если бы я еще не оставлял таких глубоких следов на снегу…

— Ох! Если ты об этом, то я могу тебе помочь. Тетушка Ох вытащила из-за печки крепкую метлу на длинной палке. — Попробуем обойтись без этого твоего… уж не знаю, как его и звать. Я пойду сзади и буду заметать твои следы. Никто ничего не заметит. Если только я правильно тебя поняла.

— Уважаемая тетушка Ох, в высшей степени правильно, — обрадовался волшебник Алеша. — Я именно это имел в виду или что-нибудь подобное, в этом роде.

Тетушка Ох с сомнением оглядела волшебника Алешу, неодобрительно покачала головой.

— Девочка моя, быстренько какой-нибудь плащ ему, — сказала она Ниточке. И добавила с гордостью: — Она у нас лучшая швея в городе. Такая искусница. Случается даже придворные заказывают ей плащи с золотым шитьем. А ей

достаточно один свой волос вшить по краю, плащ так и блестит.

Ниточка порылась в сундуке и достала тускло-серый бархатный плащ с тонко вышитой каймой из золотых снежинок.

— Посмотрите, а у меня как раз подходящая шляпа! К тому же с павлиньим пером, — сказал волшебник Алеша. — А на кончике пера, вы только присмотритесь, как будто глаз. Можно даже подумать, что этот глаз все время следит за нами.

Волшебник Алеша накинул на плечи бархатный плащ, надел на голову черную шляпу с пером.

— Что ж, по-моему, неплохо. Как вы считаете? О, несомненно! — Волшебник Алеша, нагнувшись, глянул в маленькое тусклое зеркальце, висевшее на стене. — Катя, смотри не потеряй волшебный мел. Нарисуешь ключ на любой двери — и в тот же миг окажешься дома. Так что за тебя я спокоен.

— Ну, в добрый час! — озабоченно сказала тетушка Ох.

Катя прижалась носом к стеклу, глядя на уходящего волшебника Алешу.

Тетушка Ох шла за ним по пятам и, круто взма-

хивая метлой, заметала его следы.

Они дошли до конца переулка и скрылись из глаз.

Глава VII
Наоборот Первый и Наоборот Второй. И главное: голубой термос

В доме стало тихо. Ниточка накрутила свой золотой волосок на палец, дернула. Вдела сверкающий волосок в иглу, принялась за шитье.

Глазастик, притихнув, стояла у окна, в сером платье, туго стянутом в талии, худенькая, как шахматная фигурка.

Пальцы ее крепко ухватились за край подоконника. Катя уже заметила: Глазастик все время за что-то держится, наверно, по печальной привычке.

«Она боится… она боится улететь», — с замиранием сердца подумала Катя.

— О чем ты думаешь? — робко спросила она Глазастика. — У тебя такое странное лицо сейчас. Будто ты видишь то, чего никто не видит.

— Я думаю, что скоро меня здесь не будет. Не будет… — тихо сказала Глазастик и подняла на Катю свои печальные глаза, глубокие, как чистая озерная вода в тени.

— А ты об этом не думай, — в тоске попросила Катя. — Так только хуже.

— Я стараюсь, — покачала головой Глазастик. — Но бывают такие мысли. Их гонишь, а они сами думаются. Иногда я уже больше ничего не хочу, ничего не боюсь, только бы скорее…

Ниточка бессильно уронила руки на колени. Тяжелый алый плащ, который она вышивала, сполз на пол. Она с отчаянием посмотрела на Глазастика:

— Так нельзя, родная моя. Даже я надеюсь, что Трот вернется.

— А я уж ни на что не надеюсь. Не надеюсь… — прошептала Глазастик.

Послышались пение и скрип полозьев. К дому подкатили нарядные сани. Сытые лошади гнули крутые шеи, под копытами сахарно хрустели крупные розы-снежинки.

С саней соскочили двое мужчин в дорогих плащах, в шляпах с перьями. Остановились, разглядывая по окна ушедшие в сугробы домики, словно сомневаясь, туда ли они попали.

— Ой, они идут к нам! — с испугом воскликнула Глазастик. — А зачем?

— Девочки, только вы тише, тише, ни словечка, — успела шепнуть Ниточка.

Вошли два человека, удивительно похожие друг на друга.

Это были королевские сборщики улыбок — братья близнецы Наоборот Первый и Наоборот Второй.

Похожие друг на друга как две капли воды, они

отличались удивительной несхожестью характеров. Наоборот Первый был слащав и сентиментален. Наоборот Второй — желчно-сварлив.

— Отвратительная дыра, — проворчал Наоборот Второй и, казалось, даже пожелтел от злости. — Может ли здесь быть та, ради которой мы сюда приехали? Сомневаюсь!

— Наоборот! — воскликнул Наоборот Первый. — Взгляни на эту девушку с золотыми волосами! Она трогательна и прелестна. Этот скромный дом только оттеняет ее несравненную дивную красоту.

— Какие замызганные девчонки! — Наоборот Второй брезгливо покосился на Катю и Глазастика. — Наверно, ее сестры. Слишком много родни. Слишком много родни.

— Наоборот, очень милы сестрички, — возразил Наоборот Первый. — Надеюсь, король их осчастливит и возьмет в судомойки.

— Впрочем, вот эта, пожалуй, скоро улетит, — с жестоким равнодушием заметил Наоборот Второй, указывая на Глазастика.

— Наоборот! — нежно и ласково сказал Наоборот Первый. — Я уверен, от счастья она станет чуть веселее, то есть чуть тяжелее, и не вздумает огорчать нас всякими капризами и глупостями…

Собирайся, прелестное дитя, — обратился он к Ниточке. — Ты едешь с нами во дворец. Тебя желает видеть сам король!

— А можно мне не ехать? — робко попросила Ниточка. — Мне что-то не хочется сегодня.

— Ах как она еще наивна! — Наоборот Первый в притворном восторге поднял глаза к потолку.

— Наоборот, хитра и увертлива, — проворчал Наоборот Второй.

Ниточка дрожащими руками развязала передник, уронила его на пол, оправила косынку на плечах.

— Никуда не выходите. Окна и двери держите на запоре, — шепнула она девочкам.

Наоборот Первый тем временем, присвистывая, оглядел убогую комнату, грубые лавки, простой струганый стол.

Вдруг взгляд его упал на голубой термос.

— Однако какой странный, необычный сосуд! — удивленно воскликнул Наоборот Первый.

«Только бы они не вздумали его открыть», — испугалась Катя. Она быстро протянула руку, схватила термос и прижала его к груди, невольно выдав себя этим движением.

— Однако… — обескураженно протянул Наоборот Первый.

— Не иначе как… — подозрительно добавил Наоборот Второй.

— Если она так крепко держит этот сосуд, значит, не хочет его отдать, — предположил Наоборот Первый.

— А если она не хочет его отдать, значит, необходимо его отнять, — закончил Наоборот Второй.

Тут Наоборот Первый и Наоборот Второй со злобой покосились друг на друга. Они терпеть не могли думать о чем-нибудь одинаково.

— Поехали, раз уж нельзя не ехать! — мужественно сказала Ниточка, выступая вперед и загораживая собой Катю.

Но было поздно. Наоборот Второй, беззвучно и мягко ступая, подошел к Кате и вдруг резко вырвал из ее рук голубой термос.

Наоборот Первый тем временем с любезным поклоном распахнул дверь, пропуская Ниточку вперед.

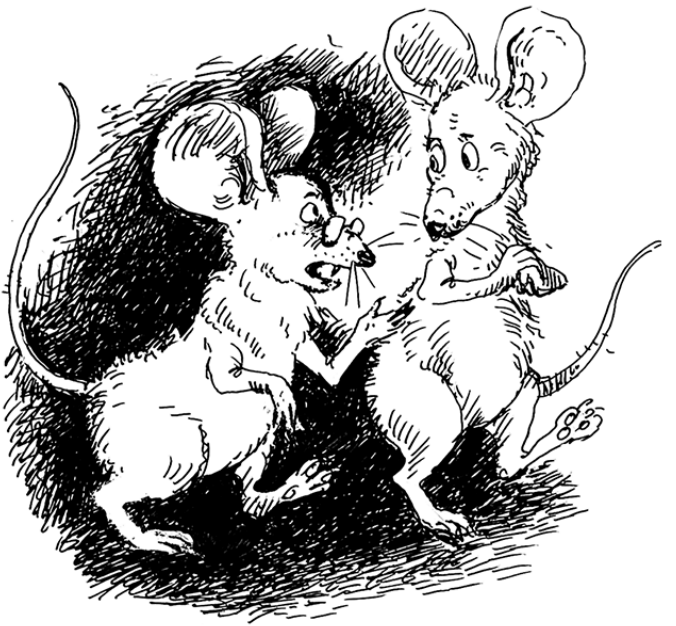
Ниточка бросила взгляд, полный тревоги, на девочек и вышла.

Девочки подбежали к окну.

Кони легко взяли с места. Запели дорожную песенку полозья санок.

Ветер поднял и развернул в воздухе длинные волосы Ниточки. Голубая роза-снежинка, сверкая, запуталась в золотых волнах волос.

Глава VIII
Мышь в золотой короне. И главное: дверь-загадка



Волшебник Алеша и тетушка Ох подошли к тяжелым воротам из кованого чугуна. Завитки наверху поддерживали королевский герб: золоченую корону и ключ.

— Вот незадача, — прошептала тетушка Ох и толкнула волшебника Алешу к темной отсыревшей стене. — Как назло: ворота сторожит сегодня Рыжий Нос. Самый что ни на есть противный. Такой въедливый.

— Эй, тетушка Ох! — подозрительно окликнул ее высокий стражник с алебардой в руке. — Не сойти мне с этого места, ты всегда приходишь попозже, куда позже, чтобы взбить королевские подушки и перины. С чего это ты так рано сегодня?

Стражник, широко расставив ноги, встал в воротах. У него был тупой взгляд и грубое лицо. Из ноздрей торчали рыжие волосы, похожие на пучки осенней сухой травы. Поэтому его так и прозвали — Рыжий Нос.

— Все-то ты примечаешь, голубчик, — мягко согласилась тетушка Ох. — Только вчера увидела я, что седьмая перина на постели его величества, того и гляди, прохудится. Не приведи бог, полетит из нее пух.

— Провалиться мне сквозь землю! Не иначе

как ее мыши погрызли! — Рыжий Нос даже пристукнул о землю древком алебарды. — Как раз вчера говорю я своей невесте: «Милая Турнепс, говорю, в королевском дворце мышей развелось видимо-невидимо».

— Все-то ты знаешь, голубчик, — ласково кивнула головой тетушка Ох.

— А как же, — самодовольно подтвердил Рыжий Нос. — Ты только послушай. Иду я на кухню. Точно, точно, я как раз шел к моей милой Турнепс. Она в тот день пекла мои любимые пироги с грибами. Вдруг смотрю, зола в камине зашевелилась и вылезает из нее… Кто ты думаешь? Мышь! А на голове у нее, чтоб мне шагу не ступить, — золотая корона!

— Все-то ты видишь, — снова одобрительно сказала тетушка Ох.

— Видишь, видишь… — засомневался Рыжий Нос. — Вот это-то мне и не дает покоя. Как бы мне достоверно узнать: взаправду я видел мышь в золотой короне или она мне только померещилась?

— Ох, голубчик, — с сочувствием покачала головой тетушка Ох. — Непростое это дело — достоверно узнать, видел ты мышь в золотой короне или она тебе только померещилась. Знавала я таких, что и полжизни были готовы отдать за эту тайну.

— Полжизни? — вздрогнул Рыжий Нос. — Провалиться мне на этом месте, полжизни! А ты знаешь эту тайну, тетушка Ох?

— И за что я только тебя так люблю, голубчик, — вздохнула тетушка Ох.

— Значит, знаешь! — нетерпеливо воскликнул Рыжий Нос. — Так открой, открой мне эту тайну!

— Разве уж и вправду сказать… — словно в нерешительности проговорила тетушка Ох. — Но уж ты, голубчик, смотри — никому ни словечка.

— Никому, никому, — часто закивал головой Рыжий Нос.

— Тогда слушай! — таинственным голосом начала тетушка Ох. — Значит, так. Если ты увидел мышь в золотой короне, самое главное тут хорошенько зажмуриться. Да не как-нибудь, а так, чтоб ничегошеньки не видеть. Потом, через минутку-две, можешь открыть глаза. И если ты опять увидишь мышь в золотой короне, значит, можешь не сомневаться: ты и вправду видишь

мышь в золотой короне. Но совсем другое дело, если ты увидишь мышь в золотой короне и зажмуришься чуть-чуть только. Так, немножечко сощуришь глаза, и все. Тут уж не взыщи, сам виноват, дружок. Откроешь глаза, увидишь мышь в золотой короне, и уже никто тебе достоверно не скажет: вправду ты видишь мышь в золотой короне или мышь в золотой короне тебе только мерещилась. Понял, голубчик?

Рыжий Нос даже пошатнулся. Видно было, что тетушка Ох его вконец запутала.

— Понял, — неуверенно протянул он. — Только пропади все пропадом, как же я узнаю: правильно я зажмурился или нет?

— Уж так и быть, научу тебя, голубчик, — вздохнула тетушка Ох. — Ну-ка давай зажмурься, а я посмотрю.

Рыжий Нос старательно зажмурился.

— Нет, это никуда не годится, — решительно сказала тетушка Ох. — Уж постарайся, голубчик, зажмурься покрепче.

— Ну а так? — жалобно спросил Рыжий Нос. От усилия лицо его сморщилось, как грецкий орех.

— Получше, так уже получше, — снисходительно похвалила его тетушка Ох. — Еще немножко,

и будет в самый раз.

Рыжий Нос зажмурился изо всех сил. Он даже присел на корточки и заткнул глаза кулаками, как пробками.

— Вот это уж ты зажмурился по всем правилам. Ах ты умница, золотая головка! — сказала тетушка Ох, приоткрывая тем временем полукруглую дверь в дворцовой стене и делая знак волшебнику Алеше. Тот на цыпочках, неслышно проскользнул мимо стражника и исчез за дверью.

— Ох! Теперь можешь открыть глаза, голубчик, — с облегчением проговорила тетушка Ох. — Сказать по чести, славно ты зажмурился на этот раз. Уж теперь, если ты увидишь мышь в золотой короне, ни за что не ошибешься: видишь ты мышь в золотой короне или нет. Ну да прощай, дружок. Еще бы с тобой поговорила, да недосуг мне.

Тетушка Ох закрыла за собой дверь.

Она повела волшебника Алешу куда-то в темноту. Каменные своды нависали здесь так низко, что волшебнику Алеше то и дело приходилось нагибаться и придерживать шляпу.

Вдруг из-под неровных плит пола приглушенно, словно сквозь толщу воды, до них донесся

стон такой невыносимо тоскливый, что у волшебника Алеши кровь заледенела в жилах.

— Кто это так ужасно стонет, тетушка Ох? — Волшебник Алеша остановился и схватил тетушку Ох за руку.

— Тсс! — испуганно оглянулась по сторонам тетушка Ох. — Одни зовут его Человек-улыбка, другие — Человек-ключ… Толком никто ничего о нем не знает. Да и говорить об этом запрещено под страхом смерти.

Они поднимались и опускались по узким лестницам, шли крытыми галереями.

Послышался чей-то негромкий надтреснутый голос.

Навстречу им, понурив голову, ничего не замечая вокруг, шел старый человек с лицом, измятым временем.

На голове старика был нелепый пестрый колпак, на плечах плащ из разноцветных лоскутьев.

— Это старый актер. Когда-то он… — прошептала тетушка Ох.

— Можно ли быть несчастней? — безжизненным голосом бормотал старик. — Актер… Нет, я не актер, я только жалкий фигляр. Я могу играть лишь мрак и безумие. Что я могу дать людям? Ни света, ни надежды. Ветер, бездушный и без-

жалостный, закружи, унеси мою ненужную жизнь…

Старый актер прошел мимо.

Вдруг стены дворца сотрясла внезапная дрожь. Там, снаружи, гремя, пронесся порыв ветра.

Звук этот безжалостно нарастал, становясь оглушительным. Собачий лай смешался с воем, звоном и визгом.

Тетушка Ох согнулась, заткнув уши.

— Ох, не иначе это сама королева Ветреница! — простонала тетушка Ох.

Волшебник Алеша бросился к окну.

В воздухе беспорядочно кружились взвихренные снежинки. Пролетел сорванный с чьей-то крыши железный флюгер-петушок. Ветер швырнул его о камень башни, расплющил, и петушок, скрежеща крыльями, соскользнул вниз.

Волшебник Алеша увидел что-то сквозное, словно дым, летящее между снежинок. Он разглядел длинные прозрачные волосы, прекрасное лицо, надменно запрокинутое вверх, чуть светящуюся корону.

На миг королеву заслонила свора прозрачных гончих. Собаки мчались, устало высунув языки, — видно, им было нелегко поспевать за королевой.

Но вот они отстали, и волшебник Алеша снова увидел королеву Ветреницу. Она летела, опершись локтем о голову косматого ветра, капризно и быстро перебирая облачные кружева на груди. Маленькие пажи-вихри несли ее невесомый шлейф. Туфелька соскочила с ее ноги и летела рядом. Не останавливая своего полета, маленький паж нагнулся, подхватил туфельку и надел ее на ногу своей госпожи.

Все это длилось одно мгновение. Стихли безумный вой и лай собак. Королева исчезла.

— Девочка, моя маленькая… Бедная, бедная… — с горьким отчаянием прошептала тетушка Ох.

Волшебник Алеша догадался, что в этот миг она подумала о Глазастике.

— Дорогая тетушка Ох, — сказал волшебник Алеша. — Я вам очень признателен. Я во дворце, и это самое главное. А вам надо поспешить домой, к Глазастику. Нельзя оставлять девочку так долго одну в такой ветреный день.

Тетушка Ох с сомнением посмотрела на волшебника Алешу.

— Вы можете совершенно обо мне не беспокоиться, — поспешил успокоить ее волшебник Алеша. — Уверяю вас, все будет просто прекрасно, поверьте. Я тут огляжусь не спеша. У меня целая

тысяча планов.

Это все была чистейшая ложь. На самом деле волшебник Алеша совершенно не знал, что ему делать, мысли его разбегались.

— Ох, голубчик, боязно мне оставлять тебя тут одного, да ведь и за Глазастика вся душа изболелась. — Тетушка Ох озабоченно покачала головой. — Главное — запомни хорошенько: как дойдешь до конца этой галереи — сверни налево. Боже тебя упаси свернуть направо: попадешь в зеркальный зал. Там стены, потолок — все зеркальное. Ни за что не выбраться тебе оттуда. Без привычки никто не найдет там дверей.

— Хорошо, хорошо, тетушка Ох. — Волшебник Алеша ободряюще похлопал ее по руке. — Уж не такой я бестолковый. Я отлично запомнил: надо дойти до конца галереи и повернуть налево. Верно?

Тетушка Ох глубоко вздохнула. Она махнула рукой и начала спускаться по лестнице, придерживая юбки и сокрушенно качая головой.

Волшебник Алеша остался один.

«Будем надеяться, что все постепенно разъяснится, — сам себе сказал волшебник Алеша. — Хотя надеяться пока что особенно не на что и ясности тоже никакой нет. Однако обдумаем

положение вещей. Я во дворце — это бесспорно. И скорее всего именно где-то здесь король прячет отобранные улыбки. Значит, я должен узнать, где он их прячет. Ах, если бы только это! Где вообще можно спрятать улыбку и как? Да и что такое улыбка? Звук, движение, знак?»

Рассуждая таким образом, волшебник Алеша дошел до конца галереи и, совсем забыв, о чем ему только что говорила тетушка Ох, свернул направо.

С насмешливым звоном захлопнулась за ним дверь, блеск зеркал ослепил его. Волшебник Алеша очутился в зеркальном зале.

«Опять моя злосчастная рассеянность, — в смятении оглядываясь по сторонам, подумал волшебник Алеша. — Я, конечно, свернул не туда, куда надо. Попасться таким глупым образом!»

Волшебник Алеша увидел дверь в противоположном конце зала. Он поспешил туда, но с разочарованием убедился, что дверь эта была лишь только отражением двери.

«Может быть, вернуться назад?» — с беспокойством подумал волшебник Алеша.

Он бросился назад и снова наткнулся на гладкое прохладное зеркало.

Всюду отражались двери, бесчисленное ко-

личество дверей, но определить, какая из них настоящая, было совершенно невозможно.

Из всех зеркал на волшебника Алешу смотрел человек с растерянным лицом, в сером плаще и шляпе с длинным павлиньим пером.

Где-то пропела и захлопнулась дверь.

Волшебник Алеша увидел в зеркалах, что человек в сером плаще и черной шляпе вдруг пошатнулся и схватился руками за голову.

«Невероятно! — подумал волшебник Алеша. — Неужели это я? Неужели зеркала так исказили мое лицо? Но если это я, то почему я схватился за голову? Я и не думал этого делать. Ах, это вовсе не я! Как странно! Кажется, это тот самый незнакомец, который столь загадочным образом появился у меня на кухне вчера утром. Но, пожалуй, сейчас совсем не подходящий момент, чтобы вернуть ему шляпу».

Два одинаково одетых человека беспорядочно кружили по залу. Таинственный незнакомец изо всех сил старался настичь волшебника Алешу, в то время как волшебник Алеша всячески старался ускользнуть от него.

«Сейчас он кликнет стражу, и все пропало! — пронеслось в голове у волшебника Алеши. — Если бы я только мог найти дверь...»

В этот момент волшебник Алеша почувствовал, как кончик павлиньего пера легко, чуть ощутимо коснулся его щеки. Волшебник Алеша увидел, что сине-зеленый глаз на кончике пера пристально глядит на узкую дверь в зеркальной стене.

Волшебник Алеша, замирая, протянул руку. Какое счастье, эта дверь не была отражением!

Волшебник Алеша распахнул дверь и выбежал из зеркального зала. В последний момент он увидел в сверкающих зеркалах, как человек в сером бархатном плаще и шляпе с павлиньим пером в отчаянии протянул ему вслед длинные руки.

Волшебник Алеша почти бегом миновал еще несколько комнат, слыша за собой тихие плывущие шаги. Он скользнул за тяжелую занавеску и там затаился.

Человек в сером бархатном плаще, нервно оглядываясь, быстро прошел мимо.

Волшебник Алеша, стараясь утихомирить бьющееся сердце, выглянул из-за портьеры.

Он был один в пустом зале. Ему сразу бросилась в глаза тяжелая дверь из темного дуба, по углам окованная медью.

«Странная дверь! Интересно, что за этой дверью? — подумал волшебник Алеша, подходя ближе. — Нет дверной ручки — в таком случае

как же она открывается? Однако нет и замочной скважины — тогда как же она запирается, хотел бы я знать? Похоже, что в этом дворце столько же тайн, сколько муравьев в муравейнике».

Волшебник Алеша приналег на дверь плечом — дверь не поддавалась.

Послышался писк, еле слышные голоса, не громче шелеста бумаги, когда листаешь страницы книги. Волшебник Алеша замер, прижавшись к двери.

Из угла выбежали две мышки. Суетливо заторопились куда-то, держась поближе к стене.

— Ее величество сегодня опять встали не с той лапки! — озабоченно пропищала одна мышка.

— Королева жалуется, что ей смертельно скучно сидеть в норке. «Ах — говорит — никакого разнообразия!» — пропищала вторая.

— Что же делать? — взволнованно пискнула первая мышка. — Королева больше не желает кататься в карете из яичной скорлупки!

— Она больше не хочет танцевать при свете чудесных вкусных сальных свечек! — добавила вторая.

Мышки скрылись в незаметной норке.

«Подумать только, мышиная королева умирает

со скуки, — подумал волшебник Алеша. — Забавно!»

И волшебник Алеша невольно улыбнулся.

Что это? Загадочная дверь негромко заскрипела и сама собой медленно отворилась.

Волшебник Алеша застыл на месте потрясенный, боясь поверить своим догадкам. Это было слишком невероятно. Он улыбнулся, и дверь отворилась. Улыбка — ключ! Значит, эта дверь открывается улыбкой!

«Какая, однако, дьявольская хитрость! Да, король может быть спокоен: никто из придворных не в силах открыть эту дверь. Но как же в таком случае ее открывает сам король? «Человек-ключ… Еще его называют Человек-улыбка…» — припомнились волшебнику Алеше слова тетушки Ох. — Неужели этот страдалец, брошенный в подземелье…»

Почти не отдавая себе отчета в том, что он делает, волшебник Алеша перешагнул порог, и тяжелая дубовая дверь тотчас за ним затворилась.

Глава IX
Старый Пегаш.
И главное:

маленький Вихрик

— Что же теперь будет с джинном? — Катя от огорчения чуть не плакала. — Вдруг они откроют термос? Ведь пропадет, пропадет джинн! Да он просто умрет со страху, очутившись во дворце.

— Может, они вовсе и не откроют термос. Зачем он им? — попробовала утешить ее Глазастик. Но голос ее звучал не очень уверенно. — Ну, улыбнись. Мне так нравится, когда ты улыбаешься. Улыбаешься…

Но Катя не могла улыбнуться.

— И Ниточку они увезли, — печально сказала Глазастик. — Вдруг король захочет жениться на Ниточке? Она такая красивая. Но ведь она любит Трота.

— Кто это Трот? — спросила Катя.

— Жених Ниточки. Он очень хороший. Он замочных дел мастер.

— Как это замочных дел мастер?

— О!.. — Глазастик посмотрела через голову Кати куда-то далеко. Взгляд ее затуманился. — Трот… Ты не знаешь! Трот придумывал такие замки, которые никто не мог открыть. А какие он мастерил ключи! Ты только подумай, один раз Трот сделал ключ из зеленого стекла. Он был похож на русалку. Им можно было открыть все подводные гроты на самом дне моря, глубоко-глу-

боко. А однажды я уснула и увидела во сне ключ. Серебристый, как лунный свет. Ну я взяла и рассказала об этом Троту. Трот сказал: «Вот увидишь, Глазастик, я сделаю такой ключ. И крепко-накрепко запру твои сны. Отныне никто не сможет в них проникнуть и отнять улыбку, которая тебе снится». Правда, правда! Трот сделал много таких ключей из лунного света и ночной росы. Все соседи приходили к нему, и он всем дарил лунные ключи. Люди улыбались во сне и уже не были такими грустными. Но король прознал про это и приказал сборщикам улыбок отнять наши чудесные лунные ключи. Отнять… И вот прошло совсем немного времени — и Трот исчез. С тех пор мы ничего о нем не знаем. И если у Ниточки утром волосы не так сияют, я знаю, ночью она плакала. Плакала…

Откуда-то издалека прилетели печальные звуки скрипки.

— Слышишь? — Глазастик чутко повернула голову. — Это грустный скрипач. Он стал такой легкий, что давно уже летает над городом.

За окном послышался тревожный, предупреждающий свист.

Кто-то прозрачный, еле различимый, на мгновение приник к окну. Катя успела разглядеть

волосы, взметнувшиеся, как бесцветные языки пламени, круглые глаза, вздернутый нос. Над носом плавали веснушки, словно горсть бисера.

— Это Вихрик! — Глазастик беспомощно оглянулась на Катю. — Неужели прилетел большой ветер? Уже? Скорее, скорее запереть дверь. Запереть дверь…

Но было поздно. Дверь широко распахнулась, гулко стукнув о стену, будто вошел кто-то наглый и властный.

— Это он… ветер! — Глазастик вся сжалась, обхватив Катю руками.

Ветер вмиг выдул из дома все тепло. Косяком влетели снежинки, покатились по полу.

Катя, задыхаясь от ветра, обняла Глазастика. Сзади в спину Кате всеми когтями вцепился кот Васька.

Ветер неумолимо потащил Глазастика к порогу. Глазастик застонала. Катя увидела ее закрытые глаза, бледное, словно неживое лицо.

И вдруг все стихло. За окном зазвенели, рассыпаясь, ледяные хрупкие столбы.

— Я еще… тут? Еще тут? — Глазастик приоткрыла глаза.

«Нет, нельзя вот так просто сидеть и ждать, — в отчаянии подумала Катя. — Надо дядю Алешу

найти, сказать, чтоб он поскорее...»

— Если бы я еще следов не оставляла. — Катя закусила губу.

Глазастик посмотрела на нее:

— А не боишься? Там во дворце столько стражников.

— Да пойми ты, мы с дядей Алешей вдвоем... Все-таки вдвоем легче.

— Не вдвоем, а втроем, — возмущенно воскликнул кот Васька. — И я с тобой. Я тут не останусь ни за какие сливки!

Глазастик стояла посреди комнаты, бессильно опустив руки. Лицо ее стало совсем бледным, почти голубым. А плечи такие узенькие...

— Если ты уйдешь, я, наверно, улечу, — негромко проговорила Глазастик. — А может быть, это и лучше. Пусть уж скорее. Ведь все равно...

— Нет, не все равно. — Катя стиснула кулаки. — Глупая, плохая, как ты могла такое подумать? Неужели я тебя тут брошу одну! Нам бы только дядю Алешу разыскать. Но я проваливаюсь в снег.

Глазастик всплеснула тонкими руками.

— Пегаш! Наша старая грустная лошадь. Он не оставляет следов. Мы доедем на нем до дворца.

— Видишь, как ты все хорошо придумала, —

старяясь казаться веселой, сказала Катя. — А он не лягается?

— Ой, что ты!

Пегаш оказался старым конем с гривой цвета осенней палой листвы. Он понуро и равнодушно ждал, пока Катя неумело вскарабкается ему на спину. Глазастик уселась позади. Катя почувствовала на своей щеке ее слабое, частое дыхание.

Катя одной рукой держала поводья, другой прижимала к себе кота Ваську.

Пегаш неспешно трусил по улице.

— Видела бы моя Мурка, как я славно езжу

верхом, — подбадривал себя кот Васька. — Настоящий кот-ковбой! А чем это пахнет так непривычно? Хотя, извините, чем может пахнуть от лошади, если не лошадью. Логично? Логично! Просто до сих пор я видел только нарисованных лошадей. А нарисованные лошади не пахнут.

Голова у Кати слегка кружилась. Катя глядела прямо вперед на дорогу. Раз только она оглянулась и увидела: Пегаш бежал по улице, не оставляя следов.

— Слышишь? — прохладно шепнула ей на ухо Глазастик.

Печальная и мягкая, как лунный свет, мелодия плыла над городом. И крупные розы-снежинки, казалось, позванивали в такт, подхватив эту мелодию, как бесконечный голубой оркестр.

Мимолетная тень пробежала по лицу Кати. Девочка подняла голову.

Над улицей летел человек и играл на скрипке. И если он смычком касался воздуха — даже воздух пел под его смычком. Скрипач был еще совсем молодой, а волосы — как серебряный дождь. Он смотрел куда-то далеко, поверх острых крыш, страдальчески хмуря брови.

Длинный кусок тончайшего кружева, привязанный к его руке, мерцая, летел за ними, исчезал

в путанице падающих снежинок.

— Видишь кружево? — спросила Глазастик. — Это Кружевница Миэль… Мне тетушка Ох рассказывала, Миэль часто сидела у окна и, подперев щеку кулачком, все смотрела, смотрела, как падают снежинки. Однажды она задумалась так глубоко, что забыла затворить окно, и ветер унес ее. Она так и летела над городом, подперев щеку кулачком. А скрипач играл на скрипке у нее под окном. В руке у Миэль был моток тонких кружев. Скрипач успел ухватить его за конец, когда она улетала. Но моток все разматывался, разматывался, и наконец Миэль отпустила его… Отпустила…

— Как грустно! — У Кати слезы навернулись на глаза. — Тут у вас и вправду разучишься улыбаться.

— Нет, нет, не разучивайся! Пожалуйста, не надо! — в испуге воскликнула Глазастик. — Когда ты улыбаешься, я не знаю, но мне становится теплее. Теплее…

«Наверно, музыка не дает скрипачу улететь от земли, — подумала Катя. — Такая красивая! Она не отпускает его».

Снежинки все падали и падали, и звуки скрипки затерялись за их однообразным звоном.

«А туда ли мы едем?» — хотела спросить Катя.

И тут она увидела высокие башни, островерхую крышу, такую крутую, что снег сполз с нее, открыв влажную потемневшую черепицу.

Катя сразу узнала королевский дворец. Таким он был на рисунке Васи Вертушинкина.

Но теперь дворец мрачной сырой громадой нависал над Катей, тяжелый и недобрый, словно говоря ей, какая она маленькая и беспомощная.

Девочки слезли с лошади. Кот Васька совсем притих, примолк на руках у Кати.

— Пегаш, хорошая моя лошадка, домой, домой, — негромко приказала Глазастик.

Девочки пошли вдоль витой чугунной ограды. Вдруг Катя схватила Глазастика за руку.

У ворот они увидели рыжего стражника с алебардой. Стражник стоял, вяло привалившись к воротам, и тихо бормотал себе под нос:

— Значит, если я увижу мышь в золотой короне, теперь уж не ошибусь: вправду я вижу мышь в золотой короне или мне только мерещится мышь в золотой короне…

Девочки попятились за угол, присели на корточки.

— Злющий, сразу видно, — хмуро сказала Катя. — Такой не пропустит.

— Не пропустит, — упавшим голосом повторила Глазастик. — Все равно…

— А ты уже сразу свое любимое «все равно». Вот заладила, — огорчилась Катя. — Может быть, мы еще что-нибудь придумаем!

— Придумаем! Придумаем! — послышался озорной голос. И быстрый вихрь закружился вокруг девочек. Стоило ему чуть-чуть замедлить движение, и Катя разглядела круглую мордашку,

руки с растопыренными пальцами и блестящие глаза.

— Это — Вихрик! Он хороший, теплый. Познакомься! — сказала Глазастик.

— Я теплый, теплый, теплый! — послышалось сразу со всех сторон.

— Здравствуй! — неуверенно сказала Катя, вертя головой, потому что Вихрик был как-то сразу и справа, и слева, и над ней.

— Я знаю, она не хочет дружить со мной, потому что я прозрачный! — с обидой просвистел Вихрик и остановился на мгновение. Катя успела увидеть, как углы его рта горько опустились.

— Неправда. Я с тобой дружу. — Глазастик протянула руку, и на короткий миг ей на ладонь опустилась прозрачная рука с растопыренными пальцами.

Но тут же Вихрик снова закружился, свившись в кольцо. Он сдул со лба Кати челку, сунул руку за воротник ее пальтишка. Руки Вихрика были неуловимо быстрые. Катя даже не была уверена, что у него только две руки.

Мелькнуло лицо Вихрика, все в веснушках. Эти веснушки так и плясали у него на носу и на щеках.

— А ну-ка посмотри получше, что это? Что

это? — Вихрик потянул Катю за шарф. — Не отгадаешь!

— Разве не веснушки? — сказала Катя.

— Может, и веснушки! Может, и веснушки! — просвистел Вихрик. — А может, просто горсть песка. Просто горсть песка, которую я кручу-верчу у себя на носу, чтобы больше походить на мальчишку! — И добавил застенчиво: — Это я чтобы понравиться Глазастику, чтобы она со мной дружила, дружила, дружила!

— А я и вправду с тобой дружу, — серьезно сказала Глазастик.

Вихрик радостно взмыл кверху и тут же снова вернулся.

— Вы что-то говорили, но я забыл, забыл, забыл! — просвистел Вихрик, и голос его вдруг зазвенел печалью. — Я все так быстро забываю. Все вылетает у меня из головы!

— Мы не знаем, как нам пройти мимо стражника. Может, ты нам поможешь, Вихрик? — попросила Катя.

— Пусть Глазастик скажет: «Вихрик, помоги, помоги, помоги!» — С этими словами Вихрик кольцом завертелся вокруг Глазастика. Дунул ей в лицо.

— Помоги, пожалуйста, — кашляя, сказала Гла-

застик. — Ну какой ты! Зачем в лицо дуешь?

— Я умею, умею, умею, — послышалось сразу со всех сторон. — Я умею говорить на разные голоса, на всякие голоса!

Вихрик рванулся с места и вмиг очутился возле ворот.

— Рыжий Нос, Рыжий Нос! — послышался неизвестно откуда визгливый женский голос.

— Турнепс, милая, это ты? — радостно вскинул голову Рыжий Нос, оглядываясь по сторонам.

— Это я, я, я, твоя Турнепс, — продолжал все тот же визгливый голос. — Я принесла твои любимые пирожки с грибами, с грибами, с грибами!

— Мои любимые пирожки, — растроганно повторил Рыжий Нос. — А где мои пирожки? То есть я хочу сказать, где ты, моя милая Турнепс?

— Я тут, тут, тут. — Теперь визгливый голос доносился откуда-то издалека. — Я жду тебя за углом, за углом, за углом. Пирожки еще тепленькие, тепленькие!

— Тепленькие! — умилился Рыжий Нос. Прислонив к воротам алебарду, он заспешил вдоль дворцовой стены и скрылся за углом. Оттуда послышался свист, похожий на смех, и разочарованный голос Рыжего Носа:

— Турнепс, милая, где же ты?

Девочки не стали медлить. Схватившись за руки, они проскользнули в ворота.

— Спасибо! — шепнула Глазастик.

— Спасибо, спасибо, спасибо! Глазастик сказала мне «спасибо»! — ликуя, прозвенели взлетевшие кверху снежинки. Катя еще успела заметить, как их подбрасывают сквозные, прозрачные руки Вихрика.

Глава X
История одного «нет!». И главное: снова термос волшебника Алеши

Голубой свет падал в узкие окна дворца и рисовал на гладком паркете голубые окна, только еще

более вытянутые.

Король от нетерпения не мог усидеть на троне. Он вздрагивал, кутался в горностаевую мантию и нервно щипал кружева на манжетах.

— Сделано ли все, как я приказал? — в который раз спросил король.

— Щели замазаны, замочные скважины заткнуты, — изгибаясь и кланяясь, сказал Главный Королевский Обхитритель. Он был такой длинный и гибкий, что, когда кланялся, казалось, он завязывается узлом. — Во дворце ни одного ветра, ветерка или даже невинного сквознячка. Проникнуть во дворец нельзя, подслушать невозможно. На всякий случай у каждой двери поставлены хитроумные капканы и ловушки для ветра. Если какой-нибудь ветер и проберется — угодит в капкан.

— Давно пора вить из ветра веревки и канаты, — заметил барон Нибумбум, наивно мигая голубыми глазами. — А из тех ветров, что покрепче, ковать якорные цепи.

— Она здесь! Она прибыла! Она поднимается по лестнице! — зашелестели придворные.

— Не слишком ли тихо она ступает? Я что-то не слышу ее шагов, — взволнованно проговорил король. — Я не хотел бы, чтобы она оказалась

слишком легкой. Королева должна кое-что весить. Ах нет! Вот ее прелестные шаги: топ-топ-топ!

Двери распахнулись. Придворные вытянули шеи, дамы привстали на цыпочки.

Наоборот Первый и Наоборот Второй ввели в зал слегка упирающуюся Ниточку.

Ниточка вошла и остановилась посреди зала.

От ее сияющих волос по стенам побежали золотые искры. Померк голубой свет, падавший в окна. Все озарилось теплым блеском, словно в зал внесли сразу множество зажженных свечей.

— Она, несомненно!.. — воскликнул король и умолк, разглядывая Ниточку.

Придворные в растерянности переглянулись. Что имел в виду их повелитель? Это нищее платье, пальчики, исколотые иглой. Грубые башмаки, похожие на ореховые скорлупки.

Но с другой стороны — милое испуганное лицо, голубые глаза и золотые волосы!

Молчание тяжело повисло в воздухе. Все головы невольно повернулись к Главному Сборщику Улыбок. Обычно он раньше всех догадывался, что, собственно, имел в виду его величество король.

Но на этот раз Главный Сборщик Улыбок витал мыслями где-то далеко.

И неудивительно. Дело в том, что, проходя через зеркальный зал, Главный Сборщик Улыбок

увидел не кого-нибудь… а самого себя. Что это был он сам и никто другой, сомневаться не приходилось. Сборщик Улыбок узнал свою шляпу с павлиньим пером и свой плащ, вышитый по краю узором из золотых снежинок.

Главный Сборщик Улыбок хотел было окликнуть, но, позвольте, кого, кого окликнуть? Самого себя? К тому же как это сделать? Крикнуть самому себе вдогонку: «Мой дорогой Я, погоди! Я догоню тебя, вернее, себя!»?

Все это была какая-то бессмыслица. Главный Сборщик Улыбок терялся в догадках.

— Ну! — нетерпеливо проговорил король.

Наоборот Первый решился наконец прервать мучительное молчание.

— Ваше величество, я предполагаю, что в ней, несомненно, есть то, что вы в ней находите, — осторожно заметил Наоборот Первый.

— Наоборот! — с возмущением возразил Наоборот Второй. — Его величество предполагает найти в ней именно то, что в ней, несомненно, есть!

Тут оба они обескураженно умолкли, сообразив, что говорят одно и то же и к тому же совершеннейшую чепуху.

— Мила! — растроганно сказал король, рассеяв

этим все сомнения.

— Очаровательна! — воскликнул Подтыкатель Королевского Одеяла. Это был очень влиятельный человек при дворе. Никто лучше его не умел подтыкать одеяло со всех сторон, чтобы ниоткуда не дуло.

— Прелестна!

— Бесподобна!

— Эта гибкость белочки!

— Хрупкость снежинки!

— А глаза! Какие они голубые!

— А золотые волосы!

Король с видом собственника обошел вокруг Ниточки.

— Я научу ее природному изяществу и врожденной изысканности, — самодовольно заявил король. — И тогда она станет само совершенство!

Вокруг Ниточки тут же поднялась какая-то невообразимая суматоха.

Кто-то обмерил ее талию, шепча: «Сто метров тончайших кружев на оборки, не меньше». Кто-то просил ее вытянуть ножку, чтобы снять мерку: «Какая крошечная ножка. Туфельки из белого атласа…»

Ниточка с ужасом увидела здоровенную дыру у себя на пятке. А ведь вчера только штопала чулок.

На палец словно само собой скользнуло кольцо с тяжелым сверкающим камнем.

У Ниточки закружилась голова.

— Скажите его величеству, что вы счастливы! Что вы благодарны, что вы вне себя от восторга, — шептал ей на ухо чей-то вкрадчивый голос. — Но пока это все должно храниться в глубочайшей тайне. Пока королева Ветреница наша невеста. Ну, поклонитесь же, прелестное дитя. Король делает вам предложение руки и сердца.

Хотя пока втайне, втайне, втайне…

Слова отдавались звоном в ушах Ниточки.

«Только бы не хлопнуться в обморок, — подумала она. — Так вот он каков, наш король. Востренький нос, и весь закутан, как будто озяб. А говорят, он жесток и коварен».

Все отступили от нее.

Ниточка стояла как маленькое чудо, одна посреди зала. Она была похожа на лодочку под золотым парусом, плывущую по зеркальной воде.

Все молча глядели на нее, ожидая чего-то.

Сердце повернулось у Ниточки в груди. Она вдохнула побольше воздуха.

— Нет! — громко сказала Ниточка.

— Нет! Нет! Нет! — кругло запрыгало по паркету, затихая.

— Не хочу. Лучше улететь, — шепотом добавила Ниточка и зажмурилась.

Молчание нависло над ней и вдруг рухнуло, разбившись на множество злобных голосов:

— Скверная девчонка!

— Какая невоспитанность!

— Как она посмела сказать «Нет!»?

— Маленькая дрянь!

— Надо запереть ее, пусть одумается!

— Раскается!

— Поймет, какая честь оказана ей!

— Запереть ее!

Ниточку куда-то повели. Она так и шла, не открывая глаз. На пороге она споткнулась, чуть не упала.

«Вот я и сказала единственное, что могла сказать, — подумала Ниточка. — Страшно было, а потом уже ничего. Что я могла сказать другое? Правда, Трот?»

В одной из галерей Ниточку увидел стражник Рыжий Нос. Стражник шел, прищелкивая языком от удовольствия. Он только что побывал на кухне, у своей невесты — королевской поварихи Турнепс. Она угостила его пирожками. Рыжий Нос съел целое блюдо пирожков с грибами и пришел в отличнейшее настроение. Он даже забыл странное происшествие у дворцовых ворот.

Рыжий Нос проводил взглядом тоненькую фигурку в облаке золотых волос.

— Эта скоро улетит, — самодовольно решил Рыжий Нос. — Такие как раз и улетают. То ли дело моя милая Турнепс. Она такая крепкая и тяжелая. Ходят слухи, что королю нравятся ее пирожки с грибами. Значит, когда мы поженимся, я буду есть королевские пирожки. Ведь королевские пирожки будет печь моя жена. Или, вернее, ко-

роль будет есть мои пирожки. Ведь это моя жена будет печь королевские пирожки. Так или иначе, провалиться мне сквозь землю, если при помощи пирожков с грибами я не породнюсь с самим королем.

«Я должен был непременно догнать самого себя, — рассуждал между тем Главный Сборщик Улыбок. — Пригласить себя попросту, без церемоний, дружески отобедать у меня. Впрочем, пригласить самого себя к себе на обед, возможно ли это?»

Он даже не услышал, что Ниточка сказала королю «Нет!».

Как только Ниточку вывели из зала, золотой свет в зеркалах померк, резные рамы картин словно покрылись морщинами, все потускнело. Серые сумерки вышли из углов.

Король зябко поежился. Достаточно было этого слабого движения плечами, как к королю подскочил Подтыкатель Королевского Одеяла.

— Не пора ли в постельку, ваше величество? Пригреться под одеялом? Преуютненько свернуться калачиком? — сладчайшим голосом предложил Подтыкатель Одеяла.

Но король с досадой отмахнулся от него.

— Ужасный день! — простонал король. — Меня

совсем расстроила эта глупая красавица с золотыми волосами. Отказать королю! Как она посмела? Ну, что ты скажешь? — слезливым голосом обратился он к Главному Сборщику Улыбок.

Главный Сборщик Улыбок вздрогнул, потер лоб, словно отгоняя путаные мысли.

— Ничего не понимаю, ваше величество… — невнятно пробормотал он.

Придворные в растерянности переминались с ноги на ногу, перешептывались, не зная, чем развлечь своего повелителя.

— Ваше величество, соизвольте взглянуть, какой забавный сосуд! Это я его разыскал, — нежно проворковал Наоборот Первый и выхватил из рук Наоборот Второго голубой термос волшебника Алеши.

— Наоборот! Я первый увидел этот необыкновенный сосуд! — злобно возразил Наоборот Второй, отнимая голубой термос у Наоборот Первого.

— Ах! Что вы пристаете с какими-то пустяками! Меня сейчас ничто не интересует. — Король вяло махнул рукой. — Какой ужасный день! Золотые волосы… К тому же я уверен, что в этом сосуде ничего нет. В такой день, ничуть не сомневаюсь, он, конечно, окажется пустым. О, как я разочарован!

— Уверяю вас, он пуст, потому что в нем ничего нет! — подобострастно подхватил Наоборот Первый.

— Наоборот! В нем ничего нет, потому что он пуст! — тут же откликнулся Наоборот Второй.

Тут незадачливые братцы, сообразив, что опять говорят одно и то же, зашипели друг на друга, как два драчливых кота.

— Его надо просто выкинуть! — заключили они вместе.

Главный Сборщик Улыбок немного пришел в себя. Стряхнув рассеянность, он взглянул на голубой термос. Нахмурился, взял термос в руки, оглядел его со всех сторон:

— Что-то знакомое… Мне кажется, я его уже видел однажды, но где? А-а! Припоминаю, припоминаю! Комната, книги, улыбка волшебника, которую я не смог отнять. Так вот он откуда! Нет, совершенно необходимо открыть этот сосуд и выяснить, что в нем!

Главный Сборщик Улыбок не сразу догадался, как отвинтить круглую крышку. Зато вытянуть пробку не составило никакого труда.

И тут… нет слов, чтобы описать, что произошло в следующее мгновение.

Задрожали стены. Клубы дыма, разрастаясь, достигли потолка. С сухим треском посыпались горячие искры. Они ударялись о прохладные мраморные колонны и с шипением гасли. Эхо подхватило грохот и гул.

И, выпрямившись во весь свой гигантский рост, посреди зала возник джинн.

Король издал губами жалобный скрип и забрался на трон с ногами.

Придворные сбились в кучу. Главный Сборщик Улыбок побледнел как смерть, с трудом удерживая термос в трясущихся руках.

Но и джинн, казалось, был испуган не меньше. Блуждающим диким взором он оглядел все вокруг. Лицо его позеленело от страха, колени застучали друг о друга, издавая при этом медный звон. И вдруг с протяжным отчаянным воплем джинн рухнул на мраморные ступени перед троном. Все словно окаменели. Джинн боялся поднять голову, придворные не решались пошевелиться.

Беспечная муха, наискосок перелетев зал, покружилась над королем, удивляясь наступившей тишине.

Главный Сборщик Улыбок проследил взглядом за этим будничным полетом и немного пришел в себя.

— Этот огромный… Он… он боится, — с трудом собравшись с силами, прошептал Главный Сборщик Улыбок на ухо королю.

Но король ничего не слышал и не понимал.

— Ваше величество, да он вас боится, вы только взгляните, — снова повторил Главный Сборщик Улыбок.

— А? — выдохнул король и одним глазом посмотрел на джинна.

Увидев раболепную позу, дрожь, сотрясающую могучие плечи, король чуть приободрился. В этом было что-то привычное.

— Кто ты и откуда? — дрожащим голосом спросил король.

— Твой ничтожный раб, о мой повелитель! — заголосил джинн. — Позволь мне служить тебе, исполнять малейшие твои желания. Не приказывай ввергнуть меня в такую бездну, откуда и джинну нет возврата!

И джинн, всем своим видом изъявляя полную

покорность, прижался щекой к ноге короля.

— Как ты проник в мое королевство? — спросил король. Голос его немного окреп.

— Это все он, он! — жалобно простонал джинн. — Я не виноват! Я не хотел! Я его умолял, заклинал: «Не надо, — говорю, туда. В гости нас не звали, не приглашали. Даже как-то совестно». Клянусь любимым термосом, я попал сюда по ошибке, я из другой сказки. Это все он, он!

Джинн снизу вверх по-собачьи посмотрел на короля.

«Кто этот загадочный «он»? — пронеслось в голове у Главного Сборщика Улыбок. — Неужели мой плащ и моя шляпа?»

— Кто «он»? Я желаю знать! — Король уже с важностью выпрямился на троне.

Глаза джинна беспокойно забегали по сторонам. Видно было, что он колеблется, его терзают сомнения. Ему не хотелось говорить, но он не осмеливался и молчать.

— Ну! — топнул ногой король.

— Волшебник Алеша… — убитым голосом еле слышно проговорил джинн. Он виновато опустил голову, закрыл лицо руками и застыл на полу.

Глава XI
Неоконченный разговор.
И главное:

таинственный сундук

Как вы помните, друзья мои, волшебник Алеша

улыбнулся, и тяжелая дубовая дверь сама собой отворилась.

Волшебник Алеша очутился в небольшой комнате.

Голубоватый свет падал в узкое окно. Слабо светился круглый циферблат высоких старинных часов. Кроме старинных часов да еще тяжелого железного сундука с чеканным узором на крышке, в комнате ничего не было.

Но что это? Сундук был прикован к стене двумя массивными цепями.

— Забавный, забавный сундучок, — с удивлением пробормотал волшебник Алеша. — Вот замочная скважина. А если существует замочная скважина, то где-то наверняка имеется и ключ. Это становится интересным. Как вы считаете? О, несомненно!

И, словно подтверждая эту мысль, важно и гулко пробили старинные часы.

С первым же ударом резная дверца над циферблатом распахнулась, оттуда выглянула Кукушка, качая головой, старательно прокуковала двенадцать раз и скрылась. Захлопнулась маленькая дверца.

— Часы изумительной работы. — Волшебник Алеша рассеянно взглянул на часы. — Но, к сожа-

лению, разгадка тайны не в них.

В тот же миг Кукушка выглянула снова. Она наклонила круглую серую головку, внимательно оглядела волшебника Алешу. Ее блестящие круглые глазки были полны жизни и любопытства.

— Ку-ку! — кокетливо сказала она.

— Ку-ку, милая пташка! — поспешно отозвался волшебник Алеша.

Оказывается, это вовсе не обычные часы. А Кукушка… неужели она живая?

— Не ку-ку! — капризно повела крылышком Кукушка и резко захлопнула дверцу своего домика.

— Однако разговор пока не ладится, — пробормотал волшебник Алеша. — А как было бы важно заставить ее разговориться.

Волшебник Алеша подошел к часам, деликатно, одним пальцем, постучал по резной дверце.

Снова выглянула Кукушка.

— Может, поговорим? Потолкуем-покукуем, а? — ласково предложил волшебник Алеша.

— Ку-ку! Не ку-ку! — словно дразня его, насмешливо прокуковала Кукушка и скрылась.

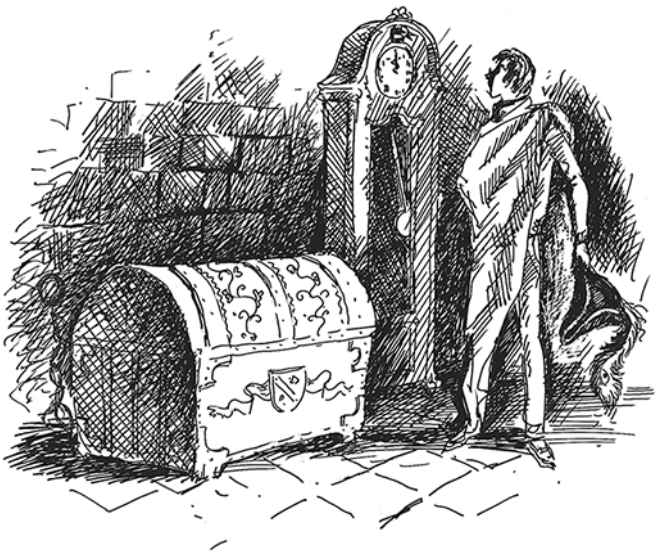
Волшебник Алеша с досадой закусил губу. Как вам это нравится? Тон, манера точь-в-точь как у избалованного ребенка. Нет, к этой Кукушке надо найти какой-то особый подход. Может,

сыграть на ее самолюбии и на доброте и отзывчивости?

Волшебник Алеша сел на пол, прислонившись спиной к сундуку, вытянул усталые ноги.

— Да, немало я повидал на своем веку часов с кукушками. Но такой Кукушки, как эта, я, признаться, не встречал ни разу, — не спеша, словно рассуждая сам с собой, начал он. Краем глаза заметил, что резная дверца чуть приоткрылась. Хитрая птица явно прислушивалась к его словам. — Грустно только, что никто и слыхом не слыхал об этой чудной Кукушке, — продолжал волшебник Алеша. — Прозябает тут в полной безвестности. Вот если бы мы подружились, я бы всем рассказал о ней. О мудрой Кукушке. О Кукушке, знающей тайны. Все бы узнали, что живет в этом королевстве поистине великая Кукушка!

— Ку-ку! — разнеженным голосом отозвалась Кукушка и приоткрыла дверцу.



«Кажется, я нашел верный тон, — обрадовался волшебник Алеша. — Видимо, она стосковалась по теплому слову. Никто, наверно, не говорит с ней просто, по-человечески».

— Хотите помочь мне, славная милая Кукуш-

ка? — уже прямо обратился к ней волшебник Алеша.

— Ку-ку! — кивнула Кукушка.

— Тогда, в таком случае… — Волшебник Алеша встал, снял шляпу, почтительно поклонился Кукушке. — Бесценная птичка, я вас очень прошу ответить: вам известно, что спрятано в этом железном сундуке?

Волшебник Алеша замер в ожидании ответа.

— Ку-ку! — с важностью кивнула Кукушка.

— Может быть, золото? — неуверенно спросил волшебник Алеша.

— Ку-ку! — немного подумав, откликнулась Кукушка.

— А! Просто золото. — Волшебник Алеша не мог скрыть своего разочарования. — Ну да, конечно, что еще может прятать король? Естественно, золотые монеты, всякие украшения, драгоценности.

— Не ку-ку! — лукаво посмотрела на него серая птичка.

— Ах так? Значит, это золото не простое? Может быть, оно какое-нибудь необыкновенное, волшебное?

— Ку-ку! — с гордостью подтвердила Кукушка.

«Ага, это становится интересным», — подумал

волшебник Алеша.

В задумчивости он прикоснулся к узорчатой крышке сундука, качнул тяжелую цепь и вздрогнул от неожиданности. Из сундука донесся многоголосый звон, будто сотни колокольчиков негромко переговаривались друг с другом. Волшебник Алеша наклонился и жадно прислушался.

«Что это? Этот шаловливый переливчатый звон, он чем-то удивительно напоминает смех ребенка! — Волшебник Алеша снова тронул крышку сундука. — Да, да! А этот глубокий, полный нежности звон? На что он похож? Это же ласковый смех матери, когда она смотрит на свое дитя».

— Неужели, неужели?.. — дрогнувшим голосом проговорил волшебник Алеша.

— Ку-ку! — нетерпеливо воскликнула Кукушка, словно желая сказать: «Наконец-то! Какой же ты, однако, недогадливый!»

— Улыбки! — ахнул волшебник Алеша. — В этом сундуке спрятаны улыбки! Я не ошибся? Это так?

— Ку-ку! — с довольным видом посмотрела на него Кукушка. — Ку-ку!

— Улыбки, улыбки! — подхватил чей-то беспеч-

ный летучий голос. В воздухе мелькнуло сквозное лицо, осыпанное веснушками, оттопыренные губы. Взметнулся край плаща волшебника Алеши, качнулось перо на шляпе. Воздушный голос продолжал: — А я-то все думал, что в этом дурацком сундуке? А в нем — улыбки! Я расскажу об этом своей подружке, подружке…

— Говорящий ветерок, — пробормотал волшебник Алеша. — Забавно. Чего только не встретишь в этом дворце.

Волшебник Алеша снова повернулся к высоким часам, откуда, поблескивая острыми глазками, на него смотрела Кукушка.

— Хотел бы я знать, чудесная птичка, — с трудом сдерживая дрожь в голосе, начал волшебник Алеша. — Хотел бы я знать, у кого ключ от этого сундука? Скорее всего он у короля, не правда ли? Конечно, ключ у короля. Можно не сомневаться.

— Ку-ку не ку-ку! — загадочно покачала головой Кукушка.

— Извините, дорогая Кукушка, я что-то вас не понимаю. — Волшебник Алеша в растерянности потер лоб. — Странно, странно. Просто невероятно. Что значит ваше «Ку-ку не ку-ку»? Вы хотите сказать: ключ у короля, а вместе с тем ключа у короля нет? Так я вас понял?

— Ку-ку! — подтвердила Кукушка, не спуская с волшебника Алеши блестящих черных глаз.

— Вот те на! — изумился волшебник Алеша. — Все-таки ключ есть или ключа нет?

— Ку-ку не ку-ку! — последовал тот же загадочный ответ.

— Как это может быть? — Волшебник Алеша от волнения с трудом устоял на ногах. — Мудрая Кукушка, простите, но я вконец запутался. Значит, ключ есть и одновременно ключа нет! Это так? Я не ошибся?

— Ку-ку! — протяжно вздохнула Кукушка, словно давая понять, что больше ей сказать нечего. С сочувствием поглядела она на волшебника Алешу.

— Ну и дела… — пробормотал волшебник Алеша. Он присел на корточки возле сундука. Ему было просто необходимо хоть немного прийти в себя. — Итак, обдумаем хорошенько, что мне, собственно, удалось узнать? Ключ у короля, и вместе с тем ключа у короля нет. Но это еще не все. Ключ одновременно существует, и вместе с тем ключа нет. Это все просто невероятно! Загадка за загадкой, тайна за тайной.

— Вот так штука! Ключ есть, и ключа нет! — раздался над ухом волшебника Алеши все тот же

порхающий летучий голос.

— Ты еще тут, болтушка ветерок — танцующие веснушки? — рассеянно проговорил волшебник Алеша. — Не до тебя мне сейчас, дружок. В другое бы время…

Волшебник Алеша встал, охнул, потер поясницу. Кукушка чуть насмешливо смотрела на него. Волшебник Алеша шагнул к часам.

— Замечательная птичка, — начал он. — Я чувствую, что несколько утомил вас, и все же… Мне так важно еще о многом расспросить вас. Для начала мне просто необходимо узнать…

Но волшебник Алеша не успел договорить.

Произошло нечто невероятное. Словно сгустившись из пустоты, перед волшебником Алешей возник джинн, огромный, могучий, в полосатой чалме.

Кукушка мигом исчезла в своем домике. Слышно было, как она изнутри задвинула засов.

— Джинн, дружище, живой и здоровый! — вне себя от радости воскликнул волшебник Алеша.

Как все сразу упростилось? С помощью джинна он в два счета без всякого ключа откроет таинственный сундук. Видно, не выдержал джинн, проснулась в нем совесть! Все-таки, что ни го-

ворите, свой джинн, можно сказать, родной, столько лет вместе.

— Вот что, джинн, славный мой, как я рад тебя видеть! Итак, слушай и повинуйся! Быстренько открой этот сундук. В нем спрятано самое главное, как раз именно то, ради чего мы сюда явились, — сказал волшебник Алеша с радостным облегчением. Ему даже захотелось впервые в жизни обнять джинна, расцеловать его.

Но вместо того чтобы исполнить приказание волшебника Алеши, джинн уныло покачал головой.

— Ты что? Слушай и повинуйся! — прикрикнул на него волшебник Алеша.

— Не гневайся… — смущенно вздохнул джинн, пристально разглядывая загнутые кверху носки своих туфель. — Ты теперь для меня всего лишь мой бывший повелитель. Поверь, я опечален, но так уж случилось. У меня теперь новый хозяин. Он владеет чудесным термосом. — Тут джинн с обидой надул толстые губы. — Ты хранил термос в простом деревянном шкафу. Он грустил там одинокий, несчастный, униженный. А мой новый повелитель поставил бесценный термос у себя в спальне на золотой столик, украшенный драгоценными камнями. Да, мой новый пове-

литель могуч и всесилен! Он добр и милосерден к покорным рабам. Отныне я повинуюсь только ему!

— Бессовестный! — возопил волшебник Алеша, но крик остановился у него в груди.

В тот же миг могучая, словно каменная, рука джинна схватила волшебника Алешу и подняла вверх, как пушинку.

Все закружилось перед его глазами. Ему показалось, что он растворяется в воздухе, исчезает, превращается в ничто…

И вдруг все стихло. Безумное вращение остановилось.

Волшебника Алешу окружала стылая неподвижная темнота. Нигде ни огонька, ни света. Волшебник Алеша протянул руки и нащупал мокрые шершавые камни.

«Как на дне колодца, — подумал он. — Какое счастье, что я прихватил с собой коробок спичек».

Недолгий огонек спички осветил угрюмые низкие своды. Между камнями сбегали ледяные струйки воды. Волшебник Алеша зажигал одну спичку за другой. Может быть, какая-нибудь незаметная лестница, маленькая приоткрытая дверь… Но нет, кругом был только холодный, без-

душный камень. Последняя спичка вспыхнула и погасла.

Глава XII
Что рассказали восемь мышек. И главное: неожиданная помощь

Катя, поминутно оглядываясь, шла по залам дворца. Сердце ее замирало и падало. Она вела за руку Глазастика, но ей казалось, что Глазастик не идет, а беззвучно скользит по натертому паркету, почти летит по воздуху.

Кот Васька, мрачный, недовольный, цеплялся

за Катино плечо.

— Какие потолки… ух! — ворчал он, прижимаясь к Катиной шее. — Держи меня покрепче! А то потянет сквозняком — я и улечу под самый потолок. Как меня оттуда достанешь?

«Куда я с ними? — подумала Катя. — Одна я бы скорее нашла дядю Алешу. Но Глазастик боялась остаться без меня дома. Не могла же я ее бросить».

Девочки вошли в просторный холодный зал.

Катя ахнула, попятилась, закрывая собой Глазастика.

У дверей, не шевелясь, стояли два рыцаря, с ног до головы закованные в тяжелые блестящие доспехи.

— Пустые железки, только и всего! — буркнул кот Васька. — Ох уж эти мне люди! Даже нарисованный кот сразу скажет, что они пустые, как консервная банка из-под сгущенки, если ее вылизать до донышка.

Послышались чьи-то голоса. Катя дернула Глазастика за руку, девочки спрятались за тяжелую занавеску.

Вместе с голосами и шагами влетел ветер,

и Катя испугалась, что занавеска, натянувшись вокруг них, выдаст их присутствие.

Но, к счастью, девочек никто не заметил. Голоса стихли.

— Все равно… — тихо и безвольно прошептала Глазастик.

Катю охватило отчаяние. Нет, так нельзя. Спрятать надо Глазастика. Спрятать надежно. Чтоб ее не нашли, да еще чтобы не улетела к тому же. А что, если спрятать ее в пустые доспехи? Она такая худенькая. Ведь туда никто не догадается заглянуть.

Катя постучала пальцем по стальной груди.

— Видишь, пусто! Если снять шлем — туда совсем нетрудно забраться, — сказала Катя.

Глазастик боязливо заглянула в черную пустоту внутри доспехов.

— Ой! А темно как! Там кто-то шевелится. Кто-то маленький. Шевелится и шуршит.

— Теперь мне все равно, — вздохнул кот Васька. — Но когда-то я в этом здорово разбирался. Ну-ка дайте все-таки посмотрю, что там такое!

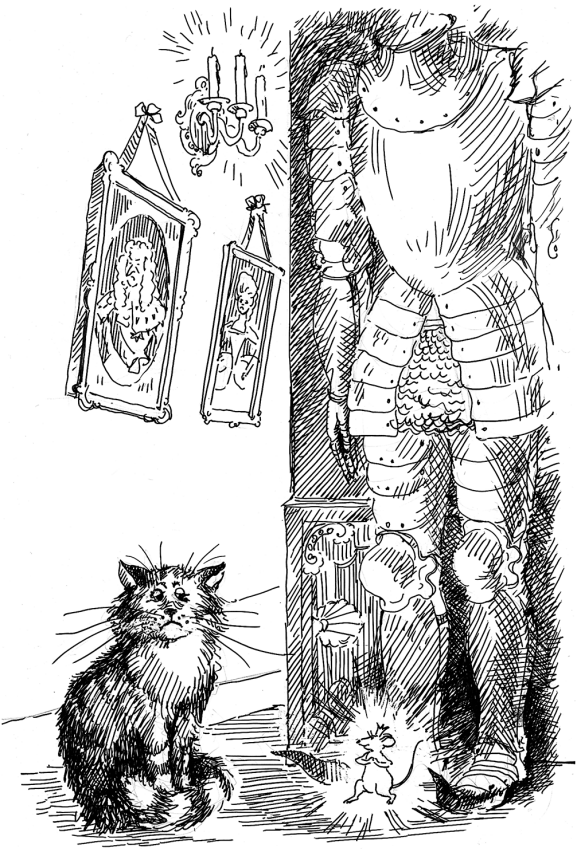
Кот Васька нырнул в остроносый металлический башмак. Послышался тонкий писк, словно иголкой провели по стеклу.

Появился хвост кота Васьки, а затем и весь он.

В лапах у него замерла, как неживая, серенькая мышь.

Холеная шкурка мышки отливала жемчужным блеском. Лапки, сложенные на животе, были розовые, нежные, словно она ходила всю жизнь только по коврам. Но не это так удивило Катю. На голове у мышки сияла крошечная золотая корона тончайшей работы.

— Это королева мышей! Мне рассказывала о ней тетушка Ох, — прошептала Глазастик. Она ухватила пальчиками юбку с двух сторон и почтительно присела.



Мышка томно приоткрыла глаза, но, увидев так близко от себя острые усы кота Васьки, снова зажмурилась.

— А я в титулах не разбираюсь. По мне, что графиня, что судомойка — вкус один, — проворчал кот Васька. — Просто подумал: если я ее съем, так стану немножко потяжелее. Особенно если проглотить ее вместе с короной.

— Проглотить королеву? — ахнула Глазастик.

— Что ты, Васька, честное слово, — укоризненно сказала Катя. — Вот уж не ожидала от тебя такого! И не совестно тебе?

— Да пожалуйста, зачем столько разговоров, — равнодушно проговорил кот Васька и выпустил мышку.

Королева мышей, очутившись на полу, с достоинством отряхнулась и встала на задние лапки. Внимательным, долгим взглядом посмотрела на кота Ваську.

— Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезна? — милостиво, как и подобает королеве, спросила мышка.

— Спрятаться! — вырвалось у Кати. — Вот Глазастика спрятать!

Королева мышей повелительным жестом протянула узкую розовую лапку, указывая на огром-

ный мраморный камин.

— Зола еще теплая и очень приятная. Места хватит всем, — сказала она. — А вы, любезный кавалер? — обратилась королева к коту Ваське.

Кот Васька прыгнул в камин, с безразличным видом понюхал золу, улегся, вытянув лапы.

— Как он не похож на других, обычных котов, — словно про себя прошептала королева мышей.

Катя и Глазастик перелезли через каминную решетку, присели на корточки. Над их головами нависал кирпичный прокопченный свод. Вверх уходила черная труба. Но из зала заметить их было невозможно.

— Позвольте узнать, что вас привело ко мне во дворец? — участливо спросила королева мышей, усевшись на каминные щипцы.

— Нам нужно найти одного человека… дядю Алешу, — сказала Катя. — Он во дворце. Но как его найти, мы не знаем. Дворец такой большой!

— Ничего не понимаю, — капризно перебила ее королева. Она повернулась к коту Ваське: — Дорогой друг, может быть, вы объясните?

Кот Васька несколько опешил. Мышь назвала его «дорогой друг»! Что это, королевская милость или мышиное нахальство?

«А, не все ли равно?» — решил он.

— Дядя Алеша — это пушистый Алеша, — снисходительно объяснил кот Васька. — Он где-то здесь, а мы где-то тут. Но мы, хоть мы и здесь, не знаем, где он. А он, хоть он и тут, даже не подозревает, что мы здесь.

— Вот теперь я все поняла, — благосклонно кивнула королева мышей. — Я немедленно прикажу все разузнать. У меня во дворце повсюду свои мыши.

Королева негромко, но повелительно пискнула. В тот же миг зола в камине зашевелилась и оттуда показалось сразу несколько мышиных мордочек.

Мыши вылезли из золы, отряхнулись и покорно склонились перед своей королевой.

— Я же тебе говорила, что она настоящая королева, — шепнула Глазастик.

— Найдите дядю… — величественно начала королева.

— Алешу! — подсказала Катя. — И пусть он скажет, что нам делать.

Королева мышей подняла крошечную лапку.

— Вы слышали? — властно произнесла она, повернувшись к своим хвостатым подданным. — Найдите дядю и все разузнайте! Следите за ним,

не спускайте с него глаз.

Мгновение — и мыши разбежались в разные стороны. Видимо, в каждом углу у них было по тайной норке.

— Любезный друг, как вам нравится у меня во дворце? — ласково обратилась королева мышей к коту Ваське. На девочек она по-прежнему не обращала ни малейшего внимания. — Пожалуй, дворец несколько великоват, вы не находите? Мог бы быть поменьше, а норок в нем побольше. Впрочем, есть такие норки, где вы можете пройти, не опуская головы. А в моем тронном зале вы можете даже встать на задние лапы. Я решила устроить бал в вашу честь. Не в моем характере хвастаться, но это будет незабываемо. Мышиные танцы, угощение и все прочее.

— Мышиные танцы? Когда-то я нашел бы, что это прелестно. Но теперь… — Кот Васька уныло вздохнул. — К тому же я не могу покинуть в беде своих друзей.

— Это ваши друзья? — Королева мышей бросила пренебрежительный взгляд на девочек. — Что ж, хорошо. В таком случае я обещаю им свое покровительство!

В этот миг зола в камине словно ожила, и сразу восемь мышек предстали перед своей короле-

вой.

— Ваше величество! — пискнула одна из них. — Мы нашли дядю.

— Дядя заперт! — пискнула вторая.

— Дядя в подземелье! — подхватили остальные мыши.

— Ой! Дядя Алеша! — горестно воскликнула Катя, но королева мышей даже не посмотрела на нее.

— Вы расспросили дядю, как я приказала? — сурово спросила королева.

— Расспросили! Все поняли! Запомнили! — запищали мыши.

— Какое мучение! — поморщилась королева мышей и снова повернулась к коту Ваське: — Право, как они бестолковы! Порой так трудно быть королевой… особенно без короля.

— Только мы запомнили по одному словечку! — смущенно пискнула одна из мышек. — Все бежали, бежали, и каждая твердила свое словечко.

— Ну говорите же наконец, — строго прикрикнула на них королева. — Что он велел передать?

— Надо! — пропищала самая толстая мышь с золотой ниткой на шее. — Я отлично помню, дядя сказал: «Надо!»

— Пробраться! — пискнула вторая.

— В термос! — добавила третья.

— Спальню!

— И! — пропищала совсем крошечная мышка, почти мышонок. Видимо, ей доверили самое короткое слово.

— Разбить!

— Короля! — закончила последняя мышь.

— Если сложить все слова вместе, — Катя совсем растерялась, — то получится: «Надо пробраться в термос-спальню и разбить короля». Что такое термос-спальня? И как я могу разбить короля?

Глазастик устало склонила голову Кате на плечо. Кот Васька разочарованно отвернулся.

Королева мышей с беспокойством глянула на него и тут же напустилась на своих придворных:

— Что вы болтаете? Вечно вы все путаете! Поменяйтесь местами, может быть, тогда получится что-нибудь толковое.

Мыши засуетились, меняясь местами, и снова построились цепочкой.

— Ну! — топнула лапкой королева.

Мыши одна за другой торопливо пропищали:

— Надо!

— Разбить!

— Спальню!
— И!
— Пробраться!
— В короля!
— Термос!
— «Надо разбить спальню и пробраться в короля термос», — прошептала Катя. — Как я разобью спальню? И разве можно пробраться в короля?

Кот Васька слегка подпрыгнул и тут же очутился у Кати на руках. Он уткнулся носом в теплое местечко между плечом и шеей и затих. Он даже не поглядел на королеву.

— Дрянные мыши! Клянусь последней сухой коркой на этом свете, вы раскаетесь! Не в моем характере бросать слова на ветер! — гневно крикнула королева. Глаза ее засверкали.

Насмерть перепуганные мыши торопливо перестроились и вытянулись перед своей повелительницей, как солдатики в серых мундирах.

Они старательно запищали тонкими острыми голосами:

— Надо!

— Пробраться!

— В спальню!

— Короля!

— И!

— Разбить!

— Термос!

— «Надо пробраться в спальню короля и разбить термос!» — повторила Катя. — Вот теперь я поняла.

В каминной трубе засвистел ветер. Кот Васька слетел с Катиного плеча и повис в воздухе, перебирая лапами.

— Он еще летает! — Королева мышей в восторге закатила глаза. — Сколько в нем обаяния!

— Спроси королеву, вдруг ее слуги могут узнать, где Ниточка? — шепнула Глазастик на ухо Кате. Ее дыхание было как вздох. Сама спросить об этом у королевы она, видимо, не решалась.

Кот Васька небрежно повел в воздухе хвостом.

— Все разузнаем, — самоуверенно заявил он. — Узнать, где Ниточка? Это нам пара пустяков.

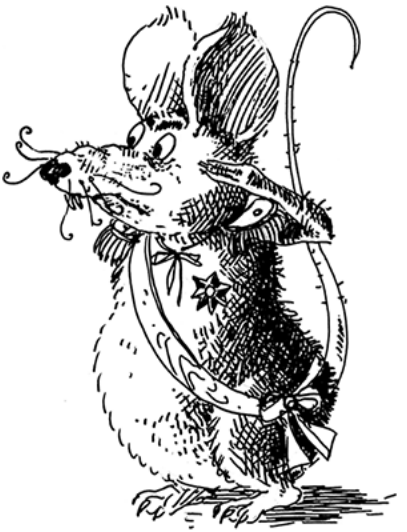
— «Нам», — мечтательно повторила королева мышей. — Он сказал «нам»…

Теперь Катя знала, что ей делать. Она резко вскочила и стукнулась головой о низкий кирпичный свод камина.

— Глазастик! Спрячься в железном рыцаре и никуда не вылезай. Ладно? Там тебе никакой ветер не опасен. А я… но здесь столько комнат, как мне найти спальню короля?

— Я, пожалуй, тоже останусь тут, — лениво заметил кот Васька, опускаясь вниз. — Надеюсь, я не вылечу в трубу.

— Мои подданные вас удержат, не беспокойтесь, — с нежностью глядя на кота Ваську, сказала королева. — А маркиз Свечной Огарок тем временем отведет девчонку куда ей надо.



Из толпы мышей вышла толстая мышь с золотой ниткой на шее и низко склонилась перед своей повелительницей.

— Отведешь девчонку в королевскую спальню! — приказала королева мышей.

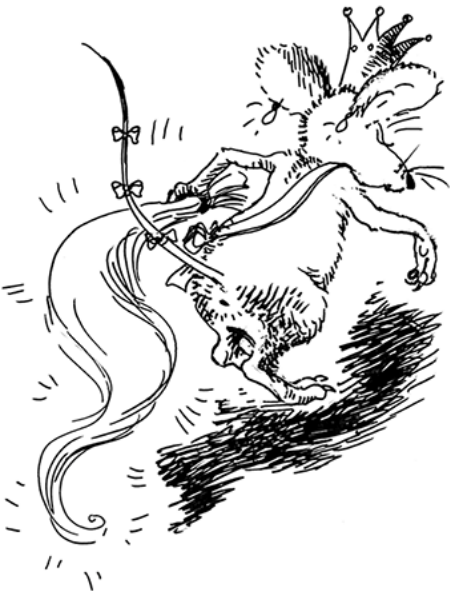
— А Ниточка? — напомнила Глазастик и тихонько ткнула кота Ваську пальцем в бок.

— Да, вот еще Ниточка… — сонно отозвался кот Васька. Он свернулся клубком и закрыл глаза. — Она такая худенькая, и у нее золотая шерсть,

то есть я хочу сказать — золотые волосы. Я желаю знать, где она и что с ней.

— Ваше желание для меня закон! — торопливо воскликнула королева мышей. — Спокойно почивайте и не извольте ни о чем беспокоиться. Я сама все разузнаю и разведаю.

Глава XIII
Рыжий Нос снова видит мышь в золотой короне. И главное: золотой локон



Ниточка сидела на куче соломы, обхватив колени руками. Ниточка скинула грубые башмаки, они натирали ее маленькие ноги. Внутри деревянных башмаков, казалось, клубком свернулась темнота.

В медном подсвечнике догорала свеча. Наконец свеча догорела и погасла, захлебнувшись в лужице растаявшего воска.

Теперь светили только волосы Ниточки. Стоило ей повернуть голову, как ломкий летучий свет перебегал со стены на стену.

Ниточку томило странное беспокойство. Ей все время чудилось, будто чьи-то глаза неотрывно следят за ней. Не то смотрят из угла, не то подглядывают в щель между камнями, не поймешь.

Ниточка встала, босиком обошла все подземелье, ведя пальцем по сырым каменным стенам.

«Да что это я, право, — подумала она. — Никого нет. А тихо как!»

Стоило ей только это подумать, как глухой полувздох-полустон нарушил тишину. В нем было столько отчаяния, столько безысходной тоски, что Ниточке стало страшно.

И опять ей померещился чей-то взгляд.

— Ай! — вскрикнула Ниточка.

Потому что вдруг темнота в одном из башмаков

зашевелилась, сверкнули круглые глаза-бусинки, и из башмака не спеша вылезла мышка с удивительно гладкой жемчужной шкуркой. На голове у нее сверкала золотая корона, такая крошечная, что Ниточка могла бы надеть ее, как кольцо, на мизинец.

Мышка надменно оглядела Ниточку.

— Только и всего? — небрежно проговорила она. — А я-то думала… Стоило ли беспокоиться из-за нее. Конечно, золотые волосы, но и только.

— Ты умеешь разговаривать? — ахнула Ниточка.

— С таким же успехом я могла бы спросить тебя то же самое, — строго одернула ее мышка. — К тому же изволь, обращаясь ко мне, говорить «ваше величество».

Опять послышался стон, безнадежный и заунывный, как ненастный ветер темным осенним вечером.

— Что это? — не выдержала Ниточка. — Ты не знаешь, кто так ужасно стонет?

— Ваше величество, — подсказала мышка.

— Стонет, ваше величество! — послушно повторила Ниточка. — Сердце рвется на части. Вы слышите? Вот опять!

— Ах, мне-то что за дело! — равнодушно сказа-

ла королева мышей. — Это стонет кто-то в самом глубоком подземелье. Там внизу так темно, что не видно ни меня, ни моей короны, ни благородного выражения моего лица. Этот человек твердит все время одно и то же: «В этом мраке гаснут ее волосы… Я забываю ее лицо, ее кроткие глаза. Малая искорка света, и я открыл бы этот проклятый замок…» И опять все снова в таком же духе.

— Это Трот! — задохнулась Ниточка.

Она упала на колени, опустила голову, заглянула мышке в глаза.

— Мышка, милая, — с мольбой проговорила она.

— А где «ваше величество»? — Мышка недовольно сморщила мордочку.

— Милое ваше величество, — дрожащим голосом сказала Ниточка. — Это Трот, мой жених. Умоляю вас, пожалуйста, отнесите ему вот это.

Ниточка проворно вскочила на ноги, схватила ножницы, всегда висевшие на шнурке у ее пояса. Ножницы лязгнули, и золотой светящийся локон упал на пол. Он лежал на полу, как свернувшийся кольцом язычок пламени.

Ниточка приложила ладонь к каменным

плитам пола. Теперь, когда она знала, что там, под ними, томится Трот, ей показалось, что сами камни стали теплее.

— Если бы не этот удивительный, обаятельный кот… — словно про себя прошептала королева мышей. — Я это сделаю только для него!

Королева мышей подхватила золотой локон и исчезла в незаметной норке между камнями. Мгновение золотой локон, дрожа, светил где-то в темной глубине, затем превратился в золотую искру и погас.

Королева мышей без труда пробиралась по извилистой норке. Ничего удивительного. Ведь она знала во дворце все ходы и выходы. Норка круто вела вниз. Иногда светящийся волосок, отделившийся от локона, падал на пол, и, оглянувшись, королева мышей видела позади себя разбросанные обрывки золотой паутины.

Потянуло промозглой сыростью, и королева мышей очутилась в темной и мрачной камере.

В углу, зябко завернувшись в потертый плащ, сидел юноша. Спутанные волосы падали ему на лоб. Ясный свет золотого локона отразился в его широко открытых, неподвижных, немигающих глазах.

— Что это? — Голос юноши дрогнул.

Юноша взял в ладони светящийся локон так бережно, так благоговейно, как будто боялся погасить его свет своим дыханием.

— Не в моем характере говорить о пустяках! — с раздражением пропищала мышка. — Гораздо важнее заметить, что я не кто-нибудь, а королева мышей. Всего-навсего прядь золотых волос, а сколько глупой суеты! Впрочем, все это я делаю только ради него, ради кота Васьки. Он такой обаятельный!

— Я думал, что ослеп в этом мраке, но нет — я вижу! — воскликнул Трот. — Но то, что я вижу, так странно, так необычно. Этот светящийся локон, мышь в золотой короне… Может ли это быть? Уж не сплю ли я? Нет, нет! Вот медное колечко на моем пальце! Его подарила мне Ниточка. Вот знакомая заплатка на колене. Это не сон. Спасибо тебе, милая мышка!

— Королева, — надменно поправила его мышка.

— Маленькая прядь волос, ты вернула мне жизнь! — Трот прижал золотой локон к щеке, словно греясь его теплом. — Это волосы Ниточки! Дорогая королева, вы ее видели? Где? Когда?

— Если бы ты мог пролезть в эту норку, ты бы ее тоже увидел, — недовольно проворчала коро-

лева. — Только не возьму в толк, к чему столько волнений.

— Ее держат в подземелье! — Трот вскочил на ноги. — Ниточку, такую тихую и хрупкую. Но теперь я могу выйти отсюда!

Трот шагнул к двери. Держа на ладони золотой локон, осветил им замочную скважину.

— Запереть меня таким замком! Не смешно ли?

Одного движения руки было достаточно — замок послушно, даже как-то радостно щелкнул —

дверь приоткрылась.

— В щель под дверью я видела тень стражника, значит, и сам стражник тоже там, — предупредила Трота королева мышей.

Неожиданно из темного угла мягким шариком выкатилось нечто серое. Шарик развернулся и превратился в крошечную мышку.

— Там за дверью стражник Рыжий Нос! Такой сердитый, страшный — просто И! — тонким сверлящим голоском пропищала она. Видимо, это была та самая мышка, которая запомнила только букву И.

— Сама погляжу, — решила королева.

Через минуту королева мышей вернулась, с недоумением передернула узкими плечиками:

— Не в моем характере чему-либо удивляться, но скажу вам, странное дело! Рыжий Нос увидел меня и вдруг зажмурился. Потом принялся бормотать невесть что: «Мышь в золотой короне. Мышь в золотой короне… Для того чтобы достоверно узнать, вижу я мышь в золотой короне или мышь в золотой короне мне только мерещится…» Попробуем незаметно скрыться, пока у него не прошла охота стоять зажмурившись и молоть всякую чепуху.

Королева мышей и Трот успели уже завернуть

за угол, когда позади них раздался вздох, полный разочарования.

— Нет, уж теперь я достоверно знаю: на этот раз мышь в золотой короне мне только померещилась!

Трот и королева мышей поднялись по узкой лестнице. Королева с трудом карабкалась со ступени на ступень, и Трот вынужден был каждый раз подставлять ей свою ладонь.

Открыть дверь Ниточки для Трота не составило никакого труда.

Ниточка бросилась к нему и вдруг остановилась, замерла, глядя на него.

— Какой ты… — с состраданием проговорила она.

Трот провел рукой по ее волосам.

— Ты не улетела, моя радость, мое счастье! Только ты стала совсем прозрачной, словно светишься насквозь. Или меня ослепляют твои волосы. Но ты не улетела!

— Потому что я… я надеялась! — Ниточка прямо и ясно посмотрела ему в глаза. Вдруг слезы потекли по ее щекам, и каждая была как капля жидкого золота. — Улыбнуться… Сейчас я так хотела бы, мне так надо улыбнуться. Сердце не в силах выдержать. Но я не могу.

Трот улыбнулся ей в ответ, но улыбка его была полна скорби и печали.

— Ты улыбаешься? — Ниточка, словно не веря, пальцем обвела его губы. — Да, улыбка! Настоящая. Но как же сборщики улыбок не отобрали ее у тебя?

— Я попался на крючок своей же выдумки, — с горечью сказал Трот. — Я изобрел замок, пожалуй, самый удивительный на свете. Замок, который открывался улыбкой. И тогда король решил, чтоб я сам стал ключом. Поэтому мне оставили улыбку. Человек-ключ — вот кем я стал! Человек-ключ… Они заперли меня в темноте. Простой расчет: в темноте невозможно разглядеть, как устроен замок. И если бы эта мышка не принесла мне твой золотой светящийся локон…

— Не мышка, а королева! — послышался возмущенный тонкий голосок. — Не в моих привычках повторять одно и то же, но скажу вам: остается только удивляться глупости людей: столько переживаний из-за пустяков! Замки, улыбки — кого это может интересовать? И не отдавите мне лапку! Вы топчетесь без толку на этой соломе и такую подняли пыль!

Мышь тоненько чихнула, будто звякнула маленькая ложечка в чашке.

Ниточка наклонилась, из золотого облачка пы-

ли подняла мышку, посадила к себе на ладонь.

— Ваше величество, чем мы можем вас отблагодарить? — почтительно сказал Трот.

— Держи ладонь лодочкой, чтоб мне было удобно! — капризно пропищала королева и добавила, высокомерно оглядев Ниточку и Трота: — Отблагодарить меня? Кто? Вы? Это просто смешно! Впрочем, вы можете подарить мне вот это! — Узкой лапкой она указала на золотой локон. — Мне, возможно, надо будет принарядиться. Из этих волос можно сплести премилый наряд. Дело в том, что я ожидаю некоторых перемен в своей жизни.

— О, конечно! — воскликнула Ниточка. — Но скажи мне, милая мышь… Ох, ой, простите! Соблаговолите сказать мне, ваше величество, откуда вы узнали обо мне?

— Мне сказал о тебе самый обаятельный, самый прекрасный кот на свете. К тому же он умеет летать! — с нежностью проговорила королева мышей. — Не помню, кажется, там была еще какая-то девчонка. Вернее, два чересчур больших глаза, и больше ничего.

— Это Глазастик! — ахнула Ниточка.

— Вроде бы с ней была еще девчонка потолще, — небрежно добавила королева мышей. —

Впрочем, не в моих привычках обращать внимание на девчонок и прочие пустяки.

Мышка соскользнула на пол, повелительно пискнула. Тотчас из всех углов выбежало сразу с десяток мышей. Они подхватили золотой локон и разом исчезли, словно провалились сквозь каменные плиты.

— Глазастик здесь, во дворце! Надо ее найти! — Ниточка схватила Трота за руку. — Мне страшно! Зачем она пришла сюда? В любой миг может прилететь королева Ветреница, и Глазастик…

Ниточка не договорила и, побледнев, умолкла.

— В этом дворце есть потайной ход, — задумчиво сказал Трот. — Это узкая винтовая лестница, надежно скрытая в каменной кладке стен. Она поднимается снизу до самого верха и соединяет все залы и галереи. Может быть, нам повезет.

Трот обошел подземелье, пристально вглядываясь в каждую щель между камнями.

— Вот она, потайная дверь! — Трот обрадованно оглянулся на Ниточку. — Смотри! Да как ловко упрятана.

По камню бежала еле приметная трещина. Маленькая замочная скважина смотрелась черным сердечком.

— И ты сможешь открыть этот замок? — с на-

деждой спросила Ниточка.

— Этот замок открыть непросто, но секрет его мне известен. Не удивляйся, моя дорогая. Этот замок открывается… взглядом.

— Открывается взглядом? — недоверчиво и изумленно повторила Ниточка.

— Да, я сам придумал этот удивительный замок. Но сейчас, Ниточка, не отвлекай меня, погоди.

Ниточка замерла на месте. Трот пристально посмотрел на замочную скважину. Казалось, он все силы сосредоточил в этом взгляде. Взгляд его становился все острей, напряженней. Ниточке показалось, что камень сейчас сдвинется с места. И действительно, в замке что-то негромко щелкнуло. В стене приоткрылась незаметная дверца. За ней виднелись темные ступени.

— Трот, милый!.. — шепнула Ниточка и скользнула в дверь.

Они поднимались по узкой винтовой лестнице, задевая за стены плечами. Ниточка шла первой. Она шла босиком, неся в руках свои деревянные башмаки. Волосы она перекинула за спину, чтобы они освещали ступени Троту.

Иногда узкий луч проникал сквозь маленькое овальное отверстие. Это была тайная замочная скважина, и Ниточка, наклонившись, могла сквозь нее увидеть зал и придворных. Вдруг Ниточка отшатнулась, чуть не уронила башмаки.

— Король! — прошептала она.

Ниточка заглядывала по очереди во все замочные скважины. Один зал сменялся другим, мелькали придворные. Пробежал сероглазый паж с подносом в руках. У него были длинные

волосы, как у девочки, и тесная нарядная куртка, которая жала ему под мышками. Юная придворная дама, поставив ножку на стул, поправляла розу-пряжку на туфле.

Но нигде, нигде не было Глазастика.

Ниточка в отчаянии села на ступеньку. Она закрыла лицо руками, волосы ее потускнели, словно потеряли свой волшебный дар сиять.

Глава XIV
Джинн и его новый повелитель. И главное: волшебник Алеша чуть было не остается без улыбки

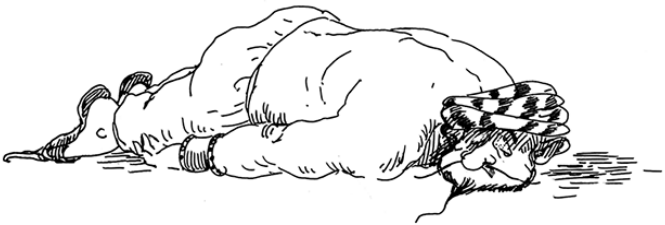
Король ходил по залу и недовольно поглядывал на скорчившегося за троном огромного джинна. Джинн тяжко, со скрипом дышал, по его измученному лицу стекали громадные капли пота.

Король совсем загонял беднягу джинна.

Глупый, наивный джинн! Он простодушно похвастался, что за одну ночь может воздвигнуть новый дворец. А уж если очень постарается, то, пожалуй, и побыстрее. Король тут же приказал джинну взяться за работу, не теряя ни минуты. И уже часа через полтора с восхищением рассматривал не виданное доселе сооружение из голубого мрамора с остроконечными серебряными башенками.

Но тут же короля начал точить червь сомнения.

«Два дворца! Не слишком ли я доверчив? Допустим, я буду править в новом дворце, а вдруг кто-нибудь захватит мой старый дворец и объявит себя королем? Уж нет ли тут коварного умысла? Нет, нет, главное в жизни — покой и безмятежная уверенность».



Король с сожалением приказал джинну разрушить новый дворец.

Но стоило джинну превратить в пыль и прах последнюю мраморную колонну, как короля вновь одолели сомнения.

«Что и говорить, новый дворец был куда красивее старого, — терзаясь, подумал король. — Зря я поторопился. Может быть, лучше разрушить старый, а новый дворец оставить себе? Во всяком случае, надо еще раз это обдумать».

И король вновь приказал джинну воздвигнуть дворец.

«Но ведь в новом дворце нет тайного хода, — холодея, сообразил король. — А если я прикажу джинну его создать, то тайный ход уже не будет тайным, потому что джинн будет знать о нем.

И тогда прощайте навеки, спокойствие и тихие теплые сны».

Король опять повелел джинну сровнять дворец с землей.

И так без конца. Построй — разрушь. Построй — разрушь.

В глазах измученного джинна завертелись бесконечные колонны, арки, ступени, башенки, и, почти теряя сознание, он рухнул на пол за троном.

Джинн лежал неподвижно. От усталости искры вылетали у него изо рта и с тихим шипением гасли на мраморном полу.

Джинн с тоской вспомнил длинные, молчаливые вечера у волшебника Алеши. Теплый круг света от настольной лампы. Доброе лицо волшебника Алеши, склонившегося над старинной книгой. А как уютно было сидеть, прижавшись спиной к теплым батареям, да еще можно было тихонько поворчать, что дует в шею из форточки.

Джинн тихонько застонал, глянул на хмурое, недовольное лицо короля и закрыл глаза.

«О я несчастный, невезучий джинн, — с отчаянием подумал он. — Мне совсем не нравится мой новый повелитель. Но я не смею его ослушаться,

ведь он владеет волшебным сосудом. Отныне я должен повиноваться ему вечно. А вечность, по правде говоря, — это так долго!»

Между тем король, с беспокойством поглядывая на джинна, тоже размышлял, как ему быть.

«Такие ручищи, ножищи, кошмар какой-то! Вдруг он перестанет мне повиноваться, что тогда? Пожалуй, лучше всего было бы приказать ему посадить самого себя на цепь. Да еще такую крепкую, чтоб он сам не мог ее порвать. Как только Мираклюс создаст волшебный эликсир и королева Ветреница в последний раз принесет… Но тсс! Об этом опасно даже думать. Как только королева Ветреница принесет в последний раз… Тогда я посажу джинна у ворот, сквозь которые влетают ветры в мое королевство, и прикажу ему сторожить ворота день и ночь, чтоб не пролетел даже маленький ветерок».

— Решено! Я сделаю тебя привратником! — после некоторого раздумья сказал король.

— Привиратником? — вздрогнул джинн. — Прости своего бестолкового слугу, о новый повелитель! Я не знаю, кто такой привиратник. Что я должен привирать и кому?

— Не привиратником, а привратником, — рассердился король.

— Вот я и говорю, привиратником.

— Какой еще привиратник! — топнул ногой король. — Ты будешь привратником. Будешь стоять у ворот и никого не пускать. Понял?

— Это я еще могу, о новый повелитель! — уныло кивнул головой джинн.

«И посажу тебя на цепь», — подумал король.

Джинн с испугом и укором посмотрел на него.

«Еще мысли читает», — поежился король.

«А какие мысли были у волшебника Алеши, — с тоской и сожалением припомнил джинн. — Добрые, задушевные. Так подумает иногда: «С джинном лучше не связываться». Но ведь он был прав, тысячу раз прав! Лучше бы он меня не знал, не встретил на своем коротком, скорбном пути».

— Я желаю поговорить с твоим бывшим повелителем, — прервал его мысли король. Он подозвал слугу. — Привести ко мне этого… как его… волшебника Алешу!

— Позволь, о, позволь превратиться мне в ничтожный комочек пыли и закатиться под трон! — отчаянно взвыл джинн.

— Не позволяю. — Король уже понял, что с джинном можно не церемониться.

Зал наполнился свистом и шелестом шелка, ти-

хим говором. Придворные жались к стенам. Они издали с опаской и любопытством разглядывали огромного джинна.

Где-то в самом конце зала мелькнул потрепанный пестрый плащ старого актера.

Двое стражников ввели волшебника Алешу.

Джинн так и съежился под его взглядом, втянул голову в плечи, замер на полу.

К волшебнику Алеше скользящей походкой подошел Главный Сборщик Улыбок в плаще с каймой из золотых снежинок.

— Как я счастлив вас видеть! Наконец-то мы встретились! — с трудом скрывая мстительное торжество, проговорил он. — Согласитесь, теперь обстоятельства несколько изменились. И отнюдь не в вашу пользу. Разрешите вам напомнить. Когда я сквозь стену проник в ваш дом, вы отказались отдать мне волшебный мел. Вы даже не пожелали его продать, хотя я предлагал за него груды золота. Теперь все будет иначе: я попросту отниму его у вас!

— Но у меня нет никакого мела. Хоть обыщите, — твердо глядя ему в глаза, сказал волшебник Алеша.

«Какое счастье, что я сразу же отдал волшебный мел Кате. Хоть за нее я могу быть спокоен», —

пронеслось у него в голове.

— Эй, джинн, это правда? — подозрительно прищурился Главный Сборщик Улыбок.

Но джинн только злобно покосился на него кроваво-красным глазом. Он всхлипнул и вытер нос огромным кулаком.

— Отвечай, джинн, я приказываю! — повысил голос король.

— Нет у него волшебного мела, о повелитель! Нет у него мела, — покорно и уныло простонал джинн.

— Жаль, жаль… — Главный Сборщик Улыбок от злости скрипнул зубами. Он с такой ненавистью поглядел на волшебника Алешу, что тот невольно отшатнулся. — Тогда поговорим о другом. О вашей улыбке. Там, в ином мире, у вас в доме я был бессилен и не смог ее отобрать. Теперь другое дело. Не упрямьтесь! Это один миг и, уверяю вас, совсем не больно. Ну улыбнитесь же!

Главный Сборщик Улыбок протянул к волшебнику Алеше свою страшную руку с мягко изгибающимися пальцами.

— Улыбнитесь, его величество ждет! — повторил он.

Но волшебник Алеша только плотней запахнул плащ и отступил назад.

— Зачем вам улыбка? — вкрадчиво проговорил Главный Сборщик Улыбок. — От улыбки только ненужная легкость на губах и шарики смеха во рту. Вы посмотрите, — он широко повел рукой, — сколько достойных людей, и никто из них не может улыбнуться. Ну, станьте таким, как мы, и наш милостивый повелитель дарует вам свободу.

— Я не отдам вам свою улыбку. И вовсе не желаю стать таким, как вы, — сказал волшебник Алеша, отстраняясь от ласковых, усыпляющих движений его руки. — Извините, но я не улыбнусь.

— Так рассмешите же его! — нетерпеливо приказал король. Тотчас из толпы вприпрыжку выбежал старый актер.

Он принялся вперевалку ходить вокруг волшебника Алеши, взмахивая руками, как крыльями.

— Я курочка, курочка! Жирная, откормленная курочка, — кричал он. — Ку-дах-тах-тах! Ой, до чего смешно! Животики надорвешь!

«Бедняга», — с сочувствием подумал волшебник Алеша.

— Кошка с собакой подрались. Кошка тявкает! Собака мяукает! — надрывался старый актер. — Ой, братцы, лопну от смеха! Хи-хи-хи! Хо-хо!

Но это был не смех, а лишь жалкое, мертвое его подобие. Звуки, лишенные смысла и жизни.

Актер прошелся на руках. Волшебник Алеша увидел его старые башмаки, сверху залатанные, а подошвы совсем не сношенные.

«Несчастный, он совсем легкий. Скоро улетит…» — Сердце у волшебника Алеши сжалось.

Старый актер сбоку подскочил к волшебнику Алеше, сделал вид, что хочет его пощекотать, а сам незаметно шепнул:

— Если ты не улыбнешься, добрый господин, меня повесят.

«Старый шут! Ты поймал меня, — в смятении подумал волшебник Алеша. — Видно, придется улыбнуться, хотя чертовски жаль. К тому же не знаю, смогу ли я при всем желании сейчас улыбнуться?»

Главный Сборщик Улыбок заметил растерянность на его лице.

— Собственно, зачем вам улыбка? Мелочь, безделушка, признак слабоумия и младенчества. — Главный Сборщик Улыбок снова протянул свою отвратительную руку. — Я жду! Ну, будьте же благоразумны!

В этот миг дверь в зал распахнулась. Вбежал запыхавшийся придворный. Все невольно повер-

нули к нему головы.

— Ф-фу! Триста тридцать три ступеньки! Преодолел без остановки, — задыхаясь, проговорил он и, собрав все силы, воскликнул: — Ваше величество, невероятное, удивительное происшествие! Магистр Мираклюс сошел с ума!

— Что ты мелешь, бездельник? — нахмурился король.

— Ваше величество! — Придворный развел руками. — Магистр разбил все колбы и тигли. Стол опрокинул. Визжит и скачет. Без сомнения, он потерял рассудок!

— Проклятый Мираклюс! Нет новых улыбок, видно, поэтому он и бесится, — злобно прошипел король. — Я найду способ его успокоить. А этого упрямца увести. Пусть себе улыбается в подземелье.

— Ваше величество, — хмурясь, заметил Главный Сборщик Улыбок. — Это небезопасно — оставлять улыбку в королевстве.

— Когда он уснет, ты проберешься в его сон, — шепнул ему король, — отнимешь улыбку, которая ему снится. Остальное будет уже проще…

Стражники окружили волшебника Алешу. Джинн подтянул колени к подбородку, чтоб не видеть своего бывшего повелителя, закрыл

лицо руками.

— Предатель! — не выдержав, сказал волшебник Алеша.

Огромное тело джинна всколыхнулось.

— Я не предатель! — горестно всхлипнул джинн. — Король стал расспрашивать о тебе, кто ты да откуда? В его руках был волшебный термос. Я не мог, не мог не сказать. Но я не обмолвился и лишним словечком! Я не выдал девочку Катю, не выдал кота Ваську!

— Замолчи! — в ужасе крикнул волшебник Алеша.

Но было уже поздно.

Король ткнул лежащего джинна носком башмака под ребра:

— Ах, негодник, да ты посмел что-то скрыть от меня? Что еще за девчонка? Немедленно доставить ее сюда! А потом и кота, о котором ты говорил. Слушай и повинуйся!

— Не смей этого делать! Не смей! — в отчаянии воскликнул волшебник Алеша.

Джинн бросил на волшебника Алешу умоляющий, униженный взгляд. И в тот же миг очертания его огромного тела начали таять. Джинн превратился в сгусток тумана, вихрь движения закружил его, и джинн исчез из глаз.

«Какое несчастье, что я взял джинна с собой, — в отчаянии подумал волшебник Алеша. — Конечно, джинн не человек. У него нет души. Он существо сказочное, фантастическое. И все-таки такого предательства я не ждал. Не мог ждать! Что же теперь будет? Что будет?»

Глава XV
Побегушка.
И главное:
бездомный джинн

Тем временем Катя торопливо шла по залам. Впереди нее проворно, несмотря на свою толщину, бежала круглая мышка с золотой ниткой на шее.

Катя приложила руку к сердцу.

— Не бейся так, не надо, — прошептала она.

Но сердце подпрыгивало при малейшем шорохе и стуке.

— Где же спальня короля? Далеко еще? Сколько комнат? — спросила Катя.

— Не знаю, — с важностью ответила мышка. — Мы не умеем считать.

На Катю налетел сероглазый паж с подносом в руках. Ахнул и замер как вкопанный, глядя на Катю. У него были длинные, как у девочки, волосы, нарядная куртка, которая была ему мала и жала под мышками.

Толстая мышь с золотой ниткой на шее испуганно метнулась под кресло и исчезла.

— Ты кто? — удивленно спросил мальчик. — Я никогда не видал таких… Как тебя зовут?

— Тсс! — Катя оглянулась, прижала палец к губам.

— Тсс! — повторил мальчик. — Какое чудесное имя: Тсс! А меня зовут Побегушка. Я все время бегаю. То одно велят принести, то другое. Но я надеюсь, что когда-нибудь они оставят меня в покое хоть на минуту. И тогда я смогу немного отдохнуть и посидеть. Просто посидеть и никуда не бежать. На полу, а если повезет, даже на стуле. Не помню, кажется, я никогда не сидел на стуле. Я весь день бегаю, бегаю, а когда вечером прихожу

к маме, она погладит меня по голове, и я сразу засыпаю.

— Бедный Побегушка, — с жалостью сказала Катя.

— А что ты здесь делаешь, Тсс? — спросил мальчик.

— Мне надо пробраться в спальню короля, — призналась Катя. Она сразу почувствовала, что Побегушке можно довериться. — Только чтоб никто-никто не видел.

— Тогда вот что, Тсс, — предложил Побегушка. — Хочешь, я побегу впереди тебя, и, если кого-нибудь увижу, я уроню поднос. Тогда ты сразу прячься.

Побегушка беззвучно и быстро скрылся за дверью.

— Побегушка! Где ты, бездельник? — послышались издали чьи-то голоса.

Где-то на лестнице загремел поднос.

Катя спряталась за колонну. Мимо Кати прошла юная придворная дама с хорошеньким и злым лицом.

— Несносный Побегушка уронил поднос и напугал меня. Я его хорошенько оттрепала за вихры! — Придворная дама подула на свои растопыренные пальчики. — Ф-фу! Даже волос прилип!

Катя проводила ее глазами.

Все платье придворной дамы было обшито тончайшим кружевом. Кружево серебрилось и мерцало.

«Это кружево вязала Миэль! Она улетела… — почему-то подумала Катя. — А скоро улетят скрипач и Глазастик. Нет, я должна сделать все, как велел дядя Алеша».

Снова послышался звон и грохот упавшего подноса.

Катя едва успела присесть за спинкой дивана, как в зал вошел барон Нибумбум.

— Дрянной мальчишка! — проворчал он. — Уронил поднос, и я тут же забыл глупость, которую только что придумал. Какая досада! Такая чудесная, очаровательная глупость! Такую не скоро придумаешь: вся естественная и наивная. Неужели у меня не хватит ума придумать еще что-нибудь столь же глупое?

Барон Нибумбум, ворча, удалился.

Чья-то рука удержала Катю в дверях. Это был Побегушка.

— Ну, я побежал! — часто дыша, проговорил он. — Вот спальня короля. Потому что не знаю, встретимся ли мы еще раз. Я бы хотел с тобой подружиться. Но моих шагов уже почти не слышно и…

Лицо мальчика омрачилось, и он убежал.

Катя огляделась. С потолка на нее смотрели золоченые купидоны, поддерживающие тяжелый полог над кроватью. Пышные перины и одеяла поднимали подушки чуть не до потолка. Но Катю интересовало совсем другое. Голубой термос. Да вот же он! Голубой термос стоял на золоченом столике возле кровати. Такой знакомый и такой домашний, с полустертыми черными знаками

с одного бока.

«Ну, слава богу, нашла термос, — подумала Катя. — Сейчас сделаю все, как велел дядя Алеша. Разобью его, грохну как следует об пол. Что уж из этого получится, не знаю, но дяде Алеше виднее».

Катя уже шагнула к золоченому столику, но вдруг почувствовала, что не может пошевелиться. Какая-то невидимая сила сковала все ее движения. Ноги оторвались от пола, и она медленно поднялась в воздух.

Что-то держало ее. Постепенно проступили контуры громадной волосатой руки, могучее плечо, напоминающее холм, заросший осенней травой, косматая голова. И Катя увидела джинна.

— О Катя! — густым голосом пророкотал джинн. — Мой новый повелитель — король пожелал увидеть тебя. Я сам удручен этим, поверь мне, но что поделаешь? Джинн не смеет ослушаться своего господина!

— Что ты! Что ты! Меня к королю? — взмолилась Катя. — Не надо, пожалуйста! Джинн, миленький!

Катя попробовала освободиться, но куда там! Рука джинна держала ее, как цыпленка.

«Всегда я так, — пронеслось в голове у Кати. — Надо было скорее схватить термос. А я стояла, думала… Копуша!»

— Погоди, погоди, — заторопилась Катя. — Как же так, к королю? Я не могу так сразу.

— К королю! — уныло подтвердил джинн. — Может быть, тебя казнят, но что поделаешь. Мне очень жаль, но я должен повиноваться. Джинн покорен обладателю волшебного термоса.

— Я не могу к королю! — Катя лихорадочно соображала, что ей придумать. Но не так-то просто что-нибудь придумать, когда ты висишь под потолком и ноги болтаются в воздухе. — Я тут забыла… уронила одну вещь. А без нее никак нельзя к королю… Невежливо.

— Ты уронила вежливость, о Катя? — удивился джинн. — Я не знал, что вежливость можно уронить.

— Вежливость, знаешь, она… Ну, как тебе объяснить? Она такая круглая и… блестит. — Катя с тоской покосилась на золоченый столик, где

стоял голубой термос. — Вечно я все теряю, одно слово — растяпа!

— Так найди скорей свою вежливость, о девочка Катя! — с беспокойством воскликнул джинн. — Без вежливости ты можешь наговорить королю грубостей! И мой повелитель разгневается на меня, на своего верного слугу! Поищи хорошенько, может, вежливость у тебя в кармане, о Катя?

Джинн плавно опустил Катю на пол. Он растерянно глядел на нее, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Что ты все время глядишь на золотой столик? — прогремел джинн. — Ищи скорее свою вежливость, и нечего смотреть по сторонам!

— Ищу, ищу! — Катя трясущимися руками один за другим вывернула все карманы. Она и не заметила, как из правого кармашка вывалился кусочек заветного мела и с легким пустым стуком упал на пол. Ей было не до этого. Огромный джинн стоял перед ней, растопырив тяжелые руки, не давая ей сделать и шагу.

— Опять ты смотришь на золотой столик! Я не спорю — он прекрасен. Но ищи свою вежливость, о Несчастная! — Джинн с угрозой сжал кулаки.

— Вижу, вижу! Вон моя вежливость! — тонким голосом отчаянно вскрикнула Катя, указывая на золоченый столик. — Вон куда она закатилась!

— Так что же ты! Скорей достань ее, о девочка Катя! — с облегчением воскликнул джинн и отступил в сторону. — Какая удача, что ты ее наконец отыскала!

Катя опрометью бросилась к золоченому столику. В мгновение ока она схватила термос и изо всех сил прижала его к груди.

— Что ты делаешь, о Катя! — Джинн застыл на месте, безумным взором глядя на голубой термос в руках Кати.

— Вот! Теперь я твоя повелитель… повелительница! — Голос у Кати звенел и срывался. Она почему-то заплакала. — Ты плохой! Ты — нехороший! Ты предал дядю Алешу!

Джинн попятился, вздрагивая от каждого ее слова.

И тут случилось непоправимое. Джинн наступил ногой на кусочек волшебного мела, и тот только слабо хрустнул под его широкой пяткой. Тонкое облачко сухой пыли да еще белое пятнышко на полу — вот все, что осталось от бесценного мела. Но ни Катя, ни джинн не обратили на это

ни малейшего внимания.

— Чем я заслужил твою немилость, о повелительница громов и молний? — простонал джинн.

Катя двумя руками подняла термос над головой:

— Ты струсил! Не захотел помочь. Вот я сейчас тебя!.. Насмерть перепуганный джинн с мольбой сложил руки, ноги его подкосились, и он с сотрясающим грохотом рухнул на колени перед Катей.

Казалось, весь дворец содрогнулся, задребезжали стекла.

Катя поднялась на цыпочки, почему-то зажмурилась и со всей силой швырнула термос об пол. Послышался звон и хруст. Крышка термоса отскочила. На ковер посыпались блестящие осколки, похожие на серебряные скорлупки.

И Катя и джинн оба замерли, в каком-то оцепенении глядя на разбитый термос.

— Так тебе и надо, — неуверенно сказала Катя. — Все равно ты бессовестный!

Но джинн не слушал ее. Одинокая слеза скатилась по его грубой, истертой временем щеке. Своей нескладной ручищей он легко и тихо, словно прощаясь, с нежностью прикоснулся к разбитому термосу.

— Все погибло, — прошептал он. — Прощай, мой любимый термос, где я мечтал провести столько уютных тысячелетий! Тебя больше нет! О я несчастный, бездомный джинн, затерянный в чужой неведомой сказке. Да и джинн ли я отныне? Ибо кто такой джинн, лишенный волшебного сосуда?

Глава XVI
Снова мышь в золотой короне. И главное: волшебник Алеша не может улыбнуться

Двое стражников, крепко держа волшебника Алешу за руки, вели его по дворцовым залам.

Один из них был Рыжий Нос. Он шел неровным шагом, шатаясь, задевая за дверные косяки, и заунывно бормотал какую-то несуразную чушь.

Волшебник Алеша искоса поглядывал по сторонам, ища способ обмануть свою стражу и неза-

метно скрыться.

Послышался шорох, приглушенный писк множества тонких голосов. Из угла появилась удивительная процессия.

Впереди вертляво семенил маленький мышонок. За ним две мышки торжественно несли что-то золотое, легкое и пушистое, похожее на моток золотой пряжи. По бокам бежали несколько мышей, бережно подбирая с полу упавшие золотые нити. Последней с важностью выступала мышка с шерстью жемчужного оттенка, с маленькой золотой короной на голове.

Невозможно описать словами, что произошло с Рыжим Носом, когда он увидел мышь в золотой короне.

Он весь затрясся, зажмурился изо всех сил и выпустил руку волшебника Алеши.

— Опять! — в тоске простонал он. — Провалиться мне на этом месте! Опять мышь в золотой короне. Я больше не желаю мышей, не хочу, не могу! Мне уже все равно: вижу я мышь в золотой короне или я не вижу мышь в золотой короне. Я устал, я измучился, я сойду с ума!

Мыши давно скрылись, а Рыжий Нос продолжал что-то бессвязно бормотать.

Второй стражник, глядя на него, просто остолбенел от изумления и тоже выпустил руку волшебника Алеши.

Тот, воспользовавшись моментом, отступил на шаг, соединил руки стражников, а сам, пятясь, на цыпочках, вышел из зала.

Когда стражники немного пришли в себя, они увидели, что опасный преступник таинственным образом скрылся, а они, неизвестно почему, крепко держат за руки друг друга, словно пара испуганных малышей.

Между тем волшебник Алеша торопливо шел, почти бежал, пересекая один зал за другим.

«Мы совсем одного роста, я и Главный Сборщик Улыбок, — прикинул он. — Одеты мы одинаково. Ну, выручайте меня, чужая шляпа и плащ, выши-

тый Ниточкой».

Волшебник Алеша отлично помнил, с каким нескрываемым ужасом, как завороженные смотрели придворные на шевелящиеся пальцы Главного Сборщика Улыбок.

Он надвинул шляпу на самые брови, выпростал из-под плаща руку и принялся шевелить пальцами, словно собираясь схватить что-то невидимое, порхающее перед ним в воздухе.

Первый же придворный, попавшийся ему навстречу, шарахнулся в сторону.

Юная придворная дама с хорошеньким злым личиком почтительно присела перед ним в низком реверансе. Кружева на ее платье всколыхнулись, вспыхнули и погасли. Ее взгляд был прикован к руке волшебника Алеши.

Откуда-то сбоку выскочил маленький паж с подносом в руках, в узкой нарядной курточке.

Зазвенели, падая с подноса, тонкие бокалы, похожие на золотистые мыльные пузыри на тонких ножках. Паж случайно глянул в лицо волшебнику Алеше…

— Ах! — вскрикнул маленький паж и беззвучно исчез.

«Будем надеяться, что он меня не выдаст, — подумал волшебник Алеша. — Мальчишка симпа-

тяга, сразу видно. Однако надо торопиться».

Еще один зал с колоннами — и вот она наконец дверь-загадка из тяжелого темного дерева. Волшебник Алеша провел по ней ладонью.

Вдруг позади себя волшебник Алеша услышал легкий стук и шорох, словно кто-то стучал ногтем по яичной скорлупе. Оглянувшись, волшебник Алеша увидел толстую мышь с золотой ниткой на шее. Она перебежала зал и спряталась под креслом.

— Сейчас я улыбнусь, и дверь-загадка откроется, — пробормотал волшебник Алеша. Ему показалось, что мышь с золотой ниткой на шее выглядывает из-за ножки кресла и словно бы прислушивается к его словам. Сверкнули внимательные глазки-бусинки. — Хорошо, допустим, я открою дверь-загадку. А дальше? Сундук, прикованный к стене цепями, где заперты улыбки. Как я смогу его открыть? Ведь для этого необходим ключ. А ключа от сундука у меня нет. И я понятия не имею, как его раздобыть. Слишком много невероятного и загадочного. Ну, за Катю я спокоен. Волшебный мел у нее, и она в любой момент… Но все остальное? Например, как появились у меня в подземелье говорящие мыши? Кто их послал? Непонятно. Как оказался термос с джинном во дворце? Необъяснимо. Ох уж этот изменник джинн! Как он подвел меня. Что теперь будет?

От всех этих тревожных мыслей сердце вол-

шебника Алеши тоскливо сжалось.

— Улыбнись сейчас же! — сам себе приказал волшебник Алеша. — Ну же!

Но сколько он ни старался улыбнуться, ничего не получалось. Он растягивал губы на все лады, но все напрасно. Улыбка, едва зародившись в уголках губ, тут же исчезала.

Дверь-загадка оставалась наглухо запертой и неприступной.

Послышались грубые угрожающие голоса. Звонко звякнула о мрамор алебарда.

— Ищите незнакомца в сером бархатном плаще! — Волшебник Алеша узнал повелительный голос Главного Сборщика Улыбок. — Обыскать весь дворец! Он не мог скрыться!

Волшебник Алеша с отчаянием посмотрел на глухую и молчаливую дверь-загадку. Голоса неумолимо приближались. Волшебник Алеша поспешно отступил в тень высокой колонны.

— Все погибло… — безнадежно прошептал волшебник Алеша.

Глава XVII
Король узнает множество печальных новостей. И главное: волшебный эликсир мрака

Король сидел на троне и зябко кутался в горностаевую мантию. Всюду ему мерещились сквозняки и тайные завихрения воздуха. Ему казалось, что кончики пальцев у него просто ледяные. Боясь чихнуть, на всякий случай он держал в каждой руке по носовому платку.

«Не слишком ли много впечатлений и переживаний? — рассуждал король. — Я не спал днем. К тому же меня томит какое-то беспокойство. Где-то пищат мыши, кто-то роняет подносы. Во дворце что-то происходит, и это меня нервирует. И противный бездельник джинн словно сквозь землю провалился. Надо как можно скорее прийти в приятное расположение духа, иначе это может иметь самые скверные последствия для моего здоровья».

— Привести сюда эту упрямицу с золотыми волосами, — приказал король. — Уверен, она давно уже одумалась, образумилась и раскаялась. Я посмотрю на нее, и это меня несколько успокоит.

По толпе придворных пробежал шепоток тревоги и замешательства.

К королю приблизился барон Нибумбум. Вид у него был на редкость простодушный и наивный.

— Ваше величество, скорее всего красавица от-

правилась в лес собирать ножи и вилки и рвать пуговицы. Они как раз созрели и налились соком. — Барон Нибумбум доверчиво поморгал глазами, словно сам себе удивляясь, но вдруг так и осел под гневным взглядом короля. — Ее нет. Она… она исчезла!

— Убежала?! — воскликнул король. — Немедленно найти ее, разыскать, вернуть назад! Я желаю, чтоб она была здесь, во дворце. Чтоб она плакала, просила прощения и вытирала слезы золотыми волосами. Э… Да уж не подстроил ли все это Человек-ключ? Ведь когда-то она была его невестой!

Из толпы придворных вышел Главный Обхитритель. Извиваясь всем телом, он поклонился королю:

— Ваше величество, я пущу в ход всю свою хитрость, изворотливость, применю все лисьи уловки. Заверяю вас, мы его разыщем в самое ближайшее время.

— Как? Что? — побагровел король. — Он тоже сбежал? Проклятье! Мне нельзя столько волноваться. Это мне вовсе не полезно. — Король повернулся к Главному Сборщику Улыбок: — Как ты думаешь, уж не замешан ли в этом… уж не помог ли им тот чужестранец, явившийся

к нам неведомо откуда? Сторожить его как зеницу ока! Удвоить стражу!

Главный Сборщик Улыбок низко поклонился королю. Он был бледен.

— Я говорил вам, ваше величество, я предупреждал вас, как опасно оставлять в королевстве улыбку. К сожалению…

— Не вздумай мне сказать, что он тоже сбежал, — дрожащим голосом прервал его король. — Это уже слишком. От таких новостей у меня стреляет в ухе и колет в боку.

— Ваше величество, умоляю вас, успокойтесь! Все меры приняты. Двери заперты, у окон выставлена стража. Незнакомец во дворце, и с минуты на минуту он будет схвачен.

Король резко вскочил.

— Но у меня есть еще джинн! Я прикажу ему немедленно доставить всех беглецов сюда. Всех до одного. Немедленно! Эй, джинн! — крикнул король, но голос его сорвался на жалкий визг. Он прокашлялся и снова крикнул: — Джинн! Явись! Я приказываю: явись!

Из стены, пройдя сквозь нее без усилия, вышел джинн.

Вид его был ужасен. Глаза погасли и казались черными ямами. Морщины на лице углубились еще больше и напоминали трещины на древней каменной плите. Волосы свалялись в черный войлок. Он шел шатаясь. Зацепился туфлей с загнутым носком за кресло, чуть не упал.

— Джинн! Слушай и повинуйся! — Король повелительным жестом простер руку. — Немедленно доставь сюда…

Но джинн даже не повернул головы. Он прошел мимо короля, бормоча замогильным голосом:

— О, если бы я знал, кого слушать и кому повиноваться! О, я несчастный! Бездомный джинн, затерянный в бесконечности, повисший в пустоте!

Не обращая ни на кого внимания, джинн медленно пересек зал и исчез в противоположной стене, войдя в нее с такой же легкостью, как человек входит в тень.

Приглушенное камнем, послышалось его бормотание:

— Злосчастный я горемыка! Теперь я никто и ничто. О мой чудесный термос!..

— Это уж слишком. Королевский джинн вы-

шел из повиновения, — замирающим голосом простонал король. — Смогу ли я это перенести? От неприятностей у меня всегда начинается насморк. Немедленно обыскать весь дворец и весь город. Искать по всем бедным домам, лачугам и развалюшкам. Засады у каждой каморки. Поймать преступников! Отнять улыбку у замочных дел мастера! Джинном мы займемся позднее.

Откуда-то издали послышался надтреснутый и ликующий голос. Кто-то бежал по залам. Крик приближался.

Двери зала резко распахнулись, и вбежал Мираклюс.

Вздыбленные пряди седых волос делали его смешным и страшным. Голубые, словно фарфоровые глаза сверкали безумием и счастьем.

Он держал в высоко поднятой руке флакон с какой-то черной жидкостью.

В зале сразу стало угрюмо и сумрачно. От граненого флакона во все стороны траурными лентами, извиваясь, поплыл мрак. Руки Мираклюса, держащие флакон, казались черными, будто опаленными адским пламенем.

— А это что? А это что? — завизжал, высоко подпрыгивая, Мираклюс, наклоняя голову то на одно плечо, то на другое. — А это что?

— Ты смеешься надо мной! — в бешенстве закричал король. — Схватить его!

Мираклюс остановился. Медленно и бережно, как сокровище, он прижал черный флакон к груди.

— Ваше величество, — тихо проговорил он. — Я создал… Это волшебный эликсир, волшебный эликсир мрака!

— Что?! — Король с трудом перевел дыхание. — Что? Я не ослышался?

Одного взгляда, одного движения руки короля было достаточно, и придворные, беспрестанно кланяясь, попятились к дверям. Только Главный Сборщик Улыбок остался возле короля, не сводя горящего взгляда с черного флакона.

Король потянулся к флакону, но Мираклюс отскочил в сторону.

— Ваше величество, сначала выслушайте меня. От счастья мысли мои путаются.

— Говори, — нетерпеливо приказал король.

— Начну с того, что сборщики улыбок оставили мне улыбку, забыли ее отнять.

— Оставить улыбку! Ни на кого нельзя положиться, — прошептал король. — Предатели и бездельники…

— Я и сам забыл о ней, ваше величество, на что она была мне? — дрожа, как в лихорадке, продолжал Мираклюс. — С тех пор как я услышал

музыку летающего мальчишки со скрипкой, сжигаемый тайной мукой, я ни разу не улыбнулся. Я только день за днем превращал улыбки бедняков, поэтов, бродячих певцов в золотые колокольчики. А улыбки льстецов, лицемеров — в черные камни. И вот наконец…

Мираклюс слабо вскрикнул. Он с нежностью поцеловал черный флакон, и лицо его на миг погрузилось в густейшую тень.

— Я испытал в своих колбах и тиглях все черные вещества и элементы, — задыхаясь и торопясь, продолжал Мираклюс. — И вдруг меня осенило! Вот оно, самое черное на свете. Оно тут, рядом, у меня под рукой, а я и не догадывался. Это черные камни: коварные и лицемерные улыбки доносчиков, палачей, придворных. Я растер их в тончайший порошок, расплавил на огне и превратил в черный эликсир. Зловещая темнота сгустилась, но все-таки это еще не было воплощением Великого Мрака. И тогда… тогда я добавил в эликсир… — Мираклюс умолк, бледнея, не решаясь договорить.

— Продолжай! — Король от нетерпения стиснул руки. — Ну же, говори!

— Тогда я добавил в эликсир… вашу улыбку, — замирая, прошептал Мираклюс. Он весь

съежился и словно стал меньше ростом.

— Мою улыбку?! — вскричал король. — Несчастный, ты осмелился?

— И тут наконец свершилось! — Голос Мираклюса зазвенел. — Во все стороны брызнули черные лучи. Я понял, что достиг цели!

— Чем ты докажешь, что это и есть тот самый волшебный эликсир? — Король наклонился вперед.

Мираклюс не сводил глаз с черного флакона. Казалось, эликсир мрака завораживает его.

— Тут я не выдержал, — как в бреду продолжал Мираклюс. — Я улыбнулся давно забытой улыбкой, улыбнулся близости счастья, потому что кончиками пальцев я коснулся своей мечты. Я не мог ждать, я чувствовал, что умру от нетерпения. И тогда я сорвал улыбку со своих губ! Я превратил ее в колокольчик. Какой маленькой, какой жалкой оказалась моя улыбка. Колокольчик не больше наперстка! Боясь разочарования, раздираемый нетерпением, я капнул на колокольчик чудесным эликсиром. Я зажег одну свечу, потом вторую. Я зажег все свечи. Подкинул дров в очаг. Все осветилось… Вот он, смотрите!

Мираклюс бережно положил на ладонь короля доверчиво звякнувший колокольчик. Король

испуганно вскрикнул, но нет, колокольчик не исчез. Сверкая, он лежал на ладони.

Король подбежал к окну. Подкинул колокольчик кверху, любуясь игрой золотых лучей.

— Золото... Настоящее... — прошептал ко-

роль. — Оно больше не боится света!

— Как странно, — проговорил Мираклюс, — моя мечта сбылась, но как-то пусто на душе. Нет, что я говорю! Я — счастлив! Отныне я самый величайший музыкант в мире. Я сделаю из поющих колокольчиков золотой инструмент, которому нет подобных. Я прославлюсь! Весь мир заговорит обо мне!

Король поманил к себе Мираклюса.

— Ближе… Еще ближе… Подойди ко мне, не бойся, — ласково позвал король. — Ну что же ты? Ко мне, ко мне, мой милый!

Мираклюс боязливо приблизился. Король резко и властно вырвал флакон с черным эликсиром из его рук.

— Вот твоя улыбка, старик. — Король небрежно швырнул колокольчик Мираклюсу. Трясущиеся пальцы Мираклюса не удержали его, и колокольчик, сделав круг по полу, закатился под кресло.

— Твоя улыбка мне больше не нужна. Как и ты сам, впрочем. Безумец, надоедливый глупец, неужели ты думал, что мне и вправду нужна твоя музыка? Эй, слуги, сюда! Уведите его, вышвырните вон!

— Не верю! Не верю! — Мираклюс упал перед королем на колени. Такое страдание было на его

лице, что слуги на мгновение замерли, стоя над ним. — Мой инструмент, мой чудесный, божественный… — закрыв лицо руками, горестно простонал Мираклюс.

Двое слуг без труда подхватили под мышки тщедушного, высохшего, как пустой стручок, Мираклюса и поволокли к дверям, а его ноги чертили две полосы по пушистому ковру.

Король устало и глубоко вздохнул, как человек, прошедший длинный путь и наконец достигший цели.

— Скорее, немедленно слуг, скороходов, гонцов к королеве Ветренице! Просить ее величество пожаловать ко мне, отложить все государственные дела. Прилететь незамедлительно! — И добавил неслышным шепотом: — В последний раз, в последний… Неужели?

Глава XVIII
Королева мышей падает в обморок. И главное: Глазастик принимает решение

Глазастик озябла и совсем приуныла. Катя велела ей не вылезать из стальных доспехов, даже не высовываться и ждать ее. Но время шло, а Катя за ней не приходила.

Глазастик тронула кончик своего носа — он был как ледышка.

«Наверно, они сами были холодные, эти рыцари, — подумала Глазастик. — Потому и не зябли

в такой одежке».

Взвились и захлопали, как крылья птицы, тяжелые шторы. По комнате колесом прокатился ветер.

«Королева Ветреница… А вдруг она прилетит прямо сюда? — поежилась Глазастик. — Страшно-то как! Но почему сюда? Дурочка я, во дворце так много комнат. Плохо только, что я отсюда ничего не вижу».

Наверху в пустом шлеме светилась узкая прорезь для глаз. Упираясь локтями и коленками в холодную сталь, Глазастик вскарабкалась повыше. Теперь ей была видна часть зала и громадный мраморный камин.

В камине, на теплой мягкой золе, лежал кот Васька, уныло глядя вверх в черную трубу. Вокруг него с почтением и некоторой опаской суетилось по меньшей мере десятка два мышей и мышат.

На каминных щипцах восседала королева мышей. Она с восхищением поглядывала на кота Ваську, озабоченно отдавала приказания своим слугам и придворным.

— Пусть они не шуршат хвостами, — капризно протянул кот Васька. — Это меня волнует. Понимаете?

— Не шуршать! — повелительно пискнула

королева. — Вы совершенно правы, любезный друг, что за манеры. Как будто не во дворце, а в каком-то чулане.

— Надеюсь, вы не сочтете это бестактным, — вздохнул кот Васька. — Но когда вокруг меня столько мы… То есть, я хочу сказать, столько ваших аппетитных подданных, я должен быть все время сыт. Логично! А то черт знает что лезет в голову.

Королева повелительно подняла лапку, и сразу же перед ней появились две ловкие мышки в белых фартучках. На головках белые чепчики, украшенные бантами размером с комара.

Поклонившись коту Ваське, мышки вывалили перед ним целую гору хлебных корок и объедков сыра.

— Издеваетесь! — оскорбился кот Васька. Глаза его невольно блеснули. — Пусть я без улыбки, но я пока еще кот, а не кто-нибудь!

— Ничтожные твари! — накинулась на своих подданных королева. — Вы недостойны называться мышами! Не в моих привычках повторять что-либо дважды! Марш на кухню. Рискуя шкурой, раздобыть лучшее мясо, куриные потроха.

— Это другое дело, — проворчал кот Васька. — А то еще, честное слово, налетит ветер — и с

голодухи вылетишь в трубу. И так не жизнь, а сплошное мяу!

— Как он обаятелен в своей печали… — с нежностью прошептала королева мышей.

Быстро, будто по мановению волшебной палочки, две проворные мышки в белых передничках поставили перед котом Васькой серебряное блюдо с кусками мяса и курятины.

— Король мышей, к вашему сведению, дорогой друг, всегда может иметь на обед все, что пожелает, — как бы между прочим заметила королева мышей. — И никакая труба ему не опасна.

Кот Васька облизнулся, отчего все придворные с писком шарахнулись в разные стороны.

— Я бы тоже что-нибудь съела, — тихонько вздохнула Глазастик. — Наверно, я от холода проголодалась. У меня вместо живота уже ямка. Наверно…

— Крутятся тут, только на нервы действуют. Лучше бы узнали, где мой пушистый Алеша. — Кот Васька стряхнул теплую золу с лап и принялся за еду.

— Наш высокочтимый гость желает знать… — проговорила королева, и тотчас же из толпы мышей появился маркиз Свечной Огарок. Тяжело дыша, поклонился королеве, поправил золотую

нитку на шее. Из-за своей тучности он страдал одышкой.

— Как вы приказали, ваше величество, проводив девчонку до спальни короля, я последовал за пушистым Алешей, — отдуваясь, проговорил маркиз Свечной Огарок. — Сейчас он находится возле двери-загадки. И похоже на то, что хочет ее открыть.

— Что ж, двери для того и существуют, чтобы их открывать, — меланхолически заметил кот Васька, уплетая последний кусок мяса.

— Еще он бормотал о каком-то железном сундуке, — продолжал маркиз Свечной Огарок. — Будто в этом сундуке заперто что-то очень ценное. Не помню… Не то сны, не то старые обиды, не то зимние шубы. Забыл, что спрятано. А, вспомнил! В этом сундуке спрятаны улыбки!

Глазастик с трудом удержалась, чтоб не вскрикнуть, зажала себе рот ладошкой. Сердце ее застучало часто-часто.

— Сундук, — сонно пробормотал кот Васька. — Теперь меня уже ничто не интересует.

— А потом он простонал, что ему никогда, никогда не открыть этот сундук, — добавил маркиз Свечной Огарок. — Для этого ему нужен какой-то ключ.

— Ах, стоит ли беспокоиться о каких-то ключах! — зевнул кот Васька. — Все суета. Ну, не сегодня откроет, так завтра. Какая разница?

Тем временем две услужливые мышки в белых чепчиках накинули на плечи королевы что-то мягкое, пушистое, излучающее золотистый свет.

«Похоже на волосы Ниточки, — удивилась Глазастик. — Золотой локон. Только как он мог попасть к мышам?»

— Не правда ли, мило, — кокетливо заметила королева мышей, спуская золотой локон на одно плечо. — Пауки соткут мне очаровательную мантию для торжественного случая. Например, для свадьбы. И что такое наша жизнь, в сущности? Цепь неожиданностей. Всякое может случиться… — с загадочным видом добавила она.

Кот Васька ничего не ответил. Трудно было даже сказать, слушает он королеву или нет. Казалось, мысли его витают где-то далеко.

Глазастик вся извертелась в тесных доспехах.

«Хоть бы Катя скорей пришла, — томилась она. — Ведь Катя ничегошеньки не знает. Сундук с улыбками…»

— Неограниченная власть, и никаких забот о пропитании, — вскользь заметила королева мышей. — Я имею в виду, конечно, короля мы-

шей. Взгляните, дорогой друг, к лицу ли мне золотой цвет, как вы находите?

— А что? Неплохо блестит, — равнодушно заметил кот Васька. И тут же добавил с печальным вздохом: — Эх, видели бы вы кошку Мурку. Вот, доложу вам, кто блестит! Особенно когда она сидит на трубе и загораживает солнце. Клянусь жареной куриной ножкой, она похожа тогда на золотое облако! Нет, лучше об этом не думать. Это надрывает мне душу.

— Что еще за кошка Мурка? — дрогнувшим голосом спросила королева мышей.

— Моя подружка, — не замечая отчаяния в глазах королевы, объяснил кот Васька.

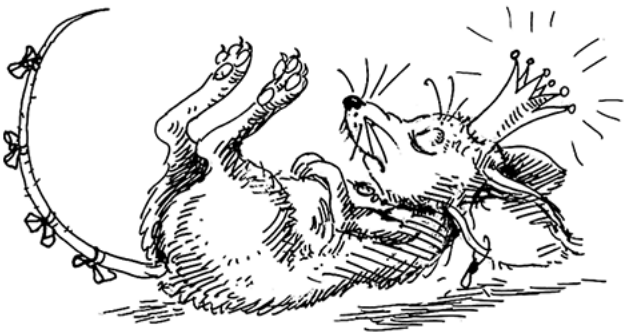
— Она… она тоже королева? — вся помертвев, воскликнула повелительница мышей, и дрожь пробежала по ее жемчужной спинке.

— Какая там королева! — Кот Васька махнул лапой.

— Значит, она принцесса, герцогиня? — слабея, еле слышно проговорила королева мышей.

— Какое там! Самая обыкновенная бездомная кошка. Как говорится, подзаборная. Вот это была жизнь! — Кот Васька увлекся воспоминаниями. — Мы встречались на крыше или в укромном местечке во дворе. Я улыбался, она мурлыкала.

А с каким изяществом она ловила всяких…



Тут кот Васька взглянул на королеву и несколько сконфуженно умолк.

Королева мышей слабо пискнула, розовые уши ее задрожали, она подняла трепещущие лапки и запрокинулась на спину. Придворные кинулись и подхватили ее.

— Предпочесть мне… предпочесть королеве какую-то подзаборную хищницу! — И королева мышей лишилась чувств.

Золотой завиток упал на пол.

Мыши засуетились, бережно подняли королеву, понесли. Самый маленький мышонок поддерживал безжизненно повисший хвост королевы.

— Какое ужасное и несчастное происшествие! Просто И! — тонким голосом пищал он.

Мыши исчезли.

Глазастик осторожно выбралась из железных доспехов. Руками потерла худенькие плечи — ой и озябла же она!

Подняла с полу золотой завиток. Так и есть — волосы Ниточки! Золотой локон мягко сиял у нее в руках. От него веяло теплом, какой-то надеждой.

«Они не бросят меня тут», — подумала Глазастик.

Неожиданно ветер с силой навалился на окно, швырнул в стекло звонкие снежинки и с разбойничьим свистом протиснулся в оконную щель.

Он наполнил зал холодом, свил вокруг Глазастика ледяное кольцо. Золотой локон сдуло с ее ладони, разметало, разнесло по волоску во все стороны.

— Ай! — воскликнула Глазастик.

Вдруг в лицо ей повеяло чем-то теплым. Она разглядела круглое прозрачное лицо с веснушками на носу, волосы — как языки бесцветного пламени.

— Вихрик, ты! Посмотри, волосы Ниточки! — горестно воскликнула Глазастик. — Тот злой

колючий ветер разбросал их во все стороны, видишь? Волосы Ниточки…

Действительно, все вокруг блестело, словно порвались на части и повисли в воздухе разорванные нити золотого дождя.

Родниковой чистоты слезы побежали по щекам Глазастика.

— Не плачь, Глазастик, не плачь. — Бесчисленные теплые пальцы ласково погладили щеки Глазастика. — Сначала я высушу твои слезы, а потом…

В воздухе повсюду замелькали чуть видимые руки, собирая в пригоршни золотые волосы Ниточки.

Через мгновение золотой локон невесомо опустился на ладонь Глазастика.

— А я что знаю! А я что знаю! — Вихрик скользнул по плечу Глазастика. — Я старался все запомнить, ничего не перепутать. Ты так удивишься! Слушай: улыбки спрятаны в сундуке! В железном сундуке.

— Да, да, Вихрик, я знаю, — торопливо сказала Глазастик. — Мышка с золотой ниткой на шее говорила об этом.

— Знаю, знаю! — с обидой передразнил ее Вихрик. — А вот спорю на что хочешь, ты не знаешь,

что улыбки звенят! Вот так: динь-динь-динь! Но открыть этот сундук он никак не может!

— Кто не может, кто? — Глазастик протянула к Вихрику руки, но перед ней уже была пустота. — Ты где, Вихрик?

— Динь-динь-динь! — беспечно прозвенел Вихрик где-то под потолком. — Тебе нравится, как я звеню?

— Очень, очень нравится, — поспешно кивнула Глазастик. — Вихрик, ты не договорил, кто хочет открыть сундук и не может?

— Такой хороший, добрый, я его люблю. В шляпе с павлиньим пером! — Вихрик свился голубым кольцом, закружился вокруг люстры.

— Дядя Алеша! — всплеснула тонкими руками Глазастик.

— Не знаю, не знаю! Динь-динь-динь! — Теперь звон доносился сразу из всех углов. — А еще я могу звенеть совсем тоненько, послушай. Динь-динь! Как по-твоему? Правда, красиво?

— И звенит, и звенит… — проворчал кот Васька, растянувшись в камине на теплой золе. — Покоя не дают старому коту. Впрочем, я совсем не старый.

— Еще я принес тебе перышко! Белое перышко голубки. Ты любишь играть с перышками?

Быстрые руки Вихрика взлетели вверх. По воздуху, покачиваясь, как по волнам, проплыла белая пушинка, плавно опустилась вниз, зацепилась за рукав Глазастика.

— Люблю перышки, очень люблю. До чего хорошенькое, прелесть, — едва взглянув на перышко, сказала Глазастик. Она знала, какой Вихрик обидчивый. — И все-таки… Сундук с улыбками. Ты знаешь, как его открыть?

— А ключ от сундука: он есть — и его нет! Есть и нет, все сразу. Динь-динь-динь! — снова не удержался Вихрик.

— Как это: есть и нет? Так не бывает. — От удивления Глазастик моргнула.

— Бывает, бывает, все бывает! — Вихрик вдруг перестал крутиться, повис перед Глазастиком. Блеснули мелкие песчинки на его носу и щеках. — А тебе здесь вовсе нечего делать, Глазастик, дурочка! Такая худенькая и такая глупая. Или все худенькие такие глупые?

— Почему глупая? Вихрик, ну что ты делаешь, зачем ты меня щекочешь?

— Конечно, глупая! — Пальцы Вихрика пробежали по ушам и шее Глазастика. — Ведь как раз сюда, в этот зал прилетает королева Ветреница!

— Сюда? Королева Ветреница? — Глазастик

невольно со страхом оглянулась на окно.

— Ну да. Если у нее северное настроение, то северные ветры ледяными щипцами завивают ей волосы, снежной пылью пудрят лицо. А если южное настроение, я украшаю ее ароматами цветов.

— Прилетает сюда, ой! — вздрогнула Глазастик. — Я хочу уйти скорее отсюда! Уйти…

Глазастик прислушалась. Там снаружи бились в стены и бесновались ветры, дробя в воздухе голубые розы-снежинки, поднимая столбами ледяную пыль.

— Еще не сейчас, не сейчас, не сейчас! — Вихрик закружился вокруг Глазастика. — Вот когда во дворце зазвенят все стекла — тогда пора. Тогда, значит, она уже близко.

— Нет, я хочу уйти сейчас, — чуть не плакала Глазастик. — Я так ее боюсь! Боюсь больше всего на свете. Вихрик, миленький, уведи меня отсюда. Спрячь где-нибудь. Ты же знаешь весь дворец. А зачем она прилетает?

— Королева Ветреница приносит вашему королю ключ-невидимку! — просвистел Вихрик.

— Ключ-невидимку? Разве такое бывает? — ахнула Глазастик. — А не врешь?

— Мы, ветры и вихри, никогда не врем, не обма-

нываем. — Вихрик обиженно взвился к потолку, зашевелил подвесками люстры. — Есть буйные, злые, губительные ветры. Но мы свистим только правду, правду, правду… И я больше никогда не скажу тебе ни одного словечка!

— Прости меня, Вихрик! — Глазастик с мольбой сложила тонкие руки. На миг она увидела перед собой глаза Вихрика с маленькой синей точкой печали в каждом. — Я не хотела… Я тебе верю. Скажи, ты видел когда-нибудь ключ-невидимку? Какой он, этот ключ?

— Не скажу! — заупрямился Вихрик.

В воздухе мелькнули его обиженно надутые губы.

— Ну, Вихрик! — взмолилась Глазастик. — Скажи, какой он? Мне очень надо. Ты его видел хоть раз?

— Да как же его увидишь? — удивился Вихрик и весело закружился вокруг Глазастика. Видно, обида уже выветрилась из его головы. — Он же невидимый. Северный ветер высекает его из самого чистого прозрачного льда. Королева Ветреница приносит его, когда у нее северное настроение.

— Ключ изо льда?! — ахнула Глазастик.

— Да, да, да! Ключ-невидимка висит на цепочке

из ледяных алмазов на груди у королевы. Она снимает ключ с цепочки и отдает королю.

В этот миг весь дворец сотрясла звенящая дрожь. Задребезжали все дворцовые стекла, со скрежетом и треском волчком завертелись флюгера.

— Она летит, она близко, близко, близко! — Вихрик дохнул Глазастику в лицо. — Сейчас королева Ветреница распахнет окно. Торопись, иначе ты не успеешь убежать отсюда. Спеши за мной, за мной!

Но Глазастик не тронулась с места. Она стояла, хмуря тонкие брови, словно о чем-то мучительно думала.

— Я никуда не пойду, Вихрик, — сказала Глазастик. — Тут останусь. Только, наверно, я умру со страху или северный ветер унесет меня, прежде чем я успею…

— Ты с ума сошла! — просвистел Вихрик. — Что ты надумала?

— Не дуй мне в лицо, а то мне трудно говорить, — попросила Глазастик. — Я скажу тебе тихонько, шепотом. А то вдруг кто-нибудь услышит.

На миг Глазастик увидела перед собой круглое оттопыренное ухо Вихрика.

— Говори скорей! Я не могу долго стоять на месте, как вы, люди, — поторопил ее Вихрик. — Я должен крутиться, вертеться!

Глазастик наклонилась к прозрачному уху Вихрика.

— Я спрячусь в железного рыцаря, — прошептала она.

Вихрик рванулся с места.

— Ты такая худенькая и такая смелая! Или все худенькие такие смелые? Я боюсь за тебя, боюсь!

— Сама боюсь, — глубоко вздохнула Глазастик, и что-то зазвенело у нее в груди. — Ужас до чего боюсь. А надо. Вдруг это как раз тот самый ключ? Похоже на то. Значит, это он открывает сундук с улыбками. Как же я могу уйти отсюда? Если мне повезет, то я…

— Тогда подыши на меня, чтоб я стал еще теплее. Такой же теплый, как ты! — просвистел Вихрик.

Глава XIX
Дверь-загадка.
И главное:
замок, который не может открыть Трот

Волшебник Алеша стоял в тени высокой мраморной колонны, без сил прислонившись к ней плечом. Сейчас больше всего на свете ему хотелось одного: открыть дверь-загадку.

— Я должен улыбнуться, — уговаривал он сам себя. — В сущности, все складывается не так-то уж плохо. За Катю я спокоен. Волшебный мел у нее. Я уверен, Катя уже давно дома и, конечно, прихватила с собой летающего беднягу, кота Ваську. Однако… Как же в таком случае я вернусь из сказки? Но об этом сейчас не время думать. И так слишком много сложного и запутанного. Взять хотя бы джинна. Как я в нем разочарован. Изменник и предатель, потерявший всякую совесть. Боже мой, ведь в любой момент король может приказать ему…

Волшебник Алеша понял, что улыбнуться он не сможет.

Где-то в дальних залах гулко прозвучал голос:

— Побегушка! Где ты, негодник?

Волшебник Алеша в смятении оглянулся. В этом пустом зале с полукруглыми окнами было совершенно негде спрятаться.

Неожиданно большая темная картина в золоченой раме качнулась, сдвинулась с места, по стене сверху вниз побежала трещина. Обозначилась

щель, она все расширялась, и наконец в стене приоткрылась маленькая дверца.

«Или все погибло, или, может быть, наконец произойдет что-то счастливое, что изменит столь мрачный ход событий!» — пронеслось в голове волшебника Алеши.

Потайная дверца распахнулась. Из дверцы вырвалось сияние — на пороге стояла Ниточка. Она держала за руку юношу с бледным лицом. Его бледность переходила в зеленоватость, цветом напоминая росток, никогда не видавший солнца.

Ниточка тряхнула волосами — на пол упала соломинка.

— Они заперли нас, но мы убежали. Это Трот, мой жених. Он замочных дел мастер, — задыхаясь, словно от быстрого бега, сказала Ниточка. — Во дворце его зовут Человек-ключ, а еще Человек-улыбка. Но сейчас не время об этом. Скажите скорее, где Глазастик? Вы не знаете, где она? Ветер ее не…

— Так это вы Человек-улыбка? Вы открывали эту дверь? — с облегчением воскликнул волшебник Алеша, не отвечая на вопрос Ниточки. — Ну вот все и наладилось! Прошу вас, скорее улыбнитесь. Нам надо, нам просто необходимо

как можно скорее открыть эту дверь!

— Где Глазастик? — нетерпеливо перебила его Ниточка. — Вы не видели ее?

— Дома, наверно, где же ей еще быть. — Волшебник Алеша успокоительно похлопал Ниточку по руке. — Я велел им сидеть тихо и ждать меня.

— Значит, вы ничего не знаете, — бледнея, прошептала Ниточка. — Они здесь, они во дворце — и Глазастик, и Катя!

— Ах, девчонки! — всплеснул руками волшебник Алеша.

— Боюсь, что я не смогу улыбнуться, — покачал головой Трот.

Послышались звучные бегущие шаги.

— Здесь все ходят так тихо. — Волшебник Алеша оглянулся на Трота. — Кто бы это мог быть? Шаги все ближе…

В этот момент в зал вбежала Катя. За ней — сероглазый мальчик с пустым подносом в руках,

в тесной бархатной курточке.

— Видишь, Тсс, ты нашла его, — печально шепнул маленький паж. — Прощай, Тсс!

Мальчик посмотрел на Катю и легко, неслышно выбежал из зала.

Ниточка бросилась к Кате, схватила ее, сжала ей щеки ладонями так сильно, что губы у Кати оттопырились.

— Катя, Катя, говори скорее, ты не знаешь, где Глазастик? — спросила она, нетерпеливо и вместе с тем боясь услышать в ответ что-то страшное.

— Глазастик в рыцаре, в пустом, я ее туда спрятала! — с трудом проговорила Катя. — Ой, пустите! Там ей никакой ветер не страшен!

Ниточка благодарно обняла Катю, и Катя почувствовала, какие невесомые руки у Ниточки, будто они из воздуха или это только тени рук.

В дальних дверях на миг появилась юная придворная дама со злым личиком. Она резко остановилась. Кружева на ее платье поднялись, засеребрились и, опадая, погасли.

Она бесшумно и незаметно исчезла.

— Дядя Алеша, ой! А я термос разбила! — торопясь и радуясь, проговорила Катя, отводя от лица золотые волосы Ниточка. — Я его схватила и бряк

об пол! Он — дзынь! — и разбился!

— Прекрасно! — воскликнул волшебник Алеша. — Если термос разбит, джинн нам больше не опасен. Это просто великолепно!

Тут Катя, Трот и волшебник Алеша не сговариваясь улыбнулись все вместе. И от их улыбок, и от звенящего Катиного голоса дверь-загадка стремительно распахнулась.

— Скорее, да скорее же, пока нас никто не увидел, — заторопился волшебник Алеша.

Все четверо переступили порог небольшой комнаты, и дверь-загадка тотчас же за ними затворилась.

Из часов, из маленького домика над круглым циферблатом, выглянула Кукушка, с важностью поклонилась вошедшим. Лукаво и благосклонно поглядела на волшебника Алешу.

— Познакомьтесь, это мой друг, ученая Кукушка, мудрая и благородная. — Волшебник Алеша указал на Кукушку. — Потом я расскажу вам о ней много замечательного. Но сейчас главное — открыть этот старинный сундук. В нем — улыбки. Это удивительно. К тому же они звенят. Мы должны их освободить. Я знаю, Трот, что вы можете открыть любой замок, для вас нет тайн подобного рода. В таком случае за дело, дружище!

Трот присел на корточки, внимательно осмотрел замочную скважину. Встал, рассеянно хмуря брови, качнул цепь, которой сундук был прикован к стене. Снова нагнулся к замочной скважине.

Волшебник Алеша следил за ним с нарастающим беспокойством.

Трот выпрямился и безнадежно покачал головой.

— Да, я создал этот замок, но беда в том, что открыть его я не в силах. Его может открыть только самый таинственный ключ на свете, ключ-невидимка! Северные ветры вытачивают его из тончайшего чистого льда. Ключ-невидимка открывает замок и тут же тает в руках. Несколько хрустальных капель — и все, ключа больше нет. Увы, только им можно открыть сундук с улыбками. Здесь я бессилен!

— Вот оно что! Теперь я понимаю, почему этот ключ существует и одновременно его нет, — потерянным голосом прошептал волшебник Алеша. — Ключ-невидимка…

— Ку-ку! — печально подтвердила Кукушка, выглядывая из домика над часами и качая головой. — Ку-ку!

Глава XX
Королева Ветреница.
И главное:
ветер уносит Глазастика

Глазастик, спрятавшись в стальных доспехах, дрожала мелкой дрожью. Она прижала ладошку к губам, чтобы зубы не стучали.

Кот Васька зарылся в теплую золу и задремал.

Вихрик тоже притих, только из разных углов время от времени доносились его вздохи и шепот. Что он шепчет, было не разобрать.

Глазастик напряженно прислушивалась к нарастающему свисту ветра за окнами. Но вот к голосу ветра подмешался лай собак, смутные звуки труб.

«Она! — в страхе подумала Глазастик. — Не могу! Зачем я только… А холод какой! Наверно, я превращусь в сосульку с двумя глазами, и все».

Неожиданно весь дворец содрогнулся от самого основания до верхушек зубчатых башен. Ветер ударил с такой силой, что, казалось, стекла прогнулись, как паруса.

Безумный свист, оглушая, приблизился. Глазастик сжалась в комочек.

Окна зала со свистом распахнулись. Одно стекло зазвенело и треснуло.

Во все окна полились потоками, тесня друг друга, прозрачные гончие, пажи, косматые слуги-ветры.

И наконец Глазастик, замирая, увидела ту, ко-

торой она боялась больше всего на свете.

В окно влетела сама королева Ветреница.

Глазастик увидела струи воздушных волос, колеблющиеся по краям, едва различимое надменно поднятое кверху лицо, хрустальную корону. Ярче всего сверкала цепь из граненых алмазов на груди королевы Ветреницы. На мгновение что-то блеснуло среди острых алмазов. Это был ледяной ключ. Казалось, он сделан из прозрачного серебра.

— Ключ-невидимка! — обомлела Глазастик.

— Подайте мне зеркало и придвиньте кресло! — послышался повелительный звенящий голос.

Чуть видимые слуги усадили королеву в кресло, обитое узорным шелком, тоньше любой кисеи. Маленький паж, которого Глазастик с трудом рассмотрела, подал королеве зеркало. Зеркало текло, лилось, как ключевая вода.

— На кого я похожа! — послышался капризный, ломкий голос. — Я не могу показаться жениху на глаза в таком виде. Северные ветры, завейте мои волосы, вихри, напудрите меня, расправьте мой плащ, уложите его складками, как волны северного моря.

Вокруг королевы засуетились слуги-ветры.

Прозрачный гребень погрузился в струящиеся волосы. Слабо блеснули щипцы, укладывая волосы легкими, словно стеклянными локонами.

Холод сковал руки и ноги Глазастика. Стальные латы стали совсем ледяными.

Слуги-ветры сновали по залу. Одна из гончих, принюхиваясь, подбежала к стальному рыцарю. Залаяла звонко, но лай ее смешался с голосами и свистом.

— Хорошая псина, не надо, не надо… — прошептала Глазастик. Она осторожно высунула руку, погладила плоский лоб гончей. И вдруг холодный язык ласково лизнул ей ладонь. Почему-то это немного подбодрило Глазастика.

На миг она увидела веснушки и лицо Вихрика. Веснушки порхали в воздухе, как рой мошек.

Отворилась дверь, и вошел король, зябко кутаясь в горностаевую мантию. Весь мех на мантии встал дыбом, когда он приблизился к королеве Ветренице. Король поцеловал ее прозрачную руку и поспешно отошел в сторонку.

— Моя прекрасная невеста, вы очаровательны, как всегда! — зеленея от холода, проговорил король. — Надеюсь, вы не забыли и принесли наше маленькое, но бесценное сокровище? Наш ключ-невидимку!

— Да, мой милый жених, я принесла его. Но, боюсь, в последний раз. — Королева Ветреница грозно нахмурила серебряные брови.

«Она принесла ключ-невидимку. Я не ошиблась», — вся дрожа, подумала Глазастик.

— Почему же так, моя самая очаровательная, моя самая прозрачная невеста? — Король кашлянул в кулак и плотнее запахнул мантию. — Почему так мрачно, почему в последний раз?

— Опасаюсь, ваше величество, что вы отняли не все улыбки у ваших подданных. Откуда-то взялись улыбки, и они на свободе! — дохнула холодом королева Ветреница, и голубой иней тут же покрыл узорами все окна и зеркала. — От этих улыбок тают северные льды. Мой преданный северный ветер с трудом отыскал одну-единственную льдинку, из которой он смог выточить бесценный ключ!

— Проклятые улыбки, — процедил сквозь зубы король. Он натянул мантию повыше, уткнулся носом в теплый мех. — Этот волшебник из другого пространства, а с ним еще какая-то девчонка. Они улыбаются…

— Чего ж тогда удивляться, ваше величество? От улыбок слишком много тепла, — гневно повторила королева. Глаза ее опасно сверкнули. — Там, где еще недавно расстилались ледяные поля, где я каталась на оленях, теперь плещется море. Зеленые волны бьются о скалы. И потому это последний ключ-невидимка!

«Последний…» — неслышно прошептала Гла-

застик.

— Что поделаешь, моя прекрасная невеста. — Король отвернулся, пряча глаза. Он притворно вздохнул. — Последний так последний.

— Ну так берите ключ-невидимку и поторопитесь! — пронзительно крикнула королева.

Глазастик увидела, как из-за колонны выскользнул Вихрик. Раскинув руки, он принялся кружиться над королевой Ветреницей. Наконец он подлетел к ней совсем близко, но королева отшатнулась от него.

— Что ты здесь делаешь сегодня, негодник? — прозвенел ее властный голос. — Ты же знаешь, что у меня сегодня северное настроение. А ты, наверно, опять валялся на горячих песках пустыни. Ступай отсюда! Я призову тебя, когда у меня будет южное настроение.

— Я летал в весеннем лесу, я принес вам тени и аромат фиалок, фиалок! — просвистел Вихрик.

— Прочь! Сегодня я не желаю фиалок! А когда у меня южное настроение, тебя невесть где носит, бездельник! — сердито сказала королева Ветреница, поворачивая лицо и разглядывая себя в зеркале. — Поднимите мои волосы повыше и перетяните их узким снежным облачком.

Вихрик подлетел еще ближе.

— Еще я был в летнем лесу. Я собрал для вас вкус и запах земляники. Он расцветит ваши щеки, а губы сделает розовыми.

— Ты надоел мне, дрянной мальчишка! — Королева Ветреница нетерпеливо махнула рукой. И от этого движения невесомые пажи и слуги разлетелись в разные стороны.

— Я был в осеннем поле, — пропел Вихрик. — И раздобыл для вас золотую пыльцу. Я позолочу ею вашу цепь!

— Мне жарко, душно! — гневно крикнула королева Ветреница. — От тебя веет человеческим теплом. Ты обжигаешь меня!

Глазастик увидела, что Вихрик совсем близко подлетел к королеве Ветренице. Мелькнули его вытянутые трубочкой губы. Он подул на ледяную цепь. Одно из ледяных звеньев растаяло, цепь распалась и со звоном лопнувшей струны упала на пол.

— Дрянной мальчишка, волчонок, что ты наделал! — в неистовой ярости крикнула королева Ветреница.

Она стремительно вскочила с кресла, и тотчас же все вокруг со свистом взвихрилось, завертелось. Пажи, слуги, собаки взмыли к потолку, путаясь, пролетая друг сквозь друга. Кресло

и зеркало превратились в струи ветра.

Кот Васька, подхваченный сквозняком, вылетел из камина и закружился вокруг люстры, пытаясь зацепиться за нее, скользя когтями по гладким хрустальным подвескам.

Стальной рыцарь покачнулся. Тяжелый шлем упал и покатился со звоном и грохотом. Глазастик выскочила из доспехов, но поскользнулась на оледеневшем мраморном полу и упала на колени посреди зала.

В этом миг отворились высокие двери, появился Главный Сборщик Улыбок, да так и застыл на пороге.

Вихрик обхватил Глазастика своими бесчисленными руками, помогая ей встать.

— Проклятье! Откуда тут девчонка? — завопил король.

Глазастик вскочила на ноги, но королева Ветреница опередила ее. Она наклонилась, волосы ее распустились и заполнили весь зал.

Глазастик, задыхаясь, продиралась сквозь волосы королевы. Они мешали ей дышать, душили ее, хлестали по глазам.

Королева Ветреница уже протянула руку к алмазной цепи, но в этот миг кот Васька, кружась и кувыркаясь, безнадежно запутался в диких струях ее прозрачных волос.

— Ай! — вскрикнула королева Ветреница, хватаясь за виски. — Кто так больно дергает меня за волосы?

Глазастик увидела палец Вихрика, указывающий на что-то прозрачное среди рассыпавшихся ледяных алмазов.

Глазастик не стала медлить. Она наклонилась, дрожащей рукой нашарила на полу что-то невидимое и холодное и зажала в кулаке. Она сразу почувствовала — это ключ.

— Девчонка украла ключ-невидимку! — простонала королева. Она никак не могла вытащить кота Ваську из перепутанных прядей своих струящихся волос.

— Хватайте ее, держите! — как безумный завопил король.

Глазастик, дрожа с головы до ног, попятилась к окну.

— Прошу вас, ваше величество. — Главный Сборщик Улыбок почтительно отстранил короля. И добавил шепотом: — Ее надо уговорить, обмануть, обхитрить…

Глазастик сложила ладони лодочкой, она чувствовала обжигающий холод ледяного ключа.

— Девочка, милая девочка, отдай мне этот маленький ключик! И ты будешь жить во двор-

це, — ласково и вкрадчиво проговорил Главный Сборщик Улыбок, протягивая к Глазастику свои страшные гибкие руки.

— Нет, — замирая, прошептала Глазастик.

— А золотые туфельки? — еще слаще проговорил Главный Сборщик Улыбок, незаметно подкрадываясь к Глазастику. — Ты только представь себе: твои шаги будут слышны во всех залах! А зависть? Все придворные дамы, все до одной, — да они сойдут с ума от зависти!

— Слишком много чести! — яростно просвистела королева Ветреница. Слуги, суетясь, расчесывали ее волнистые волосы, торопливо завязывали их бантами из голубого тумана, посыпали изморозью.

— Мы присвоим тебе титул Легкая Принцесса, Принцесса-облачко, Принцесса-пушинка! — Голос Главного Сборщика Улыбок усыплял, обволакивал. Он уже совсем близко подобрался к Глазастику.

— Слишком много чести! — гневно воскликнула королева Ветреница. Король согнулся, кашляя от порывов ледяного ветра.

— Ну, моя девочка, ну, моя хорошая! — Главный Сборщик Улыбок скользил по мраморному полу, как по льду. — Соглашайся же, не упускай своего

счастья! Вот и умница, я вижу, ты сейчас отдашь мне этот маленький холодный ключик!

— Нет! — словно засыпая, еле дыша, прошептала Глазастик.

— Проклятье! Почему все они говорят мне: «Нет! Нет! Нет!» — не выдержав, взвизгнул король. — Приказываю, отныне всем говорить мне «Да!». Только «Да!» — и ничего другого!

Глазастик невольно обернулась на голос короля, и в этот миг, улучив момент, Главный Сборщик Улыбок подпрыгнул, как отвратительное насекомое, и ухватил Глазастика за подол наполненного ветром платья.

— Попалась, маленькая дрянь, воровка! — с неистовым торжеством крикнул он.

Глазастик увидела: в воздухе мелькнула растопыренная пятерня Вихрика. Он разом сгреб все веснушки-песчинки со своего носа и щек и швырнул их прямо в лицо Сборщику Улыбок. Тот взвыл не своим голосом и выпустил платье Глазастика. Прижав кулаки к глазам, Сборщик Улыбок завертелся на месте.

— Проклятый ветер! Засыпал глаза песком! Ничего не вижу! — завопил он.

Глазастик вскочила на подоконник и толкнула раму. Высокое окно со скрипом распахнулось.

Глазастик едва чувствовала биение своего сердца, вся жизнь в ней словно остановилась.

— Я опутаю тебя волосами! Я задушу тебя! — дико закричала королева Ветреница. Ее прозрачные руки все удлинялись, они тянулись к Глазастику, грозя схватить ее.

«Прощайте, Ниточка, Катя… — подумала Глазастик. — Прощайте, все… все…»

Глазастик наклонилась. Ей показалось, под ней открылась бездна. Она наклонилась еще больше. Могучий ветер подхватил ее, поднял и легко вынес из окна.

«Я лечу все выше! Как страшно…» — Голова у Глазастика закружилась. Она глянула вниз и увидела крыши, крыши, заснеженные крыши, влажную темную черепицу, флюгера, черные провалы труб и площадь перед дворцом, на которую со всех сторон сбегались стражники.

С жалобным мяуканьем мимо нее пронесся кот Васька.

— Мои волосы! Они зацепились за люстру. Перережьте ленты! — пронзительно крикнула королева Ветреница.

В воздухе звякнули прозрачные ножницы. Королева Ветреница со свистом вылетела из окна вслед за Глазастиком.

Глава XXI
Вихрик улетает из дворца. И главное: король приходит к выводу, что все складывается очень удачно

— Это все ты виноват, ты! Девчонка, ветер,

ключ! — Король от ярости не мог устоять на месте. Он подскакивал, подпрыгивал. Можно было подумать, что король танцует какой-то нелепый танец. Горностаевая мантия сползала с его плеч, он судорожно подхватывал ее и снова закутывался в мех до подбородка. — Подумаешь, какая-то горсть песка. Неженка, глупец, бездарность! Упустить девчонку, да еще с ключом! Да тебя мало повесить за такое!

Но Главный Сборщик Улыбок не слышал отчаянных криков и опасных угроз короля. Согнувшись в три погибели, стеная и охая, он прикладывал носовой платок то к одному глазу, то к другому. На зубах у него скрипел песок.

С разных сторон доносились тихие всхлипывания Вихрика. В одном углу Вихрик плакал глухо и безнадежно, в другом — тонко, жалобно, по-детски шмыгая носом.

По всему залу с сухим шорохом беспорядочно носились розы-снежинки, сталкивались, роняли непрочные лепестки.

— Я весь окоченел! Закрой скорее окно! — Король острым носком ботинка заехал в бок Главному Сборщику Улыбок. Тот выпрямился, моргая слезящимися, красными глазами. Преодолевая тугие порывы ветра, плотно закрыл

окно. В последний момент, горько всхлипнув, в оконную щель выскользнул Вихрик и исчез.

— Проклятый ветерок, я задушил бы тебя своими руками! — прошипел ему вслед Главный Сборщик Улыбок.

— Ну! — сквозь зубы процедил король. — Что ты скажешь в свое оправдание?

Главный Сборщик Улыбок немного отдышался, высморкался, брезгливо смахнул последние песчинки со лба и щек.

— Как посмотреть на все случившееся, ваше величество, — вкрадчиво, словно расстилая перед королем мягкий бархат, проговорил Главный Сборщик Улыбок. — Девчонка улетела, тут я не спорю. Но скорее всего маленькая дрянь отморозит пальцы, выронит ключ, и он разобьется вдребезги. Так что этим мерзавцам все равно не удастся открыть сундук, что, несомненно, для нас самое главное.

— Допустим, — неохотно согласился король. — Но все остальное…

— Далее, ваше величество… — Голос Главного Сборщика Улыбок словно заворачивался мягкими складками. — Вы приказали узнать, где скрывается красавица с золотыми волосами. Теперь нам известно, где она. Скоро Ниточка

у ваших ног со слезами станет молить о пощаде и прощении.

— Что ж, это будет очень мило, — разнеженным голосом проговорил король. Он мечтательно сощурился. — Пусть она немного поплачет. Чужие слезы меня всегда успокаивают. Да, да, я женюсь на ней. Это решено. Мне нужна именно такая жена. Послушная и теплая. С золотыми волосами и главное — всегда одинаковая.

— Но это еще не все, — перебил его Главный Сборщик Улыбок. Он был не в силах скрыть зловещего торжества. — Вы приказали поймать пришельца со странным именем «волшебник Алеша». Так вот, извольте! Он прячется там же, где красавица Ниточка. Более того, девчонка Катя тоже вместе с ними. Но и этого мало. Трот, Человек-улыбка, не где-нибудь, а тоже там. Мы накроем их, как малых пташек, одной сетью. Захватим всех сразу. Согласитесь, это редкая, исключительная удача. Они сами устроили себе такую хорошенькую ловушку!

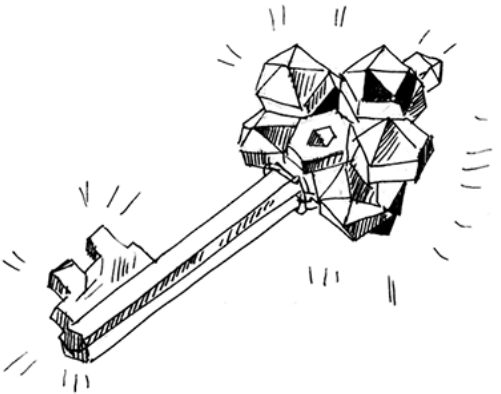
— Пожалуй, ты не так глуп, — пробормотал король. Настроение у него явно улучшилось. — Ниточку я запру в дальних покоях. Остальных прикажу казнить без всякого промедления. Надеюсь, это послужит им хорошим уроком.

Король с довольным видом потер тощие синеватые руки. Они походили на скрюченные птичьи лапки. По лицу короля было видно, что он думает о чем-то заманчивом и приятном.

— Однако нельзя терять ни минуты, — осторожно напомнил ему Главный Сборщик Улыбок.

— Да, да, поторопимся. — Король расправил складки мантии, гордо вскинул голову. — Мираклюс, путаник и мечтатель! Наконец твой гений сослужит мне верную службу. О, эликсир мрака! Я уже чувствую в руках вес золота. Его холодную тяжесть!

Глава XXII
Королева Ветреница ловит Глазастика. И главное: золотые колокольчики



Волшебник Алеша в глубокой задумчивости стоял возле прикованного к стене сундука. Катя держала его за рукав, молчала, ни о чем не спрашивала, только иногда боязливо заглядывала ему в лицо.

Из домика над часами выглянула Кукушка.

С сочувствием посмотрела на волшебника Алешу, покачала головой. Не скрывая любопытства, оглядела Ниточку, ее золотые волосы. Потом с важным видом разгладила серые перышки у себя на груди, явно давая понять, что они ничуть не хуже.

— Моя улыбка тоже тут? — тихо спросила Ниточка.

Трот отвернулся, кусая губы.

— Я проклинаю себя, проклинаю свое мастерство, — простонал Трот. — Я наказан за гордость, тщеславие! Мне нравилось создавать то, что не доступно никому другому. И как жестоко я наказан!

Ниточка с нежностью прижала ладонь к его губам.

— Не надо так, любимый, — прошептала она. — Ты — великий мастер, и ты ни в чем не виноват. Злые люди обманули тебя, воспользовались твоим чудесным даром. Так случалось во все времена.

Неожиданно из-за двери-загадки послышался приторно-ласковый голос Главного Сборщика Улыбок. Голос тек медленно, тягуче, как горький мед.

— Эй, вы, там! Отоприте двери, послушайтесь

доброго совета. Игра проиграна, имейте мужество признаться в этом. Откройте дверь, мои дорогие, и король вас помилует. А если нет, вас вздернут на виселицу, всех, и тяжелых и легких!

Катя, всхлипнув, уткнулась носом в грудь волшебника Алеши.

— Эликсир мрака готов! Все равно улыбки погибнут. — Наслаждение послышалось в голосе Главного Сборщика Улыбок. — Откройте дверь!

— Эликсир мрака, я читал о нем… — В отчаянии волшебник Алеша на мгновение закрыл глаза рукой. — Он убьет улыбки, и уже ничто не сможет их оживить!

Неожиданно тревожным легким движением павлинье перо коснулось его щеки. Волшебник Алеша скосил глаза на кончик пера. Сине-зеленый глазок пристально смотрел на окно. Волшебник Алеша перегнулся через подоконник. Откуда-то сверху свалился маленький камушек, со свистом пролетел мимо его щеки. Волшебник Алеша поднял голову. Зацепившись за зубцы башни, сверху на веревках спускались стражники.

Вся площадь у подножия башни кишела стражниками в тяжелом вооружении. Их было множество, не сосчитать. Одни волокли длинные

лестницы, поднимали их, прикидывая, как забраться повыше. Другие карабкались по уступам башни, ломая хрупкие ветки сухого плюща. Все смешалось: крики, брань, стеклянный хруст снежинок под грубыми сапогами.

Послышался скрежещущий звук, и вдруг Катя увидела за окном верхушку лестницы с железными крючьями.

— Ой! Дядя Алеша! — вскрикнула Катя.

Волшебник Алеша дотянулся до верхней перекладины лестницы и изо всех сил оттолкнул ее от стены. Стражники, гремя оружием, с воплями посыпались вниз. Донесся треск сломавшейся лестницы, проклятья, стоны.

В это время под сокрушительными ударами задрожала дверь-загадка. Из каминной трубы, как обрывки черных кружев, полетели клочья сажи.

«Стражники, и там стражники...» — догадался волшебник Алеша.

Послышались приглушенные голоса:

— Ты самый тощий, полезай первым!

— Чего бояться? У них нет оружия!

— Бросимся на них все сразу!

Волшебник Алеша в отчаянии переводил взгляд от окна к камину, от камина к двери-за-

гадке. Дверь тяжело затрещала, выскочил острый дубовый клинышек.

— Трот, милый, мы все-таки встретились! Пусть ненадолго, но встретились. — Ниточка просто и мужественно взглянула в глаза Троту. — Прощай! Теперь ветер, холодный ветер решит мою судьбу…

— Нет, так не будет! Мне не нужна моя улыбка. Пусть она пропадет, сгинет! — с силой отчаяния воскликнул Трот. — Ветер унесет нас обоих. Никто и ничто не сможет нас разлучить!

— О Трот… — Ниточка благодарно обняла его, припала головой к его груди. — Ты будешь держать меня за руку до последней минуты! Правда, Трот? Пока нас не встретят холодные звезды…

Трот молча кивнул, не в силах сказать ни слова.

— Друзья мои, еще не все потеряно, — торопливо сказал волшебник Алеша. — У Кати в кармане лежит кусочек заколдованного мела. Достаточно нарисовать этим мелом ключ на любой двери — и мы можем навсегда уйти из этой сказки. Прежде всего это касается тебя, Катя. Ты должна непременно…

— А Глазастик? — Слезы бежали по щекам Кати. — Нет, нет, ни за что!

— А мама? — Волшебник Алеша поднял Катино лицо за подбородок, заглянул ей в глаза.

— А Глазастик?.. — еле слышно прошептала Катя.

Послышалось жалобное мяуканье. Мимо окна, весь взъерошенный, пролетел кот Васька. Он отчаянно вытягивал лапы в надежде за что-нибудь уцепиться.

Катя бросилась к окну.
— Васька! Кис-кис-кис! — позвала она.
Кот Васька, растопырив лапы, пролетел ми-

мо окна. Но слишком далеко, и Катя не смогла до него дотянуться.

— Улетаю! Сплошное мяу! — в отчаянии крикнул кот Васька.

Катя встала коленом на подоконник, изловчившись, в последний момент ухватила бедного кота за лапу и втянула в окно.

— Ой! — вдруг в ужасе вскрикнула Ниточка. — Летит! Летит! Это Глазастик! Она летит!

— У нее ключ-невидимка! — весь дрожа, с трудом выговорил кот Васька.

Волшебник Алеша бросился к окну.

Ветер нес, кружил Глазастика вокруг башни. На мгновение она скрылась, потом появилась вновь. Она была еще внизу, под ними, но с каждым кругом поднималась все выше и выше. Ветер неумолимо уносил ее.

— Глазастик! Глазастик! — горестно закричала Катя. — Зачем ты… Зачем?..

Плача, она закрыла лицо руками.

Волшебник Алеша увидел: за Глазастиком, сияя хрустальной короной, мчится королева Ветреница. А за ней, запутавшись в бесконечном потоке ее распустившихся волос, теряя очертания, сливаясь во что-то одно, вихревое, воздушное, несутся пажи, гончие псы и слуги.

Глазастик летела, сложив руки на груди. Ее лицо было таким бледным, что казалось, оно светится. Огромные глаза неподвижно смотрели куда-то вверх, в небо. Между ее ладоней на миг что-то блеснуло. Прозрачные капли срывались с ее рук, и ветер уносил их.

— Глазастик, сестренка! — рыдая, крикнула Ниточка.

Глазастик с трудом повернула голову. Надежда мелькнула в ее глазах, но тут же погасла.

— Ключ-невидимка! Вот он! — донесся ее слабый голосок, разорванный ветром.

Еще круг, еще выше, теперь Глазастик летела мимо окна.

— Даже если она бросит мне ключ-невидимку, я не смогу его поймать, увидеть… — прошептал Трот. — Ведь он совсем прозрачный!

Но Глазастик словно услышала безнадежный шепот Трота. Она достала из-за пазухи что-то сверкнувшее чистым влажным золотом. Это был локон Ниточки.

Глазастик обернула золотыми волосами ключ-невидимку и, пролетая мимо окна, бросила его Троту.

Ключ прочертил в воздухе золотую дугу. Трот протянул руки и поймал его.

Но Глазастик уже не видела этого.

Королева Ветреница настигла ее. Она тряхнула головой, и длинные волосы опутали Глазастика. Она мстительно закружила ее, как сухой лист, оторванный от родимой ветки.

В это мгновение к окну со стуком прислонилась длинная лестница. Два стражника, застилая свет, вскочили на подоконник.

— Попались! — Стражник оскалил зубы и выхватил длинный кинжал. — Сейчас вы у нас покрутитесь, как курочки на вертеле!

Дверь-загадка стонала и шаталась. Жалобно скрипели медные петли.

Из камина, чертыхаясь, выскочил тощий, словно жердь, стражник. За ним другой со зверским лицом.

— Дядя Алеша… — Катя сжалась, зажмурилась.

Трот опустился на колени перед железным сун-

дуком. Ключ таял у него в руках, и ему казалось, что с каждой каплей тает его сердце.

— Не могу… — простонал Трот.

Дрожь в руках мешала ему вставить ключ в замочную скважину.

— Позвольте, я помогу вам! — Волшебник Алеша быстро выхватил ледяной ключ из рук Трота. В последний миг он вставил исчезающий ключ в узкую замочную скважину. Дзынь! Ключ повернулся с музыкальным звоном и тут же растаял. Несколько капель, чистых, как утренняя роса на траве, скатились с пальцев волшебника Алеши. Это было все, что осталось от ключа-невидимки.

И тут случилось чудо. Тяжелая крышка сундука без труда откинулась сама собой, словно какая-то невидимая сила помогала, подталкивала ее изнутри.

Глазам присутствующих предстали лежащие в беспорядке, сияющие, как найденный клад, золотые колокольчики.

Воздух в комнате наполнился звоном. Стены, казалось, раздвинулись от их радостного блеска.

Волшебник Алеша потянулся к золотым колокольчикам, но они сами нетерпеливо взмыли к нему навстречу, поднимаясь из темного сунду-

ка. Они улетали, благодарно коснувшись ладоней, на миг ласково прижавшись к щеке, к плечу.

В своем полете и сверкании они звонили освобожденно и счастливо. Их звон превращался в еле слышный смех.

Волшебник Алеша окунул руки в сундук, поднял вверх последние колокольчики и, как стаю птиц, выпустил их на волю. Золотые колокольчики исчезали один за другим, и крики радости и изумления неслись откуда-то снизу, с площади.

И вдруг губы Ниточки дрогнули — она улыбнулась. Слабо, неуверенно, но улыбнулась. Ниточка пошатнулась и ухватилась за плечо Трота, словно улыбка была ей не под силу.

Но и этой робкой улыбки было достаточно.

Дверь-загадка скрипнула и медленно отворилась сама собой.

За дверью стоял король. Он держал в руках граненый флакон с черным эликсиром.

Волны мрака захлестнули лицо короля, и оно казалось могильно-темным, лишенным жизни. Из-за его плеча выглянул Главный Сборщик Улыбок. Он что-то по-змеиному прошипел, но король не слышал его.

Полным отчаяния, остановившимся взглядом

Король глядел на опустевший сундук. Он пошатнулся и выронил из ослабевших пальцев флакон с эликсиром. Флакон разбился, эликсир мрака выплеснулся и, растекаясь по полу, прожег насквозь тяжелые мраморные плиты. В открывшийся провал с дребезгом посыпались стеклянные осколки флакона.

Счастливый торжествующий смех летел вверх с площади.

Король, бледнея, попятился, вздрагивая и озираясь, как безумный. Смех настигал его, ликующий и беззаботный.

Король не выдержал и, зажав уши руками, со стоном ужаса выбежал из зала. Стража, слуги, придворные, подгоняемые волнами смеха, бросились вслед за ним.

Глава XXIII
Музыка на площади. И главное: заветный кусочек мела

Катя изумленно оглядывалась, ахала, никак не могла прийти в себя.

— Дядя Алеша, а никого нет! Смотрите, все-все убежали. И стражников нет!

Только брошенный второпях остро отточенный кинжал валялся возле окна.

— Что-то щекочет мне усы, — философски заметил кот Васька. — Кажется, это улыбка. А если

это улыбка, то, несомненно, это моя собственная улыбка. Логично? Логично! Пожалуй, это мур!

— Ниточка, скорее на площадь! — крикнул Трот.

Волшебник Алеша подхватил кота Ваську на руки. Перескочив через провал в мраморном полу, они побежали пустыми залами, удивляясь, что никто не попадается им навстречу, никто не пытается их задержать.

Во дворце было тихо и пустынно. Носовой платок, обшитый тонким кружевом, лежал на блестящем паркете.

Волшебник Алеша выбежал из дворца, остановился на верхней ступени лестницы, спускавшейся веером на площадь, и не узнал города.

Лучи солнца пробились сквозь редеющие облака и позолотили каждую розу-снежинку, отчего весь воздух засверкал и заискрился.

— Обопрись на меня, не бойся, Глазастик! — послышался голос Вихрика. — Подумаешь, летать! Что тут такого?

Над площадью, плавно опускаясь, летела Глазастик. Она испуганно улыбалась. От улыбки легкое сияние порхало вокруг ее лица.

— Боюсь! Держи меня, Вихрик! — лепетала она. — Ой, разобьюсь! Еще как далеко до зем-

ли!

— Какая ты стала тяжелая, ф-фу! — отдувался невидимый Вихрик. — Никаких ветреных сил не хватит!

На нижней ступени лестницы стоял молодой скрипач с седыми волосами, и мелодия жизни и освобождения вдохновенно лилась из-под его смычка.

Он не сводил счастливых глаз с девушки, стоявшей рядом. Это была кружевница Миэль.

Миэль глубоко вздохнула, словно пробуждаясь от тяжелого сна. Она опустила руку, прижатую к щеке и крепко стиснутую в кулачок. Легкий красный след остался на нежной коже.

— Неужели?.. — растерянно улыбнулась Миэль, с трудом распрямляя затекшие пальцы. — Это было так страшно: ветер и пустота. Иногда звезды, совсем близко…

— Как долго ты летала, как долго длилась смерть, — шептали губы скрипача.

Волшебник Алеша увидел улыбающуюся тетушку Ох, а рядом с ней Глазастика.

Глазастик подпрыгивала на месте и не переставая смеялась. И от этого смеха и лучей солнца ее юбка стала голубой и пышной и теперь была похожа на перевернутый цветок колокольчик.

— Тетушка Ох, посмотри, как я улыбаюсь! — без конца повторяла Глазастик. — А улыбка не потеряется? А во сне ее никто у меня не отнимет?

— Родная моя, — сказала тетушка Ох. — Не бойся, больше никто ее не отнимет. Но посмотри, посмотри! Вон старый фонарщик. Он всегда зажигал фонари на нашей улице, и, когда у него было хорошее настроение, они становились разноцветными. Как я грустила, когда он улетел. Но теперь он вернулся. А вон тетушка Крем! Забыла, какие она пекла пирожные? Она тоже вернулась. Все возвращаются!

— А я еще умею смеяться! — не умолкала Глазастик. — И я теперь могу дружить с Вихриком, правда?

— Правда, правда, правда! — послышалось откуда-то сверху. — Глазастик будет дружить со мной! Поэтому я не улетел с королевой Ветреницей!

Мелькнули вечно беспокойные руки Вихрика. На этот раз они освободили тонкое кружево, привязанное к руке скрипача, с которым он не расставался с тех пор, как улетела Миэль.

Кружево полетело над площадью, свиваясь кольцами и распускаясь, и казалось, волны му-

зыки поднимают его и несут.

Катя услышала звук шагов и оглянулась. Позади нее в высоких дверях стоял Побегушка.

Побегушка сбросил вниз с лестницы поднос, и тот с грохотом заскользил по ступеням, подскакивая и блестя.

— Слышала мои шаги, Тсс? — крикнул он. — Теперь я не улечу!

Внизу на площади старый актер читал детям веселые стихи. А птицы, наклевавшись вкусных крошек, которые им кидали из окон старушки, смирно сидели на ветках и с почтением слушали мудрую Кукушку. По такому случаю она позволила себе на время покинуть свой домик над часами.

— Неплохо бы перекусить, — облизнувшись, сказал кот Васька. — Обедать, между прочим, пора, а не смеяться.

— А где же король, где все придворные, стража? — оглядываясь, спросил волшебник Алеша.

— Вы ничего не знаете? — удивился Побегушка и тут же звонко рассмеялся. — Что было! Я спрятался за креслом и все видел. Король закричал королеве Ветренице: «Они улыбаются! Я не могу слышать их смех! Он вонзается в меня, как тысячи кинжалов. Я боюсь их улыбок! Скорее унеси

меня отсюда!» Королева Ветреница завернула его в свои волосы, обхватила рукой и полетела. Придворные уцепились за ее плащ, а кто не успел, побежал следом. А король еще твердил на лету: «Мне холодно, холодно, теперь я, наверно, никогда не согреюсь. Простужусь…» Но тут они скрылись с глаз, вот и все.

— Что ж, пожалуй, это наилучший выход, — задумчиво сказал волшебник Алеша. — Как вы считаете? О, несомненно…

А внизу на площади тетушка Ох попеременно целовала то Ниточку, то Глазастика, то опять Ниточку.

— Я смастерю такой замок на воротах в страну королевы Ветреницы, что король никогда не сможет его открыть, — сказал Трот.

Из дворцовых ворот бочком вылез джинн. Он словно покрылся пятнами ржавчины. Он двигался с трудом, в его глазах застыла безнадежная тоска. С видом побитой собаки джинн робко приблизился к волшебнику Алеше.

— О мой любимый бывший повелитель! — Джинн вздохнул столь глубоко, что, казалось, сама земля вздохнула вместе с ним. — Позволь мне снова стать твоим верным рабом. Пусть моим пристанищем будет кофейник, скворечник

на дереве, все, что ты прикажешь. Я согласен жить в бутылке из-под кефира. Лишь бы только я мог еще раз услышать столь дорогие моему сердцу священные слова: «Слушай и повинуйся!»

— Бессовестный! — Волшебник Алеша в сердцах оттолкнул громадную руку джинна. — Не ждал я от тебя такого.

— А может, это был не я? — с надеждой спросил джинн. — Может, это был какой-нибудь другой джинн?

Но по укоризненному взгляду волшебника Алеши он все понял и с сокрушенным стоном опустил голову.

А между тем скрипка пела и пела. И все люди на площади взялись за руки, и веселый хоровод праздничных лиц и улыбок закружился по площади.

Мимо волшебника Алеши, шатаясь, прошел Мираклюс. Казалось, он еще постарел за это время, сгорбился, высох, стал еще меньше ростом.

Он шел и тихо звонил в маленький колокольчик. Наклоняя голову, прислушивался к этому звону и снова звонил.

— Они все улыбаются, все, кроме меня. Вот моя улыбка, вот она! Она навеки останется золотым колокольчиком. Когда я позвоню в колокольчик, все будут знать, что я улыбаюсь. Но теперь я понял: если люди, слушая музыку, не могут растроганно улыбнуться, музыка для них умирает.

Мираклюс медленно сошел со ступеней, и с

каждым шагом удалялся и угасал звон его колокольчика.

— Пойдем, Тсс! — нетерпеливо потянул Катю за рукав Побегушка. — Пойдем и мы туда, на площадь. Там весело!

— Я бы с удовольствием… — Катя неуверенно оглянулась на волшебника Алешу. — Но нам, наверно, уже пора домой.

— Давно пора, — откликнулся кот Васька.

— Это твое «домой» где-то очень далеко, — огорчился Побегушка. — Я вижу по твоим глазам. Но ты вернешься, Тсс? Я теперь умею говорить «до свидания», не только «прощай».

— Не знаю. — Кате было больно смотреть на Побегушку, на его опечаленное лицо.

— Оставайся с нами, Тсс! — с безнадежной мольбой попросил Побегушка. — Неужели я больше тебя никогда не увижу?

— Вряд ли, малыш. — Волшебник Алеша ласково погладил Побегушку по спутанным, длинным, как у девочки, волосам. — По правде говоря, вряд ли. Но если ты захочешь, ты можешь думать о ней, помнить ее. А это тоже немало. Ты поймешь это, мой мальчик, когда вырастешь.

Побегушка, то и дело оглядываясь на Катю, стал спускаться по мраморной лестнице. Постепенно

шаги его становились все быстрее. Он побежал вниз по ступенькам. А там, на площади, Глазастик схватила его за руку, и он исчез в общем мелькании, движении и музыке.

И Катя почувствовала, что и Побегушка, и все те, кто были на площади, и Глазастик, и Ниточка, и Трот как-то далеко от нее и уходят все дальше. Словно невидимая глазу стена выросла между ними.

— А нам действительно пора. — Волшебник Алеша устало вздохнул. — Ну, Катя, теперь давай сюда наш заветный мел. Славно погостили мы тут, но пора и домой. По правде говоря, я порядком устал. Впрочем, дальше минутное дело: я нарисую волшебным мелом ключ на любой двери — и мы дома!

Волшебник Алеша улыбнулся, торопя Катю.

Катя сунула руку в один карман, в другой… Потом принялась суетливо ощупывать каждый карман по нескольку раз.

— Ай! — Лицо Кати стало бледным-бледным.

— Нечего «Ай!» говорить. Надо домой собираться, — сонно отозвался кот Васька и вздохнул. — Надоело мне тут, и воспоминания замучили. Кошка Мурка… Как тяжела разлука!

— Господи… Дядя Алеша, я его вроде потеряла.

Волшебный мел… Тогда, в спальне короля. — Катя с испугом подняла глаза на волшебника Алешу.

— Так оно и было, о Катя! — Джинн высунул из-за угла свою косматую голову. — Ты обманула меня, маленькая, но коварная женщина! Ты сказала, что ищешь свою вежливость, и стала шарить по карманам. Вот тогда-то волшебный мел вывалился и упал на пол. А я раздавил его своей недостойной пяткой. Он — крак! И только жалкое облачко пыли!

— Растяпа! — горестно воскликнула Катя. — Ну какая же я дура. Ведь слышала, что-то упало. А мне не до того было.

— Не до того ей было! — возмущенно сверкнул зеленым глазом кот Васька. — Ужинать пора, между прочим!

Волшебник Алеша стоял молча. Упрекать Катю? Бесполезно. Разве этим поможешь? Бедная девочка еще не понимает, какое непоправимое несчастье свалилось на них. Остаться в сказке без волшебного мела — хуже этого, пожалуй, ничего не придумаешь. Теперь они уже никогда, никогда не смогут вернуться назад, домой!

— Что же теперь будет? — еле слышно выговорила Катя. — А мама?

— А Мурка? — Кот Васька даже привстал на зад-

ние лапы.

Из-за угла на коленях выполз джинн, с мольбой протянул к волшебнику Алеше могучие руки.

— Прости, что я без спроса прочел твои мысли, о мой старый повелитель! — взвыл джинн, отмахиваясь, как от мелкой мошкары, от голубых звонких снежинок. Огненные искры с шипеньем вылетали у него изо рта. — Позволь мне исполнить твое желание! Я обыщу весь дворец и раздобуду твой трижды благословенный кусочек мела. Только скажи мне заветные слова: «Слушай и повинуйся!»

— Слушай и повинуйся! — с бьющимся сердцем проговорил волшебник Алеша.

— Но… я не могу без волшебного сосуда! Мы, джинны, так созданы, — приниженно, даже как-то виновато проговорил джинн и покорно прижался щекой к ноге волшебника Алеши. — О, меня устроил бы любой сосуд, самый ничтожный! Лишь бы не нарушать вековых традиций.

— Но у меня ничего нет, — растерялся волшебник Алеша. — Разве что вот: пустой спичечный коробок!

— О повелитель, сойдет и спичечный коробок! — возликовал джинн. — Пусть мне будет в нем тесно и неудобно. Пусть!.. Но что видят мои

ничтожные глаза? Там в коробке осталась еще одна спичка. О! Она станет моей возлюбленной сестрой! Я буду нежить ее, холить, оберегать ее покой. Как я счастлив! У меня снова есть волшебный сосуд и обожаемый повелитель. Приказывай, я внимаю тебе!

— Слушай и повинуйся, джинн! — дрогнувшим голосом сказал волшебник Алеша. — Немедленно… доставь сюда кусок волшебного мела!

Джинн гулко стукнул лбом о мраморные ступени, охнул, поправил съехавшую чалму и мгновенно исчез.

Прошли короткие секунды, которые, по правде говоря, показались целой вечностью волшебнику Алеше и Кате. И вдруг, возникнув неизвестно откуда, словно сгустившись из наступивших сумерек, на верхней ступени лестницы появился джинн. На его огромной ладони с вековыми мозолями лежал маленький кусочек мела. Маленький, но спасительный!

— О повелитель, я собрал его из мельчайших

пылинок! — хвастливо прогремел джинн. — Никто лучше меня не справился бы с такой работенкой. Ведь эти глупые пылинки разлетелись по всему дворцу. Я звал: «О пылинка, милая малышка, покажись!» И вот он тут, твой волшебный мел, такой же, как был, целехонький и белоснежный!

— Ну, скоро ты, пушистый Алеша? Обед пропустили, так хоть поужинать! — сонно проворчал кот Васька.

Волшебник Алеша, стараясь скрыть волнение, взял мел и нарисовал узорный ключ на высокой дворцовой двери.

— А попрощаться? — напомнила ему Катя. — Глазастик, Ниточка, Побегушка…

— Их нет, дитя мое. Все разошлись, и площадь пуста, — ласково сказал волшебник Алеша. — Потому что мысленно мы с тобой уже дома. А сказка пойдет без нас своим чередом. Мы сделали для них все, что могли. Ведь правда?

Катя оглянулась и увидела, что сумерки окутали город и площадь опустела. Только тоненький мальчик в слишком тесной курточке, удаляясь, пересекал площадь.

На улицах горели разноцветные фонари, и от этого сугробы снега тоже казались разноцветны-

ми. Во всех окнах весело приплясывали огоньки свечей. И вместе со светом, рисовавшим на синем снегу золотые окна, лились веселые, счастливые голоса и смех.

— Ну что ж, пора… — Волшебник Алеша окинул взглядом площадь перед дворцом.

— Э-эй! Смотри, не забудь сунуть в карман мой новый волшебный сосуд, о бесценный повелитель! — очень довольный, напомнил джинн и тут же добавил, обиженно оттопырив нижнюю губу: — Знаю, знаю, какой ты рассеянный. Не хватало только, чтоб ты забыл в чужой сказке своего верного родного джинна!

— Поговори еще у меня! — погрозил ему пальцем волшебник Алеша. — Тоже мне, верный джинн!

Джинн смиренно склонился перед ним, затем выпрямился и сложил над головой волосатые руки. Очертания его могучего тела стали бледнеть, расплываться. Невидимый вихрь закрутил его, завертел. Все быстрей и быстрей. Вот уже от него осталось только зыбкое волнистое облачко. Уже нельзя было разглядеть ни рук, ни ног, и наконец тающей струйкой тумана джинн исчез в спичечном коробке.

Волшебник Алеша сунул спичечный коробок в карман. Он покрепче прижал к себе кота Ваську и распахнул дверь с нарисованным на ней узорчатым ключом. За дверью была непроглядная бездонная чернота.

— Ну! — Волшебник Алеша потянул Катю за руку.

Катя изо всех сил зажмурилась и шагнула куда-то в пустоту, куда тянул ее за собой волшебник Алеша…

— Ну, долго ты будешь изображать статую с закрытыми глазами? — услышала Катя голос волшебника Алеши.

Катя открыла один глаз, потом второй.

Она стояла в комнате волшебника Алеши. Все было точно таким же, как всегда. И старый книжный шкаф, где за стеклами тускло блестела полустертой позолотой Волшебная Энциклопедия. И письменный стол, и стакан чаю, и так же мягко светила настольная лампа.

Кот Васька понюхал ножку кресла, лениво потянулся и отправился на кухню.

Оттуда донесся его довольный голос:

— Молоко еще не скисло! Напьюсь молока и пойду во двор, ладно, пушистый Алеша? Потом не говори, что я ушел не спросясь… А в сказке молоко не такое! Водой они его, что ли, разбавляют?

Катя поморгала глазами.

— Приснилось? — недоуменно спросила она.

Волшебник Алеша молча покачал головой

и указал на длинный кусок тончайшего кружева, обвившийся вокруг Катиной руки. Кружево мерцало и переливалось. Оно казалось чуть голубоватым и было похоже на цепь узорных снежинок.

— Миэль, — прошептала Катя.

— Ах да! Ведь, уходя, я остановил время! — воскликнул волшебник Алеша, открывая дверцы старинных часов и указательным пальцем подталкивая маятник. — Какой я, однако, рассеянный! Время не любит стоять без особой нужды.

— Дядя Алеша! — позвала Катя. — Посмотрите!

На письменном столе рядом со стаканом еще не остывшего чая лежал рисунок Васи Вертушинкина.

На рисунке, по площади сказочного города, словно подхваченный танцем, кружился хоровод празднично одетых людей.

Катя увидела веселую большеглазую девочку с ресницами длинными, как сосновая хвоя, в пышной голубой юбке. Улыбающуюся девушку с золотыми волосами, юношу в старом плаще, сероглазого мальчика…

— Как вы считаете, друзья мои, — сказал дядя Алеша, разглядывая рисунок, — уж не записать ли мне всю эту совершенно невероятную

историю? Пожалуй, еще никогда со мной такого не случалось. Мне кажется, ребятам будет интересно узнать о наших приключениях. Как вы считаете? О, несомненно…

— Ой, правда, конечно, интересно! — Катя радостно захлопала в ладоши.

— Зачем тебе попусту тратить время, о повелитель? — уныло отозвался из угла джинн.

— Боишься, что другие джинны узнают? — прищурился волшебник Алеша. — Да ведь джинны читать не умеют. Так что можешь не беспокоиться.

А теперь давай тихо-тихо закроем эту книгу.

Волшебник Алеша сел за стол и углубился в работу. Не будем ему мешать!

Астрель и хранитель леса

Моей невестке Астрид,
вдохновившей меня на образ принцессы
Астрель, посвящается эта сказка

Глава I
Домик, нарисованный на асфальте. И главное: загадочное письмо

Волшебник Алеша сидел за столом и в глубокой задумчивости глядел на лежащее перед ним

письмо.

Солнце светило прямо в окно, и, хотя волшебник Алеша плотно задернул шторы, все равно яркие лучи проникали сквозь тонкий желтый шелк и слепили глаза. Крепкий чай в стакане казался красным, золотом горел кружочек лимона.

Чай давно успел остыть, а волшебник Алеша все сидел, подперев щеки кулаками, и разглядывал письмо, лежавшее перед ним на столе.

Письмо было написано на небольшом клочке сероватой, совсем тонкой, почти прозрачной бумаги с неровными краями. Уголки бумаги загнулись, как у сухого кленового листа.

Загадочное письмо! Откуда оно взялось? Волшебник Алеша просто терялся в догадках. Утром его не было, это точно. Потом волшебник Алеша пошел в магазин купить себе что-нибудь на обед, а заодно коту Ваське молока. А когда он вернулся — письмо лежало на столе.

«Какой странный почерк, — подумал волшебник Алеша. — Буквы такие узкие, хрупкие, будто озябли. И еще, похоже, тот, кто писал это письмо, очень торопился…»

А написано было вот что:

«Всем, всем добрым волшебникам! Поскорее придите в наш город. Если нам никто не по-

может, случится большое несчастье. Обойдите стороной королевский дворец и разыщите башню Ренгиста Беспамятного. Вам каждый покажет. Только не удивляйтесь, что дверь не скоро откроют. Пожалуйста, не уходите, подождите у дверей. Потому что тетушка Черепаха спускается по лестнице очень медленно. Неужели, неужели вы не придете?»

Внизу стояла подпись: Астрель. А с краю, совсем маленькими буквами, потому что места почти уже не осталось, было еще приписано: принцесса Сумерки.

Волшебник Алеша еще раз перечитал письмо. Сердце почему-то сжалось от страха за этих неизвестных ему людей, от страха и сочувствия. Да, это был призыв о помощи. Но какой-то безнадежный, полный покорной тоски. Как будто тот, кто писал, уже больше ни во что не верил, ни на что не надеялся.

Кот Васька лежал на диване и не мигая смотрел на волшебника Алешу поблескивающими глазами. Смотрел кот Васька на волшебника Алешу снисходительно, с видом превосходства, как часто смотрят взрослые на ребенка.

— Никто без меня не приходил? — спросил волшебник Алеша. — Ну, пока я в магазин ходил.

— Не… — равнодушно отозвался кот Васька. — Никто. А-а, соседка забегала. Спрашивала: нет ли у нас морковки для супа. Я ей сказал: не знаю, не интересуюсь я вашими морковками.

Так. Значит, письмо никто не принес. В таком случае откуда же оно все-таки появилось у него на столе? Астрель… Принцесса Сумерки. Да, это какая-то сказка. Но волшебник Алеша не знал такой сказки, никогда не читал.

Тем временем солнце зашло. Небо стало бледно-серым, листья ясеня под окном теперь казались совсем черными, и в комнату вошла тишина.

«Всем, всем добрым волшебникам! Поскорее придите в наш город. Если нам никто не поможет…» — в который раз прочел волшебник Алеша и вдруг с изумлением увидел, что тонкая бумага письма как будто тает в вечернем воздухе, узкие буквы становятся зыбкими, еле видными. И все письмо постепенно исчезает. Мгновение еще можно было разглядеть загнутый уголок бумаги, но вот и он пропал из глаз. Письмо словно растворилось в серых сумерках.

В мягком вечернем свете волшебник Алеша еще отлично видел стакан с чаем, шариковую ручку, тюбик клея, старинную книгу в кожаном переплете. Но таинственное письмо исчезло.

Необъяснимо, невероятно. Волшебник Алеша крепко зажмурился, взглянул снова: письма не было.

Волшебник Алеша бессильно уронил руки на стол, и вдруг что-то еле слышно зашуршало под его пальцами. Что-то невидимое. Волшебник Алеша поспешно нажал кнопку настольной лампы, теплый круг света уютно лег на стол. Так вот же оно, загадочное письмо! Лежит себе, как и лежало. Волшебник Алеша погасил лампу, письмо снова исчезло.

«Да, ясно одно: письмо исчезает в сумерках, — с волнением подумал волшебник Алеша. — Но в таком случае… Принцесса Сумерки… Нет ли тут какой-то закономерности, скрытой связи? Как вы считаете? О, несомненно!..»

— В сказку, что ли, собрался? — Кот Васька проницательно прищурил глаза. — Вижу, вижу! Одного не пущу, не надейся. Наделаешь там глупостей.

— Ох, дал я тебе волю, совсем распустился! — строго прикрикнул на него волшебник Алеша. — Помолчи, пожалуйста, не мешай.

Старинные часы в углу гулко и протяжно пробили, напоминая, что время уже позднее.

— И правда, спать пора. Все равно ничего пут-

ного не вычитаешь, — недовольно проворчал кот Васька.

Волшебник Алеша ничего не ответил — так был занят своими мыслями.

Он лег на диван и укрылся пледом. Кот Васька тут же пристроился у него в ногах, повозился немного, ища в складках пледа самое уютное, самое приятное местечко, чтобы было тепло и удобно. Потом вздохнул и затих.

«Астрель… Принцесса Сумерки… — уже засыпая, подумал волшебник Алеша. — Интересно, какое там время года? Оденешься потеплей, так непременно угодишь в жарищу. А то придется стучать зубами от холода. Нет, на всякий случай обязательно теплый шарф и свитер. Ну что ж»

Проснулся волшебник Алеша от того, что кот Васька лапой гладил его по щеке.

— Все спишь и спишь, тоже нашел время, — с обидой сказал кот Васька. — Я уже сколько дел сделал. Во двор сбегал. Всем рассказал, и кошке Мурке, и ребятам, что мы с тобой сегодня отбываем не куда-нибудь, а в самую удивительную сказку. Давай вставай и ставь чайник. Ведь от тебя, пока ты чаю не напьешься, толку никакого.

Волшебник Алеша сел, спустил ноги на пол, провел ладонями по лицу.

— Смотри, лопнет мое терпение, — сказал он, зевая. — Вчера тоже мне нагрубил. Твое счастье — не до тебя было. А собираюсь я в сказку или нет, вот уж это тебя совершенно не касается. Ты-то уж во всяком случае останешься дома. Мало ли что меня ждет в сказке!

— Тем более я с тобой. — Кот Васька с важным видом вскинул голову. — Умный совет подать, все объяснить, что да как. Пропадешь там без меня, как мышонок.

— Нет, каков нахал! — Волшебник Алеша даже не сразу нашелся от возмущения. — Да чтоб я больше слова не слышал об этом! Останешься дома как миленький! Будешь доставать газеты из почтового ящика и поливать цветы. А если еще раз нагрубишь, смотри, отправлю обратно в рамочку, будешь висеть на стене.

— Ха-ха!.. — развязно начал было кот Васька, но, увидев, как сурово сдвинулись брови волшебника Алеши, благоразумно исчез под диваном. Превратиться снова в нарисованного кота? Нет уж, спасибо! Этого кот Васька боялся больше всего на свете.

Волшебник Алеша поглядел на стол с тайной надеждой, что никакого письма нет, может, просто приснилось, померещилось… Но нет, письмо

на тонкой бумаге, почти невесомое, по-прежнему лежало на столе, и залетевший в форточку ветер играл его загнутым уголком. Кот Васька чем-то гремел на кухне, видимо, пытался зажечь газ и поставить чайник.

«Ни за что не возьму его с собой, — окончательно решил волшебник Алеша, — ну совсем от рук отбился».

Итак, в сказку! Как попасть в сказку — дело известное. Достаточно нарисовать ключ волшебным мелом на любой двери. И все. Потом открой эту дверь, шагни… И вот ты уже в сказке.

Но вот беда: нарисовать ключ на двери можно только один раз. Второй раз нарисуешь — дверь просто не выдержит волшебного напряжения, рассыплется в пыль, в прах.

Итак, какую же выбрать дверь? Волшебник Алеша в задумчивости оглянулся. Он уже побывал в стольких сказках… Пожалуй, все двери в его квартире уже сослужили свою службу. И дверь в кухню, и дверь в переднюю, и даже вот эта дверца книжного шкафа, плотно набитого старинными книгами с потемневшими от времени корешками.

— А вон и мой пушистый Вертушинкин! — с нежностью проговорил кот Васька. Он сидел

на подоконнике и смотрел на улицу. — И Катя с ним, конечно. Вася Вертушинкин! Вот человек! А рисует как! Как меня нарисовал, а? Великий художник, можно сказать!

И кот Васька с довольным видом оглядел свои лапы и хвост.

— Нет, вы только посмотрите, какой домик нарисовал на асфальте мой Вертушинкин! — продолжал восхищаться кот Васька. — Какая крыша! А на крыше труба, и из нее дым. Домик красный, дым голубой. А какое окошко! Чудо что за окошко! Я уж не говорю о крылечке. В жизни не видел такого крылечка! Клянусь! А дверь? Да где вы еще такую найдете? Лучшая дверь на свете!

— Дверь? — заинтересовался волшебник Алеша и шагнул к окну.

На улице как раз под его окном Вася Вертушинкин цветными мелками рисовал домик на асфальте. А возле него стояла Катя и по привычке закручивала на палец кончик косы. Бант, аккуратно завязанный у нее на затылке, сверху казался большой коричневой бабочкой, которая вот-вот взмахнет крылышками и улетит.

— Дверь! Отлично! То, что мне нужно! — вскричал волшебник Алеша. — Шарф, теплый свитер!..

Он поспешно стал натягивать свитер, от нетер-

пения не попадая в рукава и стараясь сообразить, что еще может пригодиться в дороге.

Он рассовал по карманам всякие мелочи: расческу, шариковую ручку, носовой платок.

Старинные часы как-то особенно настойчиво и громко пробили десять раз, словно напоминая ему, чтобы он ничего не забыл.

— Спасибо, — повернувшись к часам, поблагодарил волшебник Алеша.

Ну конечно же! Мел, волшебный мел. Вот он, в старой коробочке из-под чая. Теперь, кажется, все.

— Подходи к телефону, спрашивай, кто звонил, не смотри целый день телевизор! — Волшебник Алеша погрозил пальцем коту Ваське и торопливо вышел из квартиры.

Круглая кнопка звонка возле двери на миг превратилась в маленькую вертлявую птичку.

— Возвращайся скорее, нам без тебя скучно, — тоненько пропищала птичка. И добавила застенчиво и совсем тихо: — Мы тебя любим…

И тут же снова превратилась в кнопку звонка. Волшебник Алеша быстро захлопнул дверь, чтоб кот Васька за ним не увязался, и побежал вниз по лестнице.

Но как вы думаете, друзья мои, кто был первый,

кого он увидел на улице? Ну конечно же, это был кот Васька. Что такое запертая дверь для отважного, любящего приключения кота? И для чего, собственно, существует форточка? Ловкий прыжок, потом пройтись по карнизу до соседнего балкона. А там уже лапой подать до пожарной лестницы. И вот, пожалуйста, через полминуты ты во дворе.

Когда волшебник Алеша подошел к ребятам, кот Васька что-то хвастливо и возбужденно говорил им, привстав от волнения на задние лапы.

— Вот увидите… Мы сейчас… Да волшебник Алеша без меня…

— Дядя Алеша, а мы? Можно, и мы с вами? — словно сговорившись, вместе сказали Катя и Вася Вертушинкин, с мольбой глядя на волшебника Алешу. Волшебник Алеша покачал головой. Рисковать жизнью детей? Нет, ни в коем случае. Совершенно неизвестно, в какую сказку он попадет, что его там ожидает. Достаточно вспомнить, как он и Катя, да и кот Васька вместе с ними побывали недавно в королевстве грустных людей. Главный Сборщик Улыбок, злобные стражники…

— Исключено, — твердо сказал волшебник Алеша. Но тут же улыбнулся, обнял Васю Вертушинкина за плечи. — У меня к вам просьба,

причем очень серьезная. Не удивляйтесь, друзья мои! Я сейчас войду в дверь этого домика, нарисованного на асфальте.

— В нарисованный домик?! — задохнулся от изумления Вася Вертушинкин.

— Пф-ф! — надменно фыркнул в усы кот Васька. — Будто не знаете, мой пушистый Алеша — Повелитель Волшебных Ключей!

— Помолчи, пожалуйста, — с досадой остановил хвастливого кота волшебник Алеша. Он в рассеянности потер лоб ладонью и глубоко задумался.

«Взять с собой чудесный мел в сказку? Нет, это крайне опасно. Я уже в этом убедился. А что, если… что, если оставить волшебный мел этим ребятам? Надежные друзья, не подведут. Как вы считаете? О, несомненно…»

— Вот что, мои дорогие, — с некоторой запинкой проговорил волшебник Алеша. — Я сейчас нарисую на двери этого домика ключ и уйду в сказку. Надеюсь, ненадолго. Да, да, не удивляйтесь! А вам я оставлю самое ценное, чем я владею, — волшебный мел. Вы должны следить, чтобы никто не стер, не затоптал ключ, нарисованный на асфальте! Иначе я не смогу вернуться домой из сказки. Так что уж вы смотрите береги-

те заветный мел. Дело ответственное!

— Ответственное… — шепотом повторил Вася Вертушинкин, во все глаза глядя на волшебника Алешу.

— А ему можно с вами? — негромко спросила Катя, указывая на кота Ваську.

— Конечно, нет, — решительно отрезал волшебник Алеша. Он вообще был сердит на кота Ваську за его распущенный и нагловатый тон. — Как всегда, одни выдумки и хвастовство.

Кот Васька возмущенно фыркнул. Говорить с ним таким тоном в присутствии Васи Вертушинкина! Разве это не оскорбительно?

Волшебник Алеша достал заветный кусочек мела, присел на корточки и, отбросив за плечо конец шарфа, нарисовал старинный ключ с затейливыми завитушками. Выпрямился, потер поясницу. Да, пожалуй, все готово.

— Вот, держите, ребятки! — Волшебник Алеша протянул Васе Вертушинкину железную коробочку.

— Мел! Тот самый, я тебе рассказывала, — шепнула Катя, заглядывая в коробочку из-под чая.

Волшебник Алеша, стараясь унять стук сердца, взялся за красную ручку нарисованной двери.

Он почувствовал, что воздух под его пальцами как бы сгустился, постепенно твердея и принимая форму гнутой дверной ручки. Он ухватил ее покрепче, потянул на себя, сначала слабо, нерешительно, потом сильней. Но дверь не поддавалась, как будто ее давно не открывали.

Волшебник Алеша поднатужился, дернул изо всех сил, и вдруг… В асфальте появилась длинная черная щель. Дверь открывалась все шире и шире, с негромким, каким-то особым таинственным скрипом. Все больше становился черный провал в асфальте, ведущий куда-то глубоко вниз.

— Темнотища какая! Даже я, кот, и то ничего не вижу! — перегнувшись через край, испуганно пискнул кот Васька. — Я туда и за сто мышей не полезу!

— На самой дороге копают! Не смотрят, что люди ходят, — возмущенно воскликнула проходившая мимо старушка в лиловой шляпке и с досады махнула зонтиком.

— Ключ! Не забудьте ключ, нарисованный на асфальте… — стараясь казаться спокойным, сказал волшебник Алеша.

— Н-не забудем, — заикаясь, прошептал Вася Вертушинкин.

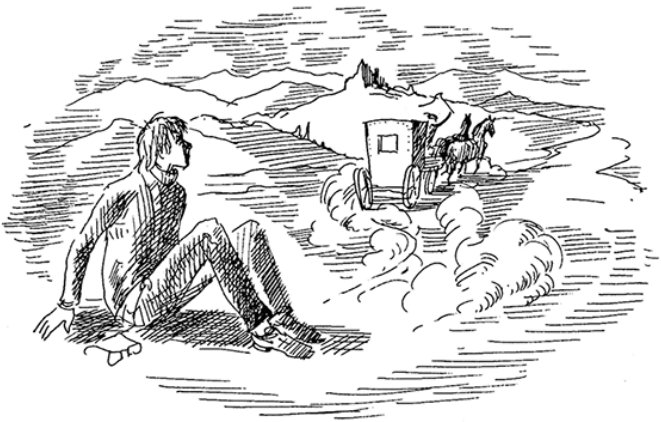
— Не забудем! Ой, ой, дядя Алеша! — Катя от волнения закусила кончик косы. — Не надо, не ходите туда!

Волшебник Алеша осторожно спустил ногу в темноту открывшейся двери, нащупал что-то твердое: не то камень, не то ступеньку. Да, вниз уходила лестница. Вот еще одна ступенька и еще одна.

— А если люди туда попадают, кто отвечать будет? — не унималась сердитая старушка в лиловой шляпке, ожесточенно стуча зонтиком по асфальту.

Алеша спустился еще ниже, обеими руками поддерживая тяжелую дверь. И вдруг он не то споткнулся, не то просто дальше не было ступенек, но он почувствовал под ногами пустоту, почувствовал, что падает, проваливается куда-то вниз… Дверь с грохотом захлопнулась у него над головой, и вместе с ней исчез свет.

Глава II
Сказочный город.
И главное:
мост Зевнивовесьрот



— Ап-чхи! — чихнул волшебник Алеша. Он сидел на земле, весь окутанный клубами желтовато-рыжей пыли. Пыль жгла глаза, першило в горле.

Волшебник Алеша протер глаза. Пыль оседала

слоями, редела. Он увидел удаляющуюся карету, спину кучера, сидевшего на высоких козлах, поднятую руку с кнутом. Тускло блеснуло в пыли стекло кареты.

Мимо прошел старик в коротких залатанных штанах, в полосатых чулках. На голове — высокая шапка.

Приземистые дома с крутыми черепичными крышами тесно жались друг к другу.

«Сказка…» — почему-то с тоской подумал волшебник Алеша. Он с трудом встал, потирая ушибленный локоть.

Что-то заставило его оглянуться назад. На стене, сложенной из грубо отесанных камней, он увидел нарисованную цветными мелками дверь. Изогнутую дверную ручку, замочную скважину.

Дверь эта показалась ему такой родной, спасительной, манящей…

Всего-то нарисовать волшебным мелом ключ и… Но нет! Нечего раскисать, не для того он сюда явился.

«И ребята такие славные, не подведут… — подумал он. — Это уж точно. Надежные ребятки».

Из травы выкатился кто-то рыжий с вытаращенными зелеными глазами. Встряхнулся, подняв желтоватое облачко пыли, и вдруг пре-

вратился в полосатого кота Ваську.

— Ты-то тут как очутился, голубчик? — ахнул волшебник Алеша. — Я же тебе строго-настрого…

— А я и не хотел! А я и не собирался! — захлебнулся от возмущения кот Васька. — А та старуха в шляпе, чтоб ей десять собак приснилось, взяла да и как пихнет меня зонтиком. Я и полетел неведомо куда!

— Что же мне с тобой, братец, делать? — озабоченно потер лоб волшебник Алеша. — Надо же, какая незадача. Ты же сам видел: волшебный мел я отдал ребятам, ну, твоему Васе Вертушинкину. Тут уж, братец, ничего не поделаешь. Но ведь ты и сам просился со мной. Так и получилось…

Волшебник Алеша подхватил кота Ваську на руки, погладил, прижал к себе, чувствуя, как утихает дрожь испуганного зверька, мягкими становятся лапы, втягиваются когти.

— А интересно, коты тут есть? — полюбопытствовал кот Васька. — А что они пьют? Ну не воду же, быть такого не может. Наверное, молоко, как все порядочные коты.

— Все узнаем, все скоро узнаем, — рассеянно сказал волшебник Алеша. — Значит, так. Для начала мы с тобой должны разыскать башню Ренгиста Беспамятного. Это самое главное.

Волшебник Алеша пошел по теневой стороне узкой улочки. Он заглянул в открытое окно низкого домика. Всюду на полках, на лавках рядами стояли туфли, башмаки с пряжками. Звездочкой сверкнула золоченая шпора на высоком сапоге.

Возле окна сидел пожилой человек, быстро и ловко прибивая каблук к башмаку.

«Надо бы спросить… Но как трудно в первый раз заговорить в сказке, — подумал волшебник Алеша. — Потом легче, но в первый раз…»

— Скажите, пожалуйста, — чуть дрогнувшим голосом спросил волшебник Алеша, наклоняясь к окну, — как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?

— Э, отсюда далековато будет, не близкий путь, — не поворачивая головы, ответил сапожник. — Иди все прямо, прямо, через мост Зевнивовесьрот, потом…

— Через мост… Как вы сказали? — с изумлением переспросил волшебник Алеша.

— Через мост Зевнивовесьрот, — загоняя еще один гвоздь в каблук, повторил сапожник. Голос у него был спокойный, будничный. — А там спросишь…

Волшебник Алеша дошел до конца улицы.

Откуда-то потянуло влажной прохладой, донес-

ся негромкий разговор воды.

Волшебник Алеша увидел изогнутый мост над быстрой, круто бурлящей рекой.

Навстречу шла молодая женщина, бедно, но опрятно одетая. Она тащила за руку сонного мальчугана.

— А-ах! — сладко зевнул малыш, запрокинув голову. Волшебник Алеша увидел его розовый язычок.

— Вот, зевнул, пришлось заплатить денежку, — с ласковым упреком сказала женщина.

— И ты, мама, тоже зевнула. — Малыш бочком привалился к ней. — На ручки хочу…

— Так я один раз только, а ты… — Мать взяла разморенного усталостью ребенка на руки.

Волшебник Алеша с удивлением проводил их глазами. Но тут на него налетел человек с влажной, не просохшей еще рыболовной сетью, перекинутой через плечо. Человек широко зевнул и даже зажмурился.

— А-ах!.. — сонно зевнула высокая женщина в темном платье, споткнулась и чуть не выронила из рук румяный круглый каравай хлеба.

Волшебник Алеша ступил на мост.

— А-ах!.. — широко зевнул молодой гончар. К его холщовой рубахе прилипли комочки глины.

Он нес в руках два расписных кувшина с витыми ручками. Шедшая рядом с ним девушка тоже зевнула, старательно прикрыв рот ладошкой.

Зевали все люди на мосту.

«А-ах!» — слышалось отовсюду.

Зевки как будто носились в воздухе, перелетая от одного человека к другому.

Все прохожие, которые шли ему навстречу, зевали так заразительно, что удержаться не было никакой возможности.

— А-ах!.. — зевнул волшебник Алеша.

— Зевнул! Зевнул! — послышался злорадный голос, и кто-то цепко ухватил за рукав волшебника Алешу. — Зевнул — плати денежку. Денежку плати!

Волшебник Алеша увидел тощего человека с изможденным лицом. Веки его припухли, глаза покраснели, словно от долгой бессонницы. Его дорогой костюм из серого бархата был весь измят и покрыт пылью. Человек в сером зябко ежился и не переставая зевал. Но его быстрый взгляд жадно следил за всеми, кто шел по мосту.

— Нет у меня денег, — растерянно проговорил волшебник Алеша, глядя, как все проходившие по мосту неохотно совали человеку в сером мелкие монеты.

Кот Васька, сидевший на плече волшебника Алеши, потянулся и тоже уютно зевнул.

— И за кота плати! — взвизгнул серый человек.

Волшебник Алеша отступил назад, не зная, что ему делать. Мимо прошла старушка, закутанная в темный платок. Тихонько зевнула, прикрыв рот уголком платка. Человек в сером подскочил к старухе и грубо сдернул платок с ее седой головы. Та вздохнула и сунула ему в руку тусклый медяк.

— Ишь исхудал-то, в чем душа держится, — с укоризной покачала головой старушка. — Все забросил: родной дом, семью. Так и живешь тут на мосту, как пес на цепи. А все жадность проклятая. Боишься, пройдет бедняк какой-нибудь и не отдаст тебе последний грош. Помяни мое слово: плохо ты кончишь. Сгубит тебя твоя жадность. Посмотри, весь иссох, кожа да кости. Ведь не спишь совсем. Оттого так и зеваешь, что хочешь не хочешь, а поглядишь на тебя, ни за что не удержишься — зевнешь!

— И буду зевать, и буду! — Человек в сером потряс тугим кошельком. С наслаждением прислушался. — Звенят мои милые, монетки мои! Век бы слушал… Даже спать расхотелось. Всех вас, бродяг, вижу, всех! Никого даром не пропущу!

Человек в сером повернулся к волшебнику Алеше, исподлобья посмотрел на него красными, воспаленными глазами.

— А ну плати! Не то стражу кликну! — с угрозой

прошипел он.

Волшебник Алеша понял, что серый человек не пропустит его. Поневоле он повернулся и сошел с моста. А вдогонку ему неслись сонные, усталые зевки и звяканье монет.

— Всего-то пустяк — перейти мост, а вот попробуй перейди… — Волшебник Алеша со вздохом посмотрел на далекий берег реки. — Как мне туда перебраться? Я должен, мне просто необходимо найти башню Ренгиста Беспамятного…

Глава III
Заклинание Ренгиста Беспамятного. И главное: Астрель, принцесса Сумерки

Астрель подошла к окну.

Солнце, уже не золотое, а багрово-красное, тяжело опускалось за Олений лес. Вот солнце коснулось верхушки высокой ели, и острая верхушка, как черная стрела, вонзилась в его жарко пылающую середину. Словно оплавленные огнем, горели нижние края облаков.

Астрель посмотрела вниз. Широкие мраморные ступени дворцовой лестницы полукругом спускались в сад. На каждой ступени по два стражника. Дальше у чугунных витых ворот — тоже стража.

Стражники стояли, опершись на алебарды, лениво поглядывали по сторонам. Было тихо. Король уехал на охоту в Олений лес. Затих заливистый лай собак, ржание коней, резкие повелительные окрики. Вместе с королем ускакали оба принца, Игни и Трагни. За ними свита, слуги, заносчивые, наглые.

Солнце совсем ушло за Олений лес, и лишь в одном месте, словно раздвинув густую хвою столетней раскидистой ели, сверкал последний пучок лучей.

А внизу уже скапливались густые, глубокие тени. Белые и желтые розы словно плавали в темной листве.

«Это мой час…» — подумала Астрель.

Она подошла к высокому зеркалу.

Гладкое прохладное стекло отразило бледное лицо. Большие, родниковой прозрачности глаза, нежный рот. Слишком длинные, тяжелые, словно влажные, ресницы. Тонкие зеленовато-серебристые волосы падали на узкие плечи, зыбкими прядями лились вниз.

Капельками ртути слабо мерцали туфельки.

Астрель тихо вздохнула, глядя на себя в зеркале. Ее лицо, серебристое платье, стянутое узким поясом, все меркло, таяло, словно растворялось в вечернем воздухе. Мелькнули две темные точки — зрачки ее глаз. Какое-то время Астрель еще видела в зеркале что-то туманное, еле уловимое, гаснущее с каждым мгновением.

На миг ей показалось, что в воздухе повисли прозрачные нити дождя. Или это были ее волосы? Но вот и это исчезло.

Из зеркала на нее смотрела пустота.

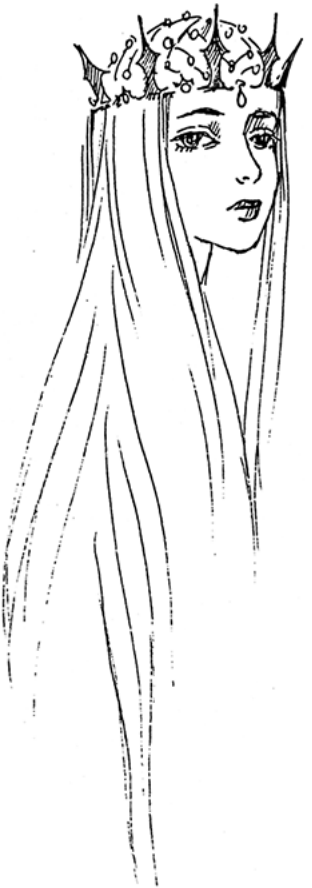
Астрель, как всегда, туго переплела пальцы на руках, стиснула изо всех сил.

— Я здесь. Вот она я. Только меня не видно, — прошептала Астрель.

Она приложила руку к сердцу. Сердце билось часто и сильно. Резкие удары стучали в ладонь.

— Не бейся так… — попросила Астрель. — Меня

не должны ни видеть, ни слышать.



Астрель приоткрыла дверь. Торопливо сбежала по лестнице. Мягкий ковер глушил шаги. Залы наполнены глубоким вечерним полумраком. Астрель замерла. Мимо прошел придворный, хитро и недобро улыбаясь каким-то своим мыслям.

Снова лестница, и вот наконец высокая двустворчатая дверь, а за ней приглушенные голоса стражников.

Астрель обеими руками толкнула дубовую дверь. Неслышно шагнула через порог.

— Сквозняки… — проворчал один из стражников и пнул дверь ногой так, что она с грохотом захлопнулась.

Астрель, затаив дыхание, на цыпочках стала спускаться по широким ступеням.

— Что это стучит? Вот так: тук-тук — и замрет? — оглядываясь, спросил высокий стражник.

— И вправду, словно дождь стучит, — откликнулся другой.

Это испуганно стучало сердце Астрель. Она быстро сбежала со ступеней.

Розы слабо светились в густой листве. Ей показалось, что они поворачиваются и следят за ней.

«Нет, они меня не выдадут», — подумала Астрель.

Теперь осталось только незаметно пройти мимо стражников, охраняющих ворота, и она на воле.

Астрель вошла под высокую темную арку ворот. Вдруг под ее ногой скрипнул камешек.

— А? — испуганно вскинулся верзила-стражник. — Стой! Кто идет?

Он опустил алебарду и перегородил проход. Астрель подобрала юбку, гибко наклонилась и с быстротой белки проскользнула под древком алебарды.

— «Стой, кто идет»! — передразнил его второй стражник. — Глаза протри. Кто тут? Ты да я. Кого еще видишь?

Тем временем Астрель летела по улицам, задыхаясь, не оглядываясь. Ей надо было спешить. Через час во дворце зажгут свечи, и тогда…

Она взбежала на крутой и высокий мост Зевнивовесьрот.

Человек в сером вздрогнул, услышав ее быстрые шаги. Он повел головою вправо, влево, но никого не увидел и принялся снова, шевеля губами, пересчитывать медяки.

Астрель торопилась знакомым путем.

Вот и башня Ренгиста Беспамятного. Старая, полуразрушенная и заброшенная. Высоко в тусклом небе еще четко были видны осыпающиеся, источенные непогодой и временем зубцы.

Астрель забарабанила кулачками в потемневшую от дождей и ветров дверь.

— Иду, иду! — послышался глухой ворчливый

голос. Видимо, ее ждали.

Скрипнул ключ, дверь отворилась ровно настолько, чтобы пропустить Астрель.

На темной лестнице стояла старая служанка со свечой в руке. Дрожащий язычок пламени осветил ее лицо. Морщины, жесткие и глубокие, как щели в камне, набегали одна на другую. Казалось, и за тысячу лет не могло так состариться человеческое лицо.

— Здравствуй, тетушка Черепаха, — тихо сказала Астрель.

— Здравствуй, девочка, — медленно роняя слова, проговорила старуха. — Иди, иди. Господин Ренгист ждет тебя.

Астрель стала подниматься по стертым, выщербленным ступеням, а огонь свечи слабел и мерк где-то внизу. Она уже поднялась на самый верх, а медлительная служанка за это время с трудом одолела несколько ступеней.

— Отец! — Астрель обняла старого человека, сидевшего в глубоком кресле у горящего камина.

Он сидел неподвижно, словно погруженный в вечную дремоту. Его седые волосы были похожи на высушенные ветром и временем дикие травы. Они в беспорядке падали на ветхий бархат воротника.

Астрель опустилась перед ним на колени, взяла его вялую, безжизненную руку, прижалась к ней щекой.

Нет, этот старик не был ее отцом. Но в этом чужом, враждебном ей мире он был самым близким, единственным ее другом, если не считать ворчливой и неповоротливой служанки.

«Когда же я первый раз прибежала в эту башню? — подумала Астрель. — Давно, очень давно. Он был тогда совсем не такой, добрый волшебник Ренгист. Он тогда еще многое мог вспомнить, пусть ненадолго, на минуту, но вспоминал. Хотя и тогда не сумел мне помочь». Да, прошло уже, пожалуй, года три, а то и больше.

А случилось это вот как. Однажды Астрель в сумерках незаметно скрылась из дворца. Она

мчалась по улице, словно наперегонки с ветром, лишь бы убежать подальше от королевского дворца.

Вдруг ее заметили стражники с факелами: волосы Астрель зеленым дождем блеснули в свете огней. Она кинулась в переулок, кружила, как испуганный зверек. До сих пор ей помнится топот сапог за спиной и грубые голоса.

Она нырнула в первую же открытую дверь. Это была дверь башни Ренгиста Беспамятного.

Она крикнула: «Спасите! Помогите!» Тетушка Черепаха схватила ее в охапку и живо спрятала в сундук. А сама как ни в чем не бывало уселась на тяжелую крышку сундука, зажав в руке длинную деревянную скалку. Стражники ворвались в башню толпой, рыскали повсюду, не было уголка, куда бы они не сунули нос.

А тетушка Черепаха все сидела на сундуке и бранила их на чем свет стоит:

— Видно, вы все с ума спятили! Ищете, чего нет. Бездельники и лоботрясы! Трусы и лентяи! Какая девчонка, где вы ее видели? Спите на ходу, вот вам и мерещится невесть что!

При этом она так размахивала скалкой, что стражники и подступиться к ней не посмели. Так ни с чем, как побитые собаки, ворча, убрались

восвояси.

Тогда тетушка Черепаха подняла крышку сундука и потащила Астрель за руку к своему господину, по дороге приглаживая ее растрепавшиеся волосы.

Ренгист посадил Астрель перед собой на низкую скамейку и так по-доброму взглянул на нее, что она все-все рассказала о себе и о своем горе.

С тех пор каждый вечер, дождавшись, когда солнце скроется за Оленьим лесом, она тихонько прокрадывалась в башню Ренгиста Беспамятного…

— Ты, ты… принцесса Сумерки? — неуверенно, с трудом проговорил Ренгист Беспамятный. Он хмурил брови в мучительном усилии сосредоточиться и вспомнить.

— Да, я — Астрель, отец. Видишь, ты вспомнил меня.

Ренгист Беспамятный с нежностью поглядел на девушку, но его взгляд вдруг начал тускнеть, угасать, словно уходил куда-то вглубь.

— Отец, отец! — повторила Астрель, теребя старика за руку. — Спаси меня! Ты — могучий волшебник. Вспомни, вспомни какое-нибудь заклинание! Чтоб у меня выросли крылья. Или пусть все слуги во дворце уснут так надолго,

чтобы я успела убежать далеко-далеко. Ведь я невидима только в сумерках, а когда зажгут свечи, слуги сразу хватятся меня. Мне не убежать. Они торопят меня со свадьбой, отец. А я лучше умру…

Шаркая жесткими подошвами, вошла тетушка Черепаха с большим серебряным подносом в руках.

— Кофе, Пачереха, наконец-то, — пробормотал Ренгист Беспамятный. — Придвинь стол к огню и оставь нас.

— Чай, а не кофе, — проворчала тетушка Черепаха. — Когда бы я успела сварить кофе, если ты велел сварить его только сегодня утром? Вот чай. Ты заказал его вчера. Как раз хорошо настоялся.

— Ступай, Харечепа, ступай, — равнодушно махнул рукой Ренгист Беспамятный. — Все равно…

Астрель помогла тетушке Черепахе придвинуть небольшой столик, расставить чашки. Цветной узор на столике стерся, лишь кое-где тускло поблескивал перламутр.

Астрель старалась не глядеть на руки тетушки Черепахи, морщинистые, древние.

— А ведь они были братья. Ренгист и Каргор. Ренгист и Каргор… — Голос тетушки Черепахи

звучал глухо и заунывно, как осенний ветер. И хотя она всегда рассказывала одно и то же, всякий раз Астрель с волнением ловила каждое ее слово. — Братья… Они играли вместе. Вон в старом сундуке до сих пор лежат их игрушки. А когда подросли и возмужали, оба стали волшебниками. И оба влюбились в одну девушку. Говорят, краше ее не было никого на свете. Дождирена Повелительница Дождя. Так ее звали. Она полюбила моего господина, доброго волшебника Ренгиста. И они уехали куда-то далеко-далеко. Счастливые, молодые. Только с тех пор о ней никто ничего не слышал. Словно сгинула, пропала без следа красавица Дождирена Повелительница Дождя… (При этих словах сердце Астрель почему-то всегда сжималось от непонятной тоски.) Ох, давненько это было! Бегала я тогда босоногой девчонкой. А как исполнилось мне шестнадцать, нанялась я в служанки к господину Каргору. Недобрые дела творились в его Черной башне! А меня только смех разбирал, когда, бывало, влетит в окно летучая мышь или филин. Ударится об пол — и вот тебе знатный гость, весь в шелку да в бархате. Только глаза светятся, как угли в темноте. А потом в башне завелись какие-то голоса. Никого нет, а голос то стонет, то плачет.

Слуги подогадливее разбежались кто куда. Ну а я что? Молода была да глупа, а платил господин Каргор щедро. Прислуживала ему как умела. Только с каждым днем становился он все злей да придирчивей, никак не угодишь. Однажды я что-то замешкалась. «Что ты тащишься, как черепаха! — закричал он в ярости. — Вот и стань черепахой, старой черепахой!» Он прочел какое-то заклинание, и вмиг кожа моя сморщилась, потемнела, на спине вырос твердый панцирь. Я превратилась в старую черепаху. Даже душа у меня постарела. Что делать? Я уползла в лес, и если бы не господин Ренгист… Как раз в те дни возвратился он из дальних краев. Одинешенек, без красавицы жены. Молчаливый, не по годам седой. И поселился в этой башне, заброшенной и унылой, под стать ему. Да, был он уже не тот, что прежде, как подменили. Но его еще не прозвали в городе Ренгист Беспамятный. Хотя уже и тогда, бывало, битый час все думает, хмурится, трет лоб, пока припомнит, что надо. Пожалел он меня. Начал читать заклинание, да вот беда, забыл посередке. Так и не смог победить до конца злые чары Каргора. Вот я и стала тетушкой Черепахой, вот кем я стала…

Тетушка Черепаха глубоко вздохнула, постучала своей жесткой рукой по твердому, как панцирь, переднику.

— Так и живу теперь на посмех людям, — глухо проговорила она, уже стоя на пороге. Закрыла за собой дверь, затихли ее шаркающие шаги.

Астрель снова взглянула в окно, и бледная звездочка на темнеющем небе словно уколола ее.

— Я еще помню, смутно помню какие-то заклинания, волшебные слова, — как во сне проговорил Ренгист Беспамятный. — Но что они значат, их тайный смысл, он ускользнул от меня, я все забыл…

— Не будем терять надежды. — Астрель припала к его плечу. Почему-то на миг ей представился белый парус далеко в темном море. — Нам ничего не осталось, кроме надежды. А вдруг ты вспомнишь!

— Да, да… — равнодушно пробормотал Ренгист Беспамятный. Веки его безвольно опустились, он снова погрузился в свою безжизненную дремоту.

— Отец! — взмолилась Астрель. Такое отчаяние звучало в ее голосе, что Ренгист Беспамятный вздрогнул и открыл глаза.

Мгновение он бессмысленно озирался по сторонам, словно стараясь понять, где он, кто рядом

с ним.

— Я был далеко… — прошептал он.

Ренгист Беспамятный посмотрел на Астрель, взгляд его становился все пронзительней, глубже. Вдруг он заговорил, и по мере того как он говорил, голос его креп, обретал величие и звучность:

Ивер и авер, венли и вемли!
Слову волшебному, тайное, внемли.
Снежными звездами, вниз или ввысь,
Тайна, откройся, тайна, явись!

Астрель замерла, ожидая сама не зная чего. Может быть, содрогнется старая башня или вдруг она взлетит с легкостью птицы. Но ничего не случилось. Только в мрачной комнате стало еще темней.

Астрель взглянула в окно. Мимо окна медленно-медленно, покачиваясь, проплыла крупная звездочка-снежинка. Астрель проводила ее недоуменным взглядом. Вот пролетела еще одна снежинка, а за ней еще и еще. С каждым мгновением снежинок становилось все больше. Налетевший ветер вдруг взвихрил их, закружил, завивая столбами. Астрель с трудом могла разглядеть сквозь их беспокойный танец дальние крыши домов, потемневшие деревья с поник-

шей листвой. С ветвей рушились белые обвалы, а вверх струились туманы из снежной пыли.

Мгновение, и все скрылось за сплошной пеленой падающего снега. Прерывая завывание ветра, донеслись неясные крики:

— Снег! Снег!

— А ветрище-то!

— Какой холод!

— Ай-ай! Мой салат и горошек…

Астрель посмотрела на Ренгиста Беспамятного.

«Опять ничего, просто снег, пусть волшебный, но зачем, ведь он не может мне помочь. Опять все попусту, а времени больше нет».

Ренгист Беспамятный сидел безучастный ко всему, уронив руки на подлокотники кресла.

— До завтра! — Астрель улыбнулась, стараясь скрыть печаль и разочарование. — Спасибо, отец. Ты наколдовал снег, такой белый, красивый. Я приду завтра в сумерках, как всегда. Жди меня…

Ренгист Беспамятный слабо кивнул головой, не открывая глаз.

За дверью ждала тетушка Черепаха со свечой.

— Неужели я так долго заваривала чай, что наступила зима? — проворчала тетушка Черепаха. — А мне еще надо взбить подушки на ночь моему господину. И еще я хотела пойти в лес и поискать добрых трав и кореньев. Старая Черепаха хоть и безобразна, но знает толк в травах, уж поверь мне.

— До завтра, добрая, милая тетушка Черепаха. — Астрель с нежностью коснулась губами ее морщинистой жесткой щеки.

— Только ты одна меня целуешь, — проскрипела тетушка Черепаха. И огонь свечи, отразившись в одинокой слезе, золотой каплей скатился

по глубокой морщине.

Тетушка Черепаха подняла свечу повыше, и Астрель быстро сбежала по темной лестнице.

— Час, чтобы спуститься вниз по лестнице и запереть дверь, и час, чтобы подняться, — охала тетушка Черепаха, с трудом спускаясь следом. — Ах, милая девочка, милая девочка…

Глава IV
Кот Васька жалуется на жизнь. И главное:

волшебник Алеша все-таки оказывается на другом берегу реки

Волшебник Алеша в полном унынии стоял

и смотрел на темную быструю воду реки, где закипали пенные водовороты.

Вплавь, что ли, перебраться? По правде говоря, плавает он неважно. К тому же в толстом свитере, в ботинках, все это намокнет, отяжелеет, потянет ко дну. Ну да ладно, он как-нибудь переплывет. А кот Васька? Он до смерти боится воды. Что же теперь делать?

Кот Васька уныло понюхал траву, покрутил головой.

— Ну ладно, будь волшебником, я не против. — Кот Васька с упреком посмотрел на волшебника Алешу. — Нарисованных котов оживлять — дело хорошее, кто спорит. Но по сказкам шататься — охота была! Как будто нет у нас своего теплого угла. Дом есть? Есть. Молоко в холодильнике есть? Есть. Так надо дома сидеть. Логично? Логично!

— Слушай, прекрати. И без тебя тошно, — не выдержал волшебник Алеша. — Мне надо сосредоточиться, подумать как следует…

Вдруг невесть откуда налетел леденящий порыв ветра, иглами впиваясь в лицо и руки.

Кот Васька весь взъерошился, прижался к ноге волшебника Алеши, продолжая свою еле слышную воркотню:

— Опять-таки, если уж отправляться в сказку, тоже надо с умом выбирать, куда идешь. Чтобы сказочка была теплая, чтобы солнышко грело. Где собак нет, а кругом мышки бегают. А здесь — бр-р!.. Холодище какой! Сплошное мяу! Никакого мур!

Ветер крепчал. Шарф волшебника Алеши рванулся, вытянулся, грозя улететь.

— Батюшки, снег! — растерянно мяукнул кот Васька.

И тут же их словно накрыло густым белым облаком. Никогда в жизни волшебник Алеша не видел такого снегопада. В один миг все скрылось: мост, деревья, дома на том берегу.

Кот Васька сразу провалился в сугроб. Волшебник Алеша поспешно подхватил его, прижал к груди. Казалось, весь мир исчез, кругом был только снег, снег…

Волшебник Алеша с трудом справился с улетающим шарфом, потуже обмотал вокруг горла, заодно укутал им кота Ваську.

На миг свист ветра умолк, и в этой короткой тишине волшебник Алеша не услышал шума и плеска речных волн.

Снег норовил залепить глаза, но все же волшебник Алеша сумел разглядеть зеркало льда, по-зимнему сковавшего реку.

— Лед! — с изумлением ахнул кот Васька. Он выскользнул из-под шарфа и скатился с обледенелого берега. — Не бойся, пушистый Алеша, иди сюда, — донесся его голос. — Лед! Клянусь хвостом и ушами, до самого берега лед! Настоящий!

«Гм… Там, где может пройти кот, вовсе не обязательно смогу пройти я», — с сомнением подумал волшебник Алеша. Но это была единственная возможность перебраться на тот берег.

Волшебник Алеша спустился к реке, ступил на гладкий, почти прозрачный лед. На всякий случай постучал по нему ногой, лед прямо-таки звенел под каблуком. Волшебник Алеша торопливо пошел по льду. Под снегом лед был чистый и скользкий, как стекло. Снегопад вдруг кончился как-то до странности сразу. Последняя снежинка упала на щеку волшебника Алеши и растаяла. Теплые струи воздуха смешивались с холодными, слоились, переплетались. Откуда-то донесся густой сладкий запах жасмина. К своему ужасу, волшебник Алеша увидел, что лед потемнел, потрескался. Он крошился, расползался под ногами. Впереди мелькнули зловещие мутные полыньи.

Волшебник Алеша огромными скачками бросился бежать, но все-таки возле самого берега провалился в крошево холодной воды и осколков льда. К счастью, там было уже совсем мелко. Он только зачерпнул воду одним башмаком.

— Вот копуша! — шипя от страха, набросился на него кот Васька. — Надо же быть таким нескладехой! Зимовать ты, что ли, собрался посреди реки?

Но на этот раз волшебник Алеша совсем на него не рассердился. Понял: просто переволновался за него преданный кот Васька.

Глава V
Астрель возвращается в замок. И главное: следы на снегу

А теперь, друзья мои, вернемся к башне Ренгиста Беспамятного.

Мы расстались с Астрель, когда она сбегала по лестнице, а тетушка Черепаха стояла на верх-

ней площадке со свечой в руке.

Посмотрим теперь, что же случилось дальше.

Астрель торопливо шла узкими улочками. Метель утихла, но туфли глубоко увязали в снегу.

Астрель вся сжалась от холода, скрестила на груди руки. Здесь, на улице, она опять стала невидимой, словно растворилась в вечернем воздухе.

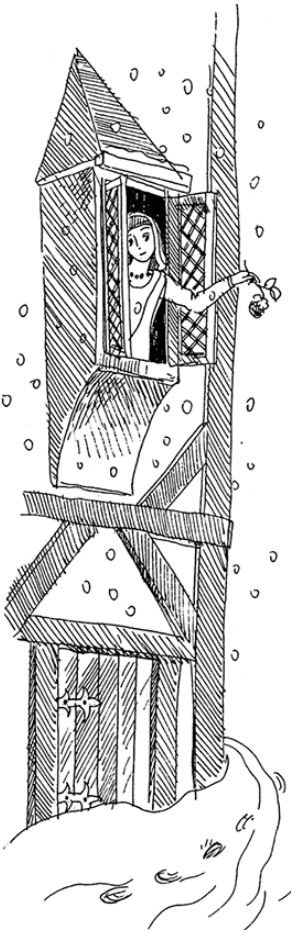
Распахнулось оконце высоко под крутой крышей дома. Из окна выглянула девушка. Она накинула на голову теплый платок, прихватила его рукой под подбородком.

Отворилось окно в доме напротив. Из окна высунулся юноша, помахал ей рукой.

— Мы сегодня не встретимся, — печально улыбнулась ему девушка. — Из дома не выйти, дверь замело снегом до самого верха. Подумать только, такой снег.

— Я пробовал открыть дверь, Ильти, но ее даже вот на столько не сдвинешь, — отозвался юноша. — Посмотри, у пирожника Ринтуса сугробы выше окна.

— Я брошу тебе цветок! — крикнула девушка. — Лови!



Она сорвала ветку алой герани и бросила через дорогу. Но легкий цветок не долетел и упал на снег посреди улицы.

— Теперь он замерзнет, — с жалостью сказала девушка. Цветок упал прямо к ногам невидимой Астрель. Она подняла его, кинула юноше.

— Что это? — ахнула девушка. — Цветок сам взлетел в воздух. Вот чудо-то!

— Смотри, Ильти! — Юноша протянул руку. — Вон! Следы. Видишь, следы на снегу!

— Вижу, вижу! — откликнулась Ильти. — Маленькие какие! И будто бегут друг за дружкой. Откуда они берутся, ведь по улице никто не идет?

«Мои следы…» — подумала Астрель.

Она оглянулась. Позади нее тянулась узкая неровная цепочка следов. Ее маленькие туфли с острыми каблуками оставляли четкий след на гладком, нехоженом снегу.

«Следы ведут от башни Ренгиста Беспамятного прямо к королевскому дворцу, — мелькнуло в голове у Астрель. — Мало ли кто их увидит. Нетрудно догадаться…»

Астрель скинула туфли и в тонких ажурных чулках побежала по снегу. Осколки льда вмиг порвали чулки в клочья. Снег холодом обжег босые ноги. Астрель вихрем перебежала через

мост Зевнивовесьрот.

В воротах королевского дворца угрюмо переругивались мокрые, продрогшие стражники.

Астрель проскользнула через сад. Розы, расплющенные снегом, распрямляли согнутые стебли.

На лестнице Астрель остановилась. Она нагнулась и вытерла обрывком кружевной манжеты кровавый след на мраморной ступени.

Она увидела где-то далеко на окраине города отблески факелов. Словно струя расплавленного золота вливалась в город и, извиваясь, потекла по улицам. Это возвращался с охоты король.

Когда слуга, держа тяжелый подсвечник с зажженными свечами, вошел в комнату Астрель, она, как обычно, сидела в глубоком кресле, поджав под себя ноги, и неподвижно смотрела в ночное небо.

Глава VI
Неудавшаяся охота. И главное: странный прохожий

Волшебник Алеша едва отдышался.

Снял башмак, вылил из него воду. Взял на руки озябшего кота Ваську. Обтер концом шарфа его холодные лапы.

Город оживал, стряхивая с себя тяжесть тающего снега. С крыш текло, кое-где проступила мокрая земля с поникшей, примятой травой. То там, то тут в домах приветливо затеплились свечи.

Волшебник Алеша заглянул в окно низкого дома. Он увидел молодую женщину с ребенком на руках. Ее милое кроткое лицо было омрачено заботой и печалью.

Ребенок потянулся к свече.

— Нельзя, нельзя. — Женщина ласково перехватила маленькую ручку. — Пальчик сожжешь… Скоро отец вернется. Рыбки принесет. Только какой улов в такую непогоду?

Женщина подошла к окну и задернула старенькую занавеску.

— У кого бы спросить? Хоть бы какой прохожий попался, — посетовал волшебник Алеша. — Все попрятались по домам. Впрочем, вон кто-то идет…

Навстречу ему, косолапо ставя короткие ноги, брел человек. Он бережно нес большую шкатулку, по углам окованную медью.

Пятнистый свет фонаря у входа в трактир осветил прохожего. У него было темное, словно вылепленное из глины, лицо. Из-под уродливо

нависшего лба хитро и подозрительно посверкивали злые глазки.

Прохожий в свою очередь с откровенным изумлением уставился на волшебника Алешу и даже приоткрыл рот. Блеснули длинные кривые клыки. Быстрым потаенным движением он прикрыл плащом шкатулку, окованную медью.

Преодолевая себя, волшебник Алеша все-таки спросил у прохожего:

— Извините, пожалуйста. Не скажете ли, как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?

И тут случилось нечто неожиданное. Странный человечек высоко и резко подпрыгнул, вскинул руку с растопыренными пальцами. Он словно хотел поймать нечто невидимое, пролетевшее над его головой. Он сжал руку в кулак, будто и впрямь поймал что-то. Потом быстро сунул свою добычу в шкатулку и поспешно захлопнул крышку. Жадное торжество мелькнуло у него в глазах.

С поспешностью он сделал несколько скачков, стараясь подпрыгнуть повыше. Его хваткие, ловкие пальцы опять что-то поймали в воздухе и сунули в шкатулку. Потом, угловато и нелепо подпрыгивая, он помчался по улице, словно хотел догнать что-то улетающее от него.

«Что он ловит: жука, ночную бабочку?» — с недоумением подумал волшебник Алеша.

Он уже пожалел, что заговорил с этим странным человеком.

Тем временем прохожий вернулся, тяжело дыша и отдуваясь. Его крючковатые пальцы с нежностью поглаживали крышку шкатулки.

— Так вы мне не ответили. Как… — начал было снова волшебник Алеша.

— М-м!.. — вдруг тупо промычал человек.

Глаза его стали пустыми, тусклыми.

«Да он немой! — догадался волшебник Але-

ша. — Но все равно, что-то в нем удивительно злобное, хитрое».

Волшебник Алеша пошел дальше по улице, но шагов через пять оглянулся.

Странный человек стоял под фонарем и смотрел ему вслед пристальным, выслеживающим взглядом.

По стенам домов запрыгали золотистые мигающие вспышки огня. Послышался разноголосый говор вперемежку с лаем и визгом собак.

Волшебник Алеша свернул в узкий переулок и прижался боком к стене. Мимо него проскакали всадники с факелами. За ними на белой породистой лошади ехал грузный человек в шляпе с обвисшими страусовыми перьями. В свете факела золотой змеей шевельнулась на груди всадника цепь с подвеской в виде зубчатой короны.

«Да это сам король!» — догадался волшебник Алеша.

За королем ехали двое юношей, оба сильные, широкоплечие, с тупыми, надменными лицами. А дальше пестрой толпой — придворные. Позади всех псари с трудом удерживали на сворках усталых, хрипло лающих собак.

— Тысяча дьяволов! — услышал волшебник

Алеша резкий голос короля. — Будь проклят этот снегопад! Провались все на свете! Уже почти затравили оленя, как все пошло к черту!

— Ваше величество! — подхватил тощий юркий человечек с лукавым острым лицом, подъезжая поближе к королю. — По вашему королевскому приказу я, как всегда, ни во что не верю и во всем сомневаюсь. С чего бы снегопад в это время года? Кто-то подстроил, не иначе.

— Спрошу Каргора… — проворчал король.

— Глянь-ка, Игни, — негромко окликнул один из юношей другого. — Какие странные следы!

— Где, Трагни? Здесь столько следов, весь снег

истоптан, — отозвался Игни. — А-а, эти?..

Он придержал коня, наклонился, рассматривая следы. Следы были маленькие, узкие. Кто-то прошел по снегу в туфельках с острым треугольным каблуком.

— Уж не наша ли это птичка Астрель? — подозрительно протянул Игни.

«Астрель? — вздрогнул волшебник Алеша. — Кажется, он сказал: Астрель...»

Волшебник Алеша сделал несколько шагов

вперед, прячась в тени дома.

Юноши поехали рядом, не сводя глаз с тонкой цепочки следов.

— Точно — Астрель. Провалиться мне на этом месте! — с угрозой, сквозь зубы процедил Трагни. — У кого еще такая крошечная ножка? Поглядим, куда ведут эти следы.

— Смотри, смотри! — вдруг грубо захохотал Игни. — Это сумерки нас морочат. Да ты вглядись получше: нога-то босая!

— А… — Трагни выпрямился в седле. — Какая-то девчонка-нищенка босиком шлялась по снегу.

— Сомневаюсь! Сам во всем сомневаюсь и вам советую, — откуда-то сбоку вынырнул юркий человечишка.

— Опять ты тут, Врядли! Вечно суешь нос куда не просят, — надменно отмахнулся от него Трагни.

— Погоди, может, Врядли прав? — угрюмо проговорил Игни. — Вот что. На всякий случай я прикажу усилить стражу возле ее дверей.

— Почему это ты прикажешь? — вскинулся Трагни. — Мои слуги надежнее. Будут день и ночь сторожить Астрель.

Тягучий топот всадников по раскисшей дороге смолк в отдалении.

Волшебник Алеша вышел из своего укрытия и снова зашагал вдоль притихших, спящих домов.

«Город будто вымер, спросить не у кого, — с огорчением оглянулся по сторонам волшебник Алеша. — Делать нечего, придется подождать до утра. Астрель… Да, все может оказаться гораздо сложнее, чем я предполагал».

С неба на длинных лучах свисали крупные звезды.

Откуда-то потянуло запахом сена. Волшебник Алеша увидел неплотно притворенные двери старого сарая. Там, в глубине, было приютно и тихо.

— Хоть раз в жизни переночевать на сене, — сонным, разомлевшим голосом пробормотал кот Васька. Шерсть его высохла, он стал мягким, пушистым. — А пахнет как…

Глава VII
Голос Дождирены Повелительницы Дождя.
И главное:

что было спрятано в шкатулке, окованной медью

В глубоком кресле перед камином сидел худой, костлявый человек, с ног до головы одетый в черное. Черный плащ, небрежно перекинутый через

ручку кресла, свисал до пола, как надломленное крыло.

Его иссохшее лицо было мертвенно-бледным. Крупный нос с хищной горбинкой придавал ему жесткое и заносчивое выражение. Глубоко запавшие глаза и серые запекшиеся губы говорили о тайном страдании, а руки, судорожно стиснувшие подлокотники кресла, — о бессильной, застарелой злобе.

Человек в черном наклонился вперед. Жадным неотрывным взглядом он смотрел на пламя, метавшееся в утробе огромного камина.

Но это был не просто огонь! Это, встав на хвосты, в жаркой пляске извивались огненные змеи. Они шевелились, раскачивались. Вот они свились в одно нестерпимо пылающее кольцо… И вдруг на мгновение в самой его середине сверкнула маленькая голубая искра. Она казалась такой беззащитной и слабой. Огненные змеи тянулись к ней, с их острых жал сыпались раскаленные искры.

Человек в черном откинулся в кресле, словно свет этой маленькой искры ослепил его.

— Какая ты стала крошечная и дрожишь, словно чуешь свою гибель! — с ненавистью прошептал он. — А когда-то ты освещала голубым

светом весь зал. Ты сводила меня с ума! Что? Жарко тебе? Нравятся тебе мои огненные змейки? Я раздобыл их своим черным колдовством. Змейки, мои вечно голодные змейки! Вам надо все время что-то пожирать, жечь. Вы можете уничтожить все: камень, железо, верность, любовь, сострадание. Я подкинул вам лакомый кусочек. Так покончите же с ней наконец. Пусть она сгинет навеки, проклятая… О, как трудно тебя убить, маленькая голубая искра!

На выступ окна опустилась небольшая птичка. Пестрая, с черными полосками на крыльях и острым хохолком на макушке.

— Чересчур! — недовольно заверещала птичка, прикрывая головку крылом. — Ф-фу! Чересчур жарко натоплено, вот что я вам доложу, господин Каргор!

Человек вздрогнул, так глубоко он ушел в свои мысли.

— А, это ты, птичка Чересчур. Ты испугала меня. Я задумался, я был далеко отсюда…

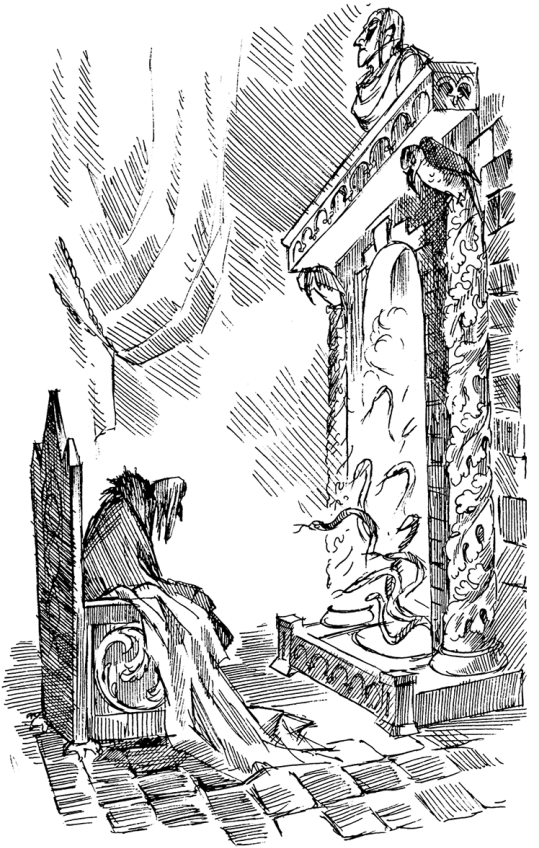
— Опомнитесь, да что с вами? — пожала плечиками птичка Чересчур. — Нельзя же так! Целыми днями сидите в кресле как приклеенный и смотрите на огонь, когда вокруг столько событий, мух, комаров, новостей и всего прочего.

— Ну какие там еще новости, птичка Чересчур? — Каргор со вздохом оторвал взгляд от огня. — Ну, выкладывай.

— Во-первых, мы тут чуть было не погибли под снегом, — с важным видом сообщила птичка Чересчур. — Вдруг снег! Как вам это нравится, когда на дворе лето? Но слушайте дальше, господин Каргор, хотя и этого чересчур много. В нашем лесу появился страшный ворон. Какой клюв, какие когти! Ну, доложу вам, в дрожь кидает! Если бы не Гвен…

— Гвен? Это еще кто такой? — настороженно спросил Каргор, и его черные лохматые брови нахмурились.

— Ах, Гвен! — с нежностью пропела птичка. — Вот что значит чересчур долго сидеть взаперти. Гвен — Хранитель Леса! Он строит для нас, птиц, чудесные домики, с крепкими дверями и запорами, с резными балкончиками и круглыми маленькими окнами.



— Гвен… — глухо прошептал Каргор. — Так вот откуда в чаще леса эти резные дворцы и башни для летающей мелюзги.

— А какой у него топор! — не унималась птичка Чересчур, в восторге запрокинув голову. — Он с ним никогда не расстается. Говорят, этот топор достался ему еще от деда. Ах, господин Каргор, какое счастье — надежный домик! Но ведь этот ужасный ворон налетает внезапно и невесть откуда. Как убережешься? Схватит птичку железными когтями — и бедняжке конец. Вы такой могучий волшебник! Избавьте нас от этого чудовища. Помогите нам в нашей беде, добрый, добрый господин Каргор!

— Что ж, надо подумать, чем вам помочь. — Губы Каргора искривились, но нет, это была не улыбка. — Вот только одно неотложное дельце, никак не разделаюсь с ним. И тогда весь к вашим услугам. Мне надо кое-что уничтожить, погасить…

— Вот эту голубую звездочку, да? — подхватила птичка Чересчур. — Вы глядите на нее так сердито. А ведь вы не умеете сердиться, я знаю, знаю. У, противная искорка! Доставляет столько хлопот нашему доброму господину Каргору. Да прикажите вашим золотым змейкам проглотить ее, и делу

конец. Они всегда такие голодные, ваши змейки, и от них такой жар, ух! Что ж, желаю вам удачи, добрый господин Каргор! Боюсь, не утомила ли я вас. Чересчур разболталась. Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур взмахнула крыльями и исчезла, скользнув в поток солнечных лучей за окном.

Каргор с усилием встал. Он поднял руки в широких рукавах, и, покорные его знаку, огненные змеи в камине, извиваясь, вспыхнули еще ярче и со свистом окружили голубую искру.

В огненном вихре видно было, как плавятся, тают ее тонкие голубые лучи. И все же она светила, упрямо светила, крошечная дрожащая искорка!

— Откуда в тебе столько силы? — Бесконечная усталость прозвучала в голосе Каргора. — Тебе не спастись все равно. Так сгинь, исчезни! Твой слабый свет уже все равно не поможет Ренгисту, моему брату Ренгисту… — Каргор на мгновение прикрыл глаза ладонью.

Вдоль северной стены шла длинная дубовая полка, и отсветы огня падали на нее. На полке стояло подряд множество шкатулок и ларцов. Здесь были ларцы из простого дерева грубой работы, в сальных пятнах и подтеках, словно их хватали жирными руками. И легкие узорные шкатулки, поражающие искусством резьбы. Ящички

из куска цельной яшмы, кованые медные ларцы. Но взгляд Каргора только безразлично скользнул по ним. Он сунул руку за пазуху и нащупал у себя на груди маленький прохладный медальон на серебряной цепочке. Каргор осторожно снял его через голову.

Обеими руками, стараясь унять дрожь, он держал серебряный медальон. Тонкая цепочка просочилась между пальцев и повисла, качаясь как паутинка.

— Дождирена Повелительница Дождя… — голосом, полным боли, простонал он. — Я похитил тебя глубокой ночью, тайно. Похитил и заточил в этой башне. Тебе на погибель, себе на вечное горе. Дождирена… Ты не покорилась мне. И вот тебя больше нет. Остался только твой голос. Да, он в моей власти. Я его повелитель. Пожелаю — и он зазвучит. Послушно зазвучит для меня одного. Но клянусь, Дождирена, он убивает меня! И я не могу жить без него…

Каргор нажал замочек медальона словно бы с огромным усилием. Пальцы его свела судорога.

Крышка медальона беззвучно откинулась.

И в тот же миг зазвучал голос, тихий, невесомый, но, казалось, проникающий в самую душу. Все вокруг наполнилось неясным плеском, влаж-

ным шелестом струй дождя.

Каргор упал в кресло, закрыл глаза.

— Отпусти, отпусти меня… — звенел и дрожал в воздухе прозрачный голос. — Я умру, но не стану твоей женой. Ренгист узнает… Он отомстит за меня… Где моя дочь? Где моя дочь?.. Дочь… Дочь…

И слово «дочь», повторяясь словно эхо, стало звучать все тише, невнятней и постепенно превратилось в слово «дождь… дождь…». Каргор закрыл медальон.

Голос смолк. Смолк тихий и влажный шепот дождя.

Каргор опустил лицо в ладони, прижался лбом к прохладной серебряной крышке медальона.

— Но я не отпустил тебя, — глухо проговорил он, — и ты плакала наверху башни, плакала день и ночь, пока сама не превратилась в серебряный дождь. И когда я увидел этот дождь за окном, я сразу все понял. Я понял, что больше нет Дождирены Повелительницы Дождя. Но твой голос, Дождирена… я запер его в медальоне. И потом сыграл неплохую шутку с Ренгистом. С милым моим братцем Ренгистом, могучим добрым волшебником.

Каргор хрипло рассмеялся.

— Только с тех пор мне стало труднее дышать, труднее ступать по земле…

Каргор снова накинул на шею тонкую цепочку, спрятал медальон под кружева, застегнул камзол.

Послышался топот грубых башмаков.

— Войди, Скипп! — властно крикнул Каргор.

Дверь отворилась. На пороге появился приземистый человек с нависшим тяжелым лбом. Глубоко упрятанные глаза смотрели угодливо и настороженно. В руках он держал черную шкатулку, обитую медью. Человек низко поклонился, весь согнулся, будто свернулся улиткой.

— Ну, что приволок сегодня, Скипп? — спросил Каргор, бросив равнодушный взгляд на шкатулку. — Опять какое-нибудь старье? Брань торговок или крики королевских стражников?

— М-м… — замотал головой немой слуга.

Его заискивающая улыбка была хитрой и вместе с тем самодовольной. Он несколько раз с нежностью погладил крышку черной шкатулки, качая головой и причмокивая губами. Мол, принес такое, что хозяин будет доволен.

— Ну, так что там у тебя? — Каргор нетерпеливо взял черную шкатулку, откинул крышку.

— Извините, пожалуйста… — зазвучал на всю

комнату взволнованный голос волшебника Алеши. — Не скажете ли вы, как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?

Голос умолк. Теперь слышно было только, как падают в бочку капли талой воды. Где-то тявкнула собака.

Каргор захлопнул шкатулку. В тяжелой задумчивости провел рукой по лбу.

— Странный, странный голос. Ума не приложу, кто бы это мог быть? Чужак, не из наших мест, по голосу слышно. Ищет, где башня Ренгиста Беспамятного. Не нравится мне это. Слышал я, что по городу шляется какой-то бродяга, не то с котом, не то с обезьянкой. Но зачем ему понадобился мой братец, а? Вот в чем загадка. Молчишь, Скипп, славный парень. Ты всегда молчишь. Но все равно ты молодчага, Скипп. На этот раз и вправду принес кое-что стоящее. О чем следует подумать на досуге.

Каргор подошел к дубовой полке и поставил шкатулку, окованную по углам медью, в ряд с другими ларцами и шкатулками.

Глава VIII
Игран Толстый.
И главное:
удивительное превращение Каргора

Немного терпения, друзья мои, и вы узнаете, почему король сегодня был в самом скверном расположении духа.

Он ходил по мраморному залу из угла в угол,

и шаги его отдавались под потолком четко и тупо, как шаги караульного солдата.

Холодные мраморные стены, в углах мраморные вазы с цветами, вытесанными из разноцветных камней. Все мертвое и холодное. Даже ясные лучи солнца теряли здесь свое живое тепло. Зеркала, льдисто поблескивая, подхватывали отражения короля, передавали друг другу. Король взял золотой колокольчик, позвонил. В дверях появился слуга, склонился в молчаливом поклоне.

— Послали за Каргором? Велели ему немедленно явиться во дворец? — нетерпеливо спросил король.

— Да, ваше величество, — прошептал слуга.

По знаку короля бесшумно исчез.

Вдруг за окном мелькнула быстрая крылатая тень, что-то резко стукнуло в стекло. Король увидел большую, черную как уголь птицу. Птица пролетела мимо, вернулась и снова ударила клювом, по стеклу скрипнули кривые когти.

Король, подхватив край тяжелой мантии, шагнул к окну и распахнул его.

В зал влетел большой ворон. От взмахов могучих крыльев качнулись занавески. Ворон сделал круг под высоким сводом зала и опустился перед королем.

На его шее между гладких черных перьев блеснул маленький серебряный медальон.

Король поднял руку, словно отгораживаясь от чего-то. И действительно, в этот миг произошло невероятное.

Ворон натужно и хрипло каркнул. Карканье его перешло не то в стон, не то в тяжелый вздох, и в тот же миг он превратился в худого, словно иссохшего, человека, с ног до головы одетого в черное.

— Каргор… — невольно отшатнулся король.

Да, он не в первый раз видел эти превращения, но всякий раз страх колючими ледяными шариками скатывался по спине.

Каргор молча и низко поклонился королю, так что черный плащ у ног собрался складками.

— Я уже больше часа жду тебя, Каргор, — недовольно проговорил король.

— К тому же не знаю, разумно ли тебе летать над городом?

В глазах Каргора под нависшими бровями сгустился непроглядный мрак.

— Ваше величество… — Каргор заговорил сбивчиво и глухо. — С каждым днем мне труднее ходить по земле. Все для меня стало чужим: эти руки, плечи, грудь. Мне тесно, я задыхаюсь в этом

теле. Все чужое, как маскарадный костюм. — Каргор выпростал из-под плаща свои худые желтоватые руки и как-то странно оглядел их. Потом поднял глаза на короля и мрачно усмехнулся: — Зато как легко я теперь превращаюсь в ворона! Стоит мне только трижды каркнуть… и вот: это уже не руки, а крылья. Один свободный взмах — и я лечу. Но… Увы, ваше величество! Я волшебник, только пока я в обличье человека. Тогда, вы знаете сами, я всесилен, никто со мной не может сравниться в могуществе. А когда я превращаюсь в ворона, я теряю свой волшебный дар. Мне хорошо, мне привольно быть вороном, но я не смею им долго оставаться. Потому что вернуться в это тело, снова превратиться в человека мне с каждым днем все трудней и мучительней.

— И все же мои придворные, слуги, — поморщился король, — все видят тебя во дворце. Но никто не знает, как ты появляешься здесь и выходишь отсюда.

Каргор надменно повел плечом:

— Пустое. Пусть это не тревожит ваше величество. Придворные и так трясутся как в лихорадке при виде меня.

— Ну хорошо, хорошо, — нетерпеливо махнул рукой король. — Я не затем позвал тебя.

Король прошелся по залу и остановился перед Каргором.

— Ты знаешь, как долго ждал я этого дня, — начал король, с трудом сдерживая нарастающий гнев. — Мечтал! Большая королевская охота в Оленьем лесу. Сколько там оленей! Ну да не мне говорить тебе об этом, прекрасных оленей с глазами…

Король не договорил, но и Каргор не вымолвил ни слова. Они молча смотрели друг на друга и, не выдержав, оба одновременно отвели глаза.

— Проклятые твари! — Король топнул ногой. — Они слишком умны и осторожны. Весь день я гонялся за ними. И наконец-то! Под вечер из чащи на меня выскочил олень Красавец! Он замер, дрожа, в трех шагах от меня. Я прицелился. Черт

побери! В этот миг на нас обрушились лавины… Да что там! Обвал снега! Все перемешалось: небо, земля. Клянусь преисподней, в жизни не видел такого снегопада. Проклятый олень удрал, а мы, увязая в снегу, еле живые выбрались из леса. Чьи это штучки, Каргор? Уж не подстроил ли все это твой брат, Ренгист Беспамятный?

Каргор презрительно усмехнулся и покачал головой:

— Не думаю, ваше величество. Ренгист почему-то совсем потерял память. Так, отдельные слова без всякой связи. Обрывки, осколки…

— Но тогда кто же… — начал король, но не успел договорить. Высокие двери зала распахнулись, и вошли оба принца, Игни и Трагни. Еще в дверях они принялись пихать друг друга плечами. Каждый хотел войти первым.

— Отец! — воскликнул Игни. — Эта ночь принесла мне удачу. Астрель — моя! Я добыл целый сундук золотой и серебряной посуды.

— Плошки и миски! — завизжал Трагни. — Что они стоят по сравнению с изумрудами, которые я выудил из поклажи богатого путешественника три дня назад? Отец справедлив! Правда, отец? Ты сказал, что Астрель достанется тому, кто больше награбит добра!

— А жемчуг? Забыл про жемчуг?! — завопил Игни, стиснув кулаки и наступая на брата. — Я ограбил купцов, а они везли жемчуг из заморских стран. А каждая жемчужина — ну те орех. Астрель — моя! Отец, ну скажи ему, скажи!

— Игни! Трагни! Опомнитесь, дети мои! — попытался утихомирить расходившихся принцев король. — Да любая красавица почтет за счастье, если вы бросите на нее благосклонный взгляд. А тут три косточки и печальные глаза — вот и вся ваша Астрель. И вы завели из-за нее свару? — Игни и Трагни переглянулись с упрямой ненавистью.

— Прямо какое-то наваждение. — Король огорченно вздохнул. — Она вас приворожила, не иначе. Что вы в ней нашли, не пойму. Волосы зеленые, словно водоросли. От нее тянет сыростью, болотом и лягушками. Бр-р!..

— Все равно я женюсь на Астрель, — насупившись, буркнул Игни.

— Нет, я! — крикнул Трагни.

Спор готов был вспыхнуть снова.

— Да вы разглядите ее получше. Жалкая девчонка. Вечно молчит, жмется по углам, обирает там паутину. Вот мы сейчас ее позовем, и вы сами убедитесь, мои родные, она недостойна вас. Ее

место в поварне, на скотном дворе, а не во дворце. Эй, позвать сюда Астрель!

— Астрель! Астрель! — Петушиная перекличка голосов затихла вдали.

Каргор еще плотнее запахнул на себе длинный черный плащ. Отступил в тень, за колонну.

Послышался легкий перестук каблуков, такой негромкий, как будто падали и разбивались о камни капли дождя.

Вошла Астрель. И казалось, вместе с ней вошла прохлада и тишина.

Астрель остановилась перед королем, опустив глаза. Тени от длинных ресниц полились по ее щекам, делая их еще бледнее. Волнистые пряди длинных волос влажно поблескивали.

В зале стало чуть темнее. Мраморные колонны словно подернуло зыбью в полусвете. За окнами повисли нити редкого дождя.

В этом неясном свете Астрель в своем серебристо-сером платье казалась легкой, как тающее

вечернее облако.

— Астрель… — как-то неуверенно сказал король.

Его голос заставил ее вздрогнуть. Астрель подняла на него глаза, бездонные, полные привычной печали. С мольбой сложила ладони. Кончики ее пальцев казались прозрачными.

— Отпустите меня, отпустите… Я умру, умру, если вы меня не отпустите, — послышался ее тихо звенящий голос.

— Нет! Нет! — вдруг тихо и пронзительно вскрикнул Каргор. Он вскинул руки и закрыл плащом лицо. — Дай забыть! Я не могу, не могу видеть тебя! Ты ходишь за мной по пятам. Будь ты про… проклята!

Вопль Каргора перешел в хриплое удушливое карканье.

В тот же миг Каргор исчез. И к потолку, грузно взмахнув крыльями, взлетел угольно-черный ворон. Он заметался по залу, слепо ударяясь в зеркала, задевая мраморные колонны, и вылетел в распахнутое окно.

В глазах Астрель мелькнуло изумление и погасло.

— Не обращайте внимания, — недовольно сказал король. — Каргор — великий волшебник, но у

него есть свои причуды. Итак…

— Решено, я женюсь на Астрель! — Игни грубо схватил Астрель за плечо. — Эй, радость моя, не вырываться!

— Она моя! — Трагни вцепился брату в горло, так что тот невольно выпустил Астрель.

Вбежали слуги, придворные. По знаку короля растащили принцев в разные стороны.

— Маленькая ведьма! Ты поссорила моих добрых мальчиков! — гневно воскликнул король. — Я прикажу бросить тебя в подземелье. Там, в темноте, ты пропадешь, сгниешь от холода и сырости!

— Пусть! Мне все равно! Лучше умереть! — с мужеством отчаяния крикнула Астрель.

Дождь усилился. Струи дождя льнули к окнам, словно хотели проникнуть в зал, заливали стекла сплошной завесой.

Астрель бросилась к дверям, слуги расступились. Стук ее каблуков затих, слившись со стуком дождевых капель.

Откуда ни возьмись, как из-под земли, выскочил проворный, юркий Врядли.

— Ваше величество! — Врядли сокрушенно развел руками. — Какой-то богатый купец просит у вас аудиенции. Твердит, что его ограбили.

Но сомневаюсь, как всегда, сомневаюсь…

В зал вкатился коротконогий толстячок. Его коричневый бархатный камзол был весь заляпан землей и глиной. Мясистые щеки прыгали и тряслись.

— Ваше величество! Защиты и справедливости! — еще с порога запричитал коротышка. — Меня бессовестно ограбили! Ночью на дороге на меня напали разбойники. Они отняли сундук, полный посуды из серебра и золота. Цены ей нет! Я разорен!

По щекам толстяка покатились крупные слезы. Они казались сладкими и розовыми.

— Стоит ли огорчаться из-за таких пустяков, — лениво протянул король. — Что такое богатство? Так, суета, тлен. Смотри на все философски, друг мой. Эй, кубок вина моему гостю!

Слуга с поклоном подал толстяку золотой кубок на серебряном подносе. Тот изумленно охнул, вытаращив глаза, и вдруг лицо его расплылось в счастливейшей улыбке.

— Вот те на! Это же мой кубок. Из моего сундука! — Толстяк прямо-таки подпрыгнул от радости. Вино из кубка потекло по его пухлым, словно вылепленным из теста пальцам. — Видите, видите, вот мои инициалы «И» и «Т». Игран Толстый!

Игран Толстый — так меня зовут.

— «И» и «Т» — это инициалы моих сыновей, принцев Игни и Трагни, — со скучающим видом проронил король. — И подумайте сами, каким чудом ваш кубок мог очутиться у меня во дворце?

— Справедливо, справедливо, ваше величество, — запинаясь, пробормотал Игран Толстый. — Но извольте взглянуть. Вмятинка

на боку. Вот она, вмятинка. Мой слуга ненароком уронил этот кубок…

— Боюсь, ох, боюсь, и вас тоже могут уронить ненароком. А что, если у вас на боку тоже появится вмятинка, бесценный господин Игран? — пропел над самым ухом Играна Толстого юркий Врядли. В глубине его глаз поблескивали быстрые, ускользающие искры, и он лукаво опустил глаза. — Сомневаюсь, что это поведет к добру. Вряд ли, вряд ли! Сомневаюсь во всем и вам советую. Лучше отправляйтесь-ка восвояси подобру-поздорову. Налегке оно и сподручнее. Мой вам добрый совет, пока с вами не приключилось чего похуже.

Игран Толстый испуганно выронил золотой кубок, и тот со звоном покатился к ногам короля.

— Помилуйте, ваше величество! — Игран Толстый упал на колени, словно плюхнулся на толстые подушки. — Негодяи были в масках, но я догадался, кто они. Это рыбаки! Чуть рассвело, мои слуги нашли на дороге рыболовную сеть.

Игран Толстый оперся ладонью об пол, неуклюже поднялся с колен.

— Смотрите, ваше величество! Рыболовный крючок! Впился в мой дорожный плащ.

Игран Толстый ухватил крючок, вырвал его

вместе с куском бархата и протянул королю на дрожащей ладони.

Игни, не сдержавшись, пихнул локтем брата.

— Да, похоже, вы правы. Вас ограбили рыбаки. — Король брезгливо тронул кончиком пальца рыболовный крючок. Вместе с тем, как ни странно, затаенная улыбка скользнула по его губам. — Что ж! Виновные будут наказаны, и наказаны сурово.

— А… мои сундуки? — с трепетом и надеждой спросил Игран Толстый.

— Сомневаюсь! — Тощий Врядли с деланым сочувствием развел руками. — Вряд ли, вряд ли найдутся. Сомневаюсь и вам советую. Народец — дрянь. Пошаливает тут народец. Вот не далее как неделю назад… Ну точно, прошла неделя. Ехали путешественники из дальних стран. Везли редкие жемчужины. И что вы думаете? Вот так же ночью на них напали разбойники. Всех перемазали сажей да еще в спешке обронили кузнечные клещи и подкову. Ясное дело — кузнецы, кто же еще. Брошены в тюрьму, заточены в подземелье.

— А жемчуг? — встрепенулся Игран Толстый.

Врядли скорбно покачал головой:

— Ищи ветра в поле! Представьте себе только,

жемчужины были величиной с грецкий орех, вот жалость то, а, господин Игран? Ну что вы скажете?

Игни и Трагни, потешаясь, переглянулись. Игни хихикнул в кулак.

Игран Толстый открыл было рот, но Врядли не дал ему сказать и словечка:

— Еще послушайте. Ехали тут как-то лесом богатые люди, знатные люди, всем известные, только я вот их не знаю. Везли с собой изумруды… Никогда не видел изумрудов такой красоты!

— Так вы их видели? — Игран Толстый даже привстал на цыпочки. — Значит, они нашлись?

— Гм… — несколько смешался Врядли, но тут же затараторил еще быстрее: — Разве я сказал «видел»? Я сказал «никогда не видел». Помилуйте, как я мог их видеть, если их украли. Просто я хотел сказать, что если бы их не украли и я бы их увидел, то тогда, конечно, я бы мог сказать, что никогда не видел изумрудов такой красоты. Поняли теперь, милый, славный господин Игран?

Игран Толстый только растерянно поморгал глазами. Он хотел что-то сказать, но Врядли не умолкал, слова сыпались как горох:

— Впрочем, могу вас порадовать: разбойников мы изловили. Оказался пекарь с подмастерьями.

Тащили мешок с мукой, а в мешке прореха. Да еще в канаве нашли пирожки с капустой, сдобные булочки и…

— Довольно! — нетерпеливо прервал король его болтовню. — Я устал. Рыбаков — схватить, предать суду. Каргор, наш судья, мудр, справедлив и скор на расправу. В этом наш почтенный гость сможет убедиться сам. И не далее как завтра.

Игран Толстый с молчаливой тоской посмотрел на золотой кубок, лежавший на полу в луже пролитого вина. Отвесил несколько поклонов и, пятясь, выбрался из зала.

Глава IX
Ребята приходят на помощь. И главное: кинжал с надписью на рукояти

А теперь, друзья мои, нам пора вернуться к волшебнику Алеше. Ведь мы уже давно ничего о нем не знаем.

Рассветало. Сквозь неплотно прикрытую дверь сарая было видно бледное небо, чуть подсвеченное розовой полоской над самыми крышами.

В дверь тянуло утренним, зябким холодком.

Волшебник Алеша не спал всю ночь. Ворочался с боку на бок. Думал, напряженно искал ключ к непонятным загадкам. Зато кот Васька беспечно дрыхнул за двоих на сухом пахучем сене.

Волшебник Алеша пригладил взлохмаченные волосы, стряхнул сухие травинки, зацепившиеся за свитер, и окликнул кота Ваську.

Кот Васька лениво и сонно потянулся и вдруг вскочил, тараща круглые глаза.

— Вот те на! Мы еще тут? А я-то думал, посплю немножко, а проснусь уже дома! — разочарованно протянул он.

Волшебник Алеша ничего не ответил. Он сполз с копны сена и выбрался из сарая. Кот Васька мигом вскарабкался ему на плечо.

Пухлые облака в несколько слоев закрывали солнце. Но дул ровный теплый ветер.

Волшебник Алеша сложил шарф, сунул в карман и зашагал по улице.

Его тут же окружила стайка любопытной ребятни.

— Он — хороший, — застенчиво сказала худенькая рыжая девчушка.

— Подумаешь, важная птица! — засмеялся вихрастый мальчуган. Он приплясывал на ме-

сте, вскидывая босые ноги, и поднял целую тучу пыли.

— Ишь как чудно вырядился. Где плащ? Где шляпа?

— А почему у него кот на плече? Может, он фокусник? Бродячий фокусник? — закричал другой мальчишка.

— Эй, ты! А кот тебе зачем? Верно, билетики вынимает на счастье?

Кот Васька возмущенно зашипел и выгнул спину.

— Погадай! Погадай нам!

Мальчишки с веселыми воплями закружились вокруг волшебника Алеши. У него запестрело в глазах: рваные локти, смеющиеся рожицы, веснушки и нечесаные вихры. Кто-то показал ему длинный нос. Чья-то проворная рука вытянула шарф из кармана. Еще кто-то повис у него на руке, болтая ногами.

— Погадай! Погадай! Купит мне матушка к зиме башмаки? Нас вон сколько! Семеро братьев. А башмаки одни!

— Нет, пусть сперва мне погадает!

— Пусть скажет, как найти серебряную монетку!

— Скоро ли сборщик налогов лопнет от злости

и околеет?

На ребят налетело облако пыли.

Послышалось громкое «Тпру!», и рядом остановилась карета. На козлах — дюжий кучер с широкой спиной.

Ребята с визгом бросились врассыпную, кого-то успел задеть длинный безжалостный кнут.

Из окна кареты выглянул плюгавый человечек. Увидев волшебника Алешу, так и замер. Впился в него острыми, как буравчики, глазами. Забормотал про себя что-то непонятное:

— Сомневаюсь и всем советую… На кого похож? Ни на кого не похож. Странно, очень странно, непонятно и подозрительно. Кто такой, зачем, откуда и так далее?

— Это господин Врядли. — Вихрастый мальчишка ткнул волшебника Алешу локтем в бок. — Удирать надо!

— Плохой… — прошептала рыжая девчушка, выглядывая из-за угла.

— Эй, стража! — во весь голос завопил Врядли. — Сюда! Схватить вот этого! — Врядли протянул руку, повелительно указал на волшебника Алешу.

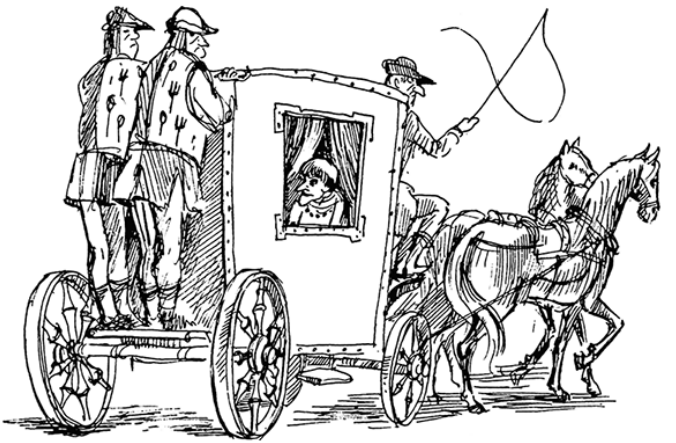
С запяток кареты спрыгнули два долговязых лакея с разбойничьими рожами. В руках у обо-

их — ножи.

Из-за угла вихрем вылетело несколько стражников на лошадях. Сколько их, волшебник Алеша не успел сосчитать: пять или шесть. Он только услышал грохот сапог, когда они спешились.

Быстрый, как обезьянка, вертлявый человечек выскочил из кареты и двинулся на волшебника Алешу. В руке его, заведенной за спину, потаенно сверкнул холодным блеском тонкий отточенный кинжал.

«Окружают! Подлая шайка… — мелькнуло в голове волшебника Алеши. — Дело дрянь».



Он перехватил руку Врядли, сжимавшую кинжал, и стал по одному быстро разгибать холодные цепкие пальцы. Врядли пронзительно вскрикнул, но волшебник Алеша резким толчком отшвырнул его в сторону. Кинжал упал на землю. В тот же миг сзади на волшебника Алешу, как тяжелый мешок, навалился кучер. Они оба рухнули на дорогу, но волшебник Алеша успел нащупать в мягкой пыли чуть блеснувшую рукоять кинжала.

Волшебник Алеша извернулся, коленом надавил на толстое брюхо кучера, угрожающе вскинул руку с кинжалом.

— Берегись! — послышался звонкий мальчишеский голос.

За спиной волшебника Алеши стояли двое слуг с ножами наготове.

— Прикажете связать, господин Врядли? — злорадно ухмыльнулся один из них. — Или прирезать? Это мы мигом!

Волшебник Алеша отскочил в сторону, сжимая кинжал. Пусть теперь только попробуют схватить его!

Где-то воинственно мяукнул и зашипел кот Васька. Видно, отважный кот тоже ввязался в драку.

«Не пришибли бы его ненароком…» — тревожно подумал волшебник Алеша. Он прижался спиной к шаткому забору. Толстый кучер, расставив руки, шел прямо на него. Через канаву разом перемахнули трое стражников. Один из них позвериному пригнулся, приготовился к прыжку.

— Живьем хватайте! Он мне живой нужен! — простонал Врядли, корчась на земле. — Негодяй! Он переломал мне все ребра.

— Ни с места! Так просто я не сдамся! — крикнул волшебник Алеша.

В этот миг толпа ребятишек с криком и гомоном высыпала на дорогу. Словно в дикой пляске они завертелись вокруг стражников. Мягкая пушистая пыль поднялась густыми клубами. Гибкие, скользкие, как рыбки, ребятишки ловко увертывались от неповоротливых верзил.

Уже ничего нельзя было разглядеть в мутном буром облаке пыли.

Толстый кучер споткнулся и всей тяжестью рухнул на господина Врядли. Стражники, кашляя и задыхаясь, бестолково метались, терли глаза, налетали друг на друга. Все смешалось: испуганное ржание, проклятия, лязг оружия.

Волшебника Алешу схватила за край свитера чья-то маленькая рука. Куда-то потянула. Он до-

верчиво двинулся вслед за невидимым вожатым, крикнув только:

— Кот Васька, за мной, не отставай!

— Тут я, тут! — бодро отозвался из самой гущи пыльного облака кот Васька. Волшебник Алеша вздохнул с облегчением: жив и невредим верный кот.

— Нагнись! — приказал тоненький детский голосок.

Волшебник Алеша послушно нагнулся, пролез под перекладиной в щель забора. Он немного отдышался и протер глаза.

Так вот кто спас его! Маленькая босая девочка в длинном платье с обтрепанным подолом. Волшебник Алеша увидел серьезное бледное личико, россыпь веснушек на щеках и две тощие рыжие косички.

— Сюда, сюда, скорее…

Волшебник Алеша неведомо как очутился возле уже знакомого ему старого сарая. Скрипнула дверь, косо висящая на одной петле. Он упал в душистое сено, с наслаждением почувствовал, как колют щеку ломкие стебли.

— Славное было сраженьице, а? — хвастливо заявил кот Васька. В глазах его еще горел боевой огонь. — Даже не сосчитать, скольких я переца-

рапал. Самого господина Врядли за нос цапнул. Попомнит он мои коготки!

Кот Васька куда-то исчез, но вскоре вернулся очень довольный, благостно мурлыча и облизываясь.

Рыжая девчушка принесла волшебнику Алеше горбушку хлеба и глиняную кружку с парным молоком.

— А далеко ли отсюда до башни Ренгиста Беспамятного? — спросил волшебник Алеша.

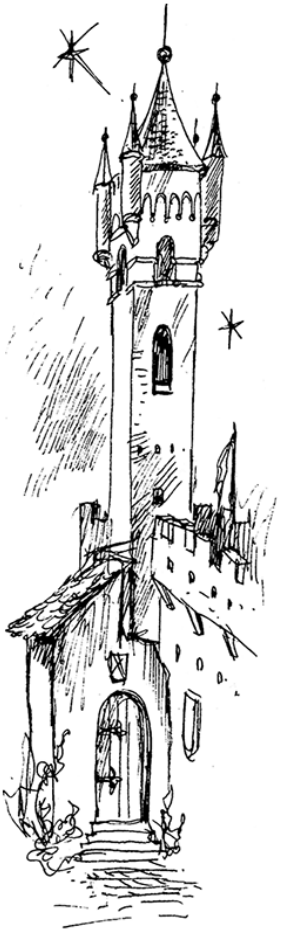
Тут сверху из-под самой крыши, как белки из дупла, посыпались босоногие веселые мальчишки:

— Близко! Мы проводим, покажем!

Мальчишки окружили волшебника Алешу. Самый маленький весь закутался в его шарф. Обмотался им до самой макушки, оставив только щелочку для глаз.

— Хороший… — ласково шепнула рыжая девочка и погладила кота Ваську, а тот благодушно потерся мордой о ее ладонь.

В сарае было достаточно светло, и волшебник Алеша смог разглядеть надпись, опоясывающую рукоять кинжала: «Сомневаюсь и вам советую». Он сунул кинжал за пояс. Еще соскользнет в пышную копну сена: потом ищи — не найдешь.



Поразмыслив, волшебник Алеша решил: разумнее дождаться темноты. Днем на улице как раз угодишь в лапы стражников.

Бессонная ночь брала свое. Тепло пахло сухими цветами и травами. Волшебник Алеша сам не заметил, как задремал.

Его разбудил кот Васька. Бесцеремонно ткнулся в щеку холодным мокрым носом.

— Ты что, решил тут навсегда поселиться? — недовольно спросил он. — Очень мило, ничего не скажешь.

Волшебник Алеша вздохнул, потянулся. В дверном проеме было еще светло, но в сарае уже скопилась темнота и только поблескивали ребячьи глаза. «Пора!» — решил волшебник Алеша.

Ребята всей гурьбой вывели его на пустынную улицу.

— Вон там, там, — показали они на темневшую вдали за крышами домов башню. Издали она казалась плоской, словно угловато и неровно вырезанной из черной бумаги.

— Хороший… — ласково и грустно шепнула ему на прощание рыжая девочка.

Волшебник Алеша обернулся и помахал рукой стайке ребятишек. Они притихли и смотрели ему вслед. Их рваные одежки слились в одно темное

пятно, и только белели лица и босые ноги.

«Славные ребятки! Как им помочь?» — подумал волшебник Алеша.

— Неплохие, — солидно согласился кот Васька. Видно, волшебник Алеша подумал вслух. — Котов уважают. Особенно нарисованных. А что касается меня, я с хорошими людьми всегда договорюсь. Мы друг друга поймем.

Волшебник Алеша шел, осторожно оглядываясь, прижимая к груди кинжал. С ним он чувствовал себя уверенней и спокойней.

Одинокие прохожие не обращали на него внимания.

Над темной башней Ренгиста Беспамятного, словно указывая ему путь, зажглась робкая звездочка.

Уже близко…

И вдруг случилось нечто невероятное. Кинжал словно ожил в его руке, задрожал и сам собой повернулся острием вперед. Волшебник Алеша судорожно стиснул рукоять, стараясь удержать его, но куда там!

Кинжал с силой вырвался из его руки и быстро полетел вдоль улицы. Свет фонаря коротко сверкнул на его отточенном клинке.

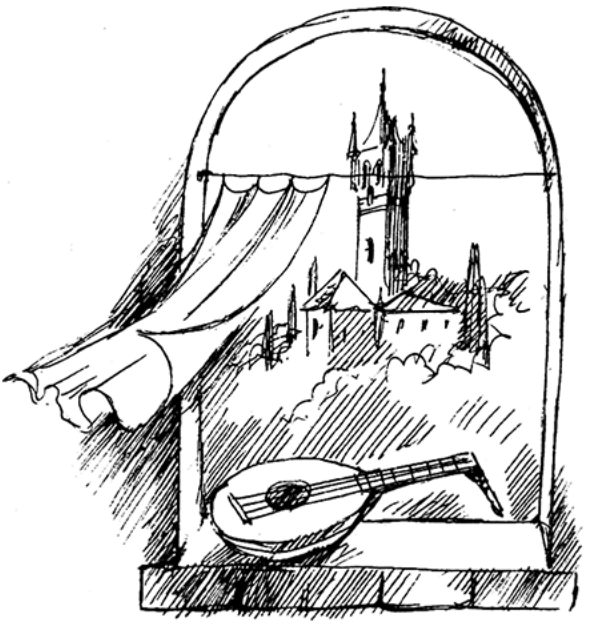
Волшебник Алеша проследил взглядом его по-

лет. Кинжал долетел до конца улицы и скрылся в темноте.

— Ты чего? Вот еще придумал! — сонно пробормотал кот Васька. — Зачем такой хороший ножик кинул? Острый…

Волшебник Алеша ничего ему не ответил. Да и что он мог сказать? Он сам не знал, почему кинжал вырвался из его руки и улетел. Одно только ясно: он опять остался без оружия. Досадно и не вовремя. И к тому же — еще одна загадка!

Глава X
Последнее заклинание Ренгиста Беспамятного. И главное: неожиданная встреча



Дождь кончился. Все вокруг казалось умытым и свежим. Вечерний воздух был таким чистым, что можно было разглядеть за крышами дальних домов башню Ренгиста Беспамятного, похожую на темную зубчатую тень. Астрель невольно протянула вперед руки. О, если бы она могла каким-то чудом хоть ненадолго очутиться в башне! Среди тех, кто ее любит, в безопасности и тепле. Услышать хоть одно доброе, ласковое слово.

А вместо этого… Из-за двери доносились сиплые, резкие голоса стражников. Стражники играли в кости, бранились, ссорились из-за медяков. Нет, их не разжалобишь, не уговоришь!

Астрель ломала голову, как ей выбраться из дворца, и ничего не могла придумать.

Облака, розовея, длинными рядами бежали на запад. Солнце опускалось за верхушки Оленьего леса. Скоро, очень скоро начнет смеркаться. Что же ей делать?

Неожиданно дверь распахнулась. В комнату, отвешивая мелкие частые поклоны, вкатился

толстенький человечек, маленький, приземистый, в туфлях на высоченных каблуках.

Позади теснился целый штат подмастерьев. У каждого в руках волны кружев, тонкие вуали, белый как снег шелк.

«Королевский портной», — догадалась Астрель.

Но круглого человечка тут же грубо отпихнул в сторону еще один портной, длинный, тощий, на журавлиных ногах.

— Меня прислал сам принц Игни, чтоб я снял мерку для подвенечного платья, — хвастливо заявил толстяк, — так что тебе, дружок, нечего здесь делать. Отваливай!

— А меня прислал сам принц Трагни, — заносчиво и чванливо возразил тощий. — Это я должен снять мерку для подвенечного платья. А ты убирайся!

Оба портных принялись безжалостно крутить, вертеть и поворачивать Астрель.

При этом они толкали друг друга, сыпали на пол дождь булавок и трещали как сороки:

— До чего тонкая талия! Первый раз вижу!

— Плечи! До чего узенькие.

— Я сделаю юбку пошире и всю в оборках.

— Вот уморил, оборки! Ха-ха-ха! Да невеста

просто утонет в оборках, и ее не будет видно. Я украшу платье сверху донизу бантами, бантами, бантами!

— Невежа! Ты, верно, хочешь сшить платье на ветряную мельницу, вот что я тебе скажу.

Астрель с тоской поглядела в окно. Небо теряло свою дневную яркость, словно выцветало на глазах.

Наконец примерка окончилась, и портные отправились восвояси. Остался только маленький портняжка. Он ползал на четвереньках, терпеливо подбирая рассыпанные булавки. Астрель принялась помогать ему.

— Что вы, что вы! Я сам… — смущенно пролепетал мальчик. Он глядел на Астрель с робким восхищением.

Когда он уходил, Астрель, в наступивших сумерках, быстро и беззвучно проскользнула вслед за ним…

Астрель торопилась знакомым путем. На этот раз она сильно запоздала. Вот и башня Ренгиста Беспамятного. По сырой стене ползли густые плети дикого винограда, словно старались укрепить, поддержать старые, потрескавшиеся камни.

Тетушка Черепаха, как всегда, ждала Астрель на лестнице, высоко подняв свечу своей словно окаменелой рукой.

Астрель быстро взбежала по разбитым, выщербленным ступеням.

Как изменился Ренгист Беспамятный! Минул только один день, а он одряхлел и состарился, словно прошли долгие годы.

Астрель села на низенькую скамейку у его ног. Камин дохнул жаром в спину. Она положила подбородок на колено старика.

Глаза Ренгиста на миг равнодушно скользнули по ней, и он снова пустым, словно невидящим взглядом уставился в огонь.

— Отец! Отец! Боже мой… Что с тобой сегодня? — с ужасом позвала Астрель. — Отец, слышишь, мне страшно, я боюсь. Король грозит заточить меня в подземелье. Там темно и холодно. Там тихо. Там не слышно шума дождя. Я там умру…

Астрель потянула Ренгиста Беспамятного за руку, он качнулся, как кукла, и снова застыл, далекий, чужой.

Отчаяние навалилось на девушку каменной плитой. Она скорчилась на скамейке. Все пропало… Дождь, дождь, живительный, смывающий печаль и усталость. Стук капель по крыше усыпительно-добрый. Никогда больше она не услышит голоса дождя.

— Прощай, отец…

Она обняла Ренгиста Беспамятного, и ее слеза,

тяжелая и горячая, упала на висок старика, сбежала по его щеке к уголку губ.

Ренгист Беспамятный вздрогнул.

— Слеза! Какая горькая! Кто плачет так горько? — дико озираясь, проговорил Ренгист Беспамятный. Глаза его вдруг ожили, и все лицо сразу просветлело.

— Отец! — вскрикнула Астрель. — Это я, принцесса Сумерки!

— Сумерки… — затихающим голосом, полусонно проговорил старик.

— Только не уходи опять туда, отец. Туда, где ты забыл меня, — торопливо и бессвязно заговорила девушка. — Подожди! Не бросай меня тут одну. Дай я согрею дыханием твои руки. Отец! Вспомни, вспомни какое-нибудь заклинание. Ведь ты знал их без счета. Вдруг оно спасет меня!

— Знал, знал, — как эхо, повторил старик. — Все рассыпалось… Я все забыл. А-а! Вот какие-то слова. Или это стая журавлей? Они кружатся надо мной. Последние… Треугольник журавлей. Не улетайте! Слова… Треугольник…

Ренгист Беспамятный со стоном стиснул лоб рукой, стараясь удержать ускользающие слова. Он заговорил, напрягая голос:

Ивер и авер, венли и вемли,

Силе волшебной, тайное, внемли!
Острое, звонкое, в стены вонзись!
Тайна, откройся, тайна, явись!

Астрель глотнула воздуха, замерла в ожидании. Вдруг мимо ее щеки пролетел сверкающий кинжал и вонзился в стену между камнями. И в тот же миг воздух наполнился звоном и блеском.

Со всех сторон, легко проникая сквозь толстые камни стен, в зал влетело множество ножей, кинжалов, стрел с цветным оперением. Со свистом рассекая воздух, они проносились мимо старика и испуганно прильнувшей к нему девушки. Втыкались в щели между камнями и замирали, дрожа. Со звоном сталкивались в воздухе. Впивались в закопченные балки потолка.

Из камина вылетела старинная шпага, покрытая рыжими пятнами ржавчины, волоча за собой ветхие ножны. Воткнулась в пол прямо у ног Ренгиста Беспамятного.

Дверь заскрипела, и вошла тетушка Черепаха с подносом в руках. На подносе стояли две чашки и медный кофейник.

— Тетушка Черепаха! Скорее уходите! — со страхом вскрикнула Астрель.

Но тетушка Черепаха все так же неспешно

пересекла зал, будто не сыпались вокруг нее стрелы, не сверкали клинки мечей и кинжалов.

— Ваш кофе, господин Ренгист, — медленно проговорила она и принялась расставлять чашки на столике.

Широкий нож мясника ударил ее прямо в грудь и отскочил, как от крепкого щита. Стрела со скрежетом скользнула по ее переднику.

— Ты наколдовал ножи и кинжалы, отец, — шепнула Астрель скорее самой себе, чем вновь погрузившемуся в свое дремотное забытье Ренгисту Беспамятному. — Но они меня не спасут.

Над ее головой пролетел тонкий отточенный кинжал и глубоко ушел в высокую спинку кресла. Астрель успела разглядеть крошечные золотые буквы вокруг рукояти.

«Лучше бы он вонзился в мое сердце…» — подумала Астрель.

Ей показалось, что замшелые камни подземелья неумолимо надвигаются на нее, смыкаются над головой. Все кончено.

Астрель с трудом встала. Какая слабость…

И вдруг… Что-то на миг заслонило свет. Через зал пролетел тяжелый топор, сверкнув в блеске огня. За ним — человек, крепко ухватившийся за топорище. Острый топор так и рвался из рук,

но человек не выпускал его.

Пролетая над низеньким столиком, он смахнул ногой кофейник и чашки. Тонкий звон разбитой посуды потонул в железном лязге и грохоте. Топор с силой врубился в дубовую скамью. Человек рухнул перед скамьей на колени. Он мгновенно вскочил на ноги, вырвал туго заклинившийся топор и с изумлением огляделся.

Он был совсем юн. Сероглаз и высок. Светлые волосы путано падали на лоб. На юноше была простая холщовая куртка с широким кожаным поясом, какие носят мастеровые. Он отлепил от щеки влажный дубовый листок.

— Лес так и хлестал меня ветками. Я пролетал между деревьями… — словно оправдываясь, сбивчиво проговорил юноша. Похоже, он и сам не очень-то понимал, что говорит.

— Ах ты бессовестный! — набросилась на него тетушка Черепаха. — Где это видано без спросу влетать сквозь стены в чужой дом? Заявился без приглашения да еще перебил дорогую посуду моего господина!

Но юноша, казалось, не слышал ее. Остановившимся, полным изумления взглядом он смотрел на Астрель. Словно глазам не верил.

Астрель стояла, держась за плечо Ренгиста Беспамятного. Ее волосы с серебристо-зеленым отливом упали на выцветший камзол старого волшебника.

Между тем пронзительный свист ножей и кинжалов становился все тише и реже. Да и с самими ножами и шпагами творилось что-то странное. Они медленно уходили в стены, в балки потолка, постепенно исчезали между камнями. Старая ржавая шпага по рукоять ушла в пол и вдруг рассыпалась в прах вместе со своими источенными временем ножнами.

Только остро отточенный топор в руках юноши блестел, отражая игру огня в камине. И все глубже уходил в спинку кресла Ренгиста Беспамятного тонкий кинжал с золотой надписью вокруг рукояти.

— А ну убирайся отсюда, чтоб духу твоего здесь

не было! — в сердцах проговорила тетушка Черепаха и со скрипом наклонилась, чтобы подобрать осколки посуды.

Юноша, не отводя взгляда от Астрель, как во сне, попятился к двери.

Вдруг из кармана его куртки выпорхнула юркая птичка с хохолком на макушке и уселась у него на плече.

— Ну уж это чересчур! — затараторила птичка Чересчур, ибо это была именно она. — Знаете ли вы, с кем говорите? Это же Гвен Хранитель Леса! Собственной персоной. Извольте говорить с ним повежливей!

— Гвен Хранитель Леса… — еле слышно прошептала Астрель, и голос ее был как шелест тихого дождя.

— Гвен строил мне такой хороший домик! — гневливо тараща круглые глазки, не умолкала птичка Чересчур. — С башенкой и балконом. Да, да, с балконом, обратите внимание. Я тем временем шмыг к нему в карман. Там попадаются иногда превкусные крошки. И вдруг что-то налетело, закружило. И вот те на! Нас куда-то несет. Летать на собственных крыльях — с удовольствием! Но летать в чужом кармане — это уж, согласитесь, чересчур!

— Это правда, — еще задыхаясь, проговорят юноша. — Я мастерил домик для птички Чересчур. Вдруг топор рванулся из моих рук. Это топор моего отца, а ему он достался еще от деда. Я сжал его изо всех сил. Вдруг я почувствовал — ноги мои отрываются от земли и я куда-то лечу. Ветки, деревья, потом, кажется, я летел над городом. И вот я тут. Я не знаю, где я и кто вы.

— Он сказал, что не знает господина Ренгиста! — Тетушка Черепаха обомлела от возмущения. — Вот до чего я дожила. Ну и времена! Не знать господина Ренгиста и Астрель, принцессу Сумерки! Ведь это свету конец!

— Астрель... — дрогнувшим голосом проговорил Гвен. — Так звенит ручей на камнях в глубине леса поздно вечером, в темноте.

— В темноте! — вскрикнула Астрель.

Она подбежала к окошку. В густой синеве вечернего неба уже зашевелились первые звезды.

— Я погибла! — Астрель посмотрела на Гвена прощальным взглядом, полным боли и недосказанности, и бросилась к двери.

— Астрель! — крикнул юноша.

Она остановилась, оглянулась через плечо.

— Кто бы ты ни была, Астрель, я пойду за тобой. Клянусь, я защищу тебя от любого врага! — то-

ропливо шагнув к ней, проговорил юноша.

Астрель благодарно улыбнулась Гвену и покачала головой. Мудрой и горькой не по годам была ее улыбка.

— Ты не сможешь идти туда, куда я иду, и никогда не найдешь меня.

— Поторопись, девочка, — позвала тетушка Черепаха, и столько нежности было в ее глухом голосе! Она стояла в распахнутых дверях с горящей свечой. — Скоро ночь. Как бы тебя не хватились. Поторопись. Терпеть не могу это слово, да делать нечего.

Астрель побежала вниз по уходящим в темноту ступеням. Гвен опрометью бросился за ней.

Птичка Чересчур уселась на каминную доску, недовольно переступая лапками: слишком жарко. Потом перепорхнула на спинку кресла.

— Глупо, очень глупо, — недовольно прочирикала она. — Не знаю, как у вас, у людей, но у нас, у птиц, это называется любовь с первого взгляда. А потом, глядишь, все не то и не так. Чересчур поспешно!

Птичка Чересчур сорвалась с места, покружилась немного и уселась на плечо Ренгиста Беспамятного.

— А все равно она мне понравилась, эта

Астрель, — с вызовом вскинула голову птичка Чересчур. — Да! Очень мила и такая легкая. Ей бы немного перышков, пару крыльев, и я бы научила ее летать. Вот что я вам скажу, и не пытайтесь меня переубедить!

Дверь со стуком распахнулась, в зал ворвался Гвен.

— Где она? Куда вы ее спрятали? — закричал он, озираясь по сторонам. Юноша начал метаться по залу, с грохотом опрокинул стул. — Я бежал за ней, а она… как в воду канула. Где она?

Никто ему не ответил. Тетушка Черепаха хмуро молчала. Ренгист Беспамятный дремал. Лицо его подергивалось, и было видно, что ему снятся бессвязные, путаные сны.

— Я увидел ее внизу на лестнице, — топнул ногой Гвен. — Она обернулась и, клянусь, поглядела на меня. Ей мешали волосы, она откинула их и поглядела на меня. А когда я выскочил на улицу, ее не было. Исчезла!

Шли люди, но ее нигде не было. Потом мне показалось, что она пробежала мимо таверны. Блеснули ее волосы в свете фонаря. Я кинулся туда — опять никого! Где она, говорите, я заставлю вас сказать!

— Бедная, бедная девочка… — вместо ответа

прошептала тетушка Черепаха. Охая, она принялась подбирать осколки посуды и складывать их в свой жесткий передник. — Лишь бы она успела.

Снизу послышался стук. Кто-то стучал в дверь. Сначала негромко. Потом кто-то несколько раз ударил в дверь кулаком.

— Она! — Гвен как молния бросился к окну, и тут же голос его разочарованно упал: — Нет… Это не она. Какой-то человек. Странный такой…

Тетушка Черепаха выпрямилась, кряхтя потерла поясницу.

— Кого еще принесло? — проговорила она. — Нет покоя моему господину. А он так слаб и болен.

Тетушка Черепаха заковыляла к окну.

— Чудной какой-то, — удивленно протянула она. — И одет несуразно. На шее шарф, а на плече…

Птичка Чересчур перепорхнула к окну.

— Да это же кот! У него на плече кот! — возмущенно запищала она. — Да еще полосатый. Ну, знаете ли! Это уже чересчур!..

Тем временем Астрель, невидимая в сумерках, одним духом перебежала мост Зевнивовесьрот. Ей казалось, что в груди у нее, раскачиваясь, бьет

колокол. Не вздохнуть.

Заслышав ее частые, пугливые шаги, сборщик податей протянул свою короткопалую руку и чуть было не ухватил девушку за край платья.

— Кто тут? — хрипло крикнул он в пустоту. — Эй, деньги плати! Плати деньги!

Но Астрель была уже далеко. Не чуя под собой ног, она бежала по улицам. Каждое освещенное окно пугало ее. Свет уличного фонаря на углу заставил ее шарахнуться в сторону, словно она была ночной птицей.

Еще издали она увидела, как одно за другим зажигаются окна в королевском дворце. Слуги вереницей переходили из зала в зал, зажигая висячие люстры.

Астрель застонала. Нет, быстрее она бежать не может. А надо быстрее. Под навесом темной арки неподвижно стояли стражники, не то люди, не то статуи. Надвигающаяся ночь давила тишиной, унынием, медленно текущим временем.

Волосы Астрель зацепились за чугунный завиток решетки. Астрель безжалостно рванула спутанную прядь. Один из стражников закашлялся, прочищая горло.

Но Астрель уже торопливо бежала через сад. Розы погасли в темноте, утонули в густой черной

зелени.

Лестница… Боже мой, какая она длинная! Кажется, тысячи и тысячи ступеней. Скорее! За ее спиной слышны мерные, важные шаги. Это поднимается по лестнице слуга, чтобы зажечь свечи в ее комнате. Астрель собрала последние силы. Что с ней? Ноги словно скованы цепями. Стон вместо дыхания…

Астрель рывком распахнула дверь. Все! Какое счастье, она не опоздала.

Слуга с тяжелым канделябром в руках, ступая по мягкому ковру, поднялся на самый верх лестницы.

В последний миг он успел увидеть, как закрывается дверь в комнату принцессы Сумерки. Мелькнул край серебристого платья и туфелька с острым каблуком.

Глава XI
Суд над братьями-рыбаками. И главное: король сам скрепляет приговор печатью

Рано утром, едва только стукнула в окне первая рама, по улицам города прошел королевский глашатай.

Одежда его пестрела пышными гербами, в руке он нес длинный свиток, перевитый лентой.

— Суд! Сегодня в десять утра состоится суд! Справедливый и великодушный, в десять утра! — монотонно и равнодушно выкрикивал он на всех перекрестках.

Но у каждого, кто его слышал, тоскливо замирало сердце. Что-то будет!

День выдался непогожий, унылый. Клочковатые тучи затянули солнце. Ветер разгонял их, но тут же наползали новые.

Задолго до назначенного срока у высоких стрельчатых дверей собрались жители города. Тревожные лица. Старики грузней, чем обычно, опирались на посохи. Дети пугливо жались к матерям.

Ровно в десять стражники распахнули двери, на створках которых были вырезаны львы с грозно оскаленной пастью.

Люди, притихнув, вошли в тускло освещенный зал.

На помосте стоял длинный стол, покрытый скатертью с тяжелыми кистями, и судейские кресла.

Все виделось в какой-то дымке. Судьи в черных мантиях шевелились, как летучие мыши. Мутно белели в полумраке их руки и лица.

Пустовало только одно кресло. Это было кресло главного судьи Каргора. Время шло, но Каргор на этот раз что-то запаздывал. Так еще не бывало. Судьи перешептывались, наклонялись друг к другу, искоса то и дело поглядывали на пустое кресло.

Люди в зале примолкли настороженно и тревожно, и дыхание их было как один тихий вздох.

Стрелка башенных часов совершала круг за кругом. Каждые полчаса слышался гулкий, раскатистый звон, но Каргор все не появлялся.

Заметное беспокойство охватило судей. Они отрывисто переговаривались. Опрометью куда-то побежал слуга. Писец уронил перья, неловко и торопливо собрал их дрожащими руками и снова рассыпал.

В стороне сидел Игран Толстый. Он нетерпеливо ерзал на скамье, словно никак не мог усесться поудобней. Не без опаски поглядывал на людей в зале, сокрушенно вздыхал, вытирал платком потную шею.

Время давно перевалило за полдень.

С улицы послышались повелительные громкие

голоса, щелканье бичей, звон оружия. Четкое цоканье копыт по плитам площади.

— Король! Прибыл сам король! Виданное ли дело… — прошелестело в толпе.

Вошел король, опираясь рукой на плечо маленького пажа. Это был худенький, бледный мальчик в голубом бархате, с круто завитыми волосами. Но рот его был напряженно сжат, в глазах застыл недетский испуг.

— Где Каргор? Почему его нет? — голосом тихим, но не предвещающим ничего доброго спросил король.

Его долговязая фигура, одутловатое лицо, сплющенный утиный нос могли бы показаться смешными, если бы не надменность движений и холодный взгляд.

Растерянные, перепуганные судьи с виноватым видом разводили руками, подобострастно кланяясь.

Вдруг слуги шарахнулись в сторону, из дверей пахнуло леденящим холодом, и в зале появился Каргор. Он на миг помедлил в дверях и направился к своему креслу. Но все заметили, что походка его была неверной, шаткой, будто каждый шаг давался ему с трудом.

— Ты с ума сошел, Каргор! — прошипел король,

бросив косой взгляд на толпу. — Это нельзя тянуть долго…

И только маленький паж расслышал слабый, измученный голос Каргора:

— Ваше величество… это случилось со мной впервые. Я обернулся вороном и вылетел из своей башни загодя. Времени у меня было довольно, я мог не спешить. Пролетая над башней Ренгиста Беспамятного, я не удержался и заглянул в окно. Много лет я не видел своего братца. Дряхлая развалина — вот каким он стал, я едва узнал его. Я не почувствовал жалости, нет. Старые счеты, государь, старые счеты. Радость, торжество охватили меня. Но я помнил, сегодня суд над рыбаками и надо поспеть вовремя. Я опустился на землю, чтобы принять обличье человека, и… не смог. Проклятье! Вновь обернуться человеком мне не удавалось. Десятки раз я взмывал вверх и с силой ударялся о землю. Все напрасно! Как описать мой ужас? Но вдруг я почувствовал: да, я снова человек и обеими ногами стою на земле. Это не к добру, государь. Мне следует быть осторожней…

Паж съежился под тяжелой рукой короля. Крепко прижал ладонь к губам, у него зуб на зуб не попадал от страха.

— Пустое, — нетерпеливо дернул плечом король. — Глупости и бредни. Пора начинать, поторопись!

По знаку Каргора ввели братьев-рыбаков, рослых, рыжеволосых. У обоих были мужественные, открытые лица с добрыми веснушками на щеках. Звон цепей сопровождал каждый их шаг.

Невнятный ропот пронесся по залу и стих.

Кто-то из подручных слуг кучей вывалил на стол перед судьями спутанную рыболовную сеть. Кое-где поблескивала прилипшая чешуя.

— Это они, они! Что, попались, голубчики! — вдруг взвизгнул Игран Толстый. Он оперся ладонями на скамью и неуклюже приподнялся. — Это они украли мою чудесную посуду! Золотую и серебряную. Я их узнаю, хотя я их не видел. То есть я их видел, только вот беда, не мог разглядеть толком. А как их разглядишь, если эти разбойники и негодяи были в масках?

Гул возмущения волной прокатился по залу:

— Коли не разглядел, так и молчи!

— Такие честные парни!

— Мы все их знаем! Они не воры!

Король окинул беглым взглядом толпу и резко повернулся к Каргору:

— Довольно! Молчать! Вина их доказана. Зачитай приговор, судья!

— Мы никогда не видели этого толстого господина. Не понимаем, о чем он говорит! — крикнул старший из братьев. Он поднял руку. Зазвенели цепи. — Клянусь, наша совесть чиста!

— А почему рыболовная сеть оказалась на дороге? Чья она? — Каргор посмотрел на рыбака своими леденящими душу глазами.

— Мы вернулись с ловли как всегда. Сеть повесили сушиться на жердях возле дома. Потом она пропала. Это святая правда! — упрямо тряхнул головой старший брат и сделал шаг вперед. Но рука стражника тяжело надавила ему на плечо.

— Посуда! Моя посуда! — снова взвизгнул Игран Толстый. Он с мольбой протянул к судьям руки с розовыми, как у младенца, пухлыми пальцами, заговорил угодливо, льстиво: — Господа, добренькие судьи! Пусть они отдадут мне мои кубки и подносы, а потом делайте с ворами что вашей милости угодно. Мне все равно, только верните мне мое добро!

— Мне надоел этот человек. — Король нетерпеливо нахмурился.

Двое стражников вмиг подхватили Играна Толстого под мышки и стянули с лавки. Они пронесли коротышку через весь зал, а он истошно выкрикивал что-то, болтая в воздухе толстыми ножками. Стражники вынесли его из дверей. Писклявый голос затих.

Каргор медленно-медленно развернул свиток.

Пальцы не слушались его, словно это была не бумага, а скатанный в трубку лист железа. На впалых висках проступили капли пота.

— Именем справедливейшего из королей, — начал он. Голос его звучал глухо и невнятно, словно доносился из-под земли. — Братья-рыбаки Ниссе и Лесли с Окуневой улицы из дома, что напротив лавки башмачника, виновны в ограблении достопочтенного господина Играна Толстого! Улики налицо, и вина их доказана. Суд присуждает их к вечному заключению. Отныне и до скончания жизни они не увидят никого и никто не увидит их!

Из глубины зала послышались громкие горячие голоса:

— Они же ни в чем не виноваты, за что?

— Не они первые ложно осуждены!

— Где пекарь и его подмастерья? Где кузнец Верлик?

Надрывно зарыдала какая-то женщина:

— Ниссе, мой Ниссе, родной!

Зал грозно шумел. Невидимые в полумраке люди вскакивали с мест, и гнев волнами прокатывался по их рядам.

— Каргор, надо кончать… — торопливо, шипящим шепотом приказал король. Паж съежился возле него, сжался комочком. — Скрепи приговор печатью!

Но Каргор почему-то медлил.

— Ну! — бешено топнул ногой король. — Торопись! Разве ты не видишь?.. — Каргор медленно потянулся к большой печати, лежавшей на столе перед ним.

Но тут лицо Каргора начало странно меняться. Брови нависли над глазами, а сами глаза стали круглыми, и тусклый огонь зажегся в их глубине. Нос вытянулся, хищно загнулся книзу и заострился.

Рука Каргора повисла в воздухе, словно не решаясь опуститься. Наконец, собравшись с духом, Каргор схватил судейскую печать…

И в тот же миг его рука превратилась в птичью лапу. Длинные кривые когти блеснули как старый янтарь.

Каргор хрипло вскрикнул и выронил печать.

И тотчас же птичья лапа снова стала человеческой рукой.

— Мамка, это ворон! — тоненьким испуганным голосом вскрикнул маленький мальчик на руках у матери.

— Ворон? — Каргор быстро, по-птичьи повернул голову, круглыми страшными глазами уставился на толпу. — Кто сказал… ворон?

Никто не ответил ему, все словно оцепенели под этим нечеловеческим взглядом.

— Боюсь! Боюсь! — заплакал ребенок, но мать прижала его личико к своей груди, заглушая плач.

— Ну что ж, если так… я сам скреплю приговор печатью, — стараясь скрыть замешательство, проговорил король, голос его утерял былую властность.

Кто-то из судей подал королю печать. Капнул расплавленный сургуч. И король с силой надавил на сургуч печатью.

Стража окружила со всех сторон братьев-рыбаков. Отныне их никто не увидит. Никогда…

— Прощайте! — донесся голос старшего брата.

Но все заглушили грубые оклики стражников, лязг цепей, звон и скрежет оружия.

Слуги распахнули золоченые дверцы королев-

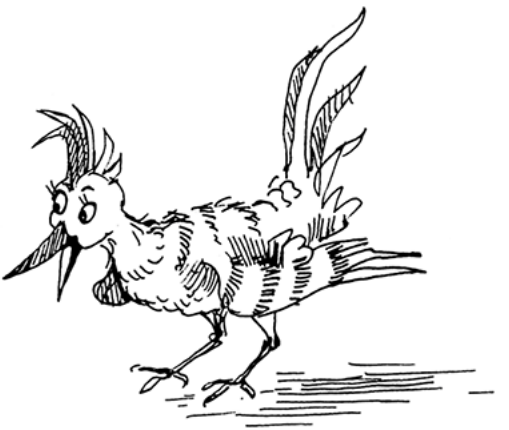
ской кареты.

— Славно я поохочусь! — облегченно вздохнул король, садясь в карету. Он всей тяжестью оперся на плечо пажа, так что мальчишка еле устоял на ногах. — Дело кончено. Вот теперь это будет поистине королевская охота!

У маленького пажа в глазах стояли слезы, и ему показалось, что у короля четыре ноги, а спина застилает полнеба. Он поскорей захлопнул дверцу кареты с золоченым гербом.

«При чем тут охота? — подумала, пролетая мимо, птичка Чересчур. — Суд, рыбаки — и вдруг королевская охота! Одно не вяжется с другим. Бестолочь, воробьям на смех. Э, да кто их разберет, этих людей? Мне-то уж, во всяком случае, некогда. Столько дел, столько дел! Особенно сегодня. Просто чересчур много дел!»

Глава XII
Гвен дает поручение птичке Чересчур. И главное: волшебник Алеша узнает о голубой искре



Теперь вернемся назад, друзья мои.

Вы, надеюсь, помните, что Астрель так быстро убежала из башни Ренгиста Беспамятного, что Гвен Хранитель Леса не смог догнать ее.

И конечно, вы догадались, кто в это время постучал в дверь башни. Да, да, вы не ошиблись! Это был не кто иной, как волшебник Алеша. А на плече у него сидел сердитый и вконец изголодавшийся кот Васька.

Если бы вы пять минут спустя заглянули в зал, где у горящего камина, безразличный ко всему, сидел в своем кресле Ренгист Беспамятный, вы бы сильно удивились.

Посреди зала, как всегда суровая и невозмутимая, стояла тетушка Черепаха, а Гвен и волшебник Алеша, перебивая друг друга, засыпали ее вопросами.

— Куда она убежала? Что вы молчите? Отвечайте, ну? — Это нетерпеливо спрашивал, конечно, Гвен Хранитель Леса.

— Кто этот величавый старик? Это и есть Ренгист Беспамятный? — Это уже спрашивал волшебник Алеша.

— Почему она так торопилась, будто за ней кто-то гнался?

Тем временем сверкающие ножи и мечи ушли в толщу стен и пропали. Последняя стрела с пестрым оперением скрылась между плитами пола. Острый кинжал, опоясанный по рукояти золотыми буквами, пронзил насквозь спинку кресла

Ренгиста Беспамятного и полетел прямехонько к распахнутому окну. В последний момент волшебник Алеша ловко ухватил его за рукоять.

— Посмотри-ка! Вернулся ко мне старый знакомец. Вот и надпись та же самая: «Сомневаюсь и вам советую», — удивился волшебник Алеша, разглядывая кинжал. — Хотя, по правде сказать, я сразу смекнул: неспроста в этом зале столько всяких ножей и кинжалов. Тут какое-то волшебство, ясное дело. А теперь, похоже, они возвращаются назад, откуда прилетели. Что ж, может статься, ты мне еще пригодишься, кинжал господина Врядли!

Кинжал шевельнулся в его руке и затих.

— Какая опасность грозит Астрель? Я должен знать! — Гвен схватил за плечо тетушку Черепаху. Но она сердито стряхнула его руку.

— Я получил это письмо. Его написала принцесса Сумерки. Взгляните, пожалуйста. — Волшебник Алеша сунул руку в карман, но письма не было, хрупкая бумага рассыпалась в прах, в мелкие клочья.

— Все врешь. Нет у тебя никакого письма, обманщик! — с угрозой прохрипела тетушка Черепаха.

— Было письмо, подтверждаю! — оскорбленно пискнул кот Васька.

Птичка Чересчур, с любопытством вертя головкой, поглядывала то на Гвена, то на волшебника Алешу.

— Я пришел сюда, чтобы помочь вам, но я должен знать…

— Она чего-то боялась! — перебил волшебника Алешу Гвен. — Сердце мне сказало. Где она? Где мне ее искать?

— Эх, молочка бы попить… — вздохнул кот Васька.

Тетушка Черепаха с каменным спокойствием слушала их и, похоже, вовсе не собиралась отвечать. Она повернулась и не спеша затопала к двери. Каждый ее шаг раскатисто и гулко отдавался под сводами зала. Тетушка Черепаха вернулась, держа в руках глиняную миску с молоком, с натугой наклонилась, так что скрипнуло жесткое платье, словно сделанное из костяных пластинок. Подтолкнула кота Ваську ногой к миске с молоком. Кот Васька перевернулся в воздухе и неловко растянулся на полу, к большому удовольствию птички Чересчур.

— Нет, каковы манеры! Никакого представления о вежливости, — оскорбленно зашипел кот

Васька.

Но, отведав молока, нашел, что оно преотличное. Он снисходительно посмотрел на тетушку Черепаху и принялся с удовольствием лакать молоко.

— Своих дел по горло, а тут еще с вами болтай попусту, — досадливо пробурчала старуха. Но, увидев, с каким отчаянием ждет Гвен, кивнула ему. — Астрель... Принцесса Сумерки... Ну и что Астрель? Я все про нее знаю, у девчонки нет от меня секретов. Она не помнит ни отца, ни матери. Росла одна в холодном пустом замке. Сама мне рассказывала: бывало, весь день напролет зябла возле высокого окна, все ждала чего-то. Бедная малышка! Ничего не знала, где отец, где мать, живы ли. Спрашивала слуг — они ни гугу. Как будто боялись чего-то. Один за другим уходили и не возвращались, словно замок был зачумленный. Шли годы. И вот Астрель одна-одинешенька отправилась в путь. Она готова была объехать весь свет, лишь бы хоть что-нибудь разузнать о своих. Немало дней скиталась она, пока однажды на проезжей дороге ее лошадь не схватили под уздцы братцы, добрые и славные Игни и Трагни, детки нашего короля, будь они прокляты! С тех пор и держат ее во дворце,

как птичку в клетке.

— В клетке?! — в ужасе подпрыгнула птичка Чересчур. — В клетке… Ах, не говорите таких слов! Это чересчур страшно.

— Между прочим, нигде так не погреешься, как у камина, — очень довольный, заметил кот Васька. Он тем временем свернулся клубочком на ковре у ног Ренгиста Беспамятного. — Камин! Прелесть какая! Живой огонь, не то что батареи у нас в доме. Конечно, не надо лезть слишком близко, особенно тем, у кого такая красивая шерстка. Вот когда вернемся, я всем котам во дворе расскажу…

— Прекрати, — негромко, но строго одернул его волшебник Алеша.

— А почему Астрель не пробует убежать из дворца? — с волнением спросил Гвен.

— Попробуй убеги, какой умник нашелся! Сколько раз она убегала, — проворчала тетушка Черепаха. — Слушай последнее. И довольно. Больше я ничего не скажу. Все равно нет ей спасения. Знай: в сумерках Астрель становится невидимой. Она может незаметно ускользнуть из дворца. А дальше что? На всех улицах стража с фонарями. Ночью не схватят, так утром поймают. Да и куда ей бежать?

— В лес! — Гвен вскочил на ноги. — Только бы ей выбраться из дворца. Я спрячу ее в лесу, там никто ее не сыщет. Деревья — мои друзья — скроют ее в своей тени, птицы будут служить ей.

— Служить?! Только не я! — надменно и гордо взъерошила перья птичка Чересчур, но тут же смягчилась: — Впрочем, я могу стать ее подругой. Она — милая. Я даже расскажу о ней господину Каргору. Он мой хороший приятель. Я к нему запросто летаю и рассказываю все новости.

— Да я сверну тебе шею! Посмей только сказать ему хоть слово! — свирепо прохрипела тетушка Черепаха. — Как ты посмела сюда явиться, дрянь ты этакая, если якшаешься с этим дьяволом Каргором!

— А вот тут вы не правы! — бесстрашно воскликнула птичка Чересчур. Но на всякий случай она взлетела повыше и уселась на прокопченную потолочную балку.

Птичка Чересчур, чувствуя себя в безопасности, строптиво вскинула головку.

— Это вот вы вздорная и злая, госпожа тетушка Черепаха! А господин Каргор самый добрый на свете. Он обещал спасти нас от страшного ворона, который завелся в нашем лесу и губит невинных птичек. Вот что он мне сказал: «Я толь-

ко закончу одно неотложное дельце — и весь к вашим услугам. Мне надо кое-что уничтожить, погасить…» Вот что он мне сказал. А я сама видела, что он хочет погасить. Маленькую голубую искру. А она горит и не гаснет. Прямо беда!

— Что ты сказала, птичка Чересчур? Голубая искра? Горит и не гаснет? — встрепенулся волшебник Алеша. — Это любопытно! Ну-ка расскажи поподробней.

— Да слушай ты ее больше, — гневно проскрипела тетушка Черепаха. — Была бы у меня под рукой метла или жердь подлиннее, я бы ей показала…

— Да, горит и не гаснет. — Птичка Чересчур насмешливо посмотрела на тетушку Черепаху. — Но он ее непременно погасит. И тогда господин Каргор обещал…

Но птичка Чересчур не успела договорить…

Потому что Ренгист Беспамятный, до сих пор равнодушный ко всему, словно окаменевший, вдруг вздрогнул и медленно приоткрыл глаза.

— Каргор… Обещал… Знакомые слова. Ты обещал мне… — глухо проговорил он, и столько страдания, неизжитой боли было в его голосе, что все стихли, глядя на него. — Каргор, ты обещал мне, что я услышу ее голос. Голос моей Дожди-

рены. Взамен ты потребовал: «Отдай мне за это, что бы я у тебя ни попросил». Я согласился и скрепил свое слово клятвой. И я услышал ее голос…

Ренгист Беспамятный оперся на ручки кресла и встал. Он встал так тяжело, как если бы мраморная статуя поднялась с мраморного кресла. Он стоял выпрямившись, величественный, словно былое могущество вернулось к нему. Волосы седым серебром падали ему на плечи, в глазах, не проливаясь, стояли крупные слезы.

Вдруг он пошатнулся, словно силы покинули его.

Волшебник Алеша бросился к нему и успел поддержать рухнувшего ему на руки дряхлого, беспомощного старика. И только он один услышал его угасающий шепот:

— Потом… Потом я сдержал свою клятву, Каргор. Я отдал тебе то, что ты потребовал. Хотя знал, что это смерть, что это страшнее смерти…

Волшебник Алеша и тетушка Черепаха усадили в кресло Ренгиста Беспамятного, и он снова погрузился в безжизненный сон и молчание.

— Растревожили моего доброго господина, — причитала тетушка Черепаха, заботливо укутывая старика мягким бархатным плащом. — Явились сюда какие-то бродяги, коты, дрянные пичужки. Мальчишка из леса. И вправду, кто ты такой, и не пойму, чего тебе надо? — Тетушка Черепаха подозрительно покосилась на волшебника Алешу.

— Мяу! — отчаянно взвыл кот Васька. Тетушка Черепаха нечаянно наступила ему на хвост. — Ну и лапа у вас, надо сказать! Будьте поосторожней, если у вас такие лапки! Поспать не дают порядочному коту.

И он снова свернулся клубком у ног Ренгиста Беспамятного.

Волшебник Алеша в задумчивости потер лоб.

Слишком много странного и необъяснимого обрушилось сразу на него. Как будто в этой сказке все страницы перепутаны.

Птичка Чересчур… А тетушка Черепаха? Почему она так ненавидит Каргора? Ренгист Беспамятный. Его непонятная, бессвязная речь. Какая тайна стоит за ней? И главное: голубая искра. Почему она горит и не гаснет и почему ее хочет погасить Каргор? Не здесь ли разгадка всего? Может быть, это и есть та ниточка, за которую надо потянуть, и тогда весь клубок…

Значит, так. Значит, надо непременно проникнуть в башню Каргора. Чем бы это ни грозило. К тому же у него есть кинжал с надписью на рукояти. Так что голыми руками его не взять.

— Птичка Чересчур, — негромко окликнул Гвен маленькую птичку. — У меня к тебе дело. Очень важное. От этого зависит жизнь и смерть. Слышишь, птичка Чересчур?

— Ты — наш друг, Гвен Хранитель Леса. — Птичка Чересчур перелетела к нему на плечо и на миг с нежностью прижалась своей быстрой головкой к его щеке. — Поверь, я сделаю для тебя все, что смогу.

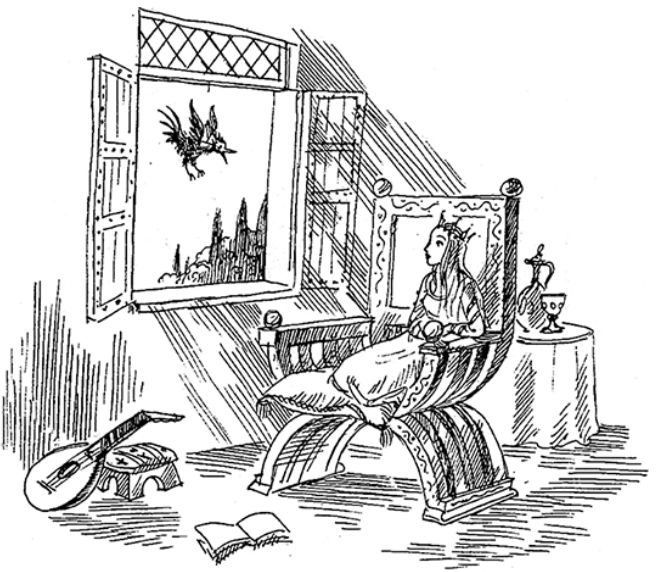
— Добрая душа, хоть и дуреха, — вздохнула тетушка Черепаха. Дрова в камине догорели.

Казалось, алые угли тихо шевелятся под мягким пеплом.

Небо на востоке посветлело. Проплыло высокое розовое облако.

— Вот и утро. Развели разговоры на всю ночь, — недовольно проскрипела тетушка Черепаха. — А толку что? Одна болтовня, и все. Разве кто поможет в нашей беде?

Глава XIII
Птичка Чересчур прилетает во дворец. И главное: Каргор узнает, для кого Гвен построил новую башню



Астрель сидела в большом глубоком кресле, поджав под себя ноги.

Солнце грело ей руки и колени. Теплое, полное радости, оно говорило ей о какой-то другой жизни, мешало думать.

«Гвен… Гвен Хранитель Леса… Какие у него добрые глаза! Он совсем молодой, а руки старше. Видно, много поработали. Он — сильный. А как он смотрел на меня! Удивленно. Ну точно ребенок».

Астрель слабо улыбнулась, но улыбка быстро угасла. За эти годы она совсем разучилась улыбаться. Она больше никогда, никогда не увидит Гвена Хранителя Леса. Там, в глубоком подземелье, куда ее бросят, будут только камни вокруг, бездушные, мертвые. Но даже там кто ей запретит думать о Гвене?

За окном послышался капризный тоненький голосок:

— Чересчур, чересчур много окон! Поди отыщи, какое нужно. А, вот она, Астрель! Ну, наконец-то.

В окно влетела птичка Чересчур. Облетела всю комнату, с любопытством оглядывая стены, все вокруг. Нисколько не боясь, опустилась прямо на плечо Астрель.

— Никогда не бывала во дворце и прямо скажу:

ничего особенного! — быстро заговорила она. Перепорхнула на руку Астрель, уселась на указательном пальце, перебирая цепкими лапками и хлопотливо вертя головкой. — Чересчур много ненужных вещей, вот что я считаю. Чересчур! А палец у тебя такой тонкий, как веточка. Нет, не сравнить ваш дворец с башенками и домиками, которые строит нам Гвен Хранитель Леса. Ах да, кстати о Гвене. Он прислал меня к тебе.

— Прислал ко мне? — с нетерпением переспросила Астрель. — А что он сказал, милая, добрая моя птичка Чересчур? Что он сказал?

— Не перебивай меня, — строптиво заупрямилась птичка Чересчур. — Все равно мы с Гвеном старые друзья, а ты только вчера с ним познакомилась. Есть разница?

— Конечно, конечно, птичка Чересчур, — поспешно согласилась Астрель. — Ты его друг, самый близкий друг. И все-таки что он сказал?

— Ну уж так и быть, — смилостивилась птичка Чересчур. — Слушай. Ты должна в сумерках убежать из дворца. Только ты не беги к Ренгисту Беспамятному. Все равно он тебе ничем не поможет. Видела его сегодня, залетала к нему. Совсем плох Ренгист Беспамятный, вот что я вам скажу! Его глупая служанка — гнал бы он ее в шею! —

отправилась в лес собирать целебные травы и коренья. Ах, кажется, я опять не о том… Так на чем я остановилась?

— Не надо бежать к Ренгисту Беспамятному, а куда бежать? — осторожно подсказала Астрель, боясь рассердить строптивую птичку.

— Ах, ты вечно меня перебиваешь, слова не даешь сказать! — Птичка Чересчур сердито взъерошила хохолок. — Я все уже тебе объяснила. Кто виноват, что ты такая бестолковая? Ты должна в сумерках прийти на опушку Оленьего леса. Гвен будет тебя ждать там. Он уже построил для тебя чудесную башню. Такую высокую, что ты сможешь видеть верхушки деревьев, как будто летишь над ними.

Птичка Чересчур ревниво покосилась на Астрель и перепорхнула на подоконник.

— Чересчур много хлопот из-за такой девчонки, как ты. — Она надменно вскинула головку, но, взглянув на кроткое и нежное лицо Астрель, быстро вздохнула и защебетала ласково и доверчиво: — Мы с тобой тоже друзья. Ты милая. Хотя, конечно, Гвен… Ах, я заболталась. Мне надо залететь еще к одному моему другу. Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур кивнула Астрель и скрылась за окном.

«Неужели спасение, свобода? Как я ненавижу этот дворец! — Астрель соскользнула с кресла, подбежала к окну. — Стражники повсюду: у ворот, на лестнице. Но в сумерках я все равно убегу. Гвен спрячет меня в своей башне, я верю…»

А птичка Чересчур тем временем летела над городом. Ненадолго опустилась на порог пирожника Ринтуса. Тот, как всегда, кинул ей горсть сладких крошек.

Но птичка Чересчур так была взволнованна, что только клюнула разок-другой и, наспех поблагодарив, помчалась дальше. Маленькие, короткие мысли теснились и путались у нее в голове:

«Все передала, как велел Гвен… Вкусные

крошки… Астрель — милая, но башня, которую построил для нее Гвен, намного красивее дворца. Верхушки деревьев… Чересчур много дел! Крошек не поклевала. Там был такой вкусный кусочек с изюминкой. Ах, нужно все, все рассказать господину Каргору, доброму господину Каргору».

Птичка Чересчур глянула вниз. Тусклые черепичные крыши города остались позади. Теперь она летела над Оленьим лесом. Снизу поднимались столбы холодного болотного воздуха.

«Ну и местечко, хуже не найдешь. Вечно тут хозяйничают туманы. В толк не возьму, зачем господин Каргор построил здесь свою башню? Говорят, король позволил ему выбрать любую поляну, а он облюбовал себе место возле самой трясины. В Оленьем лесу столько уютных полян…» Птичка Чересчур стремительно влетела в окно башни Каргора. И только жар, полыхнувший из камина, заставил ее с писком ринуться назад. Она уселась, как всегда, на каменный выступ окна и принялась махать крылышками, чтобы хоть немного охладиться.

Каргор сидел перед камином и, наклонившись вперед, ласково, почти нежно гладил огненных змей, плясавших на раскаленных углях.

«Как он может их гладить? Они такие страшные

и злые…» — с невольным содроганием подумала птичка Чересчур и тут же беспечно защебетала:

— Сколько новостей, сколько новостей, господин Каргор! Вот уж действительно можно сказать: чересчур много новостей! А вы, вижу, все никак не можете погасить голубую искру?

— Ну, выкладывай, какие новости ты принесла, — равнодушно сказал Каргор. — Представляю…

— Это невозможно, невозможно себе представить! — захлебываясь от волнения и восторга, воскликнула птичка Чересчур. — Крошки пирожного… Нет, я не о том. Какую башню построил Гвен! Какие окна, какие резные двери! Лучше всех башен на свете! — Тут птичка Чересчур немного смешалась, оглядела мрачные своды темного зала. — Впрочем, о вкусах не спорят. У вас тоже очень, очень уютно. По-своему, конечно… А главное, вы никогда, никогда не догадаетесь, для кого Гвен построил эту башню!

Птичка Чересчур закатила глаза и захлопала крыльями.

— Ну, для кого? — Каргор со скукой посмотрел на птичку Чересчур.

— Ни за что не догадаетесь! — Птичка Чересчур с торжеством посмотрела на Каргора. —

Для Астрель, принцессы Сумерки, вот для кого.

— Для Астрель? — помедлив, переспросил Каргор. — Ты сказала — для Астрель?

— Ну да! Ну да! — продолжала беспечно заливаться птичка Чересчур. — Астрель должна сегодня в сумерках прийти на опушку Оленьего леса. Гвен спрячет ее в своей новой башне. Об этом никто, никто не знает. Правда, Астрель милая?

— Милая, милая… — глухо проговорил Каргор. Он нахмурил свои косматые брови, размышляя о чем-то. — Да, это новость, птичка Чересчур.

— Почему ваше лицо вдруг потемнело? — с испугом воскликнула птичка Чересчур. — Что с вами? Вы прямо на себя не похожи! На вас страшно смотреть, господин Каргор… Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур стрелой вылетела из башни. Куда девалась ее веселость! Ей стало отчего-то тоскливо и тревожно.

«Наверное, чересчур много новостей, — решила наконец птичка Чересчур. — И они просто дерутся, ссорятся у меня в голове. Но какие мрачные глаза у господина Каргора! Я как-то прежде никогда не смотрела ему в глаза…»

Едва птичка Чересчур скрылась из глаз, Каргор

встал и громко хлопнул в ладоши.

Дверь отворилась, и вошел Скипп. Как всегда, согнулся в поклоне.

— Слушай, Скипп! — властно заговорил Каргор. — Вникни получше в то, что я тебе сейчас скажу. Я отнял у тебя твой голос и запер его в волшебной шкатулке. Собрал все твои слова, что ты успел наболтать в своей жизни. Жалкая горстка слов! Все больше хвастовство да ругань. Но недаром я великий чародей! Знай, Скипп, я проник в твое будущее! И все слова, какие бы ты мог сказать до конца своих дней, до последнего вздоха, я собрал, сгреб, как мусор, и тоже запер их крепко-накрепко.

Маленькие глазки Скиппа сверкнули тоскливой жадностью. Он искоса бросил быстрый взгляд на сундук в углу.

— Верно, Скипп, шкатулка с твоим голосом в этом сундуке, — кивнул Каргор. — Там она, Скипп, там. До времени там ее место. Да, я сделал тебя немым и не прогадал. Ты возненавидел всех, кто может сказать хоть словечко. Сколько в тебе злобы, Скипп, славный ты парень, нравишься ты мне. Тебе полюбилось ходить повсюду, подкрадываться, подслушивать, ловить и прятать чужие голоса в мои волшебные ларцы и шкатулки. До-

волен ли ты своей работенкой, Скипп?

Скипп часто-часто закивал головой, угодливо поклонился. Он настороженно ждал, что дальше скажет его хозяин.

Каргор в раздумье прошелся по залу, по странной привычке потирая и разглядывая свои руки.

Остановился перед камином.

Голубая искра светила, словно изнемогая, из последних сил. Лучи ее дрожали. Казалось, она задыхается в душном кольце раскаленных змей.

— Скоро, скоро… Еще немного, и ты навсегда исчезнешь, — тихо проговорил Каргор. Но сколько ненависти было в его голосе!

Он с трудом оторвал взгляд от слабо мерцающей голубой искры.

— Ах да!.. — Каргор снова посмотрел на Скиппа. — Мы не договорили, славный ты парень, Скипп. Ты принес сегодня забавный голос. Незнакомый голос. Хотел бы я знать, чей он. Опасаюсь я этого человека, сам не знаю почему. Может, я зря тревожусь. Но что-то не хочется мне оставлять сегодня мою башню без охраны. А мне, как нарочно, надобно отлучиться. Тут в лесу живет один человек, а я и не знал. Гвен Хранитель Леса его зовут. Его в округе все любят. Может, и я с ним подружусь, а, Скипп, как ты думаешь, славный

парень Скипп? Ну а вечером сам король пожелал меня видеть. Знаю, знаю, зачем я ему нужен. Ничего не поделаешь, любит наш король всякие затеи да забавы. Вот я и развлекаю его иногда, только в темноте, поближе к ночи, чтоб никто не видел… Ну да это не твоего ума дело, Скипп. А вот теперь слушай повнимательней. И получше соображай своей глиняной головой. Все запомни и сделай, как я прикажу. Сам знаешь, Скипп, нет у меня ни слуг, ни стражников. Я никому не доверяю, таков уж я, и думаю, что прав. Но у меня есть на кого положиться, а, Скипп, как ты считаешь, парень? И если кто-нибудь чужой захочет заглянуть без меня в мою башню, что ж, милости просим, мы всегда рады незваному гостю. Только позаботься, Скипп, чтобы ему не было одиноко здесь одному. Не было скучно и одиноко. Ты понял, Скипп, понял? Так что потрудись на совесть. И если все сделаешь как надо, я завтра же отдам тебе навсегда твой нудный голос. Болтай себе сколько хочешь. Слышишь, Скипп? Слово мое крепко!

Скипп согнулся в низком поклоне. Казалось, он сейчас лизнет руку хозяина. Но Каргор досадливо отмахнулся, и Скипп, не разгибаясь, попятился и исчез за дверью.

Каргор накинул на себя свой длинный плащ, в складках которого словно бы поселилась сама непроглядная ночь.

Спустя короткое время в Оленьем лесу раздался тревожный разноголосый птичий гомон.

Маленькие пичужки в страхе собирали своих птенцов, прятали в укрытые среди ветвей резные домики, в маленькие дворцы с крепкими запорами на дверях.

Потому что над верхушками деревьев показался большой, черный как уголь ворон. Он неторопливо летел, сильно взмахивая широкими крыльями, зорко глядя вниз. Он что-то высматривал среди густых деревьев Оленьего леса.

Глава XIV
Чудесная лестница.
И главное:
Астрель на опушке Оленьего леса

Никогда Астрель с таким томительным нетерпением не ждала вечера. Время как будто остановилось.

— Ну, отдохни, уйди за лес, поспи, ты устало… —

шепнула Астрель, глядя на солнце.

Нет, этот день, наверное, никогда не кончится.

— Еще немного, еще капельку потерпеть, и наступит вечер. — Астрель то и дело подбегала к окну.

Но что это? Поглядев вниз, Астрель увидела перед дворцом множество стражников. У ворот, на ступеньках лестницы, на бархатистых газонах толпились стражники, о чем-то переговаривались. Астрель показалось, что она услышала свое имя.

Астрель выглянула из окна.

— Вон, вон она, смотрите! — послышались грубые голоса. — Девчонка! Свесила зеленые волосы! Думает, не заметим.

Астрель в страхе отпрянула назад.

Настежь распахнулась дверь. Вошли принцы Игни и Трагни. Оглядели ее насмешливо, подозрительно.

— Вот как? Надумала обхитрить нас, удрать? — сквозь зубы процедил Игни. — И не пытайся. Мы все знаем. Все двери заперты. Стража повсюду. Двести стражников окружили дворец.

Астрель отступила, прижалась спиной к стене.

Как им стала известна ее тайна? Откуда? Как могли они дознаться, что сегодня вече-

ром она…

— Сиди тихонько, как мышка. Поплачь немного, если хочешь. Но не вздумай улизнуть! — с угрозой проговорил Трагни. — Каргор сказал нам…

— Помолчи, — оборвал его Игни.

И оба брата вышли.

В дверях, щелкнув, повернулся ключ. Послышались резкие, повелительные голоса принцев. В ответ — приглушенные ответы стражников и журчащий, как сладкий ручеек, голосок Врядли. Значит, даже он тут и сторожит ее. Что же ей делать? Астрель глянула в окно. Боже мой, солнце уже уходит за Олений лес. А внизу стражников стало еще больше, толпятся повсюду с алебардами в руках.

Кто-то зажег смоляной факел. Было еще слишком светло, и огонь казался бледным и расплывчатым. Над пламенем факела плясал черный колпак копоти. Поблескивал полированный мрамор ступеней и колонн.

Все пропало! Ей не выбраться отсюда. Напрасно Гвен будет ждать ее на опушке Оленьего леса…

За окном внезапно потемнело. Крыши дальних домов, верхушки деревьев Оленьего леса — все затянуло серой дымкой.

Послышался нарастающий шум и вкраплен-

ный в него стук крупных капель. Снизу донеслись недовольные возгласы стражников:

— Дождь!

— Ишь как припустил! — Но никто не посмел и сдвинуться с места.

Астрель глубоко вдохнула чистый влажный воздух, пробуждающий затаенные запахи земли.

— Дождь, дождь… — Теплая волна надежды вдруг согрела ее. Нет, Астрель по-прежнему понимала, что ей не уйти, не ускользнуть из дворца, но этот дождь…

Что-то было успокоительное в нем, словно он хотел помочь ей.

И вдруг… Астрель замерла, не веря своим глазам. Не сон ли это? Астрель стиснула руки, укусила себя за палец.

От ее окна до самой земли протянулась еле различимая в воздухе лестница, построенная из дрожащих прозрачных капель. Огонь факела, распластавшегося от бьющих струй дождя, заставлял вспыхивать и угасать то одну каплю, то другую, и от этого вся невесомая лестница светилась и мерцала.

Астрель увидела узорные перила, тонкие, как струны. Налетающий ветер натягивал и рвал их.

Легкий ковер, сквозной, как паутина, лег на едва видные ступени.

Астрель широко распахнула окно и вскочила на подоконник. Вот она, ступенька, совсем прозрачная, зыбкая. Капли дождя срывались с нее, падали вниз, как будто им тяжело было неподвижно висеть в воздухе. И вся лестница, качаясь и вспыхивая от света факела внезапным блеском, грозила рухнуть, не удержавшись в воздухе. Значит, надо спешить. Отбросить все сомнения и верить. Астрель, уже ни о чем не думая, не боясь, не радуясь, шагнула на первую ступеньку. Она протянула руку к перилам, но они осыпались вниз водопадом капель. Астрель спускалась по лестнице. Под ногами она чувствовала в пустоте только ненадежную опору скользких капель. Капли перекатывались под ногами. Она спускалась вниз, боясь оглянуться. Стоило ей сделать шаг, как позади нее с шелестом облегчения рушились вниз, проливаясь дождем, прозрачные ступени.

Перед дворцом все притихли, замерли, словно остолбенели. И вдруг молчание взорвалось громом изумленных, возмущенных голосов:

— Смотрите!

— Девчонка идет по воздуху!

— Да по лестнице она идет, по лестнице! По лестнице из прозрачного хрусталя!

— Откуда тут лестница, дубина ты этакая?

— Да чего там! Спустится, и хватай ее!

Астрель не вслушивалась в их крики. Она торопливо сбегала вниз, чувствуя, что ступени лестницы уже с трудом удерживают ее. Крики стражников вдруг потонули в шуме дождя. Нет, это было что-то другое. Это был звон и дребезг металла. Звон монет, бренчащих о мрамор.

Астрель спрыгнула на землю, и тотчас вокруг нее заблестели, скатываясь с ее плеч, серебряные монеты. Они потоком, сверкая, сыпались сверху. Весело, заманчиво звеня и подпрыгивая, они покатились в разные стороны.

Чьи-то руки выронили факел. Забыв обо всем на свете, стражники бросились собирать монеты. Блеск серебра словно заворожил их. Стражники ползали на коленях, сгребали монеты горстями, сыпали за пазуху, в кошели, за голенища сапог.

На Астрель никто не обращал внимания, она незаметно пробежала мимо. Один из стражников, стоя на коленях, ухватил было ее за край платья. Астрель вскрикнула. Но стражник даже не повернул головы. Он схватил монету, на которую она в спешке наступила ногой.

В воротах тоже не было ни души. Стражники ползали по всему двору, высматривая монеты, выгребали их из-под кустов роз. Астрель скользнула в ворота и растворилась в вечерних

сумерках. Дождь как-то сразу утих.

— Посчитать бы, сколько собрали кругляков. — Здоровый верзила стражник с довольным видом похлопал себя по карману и вдруг замер, растопырив руки и выпучив глаза. Снова, еще не веря, сунул руку в карман и с воплем выдернул, стряхивая с пальцев капли воды: — Вода, вода! Провалиться мне на этом месте, вода! А монеты пропали!

— И у меня пропали! Чертовы деньги, куда они девались? — закричал второй стражник, с диким видом оглядываясь по сторонам.

— А у меня в кошеле лягушка!

— Кто налил мне воды за пазуху? Куда девались мои денежки?

Стражники с ошалелым видом переглядывались. Ничего не понимая, отряхивались, как мокрые собаки.

— А девчонка, похоже, тем временем дала деру, — негромко сказал один из стражников, самый старший.

Все с испугом посмотрели на него.

— Я ничего не видел, — запинаясь, сказал долговязый стражник. — Я сторожил дверь, дверь я сторожил. Никто не вышел, это точно.

— И я сторожил дверь. Велено было сторожить,

вот я и сторожил, — подхватил второй.

— Чего там! Дверь заперта. Как было приказано. Вон и ключ торчит. Никто в дверь не выходил, — загалдели стражники. — Ничего не видели, не знаем. Наше дело такое — сторожить. Мы и сторожили! Как было велено.

И только маленький мальчик-паж, спрятавшись за колонной, широко открытыми, светлыми от изумления глазами смотрел на распахнутое окно там, наверху, в комнате Астрель.

Астрель тем временем, невидимая в сумерках, бежала по улицам города.

Скорей к опушке Оленьего леса! Теперь дикая чаща уже не пугала ее. Там, на опушке, ее ждет Гвен. Он уведет ее в дом, который он для нее построил. Там их никто не разыщет. А потом они уйдут далеко-далеко. Больше она никогда не увидит королевский дворец, злых и наглых принцев Игни и Трагни.

— Прощай! — звонко крикнула она, пробегая через мост Зевнивовесьрот.

Человек в сером вздрогнул, вскочил, озираясь как со сна, выронив тяжелый кошель. Он выскользнул из его рук и, булькнув, ушел под воду.

— Прощайте! — шепнула Астрель, пробегая мимо низких домов, придавленных высокими черепичными крышами.

Вдали показалась башня Ренгиста Беспамятного, уходящая в вечернее небо неровными осыпающимися зубцами.

— Прощай, отец… — Сердце Астрель сжалось от глубокой печали и нежности. — Спасибо тебе.

Я никогда не забуду тебя, хотя ты уже не помнишь обо мне…

Вот и опушка Оленьего леса.

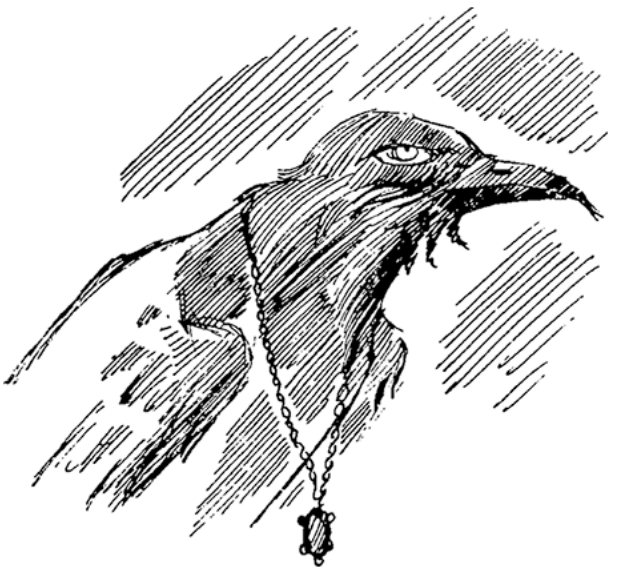
Астрель остановилась, тревожно огляделась. Темные неподвижные ели. Могучий дуб, ствол его до корней расщеплен не то молнией, не то глубокой старостью. Тишина. Глянешь вглубь между деревьев, там уже шевелится темнота.

«Где же Гвен? — Астрель напрягла слух: не послышатся ли шаги, не хрустнет ли где ветка. — Гвен не мог меня обмануть. Он сейчас придет. Он уже близко. Вот раздвинутся ветки орешника и…»

Но все было тихо и пустынно. Неподвижно стояли деревья, окутанные зеленой мглой. Гвена не было.

— Что-то случилось, — с отчаянием прошептала Астрель. — Гвен…

Глава XV
Дом Гвена.
И главное:
заклятие, наложенное на топор



Да, предчувствие не обмануло Астрель. А слу-

чилось вот что.

Если вы помните, друзья мои, Каргор превратился в ворона и вылетел из окна башни.

Светило солнце, заливая теплым золотом верхушки деревьев. Лучи солнца пробирались сквозь густую листву, и тогда клочок зеленого мха вдруг вспыхивал живым изумрудом, а капли смолы, сбегавшие по стволам, вытягивались как бесценное ожерелье.

Каргор, редко взмахивая крыльями, летел над лесом. Он пристально вглядывался в просветы между деревьями.

Иногда он видел удлиненное движением гибкое тело белки. Малые пичужки, кто побеспечней, в ужасе, суетливо бились в листве, стараясь поскорее укрыться в своих домиках.

— А… вот что я ищу!

На небольшой круглой поляне, поросшей ровной бархатистой травой, стоял высокий дом, срубленный из медово-желтых бревен. Затейливые карнизы украшали окна. На дверях — резной узор из листьев. На ставнях вырезаны лесные цветы: фиалки и ландыши.

Каргор сложил крылья и опустился на зеленую траву поляны.

Как трудно ему теперь превращаться в челове-

ка, с каждым разом все труднее! Он ненавидит это тело. Ребра, словно тугие обручи, мешают дышать…

Каргор собрал все силы. Мгновение пустоты, чувство, что тебя нет… О, как это тяжко!

И вот Каргор, глубоко вздохнув, расправил плечи. Длинный плащ черным кругом упал на траву. По давней привычке Каргор оглядел свои руки, холеные, с зеленовато-гладкой кожей. Перстень с черным камнем и магическими знаками.

Дверь дома широко распахнулась, и на пороге появился Гвен, усталый, с топором в руках. Влажные от пота волосы прилипли ко лбу. Он улыбался. Это была невольно возникающая улыбка счастья.

— Так вот ты какой, Гвен Хранитель Леса, — негромко сказал Каргор, пристально глядя на юношу.

— Я не знаю вас, господин, — тихо ответил Гвен. — Войдите в дом, там прохладно.

Каргор покачал головой, поднял золотистый завиток стружки, понюхал его. На мгновение тяжелые веки закрыли глаза.

— Как пахнет… — прошептал Каргор. И тусклый, неясный свет каких-то далеких воспоминаний оживил его холодное, замкнутое

лицо. — Гвен, не ходи сегодня вечером на опушку Оленьего леса, — ровным, невыразительным голосом сказал Каргор.

— Что вы знаете? Откуда? — с волнением воскликнул Гвен. — Астрель не придет? Почему? Что случилось?

— Забудь Астрель, — глухо проговорил Каргор. — Забудь, забудь Астрель, принцессу Сумерки!

Руки Гвена невольно крепче стиснули топор.

— Забыть Астрель? — повторил юноша. Он даже усмехнулся, недоверчиво и тревожно. — Забыть ее? Никогда! Скорее я забуду себя, забуду все, жизнь, солнце…

— А… Я так и думал, — почти равнодушно протянул Каргор, но в бездонной глубине его глаз вспыхнул багровый огонек. — Букашки… Шевелятся, упираются, думают, что от них хоть что-то зависит. Я в силах тебя убить просто взглядом, Гвен Хранитель Леса. Но это может мне дорого обойтись. Слишком дорого. Ты не стоишь этого, мальчишка. Все можно сделать проще. Ты не выйдешь из этого дома. Ты сам построил себе тюрьму. Славную тюрьму, Гвен Хранитель Леса!

Каргор пробормотал несколько невнятных слов. И вдруг дверь, украшенная узором из листьев, сама собой захлопнулась, резко втолкнув Гвена внутрь дома. Со стуком накрепко закрылись ставни.

Изнутри донесся бешеный стук топора.

— Что ж, потрудись, Гвен, — усмехнулся Каргор. — Все равно тебе не выбраться из дома. Не открыть ни окно, ни дверь. Я наложил заклятие на твой топор. Ты не сможешь прорубить им даже узкую щель. Маленькая зарубка и та будет тут же зарастать, словно ее и не было. Твой заветный топор — бессилен!

Каргор взмахнул рукой. Этого было достаточно. Плеснув крылом, от земли косо оторвался большой ворон с оперением, отливающим синевой.

«Как все просто. Как мне легко стать вороном, — подумал Каргор, летя вровень с верхушками деревьев. — Не слишком ли легко?»

Солнце, опускаясь, заливало светом верхушки елей, словно надев на них золотые шлемы.

«Скоро… — подумал Каргор. — Король, наверное, уже выехал из дворца. Да, ни Астрель, ни Гвен не увидят этого. Не увидят, что сегодня случится на опушке Оленьего леса. Там будет забавно. Когда-то это меня тоже развлекало.

Теперь мне все на свете безразлично. Но случайный прохожий, пожалуй, поседеет, увидев такое. Впрочем, каждый раз одно и то же, а королю все мало».

Глава XVI
Тайна башни Каргора. И главное: похищение голубой искры

Волшебник Алеша все утро просидел на лавке, слушая тягучее ворчанье тетушки Черепахи. Старуха целый час убирала посуду со стола.

— Уважаемая тетушка Черепаха, — ласково обратился к ней волшебник Алеша. — Не най-

дется ли у вас какого-нибудь плаща для меня? Я верну его непременно. Надеюсь, во всяком случае. Ночи холодны. Да нет, не в том дело. Но вы видите сами, я одет несколько необычно для ваших мест.

Тетушка Черепаха долго рылась в сундуках, вздыхала, бережно перебирая пропахшие пылью плащи, пока не выбрала самый изношенный и потертый.

— И этот для тебя слишком хорош, проходимец, — угрюмо проворчала она. — Он хоть и в дырах, да из чистой шерсти. Кто ты такой, чтобы я разбазаривала добро своего господина?

Потом она заперла все сундуки, искоса поглядывая на волшебника Алешу.

— Пойду в Олений лес. Насобираю трав и кореньев моему господину. Я уйду надолго. Может, вернусь только утром. А ты смотри не вздумай тут чего-нибудь трогать. Все крепко заперто, не надейся.

Продолжая ворчать, она взяла большой мешок и ушла.

Ренгист Беспамятный неподвижно сидел в кресле и дремал. И казалось, жизнь угасала в нем вместе с пламенем камина.

Волшебник Алеша дождался вечера. Днем выйти из башни он опасался.

— Пора!.. — Волшебник Алеша закутался в старый плащ. Сунул за пояс кинжал, вернувшийся к нему столь неожиданным образом.

Кот Васька крепко спал на ковре у камина. Волшебник Алеша на цыпочках прошел мимо, опасаясь его разбудить. Нет, брать с собой беспечного и легкомысленного кота в башню Каргора он вовсе не собирался. Мало ли что ждет его там?

Волшебник Алеша тихо вышел из башни Ренгиста Беспамятного.

Вот уже остались позади ласковые, теплые огоньки свечей в низких окнах.

Вдаль уходила вымощенная крупным булыжником дорога. Длинные тени деревьев пересекали ее, она слабо светилась в лунных лучах.

Что-то прошелестело в листве. Откуда ни возьмись появилась птичка Чересчур, усталая, очень довольная собой.

Задев щеку волшебника Алеши крылом, усе-

лась ему на плечо.

— Сделай это да сделай то, — с показной досадой прочирикала она. — Все я да я. Как будто никого на свете нет, кроме птички Чересчур. Слетай к этой девчонке… Правда, она очень милая. Да предупреди, да скажи… Потом, не могла же я не залететь к моему другу, господину Каргору. Теперь вот тебе надо дорогу показать, ведь заблудишься, клянусь родным гнездышком! Впрочем, ты идешь верно. Эта дорога приведет тебя как раз к башне господина Каргора. Так и иди, не сворачивай!

Она спорхнула с плеча волшебника Алеши. На миг повисла в воздухе, часто взмахивая крылышками.

— Я должна торопиться на опушку Оленьего леса. Там должны сейчас встретиться… Ах, некогда, некогда! Чересчур много дел. Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур уже скрылась было в темной листве, но вдруг снова вернулась:

— Верь, верь Каргору. Он добрый, добрый, добрый…

Теперь дорогу с двух сторон окружали высокие деревья. Из лесной чащи потянуло болотной гнилью, запахом прелого листа.

Но вот на фоне глубокого, полного звездной

жизни неба поднялась высокая черная башня.

Что-то жуткое было в этой угрюмой башне с острыми хищными зубцами среди пугливо притихших громадных деревьев. Сова, мерцая зелеными глазами, тяжело сорвалась с ветки и, зловеще ухнув, исчезла во мраке. Показалась высокая стена и пустая темная арка ворот. Из-под арки тянуло зябкой ночной сыростью.

Под навесом волшебник Алеша разглядел висящие гроздьями старые, давно покинутые гнезда ласточек.

«Даже ласточки не живут здесь…» — с внезапной тревогой почему-то подумал волшебник Алеша.

Хорошо, что он не взял с собой кота Ваську. Тот был бы ему сейчас только обузой. Путался бы под ногами, лез со своими советами. В этот миг что-то мягкое и теплое ткнулось в ногу волшебника Алеши.

— Вздумал удрать потихоньку? — с ехидством спросил кот Васька. — Что, не вышло? Учти, одного никуда не пущу, наделаешь без меня глупостей, потом выручай тебя.

Волшебник Алеша с досадой взял кота Ваську на руки. Вот беда с этим котом, честное слово. Самонадеянный нахал, по-другому не назовешь.

Никогда не знаешь, что от него ждать. Но не бросить же его сейчас одного в темноте?

Кот Васька тем временем забрался под плащ, немного повозился и устроился на груди волшебника Алеши, грея ему шею.

— Неплохой плащ, хоть и старый, — промурлыкал он. — Чистая шерсть, между прочим, уж в этом-то я разбираюсь.

— Тсс!.. — на всякий случай шепнул волшебник Алеша.

— Эй, кто идет? — послышался вдруг резкий окрик, и железо алебарды царапнуло по камню.

Волшебник Алеша прижался к стене, покрытой хрустящими, ломкими ветками засохшего винограда. Замер, не дыша.

Опять послышался тот же мертвенно-монотонный голос:

— Эй, кто идет? — и снова скрежет железа по камню.

«Похоже, что стражники не заметили меня. Окликают просто так, на всякий случай. Может, все-таки попробовать пробраться?..»

Волшебник Алеша осторожно прокрался вдоль стены к воротам. Проем ворот был пуст, тихая неподвижная темнота, казалось, дремала под круглым замшелым сводом.

Волшебник Алеша пробежал сквозь ворота и спрятался за углом башни.

— Эй, кто идет? — снова услышал он, но уже позади себя. Те же слова, тот же голос, и опять стражник задел алебардой за камень.

«Так и есть, не заметил, — перевел дыхание волшебник Алеша. — Но это только начало, что-то будет дальше?»

Он пошел вдоль стены. От грубых камней тянуло холодом. Из-за тучи выглянула ярко-серебряная луна, и волшебник Алеша увидел широкую крепкую дверь, всю в острых медных заклепках.

Медная ручка показалась волшебнику Алеше холодной как лед. Он потянул ее на себя, дверь неожиданно легко открылась, скрипнув в тишине голосом одинокой ночной птицы.

За дверью была непроглядная, как черный бархат, темнота. Вдруг это ловушка? Неосторожный шаг через порог, а там пустота, пропасть?

— Не видишь, что ли, пол каменный и лестница, — шепнул кот Васька, щекоча усами ухо волшебника Алеши. — Ох, что бы ты без меня делал!

Волшебник Алеша шагнул через порог и постоял немного, чтобы глаза после лунного света

привыкли к потемкам.

Каменная лестница круто уходила вверх.

Волшебник Алеша стал осторожно подниматься по ступеням. Низкие нависающие своды. Дверь. Еще дверь. Нигде ни луча света, ни шороха, ни движения.

Волшебник Алеша свернул куда-то в сторону. Вдруг на него, как густая сеть, опустилась паутина, от пыли мохнатая, как мех. Паутина липла к рукам, к одежде, опутывала его, сковывала движения.

Волшебник Алеша с трудом высвободил руку и кинжалом разрезал упругие и крепкие, как веревка, нити паутины. Пригодился все-таки кинжал Врядли! И снова его окружила давящая тишина. Опять ступени и молчаливые темные двери. Куда идти? Похоже, в башне пусто, никого нет.

— Выкинь потроха собакам! — вдруг оглушил волшебника Алешу пронзительный до визга, громкий женский голос.

Волшебник Алеша от неожиданности застыл на месте как пригвожденный. Сердце застучало с бешеной силой. Он прижал к себе кота Ваську так сильно, что тот сдавленно пискнул.

— Тусли! Ах ты дрянь! Опять лижешь подливку! — послышался еще один резкий женский голос, а вслед за ним звук шлепка и обиженное хныканье. Нет, там за дверью была жизнь. Гремели крышки медных котлов. Что-то сочно булькало и кипело.

— Не забудь перец и мускат!

«Там скорее всего поварня», — мелькнуло в голове у волшебника Алеши.

— Щелоку подсыпь, а то разве отстираешь! — донесся голос из-за другой двери.

— Да это же свечка, свечка! Хозяин закапал

камзол свечным воском.

— Крути, крути точило, видишь, какие зазубрины?

Это был уже мужской голос, грубый и сильный. Послышался скрежет металла о точильный камень, шипение искр.

Волшебник Алеша повернул было назад, но, словно преграждая ему путь, снизу послышался голос слуги и лай собаки.

— Пошла вон!

Собака жалобно взвизгнула, видимо, слуга пнул ее ногой.

Зазвенел переливчатый, летучий смех. Лукавый и холодный женский голос произнес:

— Ваша карта бита! Вы проиграли. Чем вы расплатитесь сегодня: золотом или чужими тайнами?

— Летучими мышами, моя прелесть, — ответил низкий властный голос, чуть смягченный любезностью. — Знаю, они у вас на посылках. Три дюжины летучих мышей — и мы квиты!

— Летучие мыши, экая невидаль! — хихикнул кто-то пронзительно и тонко.

— Спросите лучше у вашей красавицы, сколько голов у нее засолено в бочке?

«Дело плохо! — Волшебник Алеша ускорил

шаг. — В башне полно народу. Слуги, гости, может, и сам хозяин здесь. И негде даже спрятаться». Он бегом пересек узкую галерею и заблудился в темных переходах. Прыжками побежал вверх по какой-то лестнице. Вдогонку из-за всех дверей неслись громкие голоса. Жирный хохот сменялся звяканьем монет. Шутки звучали как злобные таинственные угрозы.

Кот Васька дрожал так, что его хвост прыгал под локтем волшебника Алеши.

— Дались тебе эти сказки… — шептал он, прижимаясь к плечу волшебника Алеши. — Домой хочу! Тут обидят! Пропадем мы с тобой, как последние мышата. Шкурку снимут, а головы засолят в бочке…

Волшебник Алеша не слушал его.

— Три монеты за эти гнилые груши, мерзавка? — послышался грубый женский голос.

— Ишь какая! Попробуй сыщи дешевле!

Откуда-то сзади волшебник Алеша услышал сдавленный, приглушенный шепот:

— Тише, тише! Нападем из-за угла. Он нас не видит!

— В спину! Воткни нож в спину!

Волшебник Алеша стремительно обернулся. Никого. Темнота. Глухие, закрытые двери.

Лязг железа, стук ножей, собачий лай, визг и хохот окружили волшебника Алешу со всех сторон, слились в один ужасающий, оглушительный хор.

— Пустите меня, да пустите же, больно! — перекрикивая вой и гомон, вдруг раздался горький женский вскрик. — Мои косы, мои чудесные длинные косы! Не стригите их, господин!

— Это отучит тебя вертеться перед зеркалом! — насмешливо ответил мужской голос.

Где-то за дверью щелкнули ножницы.

— Ну уж нет! Что бы ни было, я не позволю! — прошептал волшебник Алеша, стараясь уловить в путаном хоре голосов, откуда слышатся несмелые, жалобные всхлипывания.

Волшебник Алеша покрепче прижал к себе кота Ваську. Он поднял кинжал и изо всех сил толкнул ногой ближайшую дверь. Дверь распахнулась, волшебник Алеша замер на пороге.

Комната была пуста.

Жидкое серебро лунного света растекалось по каменному полу. Пусто. Ни души. Запах пыли. Заброшенная, нежилая комната. «Может, я открыл не ту дверь?» — подумал волшебник Алеша, отступая назад в темноту.

И вдруг замер от неожиданности.

— Извините, пожалуйста, — услышал он чей-то до удивления знакомый голос. Такой привычный, домашний. — Не скажете ли, как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?

— Зачем ты это спрашиваешь? — ахнул кот Васька. Его когти больно вонзились в плечо волшебника Алеши. — Молчи! Ты что, с ума спятил? — Да, ошибиться было невозможно. Волшебник Алеша вздрогнул. Это был действительно его собственный голос. Знакомые слова! Да, да, именно эти слова он сказал там, на улице, возле трактира, человеку с квадратным нависшим лбом и злыми острыми глазами.

Как объяснить, что эти слова снова звучат здесь, в этой башне, словно живут сами по себе особой, непонятной ему жизнью? Нет, надо сейчас же, немедля найти разгадку!

И снова со всех сторон послышались шум, крики, звон черепков.

Не в силах больше терпеть загадочности всего происходящего, волшебник Алеша стал лихорадочно распахивать одну дверь за другой.

Пустые комнаты, наполненные лунным светом и словно висящими в воздухе голосами. Сломанное кресло. Свисающая до пола истлевшая скатерть. Опрокинутые кубки. На потемневших

серебряных блюдах густая пыль. Холодом, заброшенностью веяло из всех дверей. И только снова и снова в пустоте звучали, возникая неведомо откуда, одни и те же слова:

— Не скажете ли, как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?..

Словно преследуемый своим голосом, волшебник Алеша бросился вверх по лестнице.

— Не хочу больше! — отчаянно цепляясь за его плечо, шептал кот Васька. — Жуть! Страшно-то как. Миленький, пушистенький Алеша, я буду хорошим, посуду мыть буду. Только уйдем отсюда! Сплошное мяу!

— Ничего, ничего… Еще немного, потом всем котам во дворе… Молочка попьем, — что-то бессвязно твердил волшебник Алеша, пытаясь успокоить дрожащего кота Ваську.

Опять темные, плотно закрытые двери. Волшебник Алеша пересек длинную галерею, на бегу распахивая все двери. Смех, шум, брань выплескивались из темных покоев и затихали за его спиной.

Луна скрылась за облаком и вместе с ним устало опустилась в гущу ветвей и там погасла.

В полной темноте волшебник Алеша поднялся на самый верх лестницы. Последняя дверь. Вол-

шебник Алеша помедлил. Что ждет его за нею? В щель из-под двери выбивался живой подвижный свет.

Сильным ударом волшебник Алеша решительно толкнул дверь. Дверь неспешно, будто бы нехотя, отворилась.

Богато убранный зал был ярко освещен огнем камина. Резные скамьи, кресло с блестящей позолотой на ручках.

Вдоль стены тянулась широкая полка из мореного дуба. На ней подряд стояли резные шкатулки и ларцы с откинутыми крышками. Одна из шкатулок, сделанная из темного дерева, показалась ему знакомой…

Ах! Волшебник Алеша чуть не вскрикнул от изумления. Ну да! Именно эта шкатулка, по углам окованная медью, была в руках у злобного человечка, который повстречался ему тогда возле трактира. Так вот что он поймал в воздухе своей хваткой хищной рукой и сунул в шкатулку! Слова волшебника Алеши, его голос. Похоже, что все эти голоса, звучащие сейчас во всех комнатах и галереях башни, такие же пленники. Они до времени хранились в этих ларцах и шкатулках, а теперь их зачем-то выпустили на волю.

Кот Васька между тем соскочил на пол, потянулся, зевнул и лениво направился к камину.

— Продрог чего-то. Лапки мои бедные. Как приятно погреться. Сплошное мур! — Кот Васька беспечно улегся на ковре перед камином и вытянул лапы. — Тепло. Ух! Даже жарко. Смотри,

пушистый Алеша, голубая искорка! На звездочку похожа, честное слово. Только маленькая, еле разглядишь. Волшебник Алеша быстро обернулся.

Он сразу заметил: языки пламени в камине были гибкими, длинными, словно живыми. Тяга не уносила их в трубу. Нет, в своем свободном движении, приплясывая и извиваясь, они свились в пылающее кольцо. И в самой его середине, то вспыхивая, то замирая, сияла пронзительной, хрустальной чистоты голубая искра.

Так вот она какая, голубая искра, которую никак не может погасить Каргор! Она притягивала к себе взгляд, завораживала лучистым блеском. На миг, словно теряя силы, голубая искра угасала, и сердце замирало от внезапного страха за нее.

Волшебник Алеша шагнул к камину, но раскаленный язык пламени вырвался наружу и полыхнул ему в лицо. Волшебник Алеша успел разглядеть узкую змеиную головку и раздвоенное жало.

Да это вовсе не огонь, это огненные змеи!

Волшебник Алеша взял каминные щипцы и попытался вытащить из клубка змей голубую искру. Змеи с голодным шипением обвились вокруг железных щипцов. Капли раскаленного металла потекли вниз. Щипцы в тот же миг рас-

плавились в пылающем кольце змей.

Что же делать? Как вырвать из огненной власти змей голубую искру? К тому же надо торопиться. С каждым мгновением ее трепещущий свет слабеет, меркнет.

— Ничего себе перышко! Ни у одного ворона такого не видал, — пробормотал кот Васька.

Кот Васька лежал на ковре, лениво пошевеливая лапой, играл с огромным птичьим пером.

Что это не простое перо, волшебник Алеша определил с первого взгляда. Черное, отливающее то синим, то лиловым, острое по краям, как лезвие ножа.

А что, если?.. Уж не волшебное ли оно? Может, у мрачного хозяина этой башни слуги вороны?

Волшебник Алеша поднял с пола перо и поднес к огню. Раскаленные змеи разом отпрянули от черного пера.

— А, испугались? — прошептал волшебник Алеша. Кончиком пера он выгреб из камина голубую искру и подхватил на ладонь, обернутую краем плаща. Огненные змеи разом выплеснулись за край каминной решетки, но волшебник Алеша успел отскочить. Брови и прядка волос на лбу были опалены.

Теперь бежать! Бежать скорее из этой башни.

Пока не вернулся ее могучий страшный хозяин. Волшебник Алеша нагнулся и подхватил кота Ваську. Тот возмущенно и протестующе взвизгнул, но волшебник Алеша не обратил на это внимания. Было не до того!

Он бегом мчался по галереям, спотыкаясь, сбегал с лестниц. Голубая искра у него в руке благодарно и освобожденно вспыхивала, освещая низкие, давящие своды, свисающие пологи паутины, выщербленные неровные ступени.

Из распахнутых дверей неслись голоса, шорохи, смех, сдавленные вздохи, шкворчание сала на сковородках.

— Как пройти к башне Ренгиста Бес… — услышал волшебник Алеша свой голос, тут же заглушенный чьим-то сытым, самодовольным смехом и собачьим ворчаньем над костью.

Волшебник Алеша в промозглых рассветных сумерках быстро пересек двор. Пробежал под темной аркой ворот, где по-прежнему витали в воздухе монотонные голоса стражников.

В это время в верхнее окно башни, прошелестев крыльями, влетел черный зловещий ворон.

Глава XVII
Страшное заклинание Каргора. И главное: Астрель узнает тайну

Теперь, друзья мои, вернемся к Астрель. Мы оставили ее на опушке Оленьего леса, одну, растерянную и испуганную.

Астрель, невидимая в сумерках, стояла, прижавшись спиной к старому дубу. Его ствол был глубоко расщеплен сверху до самых корней. Закинув руки назад, Астрель прижала ладони

к шершавой грубой коре.

Она не думала о себе. Она знала: куда бы она ни пошла, на любой дороге утром ее схватят стражники. Ее мучило одно: что с Гвеном, что случилось? Где он?

Все вокруг теряло свои дневные краски. Деревья окружили опушку неподвижной темной стеной.

Послышался топот копыт, громкий говор.

По слабо светящейся в вечернем свете дороге скакали всадники.

Задев крылом ветку дуба, на траву слетел огромный угольно-черный ворон. Ветер, поднятый взмахами его крыльев, пахнул холодом прямо в лицо Астрель.

Астрель услышала тяжелый вздох, так вздыхает измученный привычной болью человек. Затем стон сквозь стиснутые зубы… И на траве совсем рядом с ней поднялась, словно выросла из земли, черная фигура Каргора.

— А, ты уже тут, Каргор!

Астрель увидела короля. Слуга ловко подставил плечо, и король слез с лошади.

Каргор молча поклонился. Трава, цветы, все, что задевало его плащ, приникало к земле, словно увядало.

Король нетерпеливо оглянулся. В сгустившейся темноте Астрель еще могла разглядеть его оживленное лицо.

— А где же наши мальчики, где рыбаки? — весело спросил король.

Послышался звон цепей. Астрель увидела двух высоких молодых мужчин.

«Они похожи — наверное, братья», — подумала Астрель. Она боялась шевельнуться, дохнуть. Она едва чувствовала свое сердце.

Юноши шли медленно, с трудом. Тяжелые цепи сковывали их движения.

— Снять цепи! — приказал король.

Кто-то из слуг нагнулся, цепи, загремев, упали.

Король, добродушно улыбаясь, обошел вокруг братьев, похлопал одного по плечу.

— А они ничего, Каргор. Как ты находишь? Молодые и сильные. И бегают, поди, неплохо.

Король рассмеялся. От его смеха холод сковал Астрель, проникая до самого сердца.

По знаку короля слуги, стража — все исчезли. Притихшей толпой, не глядя друг на друга, отступили, скрылись за деревьями.

Теперь на опушке остались только король, Каргор в своем черном плаще и братья-рыбаки.

Братья удивленно переглянулись, не понимая, что происходит, зачем их привели сюда. Младший потер запястья рук, онемевшие от тяжелых цепей.

— Я милосерден, таков уж я есть, — неторопливо, с каким-то тайным наслаждением проговорил король. — Да, я дарю вам свободу! Вы будете жить в лесу, беззаботные и счастливые. Что же вы не кланяетесь, не благодарите меня? Э, да что с вас взять, вы простые, неотесанные парни. Ну да ладно… Каргор, теперь твой черед. За дело!

Пусть свершится!

Король отступил в широкую тень дуба.

Он стоял так близко от Астрель, что, протянув руку, она могла бы его коснуться. Он весь трясся от тихого смеха, потирая руки.

Каргор выступил вперед и отбросил мешающий ему край плаща.

Мрачный, хриплый его голос поднялся и упал:

Трижды ухнула сова.
Значит, сбудутся слова!
Мрак, спустись, сгустись! Навек
Стань оленем, человек!

И в тот же миг, Астрель даже не заметила, как это случилось, братья-рыбаки исчезли. Там, где они только что стояли, Астрель увидела двух молодых прекрасных оленей с гордыми могучими рогами. Один из оленей, кося глазами, прянул в сторону.

Вдруг послышался крик, полный отчаяния и ужаса, и на поляну выбежала молодая женщина в простом платье. Она прижимала к груди ребенка.

— Ниссе, мой Ниссе! Что вы с ним сделали, проклятые колдуны?

— И ее тоже! — весь трясясь от злости, завизжал

король. — Каргор, преврати ее тоже и мальчишку! Скорее, пока она не убежала!

И снова прозвучал нечеловеческий, словно каменный, голос Каргора:

Мрак, спустись, сгустись! Навек
Стань оленем, человек!

Один из оленей протяжно, с тоской протрубил. На опушке больше не было женщины с ребенком. Рядом с двумя оленями стояла серебристо-серая олениха. К ней робко прижимался маленький олененок на тонких дрожащих ножках.

Астрель зажмурилась. Боже, как страшно! Она услышала только хруст сухих сучьев, плеск ветвей.

Когда она открыла глаза, на поляне оленей уже не было. Только качались ветки орешника.

Король с довольным видом поглядел в глубь леса.

— А, каковы? У кого из королей есть еще такие олени в лесу? Ну, что ты смотришь так хмуро, Каргор?

— Простите, государь, мне что-то не по себе сегодня, я нездоров, — глухо ответил Каргор. Он выпростал из-под плаща свои руки, быстро оглядел их и снова спрятал под плащ.

— Пустяки, Каргор, — небрежно повел плечом король. — Ты жаждал земной власти, я дал ее тебе. Ты главный королевский судья! При виде тебя все трепещут. Ты властен любого заточить в тюрьму, а потом, потом… Ах какие олени! И сколько их! И еще четыре сегодня… О, это будет поистине королевская охота! Забавно, я даже не узнаю, кого я затравлю первым. Был он прежде пекарем, рыбаком, кузнецом?

Король вдруг умолк, какая-то тревожная мысль заставила его нахмуриться.

— Постой, постой! — Король повернулся к Каргору, заговорил негромко, свистящим шепотом: — Ты могучий волшебник, не спорю. Но скажи, колдовство твое надежно? Они не могут снова… Ну, ты понимаешь меня. Снова превратиться в людей? Я жалостлив и слишком добр, Каргор, мне не хотелось бы пронзить стрелой женщину или ребенка…

Если бы заговорила сама темнота, это был бы ее голос, так мрачно и угрюмо отвечал Каргор:

— Нет, ваше величество, эти олени никогда не станут снова людьми. Никогда! Для этого надо сказать тайное заклинание, а его никто не знает, кроме меня. Никто на свете.

— Никто? — с облегчением переспросил ко-

роль. — Ты уверен? Да?

Астрель прижала руки к губам, чтоб не вскрикнуть. Она так дрожала, что боялась, как бы не затрепетали листья дуба и шорохом не выдали бы ее.

— Никто, государь, — твердо повторил Каргор. — Это заклинание не ведомо никому. Я вычитал его в древних книгах. Надо сказать волшебные слова: «Мрак, исчезни, вспыхни, день! Человеком стань, олень!» А кто сможет их сказать — ведь я сжег эти волшебные книги, скормил их моим огненным змеям.

— Разумно, Каргор, разумно. Осторожность никогда не мешает. А теперь не порти мне моей радости. Это скучно, наконец. Мне надоел твой угрюмый вид. Твои насупленные брови.

— Слишком много забот, государь, — покачал головой Каргор. — Мои руки тяжелы, будто они налились свинцом. Грудь сдавлена словно тисками. Мне тяжко, душно.

— Душно! — беспечно воскликнул король. — О чем ты? Душно в такой теплый прекрасный вечер! Все обещает прекрасную охоту. Вот и луна!

Над лесом, стряхнув с себя легкое волнистое облако, поднялась луна. Круглые пятна света рассыпались под орешником. Волны прохладного серебра побежали по траве к ногам Астрель.

Она сильнее прижалась к шершавой коре дуба. Только бы ее не заметили! Если бы она могла скрыться в самой сердцевине дерева!

Луна еще выше поднялась над лесом, и волосы Астрель зеленым стеклом блеснули в лунном свете.

— Девчонка! — Король вытянул трясущуюся руку, указывая на Астрель. — Проклятая девчонка! Она все слышала!

Каргор повернул голову, увидел Астрель и за-

мер от неожиданности. Король с воплем ярости бросился на Астрель, но та оказалась проворней. Она метнулась сквозь густой колючий терновник, перепрыгнула через поваленное дерево. Туда, туда, в глубину чащи, где ее не выдаст лунный свет.

Астрель, протянув вперед руки, бежала, ныряя в густые тени, в провалы между деревьями. Лес словно притих. Ни одна сухая ветка не затрещала у нее под ногой.

Король подскочил к Каргору, ухватил его за плечо:

— Что же ты! Скорее! Девчонка слышала заклинание. Она… нет, нет, это невозможно! Я не перенесу этого. Она же может теперь превратить всех оленей опять в… — Король захлебнулся от ужаса. Смертельный страх душил его. — Каргор, убей ее!

Каргор долгим взглядом поглядел на короля.

— Хорошо. Она умрет. Я остановлю ее сердце, — сказал он медленно, и слова его падали тяжело, как камни. — Она — умрет!

— Да, да! Останови ее сердце! — вне себя воскликнул король. — Пусть она упадет мертвая! Скорее же!

Каргор властно поднял руку:

— Сердце, не бейся, сердце… — Но Каргор недоговорил. Он глухо, затравленно вскрикнул и поспешно спрятал руку под плащ. В свете луны сверкнули загнутые птичьи когти, а край плаща на миг превратился в длинное крыло ворона. — Не могу, государь, вы сами видите, не могу… — в изнеможении простонал Каргор, поворачивая к королю синевато-темное лицо. — Я превращаюсь в ворона. Против своей воли. В ворона…

— Но ее надо убить! Все равно! — не слушая его, вопил король. — Как она могла улизнуть из дворца? Двести стражников, рослых болванов, сторожили все выходы. Ну, придумай что-нибудь, Каргор! Да пойми же, если она убежит, это конец всему!

— Но если я превращусь в ворона, я утрачу все свое могущество. Я стану просто птицей… обычной птицей, — измученным, прерывающимся голосом ответил Каргор.

И ни Каргор, ни король не заметили, что, часто взмахивая крыльями, в лунном луче над их головами пролетела маленькая птичка с хохолком на макушке.

Это была птичка Чересчур. Она спряталась в густой листве дуба, маленькая, как желудь.

«Странно и невозможно! Где Астрель и Гвен Хранитель Леса? — Птичка Чересчур оглядела поляну. — Я бы сказала, чересчур странно. И как это добрый господин Каргор может превратиться в ворона?.. Ах…»

Птичка Чересчур сдавленно пискнула и чуть не свалилась с ветки. Она все поняла. Что она натворила! Глупая, беспечная птица. Кому она доверила тайну Астрель и Гвена! Она невольно предала их, а может быть, даже погубила…

— Ну сделай хоть что-нибудь! — уже с мольбой простонал король. — Ты только подумай, если олени снова превратятся в людей и все об этом узнают… Нет, что со мной будет?

Король схватился руками за голову, пошатнулся, оперся плечом о старый дуб.

— Успокойтесь, государь, — тихо ответил Каргор. Его слова звучали в безветренной тишине четко и внятно, и каждое из них заставляло вздрагивать птичку Чересчур как от удара. — Я превращу Астрель в дерево. На это у меня еще хватит сил.

— В дерево? — радостно встрепенулся король.

— Да, — хмуро кивнул Каргор. — Корни уйдут глубоко в землю, и Астрель навсегда забудет, кто она. Навсегда забудет.

— Так поспеши! — весь трясясь от нетерпения, воскликнул король. — Колдуй, колдуй, Каргор! Преврати ее в дерево!

Каргор поднял голову и взглянул на небо. Нечеловеческая тоска была в его взгляде.

Он отступил в глухую тень, и оттуда, из ночного мрака, послышался его тяжелый, пугающий голос:

Слову древнему покорись –
Девушка, в дерево превратись!
Руки-ветви ты опусти,
Глубже корнями в землю врасти!

Каргор устало перевел дыхание. С низко опущенной головой подошел к королю, волоча плащ по росистой траве.

— Вот и все, государь. Больше нет Астрель, принцессы Сумерки!.. — Голос Каргора дрогнул. — Я превратил ее в дерево.

— Навсегда? — недоверчиво спросил король.

— Не тревожьтесь. Ее может снова превратить в человека лишь тот, кто отыщет ее в лесу и трижды назовет по имени. Но если пройдет хоть один день, корни дерева слишком глубоко уйдут в землю, ветер поселится в ветвях. И Астрель забудет себя, забудет, кто она, навсегда.

— А если все-таки кто-нибудь?.. — Король опасливо покосился в сторону леса.

Каргор покачал головой.

— Сколько деревьев в лесу! Даже мне не найти среди них Астрель. Шумят ветвями, а слов не знают. Ищи — не найдешь.

— Ну, денек! — перевел дух король. Видно было, что он успокоился. — Теперь в теплую постель и спать, спать. Все забыть. Проклятый день, хорошо, что все обошлось. Ну, прощай, Каргор! — Король небрежно махнул рукой и пошел туда, где вдалеке на большой дороге покачивалось тусклое пятно факелов.

Он даже не оглянулся. Забыть, все забыть. Отдых на пуховиках, и никаких забот. А завтра... Завтра охота на прекрасных оленей! Каргор стоял неподвижно. Ветер обегал его стороной, словно боясь пошевелить край плаща.

«Уж не окаменел ли он?» — Птичка Чересчур, вся дрожа, посмотрела на него из густой зелени.

— Астрель... Принцесса Сумерки... Прощай навек... — вдруг послышался его невнятный, словно надломленный голос.

Луна зашла за тучу, капли росы погасли. И с потускневшей травы взлетел ворон, черный, как ненастная ночь.

Птичка Чересчур со страхом посмотрела ему вслед.

— А я-то верила доброму господину Каргору! — с горечью прошептала она. — Все просила его избавить нас от страшного ворона. Но я же не знала… Астрель, Гвен, что теперь с вами будет?

Глава XVIII
Шкатулка с голосом Скиппа. И главное: Каргор обнаруживает пропажу

Каргор застывшим взглядом смотрел, как золотые змеи извивались в камине. Там больше не было голубой искры.

Дверь распахнута настежь, угол ковра загнут, кресло отодвинуто впопыхах… Ясно, здесь кто-

то побывал. Нет, голубая искра не погибла, ее не успели сожрать огненные змеи — голубую искру похитили!

Скипп, словно куча жалкого тряпья, скорчился в углу. Руками обхватил голову, будто ожидая удара.

Огненные змеи, встав на хвосты, нетерпеливо плясали в камине. С голодным шипением разевали пылающие пасти.

— Есть хотите, мои маленькие, мои бедные голодные змейки, — рассеянно пробормотал Каргор. — Потерпите немного, я накормлю вас.

Огненные змеи потянулись к Каргору. Раскаленные капли яда стекали с каминной решетки, гасли на мраморном полу. Каргор утомленно опустился в кресло, заслонил глаза ладонью.

— Кто же все-таки украл голубую искру? — неторопливо проговорил Каргор. — Почему-то я уверен, что это тот самый незнакомец. Но как он прошел через весь лабиринт голосов? Да, он не трус! Многие пытались проникнуть сюда, но никто не шагнул дальше порога. Ты видишь, я не спешу, Скипп, славный ты парень. Я все равно догоню воришку. Он не успел далеко уйти, я это знаю, чувствую.

И, словно подтверждая его слова, огненные

змеи все разом закивали своими пылающими головами, зашипели еще громче.

— Он еще пожалеет об этом, Скипп, можешь мне поверить. Я превращу его в лягушку, в камень, в улитку, во что захочу. Пустяковое это дело. И все же хотелось бы мне знать, какие голоса встретили его здесь, в залах, на лестнице, в темных переходах?

Каргор быстрым взглядом обежал стоящие на полке шкатулки и ларцы и вдруг коротко присвистнул. Он увидел грубую шкатулку из черного дерева, по углам окованную медью. Она стояла раскрытая, с откинутой крышкой, как и все остальные.

Каргор резко рассмеялся, закинув голову:

— А!.. Вот оно что! Он услышал свой собственный голос и кое о чем догадался. Он к тому же неглуп, этот незнакомец. Что ж, тем более нам надо встретиться и поговорить по душам. Но сперва одно дельце, Скипп. Ты славный парень, Скипп, да вот оплошал. Верно, все думал, что вот скоро получишь назад свой голос. Размечтался, как будешь трепать языком на всех перекрестках. Это вместо того, чтобы радеть о делах своего доброго господина. Что ж, я обещал отдать твой голос… Вот где спрятан твой голос, смотри!

Каргор отомкнул большой сундук, стоявший в углу, и достал из него незатейливый ларчик. Скипп весь затрясся, увидев его. Он на четвереньках вылез из угла, не сводя с ларчика жадного, молящего взгляда.

— Что ж, я выполню свое обещание, — невозмутимо продолжал Каргор. — Только я отдам твой голос не тебе. Моим золотым змейкам — вот кому я его отдам. Моим вечно голодным змейкам. Пусть они полакомятся. Вот уж вправду редкое угощение! Хоть и приправлено бранью и глупостью. А все же, может статься, придется им по вкусу!

Каргор повертел ларчик перед самым лицом Скиппа, дразня его. Скипп рванулся к нему, отча-

янной хваткой обнял его колени, но Каргор ногой отпихнул его.

Он поднял ларчик над головой и с размаху швырнул его в камин. Золотые змеи на мгновение замерли и вдруг разом с жадностью набросились на ларчик. Он мигом вспыхнул со всех сторон. Сухое дерево потрескивало, расщепляясь от немыслимого жара.

Из огня донесся грубый, тусклый голос, неясное бормотание, сопение, ворчливое оханье, щелкнула скорлупа расколотого ореха:

— Налей… Я те потолкаюсь… Свинья ты этакая… Самому нужно… А ну убирайся…

Слова, как невесомые пузырьки, вылетали из дотлевающего ларчика, вспыхивали огонька-ми, и ненасытные змеи с жадностью глотали их. Последняя щепка догорела, и змеи улеглись в камине, сытые, довольные.

— Вот и все. Больше нет твоего голоса, Скипп, — лениво сказал Каргор. — Теперь ты навсегда остался немым. Впрочем, ты сам виноват. А ведь я мог, Скипп, славный ты парень, а ведь я мог и тебя самого бросить моим огненным змейкам!

Каргор отвернулся и уже не смотрел, как Скипп в пыли и золе ползал на коленях перед камином. Скипп тянулся к огню в напрасной надежде схва-

тить, спасти хоть одно слово.

Каргор тем временем накинул на плечи свой черный, ниспадающий до пола плащ.

— Светает, но отдыхать нет времени. Пора встретиться с моим ночным гостем. Клянусь, он никогда не забудет нашей приятной беседы. О, как легко мне стало теперь превращаться в воро…

Каргор не договорил, и к потолку взлетел большой ворон. Словно дотлевающий уголек, сверкнул его круглый глаз.

Несколько взмахов шуршащих крыльев, и он вылетел в окно башни.

Глава XIX
Приключения в тумане. И главное: тайна голубой искры

Друзья мои, но не пора ли нам вернуться к волшебнику Алеше? Узнать, что же произошло с ним и где он?

Вы помните, конечно, что волшебник Алеша

в предрассветной мгле выбежал из башни Каргора.

Ночная темнота рвалась на куски и расползалась. Отовсюду, изо всех низин и оврагов, поднимались, лениво потягиваясь, слоистые туманы. Волшебник Алеша на мгновение остановился, раздумывая, что ему делать дальше.

Голубая искра уже начинала жечь руку, обернутую плащом. Кот Васька примостился на плече, спрятался от утренней сырости, уютно зарылся носом в шарф и притих.

Вокруг плыли белые клочья тумана, свивались в призрачные ограды невесомые стены. Белые замки вырастали и качались, опадали, беззвучно растекались, таяли.

Волшебник Алеша с трудом разглядел дорогу, мощенную круглым булыжником. Дорога слабо поблескивала от капель росы. Она вела прямиком к городу, мимо башни Ренгиста Беспамятного.

«И все же… Нет, лучше пойду-ка я через лес, — решил волшебник Алеша. — На этой пустынной дороге меня всякий заметит».

Волшебник Алеша перепрыгнул через канаву и очутился в царстве тумана. Идти было трудно. За два шага ничего не видать. То вдруг из мутного облака прямо перед ним вырастало замшелое

дерево с корой, изъеденной сыростью. То волшебник Алеша вламывался в колючие кусты терновника, с трудом продирался сквозь чащобу. Ноги скользили на поросших болотной травой кочках. Следы сразу же заполнялись мутной водой.

«Голубая искра… — точило сомнение волшебника Алешу. — Не зря ли я все это затеял? Мне померещилось, будто есть какая-то связь между Ренгистом Беспамятным, его странным забытьем и голубой искрой. Но может ли это быть? Боюсь, я только зря упустил время».

Волшебник Алеша вдруг почувствовал усталость, почти отчаяние. Он так хотел помочь Астрель, такой беззащитной и юной, несчастному Ренгисту Беспамятному…

«Да и что такое голубая искра? Скорее всего это просто волшебный огонек, который горит и не гаснет. Мало ли чудес в сказке? Я затеял пустое. Все напрасно…»

Между тем жар от голубой искры становился все сильней. Запахло паленым — искра прожгла насквозь шерстяной плащ.

И вдруг волшебник Алеша услышал тихий, мягкий, будто завивающийся колечками, шепот:

— Я была овечкой… Меня стригли, стригли,

стригли. Мою шерстку чесали, пряли… Потом ткали, ткали, ткали…

— Вот еще фокусы, плащ заговорил! — недовольно шевельнулся на груди волшебника Алеши кот Васька. — Если ты плащ, так молчи, согревай кота как следует, вот твое дело.

Рука волшебника Алеши дрогнула, и голубая искра скатилась на землю. Она упала на круто выпирающий из-под земли изогнутый корень, гладкий, словно отполированный столетиями. И сам великан дуб вдруг надвинулся на волшебника Алешу из тумана, простирая над ним широкие ветви. Волшебник Алеша увидел черную овальную дыру дупла.

Стоило голубой искре коснуться корня, как тут же послышался приглушенный землей тягучий, еле уловимый шепот. Шепот поднимался снизу, уходил вверх, перемешиваясь со слабым шелестом мокрых листьев.

— Я был желудем, желудем, желудем, — шептал воздух вокруг волшебника Алеши. — В земле темно, тепло и тихо… Силы земные вошли в меня… Дупло, дупло… Я помню белку, белку, белку…

Все стихло, и только утренний слабый ветер срывал и ронял капли с дубовых листьев.

Голубая искра повисла на гибкой травинке, и тихий шепот заставил волшебника Алешу наклониться и прислушаться.

— Просто травинка, травинка… Тонкая, тонкая травинка… Помню копыта всадников… Помню, помню…

«Да, я не ошибся. Голубая искра — это память! Дерево, даже трава — все вспоминают свою прошлую жизнь. Память Ренгиста Беспамятного! Каргор не успел, не смог погасить голубую искру. Человеческая память. Да, тебя трудно убить!»

Волшебник Алеша несколько раз обернул руку плащом, бережно, даже благоговейно поднял с земли сияющую голубую искру.

«Бежать! Как можно скорее, — мелькнуло, как молния, в голове волшебника Алеши. — Каргор так легко не расстанется со своей добычей. Тут полно загадок, видимо, я многого не знаю. Он, конечно, уже хватился пропажи. А тогда…»

Волшебник Алеша огромными скачками

бросился вперед не разбирая дороги. Лишь бы успеть! Лишь бы успеть отдать эту маленькую драгоценную искру Ренгисту Беспамятному!

Он бежал, спотыкаясь о корни, налетая на стволы деревьев, проваливаясь в ямы, полные гнилых веток и прелых листьев.

— Что ты меня так подкидываешь?! — возмущенно взвыл кот Васька. — Идти не можешь нормально? Эй, волшебник Алеша! Всю душу так из меня вытрясешь!

Но волшебник Алеша, не слушая его причитаний, продолжал со всех ног бежать по лесу.

— Да что же это, честное слово! — возмущался кот Васька. — Нет, это ты назло! Да не тряси ты меня так! Прекрати дурацкие прыжки!

— Замолчи! Изволь без капризов, — прикрикнул на него волшебник Алеша. — Я тебе потом все об…

В этот миг волшебник Алеша зацепился ногой за пенек и с размаху рухнул на землю. Кот Васька кувырком шлепнулся в траву, всю увитую туманом. Из белесого марева послышался полный обиды голос:

— Так, значит? Выбросил? Иди куда знаешь, кот Васька? Ну, волшебник Алеша, не ждал я от тебя такого… Ладно, и без тебя доберусь. Тетушка Че-

репаха хоть молока даст. Вот когда назло делают, это я уже терпеть не могу!

«Ничего, найдет дорогу и без меня, — торопливо пробираясь между деревьями, подумал волшебник Алеша. — Тут уже не так далеко. Лишь бы мне успеть…»

Туман начал оседать вниз. Теперь деревья словно по пояс стояли в белой дымке. Волшебник Алеша увидел знакомый дуб, огромный и корявый, с черным овальным дуплом, похожим на разинутый рот.

«Кажется, я сбился с пути. — Волшебник Алеша остановился перед дубом. — Сделал круг по лесу и вернулся на то же место».

В это мгновение он услышал вдали приглушенное воронье карканье. «Птицы проснулись», — подумал волшебник Алеша.

Сквозь густую листву дуба он вдруг увидел ворона. Широко раскинув могучие крылья, ворон низко летел над лесом. Он был такой огромный, что казалось, летит сорванная бурей крыша колокольни.

Глава XX
Схватка в болотной низине. И главное: неожиданная находка волшебника Алеши

Кот Васька шел не торопясь.

«Туман — вещь препротивная, — рассуждал он. — Вроде дождя, да еще дразнится, на молоко похоже. Но раз молоко выпить можно, значит, и туман кто-нибудь выпьет, ну там трава, земля.

Зато я один сам по себе гуляю по сказке. Кое-кто у нас во дворе просто от зависти лопнет, когда я расскажу…»

Мокрая блестящая лягушка испуганно скакнула в сторону. Кот Васька не стал ее ловить, только так, пугнул для острастки. Ладно уж, чего там, небось лягушата дома плачут. С другой стороны, нечего перед котом нахально прыгать.

Но волшебник Алеша! Вот уж не ожидал! Просто слов нет. Носится как угорелый без толку. Так тряс, словно из коврика пыль выбивал. А попросишь: «Эй, потише!» — он, извините, ноль внимания!

Кот Васька вконец растравил себя обидой. Честное слово, какой же это друг! Он лично для волшебника Алеши готов на все, а в ответ…

Бродить в тумане коту Ваське надоело. Капли влаги покрывали всю шерсть. Лапы озябли. Так и простудиться недолго! Сплошное мяу!

Кот Васька увидел, как совсем невысоко между деревьями над клубами болотного тумана пролетел большой ворон.

«Ворон!.. Ах да, ворон. Еще маленьких птичек обижает, — вспомнил кот Васька. — Уж не об этом ли злодее говорила птичка Чересчур? Славная, между прочим, птичка. Умная. Я бы даже

не прочь с ней подружиться. Хотя что такое дружба? Нет, я разочаровался во всем. Если уж сам волшебник Алеша… Впрочем, я не таков. Я для друга, если могу, уж расстараюсь!»

Кот Васька нырнул в траву и словно окунулся в густое молоко. Ворон был теперь совсем близко. Слабо блеснуло что-то серебряное на его шее среди взъерошенных перьев. Кот Васька прижался к земле, приготовился к прыжку.

И в тот самый миг, когда ворон косой тенью пролетал над ним, кот Васька пружиной взвился кверху, вцепился в ворона всеми когтями и вместе с ним рухнул на сырые сучья. Он поймал ворона за крыло, но сейчас же перехватил повыше, почувствовал под когтями жилистую, жесткую шею.

— Попался! — с торжеством прошипел кот Васька. — Я тебе покажу, как маленьких птичек обижать!

Ворон рванулся, но кот Васька держал его мертвой хваткой.

— Сейчас придушу, и конец вопросу, — с издевкой прохрипел кот Васька. Ворон метался и бился. Черные перья летели во все стороны и пропадали в тумане.

— Удрать хочешь? Не выйдет! Не на такого напал. С котом Васькой шутки плохи!

Кот Васька еще глубже запустил когти в шею ворону, пригнул его голову книзу, ткнул клювом в землю.

— Если хочешь живым уйти, проси прощения, кланяйся и обещай... — Кот Васька недоговорил. Он даже не очень понял, что, собственно, произошло.

Он только почувствовал, что держит когтями

что-то мягкое, тонкое вроде кружев. Кружева трещали, рвались. На миг мелькнуло человеческое лицо, щека с прилипшей мокрой травинкой, страшные черные глаза. Все тут же пропало. Кот Васька успел только перевести дух и прошептать с облегчением:

— Померещилось…

Но вдруг он с ужасом увидел, как из болотного марева высунулась длинная рука. Она медленно тянулась к нему, зеленоватая, страшная, загребая пальцами гнилые листья и землю.

— Ах ты дрянь! — прогремел грозный голос. И какой-то человек огромного роста, мазнув кота Ваську по носу полой плаща, вскочил на ноги. — Жалкая тварь, да я тебя!..

— Батюшки! — в смертельном страхе пискнул кот Васька и стрельнул в сторону, не глядя куда. Провалился в яму, полную кислой воды и плавающих листьев.

До него донеслось зловещее раскатистое карканье. Громко захлопали крылья.

Если бы не студеная болотная жижа, кот Васька, наверное, долго бы еще просидел в этой яме.

Но через какое-то время он все-таки, дрожа от холода и страха, выбрался наконец на сухое место.

Туман тем временем поредел, растаял, бледными лентами уполз в овраги. Теплые лучи солнца то там, то тут пробивались сквозь густую листву, зажигали цветы в траве.

Кот Васька, не оглядываясь, затрусил по лесу. Его еще била дрожь, лапы подгибались. Шерсть обсохла на ветру, но от грязи свалялась комьями.

— К пушистому Алеше хочу, к моему Алеше… — чуть не плача, шептал кот Васька. — Он самый хороший, самый лучший, мой пушистый Алеша…

А что же волшебник Алеша? Он со всех ног торопился к башне Ренгиста Беспамятного. Перебегал от дуба к дубу, прячась за могучие стволы. Чутко прислушивался, не хрустнет ли ветка, не закричит ли тревожно сорока — лесной сторож.

— Каргор! Злой волшебник! Он ведь может бросить за мной в погоню кого угодно: всадников, зверей, чудовищ…

Теперь, когда показалось солнце, волшебник Алеша мог без труда найти дорогу.

Чтобы хоть немного отдышаться, он прислонился плечом к толстой шероховатой ели с низко раскинутыми широкими зелеными лапами. Утреннее солнце согрело разноцветные капли смолы, и волшебник Алеша почувствовал их крепкий целительный запах.

Снова над верхушками деревьев показался ворон. Он летел косо, одно крыло было помято. Перья на шее растрепаны, выдраны.

«Почему меня жуть берет, когда я гляжу на этого ворона? — невольно вздрогнул волшебник Алеша. — Мерзкая птица, словно черный сгусток злобы».

И вдруг его словно что-то стукнуло прямо в сердце. Черное перо в башне Каргора! Как отшатнулись, отпрянули от него огненные змеи. А что, если этот ворон и есть сам хозяин мрачной башни? И теперь он выслеживает его.

Волшебник Алеша сорвался с места и со всех ног бросился вперед, то прячась в тени деревьев, то зарываясь в густой орешник. Только на миг

он остановился. Он увидел разбросанные в примятой траве, отливающие синевой огромные птичьи перья вперемешку с клочьями кошачьей шерсти.

«Ничего не понимаю! Уж не мой ли кот Васька тут воевал? — ахнул волшебник Алеша. — Ничего не скажешь, смелый кот! Сразиться с таким чудищем!»

Волшебник Алеша уже хотел бежать дальше, но вдруг что-то круглое, блестящее сверкнуло в мокрой траве. Он нагнулся и поднял небольшой медальон на тончайшей серебряной цепочке.

Глава XXI
Тетушка Черепаха.
И главное:
кот Васька не может развязать заколдованный узел

Лес редел. Все чаще попадались светлые полянки с пестрым царством лесных цветов и бабочек.

Волшебник Алеша увидел что-то пятнистое,

коричнево-зеленое, мелькнувшее в перелеске. Кто-то брел, то и дело наклоняясь, неторопливо раздвигая палкой кусты и траву.

Это была тетушка Черепаха в своем негнущемся платье, твердом и морщинистом, как скорлупа грецкого ореха. Вот она протянула свою корявую руку, сорвала бледный незаметный цветок. Растерла в пальцах, понюхала, удовлетворенно кивнула. Цветок исчез в просторном мешке.

В три скачка волшебник Алеша пересек поляну. Ухватил тетушку Черепаху за рукав, рывком втянул ее в тень большой липы.

— Уважаемая Чере… Простите, дорогая тетушка Черепаха, — заикаясь от спешки и волнения, проговорил волшебник Алеша. — Какое счастье, что я вас встретил! Я вас умоляю, скорее…

— «Скорее, скорее»! Я никогда не спешу, — сердито оттолкнула его руку тетушка Черепаха. — А успеваю побольше других. Застелила постель моему доброму господину и пошла в лес. Много кореньев и трав знает тетушка Черепаха. Я нашла корень светлых снов, пусть хоть во сне мой добрый хозяин отдохнет душой.

— Тетушка Черепаха, умоляю вас, — перебил ее волшебник Алеша. — Надо отнести эту голубую искру вашему господину. И как можно скорее, да,

да, скорее, не сердитесь. Эта голубая искра может все спасти!

— Спасти? — Тетушка Черепаха насмешливо и недоверчиво посмотрела на волшебника Алешу своими темными, глубоко посаженными глазами без ресниц. — Глупости все это. Только тревожите моего доброго господина и знай себе прожигаете дыры на его плащах.

— Заклинаю вас, тетушка Черепаха! — уже в отчаянии воскликнул волшебник Алеша. — Если вы хотите добра господину Ренгисту!

Тетушка Черепаха глубоко вздохнула.

— Ну, будь по-твоему, хотя я не верю ни единому слову, — угрюмо согласилась тетушка Черепаха. — А если она принесет вред моему господину, твоя голубая искра? Берегись тогда! Я разыщу тебя хоть под землей, и плохо тебе придется.

Она медленно подняла свои тяжелые руки, словно угрожая волшебнику Алеше, и опустила их.

— Голубая искра спасет его, спасет Астрель, принцессу Сумерки! — Волшебник Алеша разжал жесткие пальцы тетушки Черепахи и вложил ей в руку голубую искру. — Только она горячая, может обжечь.

— Какое там! Чуть тепленькая, — проворчала тетушка Черепаха. — И откуда только ты пожаловал, бродяга? И что тебе за корысть помогать нам? Не верю я никому, вот что!

Тетушка Черепаха повернулась и, неуклюже переваливаясь, зашагала вдоль опушки.

— Глупости все это… — донесся до волшебника Алеши ее скрипучий голос.

Волшебник Алеша свободно вздохнул. Ну что ж, дело сделано! Медленно, но все-таки через пару часов доплетется до башни своего хозяина тетушка Черепаха. А Гвен и Астрель, принцесса Сумерки уже в безопасности, в глухой чаще леса. Теперь только отыскать кота Ваську и…

Волшебник Алеша опустился на землю. Ему захотелось зарыться лицом в траву, в цветы, в тихий мир, полный чистых запахов и легкого движения, шуршания, покоя. Закрыть глаза и уснуть. Солнце грело ему плечи и спину.

И вдруг… Что-то заставило его вздрогнуть и поднять голову. Волшебник Алеша увидел, как из чащи леса вышел человек с темным лицом. Длинный плащ волочился по траве, и трава уже не выпрямлялась там, где ее коснулся край плаща. Человек шел мерной уверенной походкой, оставляя за собой словно выжженную полосу.

Волшебник Алеша вскочил на ноги, попятился, прижался спиной к стволу старой липы.

Человек подошел ближе. Черный плащ его в свете солнца чуть отливал синевой на сгибах. Кружевной воротник был смят и разодран. Волшебник Алеша увидел рваные царапины на шее. Правая рука была окровавлена. Плащ на плече висел клочьями.

Ледяной холод словно сковал волшебника Алешу.

— Ничего плохого… — тихим, вкрадчивым голосом проговорил человек в черном. — Свобода, деньги, драгоценности любые и много. И самое главное — жизнь. Все, что ты пожелаешь. А в обмен пустяк, мелочь. Отдай мне голубую искру!

— Каргор… — еле слышно прошептал волшебник Алеша. Он понял, кто его страшный собеседник.

— Ты похитил голубую искру. Ну нет, нет! Скажем так: взял по ошибке, для забавы. — Каргор говорил спокойно, мягко, словно это была дружеская беседа. — Отдай мне эту искорку и иди себе без забот, позванивая золотом в карманах.

— Нет… — Волшебник Алеша с трудом перевел дыхание.

— Нет? — словно бы думая о чем-то своем,

рассеянно повторил Каргор. — Разве мало стоит солнечный свет, ветерок, голос синицы и то, что ты можешь это видеть, чувствовать, слышать? Я ведь могу отнять у тебя все это. Весь мир вместе с жизнью.

Каргор замолчал, пристально глядя в глаза волшебнику Алеше. Но волшебник Алеша, не дрогнув, выдержал этот сверлящий, пронзительный взгляд.

— Впрочем, о чем я? Вижу, у тебя нет голубой искры. Ты кому-то успел ее отдать. Только имя. Одно слово. Назови имя, кому ты отдал голубую искру. И ты свободен. Иначе… — В бездонной глубине глаз Каргора вспыхнул и померк опасный огонек.

«Тетушка Черепаха, наверное, уже вышла из леса и бредет по дороге…» — мелькнуло в голове волшебника Алеши.

— Не знаю, о чем вы говорите. Я вас не понимаю, — стараясь казаться спокойным, сказал волшебник Алеша.

Он поднял голову. Небо было такое голубое, и плыли в нем чистые, белые облака. И ветер бережно нес их на своих невидимых ладонях. Пролетела птица и будто звякнула маленьким колокольчиком. Нет, ни за что он не скажет Кар-

гору, где голубая искра.

— Ах так! Тогда ты умрешь бессмысленно, глупо. Все равно никому не войти в башню Ренгиста Беспамятного. — Каргор говорил теперь, словно рубил железо. — Ты погибнешь, несчастный, но сначала убедишься, что даром проиграл свою жизнь!

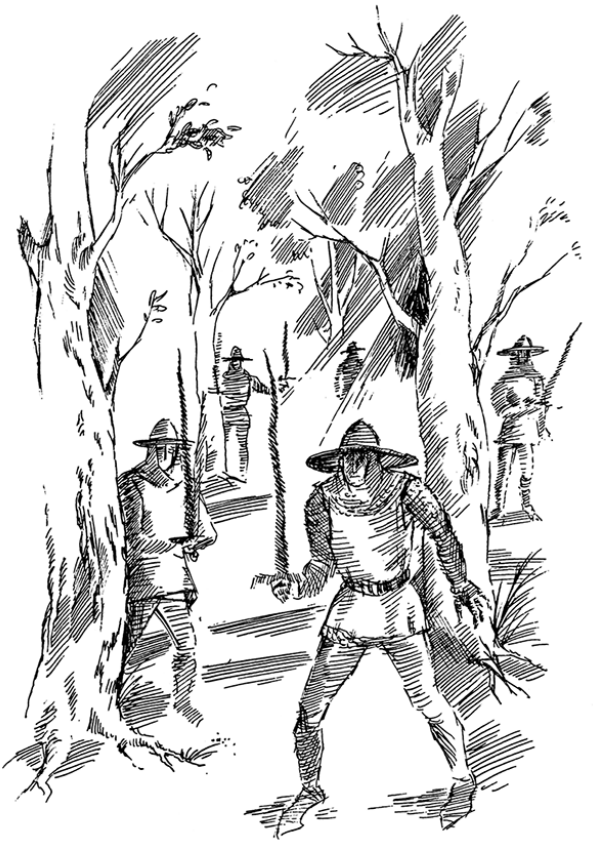
Каргор прошептал несколько невнятных слов, и вдруг тени деревьев зашевелились, отделились от стволов, поднялись с травы. Темнея, сгущаясь, меняя свои очертания, они превратились в толпу людей. Это были полулюди-полутени. Плоские, с неуловимо сумрачными лицами, неотличимо похожие один на другого.

— Тени-слуги, покорные мне одному! — прозвучал властный голос Каргора. — Кольцом окружите башню Ренгиста. Пусть никто не подойдет к башне. Никто! Добудьте мне голубую искру. А человека, который несет искру, убейте! Так я повелел!

— Мы убьем человека! Голубую искру принесем тебе! — одинаковыми, неживыми голосами откликнулись слуги-тени.

Они прошли мимо волшебника Алеши, равнодушные, бесчувственные, даже не взглянув на него, и скрылись за деревьями.

— Вот и все… — Каргор проводил взглядом длинную вереницу слуг. — Я устал. Мне прискучило все: убивать, превращать, сжигать. Превратить тебя в букашку, в камень? Стоит ли тратить силы? Можно и проще. Ты умрешь медленной смертью, которую ты заслужил.



Неведомо как в руках Каргора вдруг очутилась длинная веревка, скрученная из темно-бурых волокон. Концы ее шевелились как живые. Каргор проговорил голосом, полным торжества и насмешки:

Волшебная веревка!
Мне службу сослужи:
Надежно, крепко, ловко
Скрути его, свяжи!

В тот же миг веревка вырвалась из рук Каргора, обвилась вокруг ног волшебника Алеши и туго прикрутила его к дереву. Она по-змеиному, кольцами сжималась вокруг него, поднимаясь все выше, выше…

Волшебник Алеша судорожно выхватил кинжал и перерезал веревку. Но обрезанные концы мгновенно срослись. Веревка захлестнула руки, обхватила его грудь, плечи. Теперь он уже не мог пошевелиться. Кинжал выпал из его руки и вонзился в землю.

Каргор рассмеялся. Его смех колол, как ледяные иглы.

— Я ухожу, незнакомец, — презрительно бросил Каргор. — Тебе будет о чем подумать на досуге. Знай! Узел, которым завязана эта веревка,

волшебный! Кто его развяжет — тут же упадет мертвым. А ты, простак и герой, не захочешь, чтоб кто-нибудь погиб из-за тебя. Зря ты пришел сюда, незнакомец, зря. Астрель, принцесса Сумерки… — Голос Каргора вдруг дрогнул, отзвук какой-то былой тоски, боль утраты послышались в нем. — Ее больше нет, нет… И корни ее все глубже уходят в землю.

— Что вы с ней сделали? — рванулся волшебник Алеша, но веревка только туже затянулась вокруг него.

Лицо Каргора снова стало непроницаемым. Он оттянул рваные кружева на груди, как будто они душили его, глубоко вздохнул… и в воздух тяжело взмыл огромный ворон с помятым крылом и ободранной шеей. Он сделал широкий круг над старой липой и скрылся за лесом. Стоило только исчезнуть страшной птице, как из ближайшего куста высунулся кот Васька. Он подполз на брюхе к волшебнику Алеше и дрожа прижался к его ноге.

— Пушистый Алеша, — пискнул он. — Ты нашелся… Вернее, это я нашелся… Да все равно. Главное, мы нашлись и опять вместе. Сейчас я тебя мигом развяжу и бегом отсюда! Вот только узел развяжу. Это я мигом…

— Остановись! Назад! — громовым голосом крикнул волшебник Алеша. — Это смерть! Веревка заколдована. Тот, кто развяжет узел, умрет!

Где-то в отдалении раздался торжествующий хохот, от которого кот Васька сжался в комок.

— Как же это? — растерянно прошептал он. — Что же теперь делать, котики-братики? Так и пропадать тут? Сплошное мяу!

Глава XXII
Птицы отправляются на поиски. И главное: как освободить Гвена?

Уж как дрожала всю ночь птичка Чересчур, укрывшись в листве дуба на опушке Оленьего леса, просто невозможно описать словами.

«Надо скорее разыскать Гвена Хранителя Леса, — твердила она себе. — Разыскать Гвена… Скорее… Все ему поведать без утайки. Пусть он

будет презирать меня, пусть даже проклянет! Все равно. Ах я глупая, безмозглая птица!»

Чуть забрезжил рассвет, птичка Чересчур помчалась на розыски. Она расспрашивала всех встречных птиц, не видел ли кто Гвена Хранителя Леса. «Нет», — отвечали все. Это еще больше встревожило и смутило птичку Чересчур.

— Я слышал, как вчера днем стучал его топор в доме, что он построил на круглой поляне, — припомнил старый скворец, домосед и мечтатель. — Даже подумал: что это он так размахался топором? Словно хочет изрубить свой новый дом в щепки. Все хорошо в меру! А потом все затихло.

Скоро за птичкой Чересчур уже летела целая стая встревоженных жаворонков, пеночек, синиц, дроздов.

Птичка Чересчур, опередив всю стаю, первая вылетела на круглую поляну. Вот он, дом Гвена Хранителя Леса!

Но что это?

Двери наглухо закрыты, ставни захлопнуты. Дом казался пустым и заброшенным. Печальная тишина легла кольцом вокруг запертого дома. Свежие бревна истекали смолой, как слезами.

— Гвена Хранителя Леса тут нет, — пискнула

синица.

— Тихо и пусто, — прозвенел жаворонок.

— Здесь страшно… — шепнул маленький щегленок.

По вершинам крутой волной пронесся рокот и стон.

Откуда-то издалека долетел свист ветра, завывание, похожее на горестный плач.

— Это Смерч! Смерч Себенабеду! — всполошились разом все птицы. — Он идет на нас! Он где-то близко. Надо прятаться, надо укрыть птенцов!

Но все стихло. Видимо, Смерч прошел стороной.

И все же птицы боязливо переглядывались, подумывая, не разлететься ли им на всякий случай по своим домам.

— Гвен Хранитель Леса, ты тут? — без всякой надежды спросила птичка Чересчур и постучала клювом по закрытому ставню.

Неожиданно внутри дома послышались торопливые шаги, удары кулаков обрушились на крепкую дверь.

— Где Астрель? — раздался измученный, задыхающийся голос Гвена. — Где Астрель? Кто знает, где она?

Но птичка Чересчур предпочла не отвечать

на его вопрос. Она всплеснула крылышками и засуетилась.

— Все сюда! Все сюда! Гвен Хранитель Леса здесь!

Птицы, взволнованно галдя, сели на крышу дома, опустились на ступеньки, облепили закрытые ставни.

— Гвен Хранитель Леса, почему ты не отопрешь дверь и не выйдешь? Что случилось?

Невероятным и страшным показался им ответ Гвена:

— Злой волшебник наложил заклятие на окна и двери! Я не могу ни открыть их, ни выломать!

— А твой чудесный топор? — воскликнула птичка Чересчур. — Руби дверь, Гвен! Не жалей! Только выйди скорей из дома!

— Мой топор заколдован! Даже маленькая зарубка зарастает, стоит лишь мне вонзить его в доску или бревно, — простонал Гвен. — Мне не выйти из этой ловушки!

Большой дятел, седой от старости, уселся на резной наличник окна. Своим острым клювом он несколько раз для пробы стукнул по дубовому ставню.

Во все стороны полетели дубовые щепки.

— Дерево поддается моему клюву, — деловито

заявил дятел. — Но даже если я, и мои старшие сыновья, и мои младшие сыновья будем трудиться весь день, мы не освободим тебя скоро, Гвен Хранитель Леса. К вечеру мы сможем пробить только небольшое отверстие, а у тебя широкие плечи.

— Дятлы, пробейте дыру! Птицы, раздобудьте мне другой топор! — взмолился Гвен. — Хотя бы нож. Или кинжал!

Птицы растерянно переглянулись.

— Топоры не растут в лесу, как лопухи, — огорченно сказал скворец.

— Ножи не созревают, как стручки гороха, — грустно добавила синица.

— Мы же птицы, просто птицы, где мы найдем тебе нож или кинжал?

Птицы умолкли в огорчении, беспомощно разводя крыльями.

— А я видел человека, привязанного к старой липе! У ног его в траве блестел кинжал! — вдруг, осмелев, пискнул маленький щегленок.

— Чего ты болтаешь? — сурово накинулись на него птицы. — Где это ты видел у нас в лесу человека, привязанного к дереву? Как ты смеешь лгать взрослым!

— Малыш всегда говорит правду, — вступился

за него папа-щегол.

Уже через минуту вся стая щеглов летела за маленьким щегленком. Он с гордостью показывал дорогу.

— Ох, смотри! Не опозорь нас перед всем лесом, — предупредил его старый щегол.

— Что ты, дедушка! — обиделся щегленок. — Я хорошо видел кинжал. И даже разглядел золотые буковки вокруг рукояти.

А все дятлы от мала до велика дружно принялись долбить деревянный резной ставень. Щепки веером полетели во все стороны на гладкую шелковую траву поляны. Вокруг порхали птички помельче. Синицы, чижи, поползни криком подбадривали дятлов.

Только птичка Чересчур, нахохлившись, сидела в стороне на ветке. Черные полоски на ее крыльях стали белыми — она поседела за одну ночь.

«Сейчас щеглы принесут Гвену кинжал. Гвен выберется из дома. Он спросит: «Где Астрель? Что с ней?» — и я должна буду все ему рассказать!» Маленькое сердце птички Чересчур просто разрывалось от горя, стыда и раскаяния.

Глава XXIII
Снова кинжал Врядли. И главное: Смерч Себенабеду и неожиданное избавление

Но, друзья мои, вернемся к волшебнику Алеше.

Он по-прежнему стоял накрепко прикрученный к дереву волшебной веревкой.

Положение и впрямь было отчаянное. Развя-

зать узел ничего не стоило, но заклятие, наложенное на него!

Кот Васька с горя впал не то в сон, не то в дрему и прикорнул у его ног. Во сне пугливо вздрагивал, прижимая уши.

По башмаку волшебника Алеши пробежала верткая золотисто-зеленая ящерица. Подняла блестящие глаза, предложила свои услуги.

— Не могу ли я быть полезной? Мы, ящерицы, великие мастерицы распутывать и развязывать всякие узлы.

— Благодарю вас, не надо, — с трудом разлепил запекшиеся губы волшебник Алеша.

Ящерица, блеснув атласной спинкой, пропала в траве.

Послышался птичий щебет. Откуда ни возьмись налетела стая щеглов. Тревожно закружились вокруг старой липы, хлопотливо пристроились в густых ветвях.

— Видите, кинжал! Что я вам говорил! — с торжеством пискнул маленький щегленок. Он не боясь опустился прямо на башмак волшебника Алеши. На тонкую ветку перед самым лицом волшебника Алеши уселся старый щегол. Спросил вежливо, с достоинством:

— Тебя кто-то привязал к дереву, незнакомец.

Мне жаль тебя! У нас цепкие коготки и ловкие клювы. Хочешь, мы развяжем узел и освободим тебя!

— Н-нет… — Волшебник Алеша помотал головой.

Кот Васька на миг оживился, разглядывая мелькающих в густой листве щеглов. Но тут же равнодушно закрыл глаза. Не до птиц теперь, не до развлечений.

— Если так, о незнакомец, — спросил старый щегол, — не позволишь ли ты взять нам этот кинжал? Он послужит доброму делу.

— Берите, конечно, — тихо ответил волшебник Алеша. Губы его неслышно прошептали: — Он мне больше не нужен. Мне теперь ничего не нужно…

Щеглы разом опустились в траву, все дружно уцепились за рукоять кинжала. С писком вытащили его из земли.

— А ну, поторапливайтесь! — озабоченно приказал старый щегол. — Где-то неподалеку бродит Смерч Себенабеду. Скорее, дети мои! Слушайте умудренного годами деда, поспешим!

Тут на помощь подоспели сороки. Все вместе подхватили кинжал и скрылись вдали.

«Славные пичужки! — Волшебник Алеша по-

смотрел им вслед. — Разве я мог погубить хоть одну из вас?»

Волшебнику Алеше все сильнее хотелось пить. Руки и ноги у него затекли. Но больше всего его мучил страх, что слуги-тени схватят тетушку Черепаху и отнимут у нее голубую искру. Он не освободил Астрель, не помог Ренгисту Беспамятному. Неужели все кончено? Волшебник Алеша так погрузился в эти тревожные и печальные мысли, что не заметил, как боязливо затрепетали верхушки деревьев, а кусты наклонили ветви, стараясь плотно прижаться к земле.

Послышался, все нарастая, вой ветра, треск ветвей и свист. Но странно!

К шуму вихря примешивался плач, ропот, похо-

жие на протяжную жалобу, словно кто-то стонал и всхлипывал.

Пролетел рой разноцветных бабочек. Их полет был смят налетевшим ветром.

— Смерч Себенабеду! Смерч Себенабеду! — донеслись до волшебника Алеши их тонкие, еле слышные голоса.

Цветы вокруг волшебника Алеши, как руками, закрылись листьями. Казалось, все вокруг хочет спрятаться, скрыться.

И тут волшебник Алеша увидел мутный воздушный столб, высоко уходящий в облако.

Изгибаясь и раскачиваясь, он надвигался прямо на него. В своем диком танце Смерч втягивал в себя все на пути. Он поднял вверх и закружил сухие листья, вырванные с землей пучки травы, птичьи гнезда.

Маленькая синичка, попав в его середину, завертелась волчком, теряя перья, не в силах вырваться.

И снова до волшебника Алеши донесся все тот же тоскливый голос.

— Я был ветром, добрым свежим ветром, — стонал и завывал Смерч. — Я надувал паруса, нес запах жасмина… Я охлаждал горячие щеки, дул на усталые руки. Я рассеивал семена по земле.

Все любили, все любили меня…

Смерч налетел на маленький клен, скрутил его, рванул вверх. Клен зашатался, видно было, как шевелятся его корни, отчаянно цепляясь за землю. Но Смерч с силой вырвал его из земли, поднял в воздух, ломая и обрывая ветви.

— Прости меня, прости. — Рыдания прорвались сквозь свист и вой. — Это Каргор превратил меня в убийственный смерч. В Смерч Себенабеду! О, если бы я мог утихнуть навсегда…

Смерч подхватил кота Ваську, и тот, взвизгнув от неожиданности, взлетел кверху.

— Прости меня, маленький зверек! Я не хочу тебя погубить, но это не в моей власти! — простонал Смерч Себе-набеду. — О, если бы я мог остановиться, умереть, уснуть…

Волшебник Алеша с ужасом смотрел, как Смерч крутит и уносит кота Ваську. Тот, растопырив лапы и кувыркаясь, стремительно поднимался все выше и выше вместе с роем сухих листьев, крыльев бабочек, птичьих перьев.

— Уснуть, уснуть навсегда, навсегда… — донесся тоскливый голос вперемешку с шорохом листьев и свистом.

— Эй ты, послушай! — задыхаясь, пропищал кот Васька откуда-то сверху. — Если так — развяжи

этот узел! Он заколдованный. Кто его развяжет — умрет. Только учти, я тебя предупредил, как порядочный.

На мгновение Смерч Себенабеду остановился в своем безумном кружении. Клубясь и дрожа, он замер в воздухе. И вдруг, словно решившись, рухнул на старую липу, к которой был привязан волшебник Алеша. Вздыбились ветви. Воздух, казалось, позеленел от пляшущих перед глазами листьев. Непосильная тяжесть навалилась на волшебника Алешу, грозя раздавить его. Он чуть не задохнулся от тугого ветра…

И вдруг все стихло. Плавно кружась и покачиваясь, опускались листья. Словно сорвавшись с крыши, вниз полетел кот Васька и шлепнулся в траву на все четыре лапы.

Волшебник Алеша вдруг почувствовал, что он свободен. Веревка скользнула по его телу и упала на землю.

И где-то у его ног послышался постепенно замирающий, гаснущий голос:

— Тишина, покой, сон, вечный сон, освобождение… Никого больше не губить… Какое счастье, счастье…

— Это все я! — хвастливо заявил кот Васька. Он отряхнулся и громко чихнул. — Ловко я сообразил, хотя и летел вверх тормашками. Ну, а теперь, пушистый Алеша, давай бегом отсюда. Скорей бы домой попасть. Надоело мне тут! Сплошное мяу!

Тут кот Васька прижал уши и оглянулся, видимо, вспомнил страшного ворона.

— Ну, молодец, ну, умница! — Волшебник Алеша присел на корточки, прижал к себе кота Ваську. Что ни говори, а кот Васька, можно ска-

зать, спас его. — Лучший из котов! Храбрец, каких мало! Вот только потерпи еще самую чуточку, братец. Заглянем ненадолго в башню волшебника Ренгиста — и тогда домой.

Волшебник Алеша решил не смущать кота Ваську своими опасениями. Слуги-тени! Если они отнимут голубую искру у тетушки Черепахи, считай, все пропало.

— К тетушке Черепахе в гости? Молочка попить? Это неплохо, — беспечно согласился кот Васька. — Я не против.

Кот Васька уткнулся носом в шею волшебника Алеши и завел длинную уютную песенку.

— А что нам делать с этой веревкой? — оглянулся волшебник Алеша. — Может, с собой прихватить?

— Нечего беспорядок в лесу разводить, — с важностью согласился кот Васька, хотя сам вечно все раскидывал и терпеть не мог прибираться.

Волшебник Алеша наклонился и хотел было поднять с земли волшебную веревку, но она вдруг зашевелилась в траве, как живая, смоталась в клубок и сама скользнула в карман волшебника Алеши.

Глава XXIV
Гвен теряет надежду. И главное: огненные змеи выползают из камина

Как безумный, не разбирая дороги бежал Гвен Хранитель Леса.

Он продирался сквозь колючие кусты, скатывался в овраги, метался от дерева к дереву.

— Астрель! Астрель! Астрель! — далеко разносился полный отчаяния призыв.

Но деревья молчали, печальные в своей неподвижности.

Вслед за Гвеном торопилась пестрая стая птиц. Птицы шумно переговаривались, не зная, как помочь своему любимцу.

— Надо найти Астрель, превращенную в дерево, и трижды окликнуть по имени! — в который раз объясняла подругам птичка Чересчур. — Ах, сколько в лесу деревьев, я даже как-то раньше не замечала!

Ветви исхлестали лицо Гвена, острые сучья изорвали в клочья его одежду.

«Если до восхода луны он не отыщет Астрель…» — шептала про себя птичка Чересчур.

От одной мысли, что тогда может случиться, у птички Чересчур даже в глазах потемнело. Она стала падать, но два скворца подхватили ее под крылья, и она опомнилась.

— Я видела осинку, которая дрожит каждым листиком до самой верхушки, — с надеждой крикнула Гвену синичка. — Вдруг это…

— А я видел дубок. Молодой дубок, а в нем дупло, похожее на сердечко. Ну точь-в-точь! — сообщил быстрый стриж.

— А плакучая ива возле ручья! Она такая грустная, — догоняя Гвена, крикнула иволга.

Гвен метался от ивы к молодому дубу, падал, вскакивал, снова бросался бежать.

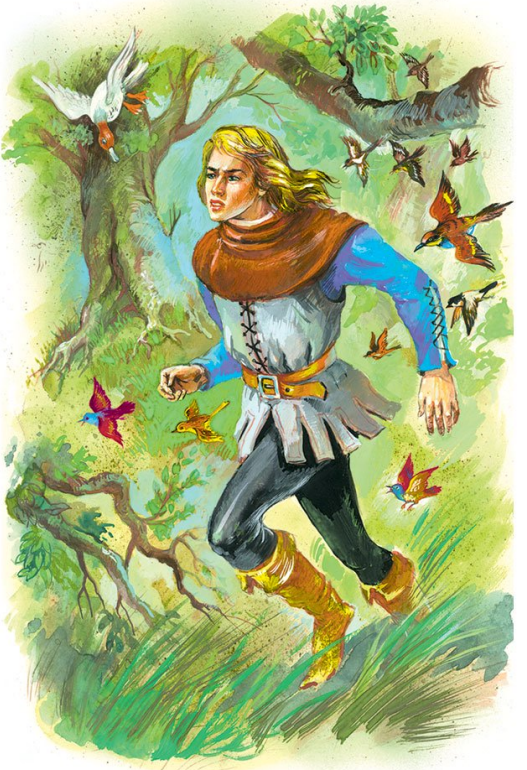
Иногда между деревьями мелькали олени. Они подходили совсем близко, безбоязненно бежали рядом с Гвеном. Глаза их светились молчаливым сочувствием, но никто из них не видел Астрель. Потом плавный скачок, и они исчезали в чаще.

— Астрель! Астрель! Астрель!

Но все было напрасно.

Огромный лес молчал в ответ.

А в этот самый час Каргор, ссутулившись в кресле, сидел перед камином. В башне царило мертвое давящее безмолвие. Голоса, хохот, звон монет — все стихло. Шкатулки, ларцы снова стояли закрытые, храня в себе звуки прошедшей жизни.



— Тяжко, тяжко… — простонал Каргор, оттягивая рваные кружева у горла. — Каждый вздох мне дается с трудом.

Западное окошко уже заалело от заходящего солнца. Беззвучно пролетела большая стая птиц. Птицы казались черными, словно обугленными, на фоне закатного неба.

Огненные змеи в камине, встав на хвосты, беспокойно метались в камине. Они тянулись к Каргору, разевали багровые пасти.

— Мои змейки, мои вечно голодные змейки, — пробормотал Каргор. — Чем же мне вас накормить? Скоро слуги-тени принесут мне голубую искру, и вы утолите свой ненасытный голод.

Золотые змеи нетерпеливо зашипели. Капли огненного яда, стекая вниз, плавили решетку камина.

— Подождите немного, мои славные змейки! — Каргор сунул руку в огненное кольцо змей, стал ласково перебирать их пылающие головы, нежно поглаживать. — Скоро голубая искра будет снова ваша, и вы расправитесь с ней наконец. Слуги-тени! Их ничто не остановит и никто не разжалобит. Скоро, скоро!

Но огненные змеи, шипя все громче, высунули головы из камина. Змеи обвились вокруг его руки. Вспыхнула кружевная манжета, запахло паленым.

Каргор оборвал горящие кружева, кинул в камин. Они вспыхнули, как бабочка над лампой, и сгорели.

— А! Не хотите ждать, мои змейки? Что ж… — Каргор криво усмехнулся. Он закрыл глаза на мгновение, словно собираясь с силами. — Что ж! Прощай… Прощай, Дождирена Повелительница Дождя! Пришла пора сжечь твой голос. Я сожгу серебряный медальон. Круг завершился. Я погубил твою дочь Астрель, принцессу Сумерки. И больше никогда не смогу услышать твой голос, я не вынесу этой муки. Прощай…

Каргор сунул руку за пазуху, стремясь нашарить там медальон, и вдруг замер.

Он вскочил на ноги, и вопль его был похож на рычание дикого зверя.

— Его нет! Я потерял его! Где? Когда? Неужели там, в лесу, когда в меня вцепился этот жалкий кот, эта ничтожная тварь?!

Каргор раскинул руки, взвились края его широкого плаща. И вот уже растрепанный огромный ворон вылетел в распахнутое окно высокой баш-

ни. Огненные змеи разом рванулись из камина вслед за Каргором. Неистово шипя, перекинулись через каминную решетку. Напрягая все силы, они старались оторваться от раскаленных углей. Наконец одна из змей выскользнула из камина и поползла по полу. Ковер затлел, струйка дыма поднялась к потолку…

А в глубине леса над болотистой низиной из вечернего багрового облака камнем упал вниз громадный ворон.

Мгновение — и по земле на коленях ползал человек, путаясь в полах длинного плаща.

Он раздвигал острую осоку, разрывал влажную землю, перемешанную с прелым листом. Кругом валялись черные перья, отливающие синевой. Да, это самое место! Знакомая болотная низина.

Но серебряного медальона на тонкой цепочке не было. Медальон исчез. Потянуло запахом гари. Горький тяжелый дым пополз вниз по склонам оврагов.

Каргор, не поднимаясь с колен, вскинул голову.

Над лесом вздыбился огненно-красный столб. В мерцающем зареве тонули и вновь проступали острые каменные зубцы.

Это горела Черная башня Каргора.

Из окон хлестали длинные языки пламени, брызги искр летели высоко вверх, мигая, рассыпались и гасли в вечернем небе.

Глава XXV
Дождь показывает дорогу. И главное: дикая яблоня, исчезающая в сумерках

Тем временем измученный, отчаявшийся Гвен продолжал метаться по лесу, не узнавая знакомых полян и просек. Он падал, поднимался и, как безумный, снова бросался бежать не разбирая дороги.

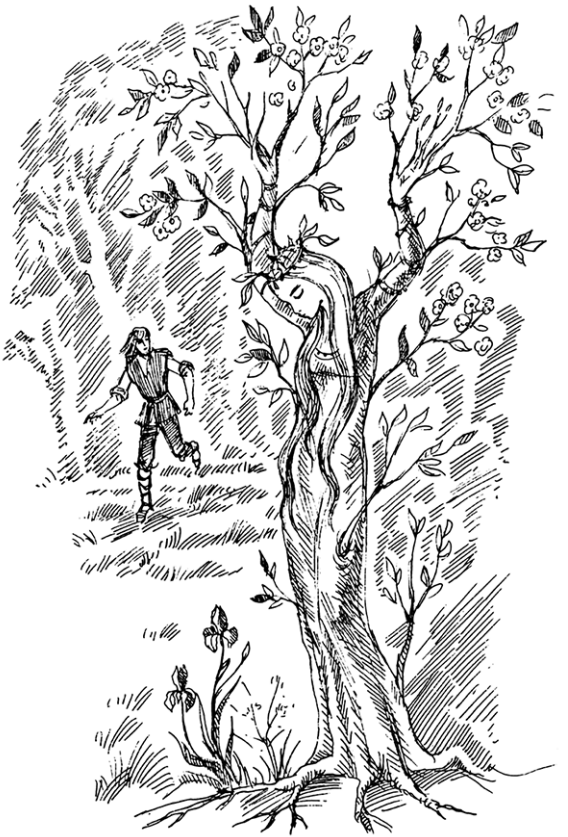
Птицы притихшей печальной стаей, не отставая, следовали за ним.

Солнце медленно, но неуклонно уходило за Олений лес. День угасал, тени скопились

в оврагах. И только светились еще верхушки самых высоких елей.

— Все кончено… — простонал Гвен. Он без сил упал на крутой пригорок, зарылся лицом в жесткий мох, почувствовал, как скрипит песок на зубах. — Я потерял ее! Все, все пропало, жизнь, счастье…

Верхушки елей погасли. Последние лучи солнца запутались в редких нитях дождя. И странное дело, дождь лился с чистого неба: ни единого облачка, ни тучи не было в его вечерней глубине.



Прохладные крупные капли падали на исхлестанные ветвями руки и плечи Гвена. И вот — усталость и боль исчезли.

Гвен вскочил на ноги.

Полоса дождя вдруг стала уходить дальше, за деревья. Влажно, глянцево заблестели мокрые листья берез. Дождь как будто манил его за собой. Гвен протянул руки, ловя на лету ускользающие капли, и сбежал с пригорка. Тихий перестук капель по листьям был как шаги дождя. Гвен понял: дождь ведет его куда-то. И неуверенная надежда заставила сильнее забиться сердце.

Он шел за плывущим смутным покрывалом дождя. И дневные птицы, которым давно было пора разлететься по гнездам, все, как одна, молчаливо летели за ним.

Деревья расступились, открывая дорогу лесному ручью. Ручей бежал по промытому, чистому песку. Изредка кидал звенящие струи вниз на разноцветные камни.

И вдруг Гвен увидел молодую дикую яблоню. Могучие ели, словно оберегая маленькое деревце, заботливо окружили его плотной стеной. Ветви яблони были осыпаны чуть прозрачными белорозовыми цветами.

Птицы, изумленно переговариваясь, кружили

над дикой яблонькой, боясь опуститься на ее хрупкие ветви.

— Дикая яблоня! Смотрите, смотрите!

— Все яблони давно отцвели!

— А эта будто только сейчас расцвела. Виданное ли дело!

Струи дождя окутали дикую яблоню. Капли, дрожа и сверкая, замирали в чашечках цветов.

Гвен вздрогнул. Что это? Может ли быть? В сумерках яблоня начала таять, исчезать, растворяться в вечернем воздухе.

Ветви теряли свои очертания. Бледным серебром тускнели и меркли цветы, пропадали из глаз.

По-прежнему стояли темные ели, уходя верхушками в глубокое небо. Погасшими свечами белели стволы берез. А дикая яблоня исчезла.

— Астрель! Астрель! Астрель! — громко крикнул Гвен, еще боясь поверить в свое счастье.

Невидимые ветви невесомо легли ему на плечи.

— Гвен! — послышался тихий, еле слышный голос.

Теплое живое дыхание коснулось его щеки. Нет! Это не ветки, это тонкие руки…

Луна поднялась над верхушками Оленьего леса

и озарила Астрель. Гвен увидел запрокинутое бледное лицо Астрель, огромные бездонные глаза, устремленные на него.

Лунный свет словно накрыл их серебряным колоколом. Блестящие лучи вплелись в прозрачные волосы Астрель.

— Гвен… — шепнула Астрель. — Я не могу шагнуть. Земля еще держит меня…

Гвен подхватил Астрель на руки. Струи дождя, лунный свет сбегали по их плечам.

— Как мне было одиноко! Я чувствовала, корни уходят все глубже. Мысли путались, я уже начинала забывать, кто я…

Астрель зябко вздрогнула и прильнула к плечу Гвена.

— Гвен, я узнала страшную тайну. Но если Каргор прознает, что ты спас меня, — все погибло!

Глава XXVI
Слуги-тени.
И главное:
снова волшебная веревка

Тетушка Черепаха медленно тащилась по лесу.

— Старая я дуреха, поверила какому-то плуту и проходимцу, — укоряла она себя. — Вместо того чтобы собирать добрые травы и коренья моему господину, несу ему невесть что. Огонек не огонек, светлячок не светлячок…

Тетушка Черепаха в сердцах бросила в траву голубую искру. Голубая искра исчезла под широкими листьями ландышей.

Послышался невнятный говор множества голосов, тонких, шелестящих, звенящих.

Тетушка Черепаха оглянулась. Голубая искра осветила снизу белый ландыш, и он казался фарфоровым. Травинки чутко наклонились к голубой искре, ловя ее лучи.

— Может, зря я бросила этот огонек? — сама себя спросила тетушка Черепаха. — Да нет! Еще чего! И на что он моему господину? Все кругом лгуны и обманщики, а то и похуже. Ничего в нем нет хорошего, в этом огоньке.

И все-таки тетушка Черепаха, скрипнув своим твердым платьем, наклонилась и подобрала голубую искру. Продолжая сердито ворчать, неспешно заковыляла к городу.

Голубая искра ласково грела ее корявую ладонь.

Но вот лес кончился. Показались первые дома с низкими подслеповатыми окнами, крутыми крышами с тусклой, почерневшей от дождей черепицей. Погоняя откормленную лошадку, мимо с важным видом проехал богатый трактирщик. На лице застыла жирная самодовольная улыбка.

Увидев тетушку Черепаху, он брезгливо отвернулся, сделал вид, что не заметил ее.

«Нет, видно, никогда я не поумнею. Что за толк от этого огонька? Ни тепла настоящего, ни света, — помрачнев от обиды, подумала тетушка Черепаха. — Давно пора надавать мне тумаков и вытолкать взашей. Вижу, вижу, в чести одни зазнайки да богатеи. Житья нет тому, кто честен и прост душой…»

Тетушка Черепаха с досадой бросила голубую искру на дорогу и, сердито ворча, зашлепала дальше.

Но неведомо какое чувство заставило ее оглянуться.

Голубая искра закатилась в щель между грубыми булыжниками и словно смотрела ей вслед. Что-то сиротливое, беспомощное было в ее робком свете.

«Что за наваждение? Да пропади она пропадом, эта голубая искра! Вот словно просит: возьми меня да возьми», — удивилась тетушка Черепаха.

Она нехотя вернулась назад, снова подняла голубую искру, зажала в кулаке.

— Ладно уж, так и быть, отнесу тебя к моему господину. А то, я вижу, не дашь ты мне покоя.

Тетушка Черепаха брела по городу. Вдруг она

заметила, как в тени колокольни что-то зашевелилось. Оттуда появились долговязые стражники с алебардами в руках. Они и сами походили на тени: все одинаковые, плоские, темные, вместо лиц злые маски.

Стражники отрывисто и негромко переговаривались. Голоса их звучали монотонно и бесцветно, словно это были только тени голосов.

— Человек?

— Черепаха!

— Схватить!

— На что нам черепаха?

И они снова бесшумно исчезли в тени колокольни. Чем ближе тетушка Черепаха подходила к башне Ренгиста Беспамятного, тем чаще попадались на пути эти полулюди-полутени. Подозрительно оглядывали ее, переговаривались за спиной:

— Человек?

— Черепаха!

Освещенная вечерним светом, башня Ренгиста Беспамятного казалась особенно дряхлой и древней. Черными морщинами зияли глубокие трещины. Двери покосились, а медные петли истерлись и позеленели.

«Эта башня такая же старая, как и мой госпо-

дин, — с горечью подумала тетушка Черепаха. — Нет сил видеть, как господин Ренгист умирает заживо. Лучше бы эта башня рухнула и погребла нас обоих под своими камнями. Ведь я и дня не проживу без моего господина…»

Тетушка Черепаха так глубоко ушла в эти мрачные мысли, что и не заметила, как ее окружили кольцом темные стражники. Они преградили ей путь, скрестив перед ней алебарды.

— Идет к башне! — подозрительно сказал один из стражников.

— Не человек, черепаха! — отрывисто возразил другой.

— Мерзкая черепаха!

— Пусть ползет, старая образина!

Тетушка Черепаха посмотрела на них исподлобья, и сердце ее переполнилось обидой и болью. Никто никогда так не оскорблял ее.

— Вот и врете! Я — человек! Да! Человек! — напрягая свой сиплый голос, крикнула тетушка Черепаха. — А вот вы-то кто? Пустота, тени! Пшик — и больше ничего. А голубая искра у меня, потому что я человек!

Тетушка Черепаха разжала кулак, с торжеством и злорадством показала стражникам голубую искру. Голубая искра словно сжалась у нее на ла-

дони, стараясь вобрать в себя слабые дрожащие лучи.

— Вот вам!.. — едва успела выговорить тетушка Черепаха, как темные стражники бросились на нее со всех сторон.

Алебарда с размаху врезалась в ее плечо. И каким крепким ни было платье-панцирь, тетушка Черепаха пошатнулась, охнула и выронила голубую искру.

Голубая искра прочертила сияющую дугу в воздухе и упала на булыжники мостовой.

Темные стражники бесшумно, все, как один, бросились к голубой искре…

Но какой-то человек опередил их. Это был волшебник Алеша. Его рука мелькнула между темных рук стражников. Он схватил голубую искру и одним прыжком отскочил в сторону.

Кот Васька с трудом удержался на его плече. Он выгнул спину, вздыбил шерсть и угрожающе зашипел.

Стражники-тени мгновенно построились полукругом и неумолимо двинулись на волшебника Алешу.

— Что я натворила… — хрипло проскрежетала тетушка Черепаха. Она еще ничего не понимала, но догадалась: случилась беда!

Волшебник Алеша прислонился к стене дома. Один-одинешенек, безоружный, он зажал в кулаке голубую искру и спрятал руку за спину.

— Человека убить! Искру отнять! Так повелел господин! — Темные стражники надвинулись

на волшебника Алешу. Он увидел их мертвые, пустые глаза. Это была безжалостная сила, направленная чужой волей.

«Хотя бы кинжал… Мог бы защищаться, сразиться с ними. Все погибло! Что же делать? — лихорадочно подумал волшебник Алеша. — А… волшебная веревка? Что, если?..» Повернувшись к стражникам, волшебник Алеша громко крикнул:

Волшебная веревка!
Мне службу сослужи:
Надежно, крепко, ловко
Скрути их и свяжи!

В тот же миг волшебник Алеша почувствовал, что моток веревки словно ожил и шевельнулся у него в кармане.

Сначала показался кончик веревки. Мгновение, и вот уже вся веревка выскользнула из кармана. Она хлестнула по толпе стражников, обвилась вокруг них, стягиваясь все туже и туже. Концы ее сами собой перекрутились и завязались крепким узлом.

Притиснутые друг к другу, задыхаясь от тесноты, стражники не могли даже пошевелиться.

— Узел заколдован! — крикнул волшебник

Алеша. — Кто его развяжет — умрет!

— Мяукнуть не успеет! — с торжеством добавил кот Васька, прижимаясь к шее волшебника Алеши.

Волшебник Алеша, бережно сжимая в руке голубую искру и даже не чувствуя жгучей боли, бегом бросился к башне Ренгиста Беспамятного.

Глава XXVII
Король отправляется на охоту. И главное: необыкновенное происшествие на опушке Оленьего леса

Каким безоблачным и светлым было это утро!

Лучи солнца на опушке Оленьего леса зажигали в каждой капле росы многоцветный огонек. Ветер перебирал травинки осторожно, чтобы не стряхнуть ненароком каплю-фонарик.

Ни одна птица не молчала в лесу. И казалось,

их голоса звучат не вразнобой, а согласно. Будто в лесу кто-то невидимый управляет птичьим хором и они все вместе, в лад поют одну песню, веселую и ликующую. Но вот голоса птиц рассыпались.

Послышалось цоканье подков, отрывистый лай собак, окрики псарей, смех, голоса.

По дороге к Оленьему лесу скакали всадники, пестрые, как павлины. А за ними — шумная толпа слуг, пажей, охотников. Впереди ехал король, разрумянившийся от утреннего холодка. Перья на шляпе порой щекотали ему шею, и он невольно улыбался.

— Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то! — то и дело восклицал он. — Какая будет охота! На зависть всем моим соседям. У кого еще в лесу сыщется столько оленей? А? Молодых красавцев. Сильных и быстроногих. Сколько я ждал этой чудесной охоты!

Из рядов свиты вынырнул юркий Врядли со своей вкрадчивой улыбкой и скользким взглядом.

— Вряд ли, вряд ли кто-нибудь может похвастаться такими оленями! — Его приторно-сладкий голосок тек липкими струйками. — Всегда во всем сомневаюсь и всем советую. Но сегодня… Прочь сомнения. Все будет прекрасно! О, это бу-

дет поистине королевская охота!

Вслед за королем ехали принцы Игни и Трагни, оба как в воду опущенные, угрюмые, насупленные.

— Отец приказал Каргору превратить ее в дерево. — Игни косо, исподлобья поглядел на брата. — Я ее не увижу больше, никогда не увижу.

— Девчонка что-то прознала, сунула нос куда не следует, — процедил Трагни сквозь стиснутые зубы. — Если бы я только мог разыскать это дерево. Я срубил бы его под корень!

— А я бы сначала оборвал листья. По одному, по одному, по одному… — с ненавистью прошептал Игни.

Некоторое время братья ехали молча, не глядя друг на друга.

— Зато она не досталась тебе! — ехидно усмехнулся Игни.

— И тебе тоже, — оскалил зубы Трагни.

Король, услышав их негромкий отрывистый разговор, оглянулся.

«Обойдется, — подумал он. — Девчонки нет, скоро они забудут ее бледное лицо и волосы цвета болотной осоки. Они снова станут дружны и неразлучны, мои славные мальчики. А все,

что они награбили, — моей казне прибыток. Так что немного смекалки, хитрости и тайны… Главное — тайны! И на всем можно нагреть руки».

Король пришпорил коня и первым въехал на поляну, топча ромашки и колокольчики.

Послышалось больное прерывистое карканье, и на поляну неуклюже опустился черный, как головешка, ворон.

— Каргор… — недовольно нахмурился король. — Никто не звал тебя сегодня.

В тот же миг к королю шагнул высокий чело-

век с почерневшим, словно обугленным лицом.

Все невольно отшатнулись от Каргора. Его трудно было узнать. Королевский конь, кося глазом и храпя, прянул в сторону.

Длинные волосы и густые брови Каргора были опалены. Копоть въелась в кожу, обгоревший плащ повис неровными жалкими лохмотьями.

— Все… Больше нет моей Черной башни. — Голос Каргора звучал прерывисто, еле слышно. — Огненные змеи… Сгорело все: колдовские книги, шкатулки с голосами.

— А мне-то что? — с равнодушным недоумением посмотрел на него король. И тут же отвернулся. — Какой прекрасный выдался денек! Эй, глоток вина мне!

Услужливый слуга тут же подставил золотой кубок под алую густую струю. Король с улыбкой торжества поднял кубок с вином, и лучи солнца вспыхнули, втянутые в игру драгоценных камней.

— Я пью за счастливейший день моей жиз… — начал король и смолк, словно задохнувшись.

Рука его дрогнула. Вино, алое как кровь, выплеснулось и потекло по рукаву. Кубок упал в траву.

Полный ужаса, остекленевший взгляд короля

был прикован к двум молодым березам на краю опушки. Березы склонили друг к другу верхушки и, перемешав ветви, образовали бело-зеленую арку.

Под березами, взявшись за руки, стояли Астрель и Гвен Хранитель Леса. Гибкие ветви ласково падали им на плечи. Молодые листья берез блестели. Лучи солнца сплели в просветах золотые венки и гирлянды.

— Призрак! Тень! Тебя нет! Сгинь, рассыпься… — Посиневшие губы короля не слушались его.

— Вряд ли, вряд ли призраки, ваше величество! Просто бунтари и разбойники, — прошептал Врядли. Он весь вытянулся и словно прилип к сапогу короля. — Прикажите схватить их!

— Девчонка! — Игни покачнулся и выронил поводья.

— Страшно! — прошептал Трагни. — Смотри, брат, что это? Что это?

Вдруг зашевелились, словно ожили, все деревья на опушке леса. Раздвигая ветви, на поляну разом вышло множество людей. Они были молоды, все, как один. Но лица их были не по годам суровы. Одежда на сильных плечах была изорвана в клочья, обувь поизносилась. Из толпы шагнули двое

рыжеволосых мужчин. С ними молодая женщина с испуганным ребенком на руках. Малыш так крепко обхватил шею матери, что ей трудно было дышать. Она разняла ручки ребенка, часто-часто целуя маленькую ладошку.

Плеснув ветвями орешника, одним крутым гибким движением на поляну выпрыгнул могучий прекрасный олень. Словно умоляя о чем-то, склонил голову с тяжелыми ветвистыми рогами к ногам Астрель.

— Бедный мой… — прошептала Астрель. — Как ты далеко ушел…

Она коснулась рукой его лба, лаская и успокаивая. Олень еще ниже наклонил голову, трепеща всем телом. Голос Астрель зазвенел:

Тьма, рассейся, вспыхни, день!

Человеком стань, олень!

И едва она проговорила последнее слово — олень исчез. Все увидели красивого юношу. На нем был потертый кожаный передник, какие носят кузнецы. На щеке — пятно сажи.

Он растерянно огляделся, и вдруг улыбка счастья, еще слабая, неуверенная, появилась на его губах.

А из леса выходили все новые и новые люди.

Они клали руки на плечи друг другу. А их взгляды, грозные, горящие гневом, были устремлены на короля.

— Нет!.. — тонким заячьим голосом взвизгнул король. — Я не хочу! Вы не посмеете…

Он повернулся к темной фигуре, похожей на немое, обгорелое дерево.

— Каргор! — Голос короля прервался от страха. — Возьми полцарства, что хочешь. Помоги мне, спаси! Их глаза…

Каргор сделал несколько неверных шагов и, чтоб не упасть, схватился за ствол тонкой березы. Молодая березка согнулась под его рукой.

— Я одолею их, государь, — с такой ненавистью сказал Каргор, что все вокруг померкло.

Шмель в своей меховой шубке застыл в воздухе, мерцая крылышками. И только горестно вскрикнула птичка Чересчур, сидевшая на плече у Гвена.

— Чего бы мне это ни стоило, я уничтожу вас! — Каргор повернул свое почерневшее лицо к Астрель и Гвену. Березка, согнувшись дугой, вся трепетала, будто хотела и не могла стряхнуть его руку. — Я превращу вас в жалкие пылинки, добычу ветра! Без имени и без прошлого…

— Ну, скорее же, Каргор! Скорее! — изнывал

от нетерпения король, стиснув кулаки. Но Каргор даже не поглядел на него.

— Силы мои на исходе, — глухо продолжал он. — Я знаю, отныне я превращусь в ворона. Навсегда. Мне больше не быть человеком. Что ж, пусть! Но я стану ужасом местных лесов. Бедой, вечным ужасом и гибелью, вот кем я стану! Ни одной птице никогда не петь в этом лесу!

— Птицы будут петь! — раздался глубокий, сильный голос.

Все разом оглянулись.

Посреди опушки стоял высокий старик. Его седые волосы отливали серебром. Серый бархатный плащ падал до земли. Глаза его смотрели твердо и ясно.

Вьюнок с розовыми цветами доверчиво потянулся к нему и вдруг обвился вокруг его руки, поднимаясь все выше, до плеча.

— Ренгист! Мой брат Ренгист… — Рука Каргора скользнула по шелковистому стволу березы. Он рухнул на колени. — Пощади!..

Ренгист осторожно распутал вьюнок, боясь помять его нежные, наполненные воздухом цветы.

— Он был мне как отец, — прошептала Астрель. Она подняла глаза на Гвена, делясь с ним своим изумлением, радостью.

За Ренгистом, ухватившись за его рукав, пряталась молоденькая девушка в зелено-коричневом клетчатом платье. Глазастая, большеротая, с веснушками на носу и на щеках.

— И не вздумайте, господин, пожалеть его. Это все он! Он превратил меня в черепаху. — Она опасливо дергала за руку своего хозяина. — Не верьте ему!

Чуть в сторонке стоял волшебник Алеша. Он прижимал к груди кота Ваську. Кот Васька сонно таращил глаза. Он так устал от всех приключений, что хотел только одного: спать, спать, спать.

Сердце волшебника Алеши учащенно билось. Никогда, никогда он не забудет, как вбежал в башню к Ренгисту Беспамятному, держа на ладони голубую искру. И глаза старого волшебника. Сначала равнодушные, почти лишенные жизни. А уже через мгновение… Да, волшебник Алеша успел вовремя.

— Ты хотел стать вороном, будь по твоей воле! — Ренгист повелительно поднял руку:

Радости светлой не стой на пути!
Вороном черным в чащу лети!

И в тот же миг с травы тяжело взлетел обо-

дранный ворон. Желтая кожа просвечивала на жилистой шее между редкими перьями. Хвоста не было и в помине, крылья были как рваные тряпки.

— Помни, Каргор! — Голос Ренгиста звучал величественно и властно. — Если ты нападешь хоть на одну малую пичужку, в тот же миг твои крылья вспыхнут и ты сгоришь. Живи, старый ворон! Злое сердце само казнит себя. Ты будешь видеть радость, и она заставит тебя корчиться от злости. Слышать смех — и задыхаться от зависти. Тобой, уродливым и ненавистным, будут пугать птенцов!

Ворон, с трудом взмахивая крыльями, пролетел над опушкой леса и скрылся. Затихло вдали его карканье, похожее на бессильные проклятия.

А из леса, взвихрив ветви, вылетали на опушку все новые и новые серебристо-серые олени. Они склонялись перед Астрель, и снова она радостно и громко говорила слова заклинания.

Со стороны города по дороге бежала толпа людей.

Матери обнимали своих сыновей. Дети смотрели пугливо и несмело, не сразу узнавали отцов. А старики, глядя на возвращенных им внуков, возмужавших, с повадками суровых воинов, проливали невольные слезы. Голубые и синие колокольчики старались поймать эти горько-соленые капли. Ведь если в колокольчик упадет слеза, он научится звенеть. Светлый, неумолкае-

мый перезвон летел над травой.

— Эй, одним волшебством сыт не будешь, — зевнул кот Васька, потягиваясь и распрямляя усталые лапы. — Молочка бы попить…

— А где же король и его наемники? — Гвен Хранитель Леса с удивлением оглянулся.

Далеко по дороге мутным шаром катилось облако пыли. Это, гонимые смертельным страхом, удирали король и его свита.

— Астрель! Дочь моя… — глубоким, полным любви голосом проговорил Ренгист.

Он подошел к девушке, она подняла голову и вдруг, пошатнувшись, упала ему на грудь.

— Ты угадала сердцем. Я твой родной отец. — Он взял в ладони лицо девушки. — Глаза… Чистые и прозрачные. Такие же… У тебя глаза твоей матери, Дождирены Повелительницы Дождя.

— Повелительницы Дождя? — тонким, совсем детским голосом повторила Астрель. — Мама…

— Нам, пожалуй, уже пора. — Волшебник Алеша подошел к Астрель и Ренгисту. — Путь неблизкий, пока мы дойдем…

Солнце уже опускалось за Олений лес, и его заалевший свет брызгами окропил траву поляны.

Астрель, обнимая отца за шею, повернула лицо к волшебнику Алеше. Ренгист тоже посмотрел

на него. Но волшебнику Алеше показалось, что они как будто с трудом понимают его слова. Они и смотрели на него как-то странно, словно издали, будто не узнавая его.

«Видят ли они меня?» — мелькнуло в голове волшебника Алеши.

— Вот, пожалуйста, возьмите. — Волшебник Алеша вынул из кармана серебряный медальон на скользкой тончайшей цепочке. — Чуть не забыл. И счастья вам всем!

Вдруг повеяло влажной свежестью. И легкая дымка дождя повисла в воздухе.

Лучи заходящего солнца высвечивали каждую каплю, и она искрилась и сверкала.

Ренгист дрожащими руками открыл серебряный медальон. И, смешавшись с шелестом и шепотом падающих капель, раздался еле различимый, полный тихой радости голос:

— Ренгист вернулся… Ренгист нашел нашу дочь… Дочь… Дочь…

Астрель вытянулась на носки, подняла руки ладонями вверх, ловя падающие капли. Дождь и слезы струились по ее лицу.

Последние пурпурно-лиловые лучи солнца соскользнули с верхушек деревьев. Больше не сверкали капли смолы на сосне. Словно кто-то

дунул на них, и они погасли, как крошечные свечи.

Навевая покой, отраду, утихал шепот дождя.

— Мама, не уходи! — с мольбой крикнула Астрель.

Ренгист обнял ее:

— Не плачь, моя девочка. Ко мне возвратилась память, былое могущество. — Лицо Ренгиста словно помолодело. — Я буду вспоминать ее, Дождирену Повелительницу Дождя. Вспоминать со всей силой моей любви. И ты увидишь, она вернется к нам, прекрасная, нежная, такая, как была. Иначе быть не может. Она вернется!

В глубине леса уже сгустился ночной сумрак. Небо налилось бездонной синевой, готовясь встретить первые звезды. И сумерки окутали все вокруг.

Волшебник Алеша в последний раз оглянулся на Ренгиста, на Гвена Хранителя Леса... А где же Астрель?

Ее уже не было видно. Только две звезды сияли в сумерках. Это были слезы счастья в глазах Астрель.

— Ну что ж, нам пора, пойдем, — шепнул волшебник Алеша коту Ваське.

— Давно пора, — ворчливо отозвался кот Вась-

ка. — А где ихнее спасибо? — Волшебник Алеша поплотнее укутал шарфом усталого кота и зашагал в сторону города.

— Вымокли, оголодали совсем. А уж страху-то натерпелись, — с обидой рассуждал кот Васька, поглубже зарывая нос в теплый шарф. — И никакой тебе благодарности. Как же так, пушистый Алеша?

Луна выбелила каменную дорогу, и шаги волшебника Алеши звучали гулко и одиноко.

«Так и должно быть, наверно, — подумал волшебник Алеша. Он сунул руку под шарф и принялся тихонько поглаживать кота Ваську, почесывать за ушком, пока не услышал довольное и сонное мурлыканье. — Они забудут нас. А может, уже забыли. Потому что мы другие, из другой жизни. Это закон сказки, тут уж ничего не поделаешь. Но разве в этом дело? Астрель позвала нас, и мы пришли. Она надеялась. И вот мы спасли Астрель, спасли надежду… Вот что главное».

Волшебник Алеша улыбнулся в темноте и уже бодро зашагал к еще далеким огням города.

Глава XXVIII
Освобожденный город. И главное: дверь, нарисованная цветными мелками

А город встречал их разноцветной россыпью огней. Ворота в городской стене были широко распахнуты.

Навстречу волшебнику Алеше шли люди

с разноцветными фонариками, подвешенными на длинных палках. Фонарики раскачивались и мигали, и от этого казалось, качается и пляшет все вокруг: и дома, и длинные тени, и вывески над дверями.

Во всех домах были настежь растворены окна, всюду горели свечи. Никто не спал. Оживленные, веселые восклицания перелетали через темную улицу:

— Они вернулись!

— Все!

— Все до одного!

— И пекарь с подмастерьями!

— И кузнец!

— И гончар со своим сыном!

— И братья-рыбаки!

— А вы видели жену Ниссе? Малыш-то как подрос.

Колеблющиеся на ветру огни фонарей озаряли радостные, растроганные лица.

Волшебник Алеша устал, да и проголодался.

«Уж дома отосплюсь вволю. И котлеты есть в холодильнике…» — вспомнил он.

Волшебник Алеша перешел через мост Зевнивовесьрот. Сборщик податей, растерянный, с разинутым ртом, метался от одного прохоже-

го к другому. Жадно заглядывал в лица, хватал идущих за руки. Но нет, никто не зевал. Люди улыбались. И каждая веселая улыбка пугала его, и он с воплем шарахался в сторону.

Свет фонарей падал с моста в воду, и река подхватывала и уносила разноцветные огни. Они плыли, качаясь и расплываясь кругами. Вся река далеко-далеко искрилась и сверкала.

— Ку-ка-ре-ку! — послышалось откуда-то издалека.

Надрывные крики все приближались, не умолкая.

На мост взбежал короткий, приземистый человечек с тяжелым нависшим лбом. Он держал в руках небольшую грубую шкатулку. Пробегая мимо волшебника Алеши, он по-петушиному вытянул шею и выкрикнул раскатисто и громко:

— Ку-ка-ре-ку!

Свет зеленого фонаря отразился в его глазах, пустых и безумных.

Волшебник Алеша заметил черные дыры на его одежде, обгорелые рукава куртки. Шкатулка, которую он держал в руках, с одного бока была обуглена.

— Ку-ка-ре-ку! — снова пронзительно выкрикнул человечек и, нелепо подпрыгивая, бросился

бегом через мост.

Волшебник Алеша остановился, поглядел ему вслед.

— Это Скипп! Вот уж о ком доброго слова не скажешь, — промолвила словоохотливая старушка с маленьким синим фонариком в руке. — Он служил, да будет тебе ведомо, у самого Каргора. А как загорелась Черная башня, говорят, бросился прямо в огонь. Уж что с ним сейчас делается, и в толк не возьму. Только не будет добрый человек кукарекать.

Старушка заторопилась дальше, и синий свет ее фонарика затерялся в пестром кружении огней.

«Видимо, он хотел вернуть себе голос, да второпях схватил что под руку подвернулось, — догадался волшебник Алеша. — Первую попавшуюся шкатулку, а там был только петушиный крик. Вот оно что».

— Ку-ка-ре-ку! — донеслось издали. И какие-то петухи, разбуженные не вовремя, начали перекликаться то близко, то далеко за рекой: «Ку-ка-ре-ку!»

— Чего это? Утро, что ли? — шевельнулся под шарфом кот Васька. — Если утро, то пора завтракать. Логично? Логично!

— Спи, спи… — погладил его волшебник Алеша. — Уже недолго. Поспи пока.

Небо чуть посветлело, и звезды, словно поеживаясь от утреннего холода, таяли одна за другой.

Волшебник Алеша прошел мимо королевского дворца. Его стены поднимались вверх черной зубчатой громадой. Ни звука, ни единого огонька. Чугунные витые ворота были распахнуты настежь. Нигде никого. Вдруг послышался скользящий быстрый шорох, и волшебник Алеша разглядел маленькую серую мышку. Она выбежала из-под арки ворот, спокойно присела на задние лапки и начала лапками чистить мордочку.

От того, как беспечно вела себя эта маленькая мышка, огромный королевский дворец показался волшебнику Алеше каким-то особенно заброшенным и безлюдным.

«Все убежали. Да, да, конечно, — подумал волшебник Алеша. — Король, придворные, стража — все. И они не посмеют вернуться. Теперь, когда люди узнали о злодейском волшебстве. И эти смелые юноши, которых превратили в оленей! Как гневно горели их глаза!..»

От королевского дворца тянуло запустением и холодом.

Волшебник Алеша ускорил шаг и прошел ми-

мо. Кот Васька крепко спал, весь мягкий, теплый, не разберешь — где голова, где лапы. Тоже ведь намаялся, бедняга.

Волшебник Алеша с радостью узнал улицу сапожников. С черепичных крыш стекало утреннее золото. Легкий ветер надувал занавески на низких окнах. Они, казалось, ждали, когда люди проснутся и примутся за работу.

Ну вот, наконец-то! Знакомая стена, сложенная из грубо отесанных камней. Только перейти дорогу — и волшебник Алеша у цели. Волшебник Алеша окликнул кота Ваську:

— Э-эй, просыпайся, любезный! Мы с тобой, можно сказать, уже дома!

Кот Васька вяло зевнул и высунулся из-под свитера, вытаращил зеленые глаза.

— Ага! Вот стена, та самая! — радостно мяукнул он. — Тут где-то еще кротовая норка была, ну да ладно. Давай, пушистый Алеша, ищи дверь! Ой, батюшки!.. — Кот Васька вдруг задохнулся. — А… где же дверь? Ну эта, нарисованная?

Волшебник Алеша не ответил. Он даже не почувствовал, как острые когти кота Васьки прошли сквозь свитер и впились в его плечо. Нарисованной двери не было.

— Домой хочу! — завизжал кот Васька. — К мышам эти шуточки! Мне дверь подавайте!

Волшебник Алеша смотрел на шероховатые серые камни. Неужели кто-то стер домик, нарисованный на асфальте, а Вася Вертушинкин забыл снова нарисовать его? Быть не может! Но если так, никогда, никогда им не уйти из этой сказки, не вернуться домой…

Холодок пробежал по спине волшебника Алеши. Задыхаясь, он провел ладонью по неровным камням стены. Кое-где между камнями известка искрошилась. Пробежал паучок, похожий на капельку молока на тонких ножках. Неужели все кончено?

— Пушистый Алеша, как же так? Не оста-

ваться же нам тут… — не то простонал, не то всхлипнул кот Васька.

— Тсс… Что это? — прошептал волшебник Алеша.

Он стянул кота Ваську с плеча и приложил ухо к стене. Услышал приглушенный камнем широко и вольно раскатившийся гул грома. И вслед за ним обвал ливня.

Там, за стеной, бушевала гроза. Теперь волшебник Алеша уже различал и бульканье воды, стекающей в водосток, и звонкие удары отвесных струй по лужам. И снова сыто ворчащие перекаты грома.

— Дождь… — тихо завыл кот Васька. — Всегда его терпеть не мог. И правильно делал. Это что же, котики-братики? Сплошное мяу! Смыл наш домик, нарисованный на асфальте, дождик проклятый! Все!

— Да помолчи ты! — прикрикнул на него волшебник Алеша и снова приник ухом к стене.

Гроза уходила. Из-за стены доносились только отдельные, вразнобой, удары капель по асфальту. Кап!.. Кап!.. Шлеп!.. Все реже и реже.

— Пропали мы! — заголосил кот Васька. — Я домой хочу. Не желаю здесь оставаться. Мне мой дом подавайте!.. Ой, что это?

На каменной стене вдруг появилась неровная, расплывчатая, нарисованная красным мелом полоса. Она растеклась и пропала.

Волшебник Алеша и кот Васька замерли, не отрывая взгляда от стены. Но вот полоска появилась снова. От нее побежали две полоски вниз. Вот уже показалась нарисованная ярким мелком дверная ручка.

— Дверь! Дверь! — не своим голосом завопил кот Васька. — Это он! Мой пушистый Вертушинкин! Он меня нарисовал, и вот вам, пожалуйста, дверь!

«Лишь бы он не забыл про волшебный ключ… — мелькнуло в голове волшебника Алеши. — Теперь главное, чтоб он нарисовал ключ!»

И в тот же миг рядом с дверной ручкой появился нарисованный ключ. Чудесный старинный ключ с тонкими кружевными узорами и завитушками.

— Вот это да! Я знал, что он не забудет! Не такой человек! — в восторге воскликнул кот Васька. — Тебе такой ключ сроду не нарисовать. Красота! Мой пушистый Вертушинкин — великий художник, можно сказать!

Волшебник Алеша, сдерживая дрожь в пальцах, взялся за нарисованную ручку двери. Она

показалась ему невесомой, еле ощутимой, словно таяла в руке.

Кот Васька примолк, прижавшись к его плечу, он, кажется, забыл и дышать.

Волшебник Алеша собрался с духом и рывком дернул дверь на себя. Дверь неожиданно легко распахнулась. Навстречу волшебнику Алеше, прямо ему в лицо, хлынул сияющий поток света. Волшебник Алеша невольно зажмурился, как будто он смотрел прямо на солнце.

Он покрепче прижал к себе кота Ваську и шагнул вперед. Свет ослепил его… Волшебник Алеша только услышал радостный крик детей. Вася Вертушинкин и Катя, мокрые, счастливые, давно поджидали его на асфальте.